В.К. АРСЕНЬЕВ

Избранное

В.К. АРСЕНЬЕВ

По Уссурийскому краю
Дерсу Узала

12 IX 1927г.

скан ewgeniy-new

В.К. АРСЕНЬЕВ

1872-1930

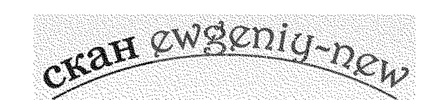
Избранные произведения

скан ewgeniy-new

В.К.АРСЕНЬЕВ

Избранные произведения

В двух томах

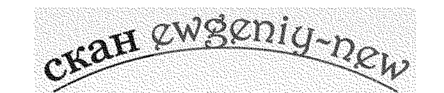


В.К.АРСЕНЬЕВ

том 1

По Уссурийскому краю
Дерсу Узала

Хабаровское
книжное
издательство
1997



ББК 84.3Р7
А85

Редактор-составитель
В.С. ШЕВЧЕНКО

Издание профинансировано
Хабаровской краевой
администрацией

Печатается (с исправлениями и дополнениями)
по изданиям: *Арсеньев В.К.* По Уссурийскому краю.
Хабаровск: Кн. изд., 1984.
Арсеньев В.К. Дерсу Узала. Сквозь тайгу.
М.: Правда, 1989.

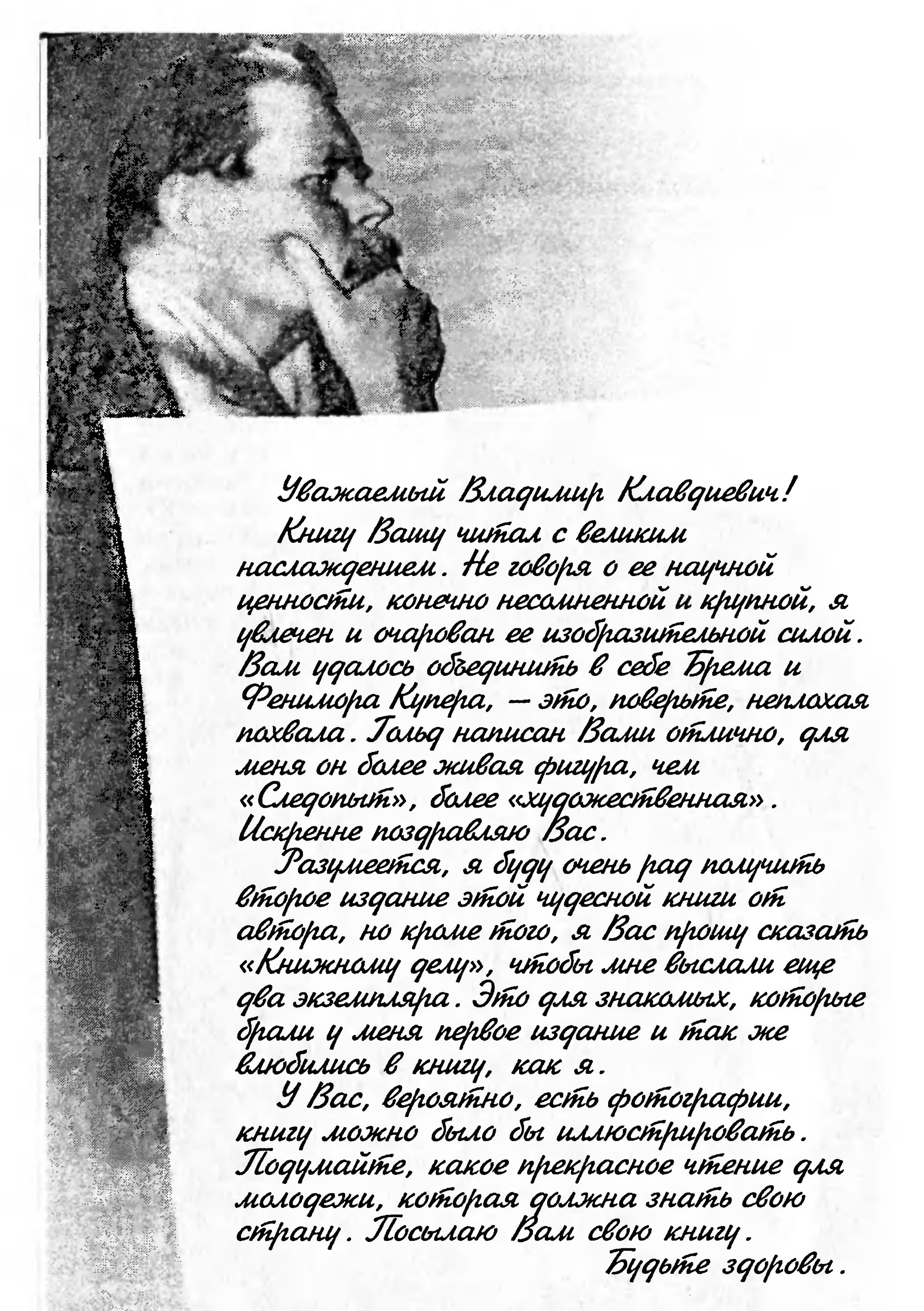
Издательство выражает благодарность
Хабаровскому государственному краевому
краеведческому музею им. Н.И. Гродекова,
Приморскому государственному
объединенному музею им. В.К. Арсеньева,
Дальневосточной государственной
научной библиотеке
за помощь в подготовке издания

Оформление А.Н. Посохова
Фотографии Ю.И. Дунского

А $\frac{4803010202-1}{М(160)03-97}$ Без объявл.

ISBN 5-7663-0374-2

© В.С. Шевченко. Составление, 1997
© И.С. Кузьмичев. Вступительная статья, 1997
© А.Н. Посохов. Оформление, макет, 1997
© Ю.И. Дунский. Фотоиллюстрации, 1997
© Г.Г. Левкин. Комментарии, списки старых и новых названий географических объектов, 1997
© Хабаровское кн. изд-во. Состав издания с исправлениями, комментариями, иллюстрациями, 1997



Уважаемый Владимир Клавдиевич!

Книгу Вашу читал с великим наслаждением. Не говоря о ее научной ценности, конечно несомненной и крупной, я увлечен и очарован ее изобразительной силой. Вам удалось объединить в себе Брема и Фенимора Купера, — это, поверьте, неплохая похвала. Гольд написан Вами отлично, для меня он более живая фигура, чем «Следопыт», более «художественная». Искренне поздравляю Вас.

Разумеется, я буду очень рад получить второе издание этой чудесной книги от автора, но кроме того, я Вас прошу сказать «Книжному делу», чтобы мне выслали еще два экземпляра. Это для знакомых, которые брали у меня первое издание и так же влюбились в книгу, как я.

У Вас, вероятно, есть фотографии, книгу можно было бы иллюстрировать. Подумайте, какое прекрасное чтение для молодежи, которая должна знать свою страну. Посылаю Вам свою книгу.

Будьте здоровы.

А. Пешков

Личность и книги Владимира Арсеньева

Всегда и везде находились светлые имена, которые в неспешном историческом споре побежда-ли забвение. Как бы ни менялись социальные декорации, какие бы тектонические сдвиги ни сотрясали общество, — а в России в XX веке было таких потрясений с избытком, — имена эти не гаснут, не тускнеют. И это тем удивительнее, что при жизни их обладатели вовсе не претендовали на исключительность: они лишь делали свое привычное дело, выполняли свой гражданский долг и бескорыстно служили людям. Случалось, они терпели несправедливость и лишения, их больно задевала клевета, они страдали, ибо ничто человеческое им не было чуждо, — но уверенность в своей нравственной правоте, чувство безошибочно выбранной жизненной цели прибавляли им стойкости. Они видели дальше других, понимали происходящее лучше, чем остальные, и оттого судьбы этих праведников бывали трагическими. Тем острее и ответственнее наша благодарная память о них.

***

Летом 1900 года во Владивосток из далекого Санкт-Петербурга прибыл в 1-й крепостной пехотный полк никому не известный двадцативосьмилетний поручик Владимир Арсеньев. Проделав долгий путь через всю Россию — сначала по Сибирской магистрали, потом от Сретенска на пароходе по Шилке и Амуру, а от Хабаровска — по Уссурийской железной дороге, — он ничуть не сетовал на превратности этого путешествия и открыто радовался, что его мечта попасть на берега Великого океана сбылась. Он настойчиво добивался назначения на Дальний Восток, рассчитывая найти там достойное поле деятельности, и теперь его жизнь резко разделилась надвое: позади остались детство, юность, юнкерское училище, служба в польском городке Ломже, а впереди ждали походы, занятия этнографией и собственные книги, кото-

рые прославят его имя. Энергичный поручик возлагал на "далекую окраину" немалые надежды, но вряд ли предвидел, что вся его дальнейшая судьба будет отныне связана с этим замечательным краем.

Как бы там ни было, а о том, что Владимир Клавдиевич Арсеньев родился в Петербурге — 29 августа (10 сентября по новому стилю) 1872 года, — иногда даже забывают, считая его коренным дальневосточником. Действительно, сполна раскрыть свои дарования он смог только в уссурийской тайге, однако отправиться туда он потому, пожалуй, и решился, что его незаурядный характер еще прежде выдержал строгую проверку на прочность. Петербургский, точнее, довосточный, период в биографии Арсеньева более чем значим, — это и семейное воспитание, и тернистые поиски себя, жажда самоутверждения, и робкие шаги дилетанта в науку, и раннее созревание личности, совсем не безболезненное.

Уже школьные годы сложились у Арсеньева путанно. Во Владимирском четырехклассном городском училище он успехами не блистал, окончить Пятую петербургскую гимназию ему не удалось, и экзамены за курс среднего учебного заведения он держал экстерном. "Образовательный ценз" всегда тревожил Арсеньева, а двери университета так и остались для него закрытыми, поскольку его отец, Клавдий Федорович, внебрачный сын тверской крепостной крестьянки, принадлежал к податному сословию. Клавдий Федорович сыграл, может быть, решающую роль в нравственном становлении своего сына. Деятельный, умный, лишенный из-за ущемленности в гражданских правах возможности нормально учиться, он обладал крепкой натурой, сильной волей и проделал карьеру от мелкого почтового служащего до заведующего движением Московской окружной железной дороги.

Владимир Арсеньев в детстве был импульсивен, подвижен, любил загородные прогулки, веселые игры, костюмированные вечера, природа наделила его, как и отца, неугомонным темпераментом, и требовательному Клавдию Федоровичу стоило усилий направить неуемную мальчишескую энергию сына в разумное русло. Незадавшаяся школьная учеба усугубляла ситуацию, и, когда настал срок отбывать воинскую повинность, Клавдий Федорович отдал Владимира в полк своекоштным вольноопределяющимся: отсюда тот имел право перевестись в пехотное юнкерское училище, а окончив его, выйти в запас.

В ноябре 1891 года Владимира Арсеньева "на правах

вольноопределяющегося первого разряда рядового звания" зачислили в квартировавший в черте города на Охте 145-й Новочеркасский полк, а в сентябре 1893 года командировали в Петербургское пехотное юнкерское училище. Так он стал военным. Почти по необходимости. Однако служба в полку и порядки в училище благотворно повлияли на Арсеньева. Попав в юнкерскую казарму, он стал подтянутым, аккуратным, исполнительным и прилежным. Армейская дисциплина научила его соблюдать субординацию, ощущение внешней несвободы удесятерило в нем стремление к свободе внутренней, личной. Вольнолюбивый его нрав как бы соглашался на временный компромисс. И позже в нем противоречиво уживались непокорность и старательность, педантизм и творческое воображение, упрямство офицера и интеллигентность натуралиста.

Образовательная программа в юнкерском училище не была ни обременительной, ни такой уж интересной, разве что географию преподавал здесь поручик М.Е. Грум-Гржимайло. Человек еще совсем молодой, он вместе со своим знаменитым братом незадолго перед тем совершил путешествия на Памир и Тянь-Шань, и его живые рассказы о Сибири и Центральной Азии не могли не воодушевлять юных воспитанников. М.Е. Грум-Гржимайло, прямой ученик Н.М. Пржевальского, оказался для В.К. Арсеньева поистине даром судьбы: он первым пробудил в нем внимание к географии, к естественным наукам, к профессиональным походам, демонстрируя собственным примером, как "грезы о путешествиях" следует реализовывать на практике.

В училище Арсеньев принялся усиленно читать. Это было самое раннее знакомство с серьезной литературой, — такое, когда не сразу удается охватить все горизонты, проникнуть в глубины ученой премудрости, но это было начало чтения, продолжавшегося потом всю жизнь, сосредоточенного чтения не удовольствия ради, а чтения-единоборства, чтения-творчества, являвшегося непременным условием духовной борьбы за самого себя. Круг этого чтения был разнообразен: и популярная тогда в России "Самодеятельность" С. Смайльса, и "История цивилизации в Англии" Г. Бокля, и "Картины природы" А. Гумбольдта, и "Фрегат "Паллада" И.А. Гончарова, и, разумеется, записки Н.М. Пржевальского о его путешествиях — книги, надолго попавшие у Арсеньева в число настольных.

Когда он заканчивал училище, своекоштных юнкеров вопреки обещаниям все-таки отдали в армию. В янва-

ре 1896 года Арсеньев был произведен в подпоручики и направлен в 14-й пехотный Олонецкий полк, в польский город Ломжу. Вместо вольной жизни, не регламентированной воинским уставом, его ждали минимум три года действительной службы, провинциальный заштатный гарнизон, а вместо экспедиций, о чем он все чаще подумывал, — опять казарма и строй. Такой поворот в другом человеке мог бы навсегда убить стремление к знаниям и всякие восторженные мечты. Арсеньев же проявил в этих обстоятельствах завидную выдержку и целеустремленность. Он тянул лямку службы, ничем вроде бы не выделялся, но мысли о Восточной Сибири бередили ему душу и сулили заманчивую перспективу на будущее.

Сибирь в ту пору страшила российского обывателя. Да она и всегда была на опасном счету: ее необжитые просторы, ее нравы, тронутые влиянием каторги, ее дикая природа издавна влекли к себе людей смелых, одержимых — тех, для кого были тесны и душны пределы закоснелой Европейской России. Читая "Путешествие в Уссурийском крае" Пржевальского, Арсеньев хорошо понимал, какое рискованное, но благодатное поприще для самоутверждения таит для него переезд на Дальний Восток. После назойливых прошений о переводе в Приморье он, как уже говорилось, добился своего.

...Приехав во Владивосток, шагнув в тайгу, окинув дали, открывавшиеся взгляду с «Орлиного гнезда», Арсеньев, по его словам, почувствовал себя на другой планете и захлебнулся нахлынувшими впечатлениями. Вычитанные, книжные представления о "далекой окраине" померкли перед ее подлинной красотой. Арсеньев словно заново рождался на свет: учился ходить — осторожно, неторопливо — по таежным тропам; учился смотреть — пристально, цепко вбирая в память каждую мелочь; учился по-новому думать, больше полагаясь на каждодневный опыт. Довольно быстро он нашел способ сочетать службу с самостоятельными изысканиями в тайге, и его желание стать путешественником-натуралистом исполнялось теперь тем скорее и успешнее, чем энергичнее он брался за дело.

В январе 1903 года Арсеньева назначили начальником Владивостокской крепостной конно-охотничьей команды. Подобные разведывательные отряды занимались охотой, обследовали край в военно-географическом отношении и собирали статистические данные стратегического характера. Отряды эти предпринимали в Уссурийском крае "экскурсии", не слишком отличавшиеся иной раз от экспедиций Географического общества, — все зави-

В.К. Арсеньев (справа) и В.И. Двиганцев, у которого экспедиционный отряд останавливался в деревне Анастасьевке. 1927 г.

село от инициативы и кругозора распоряжавшихся ими офицеров. Потихоньку Арсеньев входил во вкус, расширял границы таежных вылазок и все увереннее брал на себя роль “внимательного наблюдателя”.

В январе 1904 года разразилась русско-японская война. Арсеньев на правах батальонного командира возглавил военную разведку владивостокской крепости. Судя по тому, что в период кампании его наградили тремя орденами, воевал он храбро и умело. Не случайно после завершения войны, в декабре 1905 года, его вызвали в Хабаровск, в штаб Приамурского военного округа.

Этот переезд обозначил в биографии Арсеньева кардинальный рубеж: отсюда, из Хабаровска, он осуществил длительные экспедиции в Сихотэ-Алинь, и первую — уже в мае 1906 года. Военная по своему профилю, экспедиция налагала на ее руководителя череду официальных обязанностей и хлопот — от хозяйственных поручений до

специальной программы, предусмотренной штабом округа. Арсеньев следовал этой программе неукоснительно, однако, попав в дебри Сихотэ-Алиня, он испытал и ни с чем не сравнимое наслаждение, как говорится, читая природу с листа. Описания горных цепей и долин, перевалов и ущелий, пещер и утесов, мхов и трав, зверей и бабочек, коралловых отложений и морских водорослей, туманов и ветров, археологических находок и местных аборигенов — бесчисленные подробности таежного мира содержат его дневники 1906 года. Таково было обязательное условие экспедиционного статуса — регулярное и тщательное ведение дневников, того строго требовал приказ.

Когда перелистываешь в архиве толстые, с клеенчатыми корочками тетради, вглядываешься в четкий, разборчивый почерк и рассматриваешь рисунки и ландшафтные схемы, аккуратно выполненные в цвете, сознаешь себя очевидцем всепоглощающего процесса, однообразного, казалось бы, в своей будничности, и убеждаешься, что автор таких дневников наверняка обладал недюжинной волей и работоспособностью.

Жизнь в тайге потребовала от Владимира Клавдиевича душевных затрат, сверх предписанных регламентом штабного офицера. Дневники его обрели форму духовного самовыражения, спонтанного, не скорректированного дистанцией времени. Их можно толковать как хронику мыслей, переживаний, зафиксированных изо дня в день: при всей пестроте бытовых заметок, натурных и портретных зарисовок, она складывается в единый сюжет взаимоотношений носителя городской цивилизации с первозданной уссурийской тайгой и ее обитателями. Не все свои мысли и переживания Арсеньев доверял дневнику, часть его записей исчезла, но и те дневники, что сохранились, воспринимаются как исповедь, как прообраз написанных и ненаписанных книг, главным действующим лицом которых является сам автор.

И еще одно обстоятельство обращает на себя внимание уже в ранних арсеньевских дневниках — обилие этнографического материала. А путевой дневник 1906 года содержит многозначительный факт — здесь рассказано о первой встрече Арсеньева с Дерсу Узала: 3 августа на экспедиционный бивак пришел этот охотник-гольд, провел вместе со всеми ночь и наутро согласился послужить в отряде проводником. Вряд ли Арсеньев мог предположить в тот момент, насколько своим окажется для него этот тихий пожилой "инородец" и что судьба навсегда свяжет их имена.

Открытка, выпущенная к одной из юбилейных арсеньевских дат

Судя по дневникам, экспедицию 1906 года, продолжавшуюся 190 суток, миновали чрезвычайные происшествия и беды, Сихотэ-Алинь был преодолен в девяти местах. Серьезный экзамен Арсеньев выдержал с честью и в июне следующего года вновь отправился в тайгу. Экспедиция 1907 года легла в основу книги "Дерсу Узала" и воссоздана там во всех деталях и подробностях. А самой тяжелой и героической стала для Арсеньева экспедиция 1908-1910 годов, она как бы суммировала все его прежние достижения и безоговорочно утвердила молодого офицера в звании профессионального путешественника.

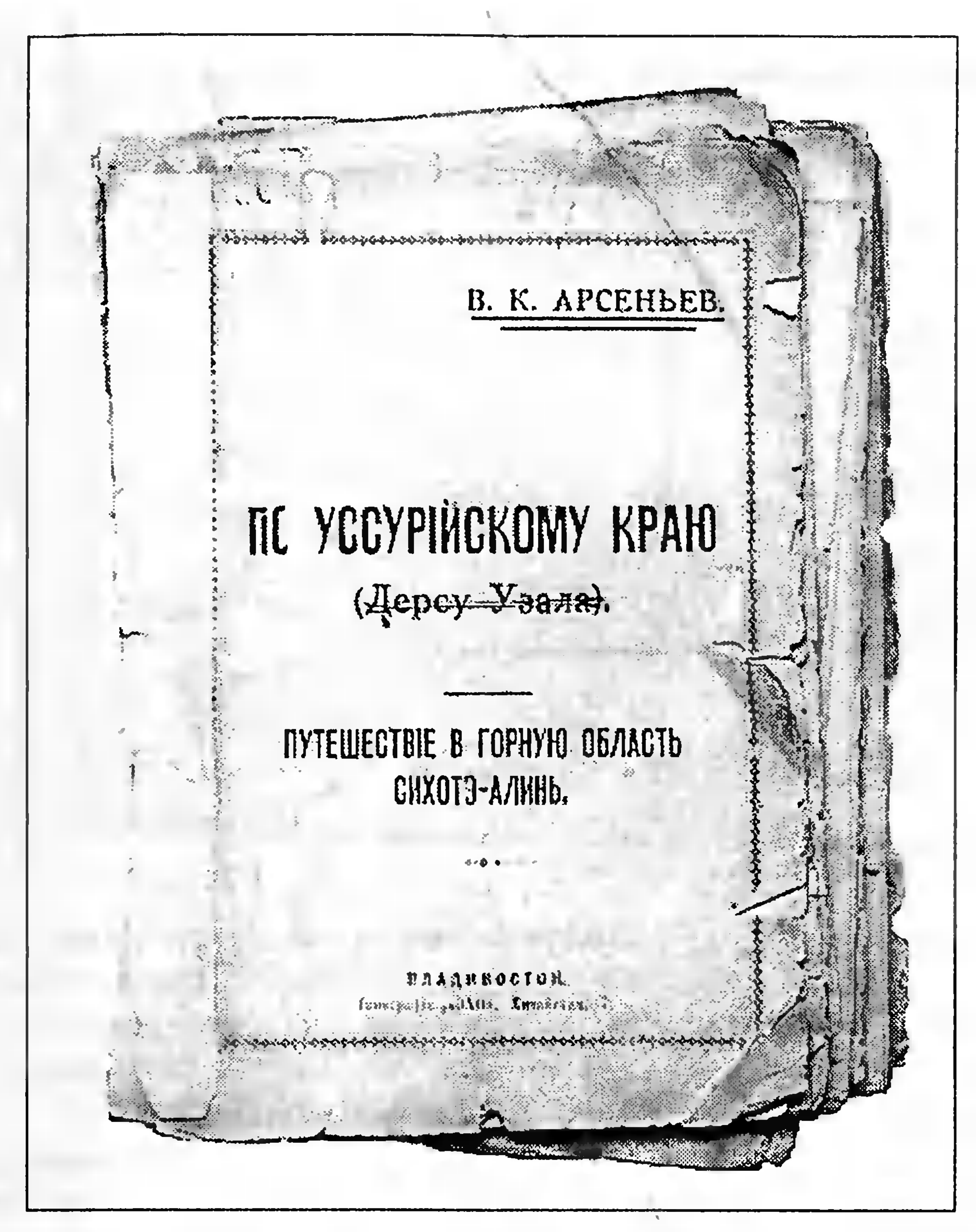
Экспедиция эта работала на севере Уссурийского края, в нехоженых, безлюдных районах с коварным климатом; непогода и дорожные неурядицы сопровождали ее на каждом шагу. Опаснейший маршрут, утомительные переходы, отсутствие троп, катастрофы с лодками, которые переворачивались на горных стремительных речках, проливные дожди, голодовки, грозившие смертью, — все довелось испытать Арсеньеву. Штатские его спутники покидали экспедицию, и на последнем ее этапе он продолжал путь лишь с двумя стрелками. Зима стояла снежная, с морозами под сорок градусов; семьдесят шесть дней они шли на лыжах и сами тащили нарты, не встретив ни единой живой души на своем пути; ветхая палатка расползалась по швам, обувь изорвалась, собаки погибли, продовольствие кончилось, но они все же достигли людского жилья...

После возвращения из этой экспедиции Арсеньев наведался в Петербург и выступил там с сообщениями, которыми заинтересовались видные ученые и путешественники: П.П. Семенов-Тян-Шанский, В.В. Радлов, С.Ф. Ольденбург, Ю.М. Шокальский, П.К. Козлов и другие. За богатые коллекции, пожертвованные на Общероссийскую этнографическую выставку, Арсеньев получил тогда большую серебряную медаль, а Географическое общество наградило его за экспедиционную деятельность малой серебряной медалью. Выставку посетил даже Николай II, и Арсеньев сам демонстрировал ему свои уникальные экспонаты. Вслед за этим высочайшим повелением, "в изъятие из закона", Арсеньева освободили от службы в войсках и штабах и, сохранив воинское звание и чинопроизводство, перевели в Главное управление землеустройства и земледелия. А еще раньше он был избран директором Хабаровского краеведческого музея.

***

В биографии Арсеньева открылась новая полоса. И не только потому, что изменилось его служебное положение, не только потому, что он сблизился с научными кругами. Не только потому, что он стал известен и на Дальнем Востоке, и в столице. Сдвиг был внутренний, психологический: если раньше Арсеньев жаждал путешествий, при любой возможности устремлялся в тайгу, находя там, по его признанию, освобождение от "условностей, которые, как тенета, мешают движениям", то теперь он угодил в другой плен. Собранный в походах фактический материал, путевые дневники, обретенный опыт — и душевный, и житейский, и научный, — все это потребовало осмысления, воплощения в слове. И нужно заметить, что так же, как прежде добивался он права путешествовать, с тем же рвением и настойчивостью отдался теперь работе за письменным столом.

После экспедиции 1908-1910 годов Владимир Клавдиевич задумал труд под названием "По Уссурийскому краю". В июне 1910 года он извещал Л.Я. Штернберга: "Я думаю, что в два года я закончу свои две книжки "По Уссурийскому краю". Первую часть я думаю исключительно написать в научно-литературном духе. Туда войдут географические описания, статистика, описание самих путешествий, маршруты и все, что касается наших инородцев (орочей главным образом). Вторая часть чисто научная. Туда войдут и зоология, и ботаника, астрономия, метеорология и геология. Этот материал я могу уже


В. К. АРСЕНЬЕВ.

ПО УССУРІЙСКОМУ КРАЮ

~~(Дерсу Узала).~~

ПУТЕШЕСТВІЕ В ГОРНУЮ ОБЛАСТЬ СИХОТЭ-АЛИНЬ.

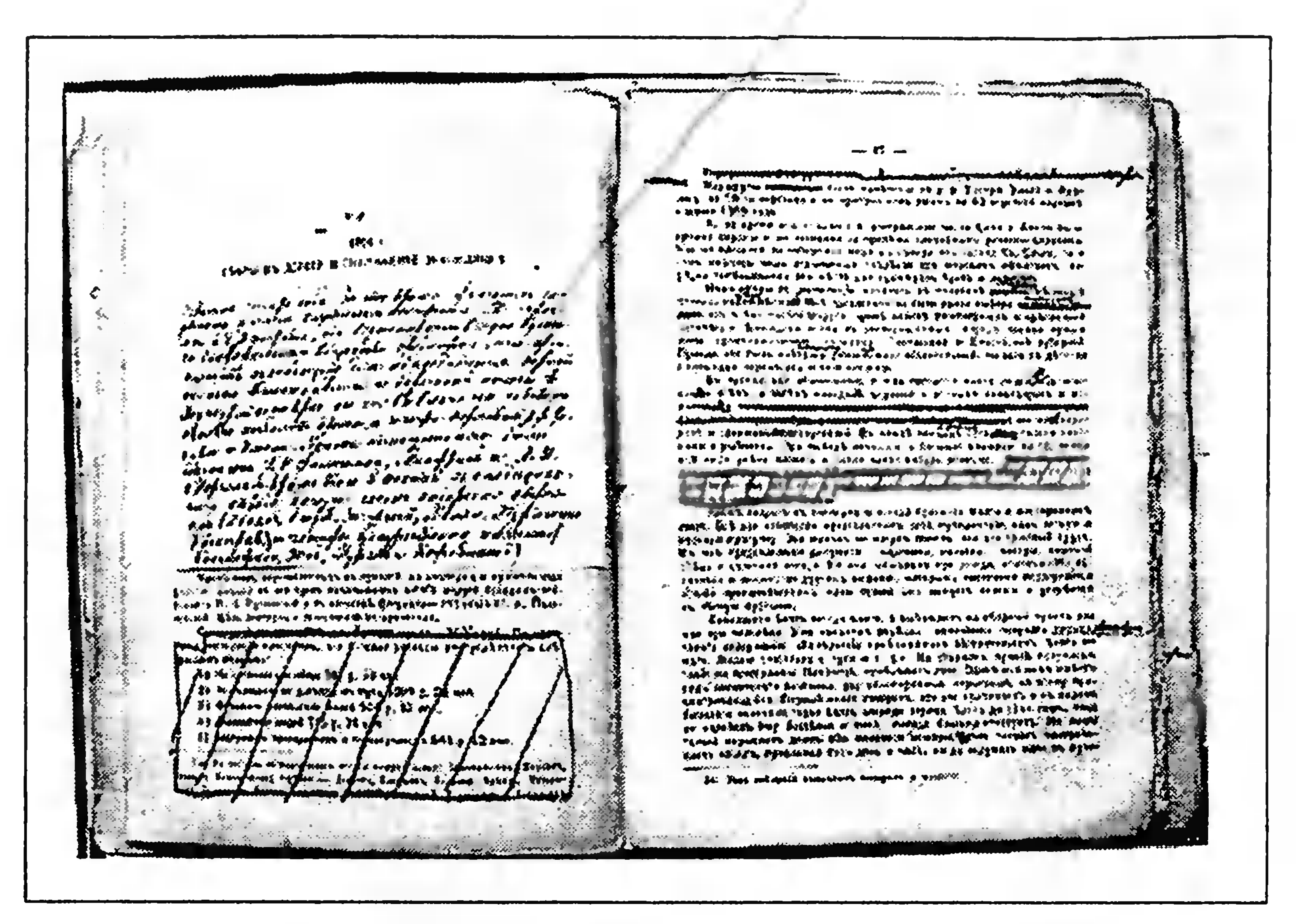
ВЛАДИВОСТОКЪ.

Потрепанный, но такой бесценный экземпляр с авторской правкой...

обработать только при помощи ученых специалистов”.

Пока замысел формулировался в общем виде: в основу книги должно было лечь “описание самих путешествий” (что и осуществилось), но сюжетные контуры не были четко очерчены, композиционные принципы — ясны, и не удивительно, что запланированная первая часть “переросла” впоследствии в несколько отдельных книг.

Обособив “чисто научный” материал и желая написать первую часть в духе “научно-литературном”, Арсеньев, видимо, предполагал увязать путевые впечатления с исследовательскими данными. Он не рассматривал будущее произведение как беллетристику: писать в духе и “научном”, и “литературном”, вероятно, значило рассказывать о достигнутых результатах, о тех или иных фактах и вместе с тем прослеживать по дневникам сами маршруты. Решил ли он сразу придерживаться конкретной хронологии или хотел как-то объединить свои путешествия? Вопрос о временно́й последовательности



И после выхода в свет своих книг В.К. Арсеньев продолжал улучшать их текст

повествования не был для Арсеньева ясен, и то, что в книге, помимо маршрутов, должны были найти место географические описания и “все, что касается наших инородцев”, тоже требовало жанровых поисков, чего Арсеньев сперва и не предвидел.

В чем же своеобразие “арсеньевской формы”, вызвавшей позже разноречивые споры?

Обратимся еще раз к дневникам. Арсеньеву, автору одновременно и служебных, и путевых, и научных дневников, никак было не скрыть в них эмоционального отношения к предмету своих наблюдении и исследований. В откровенно субъективном, порою страстном восприятии всего, что попадало в его поле зрения и чему он был свидетель, таится зародыш извечной способности заражать чувства другого человека, присущей любому таланту, какие бы книги им ни создавались.

Талант вызывает у собеседников или читателей ответный душевный отклик — и в этом суть проблемы.

Считается: эмоциональность — удел поэта, а достоинство ученого — точность и педантичность. Вряд ли это можно принять без оговорок. Арсеньев как раз счастливо сочетал в себе врожденный дар лирического созерцания природы с умением кропотливо ее изучать. Он и наблюдал явления природы, и приобщался к ее тайнам, и обостренно реагировал на поэзию таежного мира, недоступную безучастному глазу. При этом душевные порывы Арсеньева ничуть не компрометируют

Страницы арсеньевского дневника 1927 г.

его естественно-научных изысканий, и нет ничего странного в том, что уже в его дневниках возникает индивидуальная интонация, возобладавшая позднее в прозе путешественника.

М.М. Пришвин полагал, что “поэзия рождается в ритмическом движении природы”, и В.К. Арсеньев, будучи наделен поразительным “слухом”, сумел уловить и передать это движение сначала в своих дневниках, а потом и в своих книгах. Настоящая поэзия, по мнению Пришвина, иногда дается именно тем, “кто не сознает себя поэтом и хочет только правду сказать”. Таким и был “первобытный литератор” Арсеньев. Не случайно Пришвин назвал его талант реликтовым, действительно, талант этот, если угодно, стихиен, не огранен профессиональным мастерством. Арсеньев, интуитивно воспринимая красоту вековой уссурийской тайги, находит простейшие средства, дабы запечатлевать ее и тем самым как бы сохранить в неприкосновенности на книжных страницах; и само писательство — как процесс и как духовный акт — у него предельно обнажено, полуосознано и по-своему первозданно. Его творческое развитие, если угодно, начинается с нуля, он не ведает, куда оно его заведет, но испытывает неистребимое стремление узнавать, изучать природу и кому-то рассказывать об этом — неважно, в какой форме.

Главное — узнать и рассказать. Кому рассказать? И понятно, и не совсем: кому-то конкретно и людям вооб-

ще. Здесь исток всякого писательства — и науки, и литературы. Обладателей любого творческого дарования, как рассуждал академик А.А. Ухтомский, гнетет одна и та же почти болезненная потребность: "писать вот так же, как трава растет, птица летает, а солнце светит", писать ради "мысленного собеседования" с неизвестным иксом в надежде, что "там где-то вдали найдутся души, которые зарезонируют на твои вопросы, мысли и выводы".

Это типовая ситуация, и каждый писатель или ученый реагирует на нее в зависимости от характера и в меру таланта.

Вот и писательство Арсеньева на ранней стадии — его дневники и путевые письма — не есть еще ни профессиональная наука, ни литература в чистом виде. Это — и почва для того и другого, и материал, и своего рода тигель для оригинального сплава. Прежде, чем написать свои книги, Арсеньев, что называется, их прожил. Причем путешествия послужили и побудительной причиной самого творческого процесса...*

Работа над книгой "По Уссурийскому краю" постепенно набирала темп. Арсеньев освобождался от штатных отчетов перед военным округом и Географическим обществом, откладывал прочие замыслы. Так, уже в ту пору ему мечталось написать специальную книгу об орочах-удэхе, — этому замыслу не суждено было осуществиться, — но взволнованность, с какой Владимир Клавдиевич думал об орочах, проглянула в книге "По Уссурийскому краю" и помогла открытию в совсем неожиданной области — привела к появлению образа Дерсу Узала.

Летом 1914 года В.К. Арсеньев познакомил М.К. Азадовского с некоторыми главами "По Уссурийскому краю" и "Дерсу Узала". В июле 1915 года он извещал В.Л. Комарова: "Я только что закончил свой большой труд "По Уссурийскому краю" — физико-географическое описание пройденных маршрутов, но не могу пустить в печать, пока не проредактирую все то, что касается растительности". В декабре 1916 года В.К. Арсеньев в письме к С.М. Широкогорову рассказывал, что он последний раз прокорректировал рукопись и подбирает для книги фотографии. Наконец, в письме Д.Н. Анучину от 28 января 1917 года, он сообщал:

"Я закончил свою большую работу "По Уссурийскому краю" в двух томах (в общей сложности 848 страниц). Хочу печатать теперь же. Затруднения только возникают из-за бумаги".

---

* Подробнее об этом – в моих книгах "Писатель Арсеньев" (Л., 1977) и "Мечтатели и странники" (Л., 1992).

В.К. Арсеньев за работой по съемке местности. Рядом с ним один из его проводников

Таким образом, вторая половина 1916 года — завершающий этап работы. Обе книги были подготовлены к печати к концу этого года, но увидели свет они нескоро: “По Уссурийскому краю” издана на средства автора во Владивостоке в 1921 году, а “Дерсу Узала” там же — в 1923-м.

“По Уссурийскому краю” и “Дерсу Узала”, напомню, кровными узами связаны с арсеньевскими путевыми дневниками и документальны по использованному в них материалу. И столь же очевидно, что художественный их ореол в значительной степени обусловлен присутствием в этих книгах Дерсу Узала, — тем, как изображены

его отношения с автором, точнее, с рассказчиком. Появление Дерсу Узала в книгах Арсеньева не равнозначно обычному знакомству с рядовым участником экспедиции; его функция не сводится также к роли колоритного "этнографического экспоната". Дерсу Узала как человек занимает в духовном мире Арсеньева ни с кем не сопоставимое место, и его образ — результат напряженной духовно-творческой эволюции писателя.

Вроде бы задача была нехитрой: будучи этнографом-профессионалом, изучая таежный быт "лесных людей", их общественный уклад и миропонимание, В.К. Арсеньев и о Дерсу намеревался поведать с научной обстоятельностью и точностью. В письме В.Г. Богоразу от 14 сентября 1924 года он размышлял: "С этнографической точки зрения я с натуры списал анимистическое миросозерцание гольда-охотника. Это совершенно реальная личность. Его многие знали, видели, говорили с ним и т.д. В моей книге Вы, вероятно, заметили, что я описал первобытный коммунизм, особую таежную этику, деликатность туземца, которого еще не коснулась цивилизация большого города. Дерсу действительно погиб только потому, что я увел его из тайги в город. Я до сих пор не могу себе этого простить..." Да, с этнографической точки зрения Арсеньев не погрешил против правды, но даже и за этими скупыми словами кроется нечто большее, чем просто академический интерес, просвечивает сострадание, хотя со времени гибели Дерсу к тому моменту минуло уже двадцать лет. Сознание вины перед Дерсу никогда не покидало Арсеньева, и в этом — принципиальная причина, побудившая его взяться за перо.

Тот же авторский взгляд на Дерсу, что и в письме В.Г. Богоразу, декларируется и в тексте "По Уссурийскому краю". Арсеньев, едва встретив Дерсу, заявляет: "Я видел перед собой первобытного охотника, который всю свою жизнь прожил в тайге и чужд был тех пороков, которые вместе с собой несет городская цивилизация". Так сразу же формулируется центральная проблема книги — первобытный человек перед лицом современной цивилизации — и определяется расстановка сил: рассказчик, носитель городской культуры, и таежный охотник, человек природы, — найдут ли они общий язык? Явный и скрытый диалог между ними — в нем динамика арсеньевского сюжета, репортерски достоверного и глубоко психологического.

Образ Дерсу Узала вобрал в себя многолетние наблюдения Арсеньева над приморскими аборигенами и сконденсировал всю его любовь и безмерное уважение к

этим людям. Структура арсеньевского сюжета — цепь последовательно связанных между собой эпизодов — и подчинена тому, чтобы в действии, в драматических сценках, во временном развитии раскрыть взаимоотношения рассказчика и Дерсу Узала, выявив родовые черты типичного "лесного человека".

Литературный сюжет повествования делится на три этапа. Хотя реальное знакомство Арсеньева с Дерсу датируется, как помним, 1906 годом, книга, согласно авторской логике, открывается годом 1902-м. На первом этапе рассказчик, как говорится, взирает на Дерсу снизу вверх, отдавая себе отчет в неоспоримом превосходстве своего спутника. Он восхищается тем, какой Дерсу проницательный следопыт и умелый таежник, как он благороден, бескорыстен, заботлив. Прощаясь, рассказчик не скрывает своей грусти — он расстается с полюбившимся ему человеком.

Покидая Дерсу в главе шестой "По Уссурийскому краю", читатель снова сталкивается с ним лишь в главе семнадцатой — по истечении почти четырех лет "романного времени". За этот срок рассказчик успел возмужать, приобрести таежный опыт, а Дерсу никак не изменился, даже не постарел. В промежутке между первой и второй встречами рассказчик вспоминал о нем, печалился, мысленно советовался с ним. Когда же, следуя авторскому замыслу, они встречаются вновь, то без стеснения дают волю чувствам. Не следует, однако, забывать, что Дерсу здесь — уже литературный персонаж и вторая встреча с ним — плод писательского воображения, именно такой встречи в 1906 году не было.

Третьему этапу целиком посвящена книга "Дерсу Узала". Путевая хроника экспедиции 1907 года, богатая и увлекательная сама по себе, оборачивается благоприятным фоном, на котором во всей доступной автору полноте раскрываются отношения "капитана" и его проводника, достигающие здесь эмоционального пика. Арсеньев кропотливо, во всех мельчайших подробностях, рисует духовный портрет Дерсу, рассказывая и о его семейной драме, и о своеобычных религиозных верованиях, и о том одушевленном, очеловеченном природном мире, в котором тот жил.

Финал арсеньевского повествования трагичен: Дерсу убивают бандиты. Последнее, что испытывает рассказчик, — горькое чувство ответственности за гибель ни в чем не повинного Дерсу, "во всю свою жизнь никому не сделавшему зла", и гневное осуждение общественных условий, установленных людьми, "причисляющими себя к

лику европейцев". "Цивилизация родит преступников, — пишет Арсеньев в самом конце книги. — Созидай свое благополучие за счет другого — вот лозунг двадцатого века. Обман начинается с торговли, потом, в последовательном порядке, идут ростовщичество, рабство, кражи, грабежи, убийства и, наконец, война... со всеми их ужасами. Разве это цивилизация?"

Создание образа Дерсу Узала — сложный творческий процесс, далекий от элементарного копирования. Он затрагивает и внутренний мир героя, и, конечно же, — автора, что справедливо подчеркивал Пришвин. Он писал, что Дерсу Узала при всей своей индивидуальной подлинности явился "не сам по себе, а через Арсеньева, что к следопытству инстинктивного человека Дерсу присоединяется следопытство разумного этнографа, вернее и точнее — инстинкт дикаря сохраняется и продолжается в разуме ученого".

Пришвин считал, что, не теряя этнографического любопытства к Дерсу, Арсеньев видел в нем еще и родственную душу, богато одаренную "чувством жизни всей вообще по себе самому". Это чувство он старался истолковать возможно шире и отмечал, что "и все европейские ученые-биологи вначале исходят из этого свойственного им чувства общей жизни и не теряют его даже в то время, когда их работа принимает чисто практический, даже технический характер". С годами "общее чувство жизни", пожалуй, у большинства ученых забывается, остается "где-то в юности: это чеховские профессоры", но есть и такие, кто "до конца как бы соучаствует в сознательном жизнетворчестве". К ним-то и принадлежит Арсеньев, —"этот недюжинный исследователь как топограф имеет слишком узкие технические задачи, чтобы удовлетворить свою огромную потребность в жизнетворчестве", и поэтому "чувство жизни" реализуется в его дневниках, книгах, в том же образе Дерсу Узала.

Пришвин склонялся к таким мыслям, раздумывая над книгами Арсеньева. Когда же с ним позже познакомился, то посчитал "существующим фактом", что в Арсеньеве "было больше Дерсу, чем в диком гольде".

При кажущейся парадоксальности слов Пришвина он, тем не менее, уловил коренную связь между автором и литературным героем в арсеньевской прозе. Можно полемизировать, было ли в Арсеньеве "больше Дерсу, чем в диком гольде", или нет, очевидно другое: Арсеньев-художник углядел в Дерсу некий нравственный эталон и, правдиво рисуя его облик, сопереживал ему, внося в это сопереживание элемент авторской исповеди. Писа-

Знаменитый следопыт, проводник путешественника Дерсу Узала

тель, оберегая человеческую основу Дерсу, строил на этой основе характер, который, будучи как бы антиподом автора, становился в то же время его духовным двойником. Воспроизводя миросозерцание "лесных людей", Арсеньев не только защищал "особую таежную этику", он еще и отыскивал в их моральных представлениях нечто, присущее и остро необходимое ему самому.

***

Владимир Клавдиевич верил в свое призвание ученого-этнографа, жаждал успеха своих научных исследований и трудов и на первых порах, пожалуй, скептически оценивал свои писательские попытки. Он как-то сказал, что в молодости был совсем робок в литературном деле — не мог и подумать о таком поэтическом произведении, как "Дерсу Узала". Когда же эта книга завоевала широкое признание публики, Арсеньева, что называется, настигла писательская судьба.

Немалую роль сыграл здесь А.М. Горький. В письме из

Италии, заметив, что прочел присланную ему книгу "с великим наслаждением", он в январе 1928 года писал: "Не говоря о ее научной ценности, конечно, несомненной и крупной, я увлечен и очарован был ее изобразительной силой. Вам удалось объединить в себе Брема и Фенимора Купера, — это, поверьте, неплохая похвала. Гольд написан Вами отлично, для меня он более живая фигура, чем "Следопыт", более "художественная". Искренне поздравляю Вас". В этой емкой характеристике примечательно мнение о том, что самобытный талант Арсеньева органично сочетает в себе два начала: документальную правдивость письма и вызывающую эстетическое очарование изобразительную пластику. В том, что Дерсу виделся Горькому фигурой более живой и художественной, чем популярный куперовский герой, была заслуга интуитивного арсеньевского психологизма.

К сожалению, горьковская оценка отнюдь не сразу и не у всех вызвала понимание и поддержку. Дальневосточные рапповцы, к примеру, сочли ее "апологетической". И тем дороже это письмо из далекого Сорренто во Владивосток. Переписка с Горьким, охватывающая более двух последних лет жизни Арсеньева, не могла не повлиять на литературный резонанс его книг и, что еще более существенно, придала ему заряд стойкости и самообладания, ибо время с момента завершения книг о Дерсу Узала и до горьковского отзыва было для писателя самым драматическим периодом его биографии.

Несмотря на энергичную деятельность на Дальнем Востоке, на литературную и научную продуктивность, на то, что в нем проявляли заинтересованность сотни людей и он чуть ли не ежедневно получал десятки писем, Арсеньев в эти годы не мог побороть в себе душевной неустроенности и незащищенности.

Такое его настроение берет исток издалека. Еще до первой мировой войны, в пору затяжных стычек с "гондатьевской камарильей", с невежественными чиновными молодчиками при генерал-губернаторе, Владимир Клавдиевич чувствовал себя "белой вороной" в привычном общественном кругу. Это состояние резко усугубилось после Февральской революции, когда в должности комиссара по инородческим делам Приамурского края, представителя Временного правительства, он предпринял безрезультатные попытки государственно-полезных действий. И вовсе уж его социальный статут был скомпрометирован и отменен Октябрьским переворотом.

Российская революция воспринималась Арсеньевым по Пушкину: как бессмысленный бунтарский разгул бес-

пощадной стихии, ее моральные доктрины, кем бы они ни выдвигались, противоречили его правилам чести и профессиональному кодексу ученого-этнографа. Он всегда исповедовал созидание, справедливость и добро, а революция в его глазах сеяла лишь разруху и вражду. Провожая 1917 год, один из самых трагических в русской истории, Арсеньев записал в дневнике: "Первый день Нового года. Прошлый год принес много несчастий родине. Что-то даст нам наступивший новый год? Скорее бы кончилась эта солдатская эпоха со всеми ее жестокостями и насилиями". Но эпоха эта только стартовала, и положение Арсеньева, еще недавно высокопоставленного царского офицера, оказалось сомнительным в новых социальных условиях. Помимо политических и житейских неурядиц, его не могли не тревожить проблемы кардинальные. Досаждали факты, как бы отрицавшие сам смысл его многолетней миротворческой деятельности на Дальнем Востоке.

В том же дневнике, в январе 1918 года, рассказывая о своем походе в горную область Ян-де-Янге, Арсеньев недоуменно жаловался на крестьян селения Малмыж, на их непонятную ему озлобленность: "Никому из них я не причинил ни разу зла, — записывал Арсеньев, — не знаю их в лицо, не знаю их имен и фамилий. Вся моя вина в том, что я занимаюсь наукой (географией и этнографией) и по возможности помогаю инородцам". Владимир Клавдиевич объяснял эту оголтелость настроениями, порожденными в русском человеке революцией. "Во время революции, — сокрушался он, — русское крестьянское население всякого ученого путешественника считало врагом народа, достойным только изгнания и оскорблений".

Посетив в 1918 году Камчатку, Арсеньев гневался на разнузданную жадность, "лень, невежество и пьянство" тамошних обывателей. Наблюдая пришлую публику, имеющую "одну только цель — сорвать, пограбить и уехать восвояси", переселенцев, привыкших, что "казна должна их кормить и одевать", и потому совершенно перестающих работать "на том, мол, основании, что не стоит канителиться", — он намеревался объявить "недопуск на Камчатку хищников" неотложной стабилизирующей мерой. Особенно его удручало жалкое запустение в Петропавловске: дом Завойко, возглавлявшего героическую оборону в период Крымской кампании, заброшен, часовня братской могилы тех лет обречена на разрушение, памятник Берингу покачнулся и грозит падением. Глядя на постройки времен Невельского, на старинную церковь,

казармы и цейхгауз, Арсеньев грустил: "Чем-то особенным, сентиментальным веет от этих построек. Невольно переносишься в далекое прошлое и думаешь: как жаль, что я не жил в то время, когда русская армия и флот были гордостью России..."

Время одолевало Арсеньева. Его угнетали интриги в Обществе изучения Амурского края. Выискались доброхоты, клеймившие его "с классовых позиций" за то, что он "недобитый полковник", "буржуйная белая кость", что у него нет "высшего образовательного ценза", он, дескать, "этнограф-любитель — и только". Арсеньев, еще в 1921 году избранный профессором по кафедре краеведения и этнографии Владивостокского пединститута, сопротивлялся клевете и публичным унижениям, его активное участие в крупных народнохозяйственных проектах новой власти было у всех на виду, — и тем не менее, мрачная атмосфера доносов, сыска, гонений на старую интеллигенцию сгущалась, и чувство неприкаянности, подогреваемое с возрастом, подавляло Арсеньева все больше и больше.

В 1927 году Владимир Клавдиевич записывал в путевом дневнике: "Долго вечером сидели у огня и разговаривали. Первый раз для меня стало ясно одиночество в том смысле, что все мои сверстники — туземцы, с которыми я раньше совершал путешествия, — уже сошли со сцены жизни. Все они уже по ту сторону смерти, молодежь испорчена, развращена. Она обо мне слышала, но это не те уже люди. Между мною и ими есть какая-то преграда, взаимное непонимание. В этнографическом отношении они ничего дать мне не могут. Люди эти перестали быть для меня интересны, как я не интересен им. Мы чужие и посторонние друг другу... Всю ночь я почти не спал и думал о том, что тайга для меня стала чужой. Пора помирать!"

Это была естественная печаль. Но Арсеньев не избежал и куда более зловещих обстоятельств. С приходом Советской власти его как царского офицера поставили на спецучет, и он обязан был раз в месяц отмечаться в комендатуре ОГПУ во Владивостоке. Это бдительное учреждение следило за ним пристально и неусыпно, требуя от него показаний по самым вздорным поводам*.

Так, в октябре 1926 года Арсеньев объяснялся относительно встречи с московским студентом А. Петровским. "Помню один раз, — отвечал он на протокольные

* См. об этом: Хисамутдинов А. Свеча горела! Страницы жизни Арсеньева // Дальний Восток. 1995. №7.

вопросы, — мы говорили о том, что все русские удивительно безалаберный народ, по природе своей анархисты, анархисты в серьезных делах и анархисты в мелочах. Это люди, которые всегда тяготятся порядком, планом, не знают, что такое время, словом, не выносят никаких стеснений, и для того, чтобы втиснуть русского человека в рамки порядка, нужно насилие. Развал, который мы видим с 1917 года, не есть вина правительства. Это свойство русского народа, это явление постоянное при всяком флаге, при всяком правительстве, будь оно монархическое или коммунистическое". К этим нелицеприятным, досадным для него и отнюдь не бесспорным словам о своем народе (а он с юных лет служил России и народу верой и правдой!) Арсеньев прибавлял: еще они говорили, что в послеоктябрьскую пору во всех учреждениях и канцеляриях, у госслужащих и прочих граждан налицо "какая-то апатия, усталость, граничащая с абстракцией, потерей воли, энергии, — явление, вызванное продолжительной войной и революцией..." Даже в показаниях ОГПУ Арсеньев не скрывал своих взглядов и не кривил душой, склоняясь к неутешительному выводу: "Коль скоро разговору на тему антропогеографическую придается окраска исключительно политическая, я вижу, что даже и таких разговоров вести не следует, и поэтому заявляю в самой категорической форме, что впредь нигде и ни с кем совершенно не буду говорить на темы общефилософские во избежание подобных недоразумений. Я твердо решил совершенно уйти от всякого общения с местной интеллигенцией..."

Чувство покинутости, душевной изоляции не могло сломить волю Арсеньева, но оно мешало ему работать с должной отдачей и обострялось тем непониманием его книг, какое бытовало на "далекой окраине". Непонимание это и непризнание началось с пустых придирок и выросло в дурную концепцию. Пришвин, посетивший Приморье, свидетельствовал, что "прославленная у нас и в Европе книга "В дебрях Уссурийского края" на месте своего происхождения не пользуется равным почетом. Там Арсеньев — свой человек, и за свойством, как за деревом, не видно леса его достижений". Мнение это было навязчивым, и причина тут не в том лишь, что "личная профессиональная ревность", как подозревал Пришвин, иной раз и "широкому человеку закрывает глаза на мир творчества другого, гораздо более широкого, чем он, человека", — причина еще и в мстительной предвзятости, какой отличались в двадцатые годы те "знатоки" национального вопроса на Дальнем Востоке, те "этнографы

с пистолетами", которые приписывали Арсеньеву, человеку легендарному среди аборигенов, "идею великодержавного шовинизма".

Долгие годы Владимир Клавдиевич балансировал на грани духовного кризиса. Ему стоило усилий сосредоточиваться на главном — на своем творчестве, стоило терпения отрешаться от житейской суеты и злокозненных интриг. Он мечтал замкнуться, уйти в себя и в октябре 1923 года жаловался непременному секретарю Академии наук С.Ф. Ольденбургу: "Я вот уже с 1918 года ничего не пишу. И я боюсь, что если еще два года я не буду писать, то я совсем брошу обработку своих материалов. Мне сейчас 53 года, хотя я чувствую себя здоровым и бодрым, — энергию я еще не потерял. В такие годы не мешает подумать о том, что старческая дряхлость станет быстро и прогрессивно овладевать организмом. Работать мне осталось какие-нибудь 10 лет, а потом под какой угодно пресс положи — ничего уже не выжмешь. Вот я и надумал уйти от общественно-административной работы... Я не прочь взять маленькое дело, маленькую службу вроде подшивания бумаг в архиве, лишь бы у меня с трех часов дня было время для моих любимых занятий. Ведь это цель моей жизни..."

И все же, несмотря на такие колебания, деятельность Владимира Клавдиевича была богатой и разноплановой. Он подвизался в "Дальрыбе"; директорствовал в Хабаровском краеведческом музее; периодически читал научные и популяризаторские лекции в разных городах и аудиториях. А.М. Горький пригласил его участвовать в журнале "Наши достижения", заказал статьи для специального сборника о Дальнем Востоке, и В.К. Арсеньев с присущей ему аккуратностью организовывал требуемые материалы.

А в 1927 году он предпринял очередную экспедицию в Сихотэ-Алинь и затем подготовил книгу "Сквозь тайгу", выпущенную в свет в год его смерти. На этот раз вместе с сотрудником Хабаровского музея А.И. Кардаковым и надежными проводниками Арсеньев пешком и на лодках проделал путь в 1873 километра от Императорской гавани через Сихотэ-Алинь на реку Анюй и далее к Хабаровску, обследуя в "колонизационном отношении местности, тяготеющие к проектируемой железной дороге". Маршрут этой экспедиции пролегал по тем же районам, где Арсеньев путешествовал в 1908-1910 годах, и он невольно вспоминал тот драматический поход, сравнивал увиденное тогда и теперь, делал выводы и обобщения.

В отличие от книг, овеянных именем Дерсу Узала,

"Сквозь тайгу", — вместившая в себя наблюдения четырех летних месяцев 1927 года, — монологична, дистанция между автором и рассказчиком здесь отсутствует, перед нами записки природоведа и этнографа, озабоченного тем, чтобы точно, рельефно, во всеоружии приобретенного пластического мастерства воссоздать картину давно изучаемого им края. Внехудожественная ткань — описания флоры и фауны, фольклорные экскурсы, легенды, этнографические наброски — превалирует здесь над превратностями пути, и это дает возможность оценить по заслугам индивидуальную манеру Арсеньева-натуралиста.

При анализе художественных описаний природы обычно употребляют термин "пейзаж". Для Арсеньева такой термин узок. Запечатленные им "картины природы" не плоскостны, а объемны, подчас стереоскопичны, его видение целиком обусловлено позицией движущегося наблюдателя, его перемещениями в пространстве, тем, что он ощущает свою тесную причастность к космической сфере. Природа у Арсеньева предстает перед глазами исследователя, а значит, и читателя, как гигантский, безмерный, одушевленный непрерывным движением мир, где равновелики и звезды, и камни, и звери, и реки, и леса, — и каждое явление и существо имеет особенный нрав, свой долгий или короткий век, свой ранг и иерархии жизни и смерти.

Философская идея "времени и вечности" в арсеньевских описаниях природы не умозрительна, а подсказана всякий раз либо быстротечностью грозы, либо впечатлением от страшного наводнения, либо видом, казалось бы, нерушимых скал, осыпающихся с годами под действием ветров и дождей. Так что природа под пером Арсеньева — это всегда и прежде всего процесс, идет ли речь о "геологических часах Лайеля" или об утренней заре на озере Гасси, неповторимой и единственной. Природа — это жизнь во всех ее бесчисленных противоречиях, и описания Арсеньева наглядно передают скрытый в ней вечный ее динамизм.

Как уже упоминалось, Владимир Клавдиевич к своему литературному дарованию сперва относился скептически. Он считал себя путешественником, этнографом и опасался, как бы писательство не бросило тень на его научный престиж. О том, можно ли числить книги Арсеньева в литературном ряду или же они всецело принадлежат науке, велось немало споров. Его книги относили к "охотничьей беллетристике" и отказывали им в познавательной ценности или, напротив, зачеркивали их

художественное начало. И то, и другое — крайности. Арсеньев не был беллетристом, готовым к любым жанрам и сюжетам, и, разумеется, он был настоящим ученым. Но в том-то и секрет, что, как подчеркивал М.К. Азадовский, лирические переживания у него не мешали точному наблюдению, а еще более это наблюдение изощряли. Дарование Арсеньева органически соединяло в себе способность к научному прогнозу, к объективной оценке явлений природы с их, так сказать, эмоциональной интерпретацией, с обнаружением их глубинного поэтического содержания. Арсеньев обладал подсознательным чутьем природной красоты, и эта красота, будучи "только правдой", возникала в его книгах как бы помимо его воли, сама собой.

***

Арсеньев как писатель вырос и сформировался наедине с природой, в общении с уссурийскими аборигенами, у которых он неспроста заслужил "славу доброго человека", — вырос вне литературной среды. По верному замечанию Вл. Лидина, Арсеньев "стал писателем так же органически, как органической была вся его жизнь", он был писателем "по всей своей природе", хотя даже внешне продолжал выглядеть "бывалым человеком". "Было в его сухощавой, подтянутой фигуре многое от строевого офицера, — писал Лидин, — но еще больше от охотника. Его энергическое лицо с глубокими складками на щеках, глаза в том особом прищуре, какой бывает у людей, привыкших много смотреть вдаль, — моряков, летчиков, охотников, — подобранная оснастка сдержанного, привыкшего больше молчать, чем говорить, человека — все это было того порядка, когда понимаешь, что не очень охотно пускает он в себя, и по старой привычке — приглядываться к людям — должен Арсеньев хорошо раскусить встречного, прежде чем так или иначе раскрыться. Такие люди всегда кажутся несколько суховатыми, но внешняя эта суховатость обычно свойственна тем, кому пришлось со множеством людей встретиться, множество разнообразных характеров узнать и, вероятно, не в одном из них разочароваться, прежде чем набрести на удивительного гольда, на вселенскую душу Дерсу Узала".

Тот факт, что Арсеньев, по словам Лидина, набрел на "вселенскую душу Дерсу Узала", свидетельствует о таком знании человека, какое присуще подлинному художнику слова. Арсеньев, путешественник и ученый, ввел в

Через 18 лет снова на том же перевале. Только спутники по экспедиции уже другие...

русскую литературу незнаемого ею, самобытного героя, и уже этого хватило бы, чтобы по праву носить титул писателя, — но литературные заслуги Арсеньева этим не исчерпываются.

Владимир Клавдиевич получал несметное количество читательских писем: от научных работников и полуграмотных крестьян, от зимовщиков-полярников и мальчишек, мечтавших убежать из дома и участвовать в его походах, от “лесных людей” и от энтузиастов-комсомольцев, отправлявшихся осваивать Дальний Восток. Такова уж была благодатная участь арсеньевских книг: они воспринимались как откровение людьми, от книжной культуры далекими, и как произведения подлинного искусства — придирчивыми его знатоками.

Старый петербургский интеллигент, лингвист и ис-

Участники экспедиции Совгавань - Хабаровск (1927 г.). Слева направо: сидят: Бутунтари и В.К. Арсеньев; стоят: Кялондига, Александр Намука, Федор Мулинка, Н.Е. Кабанов и Прокопий Хатунка

кусствовед П. Гнедич, еще в 1904 году работавший в комиссии по правописанию при Академии наук, писал Арсеньеву осенью 1924 года: "Мое впечатление от тех книг, что Вы прислали, — то же, что оставляют на Вас Ваши путешествия: освежающее. Они далеки от пошлости и той повседневной суеты, которой окружены мы, несчастные. Ваша любовь к пустыне светится в каждой странице, брызжет из описания каждой случайности пути. Вы не сердитесь и не негодуете, даже когда природа с Вами жестока. Этот "объективизм" в Вас очень ценен, второе, что прельщает меня: Вы пишете по-русски. Вам, может быть, покажется странным, что я пишу это. Но мы совершенно отвыкли от русского языка. Кто теперь пишет по-русски? О газетах я уже не говорю. Но наши "писатели", — разве они не разучились писать и думать (да, вероятно, и говорить) по-русски? Галлицизмы, германизмы, латинизмы и еще черт знает какие "измы" пестрят и откалывают трепак в нашей речи... Вот причина моего восхищения Вашими работами".

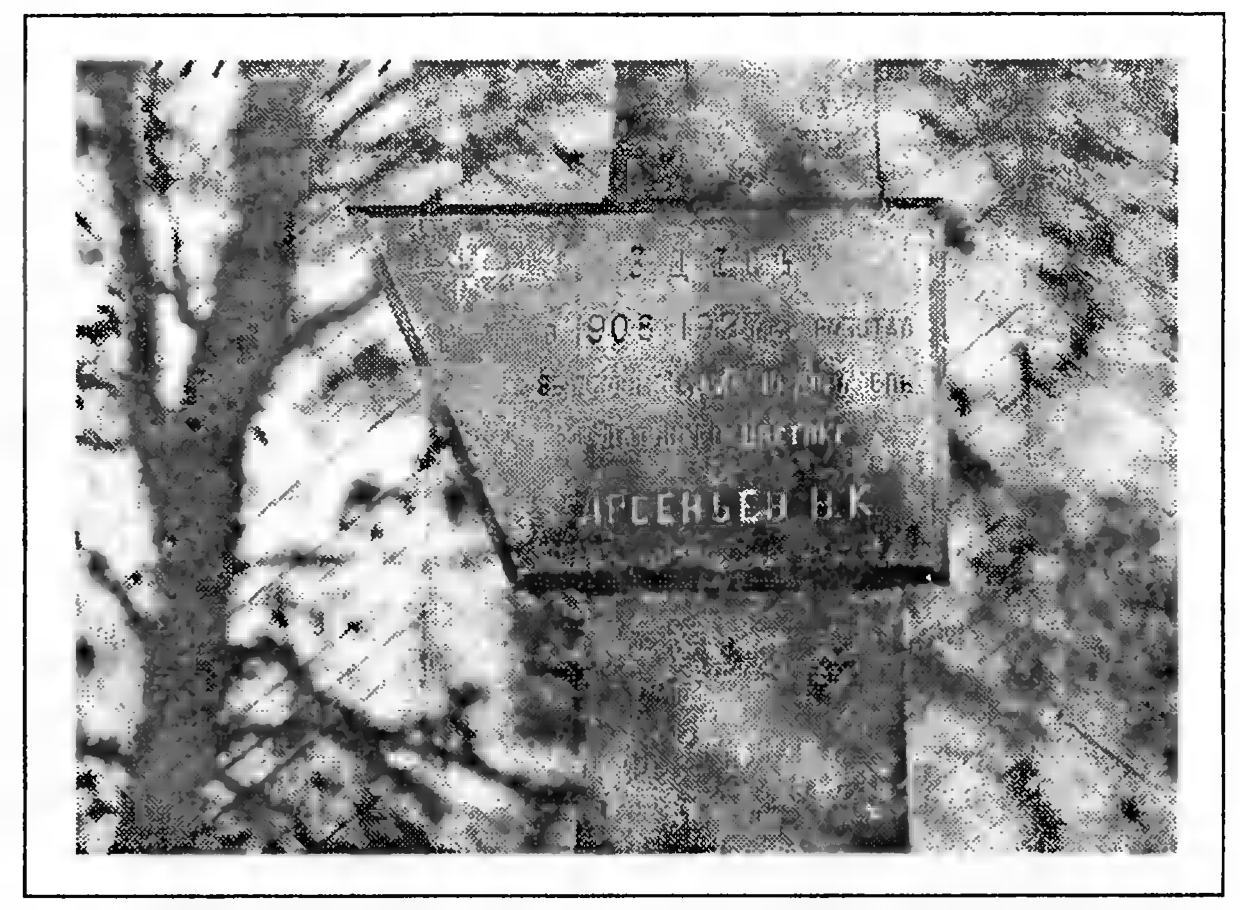
Кем бы ни были корреспонденты В.К. Арсеньева, ощущавшие в его книгах — по слову академика В.Л. Комарова — единство "и науки, и эстетики, и этики", они привели ему в своих письмах неопровержимые доказательства его незаурядного таланта: и человеческого, и литературного, и исследовательского. Обширная переписка стала для него средством крепкого самостояния, он испытывал не-

В.К. Арсеньев в удэгейском костюме среди коллекций Хабаровского краеведческого музея

утолимую потребность эти письма отправлять и получать, как бы восполняя тем самым недостаток духовного и дружеского общения. До последних дней жизни Владимир Клавдиевич строил в письмах планы, фантазировал, искал сочувствия своим идеям и замыслам, о ком-нибудь заботился, хлопотал и откликался на чужие просьбы, с готовностью идя на помощь к каждому, кто к нему обращался.

Слава доброго человека — обязанность и почетная, и нелегкая. И честное писательство требует безоговорочной самоотдачи, максимального напряжения сил. А сил у Арсеньева оставалось все меньше, он все чаще жаловался на здоровье, на снижение работоспособности. И все же в 1930 году возглавил четыре экспедиции по обследованию районов проектируемой железной дороги. В середине июля уехал в командировку в низовья Амура, а вернувшись 26 августа во Владивосток, слег в постель.

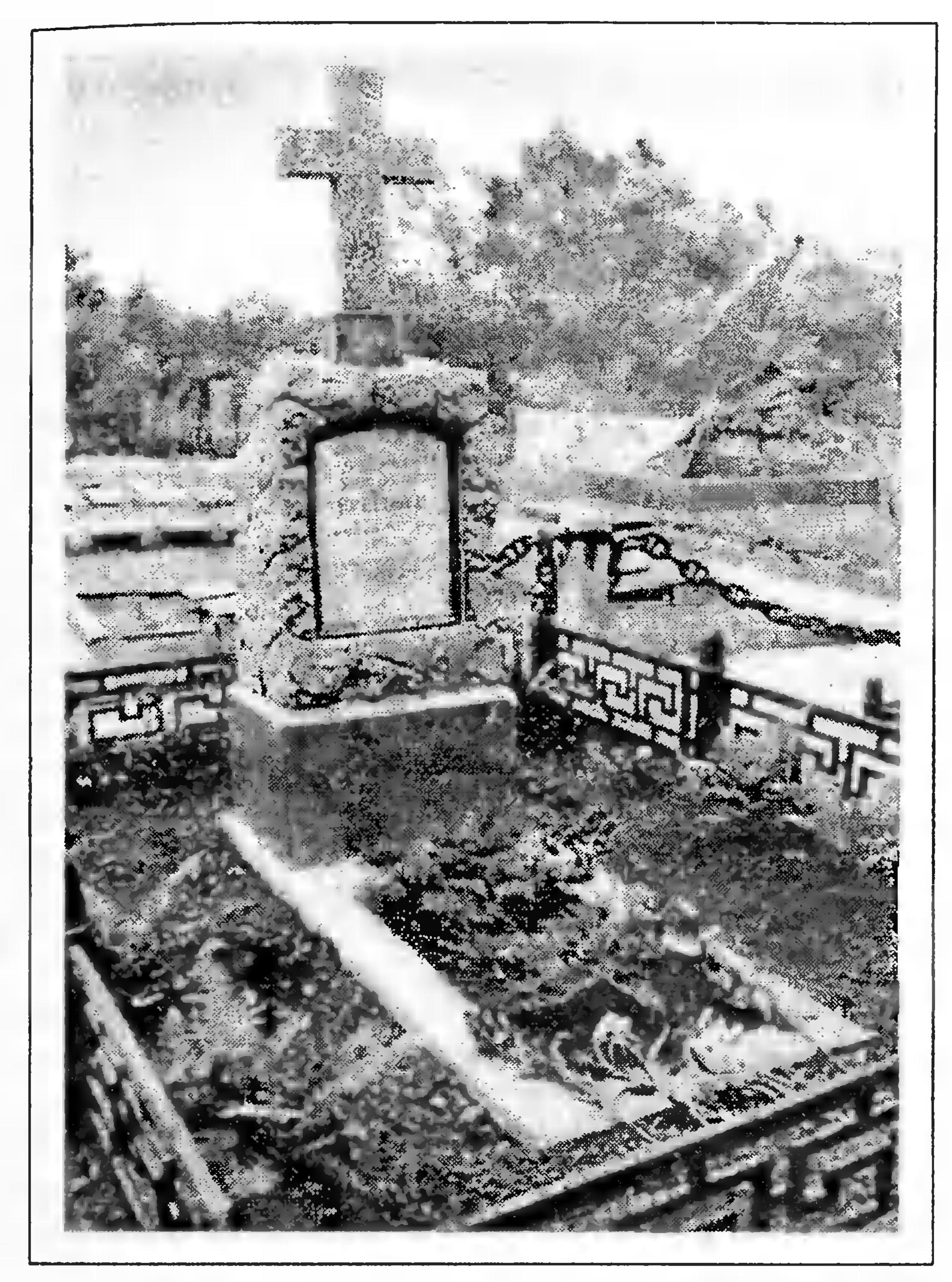
Эта мемориальная доска установлена в селе Арсеньеве Нанайского района



Болезнь развивалась стремительно, врачебный уход, судя по всему, был неудовлетворительным, и 4 сентября 1930 года Владимир Клавдиевич скончался. Погребли его не в тайге, как он завещал, а вначале на Эгершельде и десятилетия спустя перенесли его прах на Морское кладбище Владивостока.

Судьба истинного писателя и ученого не ограничивается отпущенными ему земными сроками: после смерти иначе, чем при жизни, воспринимаются его труды, и новые люди в новые времена проявляют непредсказуемый интерес к его личности и биографии.

Вклад В.К. Арсеньева в этнографию и краеведение, при всех несогласиях с ним, сегодня общепризнан. Об Арсеньеве-писателе с благодарностью отзывались А.М. Горький и А.П. Платонов, М.М. Пришвин и А.А. Фадеев. С.Я. Маршак помещал “Дерсу Узала” в соседство с произведениями Марка Твена и Жюля Верна, а В.Б. Шкловский называл эту книгу великой. Сам Арсеньев наверняка бы усомнился и в таком почетном соседстве, и в столь лестных оценках. Впрочем, резонанс его книг — и международный тоже — устойчив, о чем напомнил такой беспристрастный знаток, как японский кинорежиссер Акира Куросава, снявший в семидесятых годах художественный фильм о Дерсу. “Хотя Владимир Арсеньев не профессиональный писатель, а путешественник и исследователь, — говорил он, — я очень уважаю его и как художника. Как и другие творцы русской литературы, он



Могила В.К. Арсеньева на мемориальном участке Морского кладбища во Владивостоке

обладает способностью глубоко проникать в человеческие души. Для меня его книги дают еще и возможность продолжить размышления о том, что волнует меня всегда: почему люди не стараются быть счастливыми, как сделать их жизнь счастливой?"

Отчего кому-то достается посмертная слава, а кому-то забвение, — вопрос вечный. У потомков — свои культурные запросы, вкусы и капризы. Но время властно не только перетолковывать старые книги — оно и оглашает утаенные свидетельства, высвечивающие человеческую судьбу. Так случилось и с Арсеньевым. Эпоха, нареченная им "солдатской", не сумев опорочить его книги, после смерти все-таки жестоко отомстила ему. Весной 1934 года арестовали его вдову Маргариту Николаевну, предъявив ей нелепые обвинения в принадлежности к окопавшейся в Приморье с 1923 года шпионской организации, возглавлял которую якобы сам Арсеньев. По истечении по-

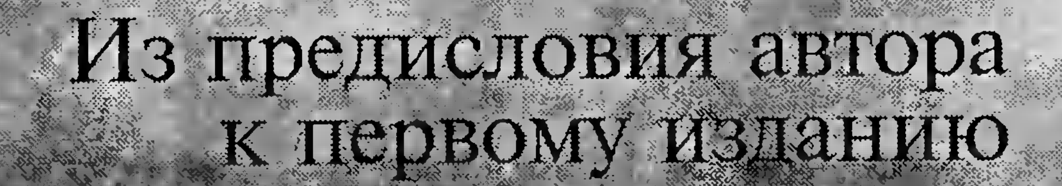
лутора лет пребывания под следствием ее выпустили из тюрьмы, с тем, чтобы через три года арестовать вторично, и в августе 1938 года расстреляли. Спустя двадцать лет М.Н. Арсеньеву реабилитировали посмертно, — но за это время была сломана жизнь их дочери Натальи Владимировны, хлебнувшей лиха в гулаговских лагерях...

Завершается многоликий XX век, завещая грядущим поколениям свое трагическое наследство. История России в этом веке знала и сумеречные, и грозные, и кровавые дни, — и тем благотворнее энергия созидания, которую вдохнули в свою эпоху выдающиеся люди, чьи светлые имена олицетворяют ее в первую очередь. Среди них имя и Владимира Клавдиевича Арсеньева — его след не затерялся, добрые дела его не забыты.

В начале столетия Арсеньев личным примером "пионера-исследователя" доказал, на что способен один человек, вставший на защиту "диких аборигенов", отброшенных цивилизацией на грань вымирания. В двадцатых—тридцатых годах его пафос первооткрывателя вдохновлял молодых покорителей далеких российских пространств, и недаром его книги приобрели такую популярность. В шестидесятых—семидесятых годах, в условиях "экологической революции", выяснилось: путевая проза Арсеньева, исполненная мудрого восхищения заповедной уссурийской тайгой, страстно призывает беречь природу и уважать единое человечество. Деятель, странник и мученик своей эпохи, Арсеньев и сегодня современен. На исходе XX века, в пору общественных потрясений, схожих с теми, что выпали ему на долю, — как никогда поучительны его верность присяге и долгу, его преданность государству.

Игорь Кузьмичев

ПО УССУРИЙСКОМУ КРАЮ



Из предисловия автора к первому изданию

Настоящий труд, предлагаемый мной читателям, есть популярный обзор путешествия, предпринятого мной в горную область Сихотэ-Алиня в 1906 году. Он заключает в себе географическое описание пройденных маршрутов и путевой дневник.

В моей книге читатель найдет картины из природы страны и ее населения. Многое из этого

уже в прошлом и приобрело интерес исторический. За последние двадцать лет Уссурийский край сильно изменился.

Первобытные девственные леса в большей части страны выгорели, и на смену им появились леса, состоящие из лиственницы, березы и осины. Там, где раньше ревел тигр, — ныне свистит паровоз, где были редкие жилища одиноких звероловов, — появились большие русские селения, туземцы отошли на север, и количество зверя в тайге сильно уменьшилось.

Край начал утрачивать свою оригинальность и претерпевать то превращение, которое неизбежно несет за собой цивилизация.

Изменения произошли главным образом в южной части страны и в низовьях правых притоков реки Уссури, горная же область Сихотэ-Алинь к северу от 45° широты и поныне осталась такой же лесной пустыней, как и во время Будищева и Венюкова (1857— 1869 годы).

Три мои экспедиции в Сихотэ-Алинь были снаряжены на средства Приамурского отдела Русского географического общества и на особые ассигнования из сумм военного ведомства.

На Дальнем Востоке среди моряков я нашел доброжелателей и друзей. В 1906 году они устроили для меня на берегу моря питательные базы и на каждый пункт, кроме моих ящиков, добавили от себя еще по ящику с красным вином, консервами, галетами, бисквитами и т.д.

Если во время путешествия я и достиг хороших результатов, то этим я в значительной степени обязан своим спутникам.

Большую часть своего успеха я отношу к примерной самоотверженности и честной службе сибирских стрелков и уссурийских казаков, бывших со мной в путешествиях.

Мне не только не приходилось их подбадривать, а, наоборот, приходилось останавливать, из опасения, что

они надорвут свое здоровье. Несмотря на лишения, эти скромные труженики терпеливо несли тяготы походной жизни, и я ни разу не слышал от них ни единой жалобы. Во время путешествия капитаны пароходов, учителя, врачи и многие частные лица нередко оказывали мне различные услуги и советами и делом, неоднократно содействовали и облегчали мои предприятия. Каждый раз, когда я оглядываюсь назад и вспоминаю прошлое, передо мной встает фигура верхнеуссурийского гольда Дерсу Узала, ныне покойного. Сердце мое надрывается от тоски, как только я вспоминаю его и нашу совместную странническую жизнь.

В погоне за соболем, на охоте за дорогими пантами и в поисках за целебным могущественным женьшенем гольды далеко проникали на север и не раз заходили в самые отдаленные уголки Сихотэ-Алиня. Это были отличные охотники и удивительнейшие следопыты. Путешествуя с Дерсу и приглядываясь к его приемам, я неоднократно поражался, до какой степени были развиты в нем эти способности. Гольд положительно читал следы, как книгу, и в строгой последовательности восстанавливал все события.

Трудно перечислить все те услуги, которые этот человек оказал мне и моим спутникам. Не раз, рискуя своей жизнью, он смело бросался на выручку погибающему, и многие обязаны ему жизнью, в том числе и я лично.

Ввиду той выдающейся роли, которую играл Дерсу в моих путешествиях, я опишу сначала маршрут 1902 года по рекам Цимухе и Лефу, когда произошла моя первая с ним встреча, а затем уже перейду к экспедиции 1906 года.

г. Владивосток, 1930 г.

В. Арсеньев

Глава первая

Стеклянная падь

Бухта Майтун. — Село Шкотово. — Река Бейца. — Встреча с пантерой. — Да-дянь-шань. — Изюбр

В 1902 году во время одной из командировок с охотничьей командой я пробирался вверх по реке Цимухе, впадающей в Уссурийский залив около села Шкотово. Мой отряд состоял из шести человек сибирских стрелков и четырех лошадей с вьюками. Цель моей командировки заключалась в обследовании Шкотовского района в военном отношении и в изучении перевалов в горном узле Да-дянь-шань[1]*, откуда берут начало четыре реки: Циму, Майхе, Даубихе[2] и Лефу. Затем я должен был осмотреть все тропы около озера Ханка и вблизи Уссурийской железной дороги.

Горный хребет, о котором здесь идет речь, начинается около Имана и идет к югу параллельно реке Уссури в направлении от северо-северо-востока к юго-юго-западу так, что на запад от него будет река Сунгача и озеро Ханка, а на восток — река Даубихе. Далее он разделяется на две ветви. Одна идет к юго-западу и образует хребет Богатую Гриву, протянувшийся вдоль всего полуострова Муравьева-Амурского, а другая ветвь направляется к югу и сливается с высокой грядой, служащей водоразделом между реками Даубихе и Сучаном[3]**.

---

* Цифрами помечены примечания В.К. Арсеньева, поясняющие смысл тех или иных названий, сообщающие дополнительные сведения и т.п. Они даются в конце книги. Поскольку многие из географических объектов ныне переименованы, там же публикуется перечень таких переименований, составленный Г.Г. Левкиным. Ему же принадлежат основные подстрочные примечания (не снабженные пометами принадлежности). Примечания с пометой *Ред.* принадлежат редакции.

** Современное название р. Сучан — Партизанская. По-китайски Сучан записывается иероглифами с у ч э н, что означает Возрожденная Крепость, или Крепость Рода Су. Около г. Партизанска в с. Николаевка сохранились следы древней крепости.

Верхняя часть Уссурийского залива называется бухтой Майтун. Бухта эта раньше значительно глубже вдавалась в материк. Это бросается в глаза с первого взгляда. Береговые обрывы ныне отодвинуты в глубь страны километров на пять. Устье реки Тангоузы[4] раньше было на месте нынешних озер Сан[5] и Эль-Поуза[6], а устье реки Майхе[7] находилось немного выше того места, где теперь пересекает ее железная дорога. Вся эта площадь в 22 квадратных километра представляет собой болотистую низину, заполненную наносами рек Майхе и Тангоузы. Среди болот сохранились еще кое-где озерки с водой; они указывают, где были места наиболее глубокие. Этот медленный процесс отступления моря и нарастания суши происходит еще и теперь. Эта же участь постигнет и бухту Майтун. Она и теперь уже достаточно мелководна. Западные берега ее слагаются из порфиров, а восточные из третичных отложений: в долине Майхе развиты граниты и сиениты, а к востоку от нее — базальты.

Село Шкотово находится около устья реки Цимухе, на правом берегу. Основание его относится к 1864 году. В 1868 году его сожгли хунхузы, но на другой год оно возродилось снова[8]. Пржевальский в 1870 году в нем насчитал шесть дворов и тридцать четыре души обоего пола[9]. Я застал Шкотово довольно большим селом[10].

Здесь мы провели двое суток, осматривали окрестности и снаряжались в далекий путь. Река Цимухе, длиной в 30 километров, течет в широтном направлении и имеет с правой стороны один только приток — Бейцу. Долину, по которой протекает река, здешние переселенцы называют Стеклянной падью. Такое название она получила от китайской зверовой фанзы, в окно которой был вставлен небольшой кусочек стекла. Надо заметить, что тогда в Уссурийском крае не было ни одного стекольного завода, и потому в глухих местах стекло ценилось особенно высоко. В глубине гор и лесов оно было своего рода меновой единицей. Пустую бутылку можно было выменять на муку, соль, чумизу и даже на пушнину. Старожилы рассказывают, что во время ссор враги старались проникнуть друг к другу в дом и перебить стеклянную посуду. Немудрено поэтому, что кусочек стекла в окне китайской фанзы[11] был роскошью. Это обратило внимание первых переселенцев, и они назвали Стеклянной не только фанзу и речку, но и всю прилегающую местность.

От Шкотова вверх по долине Цимухе сначала идет проселочная дорога, которая после села Новороссийского

сразу переходит в тропу. По этой тропе можно выйти и на Сучан, и на реку Кангоузу[12], к селу Новонежину. Дорога несколько раз переходит с одного берега реки на другой, и это является причиной, почему во время половодья сообщение по ней прекращается.

Из Шкотова мы выступили рано, в тот же день дошли до Стеклянной пади и свернули в нее. Река Бейца течет на запад-юго-запад почти по прямому направлению и только около устья поворачивает на запад. Ширина Стеклянной пади не везде одинакова: то она суживается метров до ста, то расширяется более чем на километр. Как и большинство долин в Уссурийском крае, она отличается удивительной равнинностью. Окаймляющие ее горы, поросшие корявым дубняком, имеют очень крутые склоны. Границы, где равнина соприкасается с горами, обозначены чрезвычайно резко. Это свидетельствует о том, что здесь были большие денудационные процессы*. Долина раньше была гораздо глубже и только впоследствии выполнилась наносами реки.

По мере того как мы углублялись в горы, растительность становилась лучше. Дубовое редколесье сменилось густыми смешанными лесами, среди которых было много кедра. Путеводной нитью нам служила маленькая тропинка, проложенная китайскими охотниками и искателями женьшеня. Дня через два мы достигли того места, где была Стеклянная фанза**, но нашли здесь только ее развалины. С каждым днем тропинка становилась все хуже и хуже. Видно было, что по ней давно уже не ходили люди. Она заросла травой и во многих местах была завалена буреломом. Вскоре мы ее совсем потеряли. Встречались нам и зверовые тропы; мы пользовались ими, пока они тянулись в желательном для нас направлении, но больше шли целиной. На третий день к вечеру мы подошли к хребту Да-дянь-шань, который идет здесь в меридиональном направлении и имеет высоту в среднем около 700 метров. Оставив людей внизу, я поднялся на одну из соседних вершин, чтобы оттуда посмотреть, далеко ли еще осталось до перевала. Сверху хорошо были видны все горы. Оказалось, что водораздел был в двух или трех километрах от нас. Стало ясно, что к вечеру нам не дойти до него,

---

*Денудационные процессы - процессы разрушения, смыва и переноса горных пород под воздействием ветра, воды, льда и т.п. и накопления их на пониженных участках. *(Прим. ред.)*

** Стеклянная фанза находилась в 4 км вверх по р. Стеклянуха от современного населенного пункта Стеклянуха (до 1972 г. - Саинбар).

а если бы мы и дошли, то рисковали заночевать без воды, потому что в это время года горные ключи в истоках почти совсем иссякают. Я решил встать на бивак там, где остались лошади, а завтра идти к перевалу.

Обыкновенно свой маршрут я никогда не затягивал до сумерек и останавливался на бивак так, чтобы засветло можно было поставить палатки и заготовить дрова на ночь. Пока стрелки возились на биваке, я пользовался свободным временем и отправлялся осматривать ближайшие окрестности. Постоянным моим спутником в такого рода экскурсиях был Поликарп Олентьев — отличный человек и прекрасный охотник. Ему было тогда лет двадцать шесть. Он был среднего роста и хорошо сложен. Русые волосы, крупные черты лица и небольшие усы дадут читателю некоторое представление о его лице. Олентьев был оптимист. Даже в тех случаях, когда мы попадали в неприятные положения, он не терял хорошего настроения и старался убедить меня, что «все к лучшему в этом лучшем из миров». Сделав нужные распоряжения, мы взяли с ним ружья и пошли на разведку.

Солнце только что успело скрыться за горизонтом, и в то время, когда лучи его золотили верхушки гор, в долинах появились сумеречные тени. На фоне бледного неба резко выделялись вершины деревьев с пожелтевшими листьями. Среди птиц, насекомых, в сухой траве — словом, всюду, даже в воздухе, чувствовалось приближение осени.

Перейдя через невысокий хребет, мы попали в соседнюю долину, поросшую густым лесом. Широкое и сухое ложе горного ручья пересекало ее поперек. Тут мы разошлись. Я пошел по галечниковой отмели налево, а Олентьев — направо. Не прошло и двух минут, как вдруг в его стороне грянул выстрел. Я обернулся и в это мгновение увидел, как что-то гибкое и пестрое мелькнуло в воздухе. Я бросился к Олентьеву. Он поспешно заряжал винтовку, но, как на грех, один патрон застрял в магазинной коробке, и затвор не закрывался.

— Кого ты стрелял? — спросил я его.

— Кажется, тигра, — отвечал он. — Зверь сидел на дереве. Я хорошо прицелился и, наверное, попал.

Наконец застрявший патрон был вынут. Олентьев вновь зарядил ружье, и мы осторожно двинулись к тому месту, где скрылось животное. Кровь на сухой траве указывала, что зверь действительно был ранен. Вдруг Олентьев остановился и стал прислушиваться. Впереди, немного впра-

во от нас, слышался храп. Сквозь заросли папоротников ничего нельзя было видеть. Большое дерево, поваленное на землю, преграждало нам путь. Олентьев хотел было уже перелезть валежник, но раненое животное предупредило его и стремительно бросилось навстречу. Олентьев второпях выстрелил в упор, даже не приставляя приклада ружья к плечу, — и очень удачно. Пуля попала прямо в голову зверя. Он упал на дерево и повис на нем так, что голова и передние лапы свесились по одну сторону, а задняя часть тела — по другую.

Убитое животное сделало еще несколько конвульсивных движений и начало грызть землю. В это время центр тяжести переместился, оно медленно подалось вперед и грузно свалилось к ногам охотника.

С первого же взгляда я узнал маньчжурскую пантеру[13], называемую местными жителями барсом. Этот великолепный представитель кошачьих был из числа крупных. Длина его тела от носа до корня хвоста равнялась 1,4 метра. Шкура пантеры, ржаво-желтая по бокам и на спине и белая на брюхе, была покрыта черными пятнами, причем пятна эти располагались рядами, как полосы у тигра. С боков на лапах и на голове они были сплошные и мелкие, а на шее, спине и хвосте — крупные, кольцевые.

В Уссурийском крае пантера держится только в южной части страны и главным образом в Суйфунском*, Посьетском и Барабашевском районах. Главной пищей ей служат пятнистые олени, дикие козули и фазаны**. Животное это крайне хитрое и осторожное. Спасаясь от человека, пантера влезает на дерево и выбирает такой сук, который приходится против ее следов на земле и, следовательно, как раз против луча зрения охотника. Растянувшись вдоль него, она кладет голову на передние лапы и в этом положении замирает. Пантера отлично понимает, что со стороны головы ее тело, прижатое к суку, менее заметно, чем сбоку.

Снимание шкуры с убитого животного отняло у нас более часа. Когда мы тронулись в обратный путь, были уже глубокие сумерки. Мы шли долго и наконец увидели огни бивака. Скоро между деревьями можно было различить, силуэты людей. Они двигались и часто заслоняли собой огонь. На биваке собаки встретили нас дружным лаем. Стрелки окружили пантеру, рассматривали ее и вслух

---

* Суйфунским назывался район, прилегающий к р. Раздольной.

** П а н т е р а — иное название амурского леопарда. Главными объектами его охоты являются молодые кабаны, зайцы, барсуки, енотовидные собаки. *(Прим. ред.)*

высказывали свои суждения. Разговоры затянулись до самой ночи.

На другой день мы продолжали наш путь. Долина суживалась, и идти становилось труднее. Мы шли целиной и только заботились о том, чтобы поменьше кружить.

В полдень мы подошли к самому гребню. Подъем был крутой и трудный. Лошади карабкались на кручу изо всех сил; от напряжения у них дрожали ноги, они падали и, широко раскрыв ноздри, тяжело и порывисто дышали. Чтобы облегчить путь, пришлось идти зигзагами, часто останавливаться и поправлять вьюки. Наконец мы взобрались на хребет. Здесь дан был получасовой отдых. По хребту, поросшему лесом, надо идти всегда осторожно, надо часто останавливаться, осматриваться, иначе легко сбиться с пути, в особенности во время тумана. Помню, раньше я несколько раз таким образом блуждал. Чтобы не повторить ошибки, я приказал людям остановиться и, выбрав высокий кедр, не без труда взобрался на самую его вершину.

Сверху я увидел весь горный хребет Да-дянь-шань как на ладони. Он шел на север с легким изгибом к востоку. Здесь он имел характер расплывчатый, неясный, а далее на восток, вероятно в верховьях Даубихе и Улахе[14]*, был высок и величествен. Западные его склоны казались крутыми и обрывистыми, восточные — более пологими. Слева вдали виднелись Майхе и Цимухе. Справа — сложный бассейн Сучана. С этой стороны местность была так пересечена, что я долго не мог сообразить, куда текут речки и к какому они принадлежат бассейну. Впереди, километрах в пяти, высилась какая-то куполообразная гора. Ее-то я и наметил пунктом, где следовало второй раз ориентироваться.

На вершине хребта Да-дянь-шань растет лес крупный, чистый, вследствие чего наше передвижение с вьюками происходило довольно быстро. В одном месте мы спугнули двух изюбров — самца и самку. Олени отбежали немного и остановились как вкопанные, повернув головы в нашу сторону. Один из казаков хотел было стрелять, но я остановил его. Продовольствия мы имели достаточно, а лошади

---

* Название р. Улахе представляет собой сочетание маньчжурского Ула — река и китайского Хэ — река. Утверждение о том, что верховья р. Улахе находятся на горном хребте Да-дянь-шань (горы Пржевальского), ошибочно.

Река Даубихе (р. Арсеньевка) начиналась от слияния рр. Тудагоу (верховья р. Арсеньевка) и Эльдагоу (р. Муравейка).

были перегружены настолько, что захватить с собой убитых оленей мы все равно не могли бы. Я несколько минут любовался изюбрами. Наконец самец не выдержал. Он издал короткий крик и, положив рога на спину, сильными прыжками пошел наискось под гору.

Благородный олень, обитающий в Приамурском крае, называется изюбром. Это стройное и красивое животное имеет в длину 1,9, а в высоту — 1,4 метра. Вес тела достигает 197 килограммов. Шерсть изюбра летом светло-коричневая, зимой — серовато-бурая с бело-желтым зеркалом сзади. На длинной и сильной шее, украшенной у самцов гривой, помещается красивая голова с большими трубчатыми и подвижными ушами. Вилообразно расходящиеся рога имеют впереди два прямых бивня и несколько верхних отростков. Рога эти зимой спадают и весной вырастают вновь, и притом каждый раз одним отростком больше.

Поэтому по числу отростков можно судить о возрасте оленя, считая один лишний год, когда он ходит безрогим (саек). Однако количеству отростков есть предел. Обыкновенно взрослый самец имеет их не более семи. В дальнейшем идет только увеличение веса рогов, их размеров и толщины. Молодые весенние рога, наполненные кровью и еще не затвердевшие, называются пантами.

В Уссурийском крае благородный олень обитает в южной части страны, по всей долине реки Уссури и ее притокам, не заходя за границу хвойных насаждений Сихотэ-Алиня. На побережье моря он встречается до мыса Олимпиады.

Летом изюбр держится по теневым склонам лесистых гор, а зимой — по солнцепекам и в долинах, среди равнинной тайги, где полянки чередуются с перелесками. Любимый летний корм изюбра составляет леспедеца, а зимой — молодые побеги осины, тополя и низкорослой березы*.

В полдень мы сделали большой привал. По моим соображениям, теперь мы должны были находиться недалеко от куполообразной горы.

В походе надо сообразоваться не столько с силами людей, сколько с силами вьючных животных. И в самом деле, они несут большие тяжести, поэтому при всякой более или менее продолжительной остановке надо облегчить их спины от груза.

---

* Нынешние зоологи, охотоведы насчитывают в рационе изюбра до 90 видов растений. Главнейшими из них являются аралия, бархат, бересклет, разные виды кленов. *(Прим. ред.)*

Как только лошади были расседланы, их тотчас пустили на свободу. Внизу, под листьями, трава была еще зеленая, и это давало возможность пользоваться кое-каким подножным кормом.

Глава вторая

Встреча с Дерсу*

Бивак в лесу. — Ночной гость. — Бессонная ночь. — Рассвет

После отдыха отряд наш снова тронулся в путь. На этот раз мы попали в бурелом и потому подвигались очень медленно. Часам к четырем мы подошли к какой-то вершине. Оставив людей и лошадей на месте, я сам пошел наверх, чтобы еще раз осмотреться.

Влезать на дерево непременно надо самому. Поручать это стрелкам нельзя. Тут нужны личные наблюдения. Как бы толково и хорошо стрелок ни рассказывал о том, что он заметил, на основании его слов трудно ориентироваться.

То, что я увидел сверху, сразу рассеяло мои сомнения. Куполообразная гора, где мы находились в эту минуту, — был тот самый горный узел, который мы искали. От него к западу тянулась высокая гряда, падавшая на север крутыми обрывами. По ту сторону водораздела общее направление долин шло к северо-западу. Вероятно, это были истоки реки Лефу**.

Спустившись с дерева, я присоединился к отряду. Солнце уже стояло низко над горизонтом, и надо было торопиться разыскать воду, в которой и люди и лошади очень нуждались. Спуск с куполообразной горы был сначала пологий, но потом сделался крутым. Лошади спускались, присев на задние ноги. Вьюки лезли вперед, и, если бы при седлах не было шлей, они съехали бы им на голову. Пришлось делать длинные зигзаги, что при буреломе, который валялся здесь во множестве, было делом далеко не легким.

За перевалом мы сразу попали в овраги. Местность была

---

* Первая встреча В.К. Арсеньева с Дерсу Узала (Дерчу Оджал) состоялась 3 августа 1906 г. на реке Тадушу (ныне р. Зеркальная).

** На схемах маршрутов экспедиций В.К. Арсеньева, составленных им самим, четко видно, что он не пересекал хребет в истоках р. Лефу (ныне Илистая).

чрезвычайно пересеченная. Глубокие распадки, заваленные корчами, водотоки и скалы, обросшие мхом, — все это создавало обстановку, которая живо напоминала мне картину Вальпургиевой ночи. Трудно представить себе местность более дикую и неприветливую, чем это ущелье.

Иногда случается, что горы и лес имеют привлекательный и веселый вид. Так, кажется, и остался бы среди них навсегда. Иногда, наоборот, горы кажутся угрюмыми, дикими. И странное дело! Чувство это не бывает личным, субъективным, оно всегда является общим для всех людей в отряде. Я много раз проверял себя и всегда убеждался, что это так. То же было и теперь. В окружающей нас обстановке чувствовалась какая-то тоска, было что-то жуткое и неприятное, и это жуткое и тоскливое понималось всеми одинаково.

— Ничего, — говорили стрелки, — как-нибудь переночуем. Нам не год тут стоять. Завтра найдем место повеселее.

Не хотелось мне здесь останавливаться, но делать было нечего. Сумерки приближались, и надо было торопиться. На дне ущелья шумел поток, я направился к нему и, выбрав место поровнее, приказал ставить палатки.

Величавая тишина леса сразу огласилась звуками топоров и голосами людей. Стрелки стали таскать дрова, расседлывать коней и готовить ужин.

Бедные лошади. Среди камней и бурелома они должны были остаться голодными. Зато завтра, если нам удастся дойти до земледельческих фанз, мы их накормим как следует.

Сумерки в лесу всегда наступают рано. На западе сквозь густую хвою еще виднелись кое-где клочки бледного неба, а внизу, на земле, уже ложились ночные тени. По мере того как разгорался костер, ярче освещались выступавшие из темноты кусты и стволы деревьев. Разбуженная в осыпях пищуха подняла было пронзительный крик, но вдруг испугалась чего-то, проворно спряталась в норку и больше не показывалась.

Наконец на нашем биваке стало все понемногу успокаиваться. После чая люди занялись каждый своим делом: кто чистил винтовку, кто поправлял седло или починял разорванную одежду. Такой работы всегда бывает много. Покончив со своими делами, стрелки стали ложиться спать. Они плотно прижались друг к другу и, прикрывшись шинелями, заснули как убитые. Не найдя корма в лесу, лошади подошли к биваку и, опустив головы, по-

грузились в дремоту. Не спали только я и Олентьев. Я записывал в дневник пройденный маршрут, а он починял свою обувь. Часов в десять вечера я закрыл тетрадь и, завернувшись в бурку, лег к огню. От жара, подымавшегося вместе с дымом кверху, качались ветки старой ели, у подножия которой мы расположились, и то закрывали, то открывали темное небо, усеянное звездами. Стволы деревьев казались длинной колоннадой, уходившей в глубь леса и незаметно сливавшейся там с ночным мраком.

Вдруг лошади подняли головы и насторожили уши. Потом они успокоились и опять стали дремать. Сначала мы не обратили на это особого внимания и продолжали разговаривать. Прошло несколько минут. Я что-то спросил Олентьева и, не получив ответа, повернулся в его сторону. Он стоял на ногах в выжидательной позе и, заслонив рукой свет костра, смотрел куда-то в сторону.

— Что случилось? — спросил я его.

— Кто-то спускается с горы, — отвечал он шепотом.

Мы оба стали прислушиваться, но кругом было тихо, так тихо, как только бывает в лесу в холодную осеннюю ночь. Вдруг сверху посыпались мелкие камни.

— Это, вероятно, медведь, — сказал Олентьев и стал заряжать винтовку.

— Стреляй не надо! Моя люди!.. — послышался из темноты голос, и через несколько минут к нашему огню подошел человек.

Одет он был в куртку из выделанной оленьей кожи и такие же штаны. На голове у него была какая-то повязка, на ногах унты[15]*, за спиной большая котомка, а в руках сошки и старая длинная берданка.

— Здравствуй, капитан[16], — сказал пришедший, обратясь ко мне.

Затем он поставил к дереву свою винтовку, снял со спины котомку и, обтерев потное лицо рукавом рубашки, подсел к огню. Теперь я мог хорошо его рассмотреть. На вид ему было лет сорок пять. Это был человек невысокого роста, коренастый и, видимо, обладавший достаточной физической силой. Грудь у него была выпуклая, руки — крепкие, мускулистые, ноги немного кривые.

Загорелое лицо его было типично для туземцев: выдающиеся скулы, маленький нос, глаза с монгольской складкой век и широкий рот с крепкими зубами. Небольшие русые усы окаймляли его верхнюю губу, и рыжеватая бородка украшала подбородок. Но всего замечательнее были

* Летняя обувь называлась "ута", а не "унты".

его глаза. Темно-серые, а не карие, они смотрели спокойно и немного наивно. В них сквозили решительность, прямота характера и добродушие.

Незнакомец не рассматривал нас так, как рассматривали мы его. Он достал из-за пазухи кисет с табаком, набил им свою трубку и молча стал курить. Не расспрашивая его, кто он и откуда, я предложил ему поесть. Так принято делать в тайге.

— Спасибо, капитан, — сказал он. — Моя шибко хочу кушать, моя сегодня кушай нету.

Пока он ел, я продолжал его рассматривать. У его пояса висел охотничий нож. Очевидно, это был охотник. Руки его были загрубелые, исцарапанные. Такие же, но еще более глубокие царапины лежали на лице: одна на лбу, а другая на щеке около уха. Незнакомец снял повязку, и я увидел, что голова его покрыта густыми русыми волосами; они росли в беспорядке и свешивались по сторонам длинными прядями.

Наш гость был из молчаливых. Наконец Олентьев не выдержал и спросил пришельца прямо:

— Ты кто будешь?

— Моя гольд, — ответил он коротко.

— Ты, должно быть, охотник? — спросил я его опять.

— Да, — отвечал он. — Моя постоянно охота ходи, другой работы нету, рыба лови понимай тоже нету, только один охота понимай.

— А где ты живешь? — продолжал допрашивать его Олентьев.

— Моя дома нету. Моя постоянно сопка живи. Огонь клади, палатка делай — спи. Постоянно охота ходи, как дома живи?

Потом он рассказал, что сегодня охотился за изюбрами, ранил одну матку, но слабо. Идя по подранку, он наткнулся на наши следы. Они завели его в овраг. Когда стемнело, он увидел огонь и пошел прямо на него.

— Моя тихонько ходи, — говорил он. — Думай, какой люди далеко сопках ходи? Посмотри — капитан есть, казак есть. Моя тогда прямо ходи.

— Тебя как зовут? — спросил я незнакомца.

— Дерсу Узала, — отвечал он.

Меня заинтересовал этот человек. Что-то в нем было особенное, оригинальное. Говорил он просто, тихо, держал себя скромно, не заискивающе. Мы разговорились. Он долго рассказывал мне про свою жизнь, и чем больше он говорил, тем становился симпатичнее. Я видел перед со-

бой первобытного охотника, который всю свою жизнь прожил в тайге и чужд был тех пороков, которые вместе с собой несет городская цивилизация. Из его слов я узнал, что средства к жизни он добывал ружьем и потом выменивал предметы своей охоты на табак, свинец и порох и что винтовка ему досталась в наследие от отца. Потом он рассказал мне, что ему теперь пятьдесят три года, что у него никогда не было дома, он вечно жил под открытым небом и только зимой устраивал себе временную юрту из корья и бересты. Первые проблески его детских воспоминаний были: река, шалаш, огонь, отец, мать и сестренка.

— Все давно помирай, — закончил он свой рассказ и задумался. Он помолчал немного и продолжал снова: — У меня раньше тоже жена была, сын и девчонка. Оспа все люди кончай. Теперь моя один остался...

Лицо его стало грустным от переживаемых воспоминаний. Я пробовал было его утешить, но что были мои утешения для этого одинокого человека, у которого смерть отняла семью, это единственное утешение в старости? Он ничего мне не отвечал и только еще более поник головой. Хотелось мне как-нибудь выразить ему сочувствие, что-нибудь для него сделать, и я не знал, что именно. Наконец я надумал: я предложил ему обменять его старое ружье на новое, но он отказался, сказав, что берданка ему дорога как память об отце, что он к ней привык и что она бьет очень хорошо. Он потянулся к дереву, взял свое ружье и стал гладить рукой по ложу.

Звезды на небе переместились и показывали далеко за полночь. Часы летели за часами, а мы все сидели у костра и разговаривали. Говорил больше Дерсу, а я его слушал, и слушал с удовольствием. Он рассказывал мне про свою охоту, про то, как раз он попал в плен к хунхузам, но убежал от них. Рассказывал про свои встречи с тиграми, говорил о том, что стрелять их нельзя, потому что это боги, охраняющие женьшень от человека, говорил о злых духах, о наводнениях и т.д.

Один раз на него напал тигр и сильно изранил. Жена искала его несколько дней подряд и по следам нашла, обессиленного от потери крови. Пока он болел, она ходила на охоту.

Потом я стал его расспрашивать о том месте, где мы находимся. Он сказал, что это истоки реки Лефу и что завтра мы дойдем до первого жилища звероловов.

 Один из спящих стрелков проснулся, удивленно по-

смотрел на нас обоих, пробормотал что-то про себя и заснул снова.

На земле и на небе было еще темно, только в той стороне, откуда подымались все новые звезды, чувствовалось приближение рассвета. На землю пала обильная роса — верный признак, что завтра будет хорошая погода. Кругом царила торжественная тишина. Казалось, природа отдыхала тоже.

Через час восток начал алеть. Я посмотрел на часы, было шесть часов утра. Пора было будить очередного артельщика. Я стал трясти его за плечо. Стрелок сел и начал потягиваться. Яркий свет костра резал ему глаза — он морщился. Затем, увидев Дерсу, проговорил, усмехнувшись:

— Вот диво, человек какой-то!.. — и начал обуваться.

Небо из черного сделалось синим, а потом серым, мутным. Ночные тени стали жаться в кусты и овраги. Вскоре бивак наш опять ожил: заговорили люди, очнулись от оцепенения лошади, заверещала в стороне пищуха, ниже по оврагу ей стала вторить другая, послышался крик дятла и трещоточная музыка желны. Тайга просыпалась. С каждой минутой становилось все светлее, и вдруг яркие солнечные лучи снопом вырвались из-за гор и озарили весь лес. Наш бивак принял теперь другой вид. На месте яркого костра лежала груда золы; огня почти не было видно; на земле валялись порожние банки из-под консервов: там, где стояла палатка, торчали одни жерди и лежала примятая трава.

Глава третья

Охота на кабанов

Изучение следов. — Забота о путнике. — Зверовая фанза. — Гора Тудинза и верховья реки Лефу. — Кабаны. — Анимизм Дерсу. — Сон

После чая стрелки начали вьючить коней. Дерсу тоже стал собираться. Он надел свою котомку, взял в руки сошки и берданку. Через несколько минут отряд наш тронулся в путь. Дерсу пошел с нами. Ущелье, по которому мы шли, было длинное и извилистое. Справа и слева к нему подходили другие такие же ущелья. Из них с шумом бежала вода. Распадок[17] становился шире и постепенно превращался в долину. Здесь на деревьях были старые затески, они привели нас на тропинку. Гольд шел впереди и все время вни-

мательно смотрел под ноги. Порой он нагибался к земле и разбирал листву руками.

— Что такое? — спросил я его.

Дерсу остановился и сказал, что тропа эта не конная, а пешеходная, что идет она по соболиным ловушкам, что несколько дней тому назад по ней прошел один человек и что, по всей вероятности, это был китаец.

Слова гольда нас всех поразили. Заметив, что мы отнеслись к нему с недоверием, он воскликнул:

— Как ваша понимай нету? Посмотри сам!

После этого он привел такие доказательства, что все мои сомнения отпали разом. Все было так ясно и так просто, что я удивился, как этого раньше я не заметил. Во-первых, на тропе нигде не было видно конских следов, во-вторых, по сторонам она не была очищена от ветвей; наши лошади пробирались с трудом и все время задевали вьюками за деревья. Повороты были так круты, что кони не могли повернуться и должны были делать обходы; через ручьи следы шли по бревну, и нигде тропа не спускалась в воду; бурелом, преграждавший путь, не был прорублен; люди шли свободно, а лошадей обводили стороной. Все это доказывало, что тропа не была приспособлена для путешествий с вьюками.

— Давно один люди ходи, — говорил Дерсу как бы про себя. — Люди ходи кончай, дождь ходи. — И он стал высчитывать, когда был последний дождь.

Часа два шли мы по этой тропе. Мало-помалу хвойный лес начал заменяться смешанным. Все чаще и чаще стали попадаться тополь, клен, осина, береза и липа. Я хотел было сделать второй привал, но Дерсу посоветовал пройти еще немного.

— Наша скоро балаган найти есть, — сказал он и указал на деревья, с которых была снята кора.

Я сразу понял его. Значит, поблизости должно быть то, для чего это корье предназначалось. Мы прибавили шагу и через десять минут на берегу ручья увидели небольшой односкатный балаган, поставленный охотниками или искателями женьшеня. Осмотрев его кругом, наш новый знакомый опять подтвердил, что несколько дней тому назад по тропе прошел китаец и что он ночевал в этом балагане. Прибитая дождем зола, одинокое ложе из травы и брошенные старые наколенники из дабы[18] свидетельствовали об этом.

 Теперь я понял, что Дерсу не простой человек. Передо

мной был следопыт*, и невольно мне вспомнились герои Купера и Майн-Рида.

Надо было покормить лошадей. Я решил воспользоваться этим, лег в тени кедра и тотчас же уснул. Часа через два меня разбудил Олентьев. Проснувшись, я увидел, что Дерсу наколол дров, собрал бересты и все это сложил в балаган.

Я думал, что он хочет его спалить, и начал отговаривать от этой затеи. Но вместо ответа он попросил у меня щепотку соли и горсть рису. Меня заинтересовало, что он хочет с ними делать, и я приказал дать просимое. Гольд тщательно обернул берестой спички, отдельно в бересту завернул соль и рис и повесил все это в балагане. Затем он поправил снаружи корье и стал собираться.

— Вероятно, ты думаешь вернуться сюда? — спросил я гольда.

Он отрицательно покачал головой. Тогда я спросил его, для кого он оставил рис, соль и спички.

— Какой-нибудь другой люди ходи, — отвечал Дерсу, — балаган найди, сухие дрова найди, спички найди, кушай найди — пропади нету!

Помню, меня глубоко поразило это. Я задумался... Гольд заботился о неизвестном ему человеке, которого он никогда не увидит и который тоже не узнает, кто приготовил ему дрова и продовольствие. Я вспомнил, что мои люди, уходя с биваков, всегда жгли корье на кострах. Делали они это не из озорства, а так просто, ради забавы, и я никогда их не останавливал. Этот дикарь был гораздо человеколюбивее, чем я. Забота о путнике!.. Отчего же у людей, живущих в городах, это хорошее чувство, это внимание к чужим интересам заглохло, а оно, несомненно, было ранее.

— Лошади готовы! Надо бы идти, — сказал подошедший ко мне Олентьев.

Я очнулся.

— Да, надо идти... Трогай! — сказал я стрелкам и пошел вперед по тропинке.

К вечеру мы дошли до того места, где две речки сливаются вместе, откуда и начинается собственно Лефу[19]. Здесь она шириной 6—8 метров и имеет быстроту течения 120—140 метров в минуту. Глубина реки неравномерная и колеблется от 30 до 60 сантиметров.

---

* Имя Узала, данное В.К. Арсеньевым гольду Дерчу Оджалу, переводится на русский язык как "Следопыт", точнее — "Все время идущий по следу".

После ужина я рано лег спать и тотчас уснул.

На другой день, когда я проснулся, все люди были уже на ногах. Я отдал приказание седлать лошадей и, пока стрелки возились с вьюками, успел приготовить планшет и пошел вперед вместе с гольдом.

От места нашего ночлега долина стала понемногу поворачивать на запад. Левые склоны ее были крутые, правые — пологие. С каждым километром тропа становилась шире и лучше. В одном месте лежало срубленное топором дерево. Дерсу подошел, осмотрел его и сказал:

— Весной рубили; два люди работали: один люди высокий — его топор тупой, другой люди маленький — его топор острый.

Для этого удивительного человека не существовало тайн. Как ясновидящий, он знал все, что здесь происходило. Тогда я решил быть внимательнее и попытаться самому разобраться в следах. Вскоре я увидел еще один порубленный пень. Кругом валялось множество щепок, пропитанных смолой. Я понял, что кто-то добывал растопку. Ну, а дальше? А дальше я ничего не мог придумать.

— Фанза близко, — сказал гольд как бы в ответ на мои размышления.

Действительно, скоро опять стали попадаться деревья, оголенные от коры (я уже знал, что это значит), а метрах в двухстах от них на самом берегу реки среди небольшой полянки стояла зверовая фанза. Это была небольшая постройка с глинобитными стенами, крытая корьем. Она оказалась пустой. Это можно было заключить из того, что вход в нее был приперт колом снаружи. Около фанзы находился маленький огородик, изрытый дикими свиньями, и слева — небольшая деревянная кумирня, обращенная как всегда лицом к югу.

Внутренняя обстановка фанзы была грубая. Железный котел, вмазанный в низенькую печь, от которой шли дымовые ходы, согревающие каны (нары), два-три долбленых корытца, деревянный ковш для воды, железный кухонный резак, металлическая ложка, метелочка для промывки котла, две запыленные бутылки, кое-какие брошенные тряпки, одна или две скамеечки, масляная лампа и обрывки звериных шкур, разбросанные по полу, составляли все ее убранство.

Отсюда вверх по Лефу шли три тропы. Одна была та, по которой мы пришли, другая вела в горы на восток, и третья направлялась на запад. Эта последняя была мно-

гохоженая, конная. По ней мы пошли дальше. Люди закинули лошадям поводья на шею и предоставили им самим выбирать дорогу. Умные животные шли хорошо и всячески старались не зацеплять вьюками за деревья. В местах болотистых и на каменистых россыпях они не прыгали, а ступали осторожно, каждый раз пробуя почву ногой, прежде чем поставить ее как следует. Этой сноровкой отличаются именно местные лошади, привыкшие к путешествиям в тайге с вьюками.

От зверовой фанзы река Лефу начала понемногу загибать к северо-востоку. Пройдя еще километров шесть, мы подошли к земледельческим фанзам, расположенным на правом берегу реки, у подножия высокой горы, которую китайцы называют Тудинза[20]*.

Неожиданное появление военного отряда смутило китайцев. Я велел Дерсу сказать им, чтобы они не боялись нас и продолжали свои работы.

Мне хотелось посмотреть, как живут в тайге китайцы и чем они занимаются.

Звериные шкуры, растянутые для просушки, изюбровые рога, сложенные грудой в амбаре, панты, подвешенные для просушки, мешочки с медвежьей желчью[21], оленьи выпоротки[22], рысьи, куньи, собольи и беличьи меха и инструменты для ловушек — все это указывало на то, что местные китайцы занимаются не столько земледелием, сколько охотой и звероловством. Около фанз были небольшие участки обработанной земли. Китайцы сеяли пшеницу, чумизу и кукурузу. Они жаловались на кабанов и говорили, что недавно целые стада их спускались с гор в долины и начала травить поля. Поэтому пришлось собирать овощи, не успевшие дозреть, но теперь на землю осыпались желуди, и дикие свиньи удалились в дубняки.

Солнце стояло еще высоко, и я решил подняться на гору Тудинзу, чтобы оттуда осмотреть окрестности. Вместе со мной пошел и Дерсу. Мы отправились налегке и захватили с собой только винтовки.

Гора Тудинза представляет собой массив, круто падающий в долину реки Лефу и изрезанный глубокими падями с северной стороны. Пожелтевшая листва деревьев стала уже осыпаться на землю. Лес повсюду начинал сквозить, и только дубняки стояли еще одетые в свой наряд, поблекший и полузасохший.

---

* Гора Тудинза (название утрачено) находилась к юго-западу от горы Ивановской.

Гора была крутая. Раза два мы садились и отдыхали, потом опять лезли вверх.

Кругом вся земля была изрыта. Дерсу часто останавливался и разбирал следы. По ним он угадывал возраст животных, пол их, видел следы хромого кабана, нашел место, где два кабана дрались и один гонял другого. С его слов все это я представил себе ясно. Мне казалось странным, как это раньше я не замечал следов, а если видел их, то, кроме направления, в котором уходили животные, они мне ничего не говорили.

Через час мы достигли вершины горы, покрытой осыпями.

Здесь мы сели на камни и стали осматриваться. На востоке высился высокий водораздел между бассейном Лефу и водами, текущими в Даубихе. Другой горный хребет тянулся с востока на запад и служил границей между Лефу и рекой Майхе. На юго-востоке, там, где оба эти хребта сходились вместе, высилась куполообразная гора Да-дяньшань.

Отсюда, с вершины Тудинзы, нам хорошо был виден весь бассейн верхнего течения Лефу, слагающийся из трех речек одинаковой величины. Две из них сливаются раньше и текут от востока-северо-востока, третья, та, по которой мы шли, имела направление меридиональное. Истоки каждой из них состоят из нескольких горных ручьев, сливающихся в одно место. В топографическом отношении горы верхнего Лефу представляют собой плоские возвышенности с чрезвычайно крутыми склонами, покрытые густым смешанным лесом с большим преобладанием хвои.

Близ земледельческих фанз река Лефу делает небольшую излучину, чему причиной является отрог, выдвинувшийся из южного массива. Затем она склоняется к югу и, обогнув гору Тудинзу, опять поворачивает к северо-востоку, какое направление и сохраняет уже до самого своего впадения в озеро Ханка. Как раз против Тудинзы река Лефу принимает в себя еще один приток — реку Отрадную. По этой последней идет вьючная тропа на Майхе.

— Посмотри, капитан, — сказал мне Дерсу, указывая на противоположный склон пади. — Что это такое?

Я взглянул в указанном направлении и увидел какое-то темное пятно. Я думал, что это тень от облака, и высказал Дерсу свое предположение. Он засмеялся и указал на небо. Я посмотрел вверх. Небо было совершенно безоблачным: на беспредельной его синеве не было ни одного

облачка. Через несколько минут пятно изменило свою форму и немного передвинулось в сторону.

— Что это такое? — спросил я гольда в свою очередь.

— Тебе понимай нету, — отвечал он. — Надо ходи посмотри.

Мы стали спускаться вниз. Скоро я заметил, что пятно тоже двигалось нам навстречу. Минут через десять гольд остановился, сел на камень и указал мне знаком, чтобы я сделал то же.

— Наша тут надо дожидай, — сказал он. — Надо тихо сиди, чего-чего ломай не надо, говори тоже не надо.

Мы стали ждать. Вскоре я опять увидел пятно. Оно возросло до больших размеров. Теперь я мог рассмотреть его составные части. Это были какие-то живые существа, постоянно передвигающиеся с места на место.

— Кабаны! — воскликнул я.

Действительно, это были дикие свиньи. Их было тут более сотни. Некоторые животные отходили в сторону, но тотчас опять возвращались назад. Скоро можно было рассмотреть каждое животное отдельно.

— Один люди шибко большой, — тихонько проговорил Дерсу.

Я не понял, про какого «человека» он говорил, и посмотрел на него недоумевающе.

Посредине стада, как большой бугор, выделялась спина огромного кабана. Он превосходил всех своими размерами и, вероятно, имел около 250 килограммов веса. Стадо приближалось с каждой минутой. Теперь ясно были слышны шум сухой листвы, взбиваемой сотнями ног, треск сучьев, резкие звуки, издаваемые самцами, хрюканье свиней и визг поросят.

— Большой люди близко ходи нету, — сказал Дерсу.

И я опять его не понял.

Самый крупный кабан был в центре стада, множество животных бродило по сторонам и некоторые отходили довольно далеко от табуна, так что, когда эти одиночные свиньи подошли к нам почти вплотную, большой кабан был еще вне выстрела. Мы сидели и не шевелились. Вдруг один из ближайших к нам кабанов поднял кверху свое рыло. Он что-то жевал. Я как сейчас помню большую голову, настороженные уши, свирепые глаза, подвижную морду с двумя носовыми отверстиями и белые клыки. Животное замерло в неподвижной позе, перестало есть и уставилось на нас злобными вопрошающими глазами. Наконец оно поняло опасность и издало резкий крик.

Вмиг все стадо с шумом и фырканьем бросилось в сторону. В это мгновение грянул выстрел. Одно из животных грохнулось на землю. В руках Дерсу дымилась винтовка.

Еще несколько секунд в лесу был слышен треск ломаемых сучьев, затем все стихло.

Кабан, обитающий в Уссурийском крае вид, — близкий к японской дикой свинье, — достигает 295 килограммов веса и имеет наибольшие размеры: 2 метра в длину и 1 метр в высоту. Общая окраска животного бурая; спина и ноги черные, поросята всегда продольно-полосатые. Тело его овальное, несколько сжатое с боков и поддерживается четырьмя крепкими ногами. Шея короткая и очень сильная; голова клиновидная; морда оканчивается довольно твердым и подвижным «пятачком», при помощи которого дикая свинья копает землю. Кабан относится к бугорчато-зубным, но кроме корневых зубов самцы вооружены еще острыми клыками, которые с возрастом увеличиваются, загибаются назад и достигают длины 20 сантиметров. Так как кабан любит тереться о стволы елей, кедров и пихт, жесткая щетина его бывает часто запачкана смолой. Осенью во время холодов он валяется в грязи. От этого к щетине его примерзает вода; сосульки все увеличиваются и образуют иногда такой толстый слой льда, что он служит помехой его движениям.

Область распространения диких свиней в Уссурийском крае тесно связана с распространением кедра, ореха, лещины и дуба. Северная граница этой области проходит от низов Хунгари*, через среднее течение Анюя, верхнее — Хора и истоки Бикина, а оттуда идет через Сихотэ-Алинь на север к мысу Успения. Одиночные кабаны попадаются и на реке Копи, Хади и по Тумнину**. Животное это чрезвычайно подвижное и сильное. Оно прекрасно видит, отлично слышит и имеет хорошее обоняние. Будучи ранен, кабан становится весьма опасен. Беда неразумному охотнику, который без мер предосторожности вздумает пойти по подранку. В этих случаях кабан ложится на свой след, головой навстречу преследователю. Завидев человека, он с такой стремительностью бросается на него, что последний нередко не успевает даже приставить приклад ружья к плечу и выстрелить.

---

* Хунгари — современная река Гур в Комсомольском и Амурском районах Хабаровского края.

** Ареалы животных, упоминаемых В.К. Арсеньевым, не совпадают с сегодняшними областями их распространения. *(Прим. ред.)*

Кабан, убитый гольдом, оказался двухгодовалой свиньей.

Я спросил старика, почему он не стрелял секача.

— Его старый люди, — сказал он про кабана с клыками. — Его худо кушай, мясо мало-мало пахнет.

Меня поразило, что Дерсу кабанов называет «людьми». Я спросил его об этом.

— Его все равно люди, — подтвердил он, — только рубашка другой. Обмани понимай, сердись понимай, кругом понимай! Все равно люди...

Для меня стало ясно. Воззрение на природу этого первобытного человека было анимистическое, и потому все окружающее он очеловечивал.

На горе мы пробыли довольно долго. Незаметно кончился день. У облаков, столпившихся на западе, края светились так, точно они были из расплавленного металла. Сквозь них прорывались солнечные лучи и веерообразно расходились по небу.

Дерсу наскоро освежевал убитого кабана, взвалил его к себе на плечи, и мы пошли к дому. Через час мы были уже на биваке.

В китайских фанзах было тесно и дымно, поэтому я решил лечь спать на открытом воздухе вместе с Дерсу.

— Моя думай, — сказал он, поглядывая на небо, — ночью тепло будет, завтра вечером — дождь...

Я долго не мог уснуть. Всю ночь мне мерещилась кабанья морда с раздутыми ноздрями. Ничего другого, кроме этих ноздрей, я не видел. Они казались мне маленькими точками. Потом вдруг увеличивались в размерах. Это была уже не голова кабана, а гора и ноздри — пещеры, и будто в пещерах опять кабаны с такими же дыроватыми мордами.

Странно устроен человеческий мозг. Из впечатлений целого дня, из множества разнородных явлений и тысячи предметов, которые всюду попадаются на глаза, что-нибудь одно, часто даже не главное, а случайное, второстепенное, запоминается сильнее, чем все остальное! Некоторые места, где у меня не было никаких приключений, я помню гораздо лучше, чем те, где что-нибудь случилось. Почему-то запомнились одно дерево, которое ничем не отличалось от других деревьев, муравейник, пожелтевший лист, один вид мха и т.д.

Я думаю, что я мог бы вещи эти нарисовать подробно со всеми деталями.

Глава четвертая

В деревне Казакевичево

Приметы Дерсу о погоде. — Перестрелка. — Равнодушие корейцев. — Деревня Казакевичево. — Экскурсия на речные террасы. — Дерсу устраивается на ночь. — Тропа до деревни Ляличи

Утром я проснулся позже других. Первое, что мне бросилось в глаза, — отсутствие солнца. Все небо было в тучах. Заметив, что стрелки укладывают вещи так, чтобы их не промочил дождь, Дерсу сказал:

— Торопиться не надо. Наша днем хорошо ходи, вечером будет дождь.

Я спросил его, почему он так думает.

— Тебе сам посмотри, — ответил гольд. — Видишь, маленькие птицы туда-сюда ходи, играй, кушай. Дождь скоро — его тогда тихонько сиди, все равно спи.

Действительно, я вспомнил, что перед дождем всегда бывает тихо и сумрачно, а теперь — наоборот: лес жил полной жизнью; всюду перекликались дятлы, сойки и кедровки и весело посвистывали суетливые поползни.

Расспросив китайца о дороге, мы тронулись в путь. После горы Тудинзы долина реки Лефу сразу расширяется (от 1 до 3 километров). Отсюда начинались жилые места.

Часам к двум мы дошли до деревни Николаевки, в которой насчитывалось тогда тридцать шесть дворов. Отдохнув немного, я велел Олентьеву купить овса и накормить хорошенько лошадей, а сам вместе с Дерсу пошел вперед. Мне хотелось поскорей дойти до ближайшей деревни Казакевичево* и устроить своих спутников на ночь под крышу.

Осенью в пасмурный день всегда смеркается рано. Часов в пять начал накрапывать дождь. Мы прибавили шагу. Скоро дорога разделилась надвое. Одна шла за реку, другая как будто бы направлялась в горы. Мы выбрали последнюю. Потом стали попадаться другие дороги, пересекающие нашу в разных направлениях. Когда мы подходили к деревне, было уже совсем темно.

В это время стрелки дошли до перекрестка дорог и не зная, куда идти, дали два выстрела. Опасаясь, что они могут заблудиться, я ответил им тем же. Вдруг в ближайшей фанзе

---

* Деревня Казакевичево ныне не существует. Находилась на правом берегу р. Лефу (Илистая) между деревнями Николаевка и Горбатка.

раздался крик, и вслед за тем из окна ее грянул выстрел, потом другой, третий, и через несколько минут стрельба поднялась по всей деревне. Я ничего не мог понять: дождь, крики, ружейная пальба... Что случилось, почему поднялся такой переполох? Вдруг из-за одной фанзы показался свет. Какой-то кореец нес в одной руке керосиновый факел, а в другой берданку. Он бежал и кричал что-то по-своему. Мы бросились к нему навстречу. Неровный красноватый свет факела прыгал по лужам и освещал его искаженное страхом лицо. Увидев нас, кореец бросил факел на землю, выстрелил в упор в Дерсу и убежал. Разлившийся по земле керосин вспыхнул и загорелся дымным пламенем.

— Ты не ранен? — спросил я Дерсу.

— Нет, — сказал он и стал подымать факел.

Я видел, что в него стреляют, а он стоял во весь свой рост, махал рукой и что-то кричал корейцам.

Услышав стрельбу, Олентьев решил, что мы подверглись нападению хунхузов. Оставив при лошадях двух коноводов, он с остальными людьми бросился к нам на выручку. Наконец стрельба из ближайшей к нам фанзы прекратилась. Тогда Дерсу вступил с корейцами в переговоры. Они ни за что не хотели открывать дверей. Никакие увещевания не помогли. Корейцы ругались и грозили возобновить пальбу из ружей.

Нечего делать, надо было становиться биваком. Мы разложили костры на берегу реки и начали ставить палатки. В стороне стояла старая развалившаяся фанза, а рядом с ней были сложены груды дров, заготовленных корейцами на зиму. В деревне стрельба долго еще не прекращалась. Те фанзы, что были в стороне, отстреливались всю ночь. От кого? Корейцы и сами не знали этого. Стрелки и ругались и смеялись.

На другой день была назначена дневка. Я велел людям осмотреть седла, просушить то, что промокло, и почистить винтовки. Дождь перестал; свежий северо-западный ветер разогнал тучи; выглянуло солнце.

Я оделся и пошел осматривать деревню.

Казалось бы, что после вчерашней перепалки корейцы должны были прийти на наш бивак и посмотреть людей, в которых они стреляли. Ничего подобного. Из соседней фанзы вышло двое мужчин. Они были одеты в белые куртки с широкими рукавами, в белые ватные шаровары и имели плетеную веревочную обувь на ногах. Они даже не взглянули на нас и прошли мимо. Около другой фанзы

сидел старик и крутил нитки. Когда я подошел к нему, он поднял голову и посмотрел на меня такими глазами, в которых нельзя было прочесть ни любопытства, ни удивления. По дороге навстречу нам шла женщина, одетая в белую юбку и белую кофту; грудь ее была открыта. Она несла на голове глиняный кувшин с водой и шла прямо, ровной походкой, глядя вниз на землю. Поравнявшись с нами, кореянка не посторонилась и, не поднимая глаз, прошла мимо. И всюду, куда я ни приходил, я видел то удивительное равнодушие, которым так отличаются корейцы. «Страна утреннего спокойствия» — вспомнилось мне название, данное Корее. Это спокойствие очень похоже на тупость. Казалось, здесь не было жизни, а были только одни механические движения.

Корейцы живут хуторами. Фанзы их разбросаны на значительном расстоянии друг от друга, и каждая находится в середине своих полей и огородов. Вот почему небольшая корейская деревня сплошь и рядом занимает пространство в несколько квадратных километров.

Возвращаясь назад к биваку, я вошел в одну из фанз. Тонкие стены ее были обмазаны глиной изнутри и снаружи. В фанзе имелось трое дверей с решетчатыми окнами, оклеенными бумагой. Соломенная четырехскатная крыша была покрыта сетью, сплетенной из сухой травы.

Корейские фанзы все одинаковы. Внутри их имеется глиняный кан. Он занимает больше половины помещения. Под каном проходят печные трубы, согревающие полы в комнатах и распространяющие тепло по всему дому. Дымовые ходы выведены наружу в большое, дуплистое дерево, заменяющее трубу. В одной половине фанзы, где находятся каны, помещаются люди, в другой, с земляным полом, — куры, лошади и рогатый скот. Жилая половина дощатыми перегородками разделяется еще на отдельные комнаты, устланные чистыми циновками. В одной комнате помещаются женщины с детьми, в других — мужчины и гости.

В фанзе я увидел ту самую женщину, которая переходила нам дорогу с кувшином на голове. Она сидела на корточках и деревянным ковшом наливала в котел воду. Делала она это медленно, высоко поднимала ковш кверху и лила воду как-то странно — через руку в правую сторону. Она равнодушно взглянула на меня и молча продолжала свое дело. На кане сидел мужчина лет пятидесяти и курил трубку. Он не шевельнулся и ничего не ответил на мое приветствие. Я посидел с минуту, затем вышел на улицу и на-

правился к своим спутникам. После обеда я отправился экскурсировать по окрестностям. Переправившись на другую сторону реки, я поднялся на возвышенность. Это была древняя речная терраса, высотой в 20 метров. Нижние слои ее состоят из песчаников, верхний — из пористой лавы. Большие пустоты в лаве свидетельствовали о том, что в момент извержения она была сильно насыщена газами. Многие пустоты выполнены каким-то минералом черного и серо-синего цвета.

С высоты террасы мне открывался чудный вид на долину реки Лефу. Правый берег, где расположилась деревня Казакевичево, был низменный. В этих местах Лефу принимает в себя четыре притока: Малую Лефу и Пичинзу — с левой стороны и Ивановку и Лубянку — с правой. Между устьями двух последних, на такой же древней речной террасе, расположилось большое село Ивановское, насчитывающее около двухсот дворов[23]. Дальше долина Лефу становится расплывчатой. Пологие холмы, мало возвышающиеся над общим уровнем, покрыты дубовым и чернoберезовым редколесьем.

Часа два я бродил по окрестностям и наконец опять подошел к обрыву.

День склонялся к вечеру. По небу медленно ползли легкие розовые облачка. Дальние горы, освещенные последними лучами заходящего солнца, казались фиолетовыми. Оголенные от листвы деревья приняли однотонную серую окраску. В нашей деревне по-прежнему царило полное спокойствие. Из длинных труб фанз вились белые дымки. Они быстро таяли в прохладном вечернем воздухе. По дорожкам кое-где мелькали белые фигуры корейцев. Внизу, у самой реки, горел огонь. Это был наш бивак.

Когда я возвращался назад, уже смеркалось. Вода в реке казалась черной, и на спокойной поверхности ее отражались пламя костра и мигающие на небе звезды. Около огня сидели стрелки: один что-то рассказывал, другие смеялись.

— Ужинать! — крикнул артельщик.

Смех и шутки сразу прекратились.

После чая я сел у огня и стал записывать в дневнике свои наблюдения. Дерсу разбирал свою котомку и поправлял костер.

— Мало-мало холодно, — сказал он, пожимая плечами.

— Иди спать в фанзу, — посоветовал я ему.

— Не хочу, — ответил он, — моя всегда так спи.

Затем он натыкал позади себя несколько ивовых прутьев и обтянул их полотнищами палатки, потом постелил на землю козью шкуру, сел на нее и, накинув себе на плечи кожаную куртку, закурил трубку. Через несколько минут я услышал легкий храп. Он спал. Голова его свесилась на грудь, руки опустились, погасшая трубка выпала изо рта и лежала на коленях... «И так всю жизнь, — подумал я. — Каким тяжелым трудом, ценой каких лишений добывал себе этот человек средства к жизни!» Но тотчас я поймал себя на другой мысли: едва ли бы этот зверолов согласился променять свою свободу. Дерсу по-своему был счастлив.

В стороне глухо шумела река; где-то за деревней лаяла собака; в одной из фанз плакал ребенок. Я завернулся в бурку, лег спиной к костру и сладко уснул.

На другой день чуть свет мы все были уже на ногах. Ночью наши лошади, не найдя корма на корейских пашнях, ушли к горам на отаву. Пока их разыскивали, артельщик приготовил чай и сварил кашу. Когда стрелки вернулись с конями, я успел закончить свои работы. В восемь часов утра мы выступили в путь.

От описанного села Казакевичево[24] по долине реки Лефу есть две дороги. Одна из них, кружная, идет на село Ивановское, другая, малохоженая и местами болотистая, идет по левому берегу реки. Мы выбрали последнюю. Чем дальше, тем долина все более и более принимала характер луговой.

По всем признакам видно было, что горы кончаются. Они отодвинулись куда-то в сторону, и на место их выступили широкие и пологие увалы, покрытые кустарниковой порослью. Дуб и липа дровяного характера с отмерзшими вершинами растут здесь кое-где группами и в одиночку. Около самой реки — частые насаждения ивы, ольхи и черемухи. Наша тропа стала принимать влево, в горы и увела нас от реки километра на четыре.

В этот день мы немного не дошли до деревни Ляличи[25] и заночевали в шести километрах от нее.

Вечером я сидел с Дерсу у костра и беседовал с ним о дальнейшем маршруте по реке Лефу. Гольд говорил, что далее пойдут обширные болота и бездорожье, и советовал плыть на лодке, а лошадей и часть команды оставить в Ляличах. Совет его был вполне благоразумный. Я последовал ему и только изменил местопребывание команды.

Глава пятая

Нижнее течение реки Лефу

Ночевка около деревни Ляличи. — Море травы. — Осенний перелет птиц. — Стрельба Дерсу. — Село Халкидон. — Живая вода и живой огонь. — Пернатое население болот. — Теневой сегмент земли. — Тяжелое состояние после сна. — Перемена погоды

На другое утро я взял с собой Олентьева и стрелка Марченко, а остальных отправил в село Черниговку с приказанием дожидаться там моего возвращения. При содействии старосты нам очень скоро удалось заполучить довольно сносную плоскодонку. За нее мы отдали двенадцать рублей деньгами и две бутылки водки. Весь день был употреблен на оборудование лодки. Дерсу сам приспособлял весла, устраивал из колышков уключины, налаживал сиденья и готовил шесты. Я любовался, как работа у него в руках спорилась и кипела. Он никогда не суетился, все действия его были обдуманы, последовательны, и ни в чем не было проволочек. Видно было, что он в жизни прошел такую школу, которая приучила его быть энергичным, деятельным и не тратить времени понапрасну. Случайно в одной избе нашлись готовые сухари. А больше нам ничего не надо было. Все остальное — чай, сахар, соль, крупу и консервы — мы имели в достаточном количестве. В тот же вечер по совету гольда все имущество было перенесено в лодку, а сами мы остались ночевать на берегу.

Ночь выпала ветреная и холодная. За недостатком дров огня большого развести было нельзя, и потому все зябли и почти не спали. Как я ни старался завернуться в бурку, но холодный ветер находил где-нибудь лазейку и знобил то плечо, то бок, то спину. Дрова были плохие, они трещали и бросали во все стороны искры. У Дерсу прогорело одеяло. Сквозь дремоту я слышал, как он ругал полено, называя его по-своему — «худой люди».

— Его постоянно так гори — все равно кричи, — говорил он кому-то и при этом изобразил своим голосом, как трещат дрова. — Его надо гоняй.

После этого я слышал всплеск по реке и шипение головешки. Очевидно, старик бросил ее в воду. Потом мне удалось как-то согреться, и я уснул.

Ночью я проснулся и увидел Дерсу, сидящего у костра. Он поправлял огонь. Ветер раздувал пламя во все сторо- /67

ны. Поверх бурки на мне лежало одеяло гольда. Значит, это он прикрыл меня, вот почему я и согрелся. Стрелки тоже были прикрыты его палаткой. Я предлагал Дерсу лечь на мое место, но он отказался.

— Не надо, капитан, — сказал он. — Тебе спи, моя буду караулить огонь. Его шибко вредный, — он указал на дрова.

Чем ближе я присматривался к этому человеку, тем больше он мне нравился. С каждым днем я открывал в нем новые достоинства. Раньше я думал, что эгоизм особенно свойствен дикому человеку, а чувство гуманности, человеколюбия и внимания к чужому интересу присуще только европейцам. Не ошибся ли я? Под эти мысли я опять задремал и проспал до утра.

Когда совсем рассвело, Дерсу разбудил нас. Он согрел чай и изжарил мясо. После завтрака я отправил команду с лошадьми в Черниговку, затем мы спустили лодку в воду и тронулись в путь.

Подгоняемая шестами, лодка наша хорошо шла по течению. Километров через пять мы достигли железнодорожного моста и остановились на отдых. Дерсу рассказал, что в этих местах он бывал еще мальчиком с отцом. Они приходили сюда на охоту за козами. Про железную дорогу он слышал от китайцев, но никогда ее раньше не видел.

После краткого отдыха мы поплыли дальше. Около железнодорожного моста горы кончились. Я вышел из лодки и поднялся на ближайшую сопку, чтобы в последний раз осмотреться во все стороны. Красивая панорама развернулась перед моими глазами. Сзади, на востоке, толпились горы: на юге были пологие холмы, поросшие лиственным редколесьем; на севере, насколько хватал глаз, расстилалось бесконечное низменное пространство, покрытое травой. Сколько я ни напрягал зрение, я не мог увидеть конца этой низины. Она уходила вдаль и скрывалась где-то за горизонтом. Порой по ней пробегал ветер. Трава колыхалась и волновалась, как море. Кое-где группами и в одиночку росли чахлые березки и другие какие-то деревья. С горы, на которой я стоял, реку Лефу далеко можно было проследить по ольшаникам и ивнякам, растущим по ее берегам в изобилии. Вначале она сохраняет свое северо-восточное направление, но, не доходя сопок, видневшихся на западе километрах в восьми, поворачивает на север и немного склоняется к востоку. Бесчисленное множество протоков, слепых рукавов, заводей и озерков окаймляет

ее с обеих сторон. Низина эта казалась безжизненной и пустынной. Ярко блестевшие на солнце в разных местах лужи свидетельствовали о том, что долина Лефу в дождливый период года легко затопляется водой.

На всем этом пространстве Лефу принимает в себя с левой стороны два притока: Сандуган[26]* и Хунухезу[27]. Последняя протекает по такой же низменной и болотистой долине, как и сама Лефу.

К полудню мы доехали еще до одной возвышенности, расположенной на самом берегу реки, с левой стороны. Сопка эта высотою 120—140 метров покрыта редколесьем из дуба, березы, липы, клена, ореха и акаций. Отсюда шла тропинка, вероятно, к селу Вознесенскому, находящемуся западнее, километрах в двенадцати.

Во вторую половину дня мы проехали еще столько же и стали биваком довольно рано.

Долгое сидение в лодке наскучило, и потому всем хотелось выйти и размять онемевшие члены. Меня тянуло в поле. Олентьев и Марченко принялись устраивать бивак, а мы с Дерсу пошли на охоту. С первого же шага буйные травы охватили нас со всех сторон. Они были так высоки и так густы, что человек в них казался утонувшим. Внизу, под ногами, — трава, спереди и сзади — трава, с боков — тоже трава и только вверху — голубое небо. Казалось, что мы шли по дну травяного моря. Это впечатление становилось еще сильнее, когда, взобравшись на какую-нибудь кочку, я видел, как степь волновалась. С робостью и опаской я опять погружался в траву и шел дальше. В этих местах так же легко заблудиться, как и в лесу. Мы несколько раз сбивались с дороги, но тотчас же спешили исправить свои ошибки. Найдя какую-нибудь кочку, я взбирался на нее и старался рассмотреть что-нибудь впереди. Дерсу хватал вейник и полынь руками и пригибал их к земле. Я смотрел вперед, в стороны, и всюду передо мной расстилалось бесконечное волнующееся травяное море.

Главными представителями этих трав будут: тростники высотой до 3 метров, вейник — 1,5 метра, полынь — 2 метра и др. Из древесных пород, растущих по берегам проток, можно отметить кустарниковую лозу, осину, белую березу, ольху и др.

Население этих болотистых степей главным образом пернатое. Кто не бывал в низовьях Лефу во время перелета,

---

* Сандуган (современная Снегуровка) впадает в р. Лефу (р. Илистая) *справа.*

тот не может себе представить, что там происходит. Тысячи тысяч птиц большими и малыми стаями тянулись к югу. Некоторые шли в обратном направлении, другие — наискось в сторону. Вереницы их то подымались кверху, то опускались вниз, и все разом, ближние и дальние, проектировались на фоне неба, в особенности внизу, около горизонта, который вследствие этого казался как бы затянутым паутиной. Я смотрел как очарованный. Выше всех были орлы. Распластав свои могучие крылья, они парили, описывая большие круги. Что для них расстояния? Некоторые из них кружились так высоко, что едва были заметны. Ниже их, но все же высоко над землей, летели гуси. Эти осторожные птицы шли правильными косяками и, тяжело вразброд махая крыльями, оглашали воздух своими сильными криками. Рядом с ними летели казарки и лебеди. Внизу, ближе к земле, с шумом неслись торопливые утки. Тут были стаи грузной кряквы, которую легко можно было узнать по свистящему шуму, издаваемому ее крыльями, и совсем над водой тысячами летели чирки и другие мелкие утки. Там и сям в воздухе виднелись канюки и пустельга. Эти представители соколов описывали красивые круги, подолгу останавливались на одном месте и, трепеща крыльями, зорко высматривали на земле добычу. Порой они отлетали в сторону, опять описывали круги и вдруг, сложив крылья, стремглав бросались книзу, но, едва коснувшись травы, снова быстро взмывали вверх. Грациозные и подвижные чайки и изящные проворные крачки своей снежной белизной мелькали в синеве лазурного неба. Кроншнепы летели легко, плавно и при полете своем делали удивительно красивые повороты. Остроклювые крохали на лету посматривали по сторонам, точно выискивая место, где бы им можно было остановиться. Сивки-моряки держались болотистых низин. Лужи стоячей воды, видимо, служили для них вехами, по которым они и держали направление. И вся масса птиц неслась к югу. Величественная картина!

Вдруг совершенно неожиданно откуда-то взялись две козули. Они были от нас шагах в шестидесяти. В густой траве их почти не было видно — мелькали только головы с растопыренными ушами и белые пятна около задних ног. Отбежав шагов полтораста, козули остановились. Я выпалил из ружья и промахнулся. Раскатистое эхо подхватило звук выстрела и далеко разнесло его по реке. Тысячи птиц поднялись от воды и с криком полетели во все стороны. Испуганные козули сорвались с места и снова пошли боль-

шими прыжками. Тогда прицелился Дерсу. И в тот момент, когда голова одной из них показалась над травой, он спустил курок. Когда дым рассеялся, животных уже не было видно. Гольд снова зарядил свою винтовку и не торопясь пошел вперед. Я молча последовал за ним. Дерсу огляделся, потом повернул назад, пошел в сторону и опять вернулся обратно. Видно было, что он что-то искал.

— Кого ты ищешь? — спросил я его.

— Козулю, — отвечал он.

— Да ведь она ушла.

— Нет, — сказал он уверенно. — Моя в голову его попади.

Я принялся тоже искать убитое животное, хотя и не совсем верил гольду. Мне казалось, что он ошибся. Минут через десять мы нашли козулю. Голова ее оказалась действительно простреленной. Дерсу взвалил ее себе на плечи и тихонько пошел обратно. На бивак мы возвратились уже в сумерки.

Вечерняя заря еще пыталась было бороться с надвигающейся тьмой, но не могла ее осилить, уступила и ушла за горизонт. Тотчас на небе замигали звезды, словно и они обрадовались тому, что наконец-то солнце дало им свободу. Около протоки темнела какая-то роща. Деревьев теперь разобрать было нельзя: они все стали похожи друг на друга. Сквозь них виднелся свет нашего костра. Вечер был тихий и прохладный. Слышно было, как где-то неподалеку от нас с шумом опустилась в воду стая уток. По полету можно было узнать, что это были чирки.

После ужина Дерсу и Олентьев принялись свежевать козулю, а я занялся своей работой. Покончив с дневником, я лег, но долго не мог уснуть. Едва я закрывал глаза, как передо мной тотчас появлялась качающаяся паутина: это было волнующееся травяное море и бесчисленные стаи гусей и уток. Наконец под утро я уснул.

На следующий день мы встали довольно рано, наскоро напились чаю, уложили свои пожитки в лодку и поплыли по Лефу.

Чем дальше, тем извилистее становилась река. Кривуны ее (так местные жители называют извилины) описывают почти полные окружности и вдруг поворачивают назад, опять загибаются, и нет места, где река хоть бы немного текла прямо.

В нижнем течении Лефу принимает в себя с правой стороны два небольших притока: Монастырку и Черниговку. Множество проток и длинных слепых рукавов идет пер-

пендикулярно к реке, наискось и параллельно ей и образует весьма сложную водную систему. Километров на восемь ниже Монастырки горы подходят к Лефу и оканчиваются здесь безыменной сопкой в 290 метров высоты*. У подножия ее расположилась деревня Халкидон. Это было последнее в здешних местах селение. Дальше к северу до самого озера Ханка жилых мест не было.

Взятые с собой запасы продовольствия подходили к концу. Надо было их пополнить. Мы вытащили лодку на берег и пошли в деревню. Посредине ее проходила широкая улица, дома стояли далеко друг от друга. Почти все крестьяне были старожилами и имели надел в сто десятин. Я вошел в первую попавшуюся избу. Нельзя сказать, чтобы на дворе было чисто, нельзя сказать, что чисто было и в доме. Мусор, разбросанные вещи, покачнувшийся забор, сорванная с петель дверь, почерневший от времени и грязи рукомойник свидетельствовали о том, что обитатели этого дома не особенно любили порядок. Когда мы зашли во двор, навстречу нам вышла женщина с ребенком на руках. Она испуганно посторонилась и робко ответила на мое приветствие.

Я невольно обратил внимание на окна. Они были с двойными рамами в четыре стекла. Пространство между ними почти до половины нижних стекол было заполнено чем-то серовато-желтоватым. Сначала я думал, что это опилки, и спросил хозяйку, зачем их туда насыпали.

— Какие это опилки, — сказала женщина, — это комары.

Я подошел поближе. Действительно, это были сухие комары. Их тут было по крайней мере с полкилограмма.

— Мы только и спасаемся от них двумя рамами в окнах. — продолжала она. — Они залезают между стекол и там пропадают. А в избе мы раскладываем дымокуры и спим в комарниках.

— А вы бы выжигали траву в болотах, — сказал ей стрелок Марченко.

— Мы выжигали, да ничего не помогает. Комары-то из воды выходят. Что им огонь! Летом трава сырая, не горит.

В это время подошел Олентьев и сообщил, что хлеб куплен. Обойдя всю деревню, мы вернулись к лодке. Тем временем Дерсу изжарил на огне козлятину и согрел чай. На

* "Безыменная сопка в 290 метров высоты" — это современная гора Богдановка высотой 257 м около с. Халкидон.

берег за нами прибежали деревенские ребятишки. Они стояли в стороне и поглядывали на нас с любопытством.

Через полчаса мы тронулись дальше. Я оглянулся назад. Ребята по-прежнему толпились на берегу и провожали нас глазами.

Река сделала поворот, и деревня скрылась из виду.

Трудно проследить русло Лефу в лабиринте его проток. Ширина реки здесь колеблется от 15 до 80 метров. При этом она отделяет от себя в сторону большие слепые рукава, от которых идут длинные, узкие и глубокие каналы, сообщающиеся с озерами и болотами или с такими речками, которые также впадают в Лефу значительно ниже. По мере того как мы подвигались к озеру Ханка, течение становилось медленнее. Шесты, которыми стрелки проталкивали лодку вперед, упираясь в дно реки, часто завязали, и настолько крепко, что вырывались из рук. Глубина Лефу в этих местах весьма неровная. То лодка наша натыкалась на мели, то проходила по глубоким местам, так что без малого весь шест погружался в воду.

Почва около берегов более или менее твердая, но стоит только отойти немного в сторону, как сразу попадешь в болото. Среди зарослей скрываются длинные озерки. Эти озерки и кусты ивняков и ольшаников, растущие рядами, свидетельствуют о том, что река Лефу раньше текла иначе и несколько раз меняла свое русло.

К вечеру мы немного не дошли до реки Черниговки и стали биваком на узком перешейке между ней и небольшой протокой.

Сегодня был особенно сильный перелет. Олентьев убил несколько уток, которые и составили нам превосходный ужин. Когда стемнело, все птицы прекратили свой лет. Кругом сразу воцарилась тишина. Можно было подумать, что степи эти совершенно безжизненны, а между тем не было ни одного озерка, ни одной заводи, ни одной протоки, где не ночевали бы стада лебедей, гусей, крохалей, уток и другой водяной птицы.

Вечером Марченко и Олентьев улеглись спать раньше нас, а мы с Дерсу, по обыкновению, сидели и разговаривали. Забытый на огне чайник настойчиво напоминал о себе шипением. Дерсу отставил его немного, но чайник продолжал гудеть. Дерсу отставил его еще дальше. Тогда чайник запел тоненьким голоском.

— Как его кричи! — сказал Дерсу. — Худой люди! — Он вскочил и вылил горячую воду на землю.

— Как «люди»? — спросил я его в недоумении.

— Вода, — отвечал он просто. — Ему могу кричи, могу плакать, могу тоже играй.

Долго мне говорил этот первобытный человек о своем мировоззрении. Он видел живую силу в воде, видел ее тихое течение и слышал ее рев во время наводнений.

— Посмотри, — сказал Дерсу, указывая на огонь, — его тоже все равно люди.

Я взглянул на костер. Дрова искрились и трещали. Огонь вспыхивал то длинными, то короткими языками, то становился ярким, то тусклым; из угольев слагались замки, гроты, потом все это разрушалось и созидалось вновь. Дерсу умолк, а я долго еще сидел и смотрел на «живой огонь».

В реке шумно всплеснула рыба. Я вздрогнул и посмотрел на Дерсу. Он сидел и дремал. В степи по-прежнему было тихо. Звезды на небе показывали полночь. Подбросив дров в костер, я разбудил гольда, и мы оба стали укладываться на ночь.

На следующий день мы все проснулись очень рано. Вышло это как-то случайно, само собой.

Как только начала заниматься заря, пернатое царство поднялось на воздух и с шумом и гамом снова понеслось к югу. Первыми снялись гуси, за ними пошли лебеди, потом утки, и уже последними тронулись остальные перелетные птицы. Сначала они низко летели над землей, но по мере того как становилось светлее, поднимались все выше и выше.

До восхода солнца мы успели отплыть от бивака километров восемь и дошли до горы Чайдинзы[28]*, покрытой ильмом и осиной. У подножия ее протекает небольшая речка Сяохеза[29]. Здесь долина реки Лефу становится шириной более 40 километров. С левой стороны ее на огромном протяжении тянутся сплошные болота. Лефу разбивается на множество рукавов, которые имеют десятки километров длины. Рукава разбиваются на протоки и в свою очередь дают ответвления. Эти протоки тянутся широкой полосой по обе стороны реки и образуют такой лабиринт, в котором очень легко заблудиться, если не держаться главного русла и польститься на какой-нибудь рукав в надежде сократить расстояние. Кроме упомянутой Сяохезы, в Лефу впадают еще две речки: Люганка — с правой сторо-

---

* Чайдинза — название утрачено. Возможно, это современная гора Синий Гай. Упоминаемые далее небольшие реки Сяохеза, Люганка, Саугзу не идентифицированы. Названия утрачены, вероятно, в связи с прорытием каналов для рисовых полей-чеков.

ны, и Саузгу[30] — с левой. Дальше до самого озера Ханка никаких притоков нет.

Мы плыли по главному руслу и только в случае крайней нужды сворачивали в сторону, с тем чтобы при первой же возможности выйти на реку снова. Протоки эти, заросшие лозой и камышами, совершенно скрывали нашу лодку. Мы плыли тихо и нередко подходили к птицам ближе, чем на ружейный выстрел. Иногда мы задерживались нарочно и подолгу рассматривали их.

Прежде всего я заметил белую цаплю с черными ногами и желто-зеленым клювом. Она чинно расхаживала около берега, покачивала в такт головой и внимательно рассматривала дно реки. Заметив лодку, птица подпрыгнула два раза, грузно поднялась на воздух и, отлетев немного, снова спустилась на соседней протоке. Потом мы увидели выпь. Серовато-желтая окраска перьев, грязно-желтый клюв, желтые глаза и такие же желтые ноги делают ее удивительно непривлекательной. Эта угрюмая птица ходила сгорбившись по песку и все время преследовала подвижного и хлопотливого кулика-сороку. Кулик отлетал немного, и, как только садился на землю, выпь тотчас же направлялась туда шагом и, когда подходила близко, бросалась бегом и старалась ударить его своим острым клювом. Заметив лодку, выпь забилась в траву, вытянула шею и, подняв голову кверху, замерла на месте. Когда лодка проходила мимо, Марченко выстрелил в нее, но не попал, хотя пуля прошла так близко, что задела рядом с ней камышины. Выпь не шелохнулась. Дерсу рассмеялся.

— Его шибко хитрый люди. Постоянно так обмани, — сказал он.

Действительно, теперь выпь нельзя уже было заметить, окраска ее оперения и поднятый кверху клюв совершенно затерялись в траве.

Дальше мы увидели новую картину. Низко над водой около берега на ветке лозняка уединенно сидел зимородок. Эта маленькая птичка с большой головой и с большим клювом, казалось, дремала. Вдруг она ринулась в воду, нырнула и снова показалась на поверхности, держа в клюве маленькую рыбку. Проглотив добычу, зимородок сел на ветку и опять погрузился в дремоту, но, услышав шум приближающейся лодки, с криком понесся вдоль реки. Яркой синевой мелькнуло его оперенье. Отлетев немного, он уселся на куст, потом отлетел еще дальше и наконец совсем скрылся за поворотом.

Раза два мы встречали болотных курочек-лысух — чер-

ных ныряющих птичек с большими ногами, легко и свободно ходивших по листьям водяных растений. Но в воздухе они казались беспомощными. Видно было, что это не их родная стихия. При полете они как-то странно болтали ногами. Создавалось впечатление, будто они недавно вышли из гнезда и еще не научились летать как следует.

Кое-где в стоячих водах держались поганки с торчащими в сторону ушами и с воротничками из цветных перьев. Они не улетали, а спешили спрятаться в траве или нырнуть в воду.

Погода нам благоприятствовала. Был один из тех теплых осенних дней, которые так часто бывают в Южно-Уссурийском крае в октябре. Небо было совершенно безоблачное, ясное; легкий ветерок тянул с запада. Такая погода часто обманчива, и нередко после нее начинают дуть холодные северо-западные ветры, и чем дольше стоит такая тишь, тем резче будет перемена.

Часов в одиннадцать утра мы сделали большой привал около реки Люганки. После обеда люди легли отдыхать, а я пошел побродить по берегу. Куда я ни обращал свой взор, я всюду видел только траву и болото. Далеко на западе чуть-чуть виднелись туманные горы. По безлесным равнинам кое-где, как оазисы, темнели пятна мелкой кустарниковой поросли.

Пробираясь к ним, я спугнул большую болотную сову — «ночную птицу открытых пространств», которая днем всегда прячется в траве. Она испуганно шарахнулась в сторону от меня и, отлетев немного, опять опустилась в болото. Около кустов я сел отдохнуть и вдруг услышал слабый шорох. Я вздрогнул и оглянулся. Но страх мой оказался напрасным. Это были камышовки. Они порхали по тростникам, поминутно подергивая хвостиком. Затем я увидел двух крапивников. Миловидные рыжевато-пестрые птички эти все время прятались в зарослях, потом выскакивали вдруг где-нибудь с другой стороны и скрывались снова под сухой травой. Вместе с ними была одна камышовка-овсянка. Она все время лазала по тростникам, нагибала голову в сторону и вопрошающе на меня посматривала. Я видел здесь еще много других мелких птиц, названия которых мне были неизвестны.

Через час я вернулся к своим. Марченко уже согрел чай и ожидал моего возвращения. Утолив жажду, мы сели в лодку и поплыли дальше. Желая пополнить свой дневник, я спросил Дерсу, следы каких животных он видел в доли-
 не Лефу с тех пор, как мы вышли из гор и начались боло-

та. Он отвечал, что в этих местах держатся козули, енотовидные собаки, барсуки, волки, лисицы, зайцы, хорьки, выдры, водяные крысы, мыши и землеройки.

Во вторую половину дня мы прошли еще километров двенадцать и стали биваком на одном из многочисленных островов.

Сегодня мы имели случай наблюдать на востоке теневой сегмент земли. Вечерняя заря переливалась особенно яркими красками. Сначала она была бледная, потом стала изумрудно-зеленой, и по этому зеленому фону, как расходящиеся столбы, поднялись из-за горизонта два светло-желтых луча. Через несколько минут лучи пропали. Зеленый свет зари сделался оранжевым, а потом красным. Самое последнее явление заключалось в том, что багрово-красный горизонт стал темным, словно от дыма. Одновременно с закатом солнца на востоке появился теневой сегмент земли. Одним концом он касался северного горизонта, другим южного. Внешний край этой тени был пурпуровый, и чем ниже спускалось солнце, тем выше поднимался теневой сегмент. Скоро пурпуровая полоса слилась с красной зарей на западе, и тогда наступила темная ночь.

Я смотрел и восторгался, но в это время услышал, что Дерсу ворчит:

— Понимай нету!

Я догадался, что это замечание относилось ко мне, и спросил его, в чем дело.

— Это худо, — сказал он, указывая на небо. — Моя думай, будет большой ветер.

Вечером мы долго сидели у огня. Утром встали рано, за день утомились и поэтому, как только поужинали, тотчас же легли спать. Предрассветный наш сон был какой-то тяжелый. Во всем теле чувствовались истома и слабость, движения были вялые. Так как это состояние ощущалось всеми одинаково, то я испугался, думая, что мы заболели лихорадкой или чем-нибудь отравились, но Дерсу успокоил меня, что это всегда бывает при перемене погоды. Нехотя мы поели и нехотя поплыли дальше. Погода, была теплая; ветра не было совершенно; камыши стояли неподвижно и как будто дремали. Дальние горы, виденные дотоле ясно, теперь совсем утонули во мгле. По бледному небу протянулись тонкие растянутые облачка, и около солнца появились венцы. Я заметил, что кругом уже не было такой жизни, как накануне. Куда-то исчезли и гуси, и утки, и все мелкие птицы. Только на небе парили

орланы. Вероятно, они находились вне тех атмосферных изменений, которые вызвали среди всех животных на земле общую апатию и сонливость.

— Ничего, — говорил Дерсу. — Моя думай, половина солнца кончай, другой ветер найди есть.

Я спросил его, отчего птицы перестали летать, и он прочел мне длинную лекцию о перелете.

По его словам, птицы любят двигаться против ветра. При полном штиле и во время теплой погоды они сидят на болотах. Если ветер дует им вслед, они зябнут, потому что холодный воздух проникает под перья. Тогда птицы прячутся в траве. Только неожиданный снегопад может принудить пернатых лететь дальше, невзирая на ветер и стужу.

Чем ближе мы подвигались к озеру Ханка, тем болотистее становилась равнина. Деревья по берегам проток исчезли, и их место заняли редкие, тощие кустарники. Замедление течения в реке тотчас сказалось на растительности. Появились лилии, кувшинки, курослеп, водяной орех и т.д. Иногда заросли травы были так густы, что лодка не могла пройти сквозь них, и мы вынуждены были делать большие обходы. В одном месте мы заблудились и попали в какой-то тупик. Олентьев хотел было выйти из лодки, но едва ступил на берег, как провалился и увяз по колено. Тогда мы повернули назад, вошли в какое-то озеро и там случайно нашли свою протоку. Лабиринт, заросший травой, остался теперь позади, и мы могли радоваться, что отделались так дешево. С каждым днем ориентировка становилась все труднее и труднее.

Раньше по деревьям можно было далеко проследить реку, теперь же нигде не было даже кустов, вследствие этого на несколько метров вперед нельзя было сказать, куда свернет протока, влево или вправо.

Предсказание Дерсу сбылось. В полдень начал дуть ветер с юга. Он постепенно усиливался и в то же время менял направление к западу. Гуси и утки снова поднялись в воздух и полетели низко над землей.

В одном месте было много плавникового леса, принесенного сюда во время наводнений. На Лефу этим пренебрегать нельзя, иначе рискуешь заночевать без дров. Через несколько минут стрелки разгружали лодку, а Дерсу раскладывал огонь и ставил палатку.

До озера Ханка оставалось немного. Я знал, что река здесь отклоняется к северо-востоку и впадает в восточный угол залива Лебяжьего, названного так потому, что во

время перелетов здесь всегда держится много лебедей. Этот залив длиной от 6 до 8 и шириной около одного километра. Он очень мелководен и соединяется с озером узкой протокой. Таким образом, для того чтобы достигнуть озера на лодке, нужно было пройти еще километров пятнадцать, а напрямик целиной — не более двух с половиной или трех. Было решено, что завтра мы вместе с Дерсу пойдем пешком и к сумеркам вернемся назад. Олентьев и Марченко должны были остаться на биваке и ждать нашего возвращения.

Вечером у всех было много свободного времени. Мы сидели у костра, пили чай и разговаривали между собой. Сухие дрова горели ярким пламенем. Камыши качались и шумели, и от этого шума ветер казался сильнее, чем он был на самом деле. На небе лежала мгла, и сквозь нее чуть-чуть виднелись только крупные звезды. С озера до нас доносился шум прибоя. К утру небо покрылось слоистыми облаками. Теперь ветер дул с северо-запада. Погода немного ухудшилась, но не настолько, чтобы помешать нашей экскурсии.

Глава шестая

Пурга на озере Ханка

Исторические и географические сведения об озере Ханка. — Торопливый перелет птиц. — Заблудились. — Пурга. — Шалаш из травы. — Возвращение на бивак. — Путь до Дмитровки. — Дерсу заботится о лодке. — Бивак гольда за деревней. — Планы Дерсу. — Прощание. — Возвращение во Владивосток

Озеро Ханка (по-гольдски Кенка) имеет несколько яйцевидную форму. Оно расположено (между 44°36' и 45°2' северной широты) таким образом, что закругленный овал его находится на севере, а острый конец — на юге. С боков этот овал немного сжат. Наибольшая ширина озера равна 60 километрам, наименьшая — 30. В окружности оно около 260 километров и в длину — 85. Это дает площадь в 2400 квадратных километров*.

На севере Ханка имеет еще один придаток — озеро

---

* Площадь зеркала оз. Ханка в разных источниках указывается разная: 4000-4400 км^2, в зависимости от высоты уровня (Энциклопедический словарь географических названий СССР. М., 1973); 4190 км^2 (Гидрологическая изученность. Т.18. Дальний Восток. Вып.1. Амур. Л., 1966). *(Прим. ред.)*

Малое Ханка (по-китайски Сяо-Ху и по-гольдски — Дабуку). Оно длиной 15, шириной 25 километров и отделено от большого озера только песчаной косой, по которой в прежнее время пролегал путь из Маньчжурии в Уссурийский край. Верхняя часть озера Ханка (приблизительно четвертая) принадлежит Китаю. Граница между обоими государствами проходит здесь по прямой линии от устья реки Тур (по-китайски Байминхе[31]) к реке Сунгаче (по-китайски Суначан[32]), берущей начало из озера Ханка в точке, имеющей следующие географические координаты: 45°27' северной широты и 150°10' восточной долготы от Ферро* на высоте 86 метров над уровнем моря**.

При Ляосской династии озеро Ханка называлось Бэйцинхай, а в настоящее время — Ханка, Хинкай и Синкайху, что значит Озеро процветания и благоденствия. Надо полагать, что название озера Ханка произошло от другого слова, именно от слова «ханхай», что значит «впадина». Этим именем китайцы называют всякое пониженное место, будет ли это сухая или заполненная водой котловина. Так они называют, например, западную часть пустыни Такла-Макан. Озеро Ханка с окрестными болотами действительно представляет собой впадину, и потому название Ханхай вполне ему соответствует.

Сплошные топи и болота на севере, западе и к югу от озера свидетельствуют о том, что раньше оно было значительно больше. Устье Лефу было где-нибудь около Халкидона, а может быть, и еще южнее. Река Сунгача[33], вероятно, тоже не существовала, и озеро соединялось непосредственно с Уссури протокой. В настоящее время озеро Ханка выше уровня моря не более как на 50 метров. Средняя высота хребта, отделяющего Суйфунский[34] бассейн от озера, равняется 180 метрам. Этим объясняется обилие болот и топей по долинам рек внутреннего бассейна. Самый древний берег озера Ханка — западный. Здесь в обнажениях видна глина третичной формации. Самыми старыми поселками на озере будут: Турий Рог и Камень-Рыболов. Ханка, как и все озера, через которые проходит река, находится в периоде обмеления.

Наибольшая глубина его равна 10 метрам. Этот медленный процесс заполнения озера песком и илом про-

---

* Исток р. Сунгача имеет координаты 45°03' с.ш., 132°51' в.д. Ферро — остров в группе Канарских островов. До 1884 г. через Ферро проводили начальный (нулевой) меридиан. Разница с Гринвичем составляет около 17°30' по долготе.

** Оз. Ханка выше уровня моря на 68 м.

должается и теперь. Вследствие мелководья оно очень бурное. Небольшое волнение уже достигает дна, поэтому прибой создается не только у берегов, но и посредине.

Сделав нужные распоряжения, мы с Дерсу отправились в путь.

Мы полагали, что к вечеру возвратимся назад, и потому пошли налегке, оставив все лишнее на биваке. На всякий случай под тужурку я надел фуфайку, Дерсу захватил с собой полотнище палатки и две пары меховых чулок.

По дороге он часто посматривал на небо, что-то говорил с собой и затем обратился ко мне с вопросом:

— Как, капитан, наша скоро назад ходи или нет? Моя думай, ночью будет худо.

Я ответил ему, что до Ханки недалеко и что задерживаться мы там не будем.

Дерсу был сговорчив. Его всегда можно было легко уговорить. Он считал своим долгом предупредить об угрожающей опасности и, если видел, что его не слушают, покорялся, шел молча и никогда не спорил.

— Хорошо, капитан, — сказал он мне в ответ. — Тебе сам посмотри, а моя как ладно, так и ладно.

Последняя фраза была обычной формой выражения им своего согласия.

Идти можно было только по берегам проток и озерков, где почва была немного суше. Мы направились левым берегом той протоки, около которой был расположен наш бивак. Она долгое время шла в желательном для нас направлении, но потом вдруг круто повернула назад. Мы оставили ее и, перейдя через болотце, вышли к другой узкой, но очень глубокой протоке. Перепрыгнув через нее, мы снова пошли камышами. Затем я помню, что еще другая протока появилась у нас слева. Мы направились по правому ее берегу. Заметив, что она загибается к югу, мы бросили ее и некоторое время шли целиной, обходя лужи стоячей воды и прыгая на кочки. Так, вероятно, прошли мы километра три. Наконец я остановился, чтобы ориентироваться. Теперь ветер дул с севера, как раз со стороны озера. Тростник сильно качался и шумел. Порой ветер пригибал его к земле, и тогда являлась возможность разглядеть то, что было впереди. Северный горизонт был затянут какой-то мглой, похожей на дым. Сквозь тучи на небе неясно просвечивало солнце, и это казалось мне хорошим предзнаменованием. Наконец мы увидели озеро Ханка. Оно пенилось и бурлило.

Дерсу обратил мое внимание на птиц. Он заметил у них что-то такое, что стало его беспокоить. Это не был спокойный перелет, это было торопливое бегство. Птица, как говорят охотники, шла валом и в беспорядке. Гуси летели низко, почти над самой землей. Странный вид имели они, когда двигались нам навстречу и находились на линии зрения. В это время они были похожи на древних летучих ящеров. Ни ног, ни хвоста не было видно — виднелось что-то кургузое, махающее длинными крыльями и приближающееся с невероятной быстротой. Увидев нас, гуси сразу взмывали кверху, но, обойдя опасное место, опять выстраивались в прежний порядок и снова спускались к земле.

Около полудня мы с Дерсу дошли до озера. Грозный вид имело теперь пресное море. Вода в нем кипела, как в котле. После долгого пути по травяным болотам вид свободной водной стихии доставлял большое удовольствие. Я сел на песок и стал глядеть в воду. Что-то особенно привлекательное есть в прибое. Можно целыми часами смотреть, как бьется вода о берег.

Озеро было пустынным. Нигде ни одного паруса, ни одной лодки. Около часу мы бродили по берегу и стреляли птиц.

— Утка кончай ходи, — сказал Дерсу вслух.

Действительно, перелет птиц сразу прекратился. Черная мгла, которая дотоле была у горизонта, вдруг стала подыматься кверху. Солнце теперь уже совсем не было видно. По темному небу, покрытому тучами, точно вперегонки бежали отдельные белесоватые облака. Края их были разорваны и висели клочьями, словно грязная вата.

— Капитан, надо наша скоро ходи назад, — сказал Дерсу. — Моя мало-мало боится.

В самом деле, пора было подумать о возвращении на бивак. Мы переобулись и пошли обратно. Дойдя до зарослей, я остановился, чтобы в последний раз взглянуть на озеро. Точно разъяренный зверь на привязи, оно металось в своих берегах и вздымало кверху желтоватую пену.

— Вода прибавляй есть, — сказал Дерсу, осматривая протоку.

Он был прав. Сильный ветер гнал воду к устью Лефу, вследствие чего река вышла из берегов и понемногу стала затоплять равнину. Вскоре мы подошли к какой-то большой протоке, преграждавшей нам путь. Место это мне показалось незнакомым. Дерсу тоже не узнал его. Он остановился, подумал немного и пошел влево. Протока стала

заворачиваться и ушла куда-то в сторону. Мы оставили ее и пошли напрямик к югу. Через несколько минут мы попали в топь и должны были возвратиться назад к протоке. Тогда мы повернули направо, наткнулись на новую протоку и перешли ее вброд. Отсюда мы пошли на восток, но попали в трясину. В одном месте мы нашли сухую полоску земли. Как мост, тянулась она через болото. Ощупывая почву ногами, мы осторожно пробирались вперед и, пройдя с полкилометра, очутились на сухом месте, густо заросшем травой. Топь теперь осталась позади.

Я взглянул на часы. Было около четырех часов пополудни, а казалось, как будто наступили уже сумерки. Тяжелые тучи опустились ниже и быстро неслись к югу. По моим соображениям, до реки оставалось не более двух с половиной километров. Одинокая сопка вдали, против которой был наш бивак, служила нам ориентировочным пунктом. Заблудиться мы не могли, могли только запоздать. Вдруг совершенно неожиданно перед нами очутилось довольно большое озеро. Мы решили обойти. Но оно оказалось длинным. Тогда мы пошли влево. Шагов через полтораста перед нами появилась новая протока, идущая к озеру под прямым углом. Мы бросились в другую сторону и вскоре опять подошли к тому же зыбучему болоту. Тогда я решил еще раз попытать счастья в правой стороне. Скоро под ногами стала хлюпать вода; дальше виднелись большие лужи. Стало ясно, что мы заблудились. Дело принимало серьезный оборот. Я предложил гольду вернуться назад и разыскать тот перешеек, который привел нас на этот остров. Дерсу согласился. Мы пошли обратно, но вторично его найти уже не могли.

Вдруг ветер сразу упал. Издали донесся до нас шум озера Ханка. Начало смеркаться, и одновременно с тем в воздухе закружилось несколько снежинок. Штиль продолжался несколько минут, и вслед за тем налетел вихрь. Снег пошел сильнее.

«Придется ночевать», — подумал я и вдруг вспомнил, что на этом острове нет дров: ни единого деревца, ни единого кустика, ничего, кроме воды и травы. Я испугался.

— Что будем делать? — спросил я Дерсу.

— Моя шибко боится, — отвечал он.

Тут я только понял весь ужас нашего положения. Ночью во время пурги нам приходилось оставаться среди болот без огня и теплой одежды. Единственная моя надежда была на Дерсу. В нем одном я видел свое спасение.

— Слушай, капитан! — сказал он. — Хорошо слушай! Надо наша скоро работай. Хорошо работай нету — наша пропал. Надо скоро резать траву.

Я не спрашивал его, зачем это было нужно. Для меня было только одно понятно — «надо скорее резать траву». Мы быстро сняли с себя все снаряжение и с лихорадочной поспешностью принялись за работу. Пока я собирал такую охапку травы, что ее можно было взять в одну руку, Дерсу успевал нарезать столько, что еле обхватывал двумя руками. Ветер дул порывами и с такой силой, что стоять на ногах было почти невозможно. Моя одежда стала смерзаться. Едва успевали мы положить на землю срезанную траву, как сверху ее тотчас заносило снегом. В некоторых местах Дерсу не велел резать траву. Он очень сердился, когда я его не слушал.

— Тебе понимай нету! — кричал он. — Тебе надо слушай и работай. Моя понимай.

Дерсу взял ремни от ружей, взял свой пояс, у меня в кармане нашлась веревочка. Все это он свернул и сунул к себе за пазуху. Становилось все темнее и холоднее. Благодаря выпавшему снегу можно было кое-что рассмотреть на земле. Дерсу двигался с поразительной энергией. Как только я прекращал работу, он кричал мне, что надо торопиться. В голосе его слышались нотки страха и негодования. Тогда я снова брался за нож и работал до изнеможения. На рубашку мне навалилось много снега. Он стал таять, и я почувствовал, как холодные струйки воды потекли по спине. Я думаю, мы собирали траву более часа. Пронзительный ветер и колючий снег нестерпимо резали лицо. У меня озябли руки. Я стал согревать их дыханием и в это время обронил нож. Заметив, что я перестал работать, Дерсу вновь крикнул мне:

— Капитан, работай! Моя шибко боится! Скоро совсем пропади!

Я сказал, что потерял нож.

— Рви траву руками, — крикнул он, стараясь пересилить шум ветра.

Автоматически, почти бессознательно я ломал камыши, порезал руки, но боялся оставить работу и продолжал рвать траву до тех пор, пока окончательно не обессилел. В глазах у меня стали ходить круги, зубы стучали, как в лихорадке. Намокшая одежда коробилась и трещала. На меня напала дремота. «Так вот замерзают», — мелькнуло у меня в голове, и вслед за тем я впал в какое-то забытье. Сколько
 времени продолжалось это обморочное состояние — я не

знаю. Вдруг я почувствовал, что меня кто-то трясет за плечо. Я очнулся. Надо мной, наклонившись, стоял Дерсу.

— Становись на колени, — сказал он мне.

Я повиновался и уперся руками в землю. Дерсу накрыл меня своей палаткой, а затем сверху стал заваливать травой. Сразу стало теплее. Закапала вода. Дерсу долго ходил вокруг, подгребал снег и утаптывал его ногами.

Я стал согреваться и затем впал в тяжелое дремотное состояние. Вдруг я услышал голос Дерсу:

— Капитан, подвинься!

Я сделал над собой усилие и прижался в сторону. Гольд вполз под палатку, лег рядом со мной и стал покрывать нас обоих своей кожаной курткой. Я протянул руку и нащупал на ногах у себя знакомую мне меховую обувь.

— Спасибо, Дерсу, — говорил я ему. — Покрывайся сам.

— Ничего, ничего, капитан, — отвечал он. — Теперь бояться не надо. Моя крепко трава вяжи. Ветер ломай не могу.

Чем больше засыпало нас снегом, тем теплее становилось в нашем импровизированном шалаше. Капанье сверху прекратилось. Снаружи доносилось завывание ветра. Точно где-то гудели гудки, звонили в колокола и отпевали покойников. Потом мне стали грезиться какие-то пляски, куда-то я медленно падал, все ниже и ниже, и наконец погрузился в долгий и глубокий сон... Так, вероятно, мы проспали часов двенадцать.

Когда я проснулся, было темно и тихо. Вдруг я заметил, что лежу один.

— Дерсу! — крикнул я испуганно.

— Медведи! — услышал я голос его снаружи. — Медведи! Вылезай. Надо своя берлога ходи, как чужой берлога долго спи.

Я поспешно вылез наружу и невольно закрыл глаза руками. Кругом все белело от снега. Воздух был свежий, прозрачный. Морозило. По небу плыли разорванные облака; кое-где виднелось синее небо. Хотя кругом было еще хмуро и сумрачно, но уже чувствовалось, что скоро выглянет солнце. Прибитая снегом трава лежала полосами. Дерсу собрал немного сухой ветоши, развел небольшой огонек и сушил на нем мои обутки.

Теперь я понял, почему Дерсу в некоторых местах не велел резать траву. Он скрутил ее и при помощи ремней и веревок перетянул поверх шалаша, чтобы его не разметало ветром. Первое, что я сделал, — поблагодарил Дерсу за спасение.

— Наша вместе ходи, вместе работай. Спасибо не надо.

И, как бы желая перевести разговор на другую тему, он сказал:

— Сегодня ночью много люди пропади. Я понял, что «люди», о которых говорил Дерсу, были пернатые.

После этого мы разобрали травяной шатер, взяли свои ружья и пошли искать перешеек. Оказалось, что наш бивак был очень близко от него. Перейдя через болото, мы прошли немного по направлению к озеру Ханка, а потом свернули на восток к реке Лефу.

После пурги степь казалась безжизненной и пустынной. Гуси, утки, чайки, крохали — все куда-то исчезли. По буро-желтому фону большими пятнами белели болота, покрытые снегом. Идти было славно, мокрая земля подмерзла и выдерживала тяжесть ноги человека. Скоро мы вышли на реку и через час были на биваке.

Олентьев и Марченко не беспокоились о нас. Они думали, что около озера Ханка мы нашли жилье и остались там ночевать. Я переобулся, напился чаю, лег у костра и крепко заснул. Мне грезилось, что я опять попал в болото и кругом бушует снежная буря. Я вскрикнул и сбросил с себя одеяло. Был вечер. На небе горели яркие звезды; длинной полосой протянулся Млечный Путь. Поднявшийся ночью ветер раздувал пламя костра и разносил искры по полю. По другую сторону огня спал Дерсу.

На другой день утром ударил крепкий мороз. Вода всюду замерзла; по реке шла шуга. Переправа через протоки Лефу отняла у нас целый день. Мы часто попадали в слепые рукава и должны были возвращаться назад. Пройдя километра два нашей протокой, мы свернули в соседнюю — узкую и извилистую. Там, где она соединялась с главным руслом, высилась отдельная коническая сопка, покрытая порослью дубняка. Здесь мы и заночевали. Это был последний наш бивак. Отсюда следовало идти походным порядком в Черниговку, где нас ожидали остальные стрелки с конями. Уходя с бивака, Дерсу просил Олентьева помочь ему вытащить лодку на берег. Он старательно очистил ее от песка и обтер травой, затем перевернул вверх дном и поставил на катки. Я уже знал, что это делается для того, чтобы какой-нибудь «люди» мог в случае нужды ею воспользоваться.

Утром мы распрощались с Лефу и в тот же день после полудня пришли в деревню Дмитровку, расположенную по

ту сторону Уссурийской железной дороги. Переходя через полотно дороги, Дерсу остановился, потрогал рельсы рукой, посмотрел в обе стороны и сказал:

— Гм! Моя это слыхал. Кругом люди говорили. Теперь понимай есть.

В деревне мы встали по квартирам, но гольд не хотел идти в избу и, по обыкновению, остался ночевать под открытым небом. Вечером я соскучился по нем и пошел его искать.

Ночь была хотя и темная, но благодаря выпавшему снегу можно было кое-что рассмотреть. Во всех избах топились печи. Беловатый дым струйками выходил из труб и спокойно подымался кверху. Вся деревня курилась. Из окон домов свет выходил на улицу и освещал сугробы. В другой стороне, «на задах», около ручья, виднелся огонь. Я догадался, что это бивак Дерсу, и направился прямо туда. Гольд сидел у костра и о чем-то думал.

— Пойдем в избу чай пить, — сказал я ему.

Он не ответил мне и в свою очередь задал вопрос:

— Куда завтра ходи?

Я ответил, что пойдем в Черниговку, а оттуда — во Владивосток, и стал приглашать его с собой. Я обещал в скором времени опять пойти в тайгу, предлагал жалованье... Мы оба задумались. Не знаю, что думал он, но я почувствовал, что в сердце мое закралась тоска. Я стал снова рассказывать ему про удобства и преимущества жизни в городе. Дерсу слушал молча. Наконец он вздохнул и проговорил:

— Нет, спасибо, капитан. Моя Владивосток не могу ходи. Чего моя там работай? Охота ходи нету, соболя гоняй тоже не могу, город живи — моя скоро пропади.

«В самом деле, — подумал я, — житель лесов не выживет в городе, и не делаю ли я худо, что сбиваю его с того пути, на который он встал с детства?»

Дерсу замолчал. Он, видимо, обдумывал, что делать ему дальше. Потом, как бы отвечая на свои мысли, сказал:

— Завтра моя прямо ходи. — Он указал рукой на восток. — Четыре солнца ходи, Даубихе найди есть, потом Улахе ходи, потом — Фудин*, Дзуб-Гын[35] и море. Моя слыхал, там на морской стороне чего-чего много: соболь есть, олень тоже есть.

Долго мы еще с ним сидели у огня и разговаривали.

---

* Ф у д и н (Фудзин) переводится с китайского как "Ближняя местность".

Ночь была тихая и морозная. Изредка набегающий ветерок чуть-чуть шелестел дубовой листвой, еще не опавшей на землю. В деревне давно уже все спали, только в том доме, где поместился я со своими спутниками, светился огонек. Созвездие Ориона показывало полночь. Наконец я встал, попрощался с гольдом, пошел к себе в избу и лег спать.

Какая-то неприятная тоска овладела мной. За это короткое время я успел привязаться к Дерсу. Теперь мне жаль было с ним расставаться. С этими мыслями я и задремал.

На следующее утро первое, что я вспомнил, — это то, что Дерсу должен уйти от нас. Напившись чаю, я поблагодарил хозяев и вышел на улицу.

Стрелки были уже готовы к выступлению. Дерсу был тоже с нами.

С первого же взгляда я увидел, что он снарядился в далекий путь. Котомка его была плотно уложена, пояс затянут, унты хорошо надеты.

Отойдя от Дмитровки с километр, Дерсу остановился. Настал тяжелый момент расставания.

— Прощай, Дерсу, — сказал я ему, пожимая руку. — Дай бог тебе всего хорошего. Я никогда не забуду того, что ты для меня сделал. Прощай! Быть может, когда-нибудь увидимся.

Дерсу попрощался со стрелками, затем кивнул мне головой и пошел в кусты налево. Мы остались на месте и смотрели ему вслед. В двухстах метрах от нас высилась небольшая горка, поросшая мелким кустарником. Минут через пять он дошел до нее. На светлом фоне неба отчетливо вырисовывалась его фигура с котомкой за плечами, с сошками и с ружьем в руках. В этот момент яркое солнце взошло из-за гор и осветило гольда. Поднявшись на гривку, он остановился, повернулся к нам лицом, помахал рукой и скрылся за гребнем. Словно что оторвалось у меня в груди. Я почувствовал, что потерял близкого мне человека.

— Хороший он человек, — сказал Марченко.

— Да, таких людей мало, — ответил ему Олентьев.

«Прощай, Дерсу, — подумал я. — Ты спас мне жизнь. Я никогда не забуду этого».

В сумерки мы дошли до Черниговки и присоединились к отряду. Вечером в тот же день я выехал во Владивосток, к месту своей постоянной службы.

Глава седьмая

Сборы в дорогу и снаряжение экспедиции (1906 год)

Новая экспедиция. — Состав отряда. — Вьючный обоз. — Научное снаряжение. — Одежда и обувь. — Продовольствие. — Работа путешественника. — Отъезд. — Река Уссури. — Растительность около станции Шмаковка. — Пресмыкающиеся. — Грызуны. — Птицы. — Порядок дня в походе. — Село Успенка. — Даубихе и Улахе. — Болото. — Охота за пчелами. — Борьба пчел с муравьями

Прошло четыре года. За это время произошли некоторые перемены в моем служебном положении. Я переехал в Хабаровск, где Приамурский отдел Русского географического общества предложил мне организовать экспедицию для обследования хребта Сихотэ-Алинь и береговой полосы в Уссурийском крае: от залива Ольги на север, насколько позволит время, а также верховьев рек Уссури и Имана. Моими помощниками были назначены Гранатман, Анофриев и Мерзляков. Кроме того, в состав экспедиционного отряда вошли шесть сибирских стрелков (Дьяков, Егоров, Загурский, Мелян, Туртыгин, Бочкарев) и четыре уссурийских казака (Белоножкин, Эпов, Мурзин, Кожевников).

Кроме лиц, перечисленных в приказе, в экспедиции приняли еще участие: бывший в это время начальником штаба округа генерал-лейтенант П.К. Рутковский* и в качестве флориста — лесничий Н.А. Пальчевский. Цель экспедиции — естественно-историческая. Маршруты были намечены по рекам Уссури, Улахе и Фудзину по десятиверстной и в прибрежном районе — по сорокаверстной картам издания 1889 года.

В то время все сведения о центральной части Сихотэ-Алиня были крайне скудны и не заходили за пределы случайных рекогносцировок. Что же касается побережья моря к северу от залива Ольги, то о нем имелись лишь отрывочные сведения от морских офицеров, посещавших эти места для промеров бухт и заливов.

Наши сборы в экспедицию начались в половине марта и длились около двух месяцев. Мне предоставлено было право выбора стрелков из всех частей округа, кроме войск

---

* Генерал-лейтенант П.К. Рутковский принял участие в экспедиции для определения возможности переброски войск к бухте Ольга.

инженерных и крепостной артиллерии. Благодаря этому в экспедиционный отряд попали лучшие люди, преимущественно сибиряки Тобольской и Енисейской губерний. Правда, это был народ немного угрюмый и малообщительный, но зато с детства привыкший переносить всякие невзгоды.

В путешествие просилось много людей. Я записывал всех, а затем наводил справки у ротных командиров и исключал жителей городов и занимавшихся торговлей. В конце концов в отряде остались только охотники и рыболовы. При выборе обращалось внимание на то, чтобы все умели плавать и знали какое-нибудь ремесло.

Кроме стрелков, в экспедицию всегда просится много посторонних лиц. Все эти «господа» представляют себе путешествие как легкую и веселую прогулку. Они никак не могут понять, что это тяжелый труд. В их представлении рисуются: караваны, палатки, костры, хороший обед и отличная погода.

Но они забывают про дожди, гнус[36], голодовки и множество других лишений, которым постоянно подвергается всякий путешественник, как только он минует селения и углубится в лесную пустыню.

Собираются ехать всегда многие, а выезжают на сборный пункт два или три человека. Уже накануне отъезда начинаешь получать письма примерно такого содержания: «Вследствие изменившихся обстоятельств ехать не могу. Желаю счастливого пути...» и т.д. На сборном пункте получаешь такие же телеграммы. Наконец прибывают двое. Один из них имеет вид воскресного охотника, другой — скромный, серьезный, ко всему присматривающийся. Первый много говорит, все зло критикует и с видом бывалого человека гордо едет впереди отряда, едет до тех пор, пока не надоест ему безделье и пока погода благоприятствует. Но лишь только спрыснет дождь или появятся комары, он тотчас поворачивает назад, проклиная тот день и час, когда задумал идти в путешествие. Второй участник экспедиции, которого я назвал «скромный», идет молча и работает. К нему вскоре все привыкают. Такие люди всегда оставляют по себе хорошие воспоминания. Так было и в данном случае: собирались ехать многие, а поехали только те, кто был перечислен выше.

Теперь необходимо сказать несколько слов о том, как был организован вьючный обоз экспедиции. В отряде было двенадцать лошадей. Очень важно, чтобы люди изучили коней и чтобы лошади, в свою очередь, привыкли к лю-

дям. Заблаговременно надо познакомить стрелков с уходом за лошадью, познакомить с седловкой и с конским снаряжением, надо приучить лошадей к носке вьюков и т.д. Для этого команда собрана была дней за тридцать до похода.

Вьючные седла с нагрудниками и шлеями были хорошо пригнаны к лошадям и приспособлены как для перевозки тяжестей, так и для верховой езды. Впрочем, все участники экспедиции шли пешком, и лошадьми никто не пользовался. Особое внимание было обращено на седельные ленчики. Дужки их были сделаны высокими, полочки правильно разогнутыми и потники из лучшего войлока — толстые и мягкие. В таких случаях никогда не надо скупиться на расходы. Надо помнить, что раз упущено на месте сборов, того уже нельзя будет исправить в дороге. Крепкие недоуздки с железными кольцами, торбы и путы, ковочный инструмент и гвозди, запас подков (по три пары на каждого коня) и колокольчик для передовой лошади, которая на пастбище водит весь табун за собой, дополняли конское снаряжение. Кроме того, для каждой лошади были сшиты головные покрывала с наушниками. Без этих приспособлений кони сильно страдают от мошки. Она набивается в уши и разъедает их до крови.

Вьюками были брезентовые мешки и походные ящики, обитые кожей и окрашенные масляной краской. Такие ящики удобно переносимы на конских вьюках, помещаются хорошо в лодках и на нартах. Они служили нам и для сидений и столами. Если не мешать имущество в ящиках и не перекладывать его с одного места на другое, то очень скоро запоминаешь, где что лежит, и в случае нужды расседлываешь ту лошадь, которая несет искомый груз.

Из животных, кроме лошадей, в отряде еще были две собаки: одна моя — Альпа, другая командная — Леший, крупная зверовая, по складу и по окраске напоминающая волка.

Научное снаряжение экспедиции состояло из следующих инструментов[37]: буссоли Шмалькальдера, шагомера, секундомера, двух барометров анероидов, гипсотермометров, термометров для измерения температуры воздуха и воды, анемометра, геологического молотка, горного компаса, рулетки, фотографического аппарата, тетрадей, карандашей и бумаги. Затем были ящики для собирания насекомых, препарировочные инструменты, пресс, бумага для сушки растений, банки с формалином и т.д.

Кроме упомянутых инструментов, в отряде набралось еще много походного инвентаря, как-то: котлы, чайники, топоры, поперечная пила, саперная лопата, паяльник, струг, напильники и пр.

Все стрелки были вооружены трехлинейными винтовками (без штыков) кавалерийского образца, приспособленными для носки на ремне. На каждого было взято по 300 патронов, из которых по 50 патронов находилось при себе, остальные были отправлены на питательные базы, устроенные на берегу моря. Кроме этого оружия, в экспедиции были две винтовки системы Маузера и Винчестера, малокалиберное ружье Франкота и двухствольный дробовик Зауэра.

Снаряжение стрелков состояло из следующих предметов: финские ножи, патронташи, носившиеся вместо поясов, крученые веревки длиной в 2 метра с кольцами и небольшие кожаные сумки для разной мелочи (иголки, нитки, крючки, гвозди и т.д.). Холщовые мешки с бельем стрелки приспособили для носки на спине, сообразно чему перешили лямки. Вес вьюка каждого участника экспедиции равнялся 12—15 килограммам. Летняя одежда стрелков состояла из рубах и шаровар защитного цвета и легких фуражек. Нарукавники, стягивающие рукава около кистей рук, летом служили для защиты от комаров и мошек, а зимой для того, чтобы холодный ветер не задувал под одежду. Вместо сапог были сшиты унты по туземному образцу. Эта обувь оказалась наиболее пригодной. Правда, она скоро промокала, но зато скоро и высыхала. Ноги от колена до ступни обматывались суконными лентами. Сначала это не ладилось, ленты спадали с ног, закатанные туго — давили икры, но потом сукно вытянулось, люди приспособились и уже всю дорогу шли не оправляясь. На зиму были запасены шинели, теплые куртки, фуфайки, шаровары, шитые из верблюжьего сукна, шерстяные чулки, башлыки, рукавицы и папахи. Зимняя обувь — те же унты, только большего размера, для того чтобы можно было набивать их сухой травой и надевать на теплую портянку.

Из опыта прежних лет выяснилось, что только тогда можно хорошо работать, когда ночью выспишься как следует. Днем от комаров еще можно найти защиту, но вечером от мелких мошек уже нет спасения. Эти отвратительные насекомые всю ночь не дают сомкнуть глаз. Люди нервничают и с нетерпением ждут рассвета.

Единственной защитой является комарник; он сшивает-

ся из белой дрели, через которую воздух легко проникает. Он устроен таким образом, что когда в нем вставляли поперечные распорки и за кольца привязывали к деревьям, то получалось нечто вроде футляра, в котором можно было лежать, сидеть и работать. На случай дождя над комарником растягивался тент в виде двускатной крыши. Вместо постели у каждого имелись тонкие войлоки, обшитые с одной стороны непромокаемым брезентом, под которые подвертывались края пологов. Таким образом, комарники спасали людей от дождя, от холодного ветра и от докучливых насекомых. Участники экспедиции, ведшие научные работы, имели каждый по особому комарнику, а стрелки по одному на два человека, для чего их пологи шились больше размерами. Осенью, с исчезновением насекомых, когда ночи делаются холоднее, из комарников ставятся односкатные палатки. Перед ними раскладываются длинные костры, дающие много тепла и света.

Теперь относительно продовольствия. Общий запас его был рассчитан на шесть месяцев и состоял из муки, галет, риса, чумизы, экспортного масла, сухой прессованной зелени, соли, перца, горохового порошка, клюквенного экстракта, сахара и чая. Ящики с продовольствием были отправлены на питательные базы заблаговременно и выгружены при устьях рек Тадушу, Тетюхе, в заливе Джигит и в бухте Терней. Там, где поблизости жили люди, ящики оставили близ их жилья, там же, где берег был пустынный, их просто сложили в кучу и прикрыли брезентом, обозначив место вехой.

Хлебные сухари брались только в сухое время года, осенью и зимой. Летом они жадно впитывают в себя влагу из воздуха, и чем больше их прикрывать брезентами, тем скорее они портятся. То же самое и мясной порошок. Через двадцать четыре часа после вскрытия банки он уже слипается в комки, а еще через сутки начинает цвести и издавать запах. Мы сушили мясо тонкими ломтями. Правда, оно занимало много места и это не спасало его от плесени, но все же его можно было употреблять в пищу. Перед тем как класть мясо в котел, его надо опалить на огне: тогда плесень сгорает и мясо становится мягким и съедобным. Сухой яичный белок и шоколад, предназначенные на случай голодовок, везлись как неприкосновенный запас в особых цинковых коробках. Гораздо легче сохранять белую муку. Для этого следует кулек с мукой снаружи смочить. Вода, проникшая сквозь холст, смешивается с мукой и
 образует слой теста в палец толщиной. Таким образом

получается корка, совершенно непроницаемая для сырости; вместе с тем мешок становится твердым и не рвется в дороге.

В отряде имелась хорошо подобранная походная аптечка, набор хирургических инструментов (бритва, ножницы, пинцеты, ланцеты, иглы, шелк, иглодержатель, ушной баллон, глазная ванночка, шприц Праватца) и значительное количество перевязочного материала.

14 мая все было готово, 15-го числа была отправлена по железной дороге команда с лошадьми, а 16-го выехали из Хабаровска и все остальные участники экспедиции. Сборным пунктом была назначена станция Шмаковка, находящаяся несколько южнее того места, где железная дорога пересекает реку Уссури.

К путешественнику предъявляются следующие требования: он должен уметь организовать экспедицию и исполнить все подготовительные работы на месте еще задолго до выступления; должен уметь собрать коллекции; уметь вести дневник; знать, на что обратить внимание: отличить ценное от рухляди; уметь доставить коллекции и обработать собранные материалы.

Что значит путешествие, в чем заключается работа исследователя? К сожалению, для этого какого-нибудь катехизиса дать нельзя. Многое зависит от личности самого путешественника и от того, насколько он подготовлен к такого рода деятельности.

Первый период, период подготовительный, для нас прошел. Теперь на очереди было само путешествие. Накануне отъезда всегда много забот и хлопот. Надо все обдумать, вспомнить, не забыли ли что-нибудь, надо послать телеграммы, уложить свои вещи, известить то или иное лицо по телефону и т.д. Целый день бегаешь по городу, являешься к начальнику и делаешь последние распоряжения. Вечер уходит на писание писем. Ночью почти не спишь. Все время беспокоит одна и та же мысль: все ли сделано и все ли взято. На другой день чуть свет вы уже на ногах. Последние ваши хлопоты на вокзале около кассы. Наконец ударил станционный колокол, раздался свисток, и поезд тронулся. В эту минуту чувствуешь, как какая-то неимоверная тяжесть свалилась с плеч. Все беспокойства остались позади. Сознание, что ровно год будешь вне сферы канцелярских влияний и ровно год тебя не будут беспокоить предписаниями и телефонами, создает душевное равновесие. Чувствуешь себя свободным;

за работу принимаешься с удовольствием и сам себе удивляешься, откуда берется энергия.

Мы имели отдельный вагон, прицепленный к концу поезда. Нас никто не стеснял, и мы расположились как дома. День мы провели в дружеской беседе, рассматривали карты и строили планы на будущее.

Погода была пасмурная. Дождь шел не переставая. По обе стороны полотна железной дороги тянулись большие кочковатые болота, залитые водой и окаймленные чахлой растительностью. В окнах мелькали отдельные деревья, телеграфные столбы, выемки. Все это было однообразно. День тянулся долго, тоскливо. Наконец стало смеркаться. В вагоне зажгли свечи.

Утомленные хлопотами последних дней, убаюкиваемые покачиванием вагона и ритмическим стуком колес, все очень скоро уснули.

На другой день мы доехали до станции Шмаковка. Отсюда должно было начаться путешествие. Ночью дождь перестал, и погода немного разгулялась. Солнце ярко светило. Смоченная водой листва блестела, как лакированная. От земли подымался пар... Стрелки встретили нас и указали нам квартиру.

Остаток дня прошел в разборке имущества и в укладке вьюков.

Следующий день, 18 мая, был дан стрелкам в их распоряжение. Они переделывали себе унты, шили наколенники, приготовляли патронташи — вообще последний раз снаряжали себя в дорогу. Вначале сразу всего не доглядишь. Личный опыт в таких случаях — прежде всего. Важно, чтобы в главном не было упущений, а мелочи сами сгладятся.

Пользуясь свободным временем, мы вместе с П.К. Рутковским пошли осматривать окрестности.

В этом месте течение реки Уссури чрезвычайно извилистое. Если ее вытянуть на карте, она, вероятно, заняла бы вдвое более места. Нельзя сказать, чтобы река имела много притоков: кружевной вид ей придают излучины. Почти все реки Уссурийского края имеют течение довольно прямое до тех пор, пока текут по продольным межскладочным долинам. Но как только они выходят из гор на низины, начинают делать меандры[38].

Тем более это удивительно, что состав берегов всюду один и тот же: под дерном лежит небольшой слой чернозема, ниже — супесок, а еще ниже — толщи ила вперемежку с галькой. Я думаю, это можно объяснить так: пока

река течет в горах, она может уклоняться в сторону только до известных пределов. Благодаря крутому падению тальвега[39] вода в реке движется быстро, смывает все, что попадается ей на пути, и выпрямляет течение. Река действует в одно и то же время и как пила и как напильник. Совсем иное дело на равнине. Здесь быстрота течения значительно уменьшается, глубина становится ровнее, берега однообразнее. При этих условиях немного нужно, чтобы заставить реку изменить направление, например случайное скопление в одном месте глины или гальки, тогда как рядом находятся рыхлые пески. Вот почему такие «кривуны» непостоянны: после каждого наводнения они изменяются, река образует новые колена и заносит песком место своего прежнего течения. Очень часто входы в старые русла закупориваются, образуются длинные слепые рукава, как в данном случае мы видим это на Уссури. Среди наносов реки много глины. Этим объясняется заболоченность долины.

Лето 1906 года было дождливое. Всюду по низинам стояла вода, и если бы не деревья, торчащие из луж, их можно было бы принять за озера. От поселка Нижне-Михайловского до речки Кабарги болота тянутся с правой стороны Уссури, а выше к селу Нижне-Романовскому (Успенка)* — с той и другой стороны, но больше с левой. Здесь посреди равнины подымаются две сопки со старыми тригонометрическими знаками: северная (высотой в 370 метров), называемая Медвежьей горой, и южная (в 250 метров), имеющая китайское название Хандо-динза-сы[40]. Между этими сопками находятся минеральные Шмаковские ключи. На северо-востоке гора Медвежья раньше, видимо, соединялась с хребтом Тырыдинза[41]**, но впоследствии их разобщила Уссури.

Среди уссурийских болот есть много релок*** с хорошей, плодородной землей, которыми и воспользовались крестьяне для распашек. В пяти километрах от реки на восток начинаются горы. Лет десять тому назад они были покрыты лесами, от которых ныне не осталось и следов. Ту древесную растительность, которую мы видим теперь в долине Уссури, лесом назвать нельзя. Эта жалкая поросль

---

* Село Нижне-Романовское (Успенка) — современный поселок Кировский.

** Данное название утрачено. Тырыдинза представляет собой часть хребта Синий.

*** Р е л к а — сухая гряда среди поймы или несколько возвышающаяся местность, окруженная болотистой равниной. *(Прим. ред.)*

состоит главным образом из липы, черной и белой березы и растущих полукустарниками ольхи, ивняка и, наконец, раскидистого кустарника, похожего на леспедецу.

Почерневшие стволы деревьев, обуглившиеся пни и отсутствие молодняка указывают на частые палы. Около железной дороги и быть иначе не может.

Цветковые растения растут такой однообразной массой, что кажется, будто здесь вовсе нет ойкологических сообществ.

То встречаются целые площади, покрытые только одной полынью, то белым ползучим клевером, то тростниками, то ирисом, ландышами и т.д.

Благодаря тому, что кругом было очень сыро, релки сделались местом пристанища для различного рода мелких животных. На одной из них я видел двух ужей и одну копьеголовую ядовитую змею. На другой релке, точно сговорившись, собрались грызуны и насекомоядные: красные полевки, мышки-экономки и уссурийские землеройки.

В стороне от дороги находился большой водоем. Около него сидело несколько серых скворцов. Эти крикливые птицы были теперь молчаливы; они садились в лужу и купались, стараясь крылышками обдать себя водой. Вблизи возделанных полей встречались ошейниковые овсянки. Они прыгали по тропе и близко допускали к себе человека, но, когда подбегали к ним собаки, с шумом поднимались с земли и садились на ближайшие кусты и деревья. На опушке леса я увидел еще какую-то маленькую серенькую птицу. П.К. Рутковский убил ее из ружья. Это оказалась восточно-азиатская совка, та самая, которую китайцы называют «ли-у» и которая якобы уводит искателей женьшеня от того места, где скрывается дорогой корень. Несколько голубовато-серых амурских кобчиков гонялись за насекомыми, делая в воздухе резкие повороты. Некоторые птицы сидели на кочках и равнодушно посматривали на людей, проходивших мимо них.

Когда мы возвратились на станцию, был уже вечер. В теплом весеннем воздухе стоял неумолкаемый гомон. Со стороны болот неслись лягушечьи концерты, в деревне лаяли собаки, где-то в поле звенел колокольчик.

Завтра в поход. Что-то ожидает нас впереди?

Работа между участниками экспедиции распределялась следующим образом. На Г.И. Гранатмана* было возложено заведование хозяйством и фуражное довольствие ло-

* У А.И. Тарасовой, автора научной биографии В.К. Арсеньева, инициалы Гранатмана — Г.Г. *(Прим. ред.)*

шадей. А.И. Мерзлякову давались отдельные поручения в сторону от главного пути. Этнографические исследования и маршрутные съемки я взял на себя, а Н.А. Пальчевский направился прямо в залив Ольги, где в ожидании отряда решил заняться сбором растений, а затем уже присоединиться к экспедиции и следовать с ней дальше по побережью моря.

Самый порядок дня в походе распределялся следующим образом. Очередной артельщик, выбранный сроком на две недели, вставал раньше других. Он варил какую-нибудь кашу, грел чай и, когда завтрак был готов, будил остальных людей. На утренние сборы уходило около часа. Приблизительно между семью и восемью часами мы выступали в поход. Около полудня делался большой привал. Лошадей развьючивали и пускали на подножный корм. Горячая пища варилась два раза в сутки, утром и вечером, а днем на привалах пили чай с сухарями или ели мучные лепешки, испеченные накануне. В час дня выступали дальше и шли примерно часов до четырех.

За день мы успевали пройти от 15 до 25 километров, смотря по местности, погоде и той работе, которая производилась в пути. Место для бивака всегда выбирали где-нибудь около речки. Пока варился обед и ставили палатки, я успевал вычертить свой маршрут. В это время товарищи сушили растения, препарировали птиц, укладывали насекомых в ящики и нумеровали геологический материал. Часов в пять обедали и ужинали в одно и то же время. После этого с ружьем в руках я уходил экскурсировать по окрестностям и заходил иногда так далеко, что не всегда успевал возвратиться назад к сумеркам. Темнота застигала меня в дороге, и эти переходы в лунную ночь по лесу оставили по себе неизгладимые воспоминания. Часов в девять вечера последний раз мы пили чай, затем стрелки занимались своими делами: чистили ружья, починяли одежду и обувь, исправляли седла... В это время я заносил в дневник свои наблюдения.

Во время путешествия скучать не приходится. За день так уходишься, что еле-еле дотащишься до бивака. Палатка, костер и теплое одеяло кажутся тогда лучшими благами, какие только даны людям на земле; никакая городская гостиница не может сравниться с ними. Выпьешь поскорее горячего чаю, залезешь в свой спальный мешок и уснешь таким сном, каким спят только усталые.

В походе мы были ежедневно. Дневки были только слу-

чайные: например, заболела лошадь, сломалось седло и т.д. Если окрестности были интересны, мы останавливались в этом месте на двое суток, а то и более. Из опыта выяснилось, что во время сильных дождей быть в дороге невыгодно, потому что пройти удается немного, люди и лошади скоро устают, седла портятся, планшет мокнет и т.д. В результате выходит так, что в ненастье идешь, а в солнечный день сидишь в палатке, приводишь в порядок съемки, доканчиваешь дневник, делаешь вычисления — одним словом, исполняешь ту работу, которую не успел сделать раньше.

В день выступления, 19 мая, мы все встали рано, но выступили поздно. Это вполне естественно. Первые сборы всегда затягиваются. Дальше в пути все привыкают к известному порядку, каждый знает своего коня, свой вьюк, какие у него должны быть вещи, что сперва надо укладывать, что после, какие предметы бывают нужны в дороге и какие на биваке.

В первый день все участники экспедиции выступили бодрыми и веселыми.

День был жаркий, солнечный. На небе не было ни одного облачка, но в воздухе чувствовался избыток влаги.

Грязная проселочная дорога между селениями Шмаковкой и Успенкой пролегает по увалам горы Хандо-динзасы. Все мосты на ней уничтожены весенними палами, и потому переправа через встречающиеся на пути речки, превратившиеся теперь в стремительные потоки, была делом далеко не легким.

На возвышенных местах характер растительности был тот же самый, что и около железной дороги. Это было редколесье из липы, дубняка и березы.

При окружающих пустырях редколесье это казалось уже густым лесом.

Часам к трем дня отряд наш стал подходить к реке Уссури. Опытный глаз сразу заметил бы, что это первый поход. Лошади сильно растянулись, с них то и дело съезжали седла, расстегивались подпруги, люди часто останавливались и переобувались. Кому много приходилось путешествовать, тот знает, что это в порядке вещей. С каждым днем эти остановки делаются реже, постепенно все налаживается, и дальнейшие передвижения происходят уже ровно и без заминок. Тут тоже нужен опыт каждого человека в отдельности.

Когда идешь в далекое путешествие, то никогда не надо в первые дни совершать больших переходов. Наоборот, надо идти понемногу и чаще давать отдых. Когда все приспособятся, то люди и лошади сами пойдут скорее и без понукания.

Вступление экспедиции в село Успенку для деревенской жизни было целым событием. Ребятишки побросали свои игры и высыпали за ворота; из окон выглядывали испуганные женские лица; крестьяне оставляли свои работы и подолгу смотрели на проходивший мимо них отряд.

Село Успенка расположено на высоких террасах с левой стороны реки Уссури. Основано оно в 1891 году и теперь имело около ста восьмидесяти дворов.

Было каникулярное время, и потому нас поместили в школе, лошадей оставили на дворе, а все имущество и седла сложили под навесом.

Вечером приходили крестьяне-старожилы. Они рассказали о своей жизни в этих местах, говорили о дороге и давали советы.

На другой день мы продолжали свой путь. За деревней дорога привела нас к реке Уссури. Вся долина была затоплена водой. Возвышенные места казались островками. Среди этой массы воды русло реки отмечалось быстрым течением и деревьями, росшими по берегам ее. При обыкновенном уровне река Уссури имеет около 200 метров ширины, около 4 метров глубины и быстроту течения 3 $^{1}/_{2}$ километра в час. Сопровождавшие нас крестьяне говорили, что во время наводнений сообщение с соседними деревнями по дороге совсем прекращается и тогда они пробираются к ним только на лодках. Посоветовавшись, мы решили идти вверх по реке до такого места, где она идет одним руслом, и там попробовать переправиться вплавь с конями.

С рассветом казалось, что день будет пасмурный и дождливый, но к десяти часам утра погода разгулялась. Тогда мы увидели то, что искали. Километрах в пяти от нас река собирала в себя все протоки. Множество сухих релок давало возможность подойти к ней вплотную. Но для этого надо было обойти болота и спуститься в долину около горы Кабарги.

Лошади уже отабунились, они не лягались и не кусали друг друга. В поводу надо было вести только первого коня, а прочие шли следом сами. Каждый из стрелков по очереди шел сзади и подгонял тех лошадей, которые сворачивали в сторону или отставали.

Поравнявшись с горой Кабаргой, мы повернули на во-

сток к фанзе Хаудиен[42]*, расположенной на другой стороне Уссури, около устья реки Ситухе[43]. Перебираясь с одной релки на другую и обходя болотины, мы вскоре достигли леса, растущего на берегу реки. На наше счастье, в фанзе у китайцев оказалась лодка. Она цедила, как решето, но все же это была посудина, которая в значительной степени облегчала нашу переправу. Около часа было потрачено на ее починку. Щели лодки мы кое-как законопатили, доски сбили гвоздями, а вместо уключин вбили деревянные колышки, к которым привязали веревочные петли. Когда все было готово, приступили к переправе. Сначала перевезли седла, потом переправили людей. Осталась очередь за конями. Сами лошади в воду идти не хотели, и надо было, чтобы кто-нибудь плыл вместе с ними. На это опасное дело вызвался казак Кожевников. Он разделся донага, сел верхом на наиболее ходового белого коня и смело вошел в реку. Стрелки тотчас же всех остальных лошадей погнали за ним в воду. Как только лошадь Кожевникова потеряла дно под ногами, он тотчас же соскочил с нее и, ухватившись рукой за гриву, поплыл рядом. Вслед за ним поплыли и другие лошади. С берега видно было, как Кожевников ободрял коня и гладил рукой по шее. Лошади плыли фыркая, раздув ноздри и оскалив зубы. Несмотря на то что течение сносило их, они все же подвигались вперед довольно быстро.

Удастся ли Кожевникову выплыть с конями к намеченному месту?

Ниже росли кусты и деревья, берег становился обрывистым и был завален буреломом. Через десять минут его лошадь достала до дна ногами. Из воды появились ее плечи, затем спина, круп и ноги. С гривы и хвоста вода текла ручьями. Казак тотчас же влез на коня и верхом выехал на берег.

Так как одни лошади были сильнее, другие слабее и плыли медленнее, то естественно, что весь табун растянулся по реке. Когда конь Кожевникова достиг противоположного берега, последняя лошадь была еще на середине реки. Стало ясно, что ее снесет водой. Она напрягала все свои силы и держалась против воды, стараясь преодолеть течение, а течение увлекало ее все дальше и дальше. Кожевников видел это. Дождавшись остальных коней, он в карьер бросился вдоль берега вниз по течению. Выбрав место, где не было бурелома, казак сквозь кусты пробрался к реке, остановился в виду у плывущей лошади и

* Фанза Хаудиен находилась вблизи деревни Подгорное.

начал ее окликать, но шум реки заглушал его голос. Белый конь, на котором сидел Кожевников, насторожился и, высоко подняв голову, смотрел на воду. Вдруг громкое ржание пронеслось по реке. Плывущая лошадь услышала этот крик и начала менять направление. Через несколько минут она выходила на берег. Дав ей отдышаться, казак надел на нее недоуздок и повел в табун. Тем временем лодка перевезла остальных людей и их грузы.

После переправы у фанзы Хаудиен экспедиция направилась вверх по реке Ситухе, стараясь обойти болота и поскорее выйти к горам.

Река Ситухе течет в широтном направлении. Она длиной около 50 километров. Большинство притоков ее находится с левой стороны. Сама по себе Ситухе маленькая речка, но, не доходя 3 километров до Уссури, она превращается в широкий и глубокий канал.

Здесь происходит слияние реки Даубихе с рекой Улахе (44°58' северной широты, 133°34' восточной долготы от Гринвича — по Гамову*). Отсюда начинается собственно река Уссури, которая на участке до реки Сунгачи принимает в себя справа две небольшие речки — Гирма-Биру и Курма-Биру.

Река Улахе** течет некоторое время в направлении от юга к северу. Истоки ее находятся в горах Да-дянь-шань с перевалами на реки Сучан и Лефу. В верховьях она слагается из трех рек: Тудагоу[44], Эрлдагоу[45] и Сандагоу[46], затем принимает в себя притоки: справа — Сыдагоу[47], Ханихезу[48], Яньцзиньгоу[49], Чаутангоузу[50], а слева — Хамахезу[51], Даубихезу[52], Шитухе и Угыдынзу[53]. Длиной Даубихе более 250 километров, глубиной 1,5—1,8 метра, при быстроте течения около 5 километров в час.

Река Улахе течет некоторое время в направлении от юга к северу, но потом вдруг на высоте фанзы Лин-да-Пау круто поворачивает на запад. Здесь улахинская вода с такой силой вливается в даубихинскую, что прижимает ее к левому берегу. Вследствие этого как раз против устья реки

---

* Место слияния рр. Улахе (ныне считается верхней частью р. Уссури) и Даубихе (р. Арсеньевка) по широте составляет 44°52'.

** Здесь или описка Арсеньева, или ошибка, вкравшаяся в одно из ранних изданий и повторенная во всех последующих. Должно быть не *Улахе*, а *Даубихе*: именно истоки последней берут начало в горах Дадянь-шань (горы Пржевальского). Река же Улахе (ныне собственно Уссури в верховье) начиналась от слияния рр. Сандагоу (участок Уссури в верхнем течении) и Табахеза (р. Матвеевка) и, следовательно, ее истоки на основном хребте Сихотэ-Алинь, а именно на горе Снежная (высота над уровнем моря 1682 м). *(Продолжение прим. на с. 104)*

Улахе образовалась длинная заводь. Эта заводь и обе реки (Даубихе и Улахе) вместе с Уссури расположились таким образом, что получилась крестообразная фигура. Во время наводнения здесь скопляется много воды. Отсюда, собственно, и начинает затопляться долина Уссури. От того места, где Улахе поворачивает на запад, параллельно Уссури, среди болот, цепью друг за другом, тянется длинный ряд озерков, кончающихся около канала Ситухе, о котором говорилось выше. Озера эти и канал Ситухе указывают место прежнего течения Улахе. Слияние ее с рекой Даубихе раньше происходило значительно ниже, чем теперь.

Почувствовав твердую почву под ногами, люди и лошади пошли бодрее. К полудню мы миновали старообрядческую деревню Подгорную, состоящую из двадцати пяти дворов. Время было раннее, и потому решено было не задерживаться здесь. Дорога шла вверх по реке Ситухе. Слева был лес, справа — луговая низина, залитая водой. По пути нам снова пришлось переходить еще одну небольшую речушку, протекающую по узенькой, но чрезвычайно заболоченной долине. Люди перебирались с кочки на кочку, но лошадям пришлось трудно. На них жалко было смотреть: они проваливались по брюхо и часто падали. Некоторые кони так увязали, что не могли уже подняться без посторонней помощи. Пришлось их расседлывать и переносить грузы на руках.

Когда последняя лошадь перешла через болото, день уже был на исходе. Мы прошли еще немного и стали биваком около ручья с чистой проточной водой. Вечером стрелки и казаки сидели у костра и пели песни. Откуда-то взялась у них гармоника. Глядя на их беззаботные лица, никто бы

В этом же абзаце произошла путаница с притоками рр. Улахе и Даубихе. Для Даубихе, образованной от слияния Тудагоу (часть р. Арсеньевка) и Эльдагоу (или Эрльдагоу, ныне Муравейка), притоками являются Ханихеза (Варфоломеевка), Яньцзиньгоу (Покровка), Чаутангоуза (Рославка), Хамахеза (не идентифицирована), Даубихеза (Синегорка), Шитухе (Крыловка) и Угыдынза (Пятигорка). *(Здесь и далее в примечаниях дается более современная транскрипция иноязычных названий.)*

До 1972 г. большинство рек в Приморском крае имели ступенчатые названия, т.е. после каждого нового притока река называлась иначе. Река Уссури в верховьях именовалась Ян-Муть-Хоуза, ниже — Сандагоу; после слияния ее с р. Табахеза — Улахе, и лишь после слияния последней с Даубихе получила название Уссури. Таким образом, р. Сандагоу — это участок Уссури от р. Поперечка до р. Матвеевка, Сыдагоу же — это р. Извилинка, Эрльдагоу — Соколовка, Тадагоу, или Тудагоу, — Чугуевка.

не поверил, что только два часа тому назад они бились в болоте, измученные и усталые. Видно было, что они совершенно не думали о завтрашнем дне и жили только настоящим. А в стороне, у другого костра, другая группа людей рассматривала карты и обсуждала дальнейшие маршруты.

На следующий день решено было сделать дневку. Надо было посушить имущество, почистить седла и дать лошадям отдых. Стрелки с утра взялись за работу. Каждый из них знал, у кого что неладно и что надо исправить.

Сегодня мы имели случай наблюдать, как казаки охотятся за пчелами. Когда мы пили чай, кто-то из них взял чашку, в которой были остатки меда. Немедленно на биваке появились пчелы — одна, другая, третья, и так несколько штук. Одни пчелы прилетали, а другие с ношей торопились вернуться и вновь набрать меду. Разыскать мед взялся казак Мурзин. Заметив направление, в котором летели пчелы, он встал в ту сторону лицом, имея в руках чашку с медом. Через минуту появилась пчела. Когда она полетела назад, Мурзин стал следить за ней до тех пор, пока не потерял из виду.

Тогда он перешел на новое место, дождался второй пчелы, перешел опять, выследил третью и т.д. Таким образом он медленно, но верно шел к улью. Пчелы сами указали ему дорогу. Для такой охоты нужно запастись терпением.

Часа через полтора Мурзин возвратился назад и доложил, что нашел пчел и около их улья увидел такую картину, что поспешил вернуться обратно за товарищами. У пчел шла война с муравьями. Через несколько минут мы были уже в пути, захватив с собой пилу, топор, котелки и спички. Мурзин шел впереди и указывал дорогу. Скоро мы увидели большую липу, растущую под углом в 45°. Вокруг нее вились пчелы. Почти весь рой находился снаружи. Вход в улей (леток) был внизу, около корней. С солнечной стороны они переплелись между собой и образовали пологий скат. Около входного отверстия в улей густо столпились пчелы. Как раз против них, тоже густой массой, стояло полчище черных муравьев. Интересно было видеть, как эти два враждебных отряда стояли друг против друга, не решаясь на нападение. Разведчики-муравьи бегали по сторонам. Пчелы нападали на них сверху. Тогда муравьи садились на брюшко и, широко раскрыв челюсти, яростно оборонялись. Иногда муравьи принимали обходное движение и старались напасть на пчел сзади, но воздушные

разведчики открывали их, часть пчел перелетала туда и вновь преграждала муравьям дорогу.

С интересом мы наблюдали эту борьбу. Кто кого одолеет? Удастся ли муравьям проникнуть в улей? Кто первый уступит? Быть может, с заходом солнца враги разойдутся по своим местам для того, чтобы утром начать борьбу снова; быть может, эта осада пчелиного улья длится уже не первый день.

Неизвестно, чем кончилась бы эта борьба, если бы на помощь пчелам не пришли казаки. Они успели согреть воду и стали кипятком обливать муравьев. Муравьи корчились, суетились и гибли на месте тысячами. Пчелы были возбуждены до крайности. В это время по ошибке кто-то плеснул на пчел горячей водой. Мигом весь рой поднялся на воздух. Надо было видеть, в какое бегство обратились казаки! Пчелы догоняли их и жалили в затылок и шею. Через минуту около дерева никого не было. Люди стояли в отдалении, ругались, смеялись и острили над товарищами, но вдруг лица их делались испуганными, они принимались отмахиваться руками и убегали еще дальше.

Решено было дать пчелам успокоиться. Перед вечером два казака вновь пошли к улью, но уже ни меда, ни пчел не нашли. Улей был разграблен медведями. Так неудачно кончился наш поход за диким медом.

В ночь с 25 на 26 июня шел сильный дождь, который прекратился только к рассвету. Утром небо было хмурое; тяжелые дождевые тучи низко ползли над землей и, как саваном, окутывали вершины гор. Надо было ждать дождя снова.

Когда идешь в дальнюю дорогу, то уже не разбираешь погоды. Сегодня вымокнешь, завтра высохнешь, потом опять вымокнешь и т.д. В самом деле, если все дождливые дни сидеть на месте, то, пожалуй, недалеко уйдешь за лето. Мы решили попытать счастья, и хорошо сделали. Часам к десяти утра стало видно, что погода разгуливается. Действительно, в течение дня она сменялась несколько раз: то светило солнце, то шел дождь. Подсохшая было дорога размокла, и опять появились лужи.

Перейдя реку Ситухе, мы подошли к деревне Крыловке, состоящей из шестидесяти шести дворов. Следующая деревня Межгорная (семнадцать дворов) была так бедна, что мы не могли купить в ней даже 4 килограммов хлеба. Крестьяне вздыхали и жаловались на свою судьбу. Последнее наводнение их сильно напугало.

Глава восьмая

Вверх по Уссури

Маньчжурский заяц. — Гольды рода Юкомика. — Сухая мгла. — Перемена погоды. — Полоз Шренка. — Гроза. — Река Вангоу. — Деревня Загорная. — Старовер Паначев

Дальнейший путь экспедиции лежал через горы. На этом пути нам предстояло еще одно испытание. Нужно было перейти пять сильно заболоченных распадков[54]. Первый распадок находился сейчас же за деревней, а последний, самый большой, — недалеко от реки Улахе. Дорога, проложенная самими крестьянами, не имела ни канав, ни мостов, ни гатей. Грязь на ней была непролазная. Казаки пробовали было вести лошадей целиной, но оказалось еще хуже. Чтобы закрепить зыбуны, стрелки рубили ивняк и бросали его коням под ноги. Правда, это немного облегчало переправу людей, но мало помогало лошадям. Такая непрочная гать только обманывала их, они оступались и падали. Приходилось опять их расседлывать и переносить на себе вьюки. Наконец эти болота были пройдены.

По сведениям, полученным от крестьян, дальше дорога шла лесом. Выйдя на твердую почву, отряд остановился на отдых.

В это время вдруг совершенно неожиданно откуда-то из кустов выскочил заяц. В одно мгновение люди бросились за ним в погоню. Надо было видеть, какой поднялся переполох в отряде. Кто свистел, кто гикал, кто бросал в убегающего зайца палкой, камнем и всем, что попадало под руку. Несчастный зверек бежал зигзагами и хотел укрыться в кустарниках. Это, вероятно, ему удалось бы сделать, если бы Загурский не выстрелил из ружья. Пуля ударила в землю как раз около головы зайца и оглушила его. В это время другой стрелок подбежал и схватил его руками. Заяц метнулся, заверещал и, прижав к спине уши, притаился. Бедный зверек был страшно напуган. Его раздвоенная верхняя губа быстро двигалась, сердце усиленно билось. Он сидел на руках у Туртыгина, прислушивался и озирался.

Пойманный заяц был маленький, серо-бурого цвета. Такую окраску он сохраняет все время — и летом и зимой. Областью распространения этого зайца в Приамурье является долина реки Уссури с притоками и побережье моря до мыса Белкина. Кроме этого зайца, в Уссурийском крае водится еще заяц-беляк и черный заяц — вид, до сих пор

еще не описанный. Он совершенно черного цвета и встречается редко. Быть может, это просто отклонение зайца-беляка. Ведь есть же черно-бурые лисицы, черные волки, даже черные зайцы-русаки.

Любит русский человек погонять зайца, любит травить его только потому, что он труслив и беззащитен. Это не злоба, это жестокая забава.

Заяц внес в отряд большое оживление. Дожди, болота, усталость — все это было забыто. Стрелки кричали и наперерыв старались рассказать друг другу, кто и как увидел зайца, как он бежал и каким образом его поймали. Никакое другое животное не дало бы столько тем для разговоров. Вокруг Туртыгина столпились люди. Каждому хотелось как-нибудь выказать зверьку свое внимание: кто гладил его по спине, кто тянул за хвостик, кто тыкал ему папиросой в нос и дергал за ухо. Уж как только стрелки не крестили зайца, как только не острили над ним и в десятый раз рассказывали друг другу о его поимке. Не только у русских, но и у китайцев и амурских туземцев слово «заяц» означает насмешку над человеком трусливым, делающим от страха всякие глупости.

Приказ седлать коней заставил стрелков заняться делом. После короткого совещания решено было дать зайцу свободу. Едва только спустили его на землю, как он тотчас же бросился бежать. Свист и крики понеслись ему вдогонку. Шум и смех сопровождали его до тех пор, пока он не скрылся из виду.

Когда лошади были заседланы, отряд двинулся дальше. Теперь тропа пошла косогорами, обходя горные ключи и медленно взбираясь на перевал. Дубовое редколесье сменилось лесонасаждениями из клена, липы и даурской березы; кое-где мелькали одиночные кедры и остроконечные вершины елей и пихт.

Часа через полтора мы достигли перевала. Здесь у подножия большого дуба стояла маленькая кумирня, сложенная из плитнякового камня. Кумирня эта была составлена, вероятно, охотниками и искателями женьшеня. Лицевая ее сторона была украшена красной тряпицей с иероглифической надписью: «Сан-лин-чжи-чжу», то есть «Владыке гор и лесов» (тигру).

С вершины перевала нам открылся великолепный вид на реку Улахе. Солнце только что скрылось за горизонтом. Кучевые облака на небе и дальные горы приняли нежно-пурпуровую окраску. Справа от дороги светлой полосой
 змеилась река. Вдали виднелись какие-то фанзы. Дым от них

не подымался кверху, а стлался по земле и казался неподвижным. В стороне виднелось небольшое озерко. Около него мы стали биваком.

Как и всегда, сначала около огней было оживление, разговоры, смех и шутки. Потом все стало успокаиваться. После ужина стрелки легли спать, а мы долго сидели у огня, делились впечатлениями последних дней и строили планы на будущее.

Вечер был удивительно тихий. Слышно было, как паслись кони; где-то в горах ухал филин, и несмолкаемым гомоном с болот доносилось кваканье лягушек.

На другой день мы встали рано и рано выступили в дорогу. Фанзы, которые вчера мы видели с перевала, оказались гольдскими. Местность эта называется Чжумтайза[55], что по-китайски означает — Горный ручей. Живущие здесь гольды принадлежали к роду Юкомика, ныне почти совершенно уничтоженному оспенными эпидемиями. Стойбища их были на Амуре, на том месте, где теперь стоит Хабаровск.

Потесненные русскими, они ушли на Уссури, а оттуда, под давлением казаков, перекочевали на реку Улахе. Теперь их осталось только двенадцать человек: трое мужчин, пять женщин и четверо детей.

Мужчины были одеты по-китайски. Они носили куртку, сшитую из синей дабы, и такие же штаны. Костюм женщин более сохранил свой национальный характер. Одежда их пестрела вышивками по борту и по краям подола была обвешана побрякушками. Выбежавшие из фанз грязные ребятишки испуганно смотрели на нас. Трудно сказать, какого цвета была у них кожа: на ней были и загар, и грязь, и копоть. Гольды эти еще знали свой язык, но предпочитали объясняться по-китайски. Дети же ни одного слова не понимали по-гольдски.

Покончив с осмотром фанз, отряд наш пошел дальше. Тропа стала прижиматься к горам. Это будет как раз в том месте, где Улахе начинает менять свое широтное направление на северо-западное. Здесь она шириной около 170 метров и в среднем имеет скорость течения около 5 километров в час.

Из притоков ее замечательны: с правой стороны — известная уже нам Ситухе, затем Чжумтайза, Тяпигоу[56], Ното[57], Вамбахеза[58] и Фудзин[59], а с левой стороны — Хуанихеза[60] и Вангоу[61].

От гольдских фанз шли два пути. Один был кружной, по левому берегу Улахе, и вел на Ното, другой шел в юго-

восточном направлении, мимо гор Хуанихеза и Игыдинза. Мы выбрали последний. Решено было все грузы отправить на лодках с гольдами вверх по Улахе, а самим переправиться через реку и по долине Хуанихезы выйти к поселку Загорному, а оттуда с легкими вьюками пройти напрямик в деревню Кокшаровку.

Уже с половины дня можно было предсказать, что завтрашний день будет дождливый. В Уссурийском крае так называемая «сухая мгла» часто является предвестником непогоды. Первые признаки ее замечались еще накануне вечером. На другой день к утру она значительно сгустилась, а в полдень стала заметной даже вблизи. Контуры дальних гор тогда можно было рассмотреть, если наблюдатель наперед знал их очертание. Казалось, будто весь воздух наполнился дымом. Небо сделалось белесоватым; вокруг желтого солнца появились венцы; тонкая паутина слоистых облаков приняла грязно-серый оттенок. Потом вдруг воздух сделался чистым и прозрачным. Дальние горы приняли цвет темно-синий и стали хмурыми. О том, что зашло солнце, мы узнали только по надвинувшимся сумеркам. В природе все замерло, притаилось. Одни только лягушки как будто радовались непогоде и наперерыв старались перекричать друг друга.

Мы думали, что к утру дождь прекратится, но ошиблись. С рассветом он пошел еще сильнее. Чтобы вода не залила огонь, пришлось подкладывать в костры побольше дров. Дрова горели плохо и сильно дымили. Люди забились в камарники и не показывались наружу. Время тянулось томительно долго.

В Уссурийском крае дожди выпадают сразу на очень большой площади и идут с удивительным постоянством. Они захватывают сразу несколько бассейнов, иногда даже всю область. Этим и объясняются большие наводнения.

У Дерсу была следующая примета: если во время дождя в горах появится туман и он будет лежать неподвижно — это значит, что дождь скоро прекратится. Но если туман быстро двигается — это признак затяжного дождя и, может быть, тайфуна[62].

Утром перед восходом солнца дождь перестал, но вода в реке начала прибывать, и потому надо было торопиться с переправой. В этом случае значительную помощь оказали нам гольды. Быстро, без проволочек, они перебросили на другую сторону все наши грузы. Слабенькую лошадь переправили в поводу рядом с лодкой, а остальные переплыли сами.

Часов в восемь утра солнечные лучи прорвались сквозь тучи и стали играть в облаках тумана, освещая их своим золотистым светом. Глядя на эту картину, я мысленно перенесся в глубокое прошлое, когда над горячей поверхностью земли носились еще тяжелые испарения.

Наконец туман начал рассеиваться; природа, оцепеневшая от ненастья, стала оживать; послышалось пение жаворонков, в воздухе опять появились насекомые.

Когда лодка отчалила от берега, мы тоже тронулись в путь. Теперь горы были справа, а река — слева. Болота кончились, но это нас не избавило от сырости. От последних дождей земля была сильно пропитана водой; ручьи вышли из берегов и разлились по долинам.

Вследствие какой-то задержки в пути лошади отстали, а мы ушли вперед. На опушке леса стояла старая развалившаяся фанза. Тут мы сели на камни и стали ждать коней. Вдруг длинная темная полоса мелькнула в стороне. Стрелки бросились туда. Это было какое-то большое пресмыкающееся. Оно быстро скользило по траве, направляясь к кустарникам. Стрелки бежали по сторонам, не решаясь подойти к нему близко. Их пугали размеры змеи. Через минуту она доползла до дерева, лежащего на земле, и скрылась в нем. Это был древесный обломок с гнилой сердцевиной около 4 метров длиной и 15 сантиметров в диаметре. Мерзляков схватил палку и стал тыкать ею в отверстие. В ответ на это в дупле послышалось жужжание, а затем оттуда стали вылезать шмели. Значит, внутри дерева было их гнездо. Но тогда куда же девалась змея? Неужели она залезла к шмелям? Почему в таком случае шмели не подняли тревоги, какую они подняли тогда, когда мы просунули в дупло палку? Это заинтересовало всех. Стрелки стали разрубать дерево. Оно было гнилое и легко развалилось на части. Как только дерево было расколото, мы увидели змею. Она медленно извивалась, стараясь скрыться в рухляке. Однако это ее не спасло. Казак Белоножкин ударил змею топором и отсек ей голову. Вслед за тем змея была вытащена наружу. Это оказался полоз. Он был длиной 1,9 метра при толщине 6 сантиметров.

Внутри дерева дупло вначале узкое, а затем к комлю несколько расширялось. Птичий пух, клочья шерсти, мелкая сухая трава и кожа, сброшенная ужом при линянии, свидетельствовали о том, что здесь находилось его гнездо, а ближе к выходу и несколько сбоку было гнездо шмелей.

Когда змея вылезала из дерева или входила в него, она

каждый раз проползала мимо шмелей. Очевидно, и шмели и уж уживались вместе и не тяготились друг другом.

Стрелки рассматривали ужа с интересом.

— У него что-то есть внутри, — сказал Белоножкин.

Действительно, живот ужа был сильно вздут. Интересно было посмотреть, чем питаются эти крупные пресмыкающиеся.

Велико было наше удивление, когда в желудке ужа оказался довольно крупный кулик с длинным клювом. Как только он мог проглотить такую птицу и не подавиться ею?!

Гольды рассказывают, что уссурийский уж вообще большой охотник до пернатых. По их словам, он высоко взбирается на деревья и нападает на птиц в то время, когда они сидят в гнездах. В особенности это ему удается в том случае, если гнездо находится в дупле. Это понятно. Но как он ухитрился поймать такую птицу, которая бегает и летает, и как он мог проглотить кулика, длинный клюв которого, казалось бы, должен служить ему большой помехой?

— Надо торопиться, гроза будет, — сказал Мерзляков и посмотрел на небо.

Как бы в подтверждение его слов издали донесся глухой удар грома.

Пока ловили ужа, мы и не заметили, как нашла туча.

Туча двигалась очень скоро. Передний край ее был белесовато-серый и точно клубился; отдельные облака бежали по сторонам и, казалось, спорили с тучей в быстроте движения.

Уйти от грозы нам не удалось. Едва только мы тронулись в путь, как пошел дождь. Сначала с неба упало несколько крупных капель, а затем хлынул настоящий ливень. Пока молния сверкала вдали, было ясно видно, где именно происходят контакты небесного электричества с землей, но когда она стала вспыхивать в непосредственной близости, то утратила свой искровый характер. Вспышки молнии происходили где-то в пространстве, кругом, всюду... Удары грома были настолько сильные, что можно было ощущать, как вздрагивает атмосфера, и от этого сотрясения каждый раз дождь шел еще сильнее.

Обыкновенно такие ливни непродолжительны, но в Уссурийском крае бывает иначе. Часто именно затяжные дожди начинаются грозой. Так было и теперь. Гроза прошла, но солнце не появлялось. Кругом, вплоть до самого горизонта, небо покрылось слоистыми тучами, сы-

павшими на землю мелкий и частый дождь. Торопиться теперь к фанзам не имело смысла. Это поняли и люди и лошади.

Фанзы находились в стороне за протокой. Чтобы попасть туда, надо было делать большой обход. Поэтому решено было идти прямо к старообрядцам.

Невысокие горы, окаймляющие долину Вангоу, имели большею частью коническую форму. Между горами образовались глубокие распадки. Вероятно, при солнечном освещении местность эта очень живописна, но теперь она имела неприветливый вид.

Рассчитывать на перемену погоды к лучшему было нельзя. К дождю присоединился ветер, появился туман. Он то заволакивал вершины гор, то опускался в долину, то вдруг опять подымался кверху, и тогда дождь шел еще сильнее.

Река Вангоу невелика. Она шириной 4—6 метров и глубиной 40--60 сантиметров, но теперь она разлилась и имела грозный вид. Вода шла через лес. Люди переходили через затопленные места без особых затруднений, лошадям же опять досталось.

Они ступали наугад и проваливались в глубокие ямы.

Но вот лес кончился. Перед нами открылась большая поляна. На противоположном конце ее, около гор, приютилась деревушка Загорная. Но попасть в нее было нелегко. Мост, выстроенный староверами через реку, был размыт.

Более двух часов мы провозились над его починкой. На дождь уже никто не обращал внимания. Тут всем пришлось искупаться как следует.

Наконец это препятствие было преодолено, и мы вошли в деревню.

Она состояла из восьми дворов и имела чистенький, опрятный вид. Избы были срублены прочно. Видно было, что староверы строили их не торопясь и работали, как говорится, не за страх, а за совесть. В одном из окон показалось женское лицо, и вслед за тем на пороге появился мужчина. Это был староста. Узнав, кто мы такие и куда идем, он пригласил нас к себе и предложил остановиться у него в доме. Люди сильно промокли и потому старались поскорее расседлать коней и уйти под крышу.

Наш хозяин был мужчина среднего роста, лет сорока пяти. Карие глаза его глядели умно. Он носил большую бороду и на голове длинные волосы, обрезанные в кружок. Одежда его состояла из широкой ситцевой рубахи,

слабо подпоясанной тесемчатым пояском, плисовых штанов и сапог с низкими каблуками.

Внутри избы были две комнаты. В одной из них находились большая русская печь и около нее разные полки с посудой, закрытые занавесками, и начищенный медный рукомойник. Вдоль стен стояли две длинные скамьи; в углу деревянный стол, покрытый белой скатертью, а над столом божница со старинными образами, изображающими святых с большими головами, темными лицами и тонкими длинными руками.

Семья старовера состояла из его жены и двух маленьких ребятишек. Женщина была одета в белую кофточку и пестрый сарафан, стянутый выше талии и поддерживаемый на плечах узкими проймами, располагавшимися на спине крестообразно. На голове у нее был надет платок, завязанный как кокошник. Когда мы вошли, она поклонилась в пояс низко, по-старинному.

Другая комната была просторнее. Тут у стены стояла большая кровать, завешенная ситцевым пологом. Под окнами опять тянулись скамьи. В углу, так же как и в первой комнате, стоял стол, покрытый самодельной скатертью. В простенке между окнами висели часы, а рядом с ними полка с большими старинными книгами в кожаных переплетах. В другом углу стояла ручная машинка Зингера, около дверей на гвозде висела малокалиберная винтовка Маузера и бинокль Цейса. Во всем доме полы были чисто вымыты, потолки хорошо выструганы, стены как следует проконопачены.

Мы стали раздеваться и нагрязнили. Это нас смутило.

— Ничего, ничего, — говорил хозяин. — Бабы подотрут. Вишь, погода какая. Из тайги чистым не придешь.

Через несколько минут на столе появились горячий хлеб, мед, яйца и молоко. Мы с аппетитом, чтобы не сказать с жадностью, набросились на еду.

Оставшаяся часть дня ушла на расспросы о пути к Кокшаровке. Оказалось, что дальше никакой дороги нет и что из всех здешних староверов только один, Паначев, мог провести нас туда целиной через горы.

Староста послал за ним. Паначев тотчас явился. На вид ему было более сорока лет. Он тоже носил бороду, но так как никогда ее не подстригал, то она росла у него неправильно, клочьями. Получалось впечатление, будто он только что встал со сна и не успел еще причесаться. Видно было, что человек этот добрый, безобидный. Войдя в избу,

 Паначев трижды размашисто перекрестился на образа и

трижды поклонился так, чтобы достать до земли рукой. Длинные волосы лезли ему на глаза. Он поминутно встряхивал головой и откидывал их назад.

— Здравствуйте, — сказал он тихо, отошел к двери и стал мять свою шапку.

На сделанное ему предложение проводить нас до Кокшаровки он охотно согласился.

— Хорошо, пойду, — сказал он просто, и в этом «пойду» слышалась готовность служить, покорность и сознание, что только он один знает туда дорогу.

Решено было идти завтра, если дождь перестанет. На дворе бушевала непогода. Дождь с ветром хлестал по окнам. Из темноты неслись жалобные звуки: точно выла собака или кто-то стонал на чердаке под крышей. Под этот шум мы сладко заснули.

Глава девятая

Через горы

Уссурийская тайга. — Производство съемки в лесу. — Заблудились. — Подлесье. — Средства от комаров и мошек. — Деревня Кокшаровка. — Китайское селение Нотохоуза. — Река Улахе. — Жара и духота

На другой день, 31 мая, чуть только стало светать, я бросился к окну. Дождь перестал, но погода была хмурая, сырая. Туман, как саван, окутал горы. Сквозь него слабо виднелись долина, лес и какие-то постройки на берегу реки.

Раз дождя нет, значит можно идти дальше. Но одно обстоятельство заставило нас задержаться — не был готов хлеб.

Часов в восемь утра вдруг все петухи разом запели.

— Погода разгуляется, будет вёдро. Ишь петухи как кричат. Это верная примета, — говорили казаки между собой.

Известно, что домашние куры очень чувствительны к перемене погоды. Впрочем, они часто и ошибаются. Достаточно иногда небу немного проясниться, чтобы петухи тотчас начали перекликаться. Но на этот раз они не ошиблись. Вскоре туман действительно поднялся кверху, кое-где проглянуло синее небо, а вслед за тем появилось и солнышко.

В десять часов утра отряд наш, во главе с Паначевым,

выступил из деревни и направился кверху по реке Вангоу. Нам предстояло перевалить через хребет, отделяющий Даубихе от Улахе, и по реке, не имеющей названия, выйти к устью Фудзина.

Тотчас за деревней дорога превратилась в тропу. Она привела нас к пасеке Паначева.

— Пройдемте кто-нибудь со мной, ребята, — обратился старовер к казакам.

Затем он полез через забор, открыл кадушку и стал передавать им сотовый мед. Пчелы вились кругом него, садились ему на плечи и забивались в бороду. Паначев разговаривал с ними, называл их ласкательными именами, вынимал из бороды и пускал на свободу. Через несколько минут он возвратился, и мы пошли дальше.

Понемногу погода разгулялась: туман исчез, по земле струйками бежала вода, намокшие цветы подняли свои головки, в воздухе опять замелькали чешуекрылые.

Паначев повел нас целиной «по затескам». Как только мы углубились в лес, тотчас же пришлось пустить в дело топоры.

Читатель ошибается, если представляет себе тайгу в виде рощи. Уссурийская тайга — это девственный и первобытный лес, состоящий из кедра, черной березы, амурской пихты, ильма, тополя, сибирской ели, липы маньчжурской, даурской лиственницы, ясеня, дуба монгольского, пальмового диморфанта, пробкового дерева с листвой, напоминающей ясень, с красивой пробковой корой, бархатистой на ощупь, маньчжурского ореха с крупной листвой, расположенной на концах сучьев пальмообразно, и многих других пород. Подлесье состоит из густых кустарниковых зарослей. Среди них бросаются в глаза колючий элеутерококк, красноягодник с острыми листьями, лесная калина с белыми цветками, желтая жимолость с узловатыми ветвями и с морщинистой корой, лесная таволожка с коротко заостренными зубчатыми листьями и вьющийся по дереву персидский паслен. И все это перепуталось виноградником, лианами и кишмишом. Стебли последнего достигают иногда толщины человеческой руки*.

Паначев рассказывал, что расстояние от Загорной до Кокшаровки он налегке проходил в один день. Правда, один день он считал от рассвета до сумерек. А так как мы шли с вьюками довольно медленно, то рассчитывали

* Из перечисленных здесь растений: пальмовый диморфант — аралия, красноягодник — один из видов смородины, кишмиш — актинидия коломикта. *(Прим. ред.)*

этот путь сделать в двое суток, с одной только ночевкой в лесу.

Около полудня мы сделали большой привал. Люди тотчас же стали раздеваться и вынимать друг у друга клещей из тела. Плохо пришлось Паначеву. Он все время почесывался. Клещи набились ему в бороду и в шею. Обобрав клещей с себя, казаки принялись вынимать их у собак. Умные животные отлично понимали, в чем дело, и терпеливо переносили операцию. Совсем не то лошади: они мотали головами и сильно бились. Пришлось употребить много усилий, чтобы освободить их от паразитов, впившихся в губы и в веки глаз.

После чая опять Паначев пошел вперед, за ним стрелки с топорами, а через четверть часа после их ухода тронулись и вьюки.

— А ведь опять будет дождь, — сказал Мурзин.

— Не надолго! — ответил ему старовер. — К вечеру, бог даст, перестанет.

По его словам, если после большого ненастья нет ветра и сразу появится солнце, то в этот день к вечеру надо снова ждать небольшого дождя. От сырой земли, пригретой солнечными лучами, начинают подыматься обильные испарения. Достигая верхних слоев атмосферы, пар конденсируется и падает обратно на землю мелким дождем.

Паначев оказался прав. Часов в пять вечера начало моросить, незадолго до сумерек дождь перестал, и тучи рассеялись. Какой-то особенно нежный свет разлился по всему лесу. Это была последняя улыбка солнца. Начавшая было засыпать жизнь в лесу встрепенулась: забегали бурундуки, послышались крики иволги и удода. Но вот свет на небе начал гаснуть; из-под старых елей и кустов поднялись ночные тени. Пламя от костра стало светлее. Около него толпились люди... Паначев сидел в стороне и молча ел хлеб, подбирая крошки. Казаки разбирали вьюки, ставили комарники и готовили ужин. Некоторые из них разделись донага, собирали с белья клещей и нещадно ругались.

— А что, дядя, сколько будет верст до Кокшаровки? — спросил старовера Белоножкин.

— А кто его знает! Разве кто тайгу мерил? Тайга так тайга и есть! Завтра надо бы дойти, — отвечал старовер.

В этом «надо бы дойти» слышалась неуверенность.

— Ты хорошо эти места знаешь? — продолжал допрашивать его казак.

— Да не шибко хорошо. Два раза ходил и не блудил. Ничего, господь даст, пройдем помаленьку.

Покончив ужин, Паначев, не смущаясь присутствием посторонних, помолился, потом взял свой топор и стал подтачивать его на камне.

Следующий день был первое июня. Утром, когда взошло солнце, от ночного тумана не осталось и следа. Первым с бивака тронулся Паначев. Он снял шапку, перекрестился и пошел вперед, высматривая затески. Два стрелка помогали ему расчищать дорогу.

Путешествие по тайге всегда довольно однообразно. Сегодня — лес, завтра — лес, послезавтра — опять лес. Ручьи, которые приходится переходить вброд, заросшие кустами, заваленные камнями, с чистой прозрачной водой, сухостой, валежник, покрытый мхом, папоротники удивительно похожи друг на друга. Вследствие того что деревья постоянно приходится видеть близко перед собой, глаз утомляется и ищет простора. Чувствуется какая-то неловкость в зрении, является непреодолимое желание смотреть вдаль.

Иногда среди темного леса вдруг появляется просвет. Неопытный путник стремится туда и попадает в бурелом. Просвет в лесу в большинстве случаев означает болото или место пожарища, ветролома. Не всегда бурелом можно обойти стороной.

Если поваленные деревья невелики, их перерубают топорами, если же дорогу преграждает большое дерево, его стесывают с боков и сверху, чтобы дать возможность перешагнуть лошадям. Все это задерживает вьюки, и потому движение с конями по тайге всегда очень медленно.

Если идти по лесу без работы, то путешествие скоро надоедает.

Странствовать по тайге можно только при условии, если целый день занят работой. Тогда не замечаешь, как летит время, забываешь невзгоды и миришься с лишениями.

Путевые записки необходимо делать безотлагательно на месте наблюдения. Если этого не сделать, то новые картины, новые впечатления заслоняют старые образы, и виденное забывается. Эти путевые заметки можно делать на краях планшета или в особой записной книжке, которая всегда должна быть под рукой. Вечером сокращенные записки подробно заносятся в дневники. Этого тоже никогда не следует откладывать на завтра. Завтра будет своя работа.

 Так как тропа в лесу часто кружит и делает мелкие из-

вилины, которые по масштабу не могут быть нанесены на планшет, то съемщику рекомендуется идти сзади на таком расстоянии, чтобы хвост отряда можно было видеть между деревьями. Направление берется по последней лошади. Если же отряд идет быстрее, чем это нужно съемщику, то, чтобы не задерживать коней с вьюками, приходится отпускать их вперед, а с собой брать одного стрелка, которому поручается идти по следам лошадей на таком расстоянии от съемщика, чтобы последний мог постоянно его видеть. В чаще, где ничего не видно, направление приходится брать по звуку, например по звону колокольчика, ударам палки о дерево, окрикам, свисткам и т.д.

В пути наш отряд разделился на три части. Рабочий авангард под начальством Гранатмана, с Паначевым во главе, шел впереди, затем следовали вьюки. Остальные участники экспедиции шли сзади. Вперед мы подвигались очень медленно. Приходилось часто останавливаться и ожидать, когда прорубят дорогу. Около полудня кони вдруг совсем встали.

— Трогай! — кричали нетерпеливые.

— Обожди! Старовер затески потерял, — отвечали передние.

— А где сам-то он?

— Да пошел вперед искать дорогу.

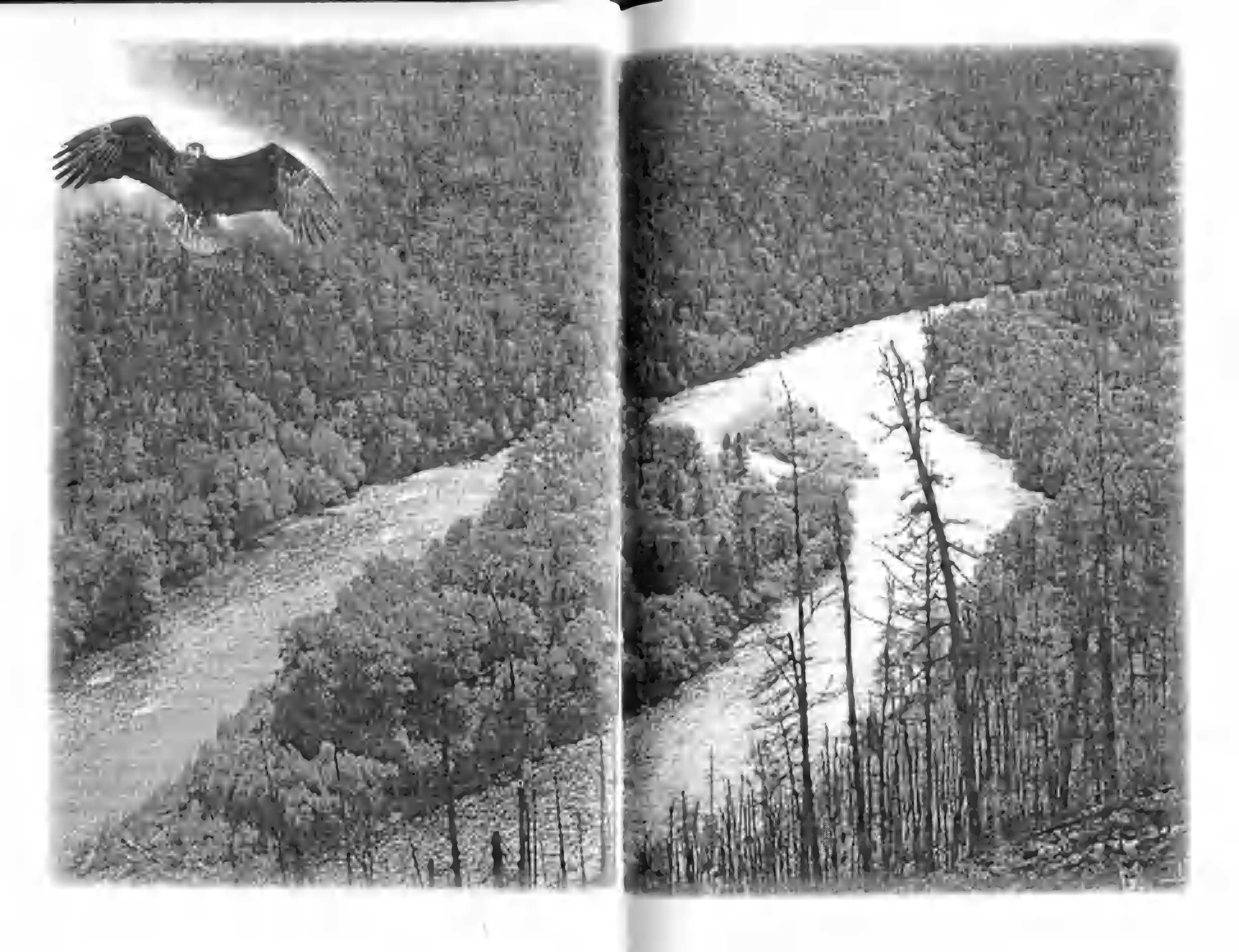
Прошло минут двадцать. Наконец Паначев вернулся. Достаточно было взглянуть на него, чтобы догадаться, в чем дело. Лицо его было потное, усталое, взгляд растерянный, волосы растрепанные.

— Ну что, есть затески? — спросил его Гранатман.

— Нету! — отвечал старовер. — Они, должно, левее остались. Нам надо так идти, — сказал он, указывая рукой на северо-восток.

Пошли дальше. Теперь Паначев шел уже не так уверенно, как раньше: то он принимал влево, то бросался в другую сторону, то заворачивал круто назад, так что солнце, бывшее дотоле у нас перед лицом, оказывалось назади. Видно было, что он шел наугад. Я пробовал его останавливать и расспрашивать, но от этих расспросов он еще более терялся. Собран был маленький совет, на котором Паначев говорил, что он пройдет и без дороги, и как подымется на перевал и осмотрится, возьмет верное направление.

Надо было дать вздохнуть лошадям. Их расседлали и пустили на подножный корм. Казаки принялись варить чай,



а Паначев и Гранатман полезли на соседнюю сопку. Через полчаса они возвратились. Гранатман сообщил, что, кроме гор, покрытых лесом, он ничего не видел, Паначев имел смущенный вид, и хотя уверял нас, что место это ему знакомо, но в голосе его звучало сомнение.

Едва мы тронулись с привала, как попали в такой буерак, из которого не могли выбраться до самого вечера. Паначев вел нас как-то странно. То мы карабкались на гору, то шли косогором, то уже опять спускались в долину. Обыкновенно, когда заблудишься, то уже идешь без расчета. Целый день мы были в пути и стали там, где застигла ночь. Невесело было на биваке. Сознание, что мы заблудились, действовало на всех угнетающим образом. Особенно грустным казался Паначев. Он вздыхал, посматривал на небо, ерошил волосы на голове и хлопал руками по полам своего армяка.

— Ты клещей-то из бороды вытащи, — говорили ему стрелки.

— Вот беда-то! — говорил он сам с собой. — Как на грех потерял затески!..

Надо было выяснить, каковы наши продовольственные запасы. Уходя из Загорной, мы взяли с собой хлеба по расчету на три дня. Значит, на завтра продовольствия еще хватит, но что будет, если завтра мы не выйдем к Кокшаровке? На вечернем совещании решено было строго держаться восточного направления и не слушать более Паначева.

На другой день чуть свет мы были уже на ногах. В том положении, в котором мы находились, поспешность была необходима.

Пройдя километра два с половиной от бивака, мы вдруг совершенно неожиданно наткнулись на затески. Они были старые, заплывшие.

— Чьи это затески? — спросил Мерзляков.

— Китайские, — отвечал Паначев.

— Значит, и у вас в тайге есть китайцы? — спросили его казаки.

— Где их нет? — ответил старовер. — В тайге насквозь китайцы. Куда только ни пойдешь, везде их найдешь.

Затески были наделаны часто и шли в желательном для нас направлении, поэтому мы решили идти по ним, пока возможно. Паначев потому и заблудился, что свои знаки он ставил редко.

Он упустил из виду, что со временем они потускнеют и на большом расстоянии будут видны плохо. Идя по линии затесок, мы скоро нашли соболиные ловушки. Не-

которые из них были старые, другие новые, видимо, только что выстроенные. Одна ловушка преграждала дорогу. Кожевников поднял бревно и сбросил его в сторону. Под ним что-то лежало. Это оказались кости соболя.

Очевидно, вскоре после того как зверек попал в ловушку, его завалило снегом. Странно, почему зверолов не осмотрел свои ловушки перед тем, как уйти из тайги. Быть может, он обходил их, но разыгравшаяся буря помешала ему дойти до крайних затесок, или он заболел и не мог уже более заниматься охотой. Долго ждал пойманный соболь своего хозяина, а весной, когда стаял снег, вороны расклевали дорогого хищника, и теперь от него остались только клочки шерсти и мелкие кости.

Я вспомнил Дерсу. Если бы он теперь был с нами, мы узнали бы, почему соболь остался в ловушке. Гольд, наверно, нашел бы дорогу и вывел бы нас из затруднительного положения.

К полудню мы поднялись на лесистый горный хребет, который тянется здесь в направлении от северо-северо-востока на юго-юго-запад и в среднем имеет высоту около полукилометра. Сквозь деревья можно было видеть другой такой же перевал, а за ним еще какие-то горы. Сверху гребень хребта казался краем громадной чаши, а долина — глубокой ямой, дно которой терялось в тумане.

Обсудив наше положение, мы решили спуститься в долину и идти по течению воды. Восточный склон хребта был крутой, заваленный буреломом и покрытый осыпями. Пришлось спускаться зигзагами, что отняло много времени. Ручей, которого мы придерживались, скоро стал забирать на юг; тогда мы пошли целиной и пересекли несколько горных отрогов.

Паначев работал молча: он по-прежнему шел впереди, а мы плелись за ним сзади. Теперь уже было все равно. Исправить ошибку нельзя, и оставалось только одно: идти по течению воды до тех пор, пока она не приведет нас к реке Улахе. На большом привале я еще раз проверил запасы продовольствия. Выяснилось, что сухарей хватит только на сегодняшний ужин, поэтому я посоветовал сократить дневную выдачу.

Густой смешанно-хвойный лес, по которому мы теперь шли, имел красивый декоративный вид. Некоторые деревья поражали своими размерами. Это были настоящие лесные великаны от 20 до 30 метров высоты и от 2 до 3 метров в обхвате. На земле среди зарослей таволги, лещины и леспедецы валялось много колодника, покрытого цветис-

тыми лишаями и мхами. По сырым местам тысячами разрослись пышные папоротники, ваи* которых достигают 0,9 метра длины. По внешнему виду растения эти походят на гигантские зеленые лилии.

В уссурийской тайге растет много цветковых растений. Прежде всего в глаза бросается ядовитая чемерица с грубыми остроконечными плойчатыми листьями и белыми цветками, затем — бадьян с овально-ланцетовидными листьями и ярко-розовыми цветками, выделяющими обильные эфирные масла. Синими цветками из травянистых зарослей выделялся борец с зубчатыми листьями, рядом с ним — башмачки с большими ланцетовидными листьями, нежные василисники с характерными яркими цветками, большие огненно-красные зорьки с сидячими овально-ланцетовидными листьями и группы оранжевых троллиусов.

Несмотря на постигшую нас неудачу, мы не могли быть равнодушными к красотам природы. Художники, ботаники или просто любители природы нашли бы здесь неистощимые материалы для своих наблюдений.

Перед вечером первый раз появилась мошка. Местные старожилы называют ее гнусом. Уссурийская мошка — истинный бич тайги. После ее укуса сразу открывается кровоточивая ранка. Она ужасно зудит, и, чем больше расчесывать ее, тем зуд становится сильнее. Когда мошки много, ни на минуту нельзя снять сетку с лица. Мошка слепит глаза, забивается в волосы, уши, забивается в рукава и нестерпимо кусает шею. Лицо опухает, как при рожистом воспалении.

Дня через два или три организм вырабатывает иммунитет, и опухоль спадает.

Люди могли защищаться от гнуса сетками, но лошадям пришлось плохо. Мошкара разъедала им губы и веки глаз. Бедные животные трясли головами, но ничего не могли поделать со своими маленькими мучителями.

Самой рациональной защитой от мошкары является сетка. Металлической сетки никогда надевать не следует: она сильно нагревается. Лучше мучиться от мошкары, чем задыхаться в горячем воздухе, насыщенном еще вдобавок собственными испарениями. Кисейная сетка непрочна, она все время цепляется за сучки и рвется. В образовавшееся отверстие набиваются насекомые, и тогда от них можно освободиться только снятием головного убора. Лучшая сетка — волосяная, она достаточно прочна и не так нагревается от солнца, как металлическая. Некоторые

* Вайя — название листа папоротника. *(Прим. ред.)*

рекомендуют мазаться вазелином. Я пробовал, и могу сказать, что это средство никуда не годится. Во-первых, к вазелину прилипают насекомые. Они шевелятся и щекочут лицо. Другое неудобство заключается в том, что вазелин тает и смывается потом. Разные пахучие масла, вроде гвоздичного, еще хуже. Они проникают в раскрытые поры и жгут, как крапивой. Самое лучшее средство — терпение. Нетерпеливого человека гнус может довести до слез.

Запасшись этим средством, мы шли вперед до тех пор, пока солнце совсем не скрылось за горизонтом. Паначев тотчас же пошел на разведку. Было уже совсем темно, когда он возвратился на бивак и сообщил, что с горы видел долину Улахе и что завтра к полудню мы выйдем из леса. Люди ободрились, стали шутить и смеяться.

Незатейлив был наш ужин. Оставшиеся от сухарей крошки в виде муки были розданы всем поровну.

Часов в восемь вечера на западе начала сверкать молния, и послышался отдаленный гром. Небо при этом освещении казалось иллюминованным. Ясно и отчетливо было видно каждое отдельное облачко. Иногда молнии вспыхивали в одном месте, и мгновенно получались электрические разряды где-нибудь в другой стороне. Потом все опять погружалось в глубокий мрак. Стрелки начали было ставить палатки и прикрывать брезентами седла, но тревога оказалась напрасной. Гроза прошла стороной. Вечером зарницы долго еще играли на горизонте.

Утром, как только мы отошли от бивака, тотчас же наткнулись на тропку. Она оказалась зверовой и шла куда-то в горы. Паначев повел по ней. Мы начали было беспокоиться, но оказалось, что на этот раз он был прав. Тропа привела нас к зверовой фанзе. Теперь смешанный лес сменился лиственным редколесьем. Почуяв конец пути, лошади прибавили шаг. Наконец показался просвет, и вслед за тем мы вышли на опушку леса. Перед нами была долина реки Улахе. Множество признаков указывало на то, что деревня недалеко.

Через несколько минут мы подошли к реке и на другом ее берегу увидели Кокшаровку. Старообрядцы подали нам лодки и перевезли на них седла и вьюки. Понукать лошадей не приходилось. Умные животные отлично понимали, что на той стороне их ждет обильный корм. Они сами вошли в воду и переплыли на другую сторону реки.

После этого перехода люди очень устали, лошади тоже нуждались в отдыхе. Мы решили простоять в Кокшаровке трое суток.

Воспользовавшись этим временем, я отправился к деревне Нотохоуза, расположенной недалеко от устья реки. Последняя получила свое название от китайского слова «науту» (ното), что значит «енот» (44°39' северной широты и 134°56' восточной долготы от Гринвича — по Гамову). Такое название китайцы дали реке по той причине, что раньше здесь водилось много этих животных*.

Деревня Нотохоуза — одно из самых старых китайских поселений в Уссурийском крае. Во времена Венюкова (1857 год) сюда со всех сторон стекались золотопромышленники, искатели женьшеня, охотники и звероловы. Старинный путь, которым уссурийские манзы сообщались с постом Ольги, лежал именно здесь. Вьючные караваны их шли мимо Ното по реке Фудзину через Сихотэ-Алинь к морю. Этой дорогой предстояло теперь пройти и нам.

Выражение «река Улахе» состоит из трех слов: русского, маньчжурского и китайского, причем каждое из них означает одно и то же — «река». В переводе получается что-то странное — «Река-река-река».

Улахе течет в направлении к северо-северо-востоку по продольной межскладчатой долине. Она шириной около 120 метров и глубиной в среднем 1,8 метра. Продолжением ее тектонической долины будут долины нижнего Ното и его притока Себучара[63], текущих ей навстречу.

Из притоков Улахе самыми большими будут: слева — Табахеза[64] и Синанца. Название последней показывает направление ее течения (си — запад, нан — юг и ца — разветвление, то есть юго-западный приток). С правой стороны в нее впадает много речек: Янмутьхоуза[65], Тудагоу, Эрлдагоу, Сандагоу, Сыдагоу. Затем дальше идут Фудзин и Нотохе, о которой говорилось выше. Все эти реки берут начало с Сихотэ-Алиня[66]. Самым большим притоком Улахе, бесспорно, будет Янмутьхоуза. Ее, собственно, и следует считать за начало Уссури. По ней можно выйти на берег моря к бухтам Ванчин и Валентина. Горные хребты, окаймляющие долину справа и слева, дают в стороны длинные отроги, поросшие густыми смешанными лесами и оканчивающиеся около реки небольшими сопками в 400—500 метров высоты.

Долина Улахе является одной из самых плодородных местностей в крае. По ней растут в одиночку большие старые вязы, липы и дубы. Чтобы они не заслоняли солнца на огородах, с них снимают кору около корней. Деревья подсыхают и затем идут на топливо.

---

* Имеется в виду не енот, которого на Дальнем Востоке нет, а енотовидная собака. *(Прим. ред.)*

День был чрезвычайно жаркий. Небесный свод казался голубой хрустальной чашей, которой как будто нарочно прикрыли землю, точно так, как прикрывают молодые всходы, чтобы они скорее росли, — и от этого именно было так душно и жарко. Ни дуновения ветерка внизу, ни одного облачка на небе. Знойный воздух реял над дорогой. Деревья и кусты оцепенели от жары и поникли листвой. Река текла тихо, бесшумно. Солнце отражалось в воде и казалось, будто светят два солнца: одно сверху, а другое откуда-то снизу. Все мелкие животные попрятались в свои норы. Одни только птицы проявляли признаки жизни. У маньчжурского жаворонка хватало еще сил описывать круги по воздуху и звонким пением приветствовать жаркое лето. В редколесье около дороги я заметил двух голубых сорок. Осторожные, хитрые птицы эти прыгали по веткам, ловко проскальзывали в листве и пугливо озирались по сторонам. В другом месте, в старой болотистой протоке, я вспугнул северную плиску — маленькую серозеленую птичку с желтым брюшком и желтой шеей. Она поднялась на воздух, чтобы улететь, но увидела стрекозу и, нимало не смущаясь моим присутствием, принялась за охоту.

После полудня опять появилось много гнуса. Я прекратил работу и пошел в деревню. По дороге меня догнал табун крестьянских лошадей. Кони брыкались, мотали головами и били себя хвостами. Слепни и оводы гнались за ними тучей. Увидев в стороне кусты, весь табун бросился туда. Ветви хлестали животных по ногам, по брюху. Это было единственное средство согнать крылатых кровопийц*. В деревне уже ждали лошадей; около дворов курились дымокуры. Добежав до костров, лошади уткнулись мордами чуть ли не в самый огонь. На них жалко было смотреть. Широко раздув ноздри, они тяжело и порывисто дышали. Все тело их было покрыто каплями крови — в особенности круп, губы, шея и холка, то есть такие места, которые лошадь не может достать ни хвостом, ни зубами.

Следующий день был еще более томительный и жаркий. Мы никуда не уходили, сидели в избах и расспрашивали староверов о деревне и ее окрестностях. Они рассказывали, что Кокшаровка основана в 1903 году и что в ней двадцать два двора.

---

* К кровососам относятся из упомянутых насекомых только слепни. Оводы откладывают свои яйца на шерсть лошадей, вышедшие из них личинки становятся подкожными паразитами животных. *(Прим. ред.)*

Глава десятая

Долина Фудзина

Китайская земледельческая фанза. — Варка пантов. — Анофриев в роли начальника отряда. — Крушение лодки. — Подлесье в тайге. — Лесные птицы. — Встреча с промышленником

Шестого июня мы распрощались с Кокшаровкой. Наши лошади отдохнули и теперь шли гораздо бодрее, несмотря на то, что слепней и мошек было так же много, как и вчера. Особенно трудно было идти задним. Главная масса мошкары держится в хвосте отряда. В таких случаях рекомендуется по очереди менять местами людей и лошадей.

От деревни Кокшаровки дорога идет правым берегом Улахе, и только в одном месте, где река подмывает утесы, она удаляется в горы, но вскоре опять выходит в долину. Река Фудзин имеет направление течения широтное, но в низовьях постепенно заворачивает к северу и сливается с Улахе километра на два ниже левого края своей долины.

Рододендроны были теперь в полном цвету, и от этого скалы, на которых они росли, казались пурпурно-фиолетовыми. Долину Фудзина можно назвать луговой. Старый дуб, ветвистая липа и узловатый осокорь* растут по ней одиночными деревьями. Невысокие горы по сторонам покрыты смешанным лесом с преобладанием пихты и ели.

Дикая красота долины смягчалась присутствием людей.

Точно перепелки, попрятавшиеся от охотника, там и сям между деревьями виднелись серенькие китайские фанзы. Они имели уютный вид. Все вокруг носило характер мира, тишины и трудолюбия. Около фанз широко раскинулись хлебные поля и огороды. Чего только здесь не было: пшеница, кукуруза, чумиза, овес, мак снотворный, бобы, табак и множество других растений, которых я не знаю. Ближе к фанзам росли: фасоль, картофель, редька, тыква, дыня, капуста, салат, брюква, огурцы, помидоры, лук разных сортов и горошек. В полях всюду виднелись синие фигуры китайцев. Они прекратили работы и долго провожали нас глазами. Появление военного отряда, видимо, их сильно смущало, а наличие вьючных коней указывало, что отряд этот идет издалека и далеко.

Я направился к одной фанзе. Тут на огороде работал

---

* Один из примеров переноса "западных" названий на дальневосточные растения. Настоящего осокоря здесь нет. (*Прим. ред.*)

глубокий старик. Он полол грядки и каждый раз, нагибаясь, стонал. Видно было, что ему трудно работать, но он не хотел жить праздно и быть другим в тягость. Рядом с ним работал другой старик — помоложе. Он старался придать овощам красивый вид, оправлял их листья и подрезал те, которые слишком разрослись.

Когда мы подошли, оба старика приветствовали нас посвоему и затем, вытерев лицо грязной тряпицей, поплелись сзади.

Китайская фанза, к которой мы подошли, состояла из трех построек, расположенных «покоем»: из жилой фанзы — посредине и двух сараев — по сторонам. Двор между ними, чисто выметенный и прибранный, был обнесен высоким частоколом в уровень с сараями. Почуяв посторонних людей, собаки подняли неистовый лай и бросились к нам навстречу. На шум из фанзы вышел сам хозяин. Он тотчас распорядился, чтобы рабочие помогли нам расседлать коней.

Китайская фанза — оригинальная постройка. Стены ее сложены из глины; крыша двускатная, тростниковая. Решетчатые окна, оклеенные бумагой, занимают почти весь ее передний фасад, зато сзади и с боков окон не бывает вовсе. Рамы устроены так, что они подымаются кверху и свободно могут выниматься из своих гнезд. Замков ни у кого нет. Дверь припирается не от людей, а для того, чтобы туда случайно не зашли собаки.

Внутри фанзы, по обе стороны двери, находятся низенькие печки, сложенные из камня с вмазанными в них железными котлами. Дымовые ходы от этих печей идут вдоль стен под канами и согревают их. Каны сложены из плитнякового камня и служат для спанья. Они шириной около 2 метров и покрыты соломенными циновками. Ходы выведены наружу в длинную трубу, тоже сложенную из камня, которая стоит немного в стороне от фанзы и не превышает конька крыши. Спят китайцы всегда голыми, головой внутрь фанзы и ногами к стене.

Деревянной перегородкой фанза делится на две половины. В меньшей помещается сам хозяин и его компаньон, в большей — рабочие, посредине фанзы на треножнике стоит старый надтреснутый котел, наполненный песком и золой. Это жаровня, куда складываются горящие уголья из печей, когда пища сварена и каны достаточно нагреты. Если нужно согреть пищу, манзы разводят огонь прямо в жаровне. Вследствие этого в жилом помещении всегда дымно и пыльно. Потолка в фанзе нет, крыша по-

ставлена непосредственно на стены. Деревянные балки, кедровое корье и даже солома до того прокоптились, что стали черными и блестящими. Все предметы, находящиеся выше роста человека, тоже закопчены и покрыты толстым слоем пыли.

Хозяин фанзы пригласил нас в свое помещение. Здесь было несколько чище, чем у рабочих. Около стен стояли большие сундуки с наклеенными на них красными бумажками с новогодними иероглифическими письменами. Прямо против входа было устроено нечто вроде кумирни, а около нее на столе стояли подсвечники с красными свечами, какие-то желтые коробочки и запыленные бутылки. Рядом на стенах висели размалеванные картины, характерные для китайского художества по отсутствию в них перспективы и изображающие исторические театральные сцены, что легко узнать по костюмам, заученным позам актеров и по их раскрашенным физиономиям.

Хозяин разостлал на кане новое ватное одеяло, поставил маленький столик и налил нам по кружке чаю. Китайский чай дает навар бледно-желтый, слабый, но удивительно ароматный; его надо пить без сахара — сладкий он неприятен.

Первые вопросы, с которыми обратились ко мне китайцы, были такие:

— Сколько у вас людей?

— Сзади еще идут люди или нет?

Сначала я возмущался такими вопросами, усматривая в них злое намерение, но впоследствии убедился, что эта справка нужна им только для того, чтобы знать, на сколько людей надо готовить ужин.

Мы расположились в фанзе, как дома. Китайцы старались предупредить все наши желания и просили только, чтобы не пускать лошадей на волю, дабы они не потравили полей. Они дали коням овса и наносили травы столько, что ее хватило бы до утра на отряд вдвое больший, чем наш. Все исполнялось быстро, дружно и без всяких проволочек.

После сытного обеда из вареной курицы, яиц, жареного картофеля и лепешек, испеченных на бобовом масле, я пошел осматривать сараи.

Половина одной постройки предназначалась для выгонки спирта. Тут были две заторных ямы, перегонный куб и посуда. На стеллажах под крышей рядами лежали «сулевые»[67] кирпичи. По мере надобности их опять укладывают в яму и смачивают водой. От этого они набухают и раз-

валиваются. Затору дают побродить немного и затем лопатами насыпают в котел, над которым ставят деревянный бездонный чан, а поверх его еще другой котел с холодной водой. Винные пары оседают на холодном днище верхнего котла и по особому приемнику выходят наружу.

В другой половине помещалась мельница, состоявшая из двух жерновов, из которых нижний был неподвижный. Мельница приводится в движение силой лошади. С завязанными глазами она ходит вокруг и вращает верхний камень. Мука отделяется от отрубей при помощи сита. Оно помещается в особом шкафу и приводится в движение ногами человека. Он же следит за лошадью и подсыпает зерно к жерновам.

Рядом с мельницей была кладовая, где хранились зерновые продукты и вообще разное имущество. Здесь были шкуры зверей, оленьи панты, медвежья желчь, собольи и беличьи меха, бумажные свечи, свертки с чаем, новые топоры, плотничьи и огородные инструменты, луки, настораживаемые на зверей, охотничье копье, фитильное ружье, приспособления для носки на спине грузов, одежда, посуда, еще не бывшая в употреблении, китайская синяя даба, белая и черная материя, одеяла, новые улы, сухая трава для обуви, веревки и тулузы[68] с маслом. В таких же, но только маленьких тулузах китайцы в походе носят бобовое масло. Пробкой обыкновенно служит кочерыжка кукурузы, обмотанная тряпицей. Изготовление маленьких тулузов явилось следствием недостатка стеклянной и глиняной посуды.

Постройка с правой стороны двора служила конюшней для лошадей и хлевом для рогатого скота. Изъеденная колода и обгрызенные столбы свидетельствуют о том, что лошадям зимой дают мало сена. Китайцы кормят их резаной соломой вперемешку с бобами. Несмотря на это, лошади у них всегда в хорошем теле.

От фанзы шла маленькая тропинка. Я пошел по ней. Тропинка привела меня к кумирне, сколоченной из досок и украшенной резьбой. В ней была повешена картина, изображающая бога стихий «Лун Ван-е», окруженного другими богами. Все они имели цветные гневные лица. Перед богами стояли маленькие фарфоровые чашечки, в которые, вероятно, наливался спирт во время жертвоприношения. Впереди кумирни стояли два фигурных столба с украшениями. Позади фанзы и несколько в стороне была большая груда дров, аккуратно наколотых, но еще акку-

ратнее сложенных в круглый штабель, по внешнему виду похожий на стог сена.

В соседней фанзе варили панты. Я пошел туда посмотреть, как производится эта операция. Варка происходила на открытом воздухе. Над огнем на трех камнях стоял котел, наполненный водой. Китаец-пантовар внимательно следил за тем, чтобы вода была горячей, но не кипела. В руках у него была деревянная разливалка, к которой бечевками привязаны молодые оленьи рога. Обмакнув панты в воду, он давал им немного остынуть, сдувая ртом пар, затем опять погружал их в котел и опять остужал дуновением. Варка пантов производится ежедневно до тех пор, пока они не потемнеют и не сделаются твердыми. В этом виде они могут храниться много лет. Если передержать их в горячей воде дольше двух-трех секунд зараз, они лопнут и потеряют ценность.

Когда я возвращался назад, день уже кончился. Едва солнце коснулось горизонта, как все китайцы, словно по команде, прекратили свои работы и медленно, не торопясь, пошли домой. В поле никого не осталось.

Возвратясь в фанзу, я принялся за дневник. Тотчас ко мне подсели два китайца. Они следили за моей рукой и удивлялись скорописи. В это время мне случилось написать что-то машинально, не глядя на бумагу. Крик восторга вырвался из их уст. Тотчас с кана соскочило несколько человек. Через пять минут вокруг меня стояли все обитатели фанзы, и каждый просил меня проделать то же самое еще и еще, бесконечное число раз.

Жидкая кукурузная кашица, немного соленых овощей и два хлебца из темной пшеничной муки — вот все, что составляет вечернюю трапезу рабочих-манз. Сидя на корточках за маленьким столиком, они ели молча. После ужина китайцы разделись и легли на каны. Некоторые курили табак, другие пили чай. Теперь все разговаривали. В фанзе было два посторонних человека, пришедших с реки Ното. Они что-то горячо рассказывали, а слушатели время от времени выражали свое удивление возгласами «айя-хап». Такая беседа длилась около часа. Наконец разговор мало-помалу стал затихать и незаметно перешел в храп. Только в одном углу еще долго горела масляная лампочка. Это старик китаец курил опий.

Видя меня сидящим за работой в то время, когда другие спят, китайцы объяснили это по-своему. Они решили, что я не более как писарь и что главный начальник —
 Анофриев. Заключили они это по тому, что последний

постоянно кричал на них, ругался и гнал из чистой половины в помещение для рабочих. Я вспомнил, что и в других фанзах было то же самое. Китайцы боялись его как огня. Когда кому-нибудь в отряде не удавалось чего-либо добиться от них, стоило только обратиться к Анофриеву, и тотчас же китайцы становились покорными и без всяких пререканий исполняли приказания. Очевидно, весть о том, кто начальник в отряде, передавалась из фанзы в фанзу. И с этим ничего нельзя было поделать. Когда на другое утро я проснулся и попросил у китайцев чаю, они указали на спящего Анофриева и шепотом сказали мне, что надо подождать, пока не встанет «сам капитан». Я разбудил Анофриева и попросил его сделать распоряжение. Он прикрикнул на китайцев, те сразу засуетились и тотчас подали мне чай и булочки, испеченные на пару.

Расплатившись с хозяином фанзы, мы отправились дальше вверх по реке Фудзину.

Горы с левой стороны долины состоят из базальтовой лавы, которая в обнажениях, под влиянием атмосферных явлений, принимает красно-бурую окраску. По вершинам их, кое-где по склонам виднеются осыпи. Издали они кажутся серыми плешинами. Эти сопки изрезаны распадками и покрыты дубовым редколесьем.

С правой стороны Фудзина тянется массивный горный кряж, поросший густым хвойно-смешанным лесом.

К полудню отряд наш дошел до того места, где долина делает крутой поворот на север. Пройдя в этом направлении километра три, она снова поворачивает к востоку.

На другой стороне реки виднелась фанза. Здесь жили два китайца. Один из них был хромой, другой слепой.

Вода в реке стояла на прибыли, и потому вброд ее перейти было нельзя. У китайцев нашлась небольшая лодка. Мы перевезли в ней седла и грузы, а коней переправили вплавь.

За последние дни лошади наши сильно похудели. Днем они были в работе, а ночью страдали от гнуса. Они не хотели пастись на траве и все время жались к дымокурам. Чтобы облегчить их работу, я решил часть грузов отправить в лодке с двумя стрелками. Китайцы охотно уступили ее нам за недорогую цену. Но не суждено было ей совершить это плавание. Как только она вышла на середину реки, один из пассажиров потерял равновесие и упал. Лодка тотчас перевернулась. Стрелки умели плавать и без труда добрались до берега, но ружья, топоры, запасные подковы, пила и ковочный инструмент утонули.

Лодку скоро задержали, но впопыхах потеряли место, где произошло крушение.

В команде нашлись два человека (Мурзин и Мелян), которые умели нырять. До самых сумерек они бродили по воде, щупали шестами, закидывали веревки с крючьями, но все было напрасно.

Следующий день, 8 июня, ушел на поиски в воде ружей. Мы рассчитывали, что при солнце будет видно дно реки, но погода, как на грех, снова испортилась. Небо покрылось тучами, и стало моросить. Тем не менее после полудня Меляну удалось найти два ружья, ковочный инструмент, подковы и гвозди. Удовольствовавшись этим, я приказал собираться в дорогу.

Нет худа без добра. Случилось так, что последние две ночи мошки было мало; лошади отдохнули и выкормились. Злополучную лодку мы вернули хозяевам и в два часа дня тронулись в путь.

Погода нам благоприятствовала. Было прохладно и морочно[69]. По небу бежали кучевые облака и заслоняли собой солнце.

Дальше Фудзин делает излучину в виде буквы «П». Отсюда тропа поворачивает направо в горы, что значительно сокращает дорогу. По пути она пересекает два невысоких кряжика и обильный водой источник.

В полдень у ручья я приказал остановиться. После чаю я не стал дожидаться, пока завьючат коней, и, сделав нужные распоряжения, пошел вперед по тропинке.

Во вторую половину дня погода не изменилась: по-прежнему было сумрачно, но чувствовалось, что дождя не будет. Такой погодой всегда надо пользоваться. В это время можно много сделать и много пройти. Откуда-то берется энергия, и, главное, совершенно не чувствуешь усталости. Гнус исчез. При ветре мошка не может держаться в воздухе. Зато, если день солнечный и безветренный, мошек появляется чрезвычайно много. Для них не так нужно солнце, как теплый и насыщенный парами воздух. Вот почему гнус всегда появляется перед дождем и в сумерки.

На втором перевале через горный отрог тропка разделилась.

Одна пошла влево, другая — прямо в лес. Первая мне показалась малохоженой, а вторая — более торной. Я выбрал последнюю.

В течение дня из пернатых в здешних местах я видел уссурийского пестрого дятла. Эта бойкая и подвижная птица с белым, черным и красным оперением все время пе-

релетала с одного дерева на другое, часто постукивала носом по коре и, казалось, прислушивалась, стараясь по звуку угадать, дуплистое оно или нет. Увидев меня, дятел спрятался за дерево и тотчас показался с другой стороны. Он осторожно выглядывал оттуда одним глазом. Заметив, что я приближаюсь, он с криком перелетел еще дальше и вскоре совсем скрылся в лесу.

В стороне звонко куковала кукушка. Осторожная и пугливая, она не сидела на месте, то и дело шныряла с ветки на ветку и в такт кивала головой, подымая хвост кверху. Не замечая опасности, кукушка бесшумно пролетела совсем близко от меня, села на дерево и начала было опять куковать, но вдруг испугалась, оборвала на половине свое кукование и торопливо полетела обратно.

Из соседних кустов я выгнал вальдшнепа.

Он подпустил меня очень близко, но потом вдруг сорвался с места и полетел низко над землей, ловко лавируя между деревьями. В тех местах, где заросли были гуще, держались серые сорокопуты. Заметив подходившего человека, они подняли сильное стрекотание. Небольшие птицы с сердитым взглядом и с клювом, как у хищника, они поминутно то взлетали на ветки деревьев, то опускались на землю, как будто что-то клевали в траве, затем опять взлетали наверх и ловко прятались в листве. Около воды по опушке держались китайские иволги и сибирские соловьи*. Они выдавали себя своим пением. Иволги, красивые оранжево-желтые птицы, величиной с голубя, сидели на высоких деревьях. Несмотря на величину и яркое оперение, увидеть их всегда трудно. Вторые — серые птички с красным горлом — также предпочитали держаться в зарослях около воды. Голос сибирского соловья не такой богатый, как у соловья, обитающего в Европе. После короткого пения сразу наступает щелканье и стрекотанье.

По голосу я сначала даже и не принял его за соловья, но потом разглядел и признал в нем пернатого музыканта.

Моя тропа заворачивала все больше к югу. Я перешел еще через один ручей и опять стал подыматься в гору. В одном месте я нашел чей-то бивак. Осмотрев его внимательно, я убедился, что люди здесь ночевали давно и что это, по всей вероятности, были охотники.

Лес становился гуще и крупнее, кое-где мелькали тупые вершины кедров и остроконечные ели, всегда при-

* Ныне птицу, именуемую в прошлом сибирским соловьем, называют соловьем-красношейкой. (*Прим. ред.*)

дающие лесу угрюмый вид. Незаметно для себя я перевалил еще через один хребетник и спустился в соседнюю долину. По дну ее бежал шумный ручей. Усталый, я сел отдохнуть под большим кедром и стал рассматривать подлесье. Тут росли: даурская крушина с овально-заостренными листьями и мелкими белыми цветками, многоиглистый шиповник, небольшой кустарник с сильно колючими ветвями и желтая акация с ярко-золотистыми венчиками. Там и сям среди кустарников высились: зонтичная ангелика, вороний глаз с расходящимися во все стороны узкими ланцетовидными листьями и особый вид папоротника с листьями, напоминающими развернутое орлиное крыло, и вследствие этого называемый в просторечии «орляком»*.

Вдруг издали донеслись до меня какие-то однообразные и заунывные звуки. Они приближались, и вслед за тем я услышал совсем близко над своей головой шум птичьего полета и глухое воркование. Тихонько я поднял голову и увидел восточносибирскую лесную горлицу. По неосторожности я что-то выронил из рук, горлица испугалась и стремительно скрылась в чаще. Потом я увидел восточного седоголового дятла. Эта лазящая птица с зеленовато-серым оперением и с красным пятном на голове, подвижная и суетливая, выражала особенное беспокойство, видимо, потому, что я сидел неподвижно. Она перелетала с одного места на другое и так же, как и первый дятел, пряталась за деревья. По другому, резкому, крику я узнал кедровку. Вскоре я увидел ее самое — большеголовую, пеструю и неуклюжую. Она проворно лазила по деревьям, лущила еловые шишки и так пронзительно кричала, как будто хотела лесу оповестить, что здесь есть человек.

Наконец мне наскучило сидеть на одном месте: я решил повернуть назад и идти навстречу своему отряду. В это время до слуха моего донесся какой-то шорох. Слышно было, как кто-то осторожно шел по чаще. «Должно быть, зверь», — подумал я и приготовил винтовку. Шорох приближался.

Притаив дыхание, я старался сквозь чащу леса рассмотреть приближающееся животное. Вдруг сердце мое упало — я увидел промышленника. По опыту прежних лет я знал, как опасны встречи с этими людьми.

В тайге Уссурийского края надо всегда рассчитывать на возможность встречи с дикими зверями. Но самое неприятное — это встреча с человеком. Зверь спасается от чело-

---

* Крушину чаще называют жостером. "Желтая акация" — карагана древовидная, ангелика — дудник. *(Прим. ред.)*

века бегством, если же он и бросается, то только тогда, когда его преследуют. В таких случаях и охотник и зверь — каждый знает, что надо делать. Другое дело человек. В тайге один бог свидетель, и потому обычай выработал особую сноровку. Человек, завидевший другого человека, прежде всего должен спрятаться и приготовить винтовку.

В тайге все бродят с оружием в руках: туземцы, китайцы, корейцы и зверопромышленники. Зверопромышленник — это человек, живущий почти исключительно охотой. В большинстве случаев хозяйством его ведает отец, брат или кто-либо из близких родственников. Весьма интересно ходить с ним на охоту. У него много интересных приемов, выработанных долголетним опытом: он знает, где держится зверь, как его обойти, где искать подранка. Способность ориентироваться, устроиться на ночь во всякую погоду, умение быстро, без шума открывать зверя, подражать крику животного — вот отличительные черты охотника-зверопромышленника.

Но надо отличать зверопромышленника от промышленника. Насколько первый в большинстве случаев отличается порядочностью, настолько надо опасаться встречи со вторым. Промышленник идет в тайгу не для охоты, а вообще «на промысел». Кроме ружья, он имеет при себе саперную лопату и сумочку с кислотами. Он ищет золото, но при случае не прочь поохотиться за «косачами» (китайцами) и за «лебедями» (корейцами), не прочь угнать чужую лодку, убить корову и продать мясо ее за оленину.

Встреча с таким «промышленником» гораздо опаснее, чем встреча со зверем. Надо всегда быть готовым к обороне. Малейшая оплошность — и неопытный охотник погиб. Старые охотники с первого взгляда разбирают, с кем имеют дело — с порядочным человеком или с разбойником.

Передо мной был именно промышленник. Одет он был в какой-то странный костюм, наполовину китайский, наполовину русский. Он шел наискось мимо меня, сгорбившись, и все время оглядывался по сторонам. Вдруг он остановился, проворно сдернул с плеча свою винтовку и тоже спрятался за дерево. Я понял, что он меня увидел. В таком положении мы пробыли несколько минут. Наконец, я решил отступать. Тихонько я пополз по кустам назад и через минуту добрался до другого большого дерева. Промышленник тоже отходил и прятался в кустах.

Тогда я понял, что он меня боится. Он никак не мог допустить, что я мог быть один, и думал, что поблизости много людей. Я знал, что если я выстрелю из винтовки,

то пуля пройдет сквозь дерево, за которым спрятался бродяга, и убьет его. Но я тотчас же поймал себя на другой мысли: он уходил, он боится, и если я выстрелю, то совершу убийство. Я отошел еще немного и оглянулся. Чуть-чуть между деревьями мелькала его синяя одежда. У меня отлегло от сердца.

Осторожно, от дерева к дереву, от камня к камню, я стал удаляться от опасного места и, когда почувствовал себя вне выстрелов, вышел на тропинку и спешно пошел назад к своему отряду.

Через полчаса я был на том месте, где расходились дороги.

Я вспомнил уроки Дерсу и стал рассматривать обе тропы. Свежие конские следы шли влево.

Я пошел скорее и через полчаса подходил к Фудзину. За рекой я увидел китайскую фанзу, окруженную частоколом, а около нее на отдыхе наш отряд.

Местность эта называется Иолайза. Это была последняя земледельческая фанза. Дальше шла тайга — дикая и пустынная, оживающая только зимой на время соболевания.

Отряд ожидал моего возвращения. Я приказал расседлывать коней и ставить палатки. Здесь надо было в последний раз пополнить запасы продовольствия.

Глава одиннадцатая

Сквозь тайгу

Тазы. — Ловцы жемчуга. — Скрытность китайцев. — Лесная тропа. — Таз-охотник. — Сумерки в лесу. — Пищуха. — Бурундук. — Встреча с медведем. — Гнус

После короткого отдыха я пошел осматривать тазовские фанзы, расположенные по соседству с китайскими. Аборигены Уссурийского края, обитающие в центральной части горной области Сихотэ-Алиня и на побережье моря к северу до мыса Успения, называют себя «удэ-хе»[70]. Те, которые жили в южной части страны, со временем окитаились, и теперь уже их совершенно нельзя отличить от манз. Китайцы называют их да-цзы, что значит инородец (не русский, не кореец и не китаец). Отсюда получилось искаженное русскими слово «тазы». Характерны для этих ассимилированных туземцев бедность и неряшливость: бедность в фанзе, бедность в одежде и бедность в еде.

Когда я подходил к их жилищу, навстречу мне вышел таз. Одетый в лохмотья, с больными глазами и с паршой на голове, он приветствовал меня, и в голосе его чувствовались и страх и робость. Неподалеку от фанзы с собаками играли ребятишки; у них на теле не было никакой одежды.

Фанза была старенькая, покосившаяся; кое-где со стен ее обвалилась глиняная штукатурка; старая, заплатанная и пожелтевшая от времени бумага в окнах во многих местах была прорвана; на пыльных канах лежали обрывки циновок, а на стене висели какие-то выцветшие и закоптелые тряпки. Всюду запустение, грязь и нищета.

Раньше я думал, что это от лени, но потом убедился, что такое обеднение тазов происходит от других причин — именно от того положения, в котором они очутились среди китайского населения. Из расспросов выяснилось, что китаец, владелец фанзы Иолайза, является цай-дуном[71] (хозяин реки). Все туземцы, живущие на Фудзине, получают от него в кредит опиум, спирт, продовольствие и материал для одежды. За это они обязаны отдавать ему все, что добудут на охоте: соболей, панты, женьшень и т.д. Вследствие этого тазы впали в неоплатные долги. Случалось не раз, что за долги от них отбирали жен и дочерей и нередко самих продавали в другие руки, потом в третьи и т.д. Инородцы эти, столкнувшись с китайской культурой, не смогли с ней справиться и подпали под влияние китайцев. Жить как земледельцы они не умели, а от жизни охотника и зверолова отстали. Китайцы воспользовались их беспомощностью и сумели сделаться для них необходимыми. С этого момента тазы утратили всякую самостоятельность и превратились в рабов.

Возвращаясь от них, я сбился с дороги и попал к Фудзину. Здесь, на реке, я увидел двух китайцев, занимающихся добыванием жемчуга. Один из них стоял на берегу и изо всей силы упирал шест в дно реки, а другой опускался по нему в воду. Правой рукой он собирал раковины, а левой держался за палку. Необходимость работать с шестом вызывается быстрым течением реки. Водолаз бывает под водой не более полминуты. Задержанное дыхание позволило бы ему пробыть там и дольше, но низкая температура воды заставляет его скоро всплывать наверх. Вследствие этого китайцы ныряют в одежде.

Я сел на берегу и стал наблюдать за их работой. После короткого пребывания в воде водолаз минут пять грелся на солнце. Так как они чередовались, то выходило, что в

час каждый из них спускался не более десяти раз. За это время они успели достать всего только восемь раковин, из которых ни одной не было с жемчугом. На задаваемые вопросы китайцы объяснили, что примерно из пятидесяти раковин одна бывает с жемчугом. За лето они добывают около двухсот жемчужин на сумму 500—600 рублей. Китайцы эти не ограничиваются одним Фудзином, ходят по всему краю и выискивают старые тенистые протоки. Самым лучшим местом жемчужного лова считается река Ваку.

Вскоре китайцы приостановили свою работу, надели сухую одежду и выпили немного подогретой водки. Затем они уселись на берегу, стали молотками разбивать раковины и искать в них жемчуг. Я вспомнил, что раньше по берегам рек мне случалось встречать такие кучи битых раковин. Тогда я не мог найти этому объяснения. Теперь мне все стало понятным. Конечно, искание жемчуга ведется хищнически. Раковины разбиваются и тут же бросаются на месте. Из восьмидесяти раковин китайцы отложили две драгоценные. Сколько я ни рассматривал их, не мог найти жемчуга до тех пор, пока мне его не указали. Это были небольшие наросты блестящего грязновато-серого цвета. Перламутровый слой был гораздо ярче и красивее, чем сам жемчуг.

После того как раковины просохли, китайцы осторожно ножами отделили жемчужины от створок и убрали их в маленькие кожаные мешочки. Пока я был у тазов и смотрел, как китайцы ловят жемчуг, незаметно подошел вечер. В нашей фанзе зажгли огонь.

После ужина я расспрашивал китайцев о дороге к морю. Или они не хотели указать места, где находятся зверовые фанзы, или у них были какие-либо другие причины скрывать истину, только я заметил, что они давали уклончивые ответы. Они говорили, что к морю по реке Ли-Фудзину[72] давно уже никто не ходит, что тропа заросла и завалена буреломом. Китайцы рассчитывали, что мы повернем назад, но, видя наше настойчивое желание продолжать путь, стали рассказывать всевозможные небылицы: пугали медведями, тиграми, говорили о хунхузах и т.д. Вечером Гранатман ходил к тазам и хотел нанять у них проводника, но китайцы предупредили его и воспретили тазам указывать дорогу. Приходилось нам рассчитывать на собственные силы и руководствоваться только расспросными данными, которым тоже нельзя было особенно доверять.

На следующий день мы выступили из Иолайзы довольно рано. Путеводной нитью нам служила небольшая тропка. Сначала она шла по горам с левой стороны Фудзина, а затем, миновав небольшой болотистый лесок, снова спустилась в долину. Размытая почва, галечниковые отмели и ямы — все это указывало на то, что река часто выходит из берегов и затопляет долину.

День выпал томительный, жаркий. Истома чувствовалась во всем. Ни малейшего дуновения ветра. Знойный воздух словно окаменел. Все живое замерло и притаилось. В стороне от дороги сидела какая-то хищная птица, раскрыв рот. Видимо, и ей было жарко.

По мере того как мы удалялись от фанзы, тропа становилась все хуже и хуже. Около леса она разделилась надвое. Одна, более торная, шла прямо, а другая, слабая, направлялась в тайгу. Мы стали в недоумении. Куда идти?

Вдруг из чащи леса вышел китаец. На вид ему было лет сорок. Его загорелое лицо, изорванная одежда и изношенная обувь свидетельствовали о том, что он шел издалека. За спиной у него была тяжелая котомка. На одном плече он нес винтовку, а в руках имел палку, приспособленную для того, чтобы стрелять с нее, как с упора. Увидев нас, китаец испугался и хотел было убежать, но казаки закричали ему, чтобы он остановился. Китаец с опаской подошел к ним. Скоро он успокоился и стал отвечать на задаваемые вопросы. Из его слов удалось узнать, что по торной тропе можно выйти на реку Тадушу, которая впадает в море значительно севернее залива Ольги, а та тропа, на которой мы стояли, идет сперва по речке Чау-сун[73], а затем переваливает через высокий горный хребет и выходит на реку Синанцу, впадающую в Фудзин в верхнем его течении. На Синанце тропа опять разделяется надвое. Конная идет на Янмутьхоузу (приток Улахе), а другая тропа после шестого брода подымается налево в горы.

Это и есть наш путь. Здесь надо хорошо смотреть, чтобы не пройти ее мимо.

Поблагодарив китайца за сведения, мы смело пошли вперед. Жилые фанзы, луга, пашни и открытые долины — все осталось теперь позади.

Всякий раз, когда вступаешь в лес, который тянется на несколько сот километров, невольно испытываешь чувство, похожее на робость. Такой первобытный лес — своего рода стихия, и немудрено, что даже туземцы, эти привычные лесные бродяги, прежде чем переступить границу, отделяющую их от людей и света, молятся богу и про-

сят у него защиты от злых духов, населяющих лесные пустыни.

Чем дальше, тем больше лес был завален колодником. В горах растительный слой почвы очень незначителен, поэтому корни деревьев не углубляются в землю, а распространяются по поверхности. Вследствие этого деревья стоят непрочно и легко опрокидываются ветрами. Вот почему тайга Уссурийского края так завалена буреломом. Упавшее дерево поднимает кверху свои корни вместе с землей и с застрявшими между ними камнями. Сплошь и рядом такие баррикады достигают высоты до 4—6 метров. Вот почему лесные тропы очень извилисты. Приходится все время обходить то одно поваленное дерево, то другое. Всегда надо принимать во внимание эти извилины и считать все расстояния в полтора раза больше, чем они показаны на картах. Деревья, растущие внизу, в долине, более прочно укрепляются в толще наносной земли.

Здесь можно видеть таких лесных великанов, которые достигают 25—35 метров высоты и 3,7—4,5 метра в окружности. Нередко старые тополя служат берлогами медведям. Иногда охотники в одном дупле находят две-три медвежьи лежки.

Долинный лес иногда бывает так густ, что сквозь ветки его совершенно не видно неба. Внизу всегда царит полумрак, всегда прохладно и сыро. Утренний рассвет и вечерние сумерки в лесу и в местах открытых не совпадают по времени. Чуть только тучка закроет солнце, лес сразу становится угрюмым и погода кажется пасмурной. Зато в ясный день освещенные солнцем стволы деревьев, ярко-зеленая листва, блестящая хвоя, цветы, мох и пестрые лишайники принимают декоративный вид.

К сожалению, все, что может дать хорошая погода, отравляется гнусом. Трудно передать мучения, которые испытывает человек в тайге летом. Описать их нельзя — это надо перечувствовать.

Часа три мы шли без отдыха, пока в стороне не послышался шум воды. Вероятно, это была та самая река Чаусун, о которой говорил китаец-охотник. Солнце достигло своей кульминационной точки на небе и палило вовсю. Лошади шли, тяжело дыша и понурив головы. В воздухе стояла такая жара, что даже в тени могучих кедровников нельзя было найти прохлады. Не слышно было ни зверей, ни птиц; только одни насекомые носились в воздухе, и чем сильнее припекало солнце, тем больше они проявляли жизни.

Я полагал было остановиться на привал, но лошади отказывались от корма и жались к дымокурам. Сидение на месте в таких случаях тяжелее похода. Я велел опять заседлать коней и идти дальше. Часа в два дня тропа привела нас к горам, покрытым осыпями. Отсюда начинался подъем на хребет. Все было так, как говорил охотник-китаец.

На самом перевале стояла маленькая кумирня. Читатель, может быть, подумает, что это большая каменная постройка. Если бы не красные тряпицы, повешенные на соседние деревья, то можно было бы пройти мимо нее и не заметить. Представьте себе два плоских камня, поставленных на ребро, и третий такой же камень, покрывающий их сверху. Вот вам и кумирня! В глубине ее помещаются лубочные картинки, изображающие богов, иногда деревянные дощечки с надписями религиозного содержания. При внимательном осмотре около камней можно заметить огарки бумажных свечей, пепел, щепотку риса, кусочек сахару и т.д. Это жертвы «духу гор и лесов», охраняющему прирост богатства.

По другую сторону хребта тропа привела нас к зверовой фанзе, расположенной на левом берегу Синанцы. Хозяин ее находился в отлучке.

Я решил дождаться его возвращения и приказал людям устраивать бивак.

Часов в пять вечера владелец фанзы явился. Увидев стрелков, он испугался и тоже хотел было убежать, но казаки задержали его и привели ко мне. Скоро он убедился в том, что мы не хотим причинить ему зла, и стал охотно отвечать на вопросы. Это был таз лет тридцати, с лицом, сильно изрытым оспой. Из его слов я понял, что он работает на хозяина фанзы Иолайза, у которого состоит в долгах. Сумму своего долга он, конечно, не знал, но чувствовал, что его обижают. На предложение проводить нас до Сихотэ-Алиня он отказался на том основании, что если китайцы узнают об этом, то убьют его. Я не стал настаивать, но зато узнал, что мы идем правильно. Чтобы расположить таза в свою пользу, я дал ему двадцать пять берданочных патронов. Он так обрадовался этому подарку, что стал петь и плясать и затем заявил, что укажет нам дорогу до следующей фанзы, где живут два зверобойщика-китайца.

До сумерек было еще далеко. Я взял свою винтовку и пошел осматривать окрестности. Отойдя от бивака с километр, я сел на пень и стал слушать. В часы сумерек пер-

натое население тайги всегда выказывает больше жизни, чем днем. Мелкие птицы взбирались на верхушки деревьев, чтобы взглянуть оттуда на угасающее светило и послать ему последнее прости.

Я весь ушел в созерцание природы и совершенно забыл, что нахожусь один, вдали от бивака. Вдруг в стороне от себя я услышал шорох. Среди глубокой тишины он показался мне очень сильным. Я думал, что идет какое-нибудь крупное животное, и приготовился к обороне, но это оказался барсук. Он двигался мелкой рысцой, иногда останавливался и что-то искал в траве; он прошел так близко от меня, что я мог достать его концом ружья. Барсук направился к ручью, полакал воду и заковылял дальше. Опять стало тихо.

Вдруг резкий, пронзительный и отрывистый писк, похожий на звонкое щелкание ножницами, раздался сзади. Я обернулся и увидел пищуху. Зверек этот имеет весьма большое распространение по всему востоку и северо-востоку Сибири. Он похож на маленького кролика, только без длинных ушей; общая окраска его буро-серая. Любимым местопребыванием пищух являются каменистые осыпи по склонам гор и россыпи в долинах, слегка прикрытые мхами. Животное это дневное, но крайне осторожное и пугливое. Его очень трудно убить так, чтобы не испортить шкуру; она разрывается на части от одной дробинки.

Мое движение испугало зверька и заставило быстро скрыться в норку. По тому, как он прятался, видно было, что опасность приучила его быть всегда настороже и не доверяться предательской тишине леса. Затем я увидел бурундука. Эта пестренькая земляная белка, бойкая и игривая, проворно бегала по колоднику, влезала на деревья, спускалась вниз и снова пряталась в траве. Окраска бурундука пестрая, желтая; по спине и по бокам туловища тянется пять черных полос.

Животное это равномерно распространено по всему Уссурийскому краю. Его одинаково можно встретить как в густом смешанном лесу, так и на полях около редколесья. Убегая, оно подымает пронзительный писк и тем выдает себя. Китайцы иногда употребляют его шкурки на оторочки своих головных уборов.

Я заметил, что бурундук постоянно возвращается к одному и тому же месту и каждый раз что-то уносит с собой. Когда он уходил, его защечные мешки были туго набиты, когда же он появлялся снова на поверхности земли, рот его был пустой.

Меня эта картина очень заинтересовала. Я подошел ближе и стал наблюдать. На колодине лежали сухие грибки, корешки и орехи. Так как ни грибов, ни кедровых орехов в лесу еще не было, то, очевидно, бурундук вытащил их из своей норки. Но зачем? Тогда я вспомнил рассказы Дерсу о том, что бурундук делает большие запасы продовольствия, которых ему хватает иногда на два года. Чтобы продукты не испортились, он время от времени выносит их наружу и сушит, а к вечеру уносит обратно в свою норку.

Посидев еще немного, я пошел дальше. Все время мне попадался в пути свежеперевернутый колодник. Я узнал работу медведя. Это его любимейшее занятие. Слоняясь по тайге, он подымает бурелом и что-то собирает под ним на земле. Китайцы в шутку говорят, что медведь сушит валежник, поворачивая его к солнцу то одной, то другой стороной.

На обратном пути как-то само собой вышло так, что я попал на старый след. Я узнал огромный кедр, у которого останавливался, перешел через ручей по знакомому мне поваленному дереву, миновал каменную осыпь и незаметно подошел к тому колоднику, на котором бурундук сушил свои запасы. На месте норки теперь была глубокая яма. Орехи и грибы разбросаны по сторонам, а на свежевырытой земле виднелись следы медведя. Все стало ясно. Косолапый разорил гнездо бурундука, поел его запасы и, может быть, съел и самого хозяина.

Между тем подошел и вечер. Заря угасла, потемнел воздух, и ближние и дальние деревья приняли одну общую однотонную окраску, которую нельзя назвать ни зеленой, ни серой, ни черной. Кругом было так тихо, что казалось, будто в ушах звенит. В темноте мимо меня с гуденьем пронесся какой-то жук. Я шел осторожно, стараясь не оступиться. Вдруг в стороне раздался сильный шум. Какое-то большое животное стояло впереди и сопело. Я хотел было стрелять, но раздумал. Испуганный зверь мог убежать, но мог и броситься. Минута мне показалась вечностью. Я узнал медведя. Он усиленно нюхал воздух. Я долго стоял на месте, не решаясь пошевельнуться, наконец не выдержал и осторожно двинулся влево. Не успел я сделать двух шагов, как услышал уханье зверя и треск ломаемых сучьев. Сердце мое сжалось от страха. Инстинктивно я поднял ружье и выстрелил в его сторону. Удаляющийся шум показывал, что животное убегало. Через минуту с бивака послышался ответный выстрел.

Тогда я вернулся назад и пошел в прежнем направ-

лении. Через полчаса я увидел огни бивака. Яркое пламя освещало землю, кусты и стволы деревьев. Вокруг костров суетились люди. Вьючные лошади паслись на траве; около них разложены были дымокуры. При моем приближении собаки подняли лай и бросились навстречу, но, узнав меня, сконфузились и в смущении вернулись обратно.

С заходом солнца крупная мошка исчезла и на ее место появился мокрец[74] — мельчайшие, почти невидимые для глаза насекомые. Когда начинают гореть уши — это первый признак появления мелкой мошки. Потом кажется, что на лицо ложится колючая паутина. Особенно сильное ощущение зуда бывает на лбу. Мокрец набивается в волосы, лезет в уши, нос и рот. Люди ругаются, плюются и то и дело обтирают лицо руками. Стрелки поддели под фуражки носовые платки, чтобы хоть немного защитить шею и затылок. Меня мучила жажда, и я попросил чаю.

— Пить нельзя, — сказал казак Эпов, подавая кружку.

Я поднес ее к губам и увидел, что вся поверхность чая была покрыта какой-то пылью.

— Что это такое? — спросил я казака.

— Гнус, — ответил он. — Его обварило паром, он нападал в горячую воду.

Сначала я пробовал сдуть мошек ртом, потом принялся снимать их ложкой, но каждый раз, как я прекращал работу, они снова наполняли кружку. Казак оказался прав. Так напиться чаю мне и не удалось. Я выплеснул чай на землю и залез в свой комарник.

После ужина люди начали устраиваться на ночь. Некоторые из них поленились ставить комарники и легли спать на открытом воздухе, покрывшись одеялами. Они долго ворочались, охали, ахали, кутались с головой, но это не спасало их от гнуса. Мелкие насекомые пробирались в каждую маленькую складку. Наконец один из них не выдержал.

— Нате, ешьте, черт вас возьми! — крикнул он, раскрываясь, и раскинул в сторону руки.

Раздался общий смех. Оказалось, что не он один, все не спали, но никому первому не хотелось вставать и раскладывать дымокуры. Минуты через две разгорелся костер. Стрелки смеялись друг над другом, опять охали и ругались. Мало-помалу на биваке стала водворяться тишина. Миллионы комаров и мошек облепили мой комарник. Под жужжанье их я начал дремать и вскоре уснул крепким сном.

Глава двенадцатая

Великий лес

Совет таза. — Птицы в тайге. — Геология Синанцы. — Ночь в лесу. — Манзы. — Таежники. — Плантация женьшеня. — Возвращение отряда. — Проводник. — Старый китаец. — Старинный путь к посту Ольги. — Лес в предгорьях Сихотэ-Алиня. — Утомление и недостаток продовольствия

Утром я проснулся от говора людей. Было пять часов. По фырканью коней, по тому шуму, который они издавали, обмахиваясь хвостами, и по ругани казаков я догадался, что гнуса много. Я поспешно оделся и вылез из комарника. Интересная картина представилась моим глазам. Над всем нашим биваком кружились несметные тучи мошки. Несчастные лошади, уткнув морды в самые дымокуры, обмахивались хвостами, трясли головами.

На месте костра поверх золы лежал слой мошкары. В несметном количестве она падала на огонь до тех пор, пока он не погас.

От гнуса может быть только два спасения: большие дымокуры и быстрое движение. Сидеть на месте не рекомендуется. Отдав приказ вьючить коней, я подошел к дереву, чтобы взять ружье, и не узнал его. Оно было покрыто густым серо-пепельным налетом — все это были мошки, прилипшие к маслу. Наскоро собрав свои инструменты и не дожидаясь, когда завьючат коней, я пошел по тропинке.

В километре от фанзы тропа разделилась надвое. Правая пошла на реку Улахе, а левая — к Сихотэ-Алиню. Здесь таз остановился: он указал ту тропу, которой нам следовало держаться, и, обращаясь ко мне, сказал:

— Капитан! Дорога хорошо смотри. Кони ходи есть, тебе ходи есть, кони ходи нету, тебе ходи нету.

Для непривычного уха такие фразы показались бы бессмысленным набором слов, но я понял его сразу. Он говорил, что надо придерживаться конной тропы и избегать пешеходной.

Когда подошли лошади, таз вернулся обратно, и мы отправились по новой дороге вверх по Синанце.

В этих местах растет густой смешанный лес с преобладанием кедра. Сильно размытые берега, бурелом, нанесенный водой, рытвины, ямы, поваленные деревья и клочья сухой травы, застрявшие в кустах, — все это свидетельствовало о недавних больших наводнениях.

Реки Уссурийского края обладают свойством после каждого наводнения перемещать броды с одного места на другое. Найти замытую тропу не так-то легко. На розыски ее были посланы люди в разные стороны. Наконец тропа была найдена, и мы весело пошли дальше.

На пути нам встречались звериные следы, между которыми было много тигровых. Два раза мы спугивали оленей и кабанов, стреляли по ним, но убить не удалось — люди торопились и мешали друг другу.

Уссурийские леса кажутся пустынными. Такое впечатление является благодаря отсутствию певчих птиц. Кое-где по пути я видел уссурийских соек. Эти дерзкие беспокойные птицы все время шмыгали с одной ветки на другую и провожали нас резкими криками. Желая рассмотреть их, я попробовал подойти к ним поближе. Сойки сперва старались скрыться в листве и улетели только тогда, когда заметили, что я настойчиво их преследую. При полете благодаря синему оперению крыльев с белым зеркалом они кажутся красивее, чем на самом деле.

Время от времени в лесу слышались странные звуки, похожие на барабанный бой. Скоро мы увидели и виновника этих звуков — то была желна. Недоверчивая и пугливая, черная с красной головкой, издали она похожа на ворону. С резкими криками желна перелетала с одного места на другое и, как все дятлы, пряталась за деревья.

В сырой чаще около речки ютились рябчики. Испуганные приближением собак, они отлетели в глубь леса и стали пересвистываться. Дьяков и Мелян хотели было поохотиться за ними, но рябчики не подпускали их близко.

Я уговорил стрелков не тратить времени попусту и идти дальше.

С одного дерева снялась большая хищная птица. Это был царь ночи — уссурийский филин. Он сел на сухостойную ель и стал испуганно озираться по сторонам. Как только мы стали приближаться к нему, он полетел куда-то в сторону. Больше мы его не видели.

Геология долины Синанцы очень проста. Это тектоническая долина, идущая сначала с юго-запада, а потом поворачивающая на север вдоль Сихотэ-Алиня. По среднему течению реки (с левой стороны) в местности Идагоуза[75] встречаются осыпи из мелкозернистого гранита, а ниже фельзитовый порфирит, разложившийся апплит и миндалевидный диабаз с кальцитом и халцедоном.

Чем более мы углублялись в горы, тем порожистее становилась река. Тропа стала часто переходить с одного бе-

рега на другой. Деревья, упавшие на землю, служили природными мостами. Это доказывало, что тропа была пешеходная. Помня слова таза, что надо придерживаться конной тропы, я удвоил внимание к югу. Не было сомнения, что мы ошиблись и пошли не по той дороге. Наша тропа, вероятно, свернула в сторону, а эта, более торная, несомненно, вела к истокам Улахе.

К вечеру мы дошли до зверовой фанзы. Хозяева ее отсутствовали, и расспросить было некого. На общем совете решено было, оставив лошадей на биваке, разойтись в разные стороны на разведку. Г.И. Гранатман пошел прямо, А.И. Мерзляков — на восток, а я должен был вернуться назад и постараться разыскать потерянную тропинку.

К вечеру, как только ветер стал затихать, опять появился мокрец. Маленькие кровопийцы с ожесточением набросились на людей и лошадей.

День кончился. Последние отблески вечерней зари угасли на небе, но прохлады не было. Нагретая земля и вечером еще продолжала излучать теплоту. Лесные травы благоухали. От реки подымались густые испарения. Казаки вокруг бивака кольцом разложили дымокуры. Люди и лошади жались к дыму и сторонились чистого воздуха. Когда все необходимые бивачные работы были закончены, я приказал поставить свой комарник и забился под спасительный полог. Через час стемнело совсем. Взошла луна и своим мягким фосфорическим светом озарила лес. Вскоре после ужина весь бивак погрузился в сон: не спали только собаки, лошади да очередные караульные.

На другой день было еще темно, когда я вместе с казаком Белоножкиным вышел с бивака. Скоро начало светать; лунный свет поблек; ночные тени исчезли; появились более мягкие тона. По вершинам деревьев пробежал утренний ветерок и разбудил пернатых обитателей леса. Солнышко медленно взбиралось по небу все выше и выше, и вдруг живительные лучи его брызнули из-за гор и разом осветили весь лес, кусты и траву, обильно смоченные росой.

Около первой зверовой фанзы мы действительно нашли небольшую тропинку, отходящую в сторону. Она привела нас к другой такой же фанзочке. В ней мы застали двух китайцев. Один был молодой, а другой — старик. Первый занимался охотой, второй был искателем женьшеня. Молодой китаец был лет двадцати пяти, крепкого телосложения. По лицу его видно было, что он наслаждался жизнью, был счастлив и доволен своей судьбой. Он часто смеялся и постоянно забавлял себя детскими выходками. Ста-

рик был высокого роста, худощавый и более походил на мумию, чем на живого человека. Сильно морщинистое и загорелое лицо и седые волосы на голове указывали на то, что годы его перевалили за седьмой десяток. Оба китайца были одеты в синие куртки, синие штаны, наколенники и улы, но одежда молодого китайца была новая, щеголеватая, а платье старика — старое и заплатанное. На головах у того и другого были шляпы: у первого — соломенная покупная, у второго — берестяная самодельная.

Манзы сначала испугались, но потом, узнав, в чем дело, успокоились. Они накормили нас чумизной кашей и дали чаю. Из расспросов выяснилось, что мы находимся у подножия Сихотэ-Алиня, что далее к морю дороги нет вовсе и что тропа, по которой прошел наш отряд, идет на реку Чжюдямогоу[76], входящую в бассейн верхней Улахе.

Тогда я влез на большое дерево, и то, что увидел сверху, вполне совпадало с планом, который старик начертил мне палочкой на земле. На востоке виднелся зубчатый гребень Сихотэ-Алиня. По моим расчетам, до него было еще два дня ходу. К северу, насколько хватал глаз, тянулась слабовсхолмленная низина, покрытая громадными девственными лесами. В больших лесах всегда есть что-то таинственное, жуткое. Человек кажется маленьким, затерявшимся. На юг и дальше на запад характер страны вновь становится гористый. Другой горный хребет шел параллельно Сихотэ-Алиню, за ним текла, вероятно, Улахе, но ее не было видно. Такая топография местности меня немало удивила. Казалось, что чем ближе подходить к водоразделу, тем характер горной страны должен быть выражен интенсивнее. Я ожидал увидеть высокие горы и остроконечные причудливые вершины. Оказалось наоборот: около Сихотэ-Алиня были пологие холмы, изрезанные мелкими ручьями. Это результат эрозии.

Сориентировавшись, я спустился вниз и тотчас отправил Белоножкина назад к П.К. Рутковскому с извещением, что дорога найдена, а сам остался с китайцами. Узнав, что отряд наш придет только к вечеру, манзы собрались идти на работу. Мне не хотелось оставаться одному в фанзе, и я пошел вместе с ними.

Старик держал себя с большим достоинством и говорил мало, зато молодой китаец оказался очень словоохотливым. Он рассказал мне, что у них в тайге есть женьшеневая плантация и что именно туда они и направляются. Я так увлекся его рассказами, что потерял направление пути и без помощи китайцев, вероятно, не нашел бы дороги об-

ратно. Около часа мы шли косогорами, перелезали через какую-то скалу, потом спустились в долину. На пути нам встречались каскадные горные ручьи и глубокие овраги, на дне которых лежал еще снег. Наконец мы дошли до цели своего странствования. Это был северный нагорный склон, поросший густым лесом.

Читатель ошибется, если вообразит себе женьшеневую плантацию в виде поляны, на которой посеяны растения. Место, где найдено было в разное время несколько корней женьшеня, считается удобным. Сюда переносятся и все другие корни. Первое, что я увидел, — это навесы из кедрового корья для защиты женьшеня от палящих лучей солнца. Для того чтобы не прогревалась земля, с боков были посажены папоротники и из соседнего ручья проведена узенькая канавка, по которой сочилась вода.

Дойдя до места, старик опустился на колени, сложил руки ладонями вместе, приложил их ко лбу и дважды сделал земной поклон. Он что-то говорил про себя, вероятно, молился. Затем он встал, опять приложил руки к голове и после этого принялся за работу. Молодой китаец в это время развешивал на дереве красные тряпицы с иероглифическими письменами.

Женьшень! Так вот он каков!

Нигде на земле нет другого растения, вокруг которого сгруппировалось бы столько легенд и сказаний. Под влиянием литературы или под влиянием рассказов китайцев, не знаю почему, но я тоже почувствовал благоговение к этому невзрачному представителю аралиевых. Я встал на колени, чтобы ближе рассмотреть его. Старик объяснил это по-своему: он думал, что я молюсь. С этой минуты я совсем расположил его в свою пользу.

Оба китайца занялись работой. Они убирали сухие ветки, упавшие с деревьев, пересадили два каких-то куста и полили их водой. Заметив, что воды идет в питомник мало, они пустили ее побольше. Потом они стали полоть сорные травы, но удаляли не все, а только некоторые из них, и особенно были недовольны, когда поблизости находили элеутерококк.

Предоставив им заниматься своим делом, я пошел побродить по тайге. Опасаясь заблудиться, я направился по течению воды, с тем чтобы назад вернуться по тому же ручью. Когда я возвратился на женьшеневую плантацию, китайцы уже закончили свою работу и ждали меня. К фанзе мы подошли с другой стороны, из чего я заключил, что назад мы шли другой дорогой.

Незадолго перед сумерками к фанзочке подошел отряд. Китайцы уступили нам немного буды, хотя у них самих ее было мало. Вечером мне удалось уговорить их провести нас за Сихотэ-Алинь, к истокам Вай-Фудзина[77]. Провожатым согласился быть сам старик, но по своей слабости он мог пройти только до водораздела. Дальше проводником обещал быть молодой китаец. Ему непременно нужно было добраться до земледельческих фанз и купить там муки и чумизы. Старик поставил условием, чтобы на него не кричали и не вступали с ним в пререкания. О первом пункте не могло быть и речи, а со вторым мы все охотно согласились.

Чуть только смерклось, снова появился гнус. Китайцы разложили дымокур внутри фанзы, а мы спрятались в свои комарники.

Успокоенные мыслью, что с помощью провожатых перейдем через Сихотэ-Алинь, мы скоро уснули. Теперь была только одна забота: хватит ли продовольствия?

На следующий день в восемь часов утра мы были уже готовы к выступлению. Старик пошел впереди, за ним последовал молодой китаец и два стрелка с топорами, затем остальные люди и вьючные лошади. Старик держал в руках длинный посох. Он ничего не говорил и только молча указывал направление, которого следовало держаться, и тот валежник, который следовало убрать с дороги. Несмотря на постоянные задержки в пути, отряд наш подвигался вперед все же довольно быстро. Китайцы долго держались юго-западного направления и только после полудня повернули на юг.

Ближайшие предгорья Сихотэ-Алиня состоят из порфироида и порфирового туфа. Горные породы на дневной поверхности распались на обломки и образовали осыпи, покрытые мхами и заросшие кустарниками.

В Уссурийском крае едва ли можно встретить сухие хвойные леса, то есть такие, где под деревьями земля усеяна осыпавшейся хвоей и не растет трава. Здесь всюду сыро, всюду мох, папоротники и мелкие осоки. Сегодня первый раз приказано было сократить выдачу буды наполовину. Но и при этом расчете продовольствия могло хватить только на двое суток. Если по ту сторону Сихотэ-Алиня мы не сразу найдем жилые места, придется голодать. По словам китайцев, раньше в истоках Вай-Фудзина была зверовая фанза, но теперь они не знают, существует она или нет.

Я хотел было остановиться и заняться охотой, но старик настаивал на том, чтобы не задерживаться и идти даль-

ше. Помня данное ему обещание, я подчинился его требованиям.

Нужно отдать справедливость старику, что он вел нас очень хорошо. В одном месте он остановился и указал на старую тропу, заросшую травой и кустарником. Это был тот старинный путь, по которому уссурийские манзы раньше сообщались с заливом Ольги. Этой дорогой в шестидесятых годах XIX столетия прошли Будищев и Максимович. Передо мной сразу встали их образы и сделанные ими описания. Судя по тому, насколько этот путь был протоптан, видно было, что здесь ранее происходило большое движение. Когда же военный порт был перенесен из Николаевска во Владивосток, китайские охотники перестали ходить этой дорогой, тропа заросла и совершенно утратила свое значение.

За последние дни люди сильно обносились: на одежде появились заплаты; изорванные головные сетки уже не приносили пользы; лица были изъедены в кровь; на лбу и около ушей появилась экзема.

Ограниченные запасы продовольствия заставили нас торопиться. Мы сократили большой привал до тридцати минут и во вторую половину дня шли до самых сумерек.

Такой большой переход трудно достался старику. Как только мы остановились на бивак, он со стоном опустился на землю и без посторонней помощи не мог уже подняться на ноги.

У меня во фляге нашлось несколько капель рома, который я берег на тот случай, если кто-нибудь в пути заболеет. Теперь такой случай представился. Старик шел для нас, завтра ему придется идти опять, а потом возвращаться обратно.

Я вылил в кружку весь ром и подал ему. В глазах китайца я прочел выражение благодарности. Он не хотел пить один и указывал на моих спутников. Тогда мы все сообща стали его уговаривать. После этого старик выпил ром, забрался в свой комарник и лег спать. Я последовал его примеру.

Прислушиваясь к жужжанию мошек и комаров, я вспомнил библейское сказание о казнях египетских: «Появилось множество мух, которые нестерпимо уязвляли египтян». В стране, где сухо, где нет москитов, случайное появление их казалось ужасной казнью, здесь же, в Приамурском крае, гнус был обычным явлением.

Чуть брезжило, когда меня разбудил старик китаец.

— Надо ходи! — сказал он лаконически.

Закусив немного холодной кашицей, оставленной от вчерашнего ужина, мы тронулись в путь. Теперь проводник-китаец повернул круто на восток. Сразу с бивака мы попали в область размытых гор, предшествовавших Сихотэ-Алиню. Это были невысокие холмы с пологими склонами. Множество ручьев текли в разные стороны, так что сразу трудно ориентироваться и указать то направление, куда стремилась выйти вода.

Чем ближе мы подходили к хребту, тем лес становился все гуще, тем больше он был завален колодником. Здесь мы впервые встретили тис, реликтовый представитель субтропической флоры, имевшей когда-то распространение по всему Приамурскому краю. Он имеет красную кору, красноватую древесину, красные ягоды и похож на ель, но ветви его расположены, как у лиственного дерева.

Здешний подлесок состоит главным образом из актинидии, которую русские переселенцы называют почему-то кишмишом, жимолости Маака, барбариса, маньчжурского орешника с неровно-зубчатыми листьями и мохового мирта с белыми чешуйками на листьях и с белыми цветками. Из цветковых растений чаще всего попадались на глаза бело-розовые пионы, собираемые китайскими знахарями на лекарства, затем — охотский лесной хмель с лапчато-зубчатыми листьями и фиолетовыми цветками и клинтония, крупные сочные листья которой расположены розеткой*.

К сумеркам мы дошли до водораздела. Люди сильно проголодались, лошади тоже нуждались в отдыхе. Целый день они шли без корма и без привалов. Поблизости бивака нигде травы не было. Кони так устали, что, когда с них сняли вьюки, они легли на землю. Никто не узнал бы в них тех откормленных и крепких лошадей, с которыми мы вышли со станции Шмаковка. Теперь это были исхудалые животные, измученные бескормицей и гнусом.

Китайцы поделились со стрелками жидкой похлебкой, которую они сварили из листьев папоротника и остатков чумизы. После такого легкого ужина, чтобы не мучиться голодом, все люди легли спать. И хорошо сделали, потому что завтра выступление было назначено еще раньше, чем сегодня.

---

* Из перечисленных здесь растений: м о х о в о й м и р т — хамедафне болотная, л е с н о й х м е л ь — княжик охотский. У княжика фиолетовые не цветки, а прицветные листья. Все виды, названные в этом абзаце, — цветковые растения, поэтому в последней фразе речь идет, вероятно, о цветущих (зацветших) растениях. *(Прим. ред.)*

Глава тринадцатая

Через Сихотэ-Алинь к морю

Перевал Максимовича. — Насекомые и птицы. — Долина реки Вай-Фудзина и ее притоки. — Горал. — Светящиеся насекомые. — Птицы в прибрежном районе. — Гостеприимство китайцев. — Деревня Фудзин и село Пермское. — Бедствия первых переселенцев из России. — Охотники. — Ценность пантов. — Кашлев — Тигриная Смерть. — Маньчжурская полевая мышь. — Конец пути

На следующий день, 16 июня, мы снялись с бивака в пять часов утра и сразу стали подыматься на Сихотэ-Алинь. Подъем был медленный и постепенный. Наш проводник по возможности держал прямое направление, но там, где было круто, он шел зигзагами.

Чем выше мы поднимались, тем больше иссякали ручьи и наконец пропали совсем. Однако глухой шум под камнями указывал, что источники эти еще богаты водой. Мало-помалу шум этот тоже начинал стихать. Слышно было, как под землей бежала вода маленькими струйками, точно ее лили из чайника, потом струйки эти превратились в капли, и затем все стихло.

Через час мы достигли гребня. Здесь подъем сразу сделался крутым, но не надолго.

На самом перевале, у подножия большого кедра, стояла маленькая кумирня, сложенная из корья. Старик китаец остановился перед ней и сделал земной поклон. Затем он поднялся и, указывая рукой на восток, сказал только два слова:

— Река Вай-Фудзин.

Это значило, что мы были на водоразделе. После этого старик сел на землю и знаком дал понять, что следует отдохнуть.

Воспользовавшись этим, я прошел немного по хребту на юг, поднялся на одну из каменных глыб, торчащих здесь из земли во множестве, и стал смотреть.

Прилегающая часть Сихотэ-Алиня слагается из кварцевого порфира. Водораздельный хребет идет здесь от юго-запада на северо-восток. Наивысшие точки его будут около 1100 метров над уровнем моря. К северу Сихотэ-Алинь немного понижается. Западный склон его пологий, восточный значительно круче. Весь хребет покрыт густым хвойно-смешанным лесом. Гольцы находятся только на отдель-

ных его вершинах и местах осыпей. На старинных китайских картах этот водораздел называется Сихотэ-Алинь. Местные китайцы называют его Сихота-Лин, а чаще всего Лао-Лин, то есть старый перевал (в смысле «большой, древний»). По гипсометрическим измерениям высота перевала, на котором мы находились, равнялась 980 метрам. Я окрестил его именем К.И. Максимовича, одного из первых исследователей Уссурийского края.

К востоку от водораздела, насколько хватал глаз, все было покрыто туманом. Вершины соседних гор казались разобщенными островами. Волны тумана надвигались на горный хребет и, как только переходили через седловины, становились опять невидимыми. К западу от водораздела воздух был чист и прозрачен. По словам китайцев, явление это обычное. Впоследствии я имел много случаев убедиться в том, что Сихотэ-Алинь является серьезной климатической границей между прибрежным районом и бассейном правых притоков Уссури.

Должно быть, я долго пробыл в отлучке, потому что в отряде подняли крик.

Казаки согрели чай и ждали моего возвращения. Не обошлось без курьеза. Когда чай был разлит по кружкам, П.К. Рутковский сказал:

— Эх! Если бы сахар был!

— Есть, — отвечал казак Белоножкин и, пошарив у себя в кармане, вытащил из него почерневший от грязи кусок сахару.

— Где это ты, друг мой, его валял? — спросил Рутковский.

— Он Сихотэ-Алинь переваливал, — отвечал находчивый казак.

Все рассмеялись.

Прополоскав немного желудок горячей водицей, мы пошли дальше.

Спуск с хребта в сторону Вай-Фудзина, как я уже сказал, был крутой. Перед нами было глубокое ущелье, заваленное камнями и буреломом. Вода, стекающая каскадами, во многих местах выбила множество ям, замаскированных папоротниками и представляющих собой настоящие ловушки. Гранатман толкнул одну глыбу. При падении своем она увлекла другие камни и произвела целый обвал.

Спускаться по таким оврагам очень тяжело. В особенности трудно пришлось лошадям. Если графически изобразить наш
 спуск с Сихотэ-Алиня, то он представился бы в виде мел-

кой извилистой линии по направлению к востоку. Этот спуск продолжался часа два. По дну лощины протекал ручей. Среди зарослей его почти не было видно. С веселым шумом бежала вода вниз по долине, словно радуясь тому, что наконец-то она вырвалась из-под земли на свободу. Ниже течение ручья становилось спокойнее.

Но вот еще такой же глубокий овраг подошел справа. Теперь ущелье превратилось в узкую долину, которую местное манзовское население называет Синь-Квандагоу[78]. За перевалом хвойно-смешанный лес начал быстро сменяться лиственным. Дуб монгольский рос преимущественно по склонам гор с солнечной стороны. В долине леса были разнообразнее и богаче. Здесь можно отметить мелколистную липу — любительницу опушек и прогалин, желтый клен с глубоко разрезанными бледными листьями, иву пепельную — полукуст-полудерево, крылатый бересклет, имеющий вид кустарника с пробковыми крыльями по стволу и по веткам. Из настоящих кустарников можно указать на таволожник иволистный с ярко-золотистыми цветками, особый вид боярышника с редкими и короткими иглами и с белесоватыми листьями с нижней стороны, жимолость Маака более 4 метров высоты с многочисленными розоватыми цветками и богородскую траву с лежащими по земле стеблями, ланцетовидными мелкими листьями и ярко-пурпурово-фиолетовыми цветками. В стороне от тропы были еще какие-то кустарники, хотелось мне их посмотреть, но голод принуждал торопиться. На полях наблюдателя поражало обилие цветов. Тут были ирисы самых разнообразных оттенков от бледно-голубого до темно-фиолетового, целый ряд орхидей разных окрасок, желтый курослеп*, темно-фиолетовые колокольчики, душистый ландыш, лесная фиалка, скромный цветочек земляники, розовый василек, яркая гвоздика и красные, оранжевые и желтые лилии.

Этот переход от густого хвойного леса к дубовому редколесью и полянам с цветами был настолько резок, что невольно вызывал возгласы удивления. То, что мы видели на западе, в трех-четырех переходах от Сихотэ-Алиня, тут было у самого его подножия.

Кроме того, я заметил еще одну особенность: те растения, которые на западе были уже отцветшими, здесь еще вовсе не начинали цвести.

В бассейне Ли-Фудзина было много гнуса, мало че-

---

* Желтый курослеп — калужница. *(Прим. ред.)*

шуекрылых. Здесь, наоборот, всюду мелькали кирпично-красные с радужными переливами крапивницы, бело-желтые с черными и красными пятнами аполлоны и большие темно-синие махаоны. Последние часто садились на воду и, распластав крылья, предоставляли себя течению реки. Можно было подумать, что бабочки эти случайно попали в воду и не могли подняться на воздух. Я несколько раз хотел было взять их, но едва только протягивал руку, они совершенно свободно подымались на воздух и, отлетев немного, снова опускались на воду.

Всюду на цветах реяли пчелы и осы, с шумом по воздуху носились мохнатые шмели с черным, оранжевым и белым брюшком. Внизу, в траве, бегали проворные жужелицы. Этих жуков за их хищный характер можно было бы назвать тиграми среди насекомых. По тропе ползали черные могильщики и трехцветные скакуны. Последние передвигались как-то порывисто, и не разберешь — прыгали они или летали. На зонтичных растениях держались преимущественно слоники и зеленые клопы, а около воды и по дорогам, где было посырее, с прозрачными крыльями и с большими голубыми глазами летали стрекозы.

Полюбовавшись насекомыми, я стал рассматривать птиц. Прежде всего я увидел завирушек. Они прыгали под деревьями и копошились в старой листве. Когда я стал подходить к ним, они отлетели немного в сторону и вновь опустились на траву. По берегам горных ручьев, качая хвостиками, перебегали с камня на камень горные трясогузки. Птички эти доверчиво подпускали к себе человека и только в том случае, когда я уж очень близко к ним подходил, улетали, не торопясь. Около шиповников держались свиристели. Они искусно лазали по ветвям кустарников и избегали открытых пространств. В другом месте я заметил долгохвостых синиц, шныряющих в листве деревьев и мало обращающих внимание на своих соседок. Рядом с ними суетились подвижные гаички, совсем маленькие птички с крохотным клювом и коротким хвостиком.

Из млекопитающих, судя по многочисленным следам, здесь обитали дикие козули, олени, кабаны, медведи и тигры.

Несмотря на утомление и на недостаток продовольствия, все шли довольно бодро. Удачный маршрут через Сихотэ-Алинь, столь резкий переход от безжизненной тайги к живому лесу и наконец тропка, на которую мы наткнулись, действовали на всех подбадривающим образом.
 В сумерки мы дошли до пустой зверовой фанзы. Около нее

был небольшой огород, на котором росли брюква, салат и лук.

По сравнению с овощами, которые мы видели на Фудзине, эти огородные растения были тоже отсталыми в росте. Одним словом, во всем, что попадалось нам на глаза, видна была резкая разница между западным и восточным склонами Сихотэ-Алиня. Очевидно, в Уссурийском крае вегетационный период наступает гораздо позже, чем в бассейне Уссури.

Дальше мы не пошли и здесь около фанзочки стали биваком.

Продовольствие в тайгу манзы завозят вьюками, начиная с августа. В самые отдаленные фанзы соль, мука и чумиза переносятся в котомках. Запасы продовольствия складываются в липовые долбленые кадушки, прикрытые сверху корьем. Запоров нигде не делается, и кадушки прикрываются только для того, чтобы в них не залезли мыши и бурундуки.

Чужое продовольствие в тайге трогать нельзя. Только в случае крайнего голода можно им воспользоваться, но при непременном условии, чтобы из первых же земледельческих фанз взятое было доставлено обратно на место. Тот, кто не исполнит этого обычая, считается грабителем и подвергается жестокому наказанию. Действительно, кража продовольствия в зверовой фанзе принуждает соболевщика раньше времени уйти из тайги, а иногда может поставить его прямо-таки в безвыходное положение.

Вечером старик китаец заявил нам, что далее он идти не может и останется здесь ожидать возвращения своего товарища.

На следующий день, 17 июня, мы расстались со стариком. Я подарил ему свой охотничий нож, а А.И. Мерзляков — кожаную сумочку. Теперь топоры нам были уже не нужны. От зверовой фанзы вниз по реке шла тропинка. Чем дальше, тем она становилась лучше. Наконец мы дошли до того места, где река Синь-Квандагоу сливается с Тудагоу. Эта последняя течет в широтном направлении, под острым углом к Сихотэ-Алиню. Она значительно больше Синь-Квандагоу и по справедливости могла бы присвоить себе название Вай-Фудзина.

По этой реке в 1860 году спустился Будищев. По слухам, в истоках ее есть несколько китайских фанз, обитатели которых занимаются звероловством. От места слияния упомянутых двух речек начинается Вай-Фудзин, названная русскими переселенцами Аввакумовкой.

Лес кончился, и перед нами вдруг неожиданно развернулась величественная горная панорама. Возвышенности с левой стороны долины покрыты дубовым редколесьем с примесью липы и черной березы. По склонам их в вертикальном направлении идут осыпи, заросшие травой и мелкой кустарниковой порослью.

Долина Вай-Фудзина богата террасами. Террасы эти идут уступами, точно гигантские ступени. Это так называемые «пенеплены». В древние геологические периоды здесь были сильные денудационные процессы, потом произошло поднятие всей горной системы и затем опять размывание. Вода в реках в одно и то же время действовала и как пила, и как напильник. Против Тудагоу, справа, в Вай-Фудзин впадает порожистая речка Танюгоуза[79], а ниже ее, приблизительно на равном расстоянии друг от друга, еще четыре небольшие речки одинаковой величины: Харчинкина, Хэмутагоу[80], Куандинза[81] и Воротная. По первой лежит путь на Ли-Фудзин, к местности Сяень-Лаза[82]*. На Хэмутагоу русские переселенцы нашли христианскую могилу и потому назвали реку Крестовой. По словам туземцев, Куандинза течет по весьма извилистому ложу; она очень бурлива и порожиста. Долина Воротной реки обставлена высокими скалистыми горами и считается хорошим охотничьим местом.

Между Харчинкиной падью и Син-Квандагоу, среди скал и осыпей, держатся горалы, имеющие по внешнему виду сходство с козлами. Животные эти относятся к антилопам, имеют размеры: в длину около 2 метров и в высоту до 0,8 метра. Шерсть их грязно-серо-желтого цвета, морда, спина и хвост — темно-бурые, горло и брюхо — беловатые. На шее волосы несколько длиннее и образуют небольшую гриву; голова украшена небольшими, загнутыми назад рожками. В Уссурийском крае область распространения горала доходит до реки Имана включительно и в прибрежном районе — до бухты Терней (река Кудяхе)**. Живут они небольшими табунами в таких местах, где с одной стороны есть хвойно-смешанный лес, а с другой — неприступные скалы. День горал проводит в лесу, а ночью спускается в долину для утоления жажды. При малейшем признаке опасности он сейчас же перебегает на скалис-

---

* Упомянутая местность — на правом берегу р. Павловка, около пос. Антоновка в Чугуевском районе Приморского края.

** Сегодня встретить горала трудно. Численность этих редких животных едва ли достигает 500 голов, ареал сузился и ограничивается южными и юго-восточными отрогами Сихотэ-Алиня. *(Прим. ред.)*

тую сторону сопки. Зная это, охотники делятся на две группы. Одни из них заходят в лес, а другие караулят животных в камнях. Вследствие того, что горалы привязаны к определенным местам, которые хорошо известны зверопромышленникам, надо считать, что им грозит опасность уничтожения.

Часов в десять утра мы увидели на тропе следы колес. Я думал, что скоро мы выйдем на дорогу, но провожавший нас китаец объяснил, что люди сюда заезжают только осенью и зимой на охоту и что настоящая колесная дорога начнется только от устья реки Эрлдагоу.

Лошади сильно истомились: они еле передвигали ноги и шатались. Пришлось сделать привал. Воспользовавшись этим, я поднялся на небольшую сопку, чтобы ориентироваться.

Общее направление реки Вай-Фудзина юго-восточное. В одном месте она делает излом к югу, но затем выпрямляется вновь и уже сохраняет это направление до самого моря. На западе ясно виднелся Сихотэ-Алинь. Я ожидал увидеть громаду гор и причудливые острые вершины, но передо мной был ровный хребет с плоским гребнем и постепенным переходом от куполообразных вершин к широким седловинам. Время и вода сделали свое дело.

Долина Вай-Фудзина будет продольная, хотя из направлений ее притоков, текущих параллельно берегу моря и хребту Сихотэ-Алиню, как будто немного намечается денудационный характер.

Восточные предгорья Сихотэ-Алиня слагаются из гранитов, сиенитов и кварцевого порфира. Этот последний, встреченный нами еще по ту сторону водораздела, тянулся и теперь.

Высокие древне-черные террасы с левой стороны Вай-Фудзина, с массивным основанием (тоже из кварцевого порфира), особенно резко выступают близ устья Харчинкиной пади.

Часа через полтора я вернулся и стал будить своих спутников. Стрелки и казаки проснулись усталые; сон их не подкрепил. Они обулись и пошли за конями. Лошади не убегали от людей, послушно позволили надеть на себя недоуздки и с равнодушным видом пошли за казаками.

Китаец говорил, что если мы будем идти целый день, то к вечеру дойдем до земледельческих фанз. Действительно, в сумерки мы дошли до устья Эрлдагоу (вторая большая падь). Это чрезвычайно порожистая и быстрая река. Она течет с юго-запада к северо-востоку и на пути своем про-

резает мощные порфировые пласты. Некоторые из порогов ее имеют вид настоящих водопадов. Окрестные горы слагаются из роговика и кварцита. Отсюда до моря около 78 километров*.

На другой стороне реки, под сенью огромных вязов, стояла китайская фанза. Мы обрадовались ей так, как будто это была первоклассная гостиница. Узнав, что мы последние два дня ничего не ели, гостеприимные китайцы стали торопливо готовить ужин. Лепешки на бобовом масле и чумизная каша с солеными овощами показались нам вкуснее самых изысканных городских блюд. По молчаливому соглашению мы решили остаться здесь ночевать. Китайцы убрали свои постели и предоставили нам большую часть канов. Последние были сильно нагреты, но мы предпочли лучше мучиться от жары, чем страдать от гнуса.

От множества сбившихся людей в фанзе стояла духота, которая увеличивалась еще оттого, что все окна в ней были завешены одеялами. Я оделся и вышел на улицу.

Ночь была тихая, теплая, как раз такая, какую любят ночные насекомые. То, что я увидел, так поразило меня, что я совершенно забыл про мошек и глядел как очарованный. Весь воздух был наполнен мигающими синеватыми искрами. Это были светляки. Свет, испускаемый ими, был прерывистый и длился каждый раз не более одной секунды. Следя за одной такой искрой, можно было проследить полет каждого отдельного насекомого. Светляки эти появляются не сразу, а постепенно, поодиночке. Рассказывают, что переселенцы из России, увидев впервые такой мигающий свет, стреляли в него из ружей и в страхе убегали. Теперь это не были одиночные насекомые, их были тысячи тысяч, миллионы. Они летали в траве, низко над землей, реяли в кустах и носились вверху над деревьями. Мигали насекомые, мерцали и звезды. Это была какая-то пляска света. Вдруг вспыхнула яркая молния и разом озарила всю землю. Огромный метеор с длинным хвостом пронесся по небу. Через мгновение болид рассыпался на тысячу искр и упал где-то за горами. Свет погас. Как по мановению волшебного жезла, исчезли фосфоресцирующие насекомые. Прошло минуты две-три, и вдруг в кустах вспыхнул один огонек, за ним другой, десятый, и еще через полминуты в воздухе опять закружились тысячами светящиеся эльфы.

Как ни прекрасна была эта ночь, как ни величественны были явления светящихся насекомых и падающего метео-

* На самом деле — 34 км.

ра, но долго оставаться на улице было нельзя. Мошкара облепила мне шею, руки, лицо и набилась в волосы. Я вернулся в фанзу и лег на кан. Усталость взяла свое, и я заснул.

На другой день назначена была дневка. Надо было дать отдохнуть и людям и лошадям. За последние дни все так утомились, что нуждались в более продолжительном отдыхе, чем ночной сон. Молодой китаец, провожавший нас через Сихотэ-Алинь, сделал необходимые закупки и рано утром выступил в обратный путь.

Вчера мы до того были утомлены, что даже не осмотрелись как следует, было не до наблюдений. Только сегодня, после сытного завтрака, я решил сделать прогулку по окрестностям. В средней части долина реки Аввакумовки шириной около полукилометра. С правой стороны ее тянутся двойные террасы, с левой — скалистые сопки, состоящие из трахитов, конгломератов и брекчий. Около террас можно видеть длинное болото. Это место, где раньше проходила река. Во время какого-то большого наводнения она проложила себе новое русло.

Из пернатых я здесь видел восточносибирских жаворонков. На побережье моря была еще весна, и потому их звонкое пение неслось отовсюду. Они то опускались к земле, то опять подымались высоко на воздух. Около ивняков кружился уссурийский малый дятел — действительно маленький, но так же пестро окрашенный, как и другие его сородичи. Между листвой кое-где мелькали японские пеночки-непоседы. Они все время были в движении, одновременно и веселились и охотились за насекомыми. По сторонам дороги, в кустах, мелькали зеленые овсянки. В сообществе с полевыми воробьями они клевали конский навоз и купались в пыли. Кроме того, в прибрежном районе водятся уссурийский перепел и уссурийский фазан. Первая птица весьма похожа на куропатку и держится по долинам рек в местах равнинных. Моя собака выгнала двух перепелок. Они с криком поднялись у ней из-под самого носа. Отлетев шагов двести, перепелки опять спустились в траву. На возвратном пути я видел двух фазанов. Когда петух поднимается из кустарников, он сперва взлетает кверху метра на три и при этом неистово кричит. Крик его немного похож на крик обыкновенного петуха, когда последний чего-нибудь испугается. В другом месте собака выгнала курицу с цыплятами. По фазану собака редко делает твердую стойку. Она ложится и начинает ползти на брюхе, иногда замедляя, иногда прибавляя шаг. Испуганная

птица прежде всего старается спастись бегством; она хитрит, путает следы и часто возвращается назад. Потеряв след, собака начинает бросаться в стороны. Этим моментом фазан пользуется и взлетает на воздух. Курица всегда подымается молча и летит дальше, чем петух. Но в данном случае она вела себя иначе: летела лениво, медленно и низко над землей, летела не по прямой линии, а по окружности, так что собака едва не хватала ее за хвост зубами. Я сразу понял, в чем дело. У фазанухи были цыплята, и она старалась отвести от них собаку.

Я взял свою Альпу за поводок и пошел назад. Китайцы уже приготовили обед и ждали моего возвращения.

Когда мы пили чай, в фанзу пришел еще какой-то китаец. За спиной у него была тяжелая котомка; загорелое лицо, изношенная обувь, изорванная одежда и закопченный котелок свидетельствовали о том, что он совершил длинный путь. Пришедший снял котомку и сел на кан. Хозяин тотчас же стал за ним ухаживать. Прежде всего он подал ему свой кисет с табаком.

— Кто это? — спросил я хозяина.

— Прохожий, — отвечал он.

— Знакомый тебе?

— Нет, — отвечал он и затем обратился к повару с приказанием приготовить для путника обед.

Пока пришедший курил табак, китайцы расспрашивали его о новостях. Он охотно рассказывал им то, что случилось в тех местах, откуда он прибыл, и что он видел по дороге. Оказалось, что китаец идет с Ното и держит путь на реку Псухун*. Вечером, во время ужина, манзы, прежде чем самим сесть за стол, пригласили гостя. Все китайцы наперерыв старались ему услужить. Едва его чашка опорожнялась, как тотчас ее наполняли снова. Потом гостю отвели лучшее место на кане и дали два одеяла: одно — для подстилки, другое — под голову, вместо подушки. Прохожий остался в этой фанзе на весь следующий день для отдыха.

У местного манзовского населения сильно развито внимание к путнику. Всякий прохожий может бесплатно прожить в чужой фанзе трое суток, но если он останется дольше, то должен работать или уплачивать деньги за харчи по общей раскладке.

На следующий день, 19 июня, мы распрощались с гостеприимными китайцами и пошли дальше. Отсюда на-

* Правильнее — Пхусун (также Пфусун, Пфусунг).

чиналась колесная дорога. Чтобы облегчить спины лошадей, я нанял две подводы.

В нижнем течении долина Вай-Фудзина очень живописна. Утесы с правой стороны имеют причудливые очертания и похожи на людей, замки, минареты и т.д. С левой стороны опять потянулись высокие двойные террасы из глинистых сланцев, постепенно переходящие на севере в горы.

Здесь есть один только небольшой приток — Касафунова падь, которую местные китайцы называют Чамигоузой[83]. Она длиной около 15 километров и имеет направление течения сперва на юго-восток, а потом на юг. Правый край Касафуновой долины нагорный, левый — пологий, слегка холмистый. Долина эта узкая и расширяется только в среднем течении, там, где в нее впадает речка Грушевая. Если идти вверх по реке, то с правой стороны видны какие-то карнизы, которые дальше переходят в широкие террасы. Окрестные горы покрыты лиственным редколесьем дровяного характера.

Километров в восемнадцати от моря видны обнажения известняков.

Немного ниже Касафуновой пади в Вай-Фудзин с правой стороны впадают две реки — Сандагоу* и Лисягоу[84]. Последняя берет начало с Тазовской горы, о которой речь будет ниже. Верховья реки Сандагоу слагаются из множества горных ручьев, стекающих по узким распадинам. Раньше здесь были большие леса, изобилующие зверем, но лесные пожары в значительной степени обесценили это охотничье эльдорадо.

Колесная дорога, проложенная китайцами по долине Вай-Фудзина, дважды проходит по реке вброд, что является большим препятствием для сообщений во время наводнения. Чтобы избежать этих бродов, надо идти по тропе. Она начинается около террас, с левой стороны долина подымается в гору и идет по карнизу. Здесь тропа на протяжении 300 метров буквально висит над пропастью.

Лет сорок тому назад на террасах около устья реки Касафуновой жили тазы-удэгейцы. Большей частью они вымерли от оспенной эпидемии в 1881 году.

Удэгейцы эти на охоту ходили всегда на Тазовскую гору, командующую над всеми окрестными высотами, отчего она и получила свое настоящее название.

---

* Устье р. Сандагоу (Минеральная) *выше* Кастафуновой Пади. Ниже по течению впадает р. Сыдагоу (она же Садага, ныне Васильковка). Название Лисягоу утрачено, идентифицировать эту реку не удалось.

По всей долине Вай-Фудзина, от устья Эрлдагоу до Тазовской горы, разбросаны многочисленные фанзы. Обитатели их занимаются летом земледелием и морскими промыслами, а зимой соболеванием и охотой.

Самым большим притоком Вай-Фудзина будет река Арзамасовка. Она впадает в него с левой стороны. Немного выше устья Арзамасовки, на возвышенном месте, расположился маленький русский поселок Веткино*. В 1906 году в деревне этой жило всего только 4 семьи. Жители ее были первыми переселенцами из России. Какой-то особенный отпечаток носила на себе эта деревушка. Старенькие, но чистенькие домики глядели уютно; крестьяне были веселые, добродушные. Они нас приветливо встретили.

Вечером собрались старики. Они рассказывали о том, сколько бедствий им пришлось претерпеть на чужой земле в первые годы переселения. Привезли их сюда в 1859 году и высадили в заливе Ольги, предоставив самим устраиваться кто как может и кто как умеет. Сначала они поселились в одном километре от бухты и образовали небольшой поселок Новинку. Скоро крестьяне заметили, что, чем дальше от моря, тем туманов бывает меньше. Тогда они перекочевали в долину Вай-Фудзина. В 1906 году в Новинке жил только один человек. Места, где раньше были крестьянские дома, видны и по сие время.

Но и на новых местах их ожидали невзгоды. По неопытности они посеяли хлеб внизу, в долине; первым же наводнением его смыло, вторым — унесло все сено; тигры поели весь скот и стали нападать на людей. Ружье у крестьян было только одно, да и то пистонное. Чтобы не умереть с голода, они нанялись в работники к китайцам с поденной платой 400 граммов чумизы в день. Расчет производили раз в месяц, и чумизу ту за 68 километров должны были доставлять на себе в котомках.

Старики долго не могли привыкнуть к новым местам. У них были еще живы воспоминания о родине; зато молодежь скоро приспособилась: из них выработались великолепные стрелки и отличные охотники. Быстрое течение в реках их уже не пугало; скоро они начали плавать по морю. Для европейской России охота на медведя в одиночку считается геройским подвигом. Здесь же каждый юноша бьет медведя один на один. Некрасов воспел крестьянина, который убил сорок медведей, а здесь были братья Пятышкины и Мякишевы, из которых каждый в одиночку убил более семидесяти медведей. Затем следуют Силины и Во-

* Современное село Ветка.

ровы, которые убили по нескольку тигров и потеряли счет убитым медведям. Один раз они задумали связать медведя так, ради забавы, и чуть за это не поплатились жизнью. Каждый из этих охотников носил на себе следы тигровых зубов и кабаньих клыков; каждый не раз видел смерть лицом к лицу.

Фудзинские крестьяне серьезно относятся к охоте.

Они не только бьют зверя, но и заботятся о его сохранности. Факт этот знаменателен. Крестьяне собрались и на сходе порешили не трогать самок, телят и не бить самцов во время гона. Кроме того, они сами отвели заказник, сами установили границы его и дали друг другу зарок там не охотиться. Вновь прибывший элемент из России не пожелал с этим считаться и начал хищничать. Так как заказник возник по частной инициативе и находился на казенной земле, то привлекать виновников к ответственности они не могли. Этим воспользовались браконьеры, и благое начинание фудзинских крестьян окончилось ничем.

Ценность пантов в Ольгинском районе доходит до 1200 рублей пара. В деревне Пермской у крестьянина Пятышкина я видел панты высотой в 52 сантиметра и толщиной в 22 сантиметра* (расстояние между рогами у основания равнялось 8 сантиметрам); на концах они только что начали разветвляться; вес их был 4,4 килограмма. Панты эти были проданы по очень низкой цене — за 870 рублей. По словам братьев Пятышкиных, в 1905 году от продажи четырех пар пантов они выручили 2200 рублей.

Во время этих рассказов в избу вошел какой-то человек. На вид ему было лет сорок пять. Он был среднего роста, сухощавый, с небольшой бородой и с длинными волосами. Вошедший поклонился, виновато улыбнулся и сел в углу.

— Кто это? — спросил Гранатман.

— Кашлев — Тигриная Смерть, — отвечало несколько голосов.

Мы стали его расспрашивать, но он оказался не из разговорчивых. Посидев немного, Кашлев встал.

— Убить зверя нетрудно, ничего хитрого тут нет, хитро его только увидеть, — сказал он, затем надел свою шапку и вышел на улицу.

О Кашлеве мы кое-что узнали от других крестьян. Прозвище Тигриная Смерть он получил оттого, что в своей жизни больше всех перебил тигров. Никто лучше его не мог выследить зверя. По тайге Кашлев бродил всегда один,

* Вероятно, имелась в виду наибольшая длина окружности у основания рога.

ночевал под открытым небом и часто без огня. Никто не знал, куда он уходил и когда возвращался обратно. Это настоящий лесной скиталец. На реке Сандагоу он нашел утес, около которого всегда проходят тигры. Тут он их и караулил.

Среди крестьян были и такие, которые ловили тигров живыми. При этом никаких клеток и западней не ставилось. Тигров они ловили руками и связывали веревками. Найдя свежий след тигрицы с годовалыми тигрятами, они пускали много собак и с криками начинали стрелять в воздух. От такого шума тигры разбегались в разные стороны. Для такой охоты нужны смелость, ловкость и отвага.

Беседы наши затянулись. Это было так интересно, что мы готовы были слушать до утра. В полночь крестьяне стали расходиться по своим домам.

На другой день мы отправились в село Пермское, расположенное на четыре километра ниже Фудзина.

Экономическое благосостояние пермских крестьян не заставляет желать ничего лучшего. Село это можно было назвать образцовым во всех отношениях. На добровольные пожертвования они построили у себя в деревне школу. У ребятишек было много книг по природоведению и географии России. Все крестьяне достаточно начитанны и развиты; некоторые из них интересовались техникой, применяя ее у себя в хозяйстве. Кабака в селе Пермском не было. При нас один новосел позволил себе выругаться площадной бранью. Надо было видеть, какую проборку задали ему старожилы. Все пермские крестьяне такие же разумные охотники, как и фудзинцы. Жили пермские крестьяне безбедно, долгов не имели и были вполне довольны своею судьбой.

Земля в долине Вай-Фудзина весьма плодородна. Крестьяне не помнят ни одного неурожайного года, несмотря на то, что в течение сорока лет пашут без удобрения на одних и тех же местах.

В период летних дождей вода, стекающая с окрестных гор, переполняет реку и разливается по долине. Самые большие наводнения происходят в нижнем течении Вай-Фудзина, там, где река принимает в себя сразу два притока: Сыдагоу — справа и Арзамасовку — слева. По словам пермцев, умеренные наводнения не только не приносят вреда, но, наоборот, даже полезны, так как после них на земле остается плодородный ил. Большие же наводнения совершенно смывают пашни и приносят непоправимый вред.

От устья реки Сыдагоу долина Вай-Фудзина сразу расширяется. Отсюда видно уже море.

От села Пермского дорога идет сначала около левого края долины у подножия террасы, а затем отклоняется вправо и постепенно подходит к реке. Здесь растет редкий лес дровяного характера, состоящий из низкорослой черной березы, дуба, японской ольхи со спирально скрученным стволом и ольгинской лиственницы. Песчаная почва сверху покрыта тонким слоем наносного ила, поросшего травою. Где только дерновый слой подвергся уничтожению, оголились пески. Вследствие этого дорога между селом Пермским и берегом моря считается тяжелой.

Выйдя на почтовый тракт, я кончил съемку, отдал планшет сопровождавшему меня стрелку и взял ружье. Несмотря на пройденный длинный путь, моя собака все время бегала по кустам, выискивая птиц. Один раз она сделала стойку по слуху. Я подошел к ней. Она прыгнула в заросли, что-то схватила зубами, потрясла головой и бросила в сторону. Это оказалась маньчжурская полевая мышь, весьма распространенная по всему краю. Величиной она с обыкновенную домашнюю мышь, но с буро-желтой окраской и с белыми лапками. Эта мышь не так подвижна, как домашняя, и поэтому легко становится добычей хищных птиц. Кормом ей служат различные семена растений, дубовые желуди и корни трав. Забрав мертвую мышь как охотничий трофей, я пошел дальше по дороге.

На половине пути между селом Пермским и постом Ольги с левой стороны высится скала, называемая местными жителями Чертовым утесом. Еще пятнадцать минут ходу, и вы подходите к морю. Читатель поймет то радостное настроение, которое нас охватило. Мы сели на камни и с наслаждением стали смотреть, как бьются волны о берег.

Наш путь был окончен.

Из морского песка здесь образовались дюны, заросшие шиповником, травою и низкорослыми дубками, похожими скорее на кустарники, чем на деревья. Там, где наружный покров дюн был нарушен, пески пришли в движение и погребли под собой все, что встретилось на пути.

В пост Ольги мы прибыли 21 июня и разместились по квартирам. Все наши грузы шли на пароходе морем. В ожидании их я решил заняться обследованием окрестностей.

Глава четырнадцатая

Залив Ольги

История залива. — Тихая пристань. — Пост Ольги. — Крестовая гора. — Манза-золотоискатель. — Птицы. — Тигр на вершине хребта. — Лишаи и мхи. — Гольцы. — Поиски. — Лед подземный. — Истоки реки Сандагоу. — Пятнистые олени

Залив Ольги (43° северной широты и 152°57' восточной долготы от о. Ферро)* открыт французским мореплавателем Лаперузом в 1787 году и тогда был назван портом Сеймура. Во время крымской кампании несколько английских судов преследовали русский военный корабль. Пользуясь туманом, судно укрылось в какую-то бухту. Англичане потеряли его из виду и ушли ни с чем. Так как это случилось 11 июля, в день Ольги, то решили залив своего спасения назвать ее именем. В память избавления своего от врага они поставили крест на высокой горе, которая с той поры стала называться Крестовою.

При входе в залив Ольги справа высится одинокая скала, названная моряками островом Чихачева. На этой скале поставлена сигнальная башня, указывающая судам место входа. Но так как летом в этой части побережья почти все время стоят туманы, то она является совершенно бесполезной, ибо с моря ее все равно не видно.

Залив Ольги закрыт с трех сторон; он имеет километра три в длину, столько же в ширину и в глубину около 25 метров. Зимой он замерзает на три месяца только с северной стороны. Северо-восточная часть залива образует еще особую бухту, называемую местными жителями Тихою пристанью. Эта бухта соединяется с большим заливом узким проходом и замерзает на более продолжительное время. Тихая пристань (глубиною посредине 10—12 метров, длиною с километр и шириною 500 метров) постепенно заполняется наносами речки Ольги.

На восточном берегу залива находится китайский поселок Ши-мынь[85], называемый русскими Кошкой. Раньше поселок этот был главным китайским торговым пунктом в Уссурийском крае. Ежегодно сюда приходило до сотни шаланд с товарами из Хунчуна. Охотники с реки Уссури доставляли в Ши-мынь соболиные меха, ценные панты и дорогой женьшень. Дары тайги выменивались на продукты морского промысла. С 1901 года, после китайских

* Широта залива Ольги — 43°31'.

беспорядков в Маньчжурии, жизнь в поселке стала замирать. По длинному ряду бараков, расположенных на берегу моря для склада товаров и разного сырья, можно судить о размерах торговых оборотов китайцев в заливе Ольги.

В самом углу залива находится русское селение, называвшееся ранее постом Ольги. Первой постройкой, которая появилась здесь в 1854 году, была матросская казарма. В 1878 году сюда приехали лесничий и фельдшер, а до того времени местный пристав исполнял их обязанности: он был и учителем, и врачом, чинил суд и расправу.

В 1906 году в посту Ольги была небольшая деревянная церковь, переселенческая больница, почтово-телеграфная станция и несколько мелочных лавок. В настоящее время пост Ольги не деревня и не село. Ольгинцы в большинстве случаев были разночинцы и запасные солдаты, арендовавшие землю в казне. Никто не занимался ни огородничеством, ни хлебопашеством, никто не сеял, не жал и не собирал в житницы, но все строили дома, хотя бы и в долг; все надеялись на то, что пост Ольги в конце концов будет городом и захваченная земля перейдет в собственность, после чего ее можно будет выгодно продать.

Русско-японская война тяжело отразилась на этом маленьком русском поселке, отрезанном бездорожьем от других жилых мест Уссурийского края. Предметов первой необходимости, как керосин, свечи, мыло, чай и сахар, нельзя было достать ни за какие деньги. Да и теперь еще население его, в ожидании лучших дней, перебивается с хлеба на квас. Некоторые жители не живут в посту Ольги, а уехали во Владивосток. Много домов брошено и заколочено досками. Домовладельцы рады-радешеньки сдать кому-нибудь свои постройки не только в аренду, но даже в бесплатное пользование, лишь бы кто-нибудь охранял их от расхищения.

Около поста есть старинное кладбище, совершенно запущенное. Через несколько лет оно будет совсем утеряно. На нем похоронили в 1860 году матросов, умерших от цинги.

Другой достопримечательностью поста была маленькая чугунная пушка на неподвижном деревянном лафете. Я видел ее в полном пренебрежении на площади около дома лесничего. По рассказам старожилов, она привезена была в пост Ольги для того, чтобы во время тумана подавать сигналы кораблям, находящимся в открытом море.

В заключение еще остается сказать несколько слов об одном местном обывателе, весьма способствовавшем процветанию этого уголка далекой русской окраины. Я гово-

рю о крестьянине И.А. Пятышине. Обремененный большой семьей, этот удивительный труженик вечно находился в работе, вечно о чем-нибудь хлопотал. Сперва Пятышин открыл в посту Ольги торговлю, но, будучи по характеру добрым и доверчивым человеком, роздал в кредит весь свой товар и разорился. Потом он занялся рыболовством, но вода унесла у него невода. Тогда он стал добывать морскую капусту, но рабочие-китайцы, забрав вперед задатки, разбежались. После этого он взялся за лесное дело — наводнение унесло у него весь лес. Пятышин собрал все свои остатки и начал строить кирпичный завод, но кирпич не нашел сбыта; ломку мрамора постигла та же участь; не пошло в ход также и выжигание извести. Последнее дело, которым неудачно занимался Пятышин, — это подрядная постройка домов и разбивка улиц в посту Ольги. Другой на его месте давно опустил бы руки и впал в отчаяние, но он не упал духом и вновь занялся рыбной ловлей. Ни на кого он не жаловался, винил только судьбу и продолжал с нею бороться. Много неимущих переселенцев находило заработок у Пятышина, много личного труда и денежных средств он вложил в устроение поста Ольги. К сожалению, в свое время он ниоткуда не получал поддержки, бросил все, перекочевал на реку Нельму, где и умер.

Первые два дня мы отдыхали и ничего не делали. В это время за П.К. Рутковским пришел из Владивостока миноносец «Бесшумный». Вечером П.К. Рутковский распрощался с нами и перешел на судно. На другой день на рассвете миноносец ушел в море. П.К. Рутковский оставил по себе в отряде самые лучшие воспоминания, и мы долго не могли привыкнуть к тому, что его нет более с нами.

Первая моя экскурсия в окрестностях залива Ольги была на гору Крестовую.

Крест, о котором говорилось выше, еще стоял на месте, но уже покачнулся. В него была врезана металлическая доска с надписью. Теперь ее нет. Осталось только гнездо и следы гвоздей.

С Крестовой горы можно было хорошо рассмотреть все окрестности. В одну сторону шла широкая долина Вай-Фудзина. Вследствие того что около реки Сандагоу она делает излом, конца ее не видно. Сихотэ-Алинь заслоняли теперь другие горы. К северо-западу протянулась река Арзамасовка. Она загибала на север и терялась где-то в горах. Продолжением бухты Тихой пристани является живописная долина реки Ольги, текущей параллельно берегу моря.

Горы в окрестностях залива невысоки, но выражены весьма резко и большею частью состоят из серого гранита, кварцевого порфира, песчаника, роговика, аркоза и зеленой яшмы, в которой в разных направлениях проходят тонкие кварцевые прожилки. В окрестностях найдено много железных, медных и серебросвинцовых руд.

Большинство сопок покрыто осыпями, являющимися результатом разрушения горных пород деятельностью атмосферных агентов. Образование этих осыпей можно проследить с момента появления трещины в скалах до рассыпания их на мелкие обломки. Если молотом ударить по такой глыбе или с силою бросить ее о землю, она разобьется по трещинам, по которым внутрь проникала вода. И сколько бы ни разбивать эти камни на еще более мелкие обломки, они нигде не дадут свежих изломов. В посту Ольги я познакомился с Б.Н. Буниным, знатоком Южноуссурийского края, исходившим его вдоль и поперек. В 1901 году он был тяжело ранен хунхузами из фальконета и после этого стал прихрамывать на одну ногу.

Однажды он отправился в горы по своим делам и пригласил меня с собою. 24 июня рано утром мы выехали с ним на лодке, миновав Мраморный мыс, высадились на берегу против острова Чихачева. Эта экскурсия дала мне возможность хорошо ознакомиться с заливом Ольги и устьем Вай-Фудзина.

Вдоль берега моря и параллельно ему тянутся рядами болота и длинные озерки, отделенные друг от друга песчаными валами. Чем ближе к берегу моря, тем валы эти свежее и выражены резче. По ним грядами растут кустарниковая ольха с коротковолосистыми ветвями и слегка опущенными листьями и березолистный таволожник — маленький кустарник с бледно-розовыми цветками. Во многих местах от валов уже не осталось следа, и только растительность указывает бывшее их направление. Произведенные в некоторых местах раскопки дали обломки морских раковин. Здесь над приростом суши трудились одновременно и река и море. Первая приносила готовый материал, второе складывало его в валы. Ныне в низовьях реки образовалось много островов. Они только что вышли из воды, состоят из чистого песка и еще не успели зарасти травой.

Геологу рисуется картина далекого прошлого. Залив Ольги имел совсем не такой вид, какой он имеет теперь. Он был в три раза больше и далеко вдавался в сушу в западном направлении. Со стороны моря ясно видны границы древнего залива, в который самостоятельно впада-

ли Вай-Фудзин, Сыдагоу и Арзамасовка. Заболоченность нижней части долины Аввакумовки, протоки, озерки, слепые рукава, соединяющиеся с морем, тоже указывают на это. Около устья течение реки почти незаметно. Даже наоборот, при свежем восточном ветре и во время приливов замечается обратное движение воды. На Чертовом утесе можно видеть следы морского прибоя. Этот безмолвный свидетель говорит нам о том, что когда-то и он был омываем волнами Великого океана.

Сколько понадобилось веков для того, чтобы разрушить твердую горную породу и превратить ее в песок! Сколько понадобилось времени, чтобы песчинка за песчинкой заполнить залив и вытеснить морскую воду! Немалое участие в заполнении долины принимал и плавниковый лес. Тысячами кряжин и пней завалено русло реки и острова. Стволы деревьев сейчас же заносятся песком; на поверхности остаются торчать только сучья и корни. Мало-помалу погребаются и они. Каждое новое наводнение приносит новый бурелом и накладывает его сверху, потом опять заносит песком и т.д. Так отступает океан, нарастает суша, и настанет время, когда Вай-Фудзин будет впадать не в залив Ольги, а непосредственно в море.

Мы высадились на южном берегу залива часов в десять утра, лодку отправили назад, а сами пошли в горы. По дороге к нам присоединился китаец — искатель золота. У него в котомке была железная лопата без черенка, деревянный лоток для промывания песка и облегченный заступ с короткой рукояткой. Китаец этот был средних лет, худой, с рябоватым лицом, в соломенной шляпе. Он охотно отвечал на задаваемые ему вопросы. Это дало мне возможность познакомиться с китайскими приемами золотоискательства. Прежде всего он старался найти такую речку, против которой в море есть остров. Это верный признак, что в долине будет золото. Подымаясь вверх по реке, он искал такой приток, чтобы против устья его была отвесная скала, причем направление новой долины должно быть строго перпендикулярно к плоскости скалы и не меньше как в два километра длиною. Если это расстояние было короче или если долина шла не совсем под прямым углом к скале, она не годилась. Манза все время шел впереди и выискивал все новые и новые притоки, причем протяжение их сокращалось от двух километров до одного, потом до полукилометра и т.д. Последний ключик имел метров двести длины. Китаец остановился и сказал, что тут
 надо искать золото. Он стал рассматривать в ручье гальку

и песок. То и другое, видимо, его удовлетворило, и он решил остаться здесь для разведок. Многие объяснения его для меня были непонятны. Так, например, он говорил, что есть люди, которые умеют чувствовать присутствие золота в земле, к числу их он присоединял и себя.

В топографическом отношении местность, по которой мы теперь шли, представляла собою сильно размытые горы с пологими скатами. Кое-где торчали скалы, находящиеся в последней стадии разрушения; большинство их превратилось уже в осыпи.

Характер растительности был тот же самый, что и около поста Ольги. Дуб, береза, липа, бархат, тополь, ясень и ива росли то группами, то в одиночку. Различные кустарники, главным образом леспедеца, калина и таволга, опутанные виноградом и полевым горошком, делали некоторые места положительно непроходимыми, в особенности если к ним еще примешивалось чертово дерево*. Идти по таким кустарникам в жаркий день очень трудно. Единственная отрада — ручьи с холодною водою.

В полдень мы дошли до водораздела. Солнце стояло на небе и заливало землю своими палящими лучами. Жара стояла невыносимая. Даже в тени нельзя было найти прохлады. Отдохнув немного на горе, мы стали спускаться к ручью на запад. Расстилавшаяся перед нами картина была довольно однообразна. Куда ни взглянешь, всюду холмы и всюду одна и та же растительность.

Над землею висел раскаленный воздух, насыщенный влагою. Деревья и кусты поникли листвой и казались безжизненными.

За весь день мы не видели ни одного животного, хотя козьих и оленьих следов попадалось много. В пути я не упускал случая делать заметки по орнитологии.

Прежде всего упомяну о зеленом дятле с красною головою. Говорят, что он ходит по земле довольно хорошо. Проворный, пугливый и крикливый, он по ухваткам походит на своих пестрых собратьев. Затем тут были маньчжурские жаворонки, голоса их слышны были повсюду. Некоторые птицы выпархивали у нас из-под ног и, отлетев немного, садились опять на землю. Казалось, на них жара не действовала совсем; они высоко подымались к небу и звонким пением оглашали окрестности. В низине из кочковой болотинки собаки выгнали несколько куличков. Я убил одного из них. Это оказался восточносибирс-

---

* Чертово дерево, точнее, чертов куст, — элеутерококк колючий. *(Прим. ред.)*

кий бекас. В другом месте из чащи вылетел красивый длинноносый дупель. На поваленных деревьях и на пнях кое-где встречались японские коньки. Они проворно бегали по земле и грелись на солнышке. При приближении людей они не улетали, а ловко скрывались в кустах и появлялись только тогда, когда убеждались, что опасность миновала. Судя по тому, что здесь было много мелких птиц, можно было допустить присутствие малого перепелятника. И действительно, одного такого ястреба я вспугнул из травы, что было очень странно, так как ноги его совсем не приспособлены к хождению по земле. Быть может, эти хищники из опыта знали, что вид их, сидящих на сухостойных деревьях, пугает мелких птиц, тогда как, спрятавшись в траве, они скорее могут рассчитывать на добычу.

День близился к концу. Солнце клонилось на запад, от деревьев по земле протянулись длинные тени. Надо было становиться на ночь. Выбрав место, где есть вода, мы стали устраивать бивак.

Вечером я долго сидел с Б.Н. Буниным у огня. Он рассказывал мне о своих путешествиях, о хунхузах, об охоте и т.д. Наконец я почувствовал, что сон начинает овладевать мною.

Я лег к огню, завернулся в бурку и скоро уснул.

На следующий день мы расстались с золотоискателем. Он пошел назад к перевалу, а мы направились к реке Сыдагоу и оттуда обратно в пост Ольги.

...Двадцать шестого числа небо начало хмуриться. Порывистый ветер гнал тучи в густой туман. Это был плохой признак. Ночью пошел дождь с ветром, который не прекращался подряд трое суток.

28 числа разразилась сильная буря с проливным дождем. Вода стекала с гор стремительными потоками; реки переполнились и вышли из берегов; сообщение поста с соседними селениями прекратилось.

В ожидании парохода, который должен был привезти наши грузы, я решил отправиться в обследование реки Сыдагоу и наметил такой маршрут: перевалить через водораздел около Тазовской горы, спуститься по реке Сандагоу и опять выйти на реку Вай-Фудзин. На выполнение этого маршрута потребовалось шесть суток.

Первое июля прошло в сборах. Лошадей я оставил дома на отдыхе, из людей взял с собою только Загурского и Туртыгина. Вещи свои мы должны были нести на себе в котомках.

Утром после бури еще моросил мелкий дождь. В полдень ветер разорвал туманную завесу, выглянуло солнце, и вдруг все ожило: земной мир сделался прекрасен. Камни, деревья, трава, дорога приняли праздничный вид; в кустах запели птицы; в воздухе появились насекомые, и даже шум воды, сбегающей пенистыми каскадами с гор, стал ликующим и веселым.

Через Вай-Фудзин мы переправились верхом на лошадях и затем пошли по почтовому тракту, соединяющему пост Ольги с селом Владимиро-Александровским на реке Сучане.

Река Сыдагоу длиною 60 километров. В верхней половине она течет параллельно Вай-Фудзину, затем поворачивает к востоку и впадает в него против села Пермского. Мы вышли как раз к тому месту, где Сыдагоу делает поворот. Река эта очень каменистая и порожистая. Пермцы пробовали было по ней сплавлять лес, но он так сильно обивался о камни, что пришлось бросить это дело. Нижняя часть долины, где проходит почтовый тракт, открытая и удобная для земледелия, средняя — лесистая, а верхняя — голая и каменистая.

Лес на реке Сыдагоу растет девственный и величественный. Натуралист-ботаник отметил бы здесь, кроме кедра, ели, даурской березы и маньчжурского ореха, еще сибирскую лиственницу, растущую вместе с дубом и мелколистным кленом, моно — орочское название этого дерева; академик Максимович удержал его как видовое. Среди таволги, леспедецы, орешника и калины здесь произрастали бородавчатая боярка* с серою корою, редкими шипами и листьями, глубоко рассеченными, и пригнутый к земле черемушник*, перепутанный с колючим элеутерококком. Обыкновенно древесные стволы служат опорой для ползучих растений, которые стремятся вверх к солнцу; они так сильно вдавливают свои стебли в кору деревьев, что образуют в ней глубокие рубцы.

Из таких вьющихся растений можно указать на уже знакомую коломикту и лимонник с запахом и вкусом, действительно напоминающими лимон. В сырых местах росли папоротник, чистоуст с красным пушком на стеблях, что придает растению весьма эффектный вид, и целые заросли гигантского белокопытника. Листья его большие, раздельнозубчатые, сверху бледно-зеленые, внизу матово-бледные. Весной это самое лакомое блюдо медведей.

---

* Бородавчатая боярка — боярышник перистонадрезный, черемушник — вишня Максимовича. *(Прим. ред.)*

Как только мы вошли в лес, сразу попали на тропинку. После недавних дождей в лесу было довольно сыро. На грязи и на песке около реки всюду попадались многочисленные следы кабанов, оленей, изюбров, козуль, кабарожки, росомах, рысей и тигров. Мы несколько раз подымали с лежки зверей, но в чаще их нельзя было стрелять. Один раз совсем близко от меня пробежал кабан. Это вышло так неожиданно, что, пока я снимал ружье с плеча и взводил курок, от него и след простыл.

В полдень тропа привела нас к китайской зверовой фанзе. Множество шкур, сложенных в амбаре, свидетельствовало о том, что обитатели ее занимаются охотой очень успешно. Фанза была новая, видимо, недавно выстроенная. На крыше для просушки были растянуты две оленьи шкуры, а над дымокуром на веревочке висела медвежья желчь. Китайцы употребляют ее как лекарство от трахомы. Для этого они разбавляют сухую желчь водою и тряпицей смачивают веки глаз. Медвежья желчь ценится от двух до пяти рублей, в зависимости от ее размеров.

За день нам удалось пройти двадцать два километра.

Лес на левом берегу кончился и началась гарь[86]. Горы, окаймляющие долину, состоят из диорита, сиенита, кварца, полевошпатового порфита, совершенно обезлесены и сплошь покрыты осыпями. Верховья Сыдагоу представляются в виде небольшой горной речки, в которую справа и слева впадает множество мелких ручьев. Во время последнего наводнения вода размыла ложе реки шириной до ста сажен. Все это пространство занесено песком и галькой. С правой стороны, там, где кончалась каменистая отмель, сразу начинался обрывистый берег. В обрезе его видно, что почва долины состоит из такой же гальки вперемешку с илом.

В одном месте река делала изгиб, русло ее проходило у противоположного берега, а с нашей стороны вытянулась длинная коса. На ней мы и расположились биваком; палатку поставили у края берегового обрыва лицом к реке и спиною к лесу, а впереди развели большой огонь.

В этот день мне нездоровилось немного, и потому я не стал дожидаться ужина и лег спать. Во сне мне грезилось, будто бы я попал в капкан, и от этого сильно болели ноги. Когда я проснулся, было уже темно.

Осмотревшись, я понял причину своих снов. Обе собаки лежали у меня на ногах и смотрели на людей с таким видом, точно боялись, что их побьют. Я прогнал их. Они перебежали в другой угол палатки.

— Вот диво! — сказал Загурский. — Не хотят собаки идти наружу.

Поведение собак действительно было странное. В особенности удивил меня Леший. Он всегда уходил в кусты и ложился где-нибудь за палаткой, а теперь жался к людям. Наконец мы собак выгнали, но не надолго. Через несколько минут они вновь пробрались в палатку и расположились около изголовьев.

В это время в лесу раздался какой-то шорох. Собаки подняли головы и насторожили уши. Я встал на ноги. Край палатки приходился мне как раз до подбородка. В лесу было тихо, и ничего подозрительного я не заметил. Мы сели ужинать. Вскоре опять повторился тот же шум, но сильнее и дальше в стороне. Тогда мы стали смотреть втроем, но в лесу, как нарочно, снова воцарилась тишина. Это повторилось несколько раз кряду.

— Вероятно, мышь, — сказал Туртыгин.

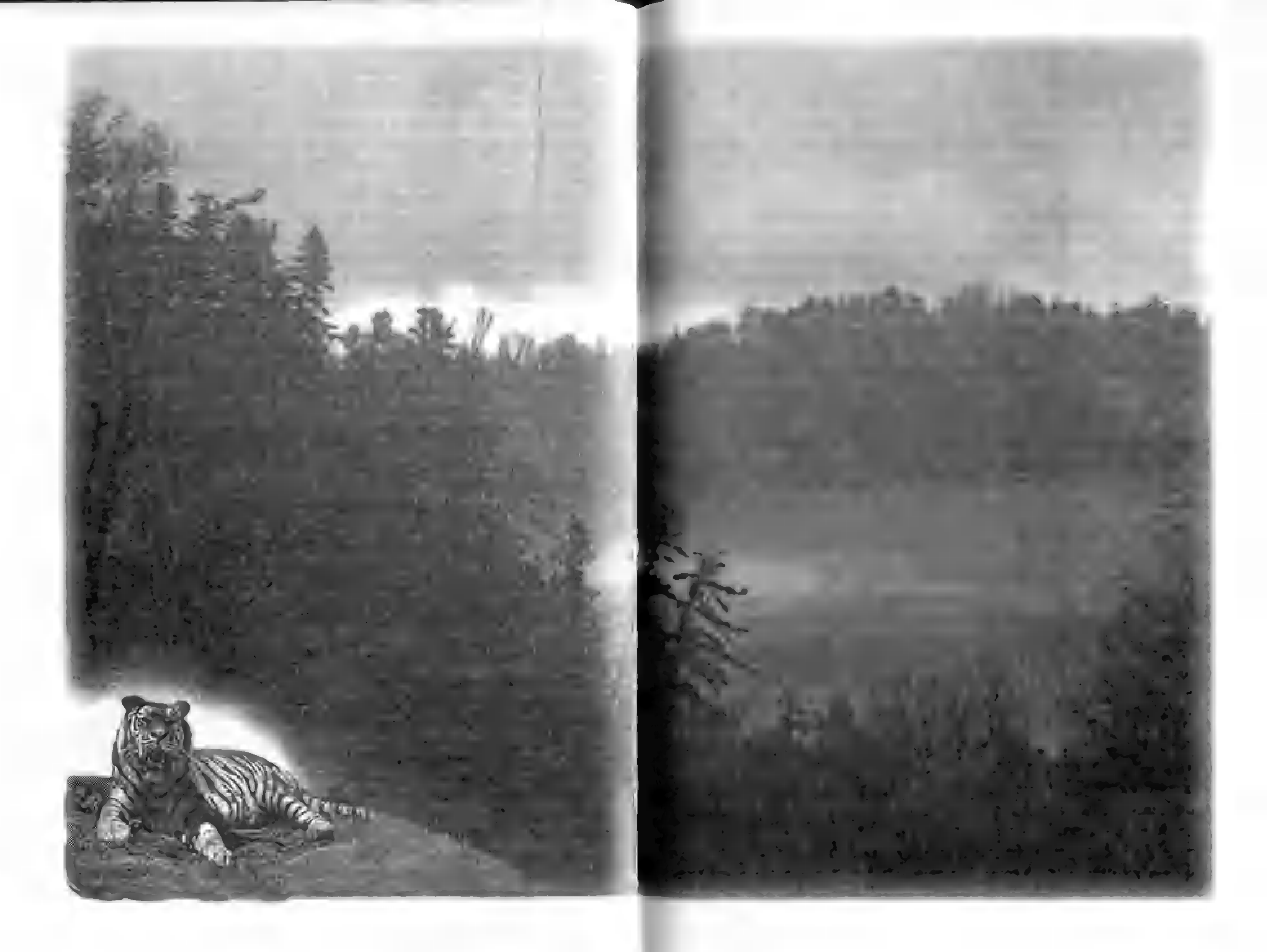
— Или, может быть, заяц, — ответил Загурский.

Наконец все успокоилось. После чаю стрелки стали уговариваться, по скольку часов они будут караулить ночью. Я отдохнул хорошо, спать мне не хотелось и потому предложил им ложиться, а сам решил заняться дневником.

— Пошли вон! — прогоняли стрелки собак из палатки. Собаки вышли, немного посидели у огня, а затем снова полезли к людям. Леший примостился в ногах у Туртыгина, а Альпа легла на мое место.

Ночь была такая тихая, что даже осины замерли и не трепетали листьями. В сонном воздухе слышались какие-то неясные звуки, точно кто-то вздыхал, шептался, где-то капала вода, чуть слышно трещали кузнечики. По темному небу, усеянному тысячами звезд, вспыхивали едва уловимые зарницы. Красные блики от костра неровно ложились по земле, и за границей их ночная тьма казалась еще чернее.

Я подложил дров в огонь и стал делать записи в дневнике. В это время обе собаки подняли головы и стали глухо ворчать. Я встал со своего места, осмотрелся и хотя ничего не увидел, но зато услышал удаляющийся шорох. «Вероятно, барсук или енот», — подумал я и сел снова за работу. Прошло с полчаса. Вдруг я услышал, как в стороне, слева от бивака, посыпалась галька. Кто-то спускался с обрыва к реке. По моим расчетам, это было от нашего костра метрах в пятидесяти, не более. Прикрыв рукою глаза от света, я стал усиленно смотреть на реку. Собаки выражали крайний испуг. Альпа забилась в самую глубь па-



латки. Вслед за тем я услышал, как кто-то осторожно шел по отмели. Под давлением чьей-то ноги галька раздавалась в стороны. Это не было копытное животное. Изюбр или олень стучат сильнее ногами; это не могло быть и маленькое животное, потому что вес его тела был бы недостаточен для того, чтобы производить такой шум. Это было крупное животное, у которого большая и мягкая лапа. Бренчанье гальки удалялось по направлению к реке, и вдруг я увидел на краю отмели около воды какую-то длинную тень. «Тигр!» — мелькнуло у меня в голове. Не спуская глаз с зверя, я потянулся за ружьем, но, как на грех, оно не попадалось мне под руку. Дальше случилось что-то похожее на суматоху. Толкнув Загурского, я схватил винтовку. Стрелок спросонья толкнул собаку. Альпа испугалась и бросилась в другую сторону и села на голову Туртыгину. В это мгновенье я выстрелил. Животное, стоявшее на отмели, издало короткий отрывистый звук, похожий на храп, и бросилось в воду, затем быстро взобралось на противоположный берег и исчезло в кустах.

Сна как не бывало. На биваке поднялся шум. Голоса людей смешивались с лаем собак. Каждый старался рассказать, что он видел. Загурский говорил, что видел кабана, а Туртыгин спорил и доказывал, что это был медведь. Собаки отбегали от костра, лаяли, но тотчас же возвращались обратно. Только перед рассветом они немного успокоились.

Часа через два темное небо начало синеть. Можно было уже рассмотреть противоположный берег и бурелом на реке, нанесенный водою. Мы пошли на то место, где видели зверя. На песке около воды были ясно видны отпечатки большой кошачьей лапы. Очевидно, тигр долго бродил около бивака с намерением чем-нибудь поживиться, но собаки почуяли его и забились в палатку.

Тигр, обитающий в Уссурийском крае, крупнее своего индийского собрата. Длина его тела равна 2,7—3 метрам, высота 1,2—1,5 метра при весе в 250—300 килограммов. Окраска шерсти такая же пестрая, как и у южного тигра, но встречаются иногда экземпляры бледно окрашенные, с редкими и тусклыми полосами. Тигр — животное чрезвычайно красивое. Основной цвет его шерсти ржаво-желтый, испещренный черными полосами. На груди, шее и передних лапах они расположены реже, а на спине и на задних ногах выражены особенно ярко. Голова пестрая, бакенбардов нет, брюхо белое. Такая окраска является для тигра вполне защитной. Когда он бежит по тайге, среди кустарников, лишенных листвы, черный, желтый и бе-

лый цвета сливаются, и зверь принимает однотонную буро-серую окраску. Осенью среди оранжево-красных виноградников и сухих желтых папоротников, в которых есть немало почерневших старых листьев, тигра трудно увидеть даже на близком расстоянии. Возможно, что при более тщательных исследованиях длинношерстный тигр окажется родственником пещерного тигра, обитавшего когда-то в Европе. Тогда Уссурийский край можно считать его родиной. Животное это чрезвычайно любит залезать в пещеры. Летом мне часто приходилось видеть в них тигровые следы и перегрызенные кости. Тигр мало обращает внимания на климатические условия страны. Ему не страшны ни снег, ни холод. Он держится там, где гуще заросли и где достаточно есть корма, главным образом коз, кабанов и оленей. В Уссурийском крае он обитает в южной части страны; на побережье моря граница его распространения доходит до мыса Гиляк. Затем он встречается по всей долине реки Уссури и ее притокам и по рекам Мухеню, Пихце, Анюю и Хунгари, впадающим в Амур с правой стороны. Одиночные экземпляры заходят еще дальше на восток и на север. Если корма достаточно, тигр не трогает домашний скот; только крайняя нужда заставляет его приближаться к селениям и нападать на человека. Особенно старательно тигры охотятся за собаками.

Я вспомнил Дерсу. Он говорил мне, что тигр не боится огня и смело подходит к биваку, если на нем тихо. Сегодня мы имели случай в этом убедиться. За утренним чаем мы еще раз говорили о ночной тревоге и затем стали собирать свои котомки.

Сразу с бивака мы повернули вправо и пошли по ключику в горы. Подъем был продолжительный и трудный. Чем выше мы подымались, тем растительность становилась скуднее. Лесные великаны теперь остались позади. Вместо них появились корявый дубок, маньчжурская рябина с голыми ветками и слабо опушенными листьями, желтая береза с мохнатой корой, висящей по стволу лохмотьями, рододендроны с кожистыми, иногда зимующими листьями и белая ясеница*. Туртыгин сел около одного куста и стал закуривать трубку. Едва он чиркнул спичку, как окружающие куст эфирные масла вспыхнули с шумом бесцветным пламенем. Это понравилось стрелкам, и они стали устраивать такие фейерверки около каждого куста. Наконец я остановил их, прося поберечь спички. Если непривычный

---

* Ясеница – ясенец пушистоплодный (бадьян, неопалимая купина). *(Прим. ред.)*

человек в безветренный жаркий день попадет в заросли этого растения, с ним может сделаться дурно: так много выделяется эфирного масла.

Отсюда начинался подъем на хребет. Я взял направление по отрогу, покрытому осыпями. Интересно наблюдать, как приспособляются деревья, растущие на камнях. Кажется, будто они сознательно ищут землю и посылают к ней корни по кратчайшему направлению. Через час мы вступили в область произрастания мхов и лишайников.

Откуда эти тайнобрачные добывают влагу? Вода в камнях не задерживается, а между тем мхи растут пышно. На ощупь они чрезвычайно влажны. Если мох выжать рукой, из него капает вода. Ответ на заданный вопрос нам даст туман. Он-то и есть постоянный источник влаги. Мхи получают воду не из земли, а из воздуха. Так как в Уссурийском крае летом и весною туманных дней несравненно больше, чем солнечных, то пышное развитие мхов среди осыпей становится вполне понятным.

Но вот и мхи остались сзади. Теперь начались гольцы. Это не значит, что камни, составляющие осыпи на вершинах гор, голые. Они покрыты лишаями, которые тоже питаются влагой из воздуха. Смотря по времени года, они становятся или сухими, так что легко растираются пальцами руки в порошок, или делаются мягкими и влажными. Из отмерших лишайников образуется тонкий слой почвы, на нем вырастают мхи, а затем уже травы и кустарники.

Когда мы поднялись на вершину хребта, утренняя мгла рассеялась, и открылся великолепный вид во все стороны. Внизу протекала река Сыдагоу. Сверху хорошо было видно, как она извивалась по лесу и блестела на солнце. На севере высилась Тазовская гора, которую мы должны были обогнуть. На юго-западе виднелся лесистый бассейн Пхусуна[87], на юго-востоке — море, а на западе — еще какие-то горы. Разобраться в них не всякий сумеет. Для этого нужен большой опыт. Знакомые вершины меняют свои очертания до неузнаваемости. Например, Столовая гора, если смотреть на нее по направлению продольной оси, кажется острым пиком. Тазовская гора служила нам прекрасным ориентировочным пунктом. Это дало мне возможность взять верное направление.

В полдень я подал знак к остановке. Хотелось пить, но нигде не было воды. Спускаться в долины было далеко. Поэтому мы решили перетерпеть жажду, отдохнуть немного и идти дальше. Стрелки растянулись в тени скал и скоро уснули. Вероятно, мы проспали довольно долго, потому

что солнце переместилось на небе и заглянуло за камни. Я проснулся и посмотрел на часы. Было три часа пополудни, следовало торопиться. Все знали, что до воды мы дойдем только к сумеркам. Делать нечего, оставалось запастись терпением.

Хребет, по которому мы теперь шли, состоял из ряда голых вершин, подымающихся одна над другою в восходящем порядке. Впереди, километрах в двенадцати, перпендикулярно к нему шел другой такой же хребет. В состав последнего с правой стороны входила уже известная нам Тазовская гора. Надо было достигнуть узла, где соединялись оба хребта, и оттуда начать спуск в долину Сандагоу.

День, как на грех, выпал тихий, безветренный; жара стояла невыносимая. Один раз мы попробовали было спуститься с хребта за водою. Воды не нашли, но зато на обратном подъеме так измучились, что более уже не проделывали этого опыта. Взбираясь на вершины, мы каждый раз надеялись по ту сторону их увидеть что-нибудь такое, что предвещало бы близость воды, но каждый раз надежда эта сменялась разочарованием. Впереди, кроме голых, безжизненных осыпей, ничего не было видно. Будь это не осыпи, будь скалы, все-таки можно было рассчитывать найти какую-нибудь щель, наполненную дождевой водой. Но что найдешь среди камней, в беспорядке наваленных друг на друга? Люди шли молча; опустив головы и высунув изо рта длинные языки, тихонько за ними плелись собаки.

В горах расстояния очень обманчивы. Мы шли целый день, а горный хребет, служащий водоразделом между реками Сандагоу и Сыдагоу, как будто тоже удалялся от нас. Мне очень хотелось дойти до него, но вскоре я увидел, что сегодня нам это сделать не удастся. День приближался к концу; солнце стояло почти у самого горизонта. Нагретые за день камни излучали теплоту. Только свежий ветер мог принести прохладу.

Перед нами высилась еще одна высокая гора. Надо было ее «взять» во что бы то ни стало. На все окрестные горы легла вечерняя тень, только одна эта сопка еще была озарена солнечными лучами. Последний подъем был очень труден. Раза три мы садились и отдыхали, потом опять поднимались и через силу карабкались вверх.

Когда мы достигли вершины горы, солнце уже успело сесть. Отблески вечерней зари еще некоторое время играли в облаках, но они скоро стали затягиваться дымкой вечернего тумана.

Опасение, что к сумеркам мы не найдем воды, при-

дало всем энергию. За горой была глубокая седловина и около нее выемка, покрытая низкорослой древесной растительностью. Мы стали спускаться в эту ложбину. Чем скорее мы найдем воду, тем меньше завтра будем тратить усилий на обратное восхождение на хребет. Поэтому, спускаясь вниз, все внимательно прислушивались. Вскоре наша ложбина приняла вид оврага. На дне его густо росли трава и кустарники, любящие влагу. От седловины мы уже спустились метров на двести, а воды все еще не было видно. Вдруг ухо мое уловило глухой шум под землей. Стрелки сбросили котомки и стали разбирать камни, но вода оказалась далеко. Тогда мы перешли ниже и принялись опять копаться в земле. На этот раз труды наши увенчались успехом: вода была найдена. Первым делом все бросились утолять жажду, но вода была так холодна, что ее пить можно было только маленькими глотками с перерывами.

Когда Туртыгин развел огонь, я принялся осматривать ручей. Температура была +0,9°C. Я просунул руку в образовавшееся отверстие и вынул оттуда несколько камней, покрытых концентрическими слоями льда. Льда было так много, что камни казались в него вмерзшими. Местами лед достигал мощности десяти сантиметров.

Несколько раз стрелки принимались варить чай. Пили его перед тем как ставить палатку, потом пили после того как она была поставлена, и еще раз пили перед сном. После ужина все тотчас уснули. Бивак охраняли одни собаки.

Следующий день был такой же душный и жаркий, как и предыдущий.

В Уссурийском крае летние жары всегда бывают очень влажными. Причиной этого является муссон, приносящий сырость с моря.

Дерновый покров и громадное количество отмершего листа на земле задерживают значительную часть влаги, не давая ей скатываться в долины. Днем, когда пригреет солнце, эта влага начинает испаряться до полного насыщения воздуха. Этим объясняются вечерние и утренние росы, которые бывают так обильны, что смачивают растительность точно дождем. При сравнительно высокой летней температуре и обилии поливки климат Уссурийского края мог бы быть весьма благоприятен для садоводства, но страшная сухость и сильные ветры зимою губительно влияют на фруктовые деревья и не позволяют им развиваться как следует.

 Влажные жары сильно истомляют людей и животных.

Влага оседает на лицо, руки и одежду, бумага становится вокхою[88] и перестает шуршать, сахар рассыпается, соль и мука слипаются в комки, табак не курится; на теле часто появляется тропическая сыпь.

Часа два прошло, пока мы опять достигли водораздела. Теперь начинался спуск. Горы, окаймляющие истоки Сандагоу, также обезлесены пожарами. Обыкновенно после первого пала остаются сухостои, второй пожар подтачивает их у корня, они падают на землю и горят, пока их не зальет дождем. Третий пожар уничтожает эти последние остатки, и только одна поросль около пней указывает на то, что здесь был когда-то большой лес. С исчезновением лесов получается свободный доступ солнечным лучам к земле, а это в свою очередь сказывается на развитии травяной растительности. На горелых местах всегда растут буйные травы, превышающие рост человека. Идти по таким зарослям, заваленным колодником, всегда очень трудно.

Спуск с хребта был не легче подъема. Люди часто падали и больно ушибались о камни и сучья валежника. Мы спускались по высохшему ложу какого-то ручья и опять долго не могли найти воды. Рытвины, ямы, груды камней, заросли чертова дерева, мошка и жара делали эту часть пути очень тяжелой.

После полудня мы вышли наконец к реке Сандагоу. В русле ее не было ни капли воды. Отдохнув немного в тени кустов, мы пошли дальше, и только к вечеру могли утолить мучившую нас жажду. Здесь, в глубокой яме, было много мальмы*. Загурский и Туртыгин без труда наловили ее столько, сколько хотели. Это было как раз кстати, потому что взятое с собой продовольствие приходило к концу.

В верхней части река Сандагоу слагается из двух рек — Малой Сандагоу, имеющей истоки у Тазовской горы, и Большой Сандагоу, берущей начало там же, где и Эрлдагоу (приток Вай-Фудзина). Мы вышли на вторую речку почти в самых ее истоках. Пройдя по ней два-три километра, мы остановились на ночлег около ямы с водою на краю размытой террасы. Ночью снова была тревога. Опять какое-то животное приближалось к биваку. Собаки страшно беспокоились. Загурский два раза стрелял в воздух и отогнал зверя.

Следующий день был воскресный. Пользуясь тем, что вода в реке была только кое-где в углублениях, мы шли

---

* Мальма — местное название разновидности арктического гольца. *(Прим. ред.)*

прямо по ее руслу. В средней части реки Сандагоу растут такие же хорошие леса, как и на реке Сыдагоу. Всюду виднелось множество звериных следов. В одном месте река делает большую петлю.

Стрелки шли впереди, а я немного отстал от них. За поворотом они увидали на протоке пятнистых оленей — телка и самку. Загурский стрелял и убил матку. Телок не убежал; остановился и недоумевающе смотрел, что люди делают с его матерью и почему она не встает с земли. Я велел его прогнать. Трижды Туртыгин прогонял телка, и трижды он возвращался назад. Пришлось пугнуть его собаками.

Биваком мы встали на месте охоты. Часть мяса мы решили взять с собой, а остальное передать местным жителям.

За ночь погода испортилась. Утро грозило дождем. Мы спешно собрали свои монатки и к полудню дошли до утеса, около которого Кашлев караулил тигров. Место это представляет собою теснину между скалой и глубокой протокой, не замерзающей даже зимою. Здесь постоянно ходят полосатые хищники, выслеживающие кабанов, а за ними в свою очередь охотится Кашлев.

Пройдя от скалы еще километров пять, мы дошли наконец до первой земледельческой фанзы и указали ее обитателям, где можно найти оленье мясо. К вечеру мы дошли до Вай-Фудзина, а еще через двое суток возвратились в пост Ольги.

Глава пятнадцатая

Приключение на реке

Китаец Че Фан. — Притоки реки Арзамасовки. — Пещеры. — Птицы. — Древесные и кустарниковые породы в лесу. — Охота на кабанов. — Заблудился. — Дождь. — Опасное положение. — Услуга, оказанная Лешим. — Тропа. — Огонь. — Чужой бивак. — Мурзин. — Возвращение

Начиная с 7 июля погода снова стала портиться. Все время шли дожди с ветром. Воспользовавшись непогодой, я занялся вычерчиванием маршрутов и обработкой путевых дневников. На эту работу ушло трое суток. Покончив с ней, я стал собираться в новую экспедицию на реку Арзамасовку. А.И. Мерзлякову было поручено произвести съемку Касафуновой долины и Кабаньей пади,

а Г.И. Гранатман взялся произвести рекогносцировку в направлении Арзамасовка — Тадушу.

Пятнадцатого июля, рано утром, я выступил в дорогу, взяв с собою Мурзина, Эпова и Кожевникова. Ночевали мы в селе Пермском, а на другой день пошли дальше.

Река Арзамасовка по-китайски называется Да-дун-гоу[90]. Она длиною километров сорок пять, шириною около устья сто метров и глубиною по руслу около сажени. Долина ее вначале узкая, но выше, после впадения реки Кабаньей, значительно расширяется. В настоящее время все китайские и туземные названия уже утрачены. Пермские крестьяне переделали их по-своему. Со стороны пади Широкой в долину Арзамасовки выдвигаются мощные речные террасы, местами сильно размытые. Здесь в горах много осыпей. Своим серым цветом они резко выделяются из окружающей их растительности.

Интересною особенностью Арзамасовских гор, находящихся против пади Широкой, будет однообразие их форм. Пусть читатель представит себе несколько трехгранных пирамид, положенных набок друг около друга, основанием в долину, а вершинами к водоразделу. Трехгранные углы их будут возвышенностями, а углубления между ними — распадками.

Треугольные основания их по отношению к долине находятся под углом градусов в шестьдесят.

Частые и сильные наводнения в долине Вай-Фудзина принудили пермских крестьян искать места, более удобные для земледелия, где-нибудь в стороне. Естественно, что они прежде всего обратили внимание на Да-дун-гоу.

От залива Ольги в долину Арзамасовки есть два пути. Один идет через село Пермское, а другой — по реке Поддеваловке, названной так потому, что после дождей на размытой дороге образуется много ям — ловушек. Дорога эта выходит как раз против пади Широкой. Последняя представляет собой действительно широкую долину, по которой протекает маленькая речка. Выше ее в долину Арзамасовки входят три пади: Колывайская, Угловая и Лиственничная. По ним можно выйти на реку Хулуай, впадающую в залив Владимира. Перевалы через невысокие горные хребты состоят из целого ряда конических сопок, слагающихся из известняков.

В первый день мы дошли до фанзы китайца Че Фана. По единогласному свидетельству всех пермских и фудзинских крестьян, китаец этот отличался удивительной добротой. Когда впервые у них наводнениями размыло паш-

ни, он пришел к ним на помощь и дал семян для новых посевов. Всякий, у кого была какая-нибудь нужда, шел к Че Фану, и он никому ни в чем не отказывал. Если бы не Че Фан, переселенцы ни за что не поднялись бы на ноги. Многие эксплуатировали его доброту, и, несмотря на это, он никогда не являлся к обидчикам в качестве кредитора.

Утром на следующий день я пошел осматривать пещеры в известковых горах с правой стороны Арзамасовки против устья реки Угловой. Их две: одна вверху на горе, прямая, похожая на шахту, длина ее около 100 метров, высота от 2,4 до 3,6 метра, другая пещера находится внизу на склоне горы. Она спускается вниз колодцем метров на двенадцать, затем идет наклонно под углом 10 градусов. Раньше это было русло подземной реки.

Длина второй пещеры около 120 метров, ширина и высота неравномерны: то она становится узкой с боков и высокой, то, наоборот, низкой и широкой. Дно пещеры завалено камнями, свалившимися сверху, вследствие этого в ней нет сталактитов. Так как эти обвалы происходят всюду и равномерно, то пещера как бы перемещается в вертикальном направлении.

Как и во всех таких пещерах, в ней было много летучих мышей с большими ушами и белых комаров-долгоножек.

Когда мы окончили осмотр пещер, наступил уже вечер. В фанзе Че Фана зажгли огонь. Я хотел было ночевать на улице, но побоялся дождя. Че Фан отвел мне место у себя на кане. Мы долго с ним разговаривали. На мои вопросы он отвечал охотно, зря не болтал, говорил искренно. Из этого разговора я вынес впечатление, что он действительно хороший, добрый человек, и решил по возвращении в Хабаровск хлопотать о награждении его чем-нибудь за ту широкую помощь, какую он в свое время оказывал русским переселенцам.

Перед рассветом с моря потянул туман. Он медленно взбирался по седловинам в горы. Можно было ждать дождя. Но вот взошло солнце, и туман стал рассеиваться. Такое превращение пара из состояния конденсации в состояние нагретое, невидимое в Уссурийском крае, всегда происходит очень быстро. Не успели мы согреть чай, как от морского тумана не осталось и следа: только мокрые кустарники и трава еще свидетельствовали о недавнем его нашествии.

Пятнадцатое и шестнадцатое июля я посвятил осмотру
 рек Угловой и Лиственничной. Река Угловая (Нан-дун-

гоу) в верховьях слагается из трех горных ручьев. По ней можно выйти на реку Мокрушу (нижний правый приток Хулуая). Наносная иловая почва в этой долине чрезвычайно плодородна. Сопки, защищающие ее от губительных морских ветров, покрыты лесом. Среди лиственных пород кое-где мелькают одиночные кедры. Зато с подветренной стороны они почти совершенно оголены от растительности. В самой долине растут низкорослый корявый дуб, похожий скорее на куст, чем на дерево, дуплистая липа, черная береза; около реки — тальник, вяз и ольха, а по солнцепекам — леспедеца, таволга, калина, орешник, полынь, тростник, виноград и полевой горошек.

Достигнув водораздела, мы повернули на север и пошли вдоль хребта к истокам реки Лиственничной. Печальную картину представляет собою этот хребет с чахлою растительностью по склонам и с гольцами по гребню. Сейчас же за перевалом высится высокая куполообразная гора, которую местные жители называют Борисовой плешиной. Относительная высота этой горы над истоками реки Лиственничной равняется 680 метрам. Спуск с водораздела, медленный и пологий к Арзамасовке, становится крутым в сторону Хулуая. В верховьях Лиственничная (Сяо-дун-гоу) состоит из двух речек одинаковой величины. Левая сторона ее покрыта лиственничным лесом, от которого она и получила свое название, правая — редколесьем из дуба и березы. Последняя является господствующей и составляет более 70 процентов всей древесной растительности.

Из крупных четвероногих, судя по тем следам, которые я видел на земле, тут водились кабаны, изюбры, пятнистые олени и дикие козы. Два раза мы стреляли по ним, но неудачно.

Птиц тут было также очень много. По воздуху без шума носились два азиатских канюка, все время гонявшихся друг за другом. Один старался другого ударить сверху, с налета, но последний ловко увертывался от него. Верхняя птица по инерции проносилась мимо, а нижняя подымалась вверх, так что потом нельзя уже было разобраться, которая из них была нападающей и которая обороняющейся. Потом канюки спустились в траву и, распустив крылья, продолжали бой на земле. Леший спугнул их. Птицы поднялись на воздух и на этот раз разлетелись в разные стороны. Около каменистых осыпей в одиночку держались необщительные каменные дрозды. Они шаркали по камням, прятались в щелях и неожиданно появлялись где-нибудь с другой стороны. При малейшем намеке на опас-

ность они поспешно старались скрыться в кустарниках и среди россыпей. В другом месте я заметил мухоловок, которые легко ловили на лету насекомых и так были заняты своим делом, что совершенно не замечали людей и собак и даже не обращали внимания на ружейные выстрелы. В высокой густой траве то и дело встречались длиннохвостые камышовки. Им тут место. Они лазили по тростникам, садились на кусты, бегали по земле. У них была какая-то боязнь открытых мест, лишенных растительности. Одна из этих птичек вылетела было на дорогу, но вдруг, как бы чего-то испугавшись, метнулась назад и тогда только успокоилась, когда села на камышинку. Около горного ручья между сухими кочками собака моя выгнала еще какую-то птицу. Я выстрелил и убил ее. Это оказался восточный горный дупель. Потом я заметил камчатскую черную трясогузку — грациозную и наивную птичку. Она не выражала страха перед человеком, бегала около воды и что-то клевала на берегу.

Семнадцатое июля ушло на осмотр реки Арзамасовки. Истоки ее находятся как раз против верховьев реки Сибегоу, входящей в бассейн Тадушу. В верхней части своего течения Арзамасовка течет в меридиональном направлении и по пути принимает в себя речку Менную, потом Лиственничную, а немного ниже — еще две речки с правой стороны, которые местные крестьяне называют Фальи пади (от китайского слова «фалу», что значит — олень). Отсюда Арзамасовка поворачивает к югу и сохраняет это направление до конца. По пути она забирает воду с правой стороны из реки Вымойной, которая в свою очередь принимает в себя реки Сальную, Клышную и Судновую. Эта последняя имеет притоками справа Форточкину, Сухую, Комфоркину и слева — Прострельную.

В долине реки Сальной можно наблюдать весьма интересные образования. Вода, стекающая с горы, по узким ложбинам выносит массы песка и щебня. По выходе в долину материал этот складывается в большие конусы, которые тем больше, чем длиннее и глубже ущелье. Вероятно, конусы эти нарастают периодически, во время сильных ливней, потому что только масса быстро двигающейся воды способна переносить столь крупные обломки горной породы.

Дойдя до истоков реки Арзамасовки, мы поднялись на водораздел и шли некоторое время горами в юго-западном направлении.

 В этом районе преобладающими горными породами бу-

дут известняки. В контактах их с массивно-кристаллическими породами встречаются богатые цинковые и серебросвинцовые руды.

В сумерки с моря снова потянул туман. Я опасался, как бы опять не испортилась погода, но, на наше счастье, следующий день был хотя и пасмурный, но сухой.

Из новых древесных пород в этих местах я заметил неклен* — небольшое стройное дерево с красно-коричневой корой и звездообразно рассеченными листьями, затем — сибирскую яблоню, дающую очень мелкие плоды, похожие скорее на ягоды, чем на яблоки. Медведи особенно любят ими лакомиться. Около речки росли: душистый тополь с приземистым стволом и с узловатыми ветвями, рядом с ним — вечно трепещущая осина, а на галечниковых отмелях, как бамбуковый лес, — тонкоствольные тальники. На скалах около ручья приютилась японская черемуха — полукуст-полудерево, и камчатская дафния** с светло-серой корой и с красными ягодами. Дальше виднелись амурская сирень — основной элемент маньчжурской флоры, крупный кустарник с серой корой, а по опушкам — вьющаяся диоскорея — растение раздельнополое, причем мужские экземпляры отличаются от женских не только цветками, но и листвой.

Землистая, сильно избитая, лишенная растительности тропа привела нас к Сихотэ-Алиню. Скоро она разделилась. Одна пошла в горы, другая направилась куда-то по правому берегу Лиственничной. Здесь мы отаборились. Решено было, что двое из нас пойдут на охоту, а остальные останутся на биваке.

Летом охота на зверя возможна только утром, на рассвете, и в сумерки, до темноты. Днем зверь лежит где-нибудь в чаще, и найти его трудно. Поэтому, воспользовавшись свободным временем, мы растянулись на траве и заснули.

Когда я проснулся, мне в глаза бросилось отсутствие

---

* Н е к л е н, или п а к л е н (во многих изданиях ошибочно: *пеклен*), — так называли в народе некоторые виды клена (полевой, татарский и др.). "Западные" русские названия растений в первые годы изучения флоры Уссурийского края нередко использовались для видов, внешне напоминающих европейские и сибирские. В данном случае В.К. Арсеньев имеет в виду клен ложнозибольдов (приводится его латинское название). В других случаях некленом (пакленом) он называет и иные виды клена. *(Прим. ред.)*

** Я п о н с к а я ч е р е м у х а — вишня железистая (японская), к а м ч а т с к а я д а ф н а (д а ф н и я) — волчник камчатский. *(Прим. ред.)*

солнца. На небе появились слоистые облака, и на землю как будто спустились сумерки. Было четыре часа пополудни. Можно было собираться на охоту. Я разбудил казаков, они обулись и принялись греть воду.

После чая мы с Мурзиным взяли свои ружья и разошлись в разные стороны. На всякий случай я захватил с собою на поводке Лешего. Вскоре я нашел кабанов и начал их следить. Дикие свиньи шли не останавливаясь и на ходу все время рыли землю. Судя по числу следов, их было, вероятно, больше двадцати. В одном месте видно было, что кабаны перестали копаться в земле и бросились врассыпную. Потом опять сошлись вместе. Я уже хотел было прибавить шагу, как вдруг то, что я увидел, заставило меня оглянуться. Около лужи на грязи был свежий отпечаток тигровой лапы. Ясно представил себе, как шли кабаны и как следом за ними крался тигр. «Не вернуться ли назад?» — подумал я, но тотчас же взял себя в руки и осторожно двинулся вперед.

Теперь дикие свиньи пошли в гору, потом спустились в соседнюю падь, оттуда по ребру опять стали подниматься вверх, но, не дойдя до вершины, круто повернули в сторону и снова спустились в долину. Я так увлекся преследованием их, что совершенно забыл о том, что надо осматриваться и запомнить местность. Все внимание мое было поглощено кабанами и следами тигра. Так прошел я еще около часа.

Несколько мелких капель, упавших сверху, заставили меня остановиться: начал накрапывать дождь. Сперва он немного только поморосил и перестал. Минут через десять он опять попрыскал и снова перестал. Перерывы эти делались короче, а дождь сильнее, и наконец он полил как следует.

«Пора возвращаться на бивак», — подумал я и стал осматриваться, но за лесом ничего не было видно. Тогда я поднялся на одну из ближайших сопок, чтобы ориентироваться.

Кругом, насколько хватал глаз, все небо было покрыто тучами; только на крайнем западном горизонте виднелась узенькая полоска вечерней зари. Облака двигались к западу. Значит, рассчитывать на то, что погода разгуляется, не приходилось. Горы, которые я теперь увидел, показались мне незнакомыми. Куда идти? Я понял свою ошибку. Я слишком увлекся кабанами и слишком мало уделил внимания окружающей обстановке. Идти назад по следам было немыслимо. Ночь застигла бы меня раньше, чем я успел

бы пройти и половину дороги. Тут я вспомнил, что я, как некурящий, не имею спичек. Рассчитывая к сумеркам вернуться на бивак, я не захватил их с собой. Это была вторая крупная ошибка. Я два раза выстрелил в воздух, но не получил ответных сигналов. Тогда я решил спуститься в долину и, пока возможно, идти по течению воды. Была маленькая надежда, что до темноты я успею выбраться на тропу. Не теряя времени, я стал спускаться вниз; Леший покорно поплелся сзади.

Как бы ни был мал дождь в лесу, он всегда вымочит до последней нитки. Каждый куст и каждое дерево собирают дождевую воду на листьях и крупными каплями осыпают путника с головы до ног. Скоро я почувствовал, что одежда моя стала намокать.

Через полчаса в лесу начало темнеть. Уже нельзя было отличить яму от камня, колодник от земли. Я стал спотыкаться. Дождь усилился и пошел ровный и частый. Пройдя еще с километр, я остановился, чтобы перевести дух. Собака тоже вымокла. Она сильно встряхнулась и стала тихонько визжать. Я снял с нее поводок. Леший только и ждал этого. Встряхнувшись еще раз, он побежал вперед и тотчас скрылся с глаз. Чувство полного одиночества охватило меня. Я стал окликать его, но напрасно. Простояв еще минуты две, я пошел в ту сторону, куда побежала собака.

Когда идешь по тайге днем, то обходишь колодник, кусты и заросли. В темноте же всегда, как нарочно, залезешь в самую чащу. Откуда-то берутся сучья, которые то и дело цепляются за одежду, ползучие растения срывают головной убор, протягиваются к лицу и опутывают ноги.

Быть в лесу, наполненном дикими зверями, без огня, во время ненастья — жутко. Сознанье своей беспомощности заставило меня идти осторожно и прислушиваться к каждому звуку. Нервы были напряжены до крайности. Шелест упавшей ветки, шорох пробегающей мыши казались преувеличенными, заставляли круто поворачивать в их сторону.

Наконец стало так темно, что в глазах уже не было нужды. Я промок до костей, с фуражки за шею текла вода ручьями. Пробираясь ощупью в темноте, я залез в такой бурелом, из которого и днем-то едва ли можно скоро выбраться. Нащупывая руками опрокинутые деревья, вывороченные пни, камни и сучья, я ухитрился как-то выйти из этого лабиринта. Я устал и сел отдохнуть, но тотчас почувствовал, что начинаю зябнуть. Зубы выстукивали дробь; я весь дрожал, как в лихорадке. Усталые ноги /195

требовали отдыха, а холод заставлял двигаться дальше.

Залезть на дерево! Эта глупая мысль всегда первой приходит в голову заблудившемуся путнику. Я сейчас же отогнал ее прочь. Действительно, на дереве было бы еще холоднее, и от неудобного положения стали бы затекать ноги. Зарыться в листья! Это не спасло бы меня от дождя, но, кроме того, легко простудиться. Как я ругал себя за то, что не взял с собой спичек. Я мысленно дал себе слово на будущее время не отлучаться без них от бивака даже на несколько метров.

Я стал карабкаться через бурелом и пошел куда-то под откос. Вдруг с правой стороны послышался треск ломаемых сучьев и чье-то порывистое дыхание. Я хотел было стрелять, но винтовка, как на грех, дульной частью зацепилась за лианы. Я вскрикнул не своим голосом и в этот момент почувствовал, что животное лизнуло меня по лицу... Это был Леший.

В душе моей смешались два чувства: злоба к собаке, что она меня так напугала, и радость, что она возвратилась. Леший с минуту повертелся около меня, тихонько повизжал и снова скрылся в темноте.

С неимоверным трудом я подвигался вперед. Каждый шаг мне стоил больших усилий. Минут через двадцать я подошел к обрыву. Где-то глубоко внизу шумела вода. Разыскав ощупью большой камень, я столкнул его под кручу. Камень полетел по воздуху; я слышал, как он глубоко внизу упал в воду. Тогда я круто свернул в сторону и пошел вправо, в обход опасного места. В это время опять ко мне прибежал Леший. Я уже не испугался его и поймал за хвост. Он осторожно взял зубами мою руку и стал тихонько визжать, как бы прося его не задерживать. Я отпустил его. Отбежав немного, собака снова вернулась назад и тогда только успокоилась, когда убедилась, что я иду за ней следом. Так прошли мы еще с полчаса.

Вдруг в одном месте я поскользнулся и упал, больно ушибив колено о камень. Я со стоном опустился на землю и стал потирать больную ногу. Через минуту прибежал Леший и сел рядом со мной. В темноте я его не видел — только ощущал его теплое дыхание. Когда боль в ноге утихла, я поднялся и пошел в ту сторону, где было не так темно. Не успел я сделать и десяти шагов, как опять поскользнулся, потом еще раз и еще.

Тогда я стал ощупывать землю руками.

Крик радости вырвался из моей груди. Это была тропа! Несмотря на усталость и боль в ноге, я пошел вперед.

«Теперь не пропаду, — думал я, — тропинка куда-нибудь приведет».

Я решил идти по ней всю ночь до рассвета, но сделать это было не так-то легко. В полной темноте я не видел дороги и ощупывал ее только ногой. Поэтому движения мои были до крайности медленными. Там, где тропа терялась, я садился на землю и шарил руками. Особенно трудно было разыскивать ее на поворотах. Иногда я останавливался и ждал возвращения Лешего, и собака вновь указывала мне потерянное направление. Часа через полтора я дошел до какой-то речки. Вода с шумом катилась по камням. Я опустил в нее руку, чтобы узнать направление течения. Речка бежала направо.

Перейдя вброд горный поток, я сразу попал на тропу. Я ни за что не нашел бы ее, если бы не Леший. Собака сидела на самой дороге и ждала меня. Заметив, что я подхожу к ней, она повертелась немного на месте и снова побежала вперед. В темноте ничего не было видно, слышно было только, как шумела вода в реке, шумел дождь и шумел ветер в лесу. Тропа вывела меня на другую дорогу. Теперь явился вопрос, куда идти: вправо или влево. Обдумав немного, я стал ждать собаку, но она долго не возвращалась. Тогда я пошел вправо. Минут через пять появился Леший. Собака бежала мне навстречу. Я нагнулся к ней. В это время она встряхнулась и всего меня обдала водой. Я уже не ругался, погладил ее и пошел следом за ней.

Идти стало немного легче: тропа меньше кружила и не так была завалена буреломом. В одном месте пришлось еще раз переходить вброд речку. Пробираясь через нее, я поскользнулся и упал в воду, но от этого одежда моя не стала мокрее.

Наконец я совершенно выбился из сил и сел на пень. Руки и ноги болели от заноз и ушибов, голова отяжелела, веки закрывались сами собой. Я стал дремать. Мне грезилось, что где-то далеко между деревьями мелькает огонь. Я сделал над собой усилие и открыл глаза. Было темно; холод и сырость пронизывали до костей. Опасаясь, чтобы не простудиться, я вскочил и начал топтаться на месте, но в это время опять увидел свет между деревьями. Я решил, что это галлюцинация. Но вот огонь появился снова. Сонливость моя разом пропала. Я бросил тропу и пошел прямо по направлению огня. Когда ночью перед глазами находится свет, то нельзя определить, близко он или далеко, низко или высоко над землей.

Через четверть часа я подошел настолько близко к огню,

что мог рассмотреть все около него. Прежде всего я увидел, что это не наш бивак. Меня поразило, что около костра не было людей. Уйти с бивака ночью во время дождя они не могли. Очевидно, они спрятались за деревьями.

Мне стало жутко. Идти к огню или нет? Хорошо, если это охотники, а если я наткнулся на табор хунхузов? Вдруг из чащи сзади меня выскочил Леший. Он смело подбежал к огню и остановился, озираясь по сторонам. Казалось, собака тоже была удивлена отсутствием людей. Она обошла вокруг костра, обнюхивая землю, затем направилась к ближайшему дереву, остановилась около него и завиляла хвостом. Значит, там был кто-нибудь из своих, иначе собака выражала бы гнев и беспокойство. Тогда я решил подойти к огню, но спрятавшийся опередил меня. Это оказался Мурзин. Он тоже заблудился и, разведя костер, решил ждать утра. Услышав, что по тайге кто-то идет и не зная, кто именно, он спрятался за дерево. Его больше всего смутила та осторожность, с которой я приближался, и в особенности то, что я не подошел прямо к огню, а остановился в отдалении.

Тотчас мы стали сушиться. От намокшей одежды клубами повалил пар. Дым костра относило то в одну, то в другую сторону. Это был верный признак, что дождь скоро перестанет. Действительно, через полчаса он превратился в изморось. С деревьев продолжали падать еще крупные капли.

Под большой елью, около которой горел огонь, было немного суше. Мы разделись и стали сушить белье. Потом мы нарубили пихтача и, прислонившись к дереву, погрузились в глубокий сон,

К утру я немного прозяб. Проснувшись, я увидел, что костер прогорел. Небо еще было серое; кое-где в горах лежал туман. Я разбудил казака. Мы пошли разыскивать свой бивак. Тропа, на которой мы ночевали, пошла куда-то в сторону, и потому пришлось ее бросить. За речкой мы нашли другую тропу. Она привела нас к табору.

Подкрепив силы чаем с хлебом, часов в одиннадцать утра мы пошли вверх по реке Сальной. По этой речке можно дойти до хребта Сихотэ-Алинь. Здесь он ближе всего подходит к морю. Со стороны Арзамасовки подъем на него крутой, а с западной стороны — пологий. Весь хребет покрыт густым смешанным лесом. Перевал будет на реке Ли-Фудзин, по которой мы вышли с реки Улахе к заливу Ольги.

 После полудня вновь погода стала портиться. Опасаясь,

как бы опять не пошли затяжные дожди, я отложил осмотр Ли-Фудзина до другого, более благоприятного случая. Действительно, ночью полил дождь, который продолжался и весь следующий день. 21 июля я повернул назад и через двое суток возвратился в пост Ольги.

Глава шестнадцатая

В Макрушинской пещере

Река Ольга. — Ночевка около китайской фанзы. — Залив Владимира. — Геология залива. — Китайские морские промыслы. — Осьминог. — Река Хулуай

Пока я был на реке Арзамасовке, из Владивостока прибыли давно жданные грузы. Это было как раз кстати. Окрестности залива Ольги уже были осмотрены, и надо было двигаться дальше. 24 и 25 июля прошли в сборах. За это время лошади отдохнули и оправились. Конское снаряжение и одежда людей были в порядке, запасы продовольствия пополнены.

Дальнейший план работ был намечен следующим образом: Г.И. Гранатману было поручено пройти горами между Арзамасовкой и Сибегоу (приток Тадушу), а А.И. Мерзляков должен был обойти Арзамасовку с другой стороны. В верховьях Тадушу мы должны были встретиться. Я с остальными людьми наметил себе путь по побережью моря к заливу Владимира.

Мои товарищи выступили в поход 26 июля утром, а я 28 числа после полудня.

День выпал хороший и теплый. По небу громоздились массы кучевых облаков. Сквозь них прорывались солнечные лучи и светлыми полосами ходили по воздуху. Они отражались в лужах воды, играли на камнях, в листве ольшаников и освещали то один склон горы, то другой. Издали доносились удары грома.

Залив Владимира и залив Ольги расположены рядом, на расстоянии 50 километров друг от друга. Посредине между ними проходит небольшой горный кряж высотой в среднем около 250 метров с наивысшими точками в 450 метров, служащий водоразделом между речкой Ольгой (13 километров) и речкой Владимировкой (9 километров), впадающей в залив того же имени. Обе речки текут по широким продольным долинам, отделенным от моря невысоким горным хребтом, который начинается у мыса

Шкота (залив Ольги) и тянется до мыса Ватовского (залив Владимира). Направление этой складки можно проследить и дальше на север.

Река Ольга состоит из двух речек одинаковой величины со множеством мелких притоков, отчего долина ее кажется широкой размытой котловиной. Раньше жители поста Ольги сообщались с заливом Владимира по тропе, проложенной китайскими охотниками. Во время русско-японской войны в 1905 году в заливе Владимира разбился крейсер «Изумруд». Для того чтобы имущество с корабля можно было перевезти в пост Ольги, построили колесную дорогу. С того времени между обоими заливами установилось правильное сообщение.

Гроза прошла стороной, и после полудня небо очистилось. Солнце так ярко светило, что казалось, будто все предметы на земле сами издают свет и тепло. День был жаркий и душный.

Сумерки спустились на землю раньше, чем мы успели дойти до перевала. День только что кончился. С востока откуда-то издалека, из-за моря, точно синий туман, надвигалась ночь. Яркие зарницы поминутно вспыхивали на небе и освещали кучевые облака, столпившиеся на горизонте. В стороне шумел горный ручей, в траве неумолкаемым гомоном трещали кузнечики.

Я уже хотел подать сигнал к остановке, как вдруг один из казаков сказал, что видит огонь. Действительно, маленький огонек виднелся в стороне около леса, шагах в трехстах от дороги. Мы пошли туда. Это была китайская фанза. Собака своим лаем известила хозяев о нашем приближении. Два китайца вышли нам навстречу. В улыбках и поклонах их были страх и покорность, заискивание и гостеприимство. Китайцы предлагали мне лечь у них в фанзе, но ночь была так хороша, что я отказался от их приглашения и с удовольствием расположился у огня вместе со стрелками.

Обыкновенно после долгой стоянки первый бивак всегда бывает особенно оживленным. Все полны сил и энергии, всего вдоволь, все чувствуют, что наступает новая жизнь, всякому хочется что-то сделать. Опять у стрелков появилась гармоника. Веселые голоса, шутки, смех разносились далеко по долине.

Стояла китайская фанзочка много лет в тиши, слушая только шум воды в ручье, и вдруг все кругом наполнилось песнями и веселым смехом. Китайцы вышли из фанзы, тоже развели небольшой огонек в стороне, сели на кор-

точки и молча стали смотреть на людей, так неожиданно пришедших и нарушивших их покой. Мало-помалу песни стрелков начали затихать. Казаки и стрелки последний раз напились чаю и стали устраиваться на ночь.

Я спал плохо, раза два просыпался и видел китайцев, сидящих у огня. Время от времени с поля доносилось ржание какой-то неспокойной лошади и собачий лай. Но потом все стихло. Я завернулся в бурку и заснул крепким сном. Перед солнечным восходом пала на землю обильная роса. Кое-где в горах еще тянулся туман. Он словно боялся солнца и старался спрятаться в глубокие лощины. Я проснулся раньше других и стал будить команду.

Распростившись с китайцами, мы тронулись в путь. Я заплатил им за дрова и овощи. Манзы пошли было нас провожать, но я настоял на том, чтобы они возвратились обратно. Часов в девять утра мы перевалили через водораздел и спустились в долину Владимировки.

На этом маршруте следует отметить весьма интересные эоловые образования в виде гладко обточенных столбов, шарообразных глыб, покоящихся на небольших пьедесталах, в виде выпуклостей с перетяжками, овальных углублений и т.д. Некоторые из них поражают своей оригинальностью. Одни глыбы похожи на зверей, другие на колонны, третьи на людей и т. д. Образования эти заслуживают особого внимания потому еще, что вблизи нигде нет песков, которые играли бы роль шлифовального материала. Высокий горный хребет, служащий водоразделом между реками Ольгой и Владимировкой, спускается к морю мысами и состоит из песчаников, конгломератов и серых вакк.

Речка Владимировка имеет вид обыкновенного горного ручья, протекающего по болотистой долине, окаймленной сравнительно высокими горами.

К вечеру отряд наш дошел до ее устья и расположился биваком на берегу моря.

В сумерки на западе слышны были раскаты грома. Мы стали ставить палатки, но опасения наши оказались напрасными. Гроза опять прошла стороной. Однако нас смутило другое явление. Как только погасла вечерняя заря, звезды начали меркнуть, и небо стало заволакиваться не то тучами, не то туманом. Прохладный ветерок тянул с суши на море, а мгла вверху шла в обратном направлении. Это бризы. В августе и сентябре на берегу моря их можно наблюдать почти ежедневно. На рассвете небо кажется серым. Туман неподвижно лежит над землей в полгоры. Когда же солнце подымается над горизонтом градусов на

пятнадцать, он приходит в движение, начинает клубиться и снова ползет к морю, сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее. Сперва это нас беспокоило. Все казалось, что будет дождь. Потом мы привыкли к этому явлению и уже более не обращали на него внимания.

Весь следующий день был посвящен осмотру залива Владимира. Китайцы называют его Хулуай (от слов «хулу», что означает — круглая тыква, горлянка, и «вай» — залив или бухта).

Некоторые русские вместо Хулуай говорят Фулуай и производят его от китайского слова «фалу», что значит пятнистый олень. Это совершенно неправильно.

Залив Владимира (45°53' северной широты и 135°37' восточной долготы от о. Ферро* — астрономический пункт находится на мысе Орехова) представляет собой огромный водоем глубиной до 12 метров, обставленный со всех сторон гранитными горами высотой в среднем около 230 метров. Он значительно больше залива Ольги и состоит из трех частей: северо-западной — большой, юго-восточной — меньшей и средней — самой маленькой. Со стороны открытого моря залив этот окаймлен двумя гористыми полуостровами: Валюзека** и Ватовского. Третий полуостров, Рудановского, находится в середине залива. Из упомянутых полуостровов наибольшим будет южный — Ватовского. Видно, что они еще недавно были под водой.

Вокруг залива Владимира, около устьев впадающих в него речек, находится целый ряд небольших озерков с опресненной водой. Эти озера и окружающие их болота свидетельствуют о том, что залив раньше глубже вдавался в материк. Потом вода была оттеснена, и суша сделала кое-где захваты. Самое большое озеро — южное. Оно величиной около 1 $^{1}/_{2}$ квадратного километра и глубиной от 3 до 6 метров. Вследствие того что через него проходит река, оно быстро мелеет. Два озера с соленой водой на перешейках около полуостровов — тоже живые свидетели того недавнего прошлого, когда полуострова эти были еще островами. Морской прибой постарался соединить их с материком.

Теперь уже можно предсказать и будущее залива Владимира. Море медленно отступает. Со временем оно зак-

---

* Данное утверждение ошибочно. В действительности долгота указана от Гринвича.

** Правильное наименование — полуостров Балюзек. Открыт в 1857 г. экспедицией пароходокорвета "Америка", тогда же назван по фамилии одного из участников плавания.

роет вход в залив и превратит его в лагуну, лагуна станет наполняться наносами рек, обмелеет и превратится в болото. По низине пройдет река, и все речки, впадающие теперь в залив самостоятельно, сделаются ее притоками.

Растительность в окрестностях залива Владимира еще более скудная, чем около поста Ольги. Склоны гор, обращенные к морю, совершенно голые. В долинах берега рек, как бордюром, окаймлены ольхой и тальниками. В тех местах, где деревья подвержены влиянию морских ветров, они низкорослы и имеют жалкий вид. Во всякой лощинке, которая защищена от ветра, развивается растительность более пышная, чем на склонах, обращенных к морю. Таким образом, по растительности можно судить о преобладающих ветрах в данной местности и указать, где находится море.

При входе в залив Владимира с левой стороны ниже мыса Орехова можно видеть какую-то торчащую из воды бесформенную массу. Это крейсер «Изумруд», выскочивший на мель и взорвавший себя в 1905 году. Грустно смотреть на эту развалину. Что можно было, то с «Изумруда» сняли, перевезли в пост Ольги и отправили во Владивосток, остальное разграбили хунхузы.

На берегах залива мы нашли несколько промысловых фанз. По кучам около них можно было сказать, чем занимались их обитатели. В одном месте было навалено много створок большого гребешка.

Некоторые кучи уже покрылись слоем земли и обросли травой. Это были своего рода маленькие «киекенмединги». Китайцы берут у моллюсков только одни мускулы, соединяющие створки раковин, и в сухом виде отправляют их в город. В Китае этот продукт ценится очень дорого, как лакомство.

Около другой фанзочки были нагромождены груды панцирей крабов, высохших и покрасневших на солнце. Тут же на циновках сушилось мясо, взятое из ног и клешней животных.

Следующая фанзочка принадлежала капустоловам, а рядом с ней тянулись навесы из травы, под которыми сушилась морская капуста. Здесь было много народа. Одни китайцы особыми крючьями доставали ее со дна моря, другие сушили капусту на солнце, наблюдая за тем, чтобы она высохла ровно настолько, чтобы не стать ломкой и не утратить своего зеленовато-бурого цвета. Наконец третья группа китайцев была занята увязыванием капусты в пучки и укладкой ее под навесы.

Идя вдоль берега моря, я издали видел, как у противоположного берега в полосе мелководья, по колено в воде, с шестами в руках бродили китайцы. Они были так заняты своим делом, что заметили нас только тогда, когда мы подошли к ним вплотную. Раздетые до пояса и в штанах, засученных по колено, китайцы осторожно двигались в воде и что-то высматривали на дне моря. Иногда они останавливались, тихонько опускали в воду свои палки и что-то высматривали на берегу. Это оказался съедобный ракушник. Палки, которыми работали китайцы, имели с одной стороны небольшую сеточку в виде ковшика, а с другой — железный крючок. Увидев двухстворчатку, манза отрывал ее багром от камней, а затем вынимал сеточкой. Китайцы на берегу сейчас же опускали их в котел с горячей водой. Умирая, моллюски раскрывали раковины. При помощи ножей вынималось их содержимое и заготовлялось впрок продолжительным кипячением.

Китайцы далеко разбрелись по берегу по одному и по два человека. Я сел на камни и стал смотреть в море. Вдруг слева от меня раздались какие-то крики. Я повернулся в ту сторону и увидел, что в воде происходила борьба. Китайцы старались палками выбросить какое-то животное на берег, наступали на него, в то же время боялись его и не хотели упустить. Я побежал туда. Животное, с которым боролись китайцы, оказалось большим осьминогом. Своими сильными щупальцами он цеплялся за камни, иногда махал ими по воздуху, затем вдруг стремительно бросался в одну какую-нибудь сторону с намерением прорваться к открытому морю. В это время на помощь прибежало еще три китайца.

Огромный осьминог был настолько близок к берегу, что я мог его хорошо рассмотреть. Я затрудняюсь сказать, какого он был цвета. Окраска его постоянно менялась: то она была синеватая, то ярко-зеленая и даже желтоватая. Чем ближе китайцы подвигали моллюска на мель, тем беспомощнее он становился. Наконец манзы вытащили его на берег. Это был огромный мешок с головой, от которой отходили длинные щупальца, унизанные множеством присосков. Когда он подымал кверху сразу два-три из них, можно было видеть его большой, черный клюв. Иногда этот клюв сильно выдвигался вперед, иногда совсем втягивался внутрь, и на месте его оставалось только небольшое отверстие. Особенно интересны были его глаза. Трудно найти другое животное, у которого глаза так напоминали бы человеческие.

Мало-помалу движения осьминога становились медленнее; по телу его начали пробегать судороги, окраска стала блекнуть, и наружу все больше и больше стал выступать один общий буро-красный цвет.

Наконец животное успокоилось настолько, что явилась возможность подойти к нему без опаски. Я смерил его. Этот представитель головоногих был чрезвычайно больших размеров. Мешок с внутренностями был длиной 0,8 метра. Турбинный аппарат, при помощи которого движется животное, находился впереди, около головы, немного сбоку. Голова моллюска имела бóльшие размеры в ширину, чем в длину, и равнялась 28 сантиметрам. Роговой клюв, донельзя напоминающий клюв попугая, был 9 сантиметров по наружной кривизне и 5 сантиметров, если мерить его сбоку. Щупальца осьминога были 1,4 метра длины и толщиной около головы 12 сантиметров в окружности. Пневматические присоски, которыми была усеяна вся внутренняя сторона щупалец, около головы имели размеры трехкопеечной монеты, а на конце — величиной с серебряный пятачок.

Этот интересный экземпляр осьминога был достоин помещения в любой музей, но у меня не было подходящей посуды и достаточного количества формалина, поэтому пришлось ограничиться только куском ноги. Этот обрезок я положил в одну банку с раковинами раков-отшельников. Вечером, когда я стал разбирать содержимое банки, то, к своему удивлению, не нашел двух раковин. Оказалось, что они были глубоко засосаны обрезком ноги спрута. Значит, присоски ее действовали некоторое время и после того, как она была отрезана и положена в банку с формалином.

Осмотр морских промыслов китайцев и охота за осьминогом заняли почти целый день. Незаметно подошли сумерки, и пора было подумать о биваке. Я хотел было идти назад и разыскивать бивак, но узнал, что люди мои расположились около устья реки Хулуая.

Вечером китайцы угощали меня мясом осьминога. Они варили его в котле с морской водой. На вид оно было белое, на ощупь упругое и вкусом несколько напоминало белые грибы.

Следующий день был посвящен осмотру Хулуая. Река эта длиной километров в двадцать. Она течет в меридиональном направлении и впадает в залив Владимира с северной стороны. Около устья долина Хулуая сужена, но выше она расширяется. Высоты с правой стороны имеют резко

выраженный горный характер. Большинство их покрыто осыпями. С левой тянутся широкие террасы, которые дальше от реки переходят в увалы, покрытые редколесьем из липы, дуба и даурской березы. С этой стороны в Хулуай впадает несколько ключей, которые во время дождей выносят в долину много мусора и засоряют участки плодородной земли.

Из притоков Хулуая наибольшего внимания заслуживает Тихий ключ, впадающий с правой стороны. По этому ключу идет тропа на Арзамасовку. Ключ этот вполне оправдывает свое название. В нем всегда царит тишина, свойственная местам болотистым. Растительность по долине мелкорослая, редкая и состоит главным образом из белой березы и кустарниковой ольхи. Первые разбросаны по всей долине в одиночку и небольшими группами, вторые образуют частые насаждения по берегам реки.

Ориентировочным пунктом может служить здесь высокая скалистая сопка, называемая старожилами-крестьянами Петуший гребень. Гора эта входит в состав водораздела между реками Тапоузой и Хулуаем. Подъем на перевал в истоках Хулуая длинный и пологий, но спуск к Тапоузе крутой. Кроме этой сопки, есть еще другая гора — Зарод; в ней находится Макрушинская пещера — самая большая, самая интересная и до сих пор еще не прослеженная до конца.

Вход в пещеру имеет треугольную форму и расположен довольно высоко над землей (40—50 метров).

Сначала исследователь попадает в первый зал длиной 35—40 метров и высотой до 30 метров. В конце его находится глубокий колодец. Надо повернуть влево, в нишу; в ней есть длинный проход, имеющий подъем и спуск. На вершине подъема проход суживается между двумя сталагмитовыми столбами. Далее приходится продвигаться ползком. Этот проход длиной до 50 метров, после чего исследователь вступает в широкий коридор, который приводит его во второй зал снежной белизны. Он небольшой, но очень красивый. Отсюда опять через узкий коридор можно попасть в третий зал, самый величественный. Он гораздо больше первых двух, взятых вместе. Здесь сталактиты и сталагмиты образовали роскошные колоннады. Всюду по стенам слои натечной извести, производящие впечатление застывших водопадов.

Кое-где местами, в котловинах, собралась вода, столь чистая и прозрачная, что исследователь замечает ее только
 тогда, когда попадает в нее ногой. Тут опять есть очень

глубокий колодец и боковые ходы. В этом большом зале наблюдателя невольно поражают удивительные акустические эффекты — на каждое громкое слово отвечает стоголосое эхо, а при падении камня в колодец поднимается грохот, словно пушечная пальба: кажется, будто происходят обвалы и рушатся своды.

В пяти километрах от устья долина расширяется и становится удобной для заселения. Здесь расположились китайские земледельческие фанзы. Их немного — всего только пять. Ближайшая к морю называется Сяочинза.

Целый день я бродил по горам и к вечеру вышел к этой фанзе. В сумерки один из казаков убил кабана. Мяса у нас было много, и потому мы поделились с китайцами. В ответ на это хозяин фанзы принес нам овощей и свежего картофеля. Он предлагал мне свою постель, но, опасаясь блох, которых всегда очень много в китайских жилищах, я предпочел остаться на открытом воздухе.

Глава семнадцатая

Дерсу Узала

Река Тадушу. — Тапоуза. — Происхождение названия Тадушу. — Низовье реки. — Притоки. — Фанза Сиян. — Рассказы старика маньчжура. — Население. — Сумерки и ненастье. — Бивак незнакомца. — Встреча. — Ночная беседа. — Речные террасы. — Лудевая фанза. — Истоки Тадушу. — Сихотэ-Алинь. — Перевал Венюкова. — Река Ли-Фудзин и река Дун-бей-ца

Солнечный восход застал нас в дороге. От залива Владимира на реку Тадушу есть два пути. Один идет вверх по реке Хулуаю, потом по реке Тапоузе и по Силягоу (приток Тадушу); другой (ближайший к морю) ведет на Тапоузу, а затем горами к устью Тадушу. Я выбрал последний, как малоизвестный.

Возвышенности между заливом Владимира и рекой Тапоузой состоят из кварцепорфирового туфа с включением обломков бескварцевого и фельзитового порфира и смоляного камня.

Название Тапоуза есть искаженное китайское слово «Дапао-цзы» (то есть Большая лагуна). Действительно, Тапоуза впадает не непосредственно в море, а в большое прибрежное озеро, имеющее в окружности около 10 километров. Озеро это отделено от моря песчаной косой и

соединяется с ним небольшим рукавом. И здесь мы видим тот же процесс выравнивания берега и отвоевания сушей части территории, ранее захваченной морем. По словам туземцев, в прежние годы в этих местах водилось очень много пятнистых оленей. Тазы при помощи собак загоняли животных в озера, где специально отряженные охотники караулили их в лодках. Загнанных животных били из самострелов и кололи копьями.

Река Тапоуза (по-тазовски — Кайя), длиной 25 километров, течет параллельно Хулуаю. Собственно говоря, Тапоуза состоит из слияния двух рек: самой Тапоузы и Чензагоу[91]. Горный хребет, выходящий мысом между двумя этими речками, состоит из кварцевого и полевошпатового порфира.

Залив Владимира соединяется с долиной Тадушу пешеходной тропой. Ею можно пользоваться и для движения с вьючными обозами. Тропа начинается у Хулуая и идет по первому ближайшему к морю ключику до перевала. Перейдя горы, она спускается в долину Тапоузы. Подъем на хребет и спуск с него — длинные и пологие, поросшие редким дубовым лесом. Среди деревьев есть много дуплистых. На коре одного из них казаки заметили следы зубов и когтей. Это медведь добывал мед. Какие-то проходившие мимо охотники прогнали медведя и затем сами доставали мед таким же хищническим способом, как и зверь.

За перевалом дорога некоторое время идет вверх по Тапоузе, среди роскошного дубового леса. Здесь также развиты высокие речные террасы. Через 10 километров тропа переходит к левому краю долины и потом по маленькому ключику, не имеющему названия, опять подымается в горы. Этот перевал немного выше предыдущего. Подъем со стороны Тапоузы — крутой, зато спуск к реке Тадушу — пологий. Дальше путь пролегает по речке Сяо-поуза[92], почти совершенно обезлесенный, впадающий в Тадушу километрах в двух от ее устья. В общем, пройденный нами в этот день путь равнялся 28 километрам и имел направление, параллельное берегу моря.

В лесу попадалось много следов пятнистых оленей. Вскоре мы увидели и самих животных. Их было три: самец, самка и теленок. Казаки стреляли, но промахнулись, чему я был несказанно рад, так как продовольствия у нас было вдоволь, а время пантовки[93] давно уже миновало.

Тадушу! — так вот та самая река, по которой первым прошел М. Венюков. Здесь китайцы преградили ему путь и потребовали, чтобы он возвратился обратно. При устье

Тадушу Венюков поставил большой деревянный крест с надписью, что он здесь был в 1857 году. Креста этого я нигде не нашел. Вероятно, китайцы уничтожили его после ухода русских. Следом за Венюковым Тадушу посетили Максимович, Будищев и Пржевальский.

В Уссурийском крае реки, горы и мысы на берегу моря имеют различные названия. Это произошло оттого, что туземцы называют их по-своему, китайцы — по-своему, а русские, в свою очередь, окрестили их своими именами. Поэтому, чтобы избежать путаницы, следует там, где живут китайцы, придерживаться названий китайских, там, где обитают тазы, не следует руководствоваться названиями, данными русскими. Последние имеют место только на картах и местным жителям совершенно не известны.

Расспросив китайцев о дорогах, я наметил себе маршрут вверх по реке Тадушу, через хребет Сихотэ-Алинь, в бассейн реки Ли-Фудзина и оттуда на реку Ното. Затем я полагал по этой последней опять подняться до Сихотэ-Алиня и попытаться выйти на реку Тютихе. Если бы это мне не удалось, то я мог бы вернуться на Тадушу, где и дождаться прихода Г.И. Гранатмана.

Река Тадушу почему-то называется на одних картах Ли-Фуле, на других — Лей-фынхе, что значит «удар грома». Тазы (удэгейцы) называют ее Узи. Некоторые ориенталисты пытаются слово «Тадушу» произвести от слова «дацзы» (тазы). Это совершенно неверно. Китайцы называют ее Да-цзо-шу (Большой дуб). Старожилы-манзы говорят, что дуб этот рос в верховьях реки около Сихотэ-Алиня. Дерево было дуплистое и такое большое, что внутри него могли свободно поместиться восемь человек. Искатели женьшеня устроили в нем кумирню, и все проходившие мимо люди молились богу. Но вот однажды искатели золота остались в нем ночевать. Они вынесли кумирню наружу, сели в дупле и стали играть в карты. Тогда бог послал жестокую грозу. Молния ударила в дерево, разбила его в щепы и убила игроков на месте. Отсюда и получилось два названия: Лей-фынхе и Да-цзо-шу, впоследствии искаженное.

Низовья Тадушу представляют собой большую болотистую низину, это был большой залив. Устье реки находилось немного выше того места, где ныне расположилась деревня Новотадушинская. Высокие террасы на берегу моря и карнизы по склонам гор указывают на отрицательное движение береговой линии и отступание моря. Немалую роль в этом сыграла и сама река, в течение многих веков наносившая осадочный материал и откладывавшая его в

виде мощных напластований. Затем образовалась большая лагуна, отделенная от моря одним только валом. Озера, оставшиеся ныне среди болот, — это наиболее глубокие места лагуны; здесь в непосредственной близости к воде я увидел большие заросли какой-то снежно-белой растительности, при ближайшем осмотре оказавшейся эдельвейсом. Как-то странно было видеть этот красивый альпийский цветок на самом берегу моря.

Склоны соседних гор почти совершенно голые. Только с подветренной стороны группами кое-где растет низкорослый дуб и корявая береза.

В заводях Тадушу осенью держится много красноперки, тайменя, кунжи, горбуши и кеты. В озерах есть караси и щуки.

Длина всей реки 68 километров. Протекает она по типичной денудационной долине, которая как бы слагается из ряда обширных котловин. Особенно это заметно около ее притоков. В долине Тадушу сильно развиты речные террасы. Они тянутся все время то с одной, то с другой стороны почти до самых истоков.

Если идти вверх по реке, то в последовательном порядке будут попадаться следующие притоки: с левой стороны (по течению) — Дунгоу[94], Канехеза[95] и Цимухе. По последней идет тропа на реку Тютихе. Затем еще две небольшие речки: Либагоуза[96] и Дитагоуза[97] с перевалами на реку Динзахе. Справа маленькие речки: Квандагоу[98] и Сяень-Лаза, потом следует Сяо-лисягоу[99] и Да-лисягоу[100] с перевалами на Тапоузу. Еще дальше — Юшангоу[101]* со скрытым устьем (перевал на Хулуай) и Сибегоу[102] (перевал на Арзамасовку). Последняя длиной 30 километров и состоит из двух речек: Хаисязагоу[103] и Цименсангоуза[104]. У места слияния их поселились все тадушенские туземцы.

Наш путь лежал по левому берегу реки. Там, где ранее было древнее устье, тропа взбирается на гору и идет по карнизу. Отсюда открывается великолепный вид на восток — к морю, и на запад — вверх по долине. Слева характер горной страны выражен очень резко. Особенно величественной кажется голая сопка, которую местные китайцы называют Кита-шань[105]**, а удэгейцы — Дита-кямо-

---

* В р. Тадушу (Зеркальная) справа впадают рр. Юшаньгоу (Садовая) и Юшангоу (Пеструшка). В.К. Арсеньев имел в виду первую из них, т.е. нынешнюю Садовую, ибо перевал на Хулуай (Холувай, ныне Туманная) — в верховьях Садовой.

** В отношении горы Кита-Шань (Дита-кямони) В.К. Арсеньев в примечании № 105 допускает ошибку, смешивая удэгейское и китайское названия. Ныне гора называется Голая.

ни, покрытая трахитовыми осыпями. По рассказам тазов, на ней раньше водилось много пятнистых оленей, но теперь они почти все выбиты. Внизу, у подножия горы, почти на самой тропе, видны обнажения бурого угля.

Из правых притоков Тадушу интересна река Лисягоу. Она длиной 12 километров, по ней проходит тропа на реку Арзамасовку. Подъем на перевал с южной стороны пологий, зато спуск в долину Тадушу крутой и очень живописный. Тропа здесь проложена по карнизу. Это след старинной дороги, которая в древние времена проходила вдоль всего побережья моря и кончалась где-то у мыса Гиляк. Само название Лисягоу показывает, что здесь много растет грушевых деревьев. Около устья Лисягоу в долину Тадушу вдается горный отрог, соединяющийся с соседними горами глубокой седловиной, отчего он кажется как бы отдельно стоящей сопкой. У подножия ее расположилась богатая фанза Си-Ян, окруженная старинными осокорями.

День кончился. На землю спустилась ночная тень. Скоро все должно было погрузиться в мрак.

Когда мы подходили к фанзе, в дверях ее показался хозяин дома. Это был высокий старик, немного сутуловатый, с длинной седой бородой и с благообразными чертами лица. Достаточно было взглянуть на его одежду, дом и людские, чтобы сказать, что живет он здесь давно и с большим достатком. Китаец приветствовал нас по-своему. В каждом движении его, в каждом жесте сквозило гостеприимство. Мы вошли в фанзу. Внутри ее было так же все в порядке, как и снаружи. Я не раскаивался, что принял приглашение старика.

Вечером после ужина я стал его расспрашивать о Тадушу и о дороге на Ли-Фудзин. Сначала он говорил неохотно, но потом оживился и, вспоминая старину, рассказал много интересного. Оказалось, что он был маньчжур, по имени Кинь Чжу, родом из Нингуты. На реке Тадушу он жил более шестидесяти лет и уже собирался уехать на родину, чтобы там схоронить свои кости. После этого он рассказал мне о первых годах своей жизни в дикой стране среди инородцев. От этого маньчжура я впервые услышал интересное сказание о давно минувшем Уссурийского края. То была междоусобная борьба между каким-то царем Куань Юном, жившим на реке Сучане, и князем Чин Ятайцзы из Нингуты. Далее он говорил о битве на реке Дау-

бихе и на горе Коуче-дынцза (около поста Ольги). Старик говорил пространно и очень красиво. Слушая его, я совершенно перенесся в то далекое прошлое и забыл, что нахожусь на Тадушу. Не один я увлекся его рассказами: я заметил, что в фанзе все китайцы притихли и слушали повествования старика. Далее он говорил о какой-то страшной болезни, которая уничтожила почти все оставшееся после войны население.

Тогда край впал в запустение.

Первыми китайцами, появившимися в уссурийской тайге, были искатели женьшеня. Вместе с ними пришел сюда и он, Кинь Чжу. На Тадушу он заболел и остался у удэгейцев (тазов), потом женился на женщине их племени и прожил с тазами до глубокой старости.

Наконец старик кончил. Я очнулся и вновь увидел себя в современной обстановке. В фанзе было душно; я вышел на улицу подышать свежим воздухом. Небо было черное; звезды горели ярко и переливались всеми цветами радуги; на земле было тоже темно. Рядом в конюшне пофыркивали кони. В соседнем болоте стонала выпь; в траве стрекотали кузнечики... Долго я сидел на берегу реки. Величавая тишина ночи и спокойствие, царившее во всей природе, так гармонировали друг с другом. Я вспомнил Дерсу, и мне стало грустно. Я поднялся, пошел в фанзу, лег на приготовленную постель, но долго не мог уснуть.

На другой день, распростившись со стариком, мы пошли вверх по реке. Погода нам благоприятствовала. Несмотря на то что небо было покрыто кучевыми облаками, солнце светило ярко.

Верхняя половина долины Тадушу несколько разнится от нижней. Внизу, как выше было сказано, она слагается из целого ряда больших котловин, а вверху становится похожей на продольную долину. Здесь она принимает в себя с правой стороны маленькую речку Чингоузу[106] с тропой, ведущей к тазовским фанзам на реке Сибегоу, а с левой стороны будет большой приток Динзахе. Этот последний длиннее и многоводнее, чем сама Тадушу, и потому его надо бы считать главной рекой, а Тадушу — притоком. О реке Динзахе я буду говорить ниже подробнее.

На реке Тадушу много китайцев. Я насчитал девяносто семь фанз. Они живут здесь гораздо зажиточнее, чем в других местах Уссурийского края. Каждая фанза представляет собой маленький ханшинный[107] завод. Кроме того, я заметил, что тадушенские китайцы одеты чище и опрятнее и
 имеют вид здоровый и упитанный. Вокруг фанз видны

всюду огороды, хлебные поля и обширные плантации мака, засеваемого для сбора опия.

В верхней части долины живут тазы. Они, как всегда, ютятся в маленьких фанзочках манзовского типа. Китайцы их немилосердно эксплуатируют. Грязь в жилище, грязь в одежде и грязь на теле являются источником всяческих болезней и причиной их вымирания. Китайцы приходят в Уссурийский край одинокими и отбирают от инородцев женщин силой. От этого брака получаются дети, которых нельзя причислить ни к китайцам, ни к инородцам. Большая часть инородческого населения Южноуссурийского края, в том числе и на Тадушу, именно такие нечистокровные тазы. Очень многие из них, и в особенности женщины, курят опий. Это тоже является одной из главных причин их обеднения. Табак курят все, даже малые ребятишки. Мне неоднократно приходилось видеть детей, едва умеющих ходить, сосущих грудь матери и курящих трубку.

Долина реки Тадушу весьма плодородна. Больших наводнений в ней не бывает. Даже в том месте, где на коротком протяжении впадают в нее сразу три сравнительно большие реки (Динзахе, Сибегоу и Юшангоу), вода немного выходит из берегов, и то не надолго.

Тадушу во всем Ольгинском районе является лучшим местом для колонизации.

Горы в средней части долины, выше тазовской фанзы Ся-Инза[108], слагаются из песчаников и глинистых сланцев с многочисленными кварцевыми прослойками. Горный отрог, входящий острым клином между Сибегоу и Тадушу, состоит из мелафира, порфирита и витрофира. С южной стороны его, внизу, выступает обсидиан с призматической отдельностью.

После полудня погода стала заметно портиться. На небе появились тучи. Они низко бежали над землей и задевали за вершины гор. Картина сразу переменилась: долина приняла хмурый вид. Скалы, которые были так красивы при солнечном освещении, теперь казались угрюмыми; вода в реке потемнела. Я знал, что это значит, велел ставить палатки и готовить побольше дров на ночь.

Когда все бивачные работы были закончены, стрелки стали проситься на охоту. Я посоветовал им не ходить далеко и пораньше возвращаться на бивак. Загурский пошел по долине Динзахе, Туртыгин — вверх по Тадушу, а я с остальными людьми остался на биваке.

Должно быть, солнце скрылось за горизонтом, потому что вдруг стало темно. Дневной свет некоторое время еще

спорил с сумерками, но видно было, что ночь скоро возьмет верх и завладеет сперва землей, а потом и небесами.

Через час Туртыгин возвратился и доложил мне, что километрах в двух от нашего табора у подножия скалистой сопки он нашел бивак какого-то охотника. Этот человек расспрашивал его, кто мы такие, куда идем, давно ли мы в дороге, и когда узнал мою фамилию, то стал спешно собирать свою котомку. Это известие меня взволновало.

Кто бы это мог быть?

Стрелок говорил, что ходить не стоит, так как незнакомец сам обещал к нам прийти. Странное чувство овладело мной. Что-то неудержимо влекло меня туда, навстречу этому незнакомцу. Я взял свое ружье, крикнул собаку и быстро пошел по тропинке.

Сразу от огня вечерний мрак мне показался темнее, чем он был на самом деле, но через минуту глаза мои привыкли, и я стал различать тропинку. Луна только что нарождалась. Тяжелые тучи быстро неслись по небу и поминутно закрывали ее собой. Казалось, луна бежала им навстречу и точно проходила сквозь них. Все живое кругом притихло; в траве чуть слышно стрекотали кузнечики.

Обернувшись назад, я уже не видел огней на биваке. Постояв с минуту, я пошел дальше.

Вдруг собака моя бросилась вперед и яростно залаяла. Я поднял голову и невдалеке от себя увидел какую-то фигуру.

— Кто здесь? — окликнул я.

И в ответ на мой оклик я услышал голос, который заставил меня вздрогнуть:

— Какой люди ходи?

— Дерсу! Дерсу! — закричал я радостно и бросился к нему навстречу.

Если бы в это время был посторонний наблюдатель, то он увидел бы, как два человека схватили друг друга в объятья, словно хотели бороться.

Не понимая, в чем дело, моя Альпа яростно бросилась на Дерсу, но тотчас узнала его, и злобный лай ее сменился ласковым визжанием.

— Здравствуй, капитан! — сказал гольд, оправляясь.

— Откуда ты? Как ты сюда попал? Где был? Куда идешь? — засыпал я его своими вопросами.

Он не успевал мне отвечать.

Наконец мы оба успокоились и стали говорить как следует.

 — Моя недавно Тадушу пришел, — говорил он. — Моя

слыхал, четыре капитана и двенадцать солдат в Шимыне (пост Ольга) есть. Моя думай, надо туда ходи. Сегодня один люди посмотри, тогда все понимай.

Поговорив еще немного, мы повернули назад к нашему биваку. Я шел радостный и веселый. И как было не радоваться: Дерсу был особенно мне близок.

Через несколько минут мы подошли к биваку. Стрелки расступились и с любопытством стали рассматривать гольда.

Дерсу нисколько не изменился и не постарел. Одет он был по-прежнему в кожаную куртку и штаны из выделанной оленьей кожи. На голове его была повязка и в руках та же самая берданка, только сошки как будто новее.

С первого же раза стрелки поняли, что мы с Дерсу старые знакомые. Он повесил свое ружье на дерево и тоже принялся меня рассматривать. По выражению его глаз, по улыбке, которая играла на его губах, я видел, что и он доволен нашей встречей.

Я велел подбросить дров в костер и согреть чай, а сам принялся его расспрашивать, где он был и что делал за эти три года. Дерсу мне рассказал, что, расставшись со мной около озера Ханка, он пробрался на реку Ното, где ловил соболей всю зиму, весной перешел в верховья Улахе, — где охотился за пантами, а летом отправился на Фудзин, к горам Сяень-Лаза. Пришедшие сюда из поста Ольги китайцы сообщили ему, что наш отряд направляется к северу по побережью моря. Тогда он пошел на Тадушу.

Стрелки недолго сидели у огня. Они рано легли спать, а мы остались вдвоем с Дерсу и просидели всю ночь. Я живо вспомнил реку Лефу, когда он впервые пришел к нам на бивак, и теперь опять, как и в тот раз, я смотрел на него и слушал его рассказы.

Сумрачная ночь близилась к концу. Воздух начал синеть. Уже можно было разглядеть серое небо, туман в горах, сонные деревья и потемневшую от росы тропинку. Свет костра потускнел; красные уголья стали блекнуть. В природе чувствовалось какое-то напряжение; туман подымался все выше и выше, и наконец пошел чистый и мелкий дождь.

Тогда мы легли спать. Теперь я ничего не боялся. Мне не страшны были ни хунхузы, ни дикие звери, ни глубокий снег, ни наводнения. Со мной был Дерсу. С этими мыслями я крепко уснул.

Проснулся я в девять часов утра. Дождь перестал, но

небо по-прежнему было сумрачное. В такую погоду скверно идти, но еще хуже сидеть на одном месте. Поэтому приказание вьючить лошадей было встречено всеми с удовольствием. Через полчаса мы были уже в дороге. У нас с Дерсу произошло молчаливое соглашение. Я знал, что он пойдет со мной. Это было вполне естественно. Другого решения у него и не могло явиться. По пути мы зашли к скалистой сопке и там захватили имущество Дерсу, которое по-прежнему все помещалось в одной котомке.

Теперь с левой стороны у нас была река, а с правой — речные террасы в 38 метров высотой. Они особенно выдвигаются в долину Тадушу после Динзахе. Террасы эти состоят из весьма плотных известняков с плитняковой отдельностью.

Последним притоком Тадушу будет Вангоу[109]. По ней можно выйти через хребет Сихотэ-Алинь на реку Ното. Немного не доходя до ее устья в долину выдвигаются две скалы. Одна с левой стороны, у подножия террасы, — низкая и очень живописная, с углублением вроде ниши, в котором китайцы устроили кумирню, а другая — с правой, как раз против устья Вангоу, носящая название Янтун-Лаза[110]. Около нее есть маленький ключик Чингоуза[111].

Скала Янтун-Лаза высотой 110 метров. В ней много углублений, в которых гнездятся дикие голуби. На самой вершине из плитняковых камней китайцы сложили подобие кумирни. Манзы питают особую любовь к высоким местам; они думают, что, подымаясь на гору, становятся ближе к богу.

Тропа привела нас к фанзе Лудевой, расположенной как раз на перекрестке путей, идущих на Ното и на Ли-Фудзин. Раньше обитатели этой фанзы занимались ловлей оленей ямами, отчего фанза и получила такое название. Тогда она функционировала как постоялый двор. Здесь всегда можно встретить прохожих китайцев, идущих от моря на Уссури или обратно. Хозяин фанзы снабжал их продовольствием за плату и таким образом зарабатывал значительную сумму денег. Фанза была расположена у подножия большой террасы, которая сильно выдвигается в долину и прижимает Тадушу к горам с правой стороны. Поверхность террасы заболочена и покрыта группами тощей березы.

Лудевую фанзу мы прошли мимо и направились к Сихотэ-Алиню. Хмурившаяся с утра погода стала понемногу разъясняться. Туман, окутавший горы, начал клубиться и подыматься кверху: тяжелая завеса туч разорвалась выг-

лянуло солнышко, и улыбнулась природа. Сразу все оживилось: со стороны фанзы донеслось пение петухов, засуетились птицы в лесу, на цветах снова появились насекомые.

В верхней части Тадушу течет с северо-запада на юго-восток. Истоки ее состоят из мелких горных ключей, которые располагаются так: с левой стороны — Царлкоуза[112], Люденза-Янгоу[113] и Сатенгоу[114], а с правой — Безыменный и Салингоу[115]. Здесь находится самый низкий перевал через Сихотэ-Алинь.

Небольшие холмы со сглаженными контурами и сильно размытые ложа ручьев свидетельствуют о больших денудационных процессах.

С реки Тадушу через Сихотэ-Алинь идут три пути: два на Ното и один на Ли-Фудзин. Первый начинается от известной уже нам Лудевой фанзы и идет по реке Вангоу. Этой дорогой пользуются только те китайцы, которые имеют целью верховья Дананцы (приток Ното). Второй путь начинается около устья Людензы. Тропа долгое время идет по хребту Сихотэ-Алинь, затем спускается в долину Дунбей-цы (северо-восточный приток Ли-Фудзина) и направляется по ней до истоков. По пути она пересекает еще три перевала и только тогда выходит на Дананцу. Этой дорогой идут те пешеходы, которым надо выйти в нижнюю часть Ното. Третий путь, который мы избрали, идет прямо по ручью Салингоу на Ли-Фудзин.

Маньчжурское слово «Сихотэ-Алинь» местные китайцы переделали по-своему: «Си-хо-та Линь», то есть Перевал западных больших рек*. И действительно, к западу от водораздела текут большие реки: Ваку, Иман, Бикин, Хор и т.д. Гольды называют его Дзуб-Гын, а удэгейцы — Ада-Сололи, причем западный его склон они называют Ада-Цазани, а восточный — Ада-Намузани, от слова «наму», что значит — море.

У подножия хребта мы сделали привал. Сухая рыба с солью, пара сухарей и кружка горячего кофе составили обед, который в тайге называется очень хорошим.

Подъем на Сихотэ-Алинь крутой около гребня. Самый перевал представляет собой широкую седловину, заболо-

---

* При определении происхождения названия "Сихотэ-Алинь" информаторы В.К.Арсеньева допускали неточность, считая, что китайцы вкладывают в него понятие "Перевал больших западных рек". В действительности китайцы записывают название хребта Си-хо-тэ-шань-май, что означает "Олово окружающие обособленно стоящие горные отроги" или же "Оловом блистающий обособленный хребет".

ченную и покрытую выгоревшим лесом. Абсолютная высота его равняется 480 метрам. Его следовало бы назвать именем М. Венюкова. Он прошел здесь в 1857 году, а следом за ним, как по проторенной дорожке, пошли и другие.

Вечная слава первому исследователю Уссурийского края!*

На самом перевале около тропы с правой стороны стоит небольшая кумирня, сложенная из накатника. Внутри ее помещена лубочная картина, изображающая китайских богов, а перед ней поставлены два деревянных ящика с огарками от бумажных свечей. С другой стороны лежало несколько листочков табаку и два куска сахару. Это жертва богу лесов. На соседнем дереве была повешена красная тряпица с надписью: «Шань мэн чжэн вэй Си-жи-Ци-го вэй да суай Цзин цзан да-цин чжэнь шань-линь», то есть: «Господину истинному духу гор (тигру). В древности в государстве Ци он был главнокомандующим Да-циньской династии, а ныне охраняет леса и горы».

От перевала Венюкова Сихотэ-Алинь имеет вид гряды, медленно повышающейся на север. Этот подъем так незаметен для глаза, что во время пути совершенно забываешь, что идешь по хребту, и только склоны по сторонам напоминают о том, что находишься на водоразделе. Места эти покрыты березняком, которому можно дать не более сорока лет. Он, вероятно, появился здесь после пожаров.

Спуск с хребта длинный и пологий. Идя по траве, то и дело натыкаешься на обгорелые, поваленные деревья. Сейчас же за перевалом начинается болото, покрытое замшистым хвойным лесом.

Часам к трем пополудни мы дошли до того места, где Ли-Фудзин сливается с Дун-бей-цой, и стали биваком на галечниковой отмели.

Река Дун-бей-ца[116] длиной километров сорок. Она все время течет вдоль Сихотэ-Алиня и в верховьях слагается из трех горных ручьев. Следы эрозии видны на каждом шагу. Местами горы так сильно размыты, что за лесом их совсем не видно: является впечатление, что идешь по слабо всхолмленной низине, покрытой хбойным лесом, состоящим из пихты, ели, кедра, березы, тиса, клена, лиственницы и ольхи. Недавно этот лес выгорел. Теперь вся долина представляет собой сплошную гарь. Здесь проходит та

* На перевале установлена стела в память о его пересечении Венюковым и Пржевальским.

самая тропа, которой местное манзовское население пользуется для сообщения с рекой Ното. По пути на расстоянии перехода друг от друга были расположены четыре зверовые фанзы, обитатели которых занимались охотой и соболеванием.

Первое, что мы сделали, — развели дымокуры, а затем уже принялись таскать дрова из леса. Стрелки хотели было ночевать в комарниках, но Дерсу посоветовал ставить односкатную палатку.

К вечеру погода начала хмуриться; туман поднялся вверх и превратился в тучи. Дерсу помогал солдатам во всех работах, и они сразу его оценили. Он хотел было ставить свою палатку отдельно, но я уговорил его ночевать вместе. Тогда Дерсу схватил топор и побежал в тайгу за кедровым корьем. Сперва он надрубил у дерева кору сверху и снизу зубцами, затем прорубил ее вдоль и стал снимать заостренной палкой. Таких пластов было снято шесть. Два пласта он положил на землю, два пошли на крышу, а остальные поставил с боков для защиты от ветра.

В сумерки пошел крупный дождь. Комары и мошки сразу куда-то исчезли. После ужина стрелки легли спать, а мы с Дерсу долго еще сидели у огня и разговаривали. Он рассказывал мне о жизни китайцев на Ното, рассказывал о том, как они его обидели — отобрали меха и ничего не заплатили.

Глава восемнадцатая

Амба

Анимизм Дерсу. — Тигр-преследователь. — Дерсу говорит со зверем. — Квандагоу. — Охота на солонцах. — Дерсу просит тигра не сердиться. — Возвращение. — Волнение гольда. — Ночь

На другой день густой, тяжелый туман окутывал все окрестности. День казался серым, пасмурным; было холодно, сыро.

Пока люди собирали имущество и вьючили лошадей, мы с Дерсу, наскоро напившись чаю и захватив в карман по сухарю, пошли вперед. Обыкновенно по утрам я всегда уходил с бивака раньше других. Производя маршрутные съемки, я подвигался настолько медленно, что часа через два отряд меня обгонял и на большой привал я приходил уже тогда, когда люди успевали поесть и снова собирались в дорогу. То же самое было и после

полудня: уходил я раньше, а на бивак приходил лишь к обеду.

Еще накануне Дерсу говорил мне, что в этих местах бродит много тигров, и потому не советовал отставать от отряда.

Путь наш лежал правым берегом Ли-Фудзина. Иногда тропинка отходила в сторону, углубляясь в лес настолько, что трудно было ориентироваться и указать, где течет Ли-Фудзин, но совершенно неожиданно мы снова выходили на реку и шли около береговых обрывов.

Кто не бывал в тайге Уссурийского края, тот не может себе представить, какая это чаща, какие это заросли. Буквально в нескольких шагах ничего нельзя увидеть. В четырех или шести метрах не раз случалось подымать с лежки зверя, и только шум и треск сучьев указывали направление, в котором уходило животное. Вот именно по такой-то тайге мы и шли уже подряд в течение двух суток.

Погода нам не благоприятствовала. Все время моросило, на дорожке стояли лужи, трава была мокрая, с деревьев падали редкие крупные капли. В лесу стояла удивительная тишина. Точно все вымерло. Даже дятлы и те куда-то исчезли.

— Черт знает что за погода, — говорил я своему спутнику. — Не то туман, не то дождь, не разберешь, право. Ты как думаешь, Дерсу, разгуляется погода или станет еще хуже?

Гольд посмотрел на небо, оглянулся кругом и молча пошел дальше. Через минуту он остановился и сказал:

— Наша так думай: это земля, сопка, лес — все равно люди. Его теперь потеет. Слушай! — Он насторожился. — Его дышит, все равно люди...

Он пошел снова вперед и долго еще говорил мне о своих воззрениях на природу, где все было живым, как люди.

Было уже около одиннадцати часов утра. Судя по времени, вьючный обоз должен был давно уже обогнать нас, а между тем сзади, в тайге, ничего не было слышно.

— Надо подождать! — сказал я своему спутнику.

Он молча остановился, снял с плеча свою берданку, приставил ее к дереву, сошки воткнул в землю и стал искать свою трубку.

— Тьфу! Моя трубку потерял, — сказал он с досадой.

Он хотел идти назад и искать свою трубку, но я советовал ему подождать, в надежде, что люди, идущие сзади, найдут его трубку и принесут с собой. Мы простояли минут двадцать. Старику, видимо, очень хотелось курить.

 Наконец он не выдержал, взял ружье и сказал:

— Моя думай, трубка тут близко есть. Надо назад ходи.

Обеспокоенный тем, что вьюков нет долго, и опасаясь, что с лошадьми могло что-нибудь случиться, я вместе с Дерсу пошел назад.

Гольд шел впереди и, как всегда, качал головой и рассуждал вслух сам с собой:

— Как это моя трубка потерял? Али старый стал, али моя голова худой, али как?..

Он не докончил фразы, остановился на полуслове, затем попятился назад и, нагнувшись к земле, стал рассматривать что-то у себя под ногами. Я подошел к нему. Дерсу озирался, имел несколько смущенный вид и говорил шепотом:

— Посмотри, капитан, это амба. Его сзади наши ходи. Это шибко худо. След совсем свежий. Его сейчас тут был...

Действительно, совершенно свежие отпечатки большой кошачьей лапы отчетливо виднелись на грязной тропинке. Когда мы шли сюда, следов на дороге не было. Я это отлично помнил, да и Дерсу не мог бы пройти их мимо. Теперь же, когда мы повернули назад и пошли навстречу отряду, появились следы: они направлялись в нашу сторону. Очевидно, зверь все время шел за нами «по пятам».

— Его близко тут прятался, — сказал Дерсу, указав рукой в правую сторону. — Его долго тут стоял, когда наша там остановился, моя трубка искал. Наша назад ходи, его тогда скоро прыгал. Посмотри, капитан, в следах воды еще нету...

Действительно, несмотря на то что кругом всюду были лужи, вода еще не успела наполнить следы, выдавленные лапой тигра. Не было сомнения, что страшный хищник только что стоял здесь и затем, когда услышал наши шаги, бросился в чащу и спрятался где-нибудь за буреломом.

— Его далеко ходи нету. Моя хорошо понимай. Погоди, капитан!..

Несколько минут мы простояли на одном месте в надежде, что какой-нибудь шорох выдаст присутствие тигра, но тишина была гробовая. Эта тишина была какой-то особенно таинственной, страшной.

— Капитан, — обратился ко мне Дерсу, — теперь надо хорошо смотри. Твоя винтовка патроны есть? Тихонько надо ходи. Какая ямка, какое дерево на земле лежи, надо хорошо посмотри. Торопиться не надо. Это — амба. Твоя понимай — амба!..

Говоря это, он сам осматривал каждый куст и каждое дерево. Так прошли мы около получаса. Дерсу

все время шел впереди и не спускал глаз с тропинки.

Наконец мы услышали голоса: кто-то из казаков ругал лошадь. Через несколько минут подошли люди с конями. Две лошади были в грязи. Седла тоже были замазаны глиной. Оказалось, что при переправе через одну проточку обе лошади оступились и завязли в болоте. Это и было причиной их запоздания. Как я и думал, стрелки нашли трубку Дерсу на тропе и принесли ее с собой.

Чтобы идти дальше, нужно было поправить вьюки, переложить грузы и хоть немного обмыть лошадей от грязи. Я хотел было сделать привал и варить чай, но Дерсу посоветовал поправить одну седловку и идти дальше. Он говорил, что где-то недалеко в этих местах есть охотничий балаган. Там он полагал остановиться биваком. Подумав немного, я согласился.

Люди начали снимать с измученных лошадей вьюки, а я с Дерсу снова пошел по дорожке. Не успели мы сделать и двухсот шагов, как снова наткнулись на следы тигра. Страшный зверь опять шел за нами и опять, как в первый раз, почуяв наше приближение, уклонился от встречи. Дерсу остановился и, оборотившись лицом в ту сторону, куда скрылся тигр, закричал громким голосом, в котором я заметил нотки негодования:

— Что ходишь сзади?.. Что нужно тебе, амба? Что ты хочешь? Наша дорога ходи, тебе мешай нету. Как твоя сзади ходи? Неужели в тайге места мало?

Он потрясал в воздухе своей винтовкой. В таком возбужденном состоянии я никогда его не видывал. В глазах Дерсу была видна глубокая вера в то, что тигр, амба, слышит и понимает его слова. Он был уверен, что тигр или примет вызов, или оставит нас в покое и уйдет в другое место. Прождав минут пять, старик облегченно вздохнул, затем закурил свою трубку и, взбросив винтовку на плечо, уверенно пошел дальше по тропинке. Лицо его снова стало равнодушно-сосредоточенным. Он «устыдил» тигра и заставил его удалиться.

Приблизительно еще с час мы шли лесом. Вдруг чаща начала редеть. Перед нами открылась большая поляна. Тропа перерезала ее наискось по диагонали. Продолжительное путешествие по тайге сильно нас утомило. Глаз искал отдыха и простора. Поэтому можно себе представить, с какой радостью мы вышли из леса и стали осматривать поляну.

— Это Квандагоу, — сказал Дерсу. — Скоро наша балаган найди есть.

Елань, по которой мы теперь шли, была покрыта зарослями низкорослого папоротника-орляка. За лесом с северной стороны, слабо, сквозь туман, виднелись высокие горы, покрытые лесом. По низине кое-где стояли одиночные деревья, преимущественно клен, дуб и даурская береза. С правой стороны поляны было узкое болото с солонцами, куда, по словам Дерсу, постоянно по ночам выходили изюбры и дикие козы, чтобы полакомиться водяным лютиком и погрызть соленую черную землю.

— Надо наша сегодня на охоту ходи, — говорил Дерсу, показывая сошками на болото.

Часам к трем пополудни мы действительно нашли двускатный балаганчик. Сделан он был из кедрового корья какими-то охотниками так, что дым от костра, разложенного внутри, выходил по обе стороны и не позволял комарам проникнуть внутрь помещения. Около балагана протекал небольшой ручей. Пришлось опять долго возиться с переправой лошадей на другой берег, но наконец и это препятствие было преодолено.

Между тем погода по-прежнему, как выражался Дерсу, «потела». С утра хмурившееся небо начало как бы немного проясняться. Туман поднялся выше, кое-где появились просветы, дождь перестал, но на земле было еще по-прежнему сыро.

Я решил остаться здесь на ночь. Мне очень хотелось поохотиться на солонцах, тем более что у нас давно не было мяса и мы уже четвертые сутки питались одними сухарями.

Через несколько минут на биваке закипела та веселая и спешная работа, которая знакома всякому, кому приходилось подолгу бывать в тайге и вести страннический образ жизни. Развьюченные лошади были пущены на волю. Как только с них сняли седла, они сперва повалялись на земле, потом, отряхнувшись, пошли на поляну кормиться.

На случай дождя все вьюки сложили в одно место и прикрыли их брезентами.

Пока возились с лошадьми и разбирали седла, кто-то успел уже разложить костер и повесить над огнем чайник.

На биваке Дерсу проявлял всегда удивительную энергию. Он бегал от одного дерева к другому, снимал бересту, рубил жерди и сошки, ставил палатку, сушил свою и чужую одежду и старался разложить огонь так, чтобы внутри балагана можно было сидеть и не страдать от дыма глазами. Я всегда удивлялся, как успевал этот уже старый человек делать сразу несколько дел. Мы давно уже разу-

лись и отдыхали, а Дерсу все еще хлопотал около балагана.

Через час наблюдатель со стороны увидел бы такую картину: на поляне около ручья пасутся лошади; спины их мокры от дождя. Дым от костров не подымается кверху, а стелется низко над землей и кажется неподвижным. Спасаясь от комаров и мошек, все люди спрятались в балаган. Один только человек все еще торопливо бегает по лесу — это Дерсу: он хлопочет о заготовке дров на ночь.

В августе, да еще в пасмурный день, смеркается очень рано. Так было и теперь. Туман держался только по вершинам гор. Клочья его бродили по кустам и казались привидениями.

Наскоро поужинав, мы пошли с Дерсу на охоту. Путь наш лежал по тропинке к биваку, а оттуда наискось к солонцам около леса. Множество следов изюбров и диких коз было заметно по всему лугу. Черноватая земля солонцов была почти совершенно лишена растительности. Малые низкорослые деревья, окружавшие их, имели чахлый и болезненный вид. Здесь местами земля была сильно истоптана. Видно было, что изюбры постоянно приходили сюда и в одиночку и целыми стадами.

Выбрав удобное местечко, мы сели и стали поджидать зверя. Я прислонился к пню и стал осматриваться. Темнота быстро сгущалась около кустов и внизу под деревьями. Дерсу долго не мог успокоиться. Он ломал сучки, чтобы открыть себе обстрел, и зачем-то пригибал растущую позади него березку.

Кругом в лесу и на поляне стояла мертвящая тишина, нарушаемая только однообразным жужжанием комаров. Такая тишина как-то особенно гнетуще действует на душу. Невольно сам уходишь в нее, подчиняешься ей, и, кажется, сил не хватило бы нарушить ее словом или каким-нибудь неосторожным движением.

В воздухе и на земле становилось все темнее и темнее. Кусты и деревья начали принимать неопределенные очертания: они казались живыми существами и как будто передвигались с одного места на другое. Порой мне грезилось, что это олени; фантазия дополняла остальное. Я сжимал ружье в руках и готов был уже выстрелить, но каждый раз, взглянув на спокойное лицо Дерсу, я приходил в себя. Иллюзия сразу пропадала, и темный силуэт оленя снова принимал фигуру куста или дерева. Как мраморное изваяние сидел Дерсу. Он пытливо смотрел на кусты около солонцов и спокойно выжидал свою добычу. Один раз
 он вдруг насторожился, тихонько поднял свое ружье и

стал напрягать зрение. Сердце мое усиленно забилось. Я тоже стал смотреть в ту сторону, куда смотрел старик, но ничего не видел.

Скоро я заметил, что Дерсу успокоился; успокоился и я также.

Стало совсем темно, так темно, что в нескольких шагах нельзя уже было рассмотреть ни черной земли на солонцах, ни темных силуэтов деревьев. Комары нестерпимо кусали шею и руки. Я прикрыл лицо сеткой. Дерсу сидел без сетки и, казалось, совершенно не замечал их укусов.

Вдруг до слуха моего донесся шорох. Я не ошибся. Шорох исходил из кустов, находящихся по другую сторону солонцов, как раз против того места, где мы сидели. Я посмотрел на Дерсу. Он пригибал голову и, казалось, силой своего зрения хотел проникнуть сквозь темноту и узнать причину этого шума. Иногда шорох усиливался и становился очень явственным, иногда затихал и прекращался совершенно. Сомнений не было: кто-то осторожно приближался к нам через заросли. Это изюбр шел грызть и лизать соленую землю. Мое воображение рисовало уже стройного оленя с красивыми ветвистыми рогами. Я отбросил сетку, стал слушать и смотреть, совершенно позабыв про комаров. Я искал глазами изюбра, который, по моим расчетам, был от нас в семидесяти или восьмидесяти шагах, не более.

Вдруг грозное ворчание, похожее на отдаленный гром, пронеслось в воздухе:

— Рррррр!..

Дерсу схватил меня за руку.

— Амба, капитан! — сказал он испуганным голосом

Жуткое чувство сразу всколыхнуло мое сердце. Я хотел бы передать, что я почувствовал, но едва ли я сумею это сделать.

Я почувствовал, как какая-то истома, какая-то тяжесть стала опускаться мне в ноги. Колени заныли, точно в них налили свинец. Ощущение это знакомо всякому, кому случалось неожиданно чего-нибудь сильно испугаться. Но в то же время другое чувство, чувство, смешанное с любопытством, с благоговением к царственному грозному зверю и с охотничьей страстью, наполнило мою душу.

— Худо! Наша напрасно сюда ходи. Амба сердится! Это его место, — говорил Дерсу, и я не знаю, говорил ли он сам с собою или обращался ко мне. Мне показалось, что он испугался.

— Рррррр!.. — снова раздалось в ночной тишине.

Вдруг Дерсу быстро поднялся с места. Я думал, он хочет стрелять.

Но велико было изумление, когда я увидел, что в руках у него не было винтовки, и когда я услышал речь, с которой он обратился к тигру:

— Хорошо, хорошо, амба! Не надо сердиться, не надо!.. Это твое место. Наша это не знал. Наша сейчас другое место ходи. В тайге места много. Сердиться не надо!..

Гольд стоял, протянув руки к зверю. Вдруг он опустился на колени, дважды поклонился в землю и вполголоса что-то стал говорить на своем наречии. Мне почему-то стало жаль старика.

Наконец Дерсу медленно поднялся, подошел к пню и взял свою берданку.

— Пойдем, капитан! — сказал он решительно и, не дожидаясь моего ответа, быстро через заросли пошел на тропинку.

Я безотчетно последовал за ним.

Спокойный вид Дерсу, уверенность, с какой он шел без опаски и не озираясь, успокоили меня: я почувствовал, что тигр не пойдет за нами и не решится сделать нападение.

Пройдя шагов двести, я остановился и стал уговаривать старика подождать еще немного.

— Нет, — сказал Дерсу, — моя не могу. Моя тебе вперед говори, в компании стрелять амба никогда не буду! Твоя хорошо это слушай! Амба стреляй — моя товарищ нету...

Он снова молча зашагал по тропинке. Я хотел было остаться один, но жуткое чувство овладело мною, я побежал и догнал гольда.

Начинала всходить луна. И на небе и на земле сразу стало светлее. Далеко, на другом конце поляны, мелькал огонек нашего бивака. Он то замирал, то как будто угасал на время, то вдруг снова разгорался яркой звездочкой.

Всю дорогу мы шли молча. У каждого из нас были свои думы, свои воспоминания. Жаль мне было, что я не увидел тигра. Эту мысль я вслух высказал своему спутнику.

— О, нет! — ответил Дерсу. — Его худо посмотри. Наша так говори. Такой люди, который никогда амба посмотри нету, — счастливый. Его всегда хорошо живи.

Дерсу глубоко вздохнул, помолчал немного и продолжал:

— Моя много амба посмотри. Один раз напрасно его стреляй. Теперь моя шибко боится. Однако моя когда-нибудь худо будет!

В словах старика было столько душевного волнения, что я опять стал жалеть его, начал успокаивать и старался перевести разговор на другую тему.

Через час мы подошли к биваку. Лошади, испуганные нашим приближением, шарахнулись в сторону и начали храпеть. Около огня засуетились люди. Два казака вышли нам навстречу.

— Сегодня кони все время чего-то боятся, — сказал один из них. — Не едят, все куда-то смотрят. Нет ли какого зверя поблизости?

Я приказал казакам взять коней на поводки, развести костры и выставить вооруженного часового.

Весь вечер молчал Дерсу. Встреча с тигром произвела на него сильное впечатление. После ужина он тотчас же лег спать, и я заметил, что он долго не мог уснуть, ворочался с боку на бок и как будто разговаривал сам с собой.

Я рассказал людям, что случилось с нами. Казаки оживились, начали вспоминать свою жизнь на Уссури, свои приключения на охоте, кто что видел и с кем что случилось. Наши разговоры затянулись далеко за полночь. Наконец усталость начала брать свое: кто-то зевнул, кто-то начал стлать постель и укладываться на ночь. Через несколько минут в балагане все уже спали. Кругом воцарилась тишина. Слышно было только мерное дыхание спящих да треск горящих сучьев в костре. С поля доносилось пофыркиванье лошадей, в лесу ухал филин, и где-то далеко-далеко кричал сыч-воробей.

Глава девятнадцатая

Ли-Фудзин

Леса. — Содержимое котомки Дерсу. — Приспособленность к жизни в тайге. — Поляны Сяень-Лаза. — Родные могилы. — Заживо погребенные. — Река Поугоу. — Барсук. — Нападение шершней. — Лекарственное растение

Чуть только начало светать, наш бивак опять атаковали комары. О сне нечего было и думать. Точно по команде все встали. Казаки быстро завьючили коней; не пивши чаю, тронулись в путь. С восходом солнца туман начал рассеиваться; кое-где проглянуло синее небо.

От устья реки Квандагоу Ли-Фудзин начинает по- /227

немногу склоняться к северо-западу. Дальше русло его становится извилистым. Обрывистые берега и отмели располагаются, чередуясь, то с той, то с другой стороны.

В долине Ли-Фудзина растут великолепные смешанные леса. Тут можно найти всех представителей маньчжурской флоры. Кроме кедра, лиственницы, пихты, ели, вяза, дуба, ясеня, ореха и пробкового дерева, здесь произрастают: желтая береза с желтовато-зеленой листвой и с желтой пушистой корой, не дающей бересты; особый вид клена — развесистое дерево с гладкой темно-серой корой, с желтоватыми молодыми ветвями и с глубоко рассеченными листьями; затем ильм — высокое стройное дерево, имеющее широкую развесистую крону и острые шершавые листья; граб, отличающийся от других деревьев темной корой и цветками, висящими, как кисти; черемуха Максимовича с пригнутыми к земле ветвями, образующими непроходимую чащу, и наконец бересклет — небольшое тонкоствольное деревцо с корой, покрытой беловатыми чечевицами, располагающимися продольными рядками, и с листьями, удлиненно-обратноовальными. Около реки и вообще по сырым местам, где больше света, росли: козья ива — полукуст-полудерево; маньчжурская смородина с трехлопастными острозубчатыми листьями; таволожка шелковистая — очень ветвистый кустарник, который легко узнать по узким листьям, любящий каменистую почву; жасмин* — теневое растение с красивыми сердцевидными заостренными листьями и белыми цветками и ползучий лимонник с темной крупной листвой и красными ягодами, цепляющийся по кустам и деревьям.

Лес, растущий около воды, скорее способствует обрушиванию берегов, чем их закреплению. Большое дерево, подмытое водой, при падении своем увлекает огромную глыбу земли, а вместе с ней и деревья, растущие поблизости. Бурелом этот плывет по реке до тех пор, пока не застрянет где-нибудь в протоке. Тотчас вода начинает заносить его песком и галькой. Нередко можно видеть водопады, основанием которых служат гигантские стволы тополей или кедров. Если такому плавнику посчастливится пройти через перекаты, то до устья дойдет только ствол, измочаленный и лишенный коры и веток.

В среднем течении Ли-Фудзин проходит у подножия так называемых Черных скал. Здесь река разбивается на несколько проток, которые имеют вязкое дно и илистые бе-

* Правильное название — чубушник. *(Прим. ред.)*

рега. Вследствие засоренности главного русла вода не успевает пройти через протоки и затопляет весь лес. Тогда сообщение по тропе прекращается. Путники, которых случайно застанет здесь непогода, карабкаются через скалы и в течение целого дня успевают пройти не более трех или четырех километров.

В полдень мы остановились на большой привал и стали варить чай.

При выходе из поста Ольги С.З. Балк дал мне бутылку с ромом. Ром этот я берег как лекарство и давал его стрелкам пить с чаем в ненастные дни. Теперь в бутылке осталось только несколько капель. Чтобы не нести напрасно посуды, я вылил остатки рома в чай и кинул ее в траву. Дерсу стремглав бросился за ней.

— Как можно ее бросай? Где в тайге другую бутылку найди? — воскликнул он, развязывая свою котомку.

Действительно, для меня, горожанина, пустая бутылка никакой цены не имела. Но для дикаря, живущего в лесу, она составляла большую ценность.

По мере того как он вынимал свои вещи из котомки, я все больше и больше изумлялся. Чего тут только не было: порожний мешок из-под муки, две старенькие рубашки, свиток тонких ремней, пучок веревок, старые унты, гильзы от ружья, пороховница, свинец, коробочка с капсюлями, полотнище палатки, козья шкура, кусок кирпичного чая вместе с листовым табаком, банка из-под консервов, шило, маленький топор, жестяная коробочка, спички, кремень, огниво, трут, смолье для растопок, береста, еще какая-то баночка, кружка, маленький котелок, туземный кривой ножик, жильные нитки, две иголки, пустая катушка, какая-то сухая трава, кабанья желчь, зубы и когти медведя, копытца кабарги и рысьи кости, нанизанные на веревочку две медные пуговицы и множество разного хлама. Среди этих вещей я узнал такие, которые я раньше бросал по дороге. Очевидно, все это он подбирал и нес с собой.

Осматривая его вещи, я рассортировал их на две части и добрую половину посоветовал выбросить. Дерсу взмолился. Он просил ничего не трогать и доказывал, что потом все может пригодиться. Я не стал настаивать и решил впредь ничего не бросать, прежде чем не спрошу на это его согласия.

Точно боясь, чтобы у него не отняли чего-нибудь, Дерсу спешно собрал свою котомку и особенно старательно спрятал бутылку.

Около Черных скал тропа разделилась. Одна (правая)

пошла в горы в обход опасного места, а другая направилась куда-то через реку. Дерсу, хорошо знающий эти места, указал на правую тропу. Левая, по его словом, идет только до зверовой фанзы Цу-жунгоу[117] и там кончается.

Сразу с привала начинается подъем, но до самой вершины тропа не доходит.

С километр она идет косогором, а затем опять спускается в долину.

К вечеру небо снова заволокло тучами Я опасался дождя, но Дерсу сказал, что это не туча, а туман и что завтра будет день солнечный, даже жаркий. Я знал, что его предсказания всегда сбываются, и потому спросил его о приметах.

— Моя так посмотри, думай — воздух легкий, тяжело нету, — гольд вздохнул и показал себе на грудь.

Он так сжился с природой, что органически всем своим существом мог предчувствовать перемену погоды. Как будто для этого у него было еще шестое чувство.

Дерсу удивительно приспособился к жизни в тайге. Место для своего ночлега он выбирал где-нибудь под деревом между двумя корнями, так что дупло защищало его от ветра; под себя он подстилал кору пробкового дерева, на сучок где-нибудь вешал унты так, чтобы их не спалило огнем. Винтовка тоже была рядом с ним, но она лежала не на земле, а покоилась на двух коротеньких сошках. Дрова у него всегда горели лучше, чем у нас. Они не бросали искр, и дым от костра относило в сторону. Если ветер начинал меняться, он с подветренной стороны ставил заслон. Все у него было к месту и под рукой.

По отношению к человеку природа безжалостна. После короткой ласки она вдруг нападает и как будто нарочно старается подчеркнуть его беспомощность. Путешественнику постоянно приходится иметь дело со стихиями: дождь, ветер, наводнение, гнус, болота, холод, снег и т.д. Даже самый лес представляет собой стихию. Дерсу больше нас был в соответствии с окружающей его обстановкой.

Следующий день — 7 августа. Как только взошло солнце, туман начал рассеиваться, и через какие-нибудь полчаса на небе не было ни одного облачка. Роса перед рассветом обильно смочила траву, кусты и деревья. Дерсу не было на биваке. Он ходил на охоту, но неудачно, и возвратился обратно как раз ко времени выступления. Мы сейчас же тронулись в путь.

 По дороге Дерсу рассказал мне, что исстари к западу

от Сихотэ-Алиня жили гольды, а с восточной стороны — удэгейцы, но потом там появились охотники-китайцы. Действительно, манзовские охотничьи шалаши встречались во множестве. Можно было так соразмерить свой путь, чтобы каждый раз ночевать в балагане.

Километров через десять нам пришлось еще раз переправляться через реку, которая разбилась на множество проток, образуя низкие острова, заросшие лесом. Слои ила, бурелом, рытвины и пригнутый к земле кустарник — все это указывало на недавнее большое наводнение.

Вдруг лес сразу кончился, и мы вышли к полянам, которые китайцы называют Сяень-Лаза. Их три: первая — длиной в 2 километра, вторая — метров в 500 и третья — самая большая, занимающая площадь в 6 квадратных километров. Поляны эти отделены друг от друга небольшими перелесками. Здесь происходит слияние Ли-Фудзина с рекой Синанцей, по которой мы прошли первый раз через Сихотэ-Алинь к посту Ольги. Выйдя из леса, река отклоняется сначала влево, а затем около большой поляны снова пересекает долину и подходит к горам с правой стороны. Дальше мы не пошли и стали биваком на берегу реки, среди дубового редколесья.

Возвратившиеся с разведок казаки сообщили, что видели много звериных следов, и стали проситься на охоту.

Днем четвероногие обитатели тайги забиваются в чащу, но перед сумерками начинают подыматься со своих лежек. Сначала они бродят по опушкам леса, а когда ночная мгла окутает землю, выходят пастись на поляны. Казаки не стали дожидаться сумерек и пошли тотчас, как только развьючили лошадей и убрали седла. На биваке остались мы вдвоем с Дерсу.

Сегодня я заметил, что он весь день был как-то особенно рассеян. Иногда он садился в стороне и о чем-то напряженно думал. Он опускал руки и смотрел куда-то вдаль. На вопрос, не болен ли он, старик отрицательно качал головой, хватался за топор и, видимо, всячески старался отогнать от себя какие-то тяжелые мысли.

Прошло два с половиной часа. Удлинившиеся до невероятных размеров тени на земле указывали, что солнце уже дошло до горизонта. Пора было идти на охоту. Я окликнул Дерсу. Он точно чего-то испугался.

— Капитан, — сказал он мне, и в голосе его зазвучали просительные ноты, — моя не могу сегодня охота ходи. Там, — он указал рукой в лес, — помирай есть моя жена и мои дети.

Потом он стал говорить, что по их обычаю на могилы покойников нельзя ходить, нельзя вблизи стрелять, рубить лес, собирать ягоды и мять траву — нельзя нарушать покой усопших.

Я понял причину его тоски, и мне жаль стало старика. Я сказал ему, что совсем не пойду на охоту и останусь с ним на биваке.

В сумерки я услышал три выстрела — и обрадовался. Охотники стреляли далеко в стороне от того места, где находились могилы.

Когда совсем смерклось, возвратились казаки и принесли с собой козулю. После ужина мы рано легли спать. Два раза я просыпался ночью и видел Дерсу, сидящего у огня в одиночестве.

Утром мне доложили, что Дерсу куда-то исчез. Вещи его и ружье остались на месте. Это означало, что он вернется. В ожидании его я пошел побродить по поляне и незаметно подошел к реке. На берегу ее около большого камня я застал гольда. Он неподвижно сидел на земле и смотрел в воду. Я окликнул его. Он повернул ко мне свое лицо. Видно было, что он провел бессонную ночь.

— Пойдем, Дерсу! — обратился я к нему.

— Тут раньше моя живи, раньше здесь юрта была и амбар. Давно сгорели. Отец, мать тоже здесь раньше жили...

Он недокончил фразы, встал и, махнув рукой, молча пошел на бивак. Там все уже было готово к выступлению; казаки ждали только нашего возвращения.

От места слияния Ли-Фудзина с Синанцей начинается Фудзин. Горы с левой стороны состоят из выветрелого туфа и кварцевого порфира. Прилегающая часть долины покрыта лесом, заболоченным и заваленным колодником. Поэтому тропа здесь идет косогорами в полгоры, а километра через два опять спускается в долину.

Вскоре после полудня мы дошли до знакомой нам фанзы Иолайзы. Когда мы проходили мимо тазовских фанз, Дерсу зашел к туземцам. К вечеру он прибежал испуганный и сообщил страшную новость: два дня тому назад по приговору китайского суда заживо были похоронены в земле китаец и молодой таз. Такое жестокое наказание они понесли за то, что из мести убили своего кредитора. Погребение состоялось в лесу, в расстоянии одного километра от последних фанз. Мы бегали с Дерсу на это место и увидели там два невысоких холмика земли. Над каждой могилой была поставлена доска, на которой тушью были написаны фамилии погребенных. Усопшие уже не нуждались

в нашей помощи, да и что могли сделать мы вчетвером среди хорошо вооруженных китайских охотников?

Я полагал провести в фанзе Иолайза два дня, но теперь это место мне стало противным. Мы решили уйти подальше и где-нибудь в лесу остановиться на дневку.

Вместе с Дерсу мы выработали такой план: с реки Фудзина пойти на Ното, подняться до ее истоков, перевалить через Сихотэ-Алинь и по реке Вангоу снова выйти на Тадушу. Дерсу знал эти места очень хорошо, и потому расспрашивать китайцев о дороге не было надобности.

Утром 8 августа мы оставили Фудзин — это ужасное место. От фанзы Иолайза мы вернулись сначала к горам Сяень-Лаза, а оттуда пошли прямо на север по небольшой речке Поугоу, что в переводе на русский язык значит «козья долина». Проводить нас немного вызвался один пожилой таз. Он все время шел с Дерсу и что-то рассказывал ему вполголоса. Впоследствии я узнал, что они были старые знакомые и таз собирался тайно переселиться с Фудзина куда-нибудь на побережье моря.

Расставаясь с ним, Дерсу в знак дружбы подарил ему ту самую бутылку, которую я бросил на Ли-Фудзине. Надо было видеть, с какой довольной улыбкой таз принял от него этот подарок.

Долина реки Поугоу представляет собой довольно широкий распадок. Множество горных ключей впадает в него с той и с другой стороны. Пологие холмы и высокие реки, вдающиеся в долину с боков, покрыты редким лиственным лесом и кустарниковой порослью. Это и есть самые любимые места диких козуль.

После полудня Дерсу нашел маленькую тропку, которая вела нас к перевалу, покрытому густым лесом. Здесь было много барсучьих нор. Одни из них были старые, другие — совсем свежие. В некоторых норах поселились лисицы, что можно было узнать по следам на песке.

Отряд наш несколько отстал, а мы с Дерсу шли впереди и говорили между собой. Вдруг шагах в тридцати от себя я увидел, что в зарослях кто-то шевелится. Это оказался барсук, близко родственный японскому барсуку и распространенный по всему краю. Окраска его буро-серая с черным, морда белесоватая с продольными темными полосами около глаз. Барсук — животное всеядное, ведущее одиночную жизнь. Китайцы и инородцы специально за ним не охотятся, но бьют, если попадается под выстрелы. Шкура его, покрытая жесткими волосами, употребляется ими на чехлы к ружьям и оторочку сумок.

Замеченный мною барсук часто подымался на задние ноги и старался что-то достать, но что именно — я рассмотреть никак не мог. Он так был занят своим делом, что совершенно не замечал нас. Долго мы следили за ним, наконец мне наскучило это занятие, и я пошел вперед.

Испуганный шумом, барсук бросился в сторону и быстро исчез из виду. Придя на то место, где было животное, я остановился и стал осматриваться. Вдруг я услышал крики Дерсу. Он махал руками и давал мне понять, чтобы я скорее отходил назад. В это время я почувствовал сильную боль в плече. Схватив рукой больное место, я поймал какое-то крупное насекомое. Оно тотчас ужалило меня в руку. Тут только я заметил на кусте бузины совсем рядом с собой большое гнездо шершней. Я бросился бежать и стал ругаться. Несколько насекомых погнались за мной следом.

— Погоди, капитан, — сказал Дерсу, вынимая топор из котомки. Выбрав тонкое дерево, он срубил его и очистил от веток. Потом набрал бересты и привязал ее к концу жерди. Когда шершни успокоились, он зажег бересту и поднес ее под самое гнездо. Оно вспыхнуло, как бумага. Подпаливая шершней, Дерсу приговаривал:

— Что, будешь нашего капитана кусать?

Покончив с шершнями, он побежал опять в лес, нарвал какой-то травы и, растерев ее на лезвии топора, приложил мне на больные места, а сверху прикрыл кусочками мягкой бересты и обвязал тряпицами. Минут через десять боль стала утихать. Я просил его показать мне эту траву. Он опять сходил в лес и принес растение, которое оказалось маньчжурским ломоносом. Дерсу сообщил мне, что трава эта также помогает и от укусов змей, что эту-то именно траву и едят собаки. Она вызывает обильное выделение слюны; слюна, смешанная с соком травы, при зализывании укушенного места является спасительной и парализует действие яда. Покончив с перевязкой, мы пошли дальше. Разговор наш теперь вертелся около шершней и ос. Дерсу считал их самыми «вредными людьми» и говорил:

— Его постоянно сам кусай. Теперь моя всегда его берестой пали.

Дня через два мы достигли водораздела. И подъем на хребет и спуск с него были одинаково крутыми. По ту сторону перевала мы сразу попали на тропинку, которая привела нас к фанзе соболевщика-китайца. Осмотрев ее, Дерсу сказал, что хозяин ее жил здесь несколько дней подряд и ушел только вчера. Я высказал сомнение. В фанзе мог быть и не хозяин, а работник или случайный про-

хожий. Вместо ответа Дерсу указал мне на старые вещи, выброшенные из фанзы и замененные новыми. Это мог сделать только сам хозяин. С этими доводами нельзя было не согласиться.

Глава двадцатая

Искатель женьшеня

Енотовидная собака. — Охота на кабанов. — Лес в истоках реки Дананцы. — Привидения. — Перевал Забытый. — Гора Тудинза. — Птицы. — Река Вангоу. — Страшный выстрел. — Дерсу ранен. — Солонцы. — Брошенная лудева. — Встреча с Гранатманом и Мерзляковым. — Река Динзахе. — Птицы. — Искатель женьшеня

К вечеру в этот день нам удалось дойти до реки Ното. Истоки ее находятся приблизительно там, где пересекаются 45-я параллель и 135-й меридиан (от Гринвича). Отсюда берут начало река Ваку и все верхние левые притоки Имана.

Река Ното (по-удэгейски Нынту) длиной около 120 километров. В верхней половине она состоит из двух рек одинаковой величины: Дабэйцы[118] и Дананцы[119]. Названия эти китайские и указывают направление их течений. Первая течет с севера, вторая — с юга. Место слияния их определяет границу, где кончаются леса и начинаются открытые места и земледельческие фанзы. Если идти вверх по реке Дабэйце, то можно выйти в верховья Ваку и далее к охотничьему поселку Сидатун на Имане.

Верховья Ното по справедливости считаются самыми глухими местами Уссурийского края. Китайские фанзы, разбросанные по тайге, нельзя назвать ни охотничьими, ни земледельческими. Сюда стекается весь беспокойный манзовский элемент, падкий до легкой наживы, способный на грабежи и убийства.

Долина нижнего Ното является как бы продолжением долины Дананцы. Она принимает в себя справа реку Себучар и, согласуясь с ее направлением, поворачивает к югу. Недалеко от впадения своего в Улахе она снова склоняется на юго-запад. Таким образом, бассейн реки Ното со своими притоками составляет систему тектонических долин, сходящихся почти под прямыми углами с денудационными долинами прорыва. Первые представляют собой прямые долины, узкие в вершинах и постепенно расши-

ряющиеся книзу, вторые — изломанные и состоящие из целого ряда котловин, замыкаемых горами, так что вперед сказать, куда повернет река, — невозможно. Котловины между собой соединены узкими проходами. Обыкновенно в этих местах река делает поворот. Вследствие этого очень часто притоки легко принять за главную долину; ошибка разъясняется только тогда, когда подходишь к ним вплотную.

Река Ното порожистая, и плавание по ней считается опасным. В нижнем течении она около 60 метров ширины, 1 метра глубины и имеет быстроту течения до 8 километров в час в малую воду. В дождливый период года вода, сбегающая с гор, переполняет реку и производит внизу большие опустошения.

Тут мы нашли брошенные инородческие юрты и старые развалившиеся летники. Дерсу мне сообщил, что раньше на реке Ното жили удэгейцы (четверо мужчин и две женщины с тремя детьми), но китайцы вытеснили их на реку Ваку. В настоящее время по всей долине Ното охотничают и соболюют одни манзы.

На другой день мы пошли вверх по реке Дананце. Она длиной около 50 километров.

Здесь в лесах растет много тиса. Некоторые деревья достигают 10 метров высоты и метра в обхвате на грудной высоте.

Не доходя километров десяти до перевала, тропа делится на две. Одна идет на восток, другая поворачивает к югу. Если идти по первой, то можно выйти на реку Динзахе, вторая приведет на Вангоу (притоки Тадушу). Мы выбрали последнюю. Тропа эта пешеходная, много кружит и часто переходит с одного берега на другой.

В походе Дерсу всегда внимательно смотрел себе под ноги; он ничего не искал, но делал это просто так, по привычке. Один раз он нагнулся и поднял с земли палочку. На ней были следы удэгейского ножа. Место среза давно уже почернело.

Разрушенные юрты, порубки на деревьях, пни, на которых раньше стояли амбары, и эта строганая палочка свидетельствовали о том, что удэгейцы были здесь год тому назад.

В сумерки мы встали биваком на гальке в надежде, что около воды нас не так будут допекать комары.

Козулятина приходила к концу, надо было достать еще
 мяса. Мы сговорились с Дерсу и пошли на охоту. Было

решено, что от рассошины[120] я пойду вверх по реке, а он по ручейку в горы.

Уссурийская тайга оживает два раза в сутки: утром, перед восходом солнца, и вечером, во время заката.

Когда мы вышли с бивака, солнце стояло уже низко над горизонтом. Золотистые лучи его пробивались между стволами деревьев в самые затаенные уголки тайги. Лес был удивительно красив в эту минуту. Величественные кедры своей темной хвоей как будто хотели прикрыть молодняк. Огромные тополи, насчитывающие около трехсот лет, казалось, спорили в силе и мощности с вековыми дубами. Рядом с ними в сообществе росли гигантские липы и высокоствольные ильмы. Позади них виднелся коренастый ствол осокоря, потом черная береза, за ней — ель и пихта, граб, пробковое дерево, желтый клен и т.д. Дальше за ними уже ничего не было видно. Там все скрывалось в зарослях крушины, бузины и черемушника.

Время шло. Трудовой день кончился; в лесу сделалось сумрачно. Солнечные лучи освещали теперь только вершины гор и облака на небе. Свет, отраженный от них, еще некоторое время освещал землю, но мало-помалу и он стал блекнуть.

Жизнь пернатых начала замирать, зато стала просыпаться другая жизнь — жизнь крупных четвероногих.

До слуха моего донесся шорох. Скоро я увидел и виновника шума — это была енотовидная собака — животное, занимающее среднее место между собаками, куницами и енотами. Тело ее, длиною около 80 сантиметров, поддерживается короткими ногами, голова заостренная, хвост длинный, общая окраска серая с темными и белесоватыми просветами, шерсть длинная, отчего животное кажется больше, чем есть на самом деле.

Енотовидная собака обитает почти по всему Уссурийскому краю, преимущественно же в западной и южной его частях, и держится главным образом по долинам около рек. Животное это трусливое, ведущее большей частью ночной образ жизни, и весьма прожорливое. Его можно назвать всеядным; оно не отказывается от растительной пищи, но любимое лакомство его составляют рыбы и мыши. Если летом корма было достаточно, то зимой енотовидная собака погружается в спячку.

Проводив ее глазами, я постоял с минуту и пошел дальше.

Через полчаса свет на небе еще более отодвинулся на запад. Из белого он стал зеленым, потом желтым, оран-

жевым и наконец темно-красным. Медленно земля совершала свой поворот и, казалось, уходила от солнца навстречу ночи.

В это время я услышал треск сучьев и вслед за тем какое-то сопение. Я замер на месте. Из чащи, окутанной мраком, показались две темные массы. Я узнал кабанов. Они направлялись к реке. Судя по неторопливому шагу животных, я понял, что они меня не видали. Один кабан был большой, а другой поменьше. Я выбрал меньшего и стал в него целиться. Вдруг большой кабан издал резкий крик, и одновременно я спустил курок. Эхо подхватило звук выстрела и далеко разнесло его по лесу. Большой кабан шарахнулся в сторону. Я думал, что промахнулся, и хотел уже было двинуться вперед, но в это время увидел раненого зверя, подымающегося с земли. Я выстрелил второй раз, животное ткнулось мордой в траву и опять стало подыматься. Тогда я выстрелил в третий раз. Кабан упал и остался недвижим. Я подошел к нему. Это была свинья средней величины, вероятно, не более 130 килограммов весом.

Чтобы мясо не испортилось, я выпотрошил кабана и хотел было уже идти на бивак за людьми, но опять услышал шорох в лесу. Это оказался Дерсу. Он пришел на мои выстрелы. Я очень удивился, когда он спросил меня, кого я убил. Я мог и промахнуться.

— Нет, — засмеялся он, — моя хорошо понимай, тебе убей есть.

Я просил объяснить мне, на чем он основывает свои предположения. Гольд сказал мне, что обо всем происшедшем он узнал не по выстрелам, а по промежуткам между ними. Одним выстрелом редко удается убить зверя. Обыкновенно приходится делать два-три выстрела. Если бы он слышал только один выстрел, то это значило бы, что я промахнулся. Три выстрела, часто следующих один за другим, говорят за то, что животное убегает и выстрелы пускаются вдогонку. Но выстрелы с неравными промежутками между ними показывают, что зверь ранен и охотник его добивает.

Решено было, что до рассвета кабан останется на месте, а с собой мы возьмем только печень, сердце и почки животного.

Затем мы разложили около него огонь и пошли назад.

Было уже совсем темно, когда мы подходили к биваку. Свет от костров отражался по реке яркой полосой. Полоса эта как будто двигалась, прерывалась и появлялась вновь
 у противоположного берега. С бивака доносились удары

топора, говор людей и смех. Расставленные на земле комарники, освещенные изнутри огнем, казались громадными фонарями. Казаки слышали мои выстрелы и ждали добычи. Принесенная кабанина тотчас же была обращена в ужин, после которого мы напились чаю и улеглись спать. Остался только один караульный для охраны коней, пущенных на волю.

Одиннадцатого числа мы продолжали свой путь по реке Дананце. Здесь в изобилии растет кедр. По мере приближения к Сихотэ-Алиню строевой лес исчезает все больше и больше и на смену ему выступают леса поделочного характера, и наконец в самых истоках растет исключительно замшистая и жидкая ель, лиственница и пихта. Корни деревьев не углубляются в землю, а стелются на поверхности. Сверху они чуть-чуть только прикрыты мхами. От этого деревья недолговечны и стоят непрочно. Молодняк двадцатилетнего возраста свободно опрокидывается на землю усилиями одного человека. Отмирание деревьев происходит от вершин. Иногда умершее дерево продолжает еще долго стоять на корню, но стоит до него слегка дотронуться, как оно тотчас же обваливается и рассыпается в прах.

При подъеме на крутые горы, в особенности с ношей за плечами, следует быть всегда осторожным. Надо внимательно осматривать деревья, за которые приходится хвататься. Уже не говоря о том, что при падении такого рухляка сразу теряешь равновесие, но, кроме того, обломки сухостоя могут еще разбить голову. У берез древесина разрушается всегда скорее, чем кора. Труха из них высыпается, и на земле остаются лежать одни берестяные футляры.

Такие леса всегда пустынны. Не видно нигде звериных следов, нет птиц, не слышно жужжания насекомых. Стволы деревьев в массе имеют однотонную буро-серую окраску. Тут нет подлеска, нет даже папоротников и осок. Куда ни глянешь, всюду кругом мох: и внизу под ногами, и на камнях, и на ветвях деревьев. Тоскливое чувство навевает такая тайга. В ней всегда стоит мертвая тишина, нарушаемая только однообразным свистом ветра по вершинам сухостоев. В этом шуме есть что-то злобное, предостерегающее. Такие места удэгейцы считают обиталищами злых духов.

К вечеру мы немного не дошли до перевала и остановились у предгорий Сихотэ-Алиня. На этот день на разведки я послал казаков, а сам с Дерсу остался на биваке. Мы скоро поставили односкатную палатку, повесили над огнем чайник и стали ждать возвращения людей. Дерсу молча курил трубку, а я делал записи в свой дневник.

В переходе от дня к ночи всегда есть что-то таинственное. В лесу в это время становится сумрачно и тоскливо. Кругом воцаряется жуткое безмолвие. Затем появляются какие-то едва уловимые ухом звуки. Как будто слышатся глубокие вздохи. Откуда они исходят? Кажется, что вздыхает сама тайга. Я оставил работу и весь отдался влиянию окружающей меня обстановки. Голос Дерсу вывел меня из задумчивости.

— Худо здесь наша спи, — сказал он как бы про себя.

— Почему? — спросил я его.

Он указал рукой на клочья тумана, которые появились в горах и, точно привидения, бродили по лесу.

— Тебе, капитан, понимай нету,—продолжал он.— Его тоже все равно люди.

Дальше из его слов я понял, что раньше это были люди, но они заблудились в горах, погибли от голода, и вот теперь души их бродят по тайге в таких местах, куда редко заходят живые.

Вдруг Дерсу насторожился.

— Слушай, капитан, — сказал он тихо.

Я прислушался. Со стороны, противоположной той, куда ушли казаки, издали доносились странные звуки. Точно кто-нибудь рубил там дерево. Потом все стихло. Прошло минут десять, и опять новый звук пронесся в воздухе. Точно кто-то лязгал железом, но только очень далеко. Вдруг сильный шум прокатился по всему лесу. Должно быть, упало дерево.

— Это его, его, — забормотал испуганно Дерсу, и я понял, что он говорит про души заблудившихся и умерших. Затем он вскочил на ноги и что-то по-своему стал сердито кричать в тайгу. Я спросил его, что это значит.

— Моя мало-мало ругается, — отвечал он. — Моя ему сказал, что наша одну только ночь здесь спи и завтра ходи дальше.

В это время с разведок вернулись казаки и принесли с собой оживление. Ночных звуков больше не было слышно, и ночь прошла спокойно.

На следующий день я проснулся раньше солнца и тотчас же принялся будить разоспавшихся казаков. Солнечный восход застал нас уже в дороге.

Подъем со стороны реки Дананцы был длинный, пологий, спуск в сторону моря крутой. Самый перевал представляет собой довольно глубокую седловину, покрытую хвойным лесом, высотой в 870 метров. Я назвал его Забытым.

В горах Сихотэ-Алиня почти всегда около глубоких седловин располагаются высокие горы. Так было и здесь. Слева от нас высилась большая гора с плоской вершиной, которую называют Тудинза.

Оставив казаков ожидать нас в седловине, мы вместе с Дерсу поднялись на гору. По гипсометрическим измерениям высота ее равна 1160 метрам. Подъем, сначала пологий, по мере приближения к вершине становился все круче и круче. Бесспорно, что гора Тудинза является самой высокой в этой местности. Вершина ее представляет собой небольшую площадку, покрытую травой и обставленную по краям низкорослой ольхой и березой.

Сверху, с горы, открывался великолепный вид во все стороны. Перед нами развернулась красивая панорама. Земля внизу казалась морем, а горы — громадными окаменевшими волнами. Ближайшие вершины имели причудливые очертания, за ними толпились другие, но контуры их были задернуты дымкой синеватого тумана, а дальше уже нельзя было разобрать, горы это или кучевые облака на горизонте. В этом месте хребет Сихотэ-Алинь делает небольшой излом к морю, а затем опять поворачивает на северо-восток. Гора Тудинза находилась как раз в углу излома. Сверху я легко мог разобраться в расположении горных складок и в направлениях течений рек. К западу текли Ли-Фудзин и Ното, к северо-востоку — Тютихе, к востоку — Динзахе и на юго-восток — Вангоу.

Покончив с кипячением воды, мы стали спускаться обратно к седловине.

Я не знаю, что труднее — подъем или спуск. Правда, при подъеме в работе участвует дыхание, зато положение тела устойчивее. При спуске приходится все время бороться с тяжестью собственного тела. Каждый знает, как легко подыматься по осыпям вверх и как трудно по ним спускаться книзу.

Надо все время упираться ногой в камни, в бурелом, в основание куста, в кочку, обросшую травой, и т.д. При подъеме на гору это не опасно, но при спуске всегда надо быть осторожным. В таких случаях легко сорваться с кручи и полететь вниз головой.

Восхождение на гору Тудинзу отняло у нас целый день. Когда мы спустились в седловину, было уже поздно. На самом перевале находилась кумирня. Казаки нашли в ней леденцы. Они сидели за чаем и благодушествовали.

И здесь, как и на реке Вай-Фудзине, при переходе через Сихотэ-Алинь, наблюдателя поражает разница в рас-

тительности. За водоразделом мы сразу попали в лиственный лес; хвоя и мох остались позади.

В истоках Вангоу стояла китайская зверовая фанза Цоцогоуза[121]; в ней мы заночевали.

Перед сумерками я взял ружье и отправился на разведки. Я шел медленно, часто останавливался и прислушивался. Вдруг до слуха моего донеслись какие-то странные звуки, похожие на певучее карканье. Я притаился и вскоре увидел ворона. Птица эта гораздо крупнее обыкновенной вороны. Крики, издаваемые вороном, довольно разнообразны и даже приятны для слуха. Он сидел на дереве и как будто разговаривал сам с собой. В голосе его я насчитал девять колен. Заметив меня, птица испугалась. Она легко снялась с места и полетела назад. В одном месте в расщелине между корой и древесиной я заметил гнездо пищухи, а затем и ее самое. Эта серенькая живая и веселая птичка лазала по дереву и своим длинным и тонким клювом ощупывала кору. Иногда она двигалась так, что приходилась спиной книзу и лапками держалась за ветки. Рядом с ней суетились два амурских поползня. Они тихонько пищали и проворно осматривали каждую складку на дереве и действовали своими коническими клювами, как долотом, нанося удары не прямо, а сбоку, то с одной, то с другой стороны.

На возвратном пути я убил трех рябчиков, которые и доставили нам хороший ужин.

На рассвете (это было 12 августа) меня разбудил Дерсу. Казаки еще спали. Захватив с собой гипсометры, мы снова поднялись на Сихотэ-Алинь. Мне хотелось смерить высоту с другой стороны седловины. Насколько я мог уяснить, Сихотэ-Алинь тянется здесь в направлении к юго-западу и имеет пологие склоны, обращенные к Дананце, и крутые к Тадушу. С одной стороны были только мох и хвоя, с другой — смешанные лиственные леса, полные жизни.

Когда мы вернулись в фанзу, отряд наш был уже готов к выступлению. Стрелки и казаки позавтракали, согрели чай и ожидали нашего возвращения. Закусив немного, я велел им седлать коней, а сам вместе с Дерсу пошел вперед по тропинке.

Река Вангоу имеет вид горной таежной речки, длиной около 20 километров, протекающей по продольной межскладчатой долине, покрытой отличным строевым лесом. На этом протяжении она принимает в себя пять небольших притоков: три с левой стороны — Тунца[122], Сяоца[123]

и Сиявангул[124], и два с правой — Та-Сица[125] и Сяо-Сица[126].

К несчастью, река Вангоу сплавной быть не может, потому что русло ее засорено галькой и засалено буреломом.

Около устья первой речки мы остановились, чтобы подождать вьючный обоз.

Дерсу сел на берегу речки и стал переобуваться, а я пошел дальше.

Тропинка описывает здесь дугу градусов в сто двадцать. Отойдя немного, я оглянулся назад и увидел его, сидящего на берегу речки. Он махнул мне рукой, чтобы я его не дожидался.

Едва я вступил на опушку леса, как сразу наткнулся на кабанов, но выстрелить не успел. Заметив, куда побежали животные, я бросился им наперерез. Действительно, через несколько минут я опять догнал их. Сквозь чащу я видел, как что-то мелькнуло. Выбрав момент, когда темное пятно остановилось, я приложился и выстрелил. В то же мгновение я услышал человеческий крик и затем болезненный стон. Безумный страх овладел мной. Я понял, что стрелял в человека, и кинулся через заросли к роковому месту. То, что я увидел, поразило меня как обухом по голове. На земле лежал Дерсу.

— Дерсу! Дерсу! — закричал я не своим голосом и бросился к нему.

Он уперся левой рукой в землю и, приподнявшись немного на локте, правой рукой закрыл глаза. Я тормошил его и торопливо, испуганно спрашивал, куда попала пуля.

— Спина больно, — отвечал он.

Я спешно стал снимать с него верхнюю одежду. Его куртка и нижняя рубашка были разорваны. Наконец я его раздел. Вздох облегчения вырвался из моей груди. Пулевой раны нигде не было. Вокруг контуженного места был кровоподтек немногим более пятикопеечной монеты. Тут только я заметил, что я дрожу, как в лихорадке. Я сообщил Дерсу характер его ранения. Он тоже успокоился. Заметив волнение, он стал меня успокаивать:

— Ничего, капитан! Тебе виноват нету. Моя назади был. Как тебе понимай, что моя впереди ходи.

Я поднял его, посадил и стал расспрашивать, как могло случиться, что он оказался между мной и кабанами. Оказалось, что кабанов он заметил со мной одновременно. Прирожденная охотничья страсть тотчас в нем заговорила. Он вскочил и бросился за животными. А так как я двигался по круговой тропе, а дикие свиньи шли прямо, то,

следуя за ними, Дерсу скоро обогнал меня. Куртка его по цвету удивительно подходила к цвету шерсти кабана. Дерсу в это время пробирался по чаще согнувшись. Я принял его за зверя и выстрелил.

Пуля разорвала куртку и контузила спину, вследствие чего у него отнялись ноги.

Минут через десять подошли вьюки. Первое, что я сделал, — это смазал ушиб раствором йода, затем освободил одну лошадь, а груз разложил по другим коням. На освободившееся седло мы посадили Дерсу и пошли дальше от этого проклятого места.

После полудня там, где река Вангоу принимает в себя сразу три притока, мы нашли еще одну зверовую фанзу. Дальше идти было нельзя: у Дерсу болела голова и ломило спину.

Я решил остановиться на ночлег. Раненого мы перенесли на руках в фанзу и положили на кан. Я старался окружить его самым заботливым уходом. Первым долгом я положил ему согревающий компресс на спину, для чего разорвал на полосы один комарник.

К вечеру Дерсу немного успокоился. Зато я не мог найти себе места. Мысль, что я стрелял в человека, которому обязан жизнью, не давала мне покоя. Я проклинал сегодняшний день, проклинал кабанов и охоту. Ведь если бы на сантиметр я взял левее, если бы моя рука немного дрогнула, Дерсу был бы убит! Всю ночь я не мог уснуть. Мне все мерещился лес, кабаны, мой выстрел, крик Дерсу и куст, под которым он лежал. В испуге я вскакивал с кана и несколько раз выходил на воздух; я старался успокоить себя тем, что Дерсу жив и находится со мной, но ничто не помогало. Тогда я развел огонь и попробовал было читать. Скоро я заметил, что представляю себе не то, что написано в книге, а другую картину... Наконец стало светать. На мое счастье, проснулся очередной артельщик. Он принялся готовить утренний завтрак, а я стал ему помогать.

Утром Дерсу почувствовал себя легче. Боль в спине утихла совсем. Он начал ходить, но все еще жаловался на головную боль и слабость. Я опять приказал одного коня предоставить больному. В девять часов утра мы выступили с бивака.

В нижнем течении Вангоу немного болотистая. Здесь есть кое-где небольшие полянки с землей плодородной, заросшей орешником, леспедецей, тростником и полынью. Километрах в пяти от устья, слева, в Вангоу впадает маленький ключик, называемый китайцами Талаза-гоу[127] — Долина большой скалы. Действительно, такая скала здесь

есть. Порода, из которой она состоит, разрушаясь под действием солнца, дождя и ветра, дает беловатую рыхлую массу, похожую на глину. По словам тазов, летом во время пантовки здесь всегда держится много изюбров. Они с какой-то особенной жадностью грызут эту землю. При ближайшем обследовании скалы на ней действительно были найдены многочисленные следы, оставленные зубами оленей. С одной стороны ими было съедено так много породы, что образовалась выемка около аршина глубиной.

Неподалеку от скалы находилась лудева, то есть забор, преграждавший животным доступ к водопою. Он был сделан частью из буреломного леса, частью из живых деревьев. При помощи кольев валежник закрепляется так, чтобы животные не могли разбросать его ногами. Кое-где оставляются проходы, в которых копаются глубокие ямы, сверху искусно замаскированные травой и сухой листвой. Ночью олени идут к воде, натыкаются на забор и, пытаясь обойти его, попадают в ямы. Такие лудевы тянутся иногда на 50 километров с лишним и имеют около двухсот действующих ям.

Лудева на реке Вангоу была заброшена. Видно было, что китайцы не навещали ее уже давно. В одной из ям мы нашли матку изюбра. Бедное животное попало туда, видно, суток трое тому назад. Мы остановились и стали рассуждать о том, как его спасти. Один из стрелков хотел было спуститься в яму, но Дерсу посоветовал не делать этого. Олень мог убиться сам и переломать охотнику ноги. Тогда мы решили вынуть его арканами. Так и сделали. В две петли, брошенные на землю, изюбр попал ногами, третью набросили ему на голову и быстро вытащили наверх. Казалось, что он задохся. Но едва петли были сняты, он тотчас начал ворочать глазами. Отдышавшись немного, олень поднялся на ноги и, шатаясь, пошел в сторону, но, не доходя до леса, увидел ручей и, не обращая на нас более внимания, стал жадно пить воду.

Дерсу ужасно ругал китайцев за то, что они, бросив лудеву, не позаботились завалить ямы землей. Через час мы подошли к знакомой нам Лудевой фанзе. Дерсу совсем оправился и хотел было сам идти разрушить лудеву, но я посоветовал ему остаться и отдохнуть до завтра. После обеда я предложил всем китайцам стать на работу и приказал казакам следить за тем, чтобы все ямы были уничтожены.

После пяти часов полудня погода стала портиться: с моря потянул туман; откуда-то на небе появились тучи. В
 сумерках возвратились казаки и доложили, что в трех ямах

они еще нашли двух мертвых оленей и одну живую козулю.

Весь следующий день мы простояли на месте. Погода была переменная, но больше дождливая и пасмурная. Люди стирали белье, починяли одежду и занималась чисткой оружия. Дерсу оправился окончательно, чему я несказанно радовался.

После полудня мы услышали выстрелы. Это Г.И. Гранатман и А.И. Мерзляков давали знать о своем возвращении. Встреча наша была радостной. Начались расспросы и рассказы друг другу о том, кто где был и кто что видел. Разговоры эти затянулись до самой ночи.

Четырнадцатого августа мы были готовы к продолжению путешествия. Теперь я полагал подняться по реке Динзахе и спуститься в бассейн Тютихе, а Г.И. Гранатман с А.И. Мерзляковым взялись обследовать другой путь по реке Вандагоу, впадающей в Тютихе с правой стороны, недалеко от устья.

Пятнадцатого августа, в девять часов утра, оба наши отряда разделились и пошли каждый своей дорогой.

Густой туман, лежавший до сих пор в долинах, вдруг начал подыматься. Сначала оголились подошвы гор, потом стали видны склоны их и седловины. Дойдя до вершин, он растянулся в виде скатерти и остался неподвижен. Казалось, вот-вот хлынет дождь, но благоприятные для нас стихии взяли верх: день был облачный, но не дождливый.

Река Динзахе[128] длиной около 50 километров. Общее направление ее течения с севера на юг. Немного не доходя до Тадушу, она круто поворачивает на запад и течет некоторое время параллельно ей. Высокий отрог горного хребта, вклинившийся между этими двумя реками, состоит из трахитового туфа, фельзитов с плитняковой отдельностью и зеленого оруденелого кварцита. Лесонасаждение в горах редкое. Здесь растут белая и черная береза, клен, дуб и липа. Китайцы, которым нужно попасть на Динзахе, идут прямо через этот отрог, чем значительно сокращают расстояние и выигрывают во времени. Последние три километра река снова склоняется на юг и под прямым углом впадает в Тадушу.

Сначала на протяжении 10 километров по долине реки Динзахе тянутся поляны, отделенные друг от друга небольшими перелесками, а затем начинаются сплошные леса, такие же роскошные, как и на Ли-Фудзине. Тут я впервые заметил японскую березу с треугольными листьями, — говорят, она часто встречается к югу от Тадушу, затем — бересклет малоцветковый, украшенный бахромчатыми ветвями и с бледными листьями, абрикосовое дерево с

мелкими плодами и черешню Максимовича*, растущую всегда одиноко и дающую черные безвкусные плоды. В другом месте я заметил приземистый тальник со слабоопушенными листьями и пепельную иву, растущую то кустом, то деревом. Кое-где одиночно встречались кусты смородины Максимовича, которую всегда можно узнать по красивой листве и мелким ягодам, и изредка княжик охотский с тонкими заостренными долями листьев.

Некоторые деревья поражали своей величиной. Измеренные стволы их в обхвате на грудной высоте дали следующие цифры: кедр — 2,9, пихта — 1,4, ель — 2,8, береза белая — 2,3, тополь — 3,5 и пробковое дерево — 1,4 метра.

Река Динзахе сильно извивается по долине. Местами она очень мелка, течет по гальке и имеет много перекатов, но местами образует глубокие ямы. Вода в массе вследствие посторонних примесей имеет красивый опаловый оттенок.

С каждым днем гнуса становилось все меньше и меньше. Это очень облегчило работу. Комары стали какие-то желтые, холодные и злые.

Первым большим притоком Динзахе с правой стороны будет Канхеза. По ней можно выйти на реку Вангоу. В этот день мы прошли сравнительно немного и на ночь остановились в густом лесу около брошенной зверовой фанзы.

Когда стемнело, с моря ветром опять нанесло туман. Конденсация пара была так велика, что влага непосредственно из воздуха оседала на землю мелкой изморосью. Туман был так густ, что в нескольких шагах нельзя было рассмотреть человека. В такой сырости не хочется долго сидеть у огня.

После ужина все, словно сговорившись, залезли в комарники и легли спать.

С восходом солнца туман рассеялся. По обыкновению, мы с Дерсу не стали дожидаться, когда казаки заседлают лошадей, и пошли вперед.

Чем дальше, тем лес становился глуше. В этой девственной тайге было что-то такое, что манило в глубину ее и в то же время пугало своей неизвестностью. В спокойном проявлении сил природы здесь произрастали представители всех лиственных и хвойных пород маньчжурской флоры. Эти молчаливые великаны могли бы многое рассказать из того, чему они были свидетелями за двести и триста с лишним лет своей жизни на земле.

Проникнуть в самую глубь тайги удается немногим. Она слишком велика. Путнику все время приходится иметь дело

---

*Черешня Максимовича — вишня Максимовича. (*Прим. ред.*)

с растительной стихией. Много тайн хранит в себе тайга и ревниво оберегает их от человека. Она кажется угрюмой и молчаливой... Таково первое впечатление. Но кому случалось поближе с ней познакомиться, тот скоро привыкает к ней и тоскует, если долго не видит леса. Мертвой тайга кажется только снаружи, на самом деле она полна жизни. Мы с Дерсу шли не торопясь и наблюдали птиц.

В чаще подлесья в одиночку кое-где мелькали бойкие ремезы-овсянки. Там и сям на деревьях можно было видеть уссурийских малых дятлов. Из них особенно интересен зеленый дятел с золотистой головкой.

Он усердно долбил деревья и нимало не боялся приближения людей. В другом месте порхало несколько темных дроздов. Рядом по веткам шоркали две уссурийские сойки-пересмешницы. Один раз мы вспугнули сокола-дербнюка. Он низко полетел над землей и скрылся вскоре за деревьями.

Над водой резвились стрекозы. За одной из них гналась азиатская трясогузка; она старалась поймать стрекозу на лету, но последняя ловко от нее увертывалась.

Вдруг где-то в стороне тревожно закричала кедровка. Дерсу сделал мне знак остановиться.

— Погоди, капитан, — сказал он. — Его сюда ходи.

Действительно, крики приближались. Не было сомнения, что это тревожная птица кого-то провожала по лесу. Минут через пять из зарослей вышел человек. Увидев нас, он остановился как вкопанный. На лице его изобразилась тревога.

Я сразу узнал в нем искателя женьшеня. Одет он был в рубашку и штаны из синей дабы, кожаные унты, а на голове красовалась берестяная шляпа. Спереди на нем был надет промасленный передник для защиты одежды от росы, а сзади к поясу привязана шкура барсука, позволявшая садиться на мокрый валежник без опасения замочить одежду. У его пояса висел нож, костяная палочка для выкапывания женьшеня и мешочек, в котором хранились кремень и огниво. В руках китаец держал длинную палку для разгребания травы и листвы под ногами.

Дерсу сказал ему, чтобы он не боялся и подошел поближе. Это был человек лет пятидесяти пяти, уже поседевший. Лицо и руки у него так загорели, что приняли цвет оливково-красный. Никакого оружия у него не было.

Когда китаец убедился, что мы не хотим ему сделать зла, он сел на колодник, достал из-за пазухи тряпицу и стал вытирать ею потное лицо. Вся фигура старика выражала крайнее утомление.

Так вот он, искатель женьшеня! Это был своего рода пустынник, ушедший в горы и отдавший себя под покровительство лесных духов.

Из расспросов выяснилось, что в верховьях Динзахе у него есть фанза. В поисках чудодейственного корня он иногда уходил так далеко, что целыми неделями не возвращался к своему дому.

Он рассказал нам, как найти его жилище, и предложил остановиться у него в доме. Отдохнув немного, старик попрощался с нами, взял свою палку и пошел дальше. Я долго следил за ним глазами. Один раз он нагнулся к земле, взял мох и положил его на дерево. В другом месте он бантом закрутил ветку черемухи. Это условные знаки. Они означали, что данное место осмотрено и другому женьшеньщику делать здесь нечего. Великий смысл заключается в этом. Искатели не будут ходить по одному и тому же месту и понапрасну тратить время. Через несколько минут старик исчез из вида, и мы тоже пошли своей дорогой.

В полдень мы были на половине пути от Тадушу до перевала, а к вечеру дошли до реки Удагоу[129], самого верхнего притока Динзахе. Тут мы действительно нашли маленькую фанзочку, похожую на инородческую юрту, с двускатной крышей, опирающейся непосредственно на землю. Два окна, расположенные по сторонам двери, были заклеены бумагой, разорванной и вновь заклеенной лоскутами. Здесь уже не было орудий звероловства, зато были заступы, скребки, лопаточки, берестяные коробочки разной величины и палочки для выкапывания женьшеня.

Шагах в пятидесяти от фанзы стояла маленькая кумирня со следующей надписью: «Чжемь шань лин ван си жи Хань чао чжи го сян Цзинь цзо жень цзян фу лу мэнь», то есть «Находящемуся в лесах и горах князю (тигру). В древнее время при Ханьской династии — спасавший государство. В настоящие дни — дух, дающий счастье людям».

В верхнем течении Динзахе состоит из двух рек одинаковой величины: Сицы[130] и Тунцы (Дунцы). Первая приведет на Ното, вторая — на Тютихе, куда именно я и направлял свой путь. От фанзы искателя женьшеня шла маленькая тропинка, но скоро она исчезла, и нам опять целый день пришлось идти целиной. Долина Динзахе, как и все тектонические долины, суживается постепенно. В верхней части дно ее занесено щебнем, из чего можно заключить, что в дождливое время года она заливается водой. Горный хребет, служащий водоразделом между нею

 и Тютихе, представляет собой один из отрогов Сихотэ-

Алиня, высотой в среднем 1100 метров. Гребень водораздела однообразно ровный, без выдающихся вершин и глубоких седловин и состоит из каолинизированного кварцевого порфира, в котором включены кристаллы полевого шпата.

Глава двадцать первая

Возвращение к морю

Енотовидные собаки. — Долина Инза-Лазагоу. — Устье реки Тютихе. — Стрельба по уткам. — Философия Дерсу. — Баня. — Бухта Тютихе. — Птицы на берегу моря. — Гроза. — Реки Цимухе и Вандагоу. — Выступление. — Тазы. — Кета. — Потрава пашен кабанами. — Рудник. — Летяга

За перевалом, следуя течению воды к востоку, мы часа в три с половиной дня вышли на реку Инза-Лазагоу — Долина серебряной скалы. Река эта будет самым большим и ближайшим к морю притоком Тютихе. В верховьях Инза-Лазагоу состоит тоже из двух речек, именуемых также Сицой и Тунцой. Каждая из них в свою очередь слагается из нескольких мелких ручьев.

В этот день мы дошли до слияния их и стали биваком в густом лесу.

Здесь в реке было много мальмы. Мы ее ловили просто руками. Она подавалась нам ежедневно утром на завтрак и вечером на ужин. Интересно отметить, что рыбка эта особенно распространена в Уссурийском крае. Туземцы говорят, что к западу от Сихотэ-Алиня преобладает ленок, которого вовсе нет в прибрежном районе*.

Стрелки занялись ловлей рыбы на удочку, а я взял ружье и отправился на разведки в горы. Проходив до самых сумерек и ничего не найдя, я пошел по берегу реки. Вдруг в одной яме я услышал шум, похожий на полосканье. Подойдя осторожно к обрыву, я заглянул вниз и увидел двух енотовидных собак. Они так были заняты ловлей рыбы, что совершенно не замечали моего присутствия. Передними ногами еноты стояли в воде и зубами старались схватить шмыгающих мимо них рыбешек. Я долго наблюдал за животными. Иногда они вдруг круто оборачивались назад, бросались за землеройками и принимались торопливо рыть землю. Но вот один из зверьков поднял голову, внимательно посмотрел в мою сторону и издал ка-

* Указание, что ленка в прибрежном районе нет, ошибочно. Ленок водится во многих горных реках.

кой-то звук, похожий на тявканье. Вслед за тем оба енота быстро исчезли в траве и больше уже не показывались около речки.

На биваке я застал всех в сборе. После ужина мы еще с час занимались каждый своей работой, а затем напились чаю и легли спать, кто где нашел для себя удобней.

Следующий день мы продолжали свой маршрут по реке Инза-Лазагоу. Долина ее в средней части суживается, но затем опять начинает расширяться. Горы с правой стороны крутые и скалистые. В их обрывах когда-то нашли прожилки серебросвинцовой руды, отчего и долина получила свое настоящее название. Долина Инза-Лазагоу большей частью свободна от леса, но так как почва в ней каменистая, она совершенно неудобна для земледелия. Вот почему люди игнорировали ее и поселились около устья.

На всем протяжении река принимает в себя с правой стороны только два небольших горных ручья: Тамчасегоу[131] и Панчасегоу[132]. От места слияния их идет тропа, проложенная тазовскими охотниками и китайцами-соболевщиками.

По пути я замечал, что в некоторых местах земля была истоптана и взрыта. Я думал, что это кабаны, но Дерсу указал мне на исковерканное деревцо, лишенное коры и листьев, и сказал:

— Его скоро начинай кричи!

Из объяснения его я понял, что, как только у изюбра окрепнут молодые рога (панты), он старается содрать с них кожу, для чего треплет какое-нибудь деревцо. Другой самец, придя на это место, понимает, что это значит. Он начинает злиться, рыть землю ногами и бить молодняк рогами.

Река Инза-Лазагоу впадает в реку Тютихе в 5 километрах от моря. Нижняя часть долины последней представляет собой три широкие котловины.

Километрах в двух от устья реки начинаются болота. Песчаные валы и лужи стоячей воды между ними указывают место, до которого раньше доходило море. В приросте суши принимали участие три фактора: отрицательное движение береговой линии, наносы реки и морской прибой.

Около самого залива река вдруг поворачивает налево и течет вдоль берега моря, отделяясь от него только песчаной косой. Раньше устье Тютихе было около Северного мыса. Во время наводнения в 1904 году река прорвала эту плотину и вышла прямо к бухте. Как только в прежнем русле ослабевало течение, море заметало его устье песком.

Так образовался слепой рукав, впоследствии обмелевший. В скором времени он превратился в болото. Длинное озеро, которое сохранилось между валами в одном километре от моря, вероятно, было самое глубокое место залива. Нынче озеро это почти все заросло травой.

На нем плавало множество уток. Я остался с Дерсу ради охоты, а отряд ушел вперед. Стрелять уток, плававших на озере, не имело смысла. Без лодки мы все равно не могли бы их достать. Тогда мы стали караулить перелетных. Я стрелял из дробовика, а Дерсу из винтовки, и редкий раз он давал промахи.

Глядя на его стрельбу, я невольно вслух высказал ему похвалу.

— Моя раньше хорошо стреляй, — отвечал он. — Никогда пуля мимо ходи нету. Теперь мало-мало плохо.

В это мгновенье над нами высоко пролетала утка. Дерсу быстро поднял ружье и выстрелил. Птица, простреленная пулей, перевернулась в воздухе, камнем полетела вниз и грузно ударилась о землю. Я остановился и в изумлении посматривал то на него, то на утку. Дерсу развеселился. Он предложил мне бросать кверху камни величиной с куриное яйцо. Я бросил десять камней, и восемь из них он в воздухе разбил пулями. Дерсу был доволен. Но не тщеславие говорило в нем, он просто радовался тому, что средства к жизни может еще добывать охотой.

Долго мы бродили около озера и стреляли птиц. Время летело незаметно. Когда вся долина залилась золотистыми лучами заходящего солнца, я понял, что день кончился. Вслед за трудовым днем приближался покой; вся природа готовилась к отдыху. Едва солнце успело скрыться за горизонтом, как с другой стороны, из-за моря, стала подыматься ночь.

Широкой полосой перед нами расстилались пески; они тянулись километра на три. Далеко впереди, точно караван в пустыне, двигался наш отряд. Собрав поскорее птиц, мы пошли за ним следом.

Около моря караван наш остановился. Через несколько минут кверху взвилась струйка белого дыма, — это разложили огонь на биваке. Через полчаса мы были около своих.

Стрелки стали на ночь рядом с маленькой фанзой, построенной из плавникового леса около береговых обрывов. Здесь жили два китайца, занимавшиеся сбором съедобных ракушек в полосе мелководья. Большего радушия и большего гостеприимства я нигде не встречал.

За этот переход все сильно устали. На несчастье, я сильно натер пятку. Надо было всем отдохнуть, поэтому я решил сделать дневку и дождаться возвращения Г.И. Гранатмана и А.И. Мерзлякова.

Ночью больная нога не позволяла мне сомкнуть глаз, и я несказанно был рад, когда стало светать. Сидя у огня, я наблюдал, как пробуждалась к жизни природа.

Раньше всех проснулись бакланы. Они медленно, не торопясь, летели над морем куда-то в одну сторону, вероятно, на корм. Над озером, заросшим травой, носились табуны уток. В море, на земле и в воздухе стояла глубокая тишина.

Дерсу поднялся раньше других и начал греть чай. В это время стало всходить солнце. Словно живое, оно выглянуло из воды одним краешком, затем отделилось от горизонта и стало взбираться вверх по небу.

— Как это красиво! — воскликнул я.

— Его самый главный люди, — ответил мне Дерсу, указывая на солнце. — Его пропади — кругом все пропади.

Он подождал с минуту и затем опять стал говорить:

— Земля тоже люди. Голова его — там, — он указал на северо-восток, — а ноги — туда, — он указал на юго-запад. — Огонь и вода тоже два сильные люди. Огонь и вода пропади — тогда все сразу кончай.

В этих простых словах было много анимистического, но было много и мысли. Услышав наш разговор, стали просыпаться стрелки и казаки. Весь день я просидел на месте. Стрелки тоже отдыхали и только по временам ходили посмотреть лошадей, чтобы они не ушли далеко от бивака.

Сегодня мы устроили походную баню. Для этого была поставлена глухая двускатная палатка. Потом в стороне на кострах накалили камни, а у китайцев в большом котле и двух керосиновых банках согрели воды. Когда все было готово, палатку снаружи смочили водой, внесли в нее раскаленные камни и стали поддавать пар. Получилась довольно хорошая паровая баня. Правда, в палатке было тесно и приходилось мыться по очереди. Пока одни мылись, другие калили камни.

Много было шуток, много смеха, но все же все вымылись и даже постирали белье.

Следующие три дня провели за починкой обуви. Прежде всего я позаботился доставить продовольствие Н. А. Пальчевскому, который собирал растения в окрестностях бухты Терней. На наше счастье, в устье Тютихе мы застали
 большую парусную лодку, которая шла на север. Дерсу

уговорил хозяина ее, маньчжура Хэй Батсу[133], зайти в бухту Терней и передать Н. А. Пальчевскому письма и два ящика с грузом.

Погода эти дни стояла переменная: дули резкие западные ветры; ночи стали прохладные; приближалась осень.

Нога моя скоро прошла, и явилась возможность продолжать путешествие.

Там, где река Тютихе впадает в море, нет ни залива, ни бухты. Незначительное углубление береговой линии внутрь материка не дает укрытия судам во время непогоды. Поэтому, если ветер начинает свежеть, они спешат сняться с якоря и уйти подальше от берега. Бухта Тютихе (будем так называть ее) окаймлена с севера и с юга невысокими горами, лишенными древесной растительности; только по распадинам и вообще в местах, защищенных от морских ветров, кое-где растут группами дуб и липа исключительно дровяного характера. Южная возвышенность представляет собой великолепный образчик горы, отмытой по вертикали от вершины до основания и оканчивающейся мысом Бринера. Это одинокая скала, соединяющаяся с материком намывной косой из песка и гальки. Посредине косы есть небольшая, но довольно глубокая лагуна с соленой водой. К югу от мыса Бринера, метрах в двухстах от берега, из воды торчат еще две скалы, именуемые, как и всегда, Братом и Сестрой. Раньше это были береговые ворота. Свод их обрушился, и остались только одни столбы. Если смотреть на мыс Бринера с северного берега бухты Тютихе, то кажется, что столбы эти стоят на песчаном перешейке.

Несколько южнее в береговых обрывах можно наблюдать выходы вулканического туфа с прослойками горючей серы. Горы с северной стороны бухты оканчиваются обрывами высотой 75—98 метров с узкой намывной полосой прибоя, на которую море выбросило множество морской травы.

Такие травяные завалы всегда служат местопребыванием разного рода куликов. Прежде всего я заметил быстро бегающих на песчаной отмели восточносибирских грязовиков. Они заходили в воду и, казалось, совершенно не обращали внимания на прибой. Рядом с ними были кулики-травники. Эти красноногие смирные птички держались маленькими стайками, ходили по траве и выискивали в ней корм. При приближении человека они испуганно с криком снимались с места и летели сначала в море, потом вдруг круто поворачивали в сторону и разом, точно

по команде, садились снова на берег. Там, где морская трава чередовалась с полосками песка, можно было видеть уссурийских зуйков. Симпатичные птички эти постоянно заглядывали под щепки, камни и ракушки и то и дело заходили в воду, и, только когда сильная прибойная волна дальше обыкновенного забегала на берег, они вспархивали и держались на воздухе до тех пор, пока вода не отходила назад. Невдалеке от них по берегу чинно расхаживали два кулика-сороки и что-то клевали. Около мысов плавали нырковые морские утки-белобоки с серой спиной и пестрые каменушки. Они то и дело ныряли за кормом. Поднявшись на поверхность воды, утки осматривались по сторонам, встряхивали своими коротенькими хвостиками и опять принимались за ныряние. Дальше в море держались тихоокеанские бакланы. Они ныряли очень глубоко и всплывали на поверхность на значительном расстоянии от того места, где погружались в воду. Над морем носилось множество чаек. Из них особенно выделялись восточносибирские хохотуньи. Порой они спускались на воду и тогда поднимали неистовый крик, действительно напоминающий человеческий смех. Чайки по очереди снимались с воды, перелетали друг через друга и опять садились рядом, при этом старались одна другую ударить клювом или отнять пойманную добычу. В другой стороне, над самым устьем Тютихе, кружились два белохвостых орлана, зорко высматривавшие добычу. Вдруг, точно сговорившись, они разом опустились на берег; вороны, чайки и кулички без спора уступили им свои места.

Последние два дня были грозовые. Особенно сильная гроза была 23 вечером. Уже с утра было видно, что в природе что-то готовится: весь день сильно парило; в воздухе стояла мгла. Она постепенно увеличивалась и после полудня сгустилась настолько, что даже ближние горы приняли неясные и расплывчатые очертания. Небо сделалось белесоватым. На солнце можно было смотреть невооруженным глазом: вокруг него появилась желтая корона.

— Будет агды (гром), — сказал Дерсу. — Постоянно так начинай.

Часа в два дня с запада донеслись глухие раскаты грома. Все птицы разом куда-то исчезли. Стало сумрачно, точно сверху на землю опустился темный саван, и вслед за тем пошел редкий и крупный дождь. Вдруг могучий удар грома потряс воздух. Сильные молнии сверкали то тут, то там, и не успевали в небе заглохнуть одни раскаты, как появлялись новые. Горное эхо вторило грозе и разносило гро-

мовые удары «во все стороны света белого». К дождю присоединился вихрь. Он ломал мелкие сучья, срывал листву с деревьев и высоко подымал их на воздух. Вслед за тем хлынул сильный ливень. Буря эта продолжалась до восьми часов вечера.

На другой день сразу было три грозы. Я заметил, что по мере приближения к морю грозы затихали. Над водой вспышки молнии происходили только в верхних слоях атмосферы, между облаками. Как и надо было ожидать, последний ливень перешел в мелкий дождь, который продолжался всю ночь и следующие двое суток без перерыва.

Двадцать шестого августа дождь перестал, и небо немного очистилось. Утром солнце взошло во всей своей лучезарной красоте, но земля еще хранила на себе следы непогоды. Отовсюду сбегала вода; все мелкие ручейки превратились в бурные и пенящиеся потоки.

В этот день на Тютихе пришли Г.И. Гранатман и А. И. Мерзляков. Их путь до фанзы Тадянза[134] лежал сначала по Тадушу, а затем по левому ее притоку Цимухе. Последняя состоит из двух речек, разделенных между собой небольшой возвышенностью, поросшей мелким лесом и кустарником. Одна речка течет с севера, другая — с востока.

Береговая тропа проложена китайцами очень искусно. Она все время придерживается таких долин, которые идут вдоль берега моря; перевалы избраны самые низкие, подъемы и спуски возможно пологие.

Высота перевала между обеими упомянутыми речками равняется 200 метрам. Все окрестные горы состоят главным образом из кварцитов.

Далее тропа идет по реке Вандагоу[135], впадающей в Тютихе недалеко от устья. Она длиной около 12 километров, в верхней части — лесистая, в нижней — заболоченная. Лес редкий и носит на себе следы частых пожарищ.

У последней земледельческой фанзы тропа разделяется. Одна идет низом, по болотам, прямо к морю, другая — к броду на Тютихе, километрах в пяти от устья.

Двадцать шестого августа мы отдыхали, 27 посвятили сборам, а 28 вновь выступили в поход. Я с Дерсу и с четырьмя казаками пошел вверх по реке Тютихе, Гранатман отправился на реку Иодзыхе, а Мерзлякову было поручено произвести обследование побережья моря до залива Джигит.

По длине своей Тютихе (по-удэгейски — Ногуле) будет, пожалуй, больше всех рек южной части прибрежного района (около 80 километров). Название ее — искажен-

ное китайское слово «Что-чжи-хе», то есть «Река диких свиней». Такое название она получила оттого, что дикие кабаны на ней как-то раз разорвали двух охотников. Русские в искажении пошли еще дальше, и слово «Тютихе»[136] исказили в «Тетиха», что уже не имеет никакого смысла.

Если смотреть на долину со стороны моря, то кажется, будто Тютихе течет с запада. Ошибка эта скоро разъясняется: видимая долина есть знакомая нам река Инза-Лазагоу.

Долина Тютихе — денудационная; она слагается из целого ряда котловин, замыкаемых горами. Проходы из одной котловины в другую до того узки, что трудно усмотреть, откуда именно течет река. Очень часто какой-нибудь приток мы принимали за самое Тютихе, долго шли по нему и только по направлению течения воды узнавали о своей ошибке.

У места слияния рек Тютихе и Инза-Лазагоу живут китайцы и туземцы. Я насчитал сорок четыре фанзы, из числа которых было шесть тазовских. Последние несколько отличаются от тех тазов, которых мы видели около залива Ольги. У них и физический облик был уже несколько иной. Вследствие притеснения китайцев и злоупотребления спиртом они находились в ужасной нищете. Позаимствовав коечто от китайской культуры, они увеличили свои потребности, но не изменили в корне уклада жизни, вследствие чего началось быстрое падение их экономического благосостояния. У стариков еще живы воспоминания о тех временах, когда они жили одни и были многочисленным народом. Тогда не было китайцев, и только с приходом их появляются те страшные болезни, от которых они гибли во множестве. Среди тазов я не нашел ни одной семьи, в которой не было бы прибора для курения опиума. Особенно этой пагубной страсти преданы женщины.

Тут я нашел одну старуху, которая еще помнила свой родной язык. Я уговорил ее поделиться со мной своими знаниями. С трудом она могла вспомнить только одиннадцать слов. Я записал их, они оказались принадлежащими удэгейцам. Пятьдесят лет тому назад старуха (ей тогда было двадцать лет) ни одного слова не знала по-китайски, а теперь она совершенно утратила все национальное, самобытное, даже язык.

В этот день мы дошли до фанзы таза Лай Серл. Здесь Тютихе принимает в себя с левой стороны две маленькие речки — Сысенкурл[137] и Сибегоу[138]*.

* Речки Сысенкурл и Сибегоу не идентифицированы, названия утрачены.

Мы попали на Тютихе в то время, когда кета шла из моря в реки метать икру. Представьте себе тысячи тысяч рыб от 3,3 до 5 килограммов весом, наводняющих реку и стремящихся вверх, к порогам. Какая-то неудержимая сила заставляет их идти против воды и преодолевать препятствия.

В это время кета ничего не ест и питается только тем запасом жизненных сил, которые она приобрела в море. Сверху, с высоты речных террас, видно все, что делалось в воде. Рыбы было так много, что местами за ней совершенно не было видно дна реки. Интересно наблюдать, как кета проходит пороги. Она двигается зигзагами, перевертывается с боку на бок, кувыркается и все-таки идет вперед. Там, где ей мешает водопад, она подпрыгивает из воды и старается зацепиться за камни. Избитая, израненная, она достигает верховьев реки, оставляет потомство и погибает.

Сперва мы с жадностью набросились на рыбу, но вскоре она нам приелась.

После продолжительного отдыха у моря люди и лошади шли охотно.

Дальние горы задернулись синей дымкой вечернего тумана. Приближался вечер. Скоро кругом должна была воцариться тишина. Однако я заметил, что по мере того как становилось темнее, какими-то неясными звуками наполнялась долина. Слышались человеческие крики и лязганье по железу. Некоторые звуки были далеко, а некоторые совсем близко.

— Дерсу, что это такое? — спросил я гольда.

— Манзы чушку гоняй, — отвечал он.

Я не понял его и подумал, что китайцы загоняют своих свиней на ночь. Дерсу возражал. Он говорил, что, пока не убрана кукуруза и не собраны овощи с огородов, никто свиней из загонов не выпускает.

Мы пошли дальше. Минут через двадцать я заметил огни, но не около фанз, а в стороне от них.

— Манзы чушку гоняй, — опять сказал Дерсу, и я опять его не понял.

Наконец мы обогнули утесы и вышли на поляну. Звуки стали сразу яснее. Китаец кричал таким голосом, как будто аукался с кем-нибудь, и время от времени колотил палкой в медный тазик.

Услышав шум приближающегося отряда, он закричал еще больше и стал разжигать кучу дров, сложенных около тропинки. /259

— Погоди, капитан, — сказал Дерсу. — Так худо ходи. Его могут стреляй. Его думай, наша чушка есть.

Я начал понимать. Китаец принимал нас за диких свиней и действительно мог выстрелить из ружья. Дерсу что-то закричал ему. Китаец тотчас ответил и побежал нам навстречу, видно было, что он и испугался и обрадовался нашему приходу.

Я решил здесь ночевать. Казаки принялись развьючивать лошадей и ставить палатки, а я вошел в фанзу и стал расспрашивать китайцев. Они пеняли на свою судьбу и говорили, что вот три ночи подряд кабаны травят пашни и огороды. За двое суток они уничтожили почти все огородные овощи. Осталась одна кукуруза. Около нее днем китайцы уже видели диких свиней, и не было сомнения, что ночью они явятся снова. Китаец просил меня стрелять в воздух, за что обещал платить деньги. После этого он выбежал из фанзы и опять начал кричать и бить в тазик. Далеко из-за горы ему вторил другой китаец, еще дальше — третий. Эти нестройные звуки неслись по долине и таяли в тихом ночном воздухе. После ужина мы решили заняться охотой.

Когда заря потухла на небе, китаец сбегал к кукурузе и зажег около нее огонь. Взяв ружья, мы с Дерсу отправились на охоту. Китаец тоже пошел с нами. Он не переставал кричать. Я хотел было его остановить, но Дерсу сказал, что это не помешает и кабаны все равно придут на пашню. Через несколько минут мы были около кукурузы. Я сел на пень с одной стороны, Дерсу — с другой и стали ждать. От костра столбом подымался кверху дым; красный свет прыгал по земле неровными пятнами и освещал кукурузу, траву, камни и все, что было поблизости.

Нам пришлось ждать недолго. За пашней, как раз против того места, где мы сидели, послышался шум. Он заметно усиливался. Кабаны взбивали ногами траву и фырканьем выражали свое неудовольствие, чуя присутствие людей. Несмотря на крики китайца, несмотря на огонь, дикие свиньи прямо шли к кукурузе. Через минуту-две мы увидели их. Передние уже начали потраву. Мы выстрелили почти одновременно. Дерсу уложил одно животное, я — другое. Кабаны бросились назад, но через четверть часа они опять появились в кукурузе. Снова два выстрела, и еще пара свиней осталась на месте: одно животное, раскрыв рот, ринулось к нам навстречу, но выстрел Дерсу уложил его. Китаец бросал в свиней головешками. Выстрелы гремели один за другим, но ничто не помогало. Кабаны шли точно

на приступ. Я хотел было идти к убитым животным, но Дерсу не пустил меня, сказав, что это очень опасно, потому что среди них могли быть раненые. Подождав еще немного, мы пошли в фанзу и, напившись чаю, легли спать. Но уснуть не удалось: китаец всю ночь кричал и колотил в медный таз.

К рассвету он, по-видимому, устал. Тогда я забылся крепким сном. Часов в девять я проснулся и спросил про кабанов. После нашего ухода кабаны все-таки пришли на пашню и потравили остальную кукурузу начисто. Китаец был очень опечален. Мы взяли с собой только одного кабана, а остальных бросили на месте.

По словам китайцев, раньше кабанов было значительно меньше. Они расплодились в последние десять лет, и, если бы их не уничтожали тигры, они заполнили бы всю тайгу.

Распростившись с китайцем, мы пошли своей дорогой.

Чем дальше, тем интереснее становилась долина. С каждым поворотом открывались все новые и новые виды. Художники нашли бы здесь неистощимый материал для своих этюдов. Некоторые виды были так красивы, что даже казаки не могли оторвать от них глаз и смотрели как зачарованные.

Кругом высились горы с причудливыми гребнями и утесы, похожие на человеческие фигуры, которым кто-то как будто приказал охранять сопки. Другие скалы походили на животных, птиц или просто казались длинной колоннадой. Утесы, выходящие в долину, увешанные гирляндами ползучих растений, листва которых приняла уже осеннюю окраску, были похожи на портики храмов, развалины замков и т.д.

Большинство гор в долине Тютихе состоит из серых гранитов, порфиров и известняков. Лесонасаждение здесь крайне разнообразное: у моря растут преимущественно дуб и черная береза, в среднем течении — ясень, клен, вяз, липа и бархат, ближе к горам начинает попадаться пихта, а около реки в изобилии растут тальник и ольха. Иной раз положительно останавливаешься в недоумении перед деревом, выросшим буквально на голом камне. Кажется, и трещины нет, но дерево стоит прочно: корни его оплели камень со всех сторон и укрепились в осыпях.

В среднем течении река принимает в себя с левой стороны приток Горбушу. Издали невольно ее принимаешь за Тютихе, которая на самом деле проходит левее через узкое ущелье.

Не доходя до реки Горбуши километра два, тропа разделяется. Конная идет вброд через реку, а пешеходная взбирается на утесы и лепится по карнизу. Место это считается опасным, потому что почва на тропе под давлением ноги ползет книзу.

В этот день мы дошли до серебросвинцового рудника. Здесь была одна только фанза, в которой жил сторож-кореец. Он тоже жаловался на кабанов и собирался перекочевать к морю. Месторождение руды открыто лет сорок тому назад. Пробовали было тут выплавлять из нее серебро, но неудачно. Впоследствии место это застолбил Ю.И. Бринер.

С каждым днем комаров и мошек становилось все меньше и меньше. Теперь они стали появляться только перед сумерками и на рассвете. Это, вероятно, объясняется сильными росами и понижением температуры после захода солнца.

Ночи сделались значительно холоднее. Наступило самое хорошее время года. Зато для лошадей в другом отношении стало хуже. Трава, которой они главным образом кормились в пути, начала подсыхать. За неимением овса изредка, где были фанзы, казаки покупали буду и понемногу подкармливали их утром перед походом и вечером на биваках.

У корейцев в фанзе было так много клопов, что сам хозяин вынужден был спать снаружи, а во время дождя прятался в сарайчик, сложенный из тонкого накатника. Узнав об этом, мы отошли от фанзы еще с километр и стали биваком на берегу реки.

Вечером, после ужина, мы все сидели у костра и разговаривали. Вдруг что-то белесовато-серое пролетело мимо, бесшумно и неторопливо. Стрелки говорили, что это птица, а я думал, что это большая летучая мышь. Через несколько минут странное существо появилось снова. Оно не махало крыльями, а летело горизонтально и несколько наклонно книзу. Животное село на осину и затем стало взбираться вверх по стволу. Окраска зверька до того подходила под цвет дерева, что если бы он оставался неподвижным, то его совершенно нельзя было бы заметить. Поднявшись метров на шесть, он остановился и, казалось, замер на месте. Я взял дробовое ружье и хотел было стрелять, но меня остановил Дерсу. Он быстро нарезал мелких веток и прикрепил их в виде веника к длинной палке, затем подошел к дереву и поднял их так, чтобы не закрывать свет костра. Ослепленное огнем животное про-

должало сидеть на одном месте. Когда веник был достаточно высоко, Дерсу прижал его к дереву, затем велел одному казаку держать палку, а сам взобрался до ближайшего сука, сел на него и веником, как тряпкой, схватил свою добычу. Испуганный зверек запищал и стал биться. Это оказалась летяга. Она относится к отряду грызунов и к семейству беличьих. По бокам туловища, между передними и задними ногами имеется эластичная складка кожи, которая позволяет ей планировать от одного дерева к другому. Все тело летяги покрыто мягкой шелковистой светло-серой шерстью, с пробором на хвосте.

Летяга распространена по всему Уссурийскому краю и живет в смешанных лесах, где есть береза и осина. Пойманный нами экземпляр был длиной 50 и шириной (вместе с растянутой перепонкой) 16 сантиметров*. Казаки и стрелки столпились и рассматривали летучего грызуна. Особенно оригинальна была его голова с большими усами и огромными черными глазами, приспособленными для восприятия возможно большего количества световых лучей ночью. Когда все кончили рассматривать летягу, Дерсу поднял ее над головой, что-то громко сказал и пустил на свободу. Летяга полетела над землей и скрылась в темноте. Я спросил гольда, зачем он отпустил летягу.

— Его птица нету, мышь нету, — отвечал он. — Его нельзя убей.

И он принялся мне рассказывать о том, что это душа умершего ребенка. Она некоторое время скитается по земле в виде летяги и только впоследствии попадает в загробный мир, находящийся в той стороне, где закатывается солнце.

Мы долго беседовали с ним на эту тему. Он рассказывал мне и о других животных. Каждое из них было человекоподобное и имело душу. У него была даже своя классификация их. Так, крупных животных он ставил отдельно от мелких, умных — отдельно от глупых. Соболя он считал самым хитрым животным.

На вопрос, какой зверь, по его мнению, самый вредный, Дерсу подумал и сказал:

— Крот!

А на вопрос, почему именно крот, а не другое животное, он ответил:

— Так, никто его не хочу стреляй, никто не хочу его кушай.

---

* В справочной литературе приводятся такие размеры белки-летяги: длина тела 18—20 см, хвоста 10—15 см.

Этими словами Дерсу хотел сказать, что крот — животное бесполезное, никчемное.

Оглянувшись кругом, я увидел, что все уже спали. Пожелав Дерсу покойной ночи, я завернулся в бурку, лег поближе к огоньку и уснул.

Глава двадцать вторая

Бой изюбров

Лесная растительность. — Женьшень. — Заездка для ловли рыбы. — Истоки Тютихе. — Перевал Скалистый. — Верховья Имана. — Дерсу перед китайской кумирней. — Сильный вихрь. — Тихая ночь. — Река Горбуша. — Пещеры. — Медведь добывает желуди.— Река Папигоуза. — Изюбры. — Тигр на охоте за оленями. — Факел. — Возвращение на бивак

На следующий день, 30 августа, мы пошли дальше. В трех километрах от корейской фанзы, за «щеками»[139], долина повернула к северо-западу. С левой стороны ее по течению тянется невысокая, но обширная речная терраса. Когда-то здесь была глухая тайга. Три раза следовавшие друг за другом пожары уничтожили ее совершенно. Остались только редкие обгорелые стволы. Точно гигантские персты, они указывали на небо, откуда за хищническое истребление лесов должно явиться возмездие в виде сильных дождей и связанных с ними стремительных наводнений. Этот горелый лес тянется далеко в стороны. Чрезвычайно грустный и безжизненный вид имеют такие гари.

К полудню мы вошли в густой лес. Здесь был сделан небольшой привал. Воспользовавшись свободным временем, я стал осматривать древесную и кустарниковую растительность и отметил у себя в записной книжке: белый клен* с гладкой зеленоватой корой и с листьями, слабо зазубренными, мохнатыми и белесоватыми снизу; черемуху, отличительными признаками которой являются кора, напоминающая бересту, и остроконечная зазубренная листва; каменную березу с желтовато-грязной корой, чрезвычайно изорванной и висящей лохмотьями; особый вид смородины, почти не отличающийся от обыкновенной красной, несмотря на август месяц, на кустах еще не было ягод; шиповник без шипов с красноватыми ветвями,

* Белый клен — клен зеленокорый, клен-липа. *(Прим. ред.)*

мелкими листьями и крупными розовыми цветками; спирею, имеющую клиновидно-заостренные, мелкозубчатые листья и белые цветки, и бузину — куст со светлой корой, с парноперистыми, овально-ланцетовидными и мелкозазубренными листьями и с желтоватыми цветками.

Подкрепив свои силы едой, мы с Дерсу отправились вперед, а лошади остались сзади. Теперь наша дорога стала подыматься куда-то в гору. Я думал, что Тютихе протекает здесь по ущелью и потому тропа обходит опасное место. Однако я заметил, что это была не та тропа, по которой мы шли раньше. Во-первых, на ней не было конных следов, а во-вторых, она шла вверх по ручью, в чем я убедился, как только увидел воду. Тогда мы решили повернуть назад и идти напрямик к реке в надежде, что где-нибудь пересечем свою дорогу.

Оќазалось, что эта тропа увела нас далеко в сторону. Мы перешли на левую сторону ручья и пошли у подножия какой-то сопки.

Вековые дубы, могучие кедры, черная береза, клен, аралия, ель, тополь, граб, пихта, лиственница и тис росли здесь в живописном беспорядке. Что-то особенное было в этом лесу. Внизу, под деревьями, царил полумрак. Дерсу шел медленно и, по обыкновению, внимательно смотрел себе под ноги. Вдруг он остановился и, не спуская глаз с какого-то предмета, стал снимать котомку, положил на землю ружье и сошки, бросил топор, затем лег на землю ничком и начал кого-то о чем-то просить. Я думал, что он сошел с ума.

— Дерсу, что с тобой? — спрашивал я его.

Дерсу поднялся и, указав рукой на траву, сказал одно только слово:

— Панцуй (женьшень)!

Тут росло много травы. Которая из них была женьшень — я не знал. Дерсу показал мне его. Я увидел небольшое травянистое растение величиной в 40 сантиметров, с четырьмя листьями. Каждый лист состоял из пяти листочков, из которых средний был длиннее, два покороче, а два крайние — самые короткие. Женьшень уже отцвел, и появились плоды. Это были маленькие кругленькие коробочки, расположенные так же, как у зонтичных. Коробочки еще не вскрылись и не осыпали семян. Дерсу очистил вокруг растения землю от травы, потом собрал все плоды и завернул их в тряпицу. После этого он попросил меня придержать растение сверху рукой, а сам принялся выкапывать корень. Откапывал он его очень осторожно. Все

внимание было обращено на то, чтобы не порвать корневые мочки. Затем он понес его к воде и стал осторожно смывать землю.

Я помогал ему, как мог. Мало-помалу земля стала отваливаться, и через несколько минут корень можно было рассмотреть. Он был длиною 11 сантиметров, с двумя концами, значит — мужской. Так вот каков этот женьшень, излечивающий все недуги и возвращающий старческому телу молодую бодрость жизни! Дерсу отрезал растение, уложил его вместе с корнем в мох и завернул в бересту. После этого он помолился, затем надел свою котомку, взял ружье и сошки и сказал:

— Ты, капитан, счастливый!

По дороге я спросил гольда, что он думает делать с женьшенем. Дерсу сказал, что он хочет его продать и на вырученные деньги купить патронов. Тогда я решил купить у него женьшень и дать ему денег больше, чем дали бы китайцы. Я высказал ему свои соображения, но результат получился совсем неожиданный. Дерсу тотчас полез за пазуху и, подавая мне корень, сказал, что отдает его даром. Я отказался, но он начал настаивать. Мой отказ и удивил и обидел его.

Только впоследствии я понял, что делать подарки в обычае туземцев и что обычай требует отблагодарить дарившего равноценной вещью.

Разговаривая таким образом, мы скоро вышли на Тютихе и здесь нашли потерянную тропинку.

С первого же взгляда Дерсу увидел, что наш вьючный отряд прошел вперед.

Надо бы торопиться. Километра через два долина вдруг стала суживаться. Начали попадаться глинистые сланцы — верный признак, что Сихотэ-Алинь был недалеко. Здесь река протекает по узкому ложу. Шум у подножия береговых обрывов указывал, что дно реки загромождено камнями. Всюду пенились каскады; они чередовались с глубокими водоемами, наполненными прозрачной водой, которая в массе имела красивый изумрудный цвет.

В реке было много крупной мальмы. Дерсу хотел было стрелять в нее из ружья, но я уговорил его поберечь патроны. Мне хотелось поскорее присоединиться к отряду, тем более что стрелки считали меня и Дерсу находящимися впереди и, конечно, торопились догнать нас. Таким образом, они могли уйти далеко вперед.

Часов в пять мы подошли к зверовой фанзе. Около нее
 я увидел своих людей. Лошади уже были расседланы и пу-

щены на волю. В фанзе кроме стрелков находился еще какой-то китаец. Узнав, что мы с Дерсу еще не проходили, они решили, что мы остались позади, и остановились, чтобы обождать. У китайцев было много кабарожьего мяса и рыбы, пойманной заездками.

Китайская заездка устраивается следующим образом: при помощи камней река перегораживается от одного берега до другого, а в середине оставляется небольшой проход. Вода просачивается между камнями, а рыба идет по руслу к отверстию и падает в решето, связанное из тальниковых прутьев. Раза два или три в сутки китаец осматривает его и собирает богатую добычу.

От хозяина фанзы мы узнали, что находимся у подножия Сихотэ-Алиня, который делает здесь большой излом, а река Тютихе течет вдоль него. Затем он сообщил нам, что дальше его фанзы идут две тропы: одна к северу, прямо на водораздельный хребет, а другая— на запад, вдоль Тютихе. До истоков последней оставалось еще километров двенадцать.

Вечером после ужина мы держали совет. Решено было, что завтра я, Дерсу и китаец-охотник отправимся вверх по Тютихе, перевалим через Сихотэ-Алинь и назад вернемся по реке Лянчихезе. На это путешествие нужно было употребить трое суток. Стрелки и казаки с лошадьми останутся в фанзе и будут ожидать нашего возвращения.

На другой день рано утром мы втроем наладили свои котомки, взяли ружья и тронулись в путь.

Чем дальше, тем тропа становилась все хуже и хуже. Долина сузилась совсем и стала походить на ущелье. Приходилось карабкаться на утесы и хвататься руками за корни деревьев. От жесткой почвы под ногами стали болеть подошвы ступней.

Мы старались обходить каменистые россыпи и ступать ногой на мох или мягкий гнилой рухляк, но это мало помогало.

Истоки реки Тютихе представляют собой два ручья. По меньшему, текущему с юга, можно выйти на реку Ното, а по большому, текущему с северо-запада, — на Иман. У места слияния их высота над уровнем моря равняется 651 метру. Мы выбрали последний путь, как наименее известный.

С этой стороны Сихотэ-Алинь казался грозным и недоступным. Вследствие размывов, а может быть от каких-либо других причин, здесь образовались узкие и глубокие распадки, похожие на каньоны. Казалось, будто горы дали трещины и эти трещины разошлись. По дну оврагов бе-

жали ручьи, но их не было видно; внизу, во мгле, слышно было только, как шумели каскады. Ниже бег воды становился покойнее, и тогда в рокоте ее можно было уловить игривые нотки.

Каким затерявшимся кажется человек среди этих скалистых гор, лишенных растительности! Незадолго до сумерек мы взобрались на перевал, высота которого измеряется в 1215 метров*. Я назвал его Скалистым. Отсюда, сверху, все представляется в мелком масштабе: вековой лес, растущий в долине, кажется мелкой щетиной, а хвойные деревья — тоненькими иглами.

Заночевали мы по ту сторону Сихотэ-Алиня, на границе лесных насаждений. Ночью было сыро и холодно; мы почти не спали. Я все время кутался в одеяло и никак не мог согреться. К утру небо затянулось тучами, и начал накрапывать дождь.

Сегодня первый осенний день — пасмурный и ветреный. Живо, без проволочек, мы собрали свои пожитки и стали спускаться в бассейн Имана. Насколько подъем был крутым со стороны Тютихе, настолько он был пологим со стороны Имана.

Сначала я даже думал, что мы находимся на плоскогорье, только когда я увидел воду, понял, что мы уже спустились с гребня.

Лес, растущий на западных склонах Сихотэ-Алиня, — старый, замшистый, низкорослый и состоит главным образом из лиственницы, ели и пихты, с небольшой примесью ольхи и березы.

В верховьях Иман слагается из двух рек, текущих с юга. Мы попали на правую речку, которую китайцы называют Ханихеза. От Сихотэ-Алиня до слияния их будет не менее 30 километров.

Старые затески на деревьях привели нас к зверовой фанзе. Судя по сложенным в ней запасам продовольствия, видно было, что иманские зверовщики уже готовились к соболеванию.

Китаец не повел нас далеко по Иману, а свернул на восток к Лянчихезе. Здесь наш проводник немного заблудился и долго искал тропу.

---

* Высота перевала в 1215 м — явная ошибка. В этом районе наивысшая отметка гор 1248 м. В книге есть и другие неточности такого же рода. Следует иметь в виду, что во времена В.К.Арсеньева метод определения высот с помощью анероида был несовершенен. Необходимо также учитывать, что на современных топографических картах высоты гор указаны от уровня Балтийского моря, а в начале века они определялись от уровня Тихого океана.

К полудню погода испортилась совсем. Тучи быстро бежали с юго-востока и заволакивали вершины гор. Я часто поглядывал на компас и удивлялся, как наш проводник без всяких инструментов держал правильное направление.

В одном пересохшем ручье мы нашли много сухой ольхи. Хотя было еще рано, но я по опыту знал, что значат сухие дрова во время ненастья, и потому посоветовал остановиться на бивак. Мои опасения оказались напрасными. Ночью дождя не было, а утром появился густой туман.

Китаец торопил нас. Ему хотелось поскорее добраться до другой фанзы, которая, по его словам, была еще километрах в двенадцати. И действительно, к полудню мы нашли эту фанзочку. Она была пустая. Я спросил нашего вожатого, кто ее хозяин. Он сказал, что в верховьях Имана соболеванием занимаются китайцы, живущие на берегу моря, дальше, вниз по реке, будут фанзы соболевщиков Иодзыхе, а еще дальше на значительном протяжении следует пустынная область, которая снова оживает немного около реки Кулумбе.

Отдохнув здесь немного, мы пошли снова к Сихотэ-Алиню. По мере приближения к гребню подъем становился более пологим. Около часа мы шли как бы по плоскогорью. Вдруг около тропы я увидел кумирню. Это служило показателем того, что мы достигли перевала. Высота его равнялась 1190 метрам. Я назвал его Рудным. Отсюда начался крутой ступенчатый спуск к реке Тютихе.

Отдохнув немного, мы стали спускаться с водораздела. Спуск в долину Тютихе, как я уже сказал, идет уступами. По эту сторону был также хвойный лес, но по качеству несравненно лучше иманского.

С перевала тропа привела прямо к той фанзе, где оставались люди и лошади. Казаки соскучились и были чрезвычайно рады нашему возвращению. За это время они убили изюбра и наловили много рыбы.

Перед вечером небо вдруг как-то быстро стало расчищаться. Тучи, которые доселе лежали неподвижно ровной пеленой, разорвались. Облака имели разлохмаченный вид, двигались вразброд, навстречу друг другу, и вслед за тем налетел такой сильный ветер, что столетние деревья закачались, как слабые тростинки. В воздухе закружилась сухая трава, листва, сорванная с деревьев, и мелкие сучья. Какая-то птица пыталась было бороться с разбушевавшейся стихией, но скоро выбилась из сил. Ее понесло куда-то вниз, и она скорее упала, чем спустилась на землю.

Вдруг один кедр, растущий недалеко от фанзы, накренился и начал медленно падать. Со страшным грохотом рухнул он на землю, увлекая за собой соседний молодняк. Около часа свирепствовал этот вихрь и затем пропал так же неожиданно, как и появился. В лесу по-прежнему стало тихо.

Я оделся, взял ружье, свистнул собаку и пошел вниз по реке. Отойдя немного от фанзы, я сел на камень и стал слушать. Монотонный шум ручья, который обыкновенно не замечаешь днем, вечером кажется сильнее. Внизу под обрывом плескалась рыба, по ту сторону реки в лесу ухал филин-пугач, в горах ревели изюбры, и где-то поблизости тоскливо кричала кабарга. Я так увлекся созерцанием природы, что не заметил, как прошло время. Одежда моя стала мокнуть от росы. Я вернулся в фанзу, забрался на теплый кан и уснул как убитый.

Следующие два дня (3 и 4 сентября) мы употребили на переход от Сихотэ-Алиня до устья реки Горбуши. Я намеревался сначала пройти по ней до перевала, а затем спуститься по реке Аохобе к морю.

Река Горбуша (по-китайски — Дунмаца) длиной 8 километров. Общее направление ее течения будет по кривой с востока к югу. Невдалеке от своего устья, с правой стороны, она принимает в себя безымянный приток, на котором есть довольно обширные пещеры. Они расположены в два яруса и идут книзу спиралями. Глубокие колодцы, ходы сообщений и сталактиты в виде колонн делают эти пещеры весьма интересными. Внутри их по стенам в виде барельефов спускаются натеки, рядом с которыми блестят друзы горного хрусталя и весьма крупные кристаллы известкового шпата. Другая пещера, меньшая по размерам, находится с левой стороны Горбуши, как раз против устья реки Безымянной. В этой пещере на мягкой наносной почве, валялось много костей и виднелись свежие тигровые следы.

Осмотрев обе пещеры, мы пошли дальше.

В долине Горбуши развиты речные террасы. Они тянутся все время, чередуясь то с правой, то с левой стороны. Здесь раньше были хорошие смешанные леса, впоследствии уничтоженные пожарами.

Скоро выяснилось, что река Горбуша идет вдоль Сихотэ-Алиня и в истоках подходит к нему почти вплотную.

После полудня мы с Дерсу опять пошли вперед. За рекой тропка поднялась немного на косогор. Здесь мы сели
 отдохнуть. Я начал переобуваться, а Дерсу стал закури-

вать трубку. Он уже хотел было взять ее в рот, как вдруг остановился и стал пристально смотреть куда-то в лес. Через минуту он рассмеялся и сказал:

— Ишь хитрый! Чего-чего понимай!

— Кто? — спросил я его.

Он молча указал рукой. Я поглядел в ту сторону, но ничего не видел. Дерсу посоветовал мне смотреть не на землю, а на деревья. Тогда я заметил, что одно дерево затряслось, потом еще и еще раз. Мы встали и тихонько двинулись вперед. Скоро все разъяснилось. На дереве сидел белогрудый медведь и лакомился желудями.

Животное это по размерам своим значительно уступает обыкновенному бурому медведю. Максимальная его длина 1,8 метра, а высота в плечах 0,7 метра при наибольшем весе 160 килограммов. Окраска его шерсти — черная, блестящая, на груди находится белое пятно, которое захватывает нижнюю часть шеи. Иногда встречаются (правда, очень редко) такие медведи, у которых брюхо и даже лапы белые. Голова зверя конусообразная, с маленькими глазками и большими ушами. Вокруг нее растут длинные волосы, имеющие вид пышного воротника.

Белогрудые медведи устраивают свои берлоги в дуплах старых тополей. Следовательно, область распространения их тесно связана с маньчжурской флорой. Северная граница этой области проходит приблизительно от устья Уссури к истокам Имана и оттуда по побережью моря к мысу Олимпиады. Главной пищей им служат: весной — корни росянки и листва белокопытника, летом — ягоды коломикты, черемухи и желуди, а осенью — лещина, маньчжурские и кедровые орехи и плоды дикой яблони. В зимнюю спячку этот медведь впадает рано. Вверху, в стволе, он прогрызает небольшую отдушину, вокруг которой собирается замерзший иней. По этому признаку охотники узнают о присутствии в дупле зверя.

Подойдя к медведю шагов на сто, мы остановились и стали за ним наблюдать. «Косолапый» взобрался на самую вершину дерева и там устроил себе нечто вроде лабаза[140]. Много желудей оставалось на тех сучьях, до которых он не в силах был дотянуться. Тогда медведь начинал трясти дерево и поглядывать на землю. Расчет его оказался правильным. Желуди созрели, но не настолько, чтобы осыпаться самостоятельно. Через некоторое время он спустился вниз и принялся искать в траве.

— Тебе какой люди? — закричал ему Дерсу.

Медведь быстро обернулся, насторожил уши и стал уси-

ленно нюхать воздух. Мы не шевелились. Медведь успокоился и хотел было опять приняться за еду, но Дерсу в это время свистнул. Медведь поднялся на задние лапы, затем спрятался за дерево и стал выглядывать оттуда одним глазом.

В это время ветер подул нам в спину. Медведь рявкнул, прижал уши и без оглядки пустился наутек. Через несколько минут подошли казаки с конями.

Подъем на перевал, высота которого измеряется в 770 метров*, как со стороны реки Горбуши, так и со стороны реки Синанцы, одинаково пологий. Ближайшие горы состоят из кварцевого порфира. Отсюда Сихотэ-Алинь постепенно отходит к северо-востоку.

С перевала мы спустились к реке Папигоузе, получившей свое название от двух китайских слов: «папи»— то есть береста, и «гоуз» — долинка[141]. Речка эта принимает в себя справа и слева два горных ручья. От места слияния их начинается река Синанца, что значит — Юго-западный приток. Дальше долина заметно расширяется и идет по отношению к Сихотэ-Алиню под углом в десять градусов. Пройдя по ней километра четыре, мы стали биваком на берегу реки.

Конец августа и начало сентября — самое интересное время в тайге. В это время начинается рев изюбров и бой самцов за обладание матками. Для подзывания изюбра обыкновенно делается берестяной рожок, для чего снимается береста лентой, сантиметров десять шириной.

Она скручивается спирально, и таким образом получается труба длиной в 60—70 сантиметров. Звук получается от втягивания в себя воздуха.

Убить оленя во время рева очень легко. Самцы, ослепленные страстью, совершенно не замечают опасности и подходят к охотнику, когда он их подманивает рожком, почти вплотную. Мясом мы были вполне обеспечены, поэтому я не пустил казаков на охоту, но сам решил пойти в тайгу ради наблюдений.

Запасшись такими рожками, мы с Дерсу отправились в лес и, отойдя от бивака с километр, разошлись в разные стороны. Выбрав место, где заросли были не так густы, я сел на пень и стал ждать.

По мере того как угасал день, в лесу становилось все тише и тише.

В переходе от дня к ночи в тайге всегда есть что-то торжественное. Угасающий день нагоняет на душу чувство жуткое и тоскливое. Одиночество родит мысли, воспо-

* Высота перевала между реками Горбуша и Черемуховая 591 м.

минания. Я так ушел в себя, что совершенно забыл о том, где я нахожусь и зачем пришел сюда в этот час сумерек.

Вдруг где-то на юге заревел один изюбр. Призывный крик его разнесся по всему лесу, и тотчас в ответ ему ответил другой — совсем недалеко от меня. Это, должно быть, был старый самец. Он начал с низких нот, затем постепенно перешел на высокие и окончил густой октавой. Я ответил ему на берестяном рожке. Не более как через минуту я услышал треск сучьев и вслед за тем увидел стройного оленя. Он шел уверенной грациозной походкой, покачивая головой и поправляя рога, задевающие за сучья деревьев. Я замер на месте. Изюбр остановился и, закинув голову, делал носом гримасы, стараясь по запаху узнать, где находится его противник. Глаза его горели, ноздри были раздуты и уши насторожены. Минуты две я любовался прекрасным животным и совершенно не имел намерения лишать его жизни. Чувствуя присутствие врага, олень волновался. Он начал рогами рыть землю, затем поднял свою голову вверх и издал могучий крик.

Легкий пар вылетел у него изо рта. Не успело ему ответить эхо, как со стороны Синанцы послышался другой рев. Олень встрепенулся, как-то завыл, затем вой его перешел в рев, короткий и яростный. В это время олень был удивительно красив.

Вдруг слева от меня послышался слабый шум. Я оглянулся и увидел самку. Когда я снова повернул голову к оленям, самцы уже дрались. С изумительной яростью они бросились друг на друга. Я слышал удары их рогов и тяжелые вздохи, вырывающиеся из груди вместе со стонами. Задние ноги животных были вытянуты, а передние подогнуты под брюхо. Был момент, когда они так крепко сцепились рогами, что долго не могли разойтись. Сильным встряхиванием головы один олень отломал у другого верхний отросток рога и только этим освободил себя и противника. Бой изюбров продолжался минут десять. Наконец стало ясно, что один из них должен уступить. Он тяжело дышал и понемногу пятился назад. Заметив отступление противника, другой олень стал нападать еще яростнее. Скоро оба изюбра скрылись у меня из виду.

Я вспомнил про самку и стал искать ее глазами. Она стояла на том же месте и равнодушно смотрела на обоих своих поклонников, сцепившихся в смертельной схватке. Шум борьбы постепенно удалялся. Очевидно, один олень гнал другого. Самка следовала сзади в некотором расстоянии.

Вдруг по лесу прокатился отдаленный звук выстрела. Я понял, что это стрелял Дерсу. Только теперь я заметил, что не одни эти олени дрались. Рев их несся отовсюду; в лесу стоял настоящий гомон.

Начинало быстро темнеть. На небе последние вспышки зари боролись еще с ночным мраком, быстро наступавшим с востока.

Через полчаса я пришел на бивак. Дерсу был уже дома. Он сидел у огня и чистил свою винтовку. Он мог бы убить нескольких изюбров, но ограничился одним только рябчиком.

Долго сидели мы у костра и слушали рев зверей. Изюбры не давали нам спать всю ночь. Сквозь дремоту я слышал их крики и то и дело просыпался. У костра сидели казаки и ругались. Искры, точно фейерверк, вздымались кверху, кружились и одна за другой гасли в темноте. Наконец стало светать. Изюбриный рев понемногу стих. Только одинокие ярые самцы долго еще не могли успокоиться. Они слонялись по теневым склонам гор и ревели, но им уже никто не отвечал. Но вот взошло солнце, и тайга снова погрузилась в безмолвие.

Оставив всех людей на биваке, мы с Дерсу пошли на Сихотэ-Алинь. Для этого мы воспользовались одним из ключиков, текущих с водораздела к реке Синанце. Подъем был сначала длинный и пологий, а затем сделался крутым. Пришлось идти без тропы по густой кустарниковой заросли, заваленной горелым лесом.

Приближалась осень. Листва на деревьях уже стала опадать на землю. Днем она шуршит под ногами, а вечером от росы опять становится мягкой. Это позволяет охотнику подойти к зверю очень близко.

В полдень мы были на вершине Сихотэ-Алиня. Здесь я увидел знакомую картину: гарь — к востоку и замшистый хвойный лес — к западу. Восточный склон Сихотэ-Алиня крутой, а западный — пологий. Дерсу нашел следы лося и сообщил мне, что сохатый в этих местах встречается только до Ното. Ниже этой границы он не спускается.

Часам к шести пополудни мы возвратились на бивак. Было еще довольно светло, когда наиболее ярые самцы начали реветь, сначала на высоких горах, а потом и в долинах.

Бой изюбров в прошлый вечер произвел на меня сильное впечатление; я решил опять пойти в тайгу и пригласил с собою Дерсу. Мы переправились через реку и вступили в лес, полный таинственного сумрака. Отойдя от би-

вака километра полтора, мы остановились около тихого ручья и стали слушать. Когда солнце скрылось за горизонтом, на землю опустились сумерки, и чем темнее становилось в тайге, тем больше ревели изюбры. Эта волшебная музыка наполняла весь лес. Мы пробовали было подходить к оленям, но неудачно. Раза два мы видели животных, но как-то плохо: или видна была одна голова с рогами, или задняя часть тела и ноги. В одном месте мы заметили красивого самца. Около него уже табунились три матки. Олени не стояли на месте, а тихонько шли. Мы следовали за ними по пятам. Если бы не Дерсу, я давно потерял бы их из виду. Самец шел впереди. Он чувствовал, что он сильней других самцов, и потому отвечал на каждый брошенный ему вызов. Вдруг Дерсу остановился и стал прислушиваться. Он повернулся назад и замер в неподвижной позе.

Оттуда слышался рев старого быка, но только ноты его голоса были расположены не в том порядке, как обыкновенно у изюбров.

— Гм, тебе понимай, какой это люди? — спросил меня тихо Дерсу.

Я ответил, что думаю, что это изюбр, но только старый.

— Это амба, — ответил он мне шепотом. — Его шибко хитрый. Его постоянно так изюбра обмани. Изюбр теперь понимай нету, какой люди кричи, амба скоро матка поймай есть.

Как бы в подтверждение его слов, в ответ на рев тигра изюбр ответил громким голосом. Тотчас ответил и тигр. Он довольно ловко подражал оленю, но только под конец его рев закончился коротким мурлыканьем.

Тигр приближался и, вероятно, должен был пройти близко от нас. Дерсу казался взволнованным. Сердце мое усиленно забилось. Я поймал себя на том, что чувство страха начало овладевать мной. Вдруг Дерсу принялся кричать:

— А-та-та, та-та-та, та-та-та!..

После этого он выстрелил из ружья в воздух, затем бросился к березе, спешно сорвал с нее кору и зажег спичкой. Ярким пламенем вспыхнула сухая береста, и в то же мгновение вокруг нас сразу стало вдвое темнее. Испуганные выстрелом изюбры шарахнулись в сторону, а затем все стихло. Дерсу взял палку и накрутил на нее горящую бересту. Через минуту мы шли назад, освещая дорогу факелом. Перейдя реку, мы вышли на тропинку и по ней возвратились на бивак.

Глава двадцать третья

Охота на медведя

Река Аохобе. — Лудева. — Береговая тропа. — Страшный зверь. — Три выстрела. — Бегство. — Бурый медведь. — Трофей, закопанный в землю. — Дерсу по следам восстанавливает картину борьбы с медведем. — Возвращение на бивак. — От реки Мутухе до Сеохобе. — Река Мутухе. — Отставшие перелетные птицы. — Лежбище сивучей. — Злоупотребление огнестрельным оружием. — Пал. — Поиски бивака. — Дым и холодные утренники. — Озеро около реки Сеохобе. — Хищничество китайцев

На другой день, 7 сентября, мы продолжали наше путешествие. От китайского охотничьего балагана шли две тропы: одна — вниз, по реке Синанце, а другая — вправо, по реке Аохобе (по-удэгейски — Эхе, что значит — черт). Если бы я пошел по Синанце, то вышел бы прямо к заливу Джигит. Тогда побережье моря между реками Тютихе и Иодзыхе осталось бы неосмотренным.

Поэтому я решил спуститься к морю по реке Аохобе, а Синанцу осмотреть впоследствии.

Сначала путь наш лежал на юг по небольшой тропинке, проложенной по самому верхнему и правому притоку Синанцы, длиной в два-три километра. Горы в этих местах состоят из порфиров, известняков и оруденелых фельзитов. Во многих местах я видел прожилки серебросвинцовой руды, цинковой обманки и медного колчедана.

Поднявшись на перевал высотой в 270 метров, я стал осматриваться. На северо-западе высокой грядой тянулся голый Сихотэ-Алинь, на юге виднелась река Тютихе, на востоке — река Мутухе и прямо на запад шла река Дунца — приток Аохобе*.

По ней нам и надлежало идти. Всюду на горах лес был уничтожен пожарами; он сохранился только в долинах как бы отдельными островками.

После короткого отдыха на перевале мы начали спускаться к реке Дунце, протекающей по небольшой извилистой долине, поросшей березой, бархатом и тополем. Вскоре мы наткнулись на какой-то забор.

Это оказалась лудева. Она пересекала долину Аохобе поперек и шла дальше по правому ее притоку на протяжении 14 километров.

* Описание местности здесь не соответствует изображению местности на топографической карте.

При лудеве находилась фанза с двором, окруженным высоким частоколом. Здесь обыкновенно производится операция снимания пантов с живых оленей. За фанзой около забора были выстроены какие-то клетки, похожие на стойла. В этих клетках китайцы держат оленей до тех пор, пока их рога не достигнут наибольшей ценности.

Справа у забора стоял амбар на сваях. В нем хранились кожи изюбров, сухие рога и более 190 килограммов жил, вытянутых из задних ног животных. Сваренные панты и высушенные оленьи хвосты висели рядами под коньком у самой крыши.

В фанзе мы застали четырех китайцев. Сначала они испугались, но затем, когда увидели, что мы им зла не хотим причинить, успокоились, и раболепство их сменилось услужливостью.

Вечером в фанзу пришли еще три китайца. Они что-то рассказывали и ужасно ругались, а Дерсу смеялся. Я долго не мог понять, в чем дело. Оказалось, что в одну из ям попал медведь. Конечно, он сейчас же вылез оттуда и принялся ломать забор и разбрасывать покрышки, которыми были замаскированы ямы.

Теперь китайцам предстояла большая работа по приведению их в порядок.

Лудевая фанза была маленькая, и китайцев набралось в ней много, поэтому я решил пройти еще несколько километров и заночевать под открытым небом.

Дальше тропа пошла по долине реки Аохобе, придерживаясь левой ее стороны. Здесь особенно развиты речные террасы с массивно-кристаллическим основанием, высотой до 4 метров. Средняя часть долины Аохобе свободна от леса, но тем не менее совершенно непригодна для занятия земледелием. Тонкий слой земли едва прикрывает жесткую каменистую почву и легко смывается водой. По теневым склонам гор растет редкий смешанный лес, состоящий из кедра, бархата, липы, дуба, тополя, березы, ореха и т.д. На солнцепеках — кустарники лещины, леспедецы, калины и таволги. Около реки, где больше влаги, — заросли тонкоствольных тальников, ольхи и осины.

В нижней части живет много китайцев. На реке Аохобе они появились не более двадцати лет тому назад. Раньше здесь жили удэгейцы, впоследствии вымершие и частью переселившиеся на другое место.

Если смотреть на долину со стороны моря, то она кажется очень короткой. Когда-то это был глубокий морской залив, и устье Аохобе находилось там, где суживает-

ся долина. Шаг за шагом отходило море и уступало место суше. Но самое интересное в долине— это сама река. Километрах в пяти от моря она иссякает и течет под камнями. Только во время дождей вода выступает на дневную поверхность и тогда идет очень стремительно.

С Тютихе на Аохобе можно попасть и другой дорогой. Расстояние между ними всего только семь километров. Тропа начинается от того озерка, где мы с Дерсу стреляли уток. Она идет по ключику на перевал, высота которого равна 310 метрам. Редколесье по склонам гор, одиночные старые дубы в долинах и густые кустарниковые заросли по увалам — обычные для всего побережья. Спуск на Аохобе в два раза длиннее, чем подъем со стороны Тютихе. Тропа эта продолжается и далее по побережью моря.

Между рекой Синанцей, о которой говорилось выше, и рекой Аохобе тянется невысокий горный хребет, состоящий из кварцевого порфира. От него к морю идет несколько отрогов, между которыми текут небольшие горные речки, имеющие обычно китайские числительные названия: Турлдагоу, Эрлдагоу, Сандагоу и Сыдагоу. Тропа пересекает их в самых истоках.

После полудня мы как-то сбились с дороги и попали на зверовую тропу. Она завела нас далеко в сторону. Перейдя через горный отрог, покрытый осыпями и почти лишенный растительности, мы случайно вышли на какую-то речку. Она оказалась притоком Мутухе. Русло ее во многих местах было завалено буреломным лесом. По этим завалам можно судить о размерах наводнений. Видно, что на Мутухе они коротки, но чрезвычайно стремительны, что объясняется близостью гор и крутизной их склонов.

Пока земля прикрыта дерном, она может еще сопротивляться воде, но как только цельность дернового слоя нарушена, начинается размывание. Быстро идущая вода уносит с собой легкие частицы земли, оставляя на месте только щебень. От ила, который вместе с пресной водой выносится реками, море около берегов, полосой в несколько километров, из темно-зеленого становится грязно-желтым.

Долину реки Мутухе можно считать самым зверовым местом на побережье моря. Из зарослей леспедецы и орешника то и дело выбегали олени, козули и кабаны. Казаки ахали, волновались, и мне стоило немалого труда удержать их от стрельбы и бесполезного истребления животных. Часа в три дня я подал сигнал к остановке.

Мне очень хотелось убить медведя. «Другие бьют медве-
 дей один на один, — думал я, — почему бы мне не сде-

лать то же?» Охотничий задор разжег во мне чувство тщеславия, и я решил попытать счастья.

Многие охотники рассказывают о том, что они били медведя без всякого страха, и выставляют при этом только комичные стороны охоты. По рассказу одних, медведь убегает после выстрела; другие говорят, что он становится на задние лапы и идет навстречу охотнику и что в это время в него можно влепить несколько пуль. Дерсу не соглашался с этим. Слушая такие рассказы, он сердился, плевался, но никогда не вступал в пререкания.

Узнав, что я хочу идти на медведя один, он посоветовал мне быть осторожнее и предлагал свои услуги. Его уговоры еще больше подзадорили меня, и я еще тверже решил во что бы то ни стало поохотиться за «косолапым» в одиночку.

Я отошел от бивака не более полкилометра, но уже успел вспугнуть двух козуль и кабана. Здесь так много зверя, что получалось впечатление заповедника, где животные собраны в одно место и ходят на свободе.

Перейдя ручей, я остановился среди редколесья и стал ждать. Через несколько минут я увидел оленя, он пробежал по опушке леса. Рядом в орешнике шумели кабаны и взвизгивали поросята.

Вдруг впереди меня послышался треск сучьев, и вслед за тем я услыхал чьи-то шаги. Кто-то шел мерной тяжелой походкой. Я испугался и хотел было уйти назад, но поборол в себе чувство страха и остался на месте. Вслед за тем я увидел в кустах какую-то темную массу. Это был большой медведь.

Он шел наискось по увалу и был немного больше меня. Он часто останавливался, копался в земле, переворачивал валежник и что-то внимательно под ним рассматривал. Выждав, когда зверь был от меня шагах в сорока, я медленно прицелился и спустил курок. Сквозь дым выстрела я видел, как медведь с ревом быстро повернулся и схватил себя зубами за то место, куда ударила пуля. Что дальше случилось, я плохо помню. Все произошло так быстро, что я уже не мог разобраться, что чему предшествовало. Тотчас же после выстрела медведь во весь дух бросился ко мне навстречу. Я почувствовал сильный толчок, и в то же время произошел второй выстрел. Когда и как я успел зарядить ружье, это для меня самого осталось загадкой. Кажется, я упал на левую сторону. Медведь перевернулся через голову и покатился по склону вправо. Как случилось, что я очутился опять на ногах и как я не выпустил ружья

из рук, — не помню. Я побежал вдоль увала и в это время услышал за собой погоню. Медведь бежал за мной следом, но уже не так быстро, как раньше. Каждый свой прыжок он сопровождал грузными вздохами и ворчанием. Вспомнив, что ружье мое заряжено, я остановился.

«Надо стрелять! От хорошего прицела зависит спасение жизни», — мелькнуло у меня в голове.

Я вставил приклад ружья в плечо, но ни мушки, ни прицела не видел. Я видел только мохнатую голову медведя, его раскрытый рот и злобные глаза.

Если бы кто-нибудь в это время посмотрел на меня со стороны, то, наверное, увидел бы, как лицо мое исказилось от страха.

Я ни за что не поверю охотникам, уверяющим, что в зверя, бегущего им навстречу, они стреляют так же спокойно, как в пустую бутылку. Это неправда! Неправда потому, что чувство самосохранения свойственно всякому человеку. Вид разъяренного зверя не может не волновать охотника и непременно отразится на меткости его стрельбы.

Когда медведь был от меня совсем близко, я выстрелил почти в упор. Он опрокинулся, а я отбежал снова. Когда я оглянулся назад, то увидел, что медведь катается по земле. В это время с правой стороны я услышал еще шум. Инстинктивно я обернулся и замер на месте. Из кустов показалась голова другого медведя, но сейчас же опять спряталась в зарослях. Тихонько, стараясь не шуметь, я побежал влево и вышел на реку.

Минут двадцать я бесцельно бродил по одному месту, пока не успокоился. Идти на бивак с пустыми руками стыдно. Если я убил медведя, то бросить его было жалко. Но там был еще другой медведь, не раненый. Что делать? Так и бродил до тех пор, пока солнце не ушло за горизонт. Лучи его оставили землю и теперь светили куда-то в небо. Тогда я решил пойти стороной и издали взглянуть на медведей. Чем ближе я подходил к опасному месту, тем становилось страшнее. Нервы мои были напряжены до последней крайности. Каждый шорох заставлял меня испуганно оборачиваться. Всюду мне мерещились медведи, всюду казалось, что они идут за мной по пятам. Я часто останавливался и прислушивался. Наконец я увидел дерево, около которого в последний раз свалился медведь. Оно показалось мне особенно страшным. Я решил обойти его по косогору и посмотреть с гребня увала.

Вдруг я заметил, что в кустах кто-то шевелится. «Медведь!» — подумал я и попятился назад. Но в это время

услышал человеческий голос. Это был Дерсу. Я страшно обрадовался и побежал к нему. Увидев меня, гольд сел на лежавшее на земле дерево и стал закуривать свою трубку. Я подошел к нему и спросил, как он попал сюда. Дерсу рассказал мне, что с бивака он услышал мои выстрелы и пошел мне на помощь. По следам он установил, где я стрелял медведя и как он на меня бросился. Затем он указал место, где я упал; дальше следы показали ему, что медведь гнался за мной, и т.д. Одним словом, он рассказал мне все, что со мной случилось.

— Должно быть, подранок ушел, — сказал я своему товарищу.

— Его остался здесь, — ответил Дерсу и указал на большую кучу земли.

Я понял все. Мне вспомнились рассказы охотников о том, что медведь, найдя какое-нибудь мертвое животное, всегда закапывает его в землю. Когда мясо станет разлагаться, он лакомится им. Но я не знал, что медведь закапывает медведя. Для Дерсу это тоже было новинкой.

Через несколько минут мы откопали медведя. Кроме земли, на него было наложено много камней и валежника.

Я стал раскладывать огонь, а Дерсу принялся потрошить зверя. Убитый мной медведь был из крупных, черно-бурой масти. Вид этот близок к американскому гризли. Длина его тела равняется 2,4, высота — 1,2 метра, а вес достигает до 330 килограммов. Он имеет притупленную морду, небольшие уши и маленькие глаза. К гигантской силе его надо прибавить крепкие клыки и когти в 8 сантиметров длиной. Животное это распространено по всему Уссурийскому краю, но чаще всего встречается в северной его половине и на берегу моря между мысом Гиляк и устьем Амура. Любопытно то, что окраска его на юге черная, а чем севернее, тем больше приближается к светло-бурой. Нрав этого медведя довольно добродушный, пока его не трогают, но раненый он становится положительно ужасен. Во время течки самцы очень злы. Они слоняются по тайге, нападают на животных и гоняются даже за рябчиками. Пища их главным образом растительная, но при случае они не прочь полакомиться мясом и рыбой. Берлогу бурый медведь устраивает под корнями деревьев, в расщелинах камней и даже просто в земле. Подобно своим четвероногим сородичам, он чрезвычайно любит забиваться в пещеры и жить в них не только зимой, но даже и в теплое время года. В зимнюю спячку бурый медведь впадает поздно. Некоторые из них бродят по тайге иногда до

декабря. Они не любят лазать по деревьям; быть может, препятствием этому служит их большой вес.

В убитого мною медведя попали все три пули, одна в бок, другая в грудь и третья в голову.

Когда Дерсу закончил свою работу, было уже темно. Подложив в костер сырых дров, чтобы они горели до утра, мы тихонько пошли на бивак.

Вечер был тихий и прохладный. Полная луна плыла по ясному небу, и, по мере того как свет луны становился ярче, наши тени делались короче и чернее. По дороге мы опять вспугнули диких кабанов. Они с шумом разбежались в разные стороны. Наконец между деревьями показался свет. Это был наш бивак.

После ужина казаки рано легли спать. За день я так переволновался, что не мог уснуть. Я поднялся, сел к огню и стал думать о пережитом. Ночь была ясная, тихая. Красные блики от огня, черные тени от деревьев и голубоватый свет луны перемешивались между собой. По опушкам сонного леса бродили дикие звери. Иные совсем близко подходили к биваку. Особенным любопытством отличались козули. Наконец я почувствовал дремоту, лег рядом с казаками и уснул крепким сном.

На рассвете раньше всех проснулся Дерсу. Затем встал я, а потом и другие. Солнце только что взошло и своими лучами едва озарило верхушки гор. Как раз против нашего бивака, шагах в двухстах, бродил еще один медведь. Он все время топтался на одном месте. Вероятно, он долго еще ходил бы здесь, если бы его не спугнул Мурзин. Казак взял винтовку и выстрелил.

Медведь круто обернулся, посмотрел в нашу сторону и проворно исчез в лесу.

Закусив немного, мы собрали свои котомки и тронулись в путь. Около моря я нашел место бивака Н.А. Пальчевского. Из письма, оставленного мне в бутылке, привязанной к палке, я узнал, что он здесь работал несколько дней тому назад и затем отправился на север, конечным пунктом наметив себе бухту Терней.

Река Мутухе (по-удэгейски — Ца-уги) впадает в бухту Опричник (44°27' северной широты и 39°40' восточной долготы от Гринвича)*, совершенно открытую со стороны моря и потому для стоянки судов непригодную. Глубокая заводь реки, сразу расширяющаяся долина и необсохшие болота вблизи моря указывают на то, что раньше здесь тоже был залив, довольно глубоко вдававшийся в сушу. По

* Долгота бухты Опричник 136°00' от Гринвича.

береговым валам около самой бухты растет ползучий даурский можжевельник, а по болотам — кустарниковая береза с узкокрылыми плодами.

Название Мутухе есть искаженное китайское название Му-чжу-хе («мугу» — самка, «чжу» — дикий кабан, «хе» — река, что значит — Река диких свиней). Она течет вдоль берега моря по тектонической долине и принимает в себя, не считая мелких горных ручьев, три притока с правой стороны. Так как речки эти не имели раньше названий, то я окрестил их. Первую речку я назвал Оленьей, вторую — Медвежьей, третью — Зверовой*.

Там, где долина Оленьей реки сходится с долиной реки Медвежьей, на конце увала приютилась маленькая фанза. Она была пуста. Окинув ее взором, Дерсу сказал, что здесь живут корейцы, четыре человека, что они занимаются ловлей соболей и недавно ушли на охоту на всю зиму.

Здесь по речкам, в болоте и на берегу моря на песке мы застали кое-каких перелетных птиц. Судя по малочисленности как особей, так и видов, видно, что по берегу моря не бывает большого перелета. Тут было несколько амурских кроншнепов. Они красиво расхаживали по траве. При приближении нашем птицы останавливались, пристально смотрели на нас и затем с хриплым криком снимались с места. Отлетев немного, они опять спускались на землю, но были уже настороже. В другой стороне, около воды, ходила восточная белолобая казарка. Я сначала принял ее за гуся. Она мне показалась больше размерами, чем есть на самом деле. Мурзин обошел ее по кустам и убил пулей. Из уток здесь было много маленьких чирков. Они держались в ручьях, заросших ольхой и кустарниками. Когда я очень близко подходил к ним, они не улетали, а только немного отплывали в сторону и, видимо, совершенно не боялись человека.

От корейской фанзы вверх по реке Мутухе идет тропа. Она долгое время придерживается правого берега реки и только в верховьях переходит на другую сторону. Горы, окаймляющие долину Мутухе, состоят большей частью из кварцевого порфира. Между реками Оленьей, Медвежьей и Зверовой, по выходе в долину, они кончаются широкими террасами в 20 метров высотой. Слева (по течению) растет лес хвойный и смешанный, справа — лиственный.

* Речки Оленья, Медвежья и Зверовая ныне имеют соответственно названия Первый Ключ, Второй Ключ, Третий Ключ.

Река Мутухе — самое близкое к морю место, где произрастает строевой кедр. Он достигает здесь высоты 22 метров и имеет в обхвате 3—3,5 метра.

В верховьях реки небольшими рощицами встречается также тис. Этот представитель реликтовой флоры нигде в крае не растет сплошными лесонасаждениями; несмотря на возраст в триста—четыреста лет, он не достигает больших размеров и очень скоро становится дуплистым.

Путь по реке Мутухе до перевала чрезвычайно каменист, и движение по нему затруднительно. Расщелины в камнях и решетины между корнями представляют собою настоящие ловушки. Опасения поломать ногу коням делают эту дорогу труднопроходимой. Надо удивляться, как местные некованые китайские лошади ухитряются ходить здесь да еще нести на себе значительные тяжести.

Пройдя по реке километров пять, мы повернули на восток к морю.

Уже с утра я заметил, что в атмосфере творится что-то неладное. В воздухе стояла мгла; небо из синего стало белесоватым; дальних гор совсем не было видно. Я указал Дерсу на это явление и стал говорить ему многое из того, что мне было известно из метеорологии о сухой мгле.

— Моя думай, это дым, — отвечал он. — Ветер нету, который сторона гори, понимай не могу.

Едва мы поднялись наверх, как сразу увидели, в чем дело. Из-за гор, с правой стороны Мутухе, большими клубами подымался белый дым. Дальше, на севере, тоже курились сопки. Очевидно, пал уже успел охватить большое пространство. Полюбовавшись им несколько минут, мы пошли к морю и, когда достигли береговых обрывов, повернули влево, обходя глубокие овраги и высокие мысы.

Я обратил внимание, как на распространение звуковых волн влияли встречающиеся на пути препятствия. Как только мы заходили за какую-нибудь вершину, шум дождя замирал, но когда приближались к расщелине, он опять становился явственным.

Вдруг какие-то странные звуки, похожие на хриплый и протяжный лай, донесло до нас ветром снизу. Я тихонько подошел к краю обрыва, и то, что увидел, было удивительно интересно.

Множество сивучей, больших и малых, лежало на берегу моря.

 Сивуч относится к отряду ластоногих и к семейству

ушастых тюленей. Это довольно крупное животное и достигает 4 метров длины и 3 метров в обхвате около плеч при весе 680—800 килограммов. Он имеет маленькие ушные раковины, красивые черные глаза, большие челюсти с сильными клыками, длинную сравнительно шею, на которой шерсть несколько длиннее, чем на всем остальном теле, и большие ноги (ласты) с голыми подошвами. Обыкновенно самцы в два раза больше самок.

В Приморской области сивучи встречаются по всему побережью Японского моря.

За ними охотятся туземцы, главным образом ради их толстой шкуры, которая идет на обувь и на выделку ремней для собачьей упряжи.

Нежиться на камнях, обдаваемых пеной прибоя, видимо, доставляло сивучам большое удовольствие. Они потягивались, закидывали голову назад, подымали кверху задние ноги насколько возможно, поворачивались вверх брюхом и вдруг совершенно неожиданно соскальзывали с камня в воду. Камень не оставался свободным, тотчас же около него показывалась другая голова, и другое животное спешило занять вакантное место. На берегу лежали самки и рядом с ними молодняк, а в стороне около пещер, выбитых волнением, дремали большие самцы. Старые были светло-бурого цвета, молодые более темные. Последние держали себя как-то особенно гордо. Подняв кверху голову, они медленно поворачивали ею из стороны в сторону, и, несмотря на свое неуклюжее тело, им нельзя было отказать в грации. По манере себя держать, по величию и быстроте движений они заслуживали бы названия морских львов, как и их сородичи у берегов Калифорнии.

По свойственной казакам-охотникам привычке Мурзин поднял свое ружье и стал целиться в ближайшего к нам сивуча, но Дерсу остановил его и тихонько в сторону отвел винтовку.

— Не надо стреляй, — сказал он. — Таскай не могу. Напрасно стреляй — худо, грех.

Тут только мы заметили, что к лежбищу ни с какой стороны подойти было нельзя. Справа и слева оно замыкалось выдающимися в море уступами, а со стороны суши были отвесные обрывы метров 50 высотой. К сивучам можно было только подъехать на лодке. Убитого сивуча взять с собой мы не могли; значит, убили бы его зря и бросили бы на месте.

Вместе с тем меня поразил Дерсу своими словами. На-

прасно стрелять грех! Какая правильная и простая мысль! Почему же европейцы часто злоупотребляют оружием и сплошь и рядом убивают животных так, ради выстрела, ради забавы?

Минут двадцать мы наблюдали сивучей. Я не мог оторвать от них своих глаз. Вдруг я почувствовал, что кто-то трогает меня за плечо.

— Капитан! Надо ходи, — говорил Дерсу.

Идти по вершине хребта всегда легче, чем косогором, потому что выдающиеся вершины можно обходить по горизонталям.

Когда мы вышли опять на тропу, ночь уже опустилась на землю.

Нам предстояло теперь подняться на высокую гору и оттуда спуститься в седловину. Высота перевала оказалась равной 740 метрам.

Картина, которую я увидел с вершины горы, так поразила меня, что я вскрикнул от удивления. Шел пал, линия огней опоясывала горы, словно иллюминация. Величественная и жуткая картина. Огни мерцали и гасли, но тотчас вновь разгорались с большей силой. Они уже перешли через седловины и теперь спускались в долину. Наиболее высокие вершины еще не были во власти огня. Пал шел кверху правильным кольцом, точно на приступ. На небе стояли два зарева. Одно на западе, другое на востоке. Одно трепетало, другое было покойное. Начинала выходить луна. Из-за горизонта показался сначала край ее. Медленно, нерешительно выплывала она из воды, все выше и выше, большая, тусклая и багровая...

— Капитан! Ходи надо, — шепнул опять мне Дерсу.

Мы спустились в долину и, как только нашли воду, тотчас же остановились среди дубового редколесья. Дерсу велел нам нарвать травы для бивака, а затем пустил встречный пал. Как порох, вспыхнули сухая трава и опавшие листья. Огонь быстро пошел по ветру и в стороны. Теперь лес имел сказочный феерический вид. Я стал следить за палом. Огонь шел по листве довольно медленно, но когда добирался до травы, то сразу перескакивал вперед. Жар увлекал кверху сухую ветошь. Она летела и горела в воздухе. Таким образом огонь перебрасывался все дальше и дальше. Наконец пал подошел к кустам. С сильным шумом взвилось огромное пламя. Тут росла желтая береза с лохматой корой. В одно мгновение она превратилась в сплошной факел, но только на минуту; кора обгорела и потухла.

 Старые деревья с сухой сердцевиной горели, стоя на кор-

ню. Позади пала там и сям взвивались струйки белого дыма: это тлели на земле головешки. Испуганные животные и птицы спасались бегством. Мимо меня пробежал заяц; по начинавшему загораться колоднику прыгал бурундук; с резкими криками от одного дерева к другому носился пестрый дятел.

Я шел за огнем все дальше и дальше, не опасаясь заблудиться, шел до тех пор, пока желудок не напомнил, что пора возвратиться назад. Я полагал, что костер укажет мне место бивака. Обернувшись, я увидел много огней — это догорал валежник. Который из них был наш огонь, я разобрать не мог. Один из огней мне показался больше других. Я направился к нему, но это оказался горящий сухой пень. Я пошел к другому — опять то же. Так я переходил от огня к огню и все не мог найти бивака. Тогда я принялся кричать. Совсем с другой стороны донесся до меня отклик. Я повернул обратно и вскоре добрался до своих. Мои спутники подтрунивали надо мной, и я сам от души смеялся.

Опасения Дерсу сбылись. Во вторую половину ночи пал стал двигаться прямо на нас, но, не найдя себе пищи, прошел стороной. Вопреки ожиданиям, ночь была теплая, несмотря на безоблачное небо. В тех случаях, когда я видел что-либо непонятное, я обращался к Дерсу и всегда получал от него верные объяснения.

— Мороз ходи не могу, — ответил он. — Посмотри кругом, дыму много.

Тогда я вспомнил, как садоводы при помощи дымокуров спасают сады свои от утренников.

Днем мы видели изюбра; он пасся около горящего валежника. Олень спокойно перешагнул через него и стал ощипывать кустарники. Частые палы, видимо, приучили животных к огню, и они перестали его бояться.

Солнечный восход застал нас в дороге. После спуска с перевала тропа некоторое время идет по береговому валу, сложенному из скатанной гальки, имея справа море, а слева — болото. Вал этот и болото свидетельствуют о том, что здесь раньше была лагуна. На другом склоне вала лежали огромные валуны из гнейса. Никакое волнение не могло забросить их так высоко. Появление их на намывной полосе прибоя надо приписать действию льдов, которые в зимнее время нагоняются сюда ветрами и «припахивают» берег. Кроме валунов, здесь было также много китовых костей: лопатки, ребра, позвонки и части черепа. Вероятно, волнением прибило к берегу целый труп жи-

вотного. Звери и птицы позаботились убрать все, что можно; остались одни кости.

Отдохнув немного, мы пошли дальше. Через час пути тропа привела нас к озерам. Их было три: Малое, Среднее и Долгое. Последнее было километра три длиной.

С западной стороны в него впадает река Сеохобе (то есть Река первого снега), почему-то названная на морских картах Ядихой. Местность между озерами сильно заболочена. Только один вал из песка и гальки отделяет их от моря. Здесь мы видим опять исчезнувшую бухту. Когда-то залив этот был много длиннее и загибался на север.

Около болот тропа разделилась. Одна пошла влево к горам, а другая по намывной полосе прибоя. Эта последняя привела нас к небольшой, но глубокой протоке, которой озеро Долгое сообщается с морем.

Нечего делать, пришлось остановиться здесь, благо в дровах не было недостатка. Море выбросило на берег много плавника, а солнце и ветер позаботились его просушить. Одно только было нехорошо: в лагуне вода имела солоноватый вкус и неприятный запах. По пути я заметил на берегу моря каких-то куликов. Вместе с ними все время летал большой улит. Он имел белое брюшко, серовато-бурую с крапинками спину и темный клюв.

Пока казаки ставили палатку и таскали дрова, я успел сбегать на охоту. Птицы первый раз подпустили меня близко. Я убил четырех и воротился назад.

Бивак наш был не из числа удачных: холодный резкий ветер всю ночь дул с запада по долине, как в трубу. Пришлось спрятаться за вал к морю. В палатке было дымно, а снаружи холодно. После ужина все поспешили лечь спать, но я не мог уснуть — все прислушивался к шуму прибоя и думал о судьбе, забросившей меня на берег Великого океана.

Двадцатого сентября погода весь день стояла теплая и сухая. Я решил заняться обследованием реки Сеохобе. Сперва нам надлежало переправиться через озеро. При отсутствии лодок сделать это было нелегко. Надо было или вязать плоты, или попытаться перейти вброд. Я решился на последнее средство, как скорейшее. Опыт вышел удачным. Озеро оказалось мелким: самые глубокие места едва достигали 6 метров. Мели были извилистые. Мы все время шли ощупью по пояс в воде. По мере приближения к реке вода заметно становилась холоднее. Как только мы вышли на берег, сразу попали на тропу.

 Река Сеохобе длиной 22 километра. Истоки ее при-

ходятся против среднего течения Синанцы, о которой упоминалось выше. Она, собственно говоря, состоит из двух речек одинаковой величины, сливающихся вместе в 5 километрах от устья. Немного ниже Сеохобе принимает в себя справа еще один небольшой приток. Тут ходили изюбры целыми стадами. Рев уже окончился; самцы отабунили около себя самок; вскоре олени должны были разойтись поодиночке.

Заметно, что с каждым днем птиц становится все меньше и меньше. За эти дни я заметил только уссурийскую длиннохвостую неясыть — птицу, смелую ночью и трусливую днем; в яркие солнечные дни она забивается в глухие хвойные леса не столько ради корма, сколько ради мрака, который там всегда господствует; уссурийского белоспинного дятла — самого крупного из семейства Picidae, птица эта держится в старых смешанных лесах, где есть много рухляка и сухостоев; клинохвостого сорокопута — жадного и задорного хищника, нападающего даже на таких птиц, которые больше его размерами; зеленого конька, обитающего по опушкам лесов, и черноголовых овсянок— красивых, желтобрюхих птичек с черными шапочками на головках. Они предпочитали открытые места теневым и собирались в небольшие стайки.

Тропа, по которой мы шли, привела нас к лудеве длиной в 24 километра, с 74 действующими ямами. Большего хищничества, чем здесь, я никогда не видел. Рядом с фанзой стоял на сваях сарай, целиком набитый оленьими жилами, связанными в пачки. Судя по весу одной такой пачки, тут было собрано жил, вероятно, около 700 килограммов. Китайцы рассказывали, что оленьи сухожилья раза два в год отправляют во Владивосток, а оттуда в Чифу. На стенках фанзочки сушилось около сотни шкурок сивучей. Все они принадлежали молодняку.

Не было сомнения, что китайцы знали о лежбище ластоногих около реки Мутухе и хозяйничали там так же хищнически, как на Сеохобе.

— Все кругом скоро манза совсем кончай, — сказал Дерсу. — Моя думай, еще десять лет — олень, соболь, белка пропади есть.

Со словами Дерсу нельзя было не согласиться. У себя на родине китайцы уничтожили все живое. У них в стране остались только вороны, собаки и крысы. Даже в море, вблизи берегов, они уничтожили всех трепангов, крабов, моллюсков и всю морскую капусту. Богатый зверем и лесами Приамурский край ожидает та же

участь, если своевременно не будут приняты меры к борьбе с хищничеством китайцев.

Около моря, в полукилометре от озера, есть еще одна небольшая лудева. Она длиной 3 километра и имеет 7 ям.

В озеро Долгое с севера впадает маленькая безымянная речка, протекающая по болотистой долине. Здесь тропа становится весьма мокрой и вязкой. Местами при ходьбе ощущается колебание почвы. Вероятно, в дождливое время года путь этот труднопроходим.

После перевала (высотой 150 метров) тропа придерживается левого берега маленькой речонки, впадающей в реку Тхеибе. Эта последняя длиной 5 километров и не менее болотиста, чем река Безымянная. Положение этих двух долин, параллельных берегу моря, определяет направление невысокого прибрежного горного хребта, отмытого вдоль оси своего простирания и состоящего из кварцитов и еще из какой-то кремнистой породы.

Глава двадцать четвертая

Встреча с хунхузами

Следы. — Хунхузы. — Дерсу на разведках. — Перестрелка. — Чжан Бао. — Река Дунгоу. — Гора Хунтами. — Река Мулумбе. — Озеро Благодати. — Река Каимбе. — Грибная фанза. — «Каменная кожа». — Путь на реку Санхобе. — Отъезд Н.А. Пальчевского и А.И. Мерзлякова

Днем на тропе Дерсу нашел человеческие следы. Он стал внимательно их изучать. Один раз он поднял окурок папиросы и кусок синей дабы. По его мнению, здесь проходили два человека. Это не были рабочие-манзы, а какие-то праздные люди, потому что трудящийся человек не бросит новую дабу только потому, что она запачкана; он и старую тряпку будет носить до тех пор, пока она совсем не истреплется.

Затем, рабочие курят трубки, а папиросы для них слишком дороги. Продолжая свои наблюдения, он нашел место, где прошедшие два человека отдыхали, причем один из них переобувался; брошенная ружейная гильза указала на то, что китайцы были вооружены винтовками.

Чем дальше мы шли, тем разнообразнее были находки. Вдруг Дерсу остановился.

— Еще два люди ходили, — сказал он. — Теперь четыре стало, — моя думай, это худые люди.

Мы посоветовались и решили оставить тропу и пойти целиной. Взобравшись на первую попавшуюся сопку, мы стали осматриваться. Впереди, километрах в четырех от нас, виднелся залив Пластун; влево — высокий горный хребет, за которым, вероятно, должна быть река Синанца; сзади — озеро Долгое, справа — цепь размытых холмов, за ними — море. Не заметив ничего подозрительного, я хотел было опять вернуться на тропу, но гольд посоветовал спуститься к ключику, текущему к северу, и дойти по нему до реки Тхетибе.

Через час пути мы дошли до опушки леса. Здесь Дерсу велел нам ожидать его возвращения, а сам пошел на разведки.

Тхетибе представляет собой небольшую горную речку, протекающую по широкой и заболоченной долинке, поросшей ивой, ольхой и белой березой.

Приближались сумерки. Болото приняло одну общую желто-бурую окраску и имело теперь безжизненный и пустынный вид. Горы спускались в синюю дымку вечернего тумана и казались хмурыми. По мере того как становилось темнее, ярче разгоралось на небе зарево лесного пожара. Прошел час, другой, а Дерсу не возвращался. Я начал беспокоиться.

Вдруг где-то далеко послышался крик, затем раздались четыре выстрела, опять крик и еще один выстрел. Я хотел бежать было туда, но вспомнил, что таким образом мы потеряем друг друга.

Минут через двадцать гольд возвратился. Вид его был крайне встревоженный. Насколько возможно, он спешно рассказал, что с ним случилось. Идя по следам четырех человек, он дошел до залива Пластун и здесь увидел палатку. В ней было около двадцати вооруженных китайцев.

Убедившись, что это хунхузы, он пополз по кустам обратно, но в это время его учуяла собака и подняла лай. Три китайца схватили ружья и бросились за ним в погоню. Убегая, Дерсу попал в зыбучее болото. Хунхузы закричали, чтобы он остановился, и затем стали стрелять. Выйдя на сухое место, Дерсу прицелился с колена в одного из разбойников и выстрелил. Он хорошо видел, что китаец упал. Двое других остались около раненого, а он побежал дальше. Чтобы сбить хунхузов с толку, Дерсу на глазах у них нарочно направился в сторону, противоположную той, где мы притаились, а затем кружным путем вернулся обратно.

— Моя рубашка хунхузы дырку делай, — сказал Дерсу /291

и показал свою куртку, простреленную пулей. — Надо наша скоро ходи, — закончил он свой рассказ и стал надевать котомку.

Мы тихонько двинулись вперед, стараясь не шуметь. Гольд повел нас осыпями по сухому ложу речки и избегая тропинок. Часов в девять вечера мы достигли реки Иодзыхе, но не пошли в фанзы, а остались ночевать под открытым небом. Ночью я сильно зяб, кутался в палатку, но сырость проникала всюду. Никто не смыкал глаз. С нетерпением мы ждали рассвета, но время, как назло, тянулось бесконечно долго.

Как только стало светать, мы тотчас тронулись дальше. Надо было как можно скорее соединиться с Г.И. Гранатманом и А. И. Мерзляковым. Дерсу полагал, что будет лучше, если мы оставим тропу и пойдем горами. Так и сделали. Перейдя вброд реку, мы вышли на тропинку и только собирались юркнуть в траву, как навстречу нам из кустов вышел таз с винтовкой в руках. Сначала он испугался и изрядно, в свою очередь, напугал нас, но, увидев стрелков и казаков, полез за пазуху и подал пакет. Это было письмо от Н.А. Пальчевского. Последний извещал меня, что с реки Санхобе в поисках за хунхузами выступил отряд охотников под начальством своего предводителя Чжан Бао. Пока я читал письмо, Дерсу расспрашивал таза, а таз в свою очередь расспрашивал его. Выяснилось, что Чжан Бао со своими тридцатью охотниками ночевал недалеко от нас и теперь, вероятно, подходил уже к реке Иодзыхе.

Действительно, минут через двадцать мы с ним встретились.

Чжан Бао был мужчина высокого роста, лет сорока пяти. Одет он был в обыкновенную китайскую синюю одежду, только несколько опрятнее, чем у простых рабочих манз. На подвижном лице его лежала печать перенесенных лишений. Он носил черные усы, по китайскому обычаю опущенные книзу, в которых уже кое-где пробивалась седина. В черных глазах этого человека сквозил ум, на губах постоянно играла улыбка, и в то же время лицо его никогда не теряло серьезности. Прежде чем что-нибудь сказать, он всегда обдумывал свой ответ и говорил тихо, не торопясь. Мне не приходилось встречать человека, в котором так совмещались бы серьезность, добродушие, энергия, рассудительность, настойчивость и таланты дипломата. В личности Чжан Бао, в его жестах, во всей его фигуре, в манере держать себя было что-то интеллигентное. Его ум, самолюбие и умение подчинить себе толпу говорили за то,

что это не был простой манза. По всей вероятности, это был один из политических преступников, бежавших из Китая.

Дружина, которой командовал Чжан Бао, состояла из китайцев и тазов. Все это были молодые люди, крепкие, сильные, хорошо вооруженные. Я сразу заметил, что в его отряде была крепкая дисциплина. Все распоряжения его исполнялись быстро, и не было случая, чтобы он свои приказания повторял дважды.

Во всем районе, от Кусуна до залива Ольги, Чжан Бао считался самой авторитетной личностью. Китайцы и тазы обращались к нему за советами, и, если где-нибудь надо было примирить двух непримиримых врагов, китайцы опять-таки обращались к Чжан Бао. Он часто заступался за обиженных, и на этой почве у него было много врагов. Особенную ненависть он питал к хунхузам и своими преследованиями навел на них такой страх, что далее реки Иодзыхе они заходить не решались.

Шайка, на которую мы наткнулись, приехала в залив Пластун на лодках с намерением заняться грабежом шаланд, заходящих сюда во время непогоды.

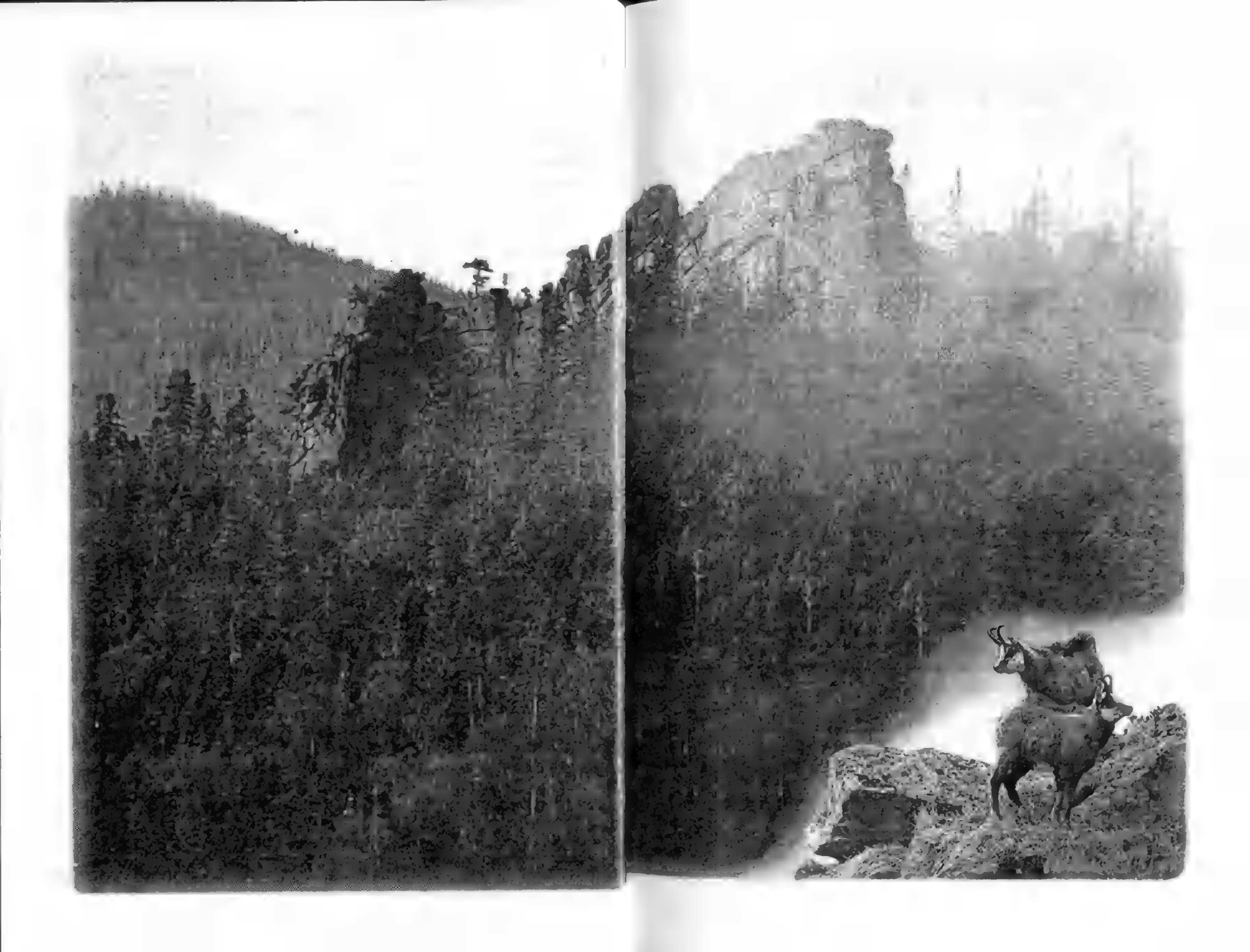
Чжан Бао приветствовал меня вежливо, но с достоинством. Узнав, что Дерсу ночью подвергся нападению хунхузов, он стал подробно его расспрашивать, где это случилось, и при этом палочкой чертил план на песке.

Собрав сведения, он сказал, что ему нужно торопиться и что он вернется на реку Санхобе дня через два или три. Затем он простился со мной и пошел с охотниками далее.

Теперь уже нам нечего было скрываться от китайцев, поэтому мы отправились в первую попавшуюся фанзу и легли спать. В полдень мы встали, напились чаю и затем пошли вверх по долине реки Дунгоу, что по-китайски означает Восточная падь.

Горы на левой стороне ее крутые, на правой — пологие и состоят из полевошпатового порфира. Около устья, у подножия речных террас, можно наблюдать выходы мелкозернистого гранита, который в обнажениях превращался в дресвяник. Тропа идет сначала с правой стороны реки, потом около скалы Янтун-Лаза переходит на левый берег и отсюда взбирается на перевал высотой в 160 метров.

Растительность в долине реки Дунгоу довольно скудная. Редколесье из дуба и черной березы, лиственницы и липы дровяного и поделочного характера нельзя назвать лесом. Молодняка нигде нет, он систематически два раза в год уничтожается палами. Склоны гор, обращенные к югу,



поросли кустарниками, главным образом таволгой, калиной и леспедецей. Все остальное пространство — луговое и заболоченное. Ширина реки — 4—6 метров; она порожиста и мелководна. Некоторые пороги очень красивы и имеют вид небольших водопадов.

Во вторую половину дня нам удалось пройти только до перевала. Заметив, что вода в речке начинает иссякать, мы отошли немного в сторону и стали биваком недалеко от водораздела. Весело затрещали сухие дрова в костре. Мы грелись около огня и делились впечатлениями предыдущей ночи.

Я заметил, что Дерсу что-то собирается меня спросить, но, видимо, стесняется. Я помог ему высказаться.

— Моя слыхал, русские хунхузы тоже есть. Правда это али нет? — спросил он, конфузясь.

— Правда, — отвечал я. — Только русские хунхузы ходят по одному, по два человека и никогда не собираются такими большими шайками, как китайские. Русское правительство не допускает до этого.

Я думал, что мое объяснение удовлетворило гольда, однако я заметил, что мысли его были направлены в другую сторону.

— Как это? — рассуждал он вслух. — Царь есть, много всяких капитанов есть, и хунхузы есть. У китайцев тоже так: царь есть, и хунхузы есть. Как наша живи? Царя нету, капитанов нету и хунхузов нету.

Сначала мне показалось странным сопоставление — царь и хунхузы, но, вникнув в смысл его слов, я понял ход его мысли. Раз происходит сортировка людей по сословиям, то должны быть богатые и бедные, праздные и трудящиеся. Раз их сортируют на честных и бесчестных, то преступный элемент отделяется, ассоциируется и образует нечто вроде особой касты, по-китайски именуемой хунхузами.

Недолго длилась наша беседа. Утренний отдых в фанзе был недостаточен. Организм требовал еще сна. Положив в огонь старых дров, чтобы они дольше горели, мы легли на траву и крепко заснули.

Когда на другой день я поднялся, солнце было уже высоко. Напившись чаю, мы взяли свои котомки и пошли к перевалу. Здесь тропа долгое время идет по хребту, огибая его вершины то с одной, то с другой стороны. Поэтому кажется, что она то подымается, то опускается и как будто пересекает несколько горных отрогов.

Поднявшись на перевал (240 метров), я увидел довольно интересную картину. Слева от нас высилась высокая гора Хунтами[142], имеющая вид усеченного конуса. Она входит

в хребет, отделяющий бассейн реки Санхобе от реки Иодзыхе. Со стороны моря Хунтами кажется двугорбой. Вероятно, вследствие этого на морских картах она и названа Верблюдом.

К востоку от нас высились горы, поросшие редким лесом, а впереди расстилалась большая болотистая низина, покрытая изжелта-бурой травой.

С перевала тропа шла вниз по маленькому ключику и скоро пересекла небольшую горную речку Мулумбе (по-орочски — Мули), впадающую в озеро Хунтами. Китайцы название это толкуют по-своему и производят его от слов «му-лу», что значит — самка изюбра.

Несомненно, и тут мы имеем дело со старой лагуной, процесс осыхания которой далеко еще не закончен. Всему виной торфяники, прикрывшие ее сверху и образовавшие болото. Около моря сохранилась еще открытая вода. Это озеро Благодати (44°47' северной широты и 136°24'20" восточной долготы от Гринвича). Вероятно, тут было самое глубокое место бухты.

Мелкие ручьи, сбегающие с гор, текут по узким оврагам и питают болото водой. Между ними образовались небольшие релки, покрытые ольхой, березой, липой, а где посуше — дубовым редколесьем. Тропа идет через эти овраги, но затем круто поворачивает к болоту. Расстояние от Мулумбе до реки Каимбе не более 6 километров, но на этот переход мы употребили почти целый день — болото оказалось зыбучим. Мы пробовали было идти стороной около тропы, но это оказалось еще хуже. Наконец перед сумерками болото было пройдено. Впереди, около реки Каимбе, виднелась какая-то фанза; к ней мы направили свои стопы.

Река Каимбе (по-орочски — Кая) на картах значится Каембэ. Она такой же величины, как река Мулумбе, только впадает непосредственно в море. С левой стороны ее тянется длинная и высокая терраса, уже разрушенная временем. Терраса эта является древним берегом лагуны и имеет наклон к озеру и обрывистые края к морю.

В фанзе жили два китайца. Ни огородов, ни пашен вокруг нее не было видно. Однако зоркий глаз Дерсу усмотрел поперечную пилу, топоры с длинными ручками, кузовни, плетенные из лыка, и длинные каны, не соответствующие числу обитателей фанзы. Оказалось, что китайцы занимаются сбором древесных грибов и лишайников с камней. Первые относятся к семейству дрожалковых грибов и собираются исключительно с дуба. Они своеобразно ароматны и содержат в себе много воды (98 процентов).

Для культуры их китайцы валят на землю множество дубовых деревьев. Когда дуб начинает гнить, на нем появляются грибы, по внешнему виду похожие на белые кораллы. Китайцы их называют «му-эр». Их собирают и сушат сначала на солнце, а потом в фанзе на сильно нагретых канах*.

Лишайники темно-оливково-зеленые (называемые «шихуй-пи», то есть «каменная кожа») в сухом состоянии становятся черными. Их собирают с известковых и сланцевых скал и отправляют во Владивосток в плетеных корзинах как гастрономическое лакомство.

Нельзя не удивляться предприимчивости китайцев. Одни из них охотятся за оленями, другие ищут женьшень, третьи соболюют, четвертые заняты добычей кабарожьего мускуса, там видишь капустоловов, в другом месте ловят крабов или трепангов, там сеют мак и добывают опий и т.д. Что ни фанза, то новый промысел: ловля жемчуга, добыча какого-то растительного масла, ханшина, корней астрагала, да всего и не перечтешь. Всюду они умеют находить источники обогащения. Вопрос труда отходит у них на второй план, лишь бы источник этот был неиссякаемый.

Мы так устали за день, что не пошли дальше и остались здесь ночевать. Внутри фанзы было чисто, опрятно. Гостеприимные китайцы уступили нам свои места на канах и вообще старались всячески услужить. На улице было темно и холодно; со стороны моря доносился шум прибоя, а в фанзе было уютно и тепло...

Вечером манзы угостили нас «каменной кожей». Темно-бурые слизлые лишайники были безвкусны, хрустели на зубах, как вязига, и могли удовлетворить разве гастрономический вкус китайцев.

По их словам, до Санхобе оставался только один переход. Желая дойти туда засветло, мы выступили на другой день очень рано.

От грибной фанзы тропа идет горами вдоль берега моря и в пути пересекает пять горных отрогов, слагающихся из кварцевого порфира и поросших редколесьем из дуба, липы и черной березы.

Эта тропа считается тяжелой как для лошадей, так и для пешеходов. По пятому, последнему, распадку она поворачивает на запад и идет вверх до перевала, высота которого равна 350 метрам. Подъем со стороны моря крутой, а спуск к реке Санхобе пологий.

---

* Речь идет о черных древесных ушках (иудино ухо), относящихся к порядку аурикуляриевых (ушковых). *(Прим. ред.)*

За перевалом картина меняется. Вместо порфиров появляются граниты, и на смену лиственному редколесью выступает хвойно-смешанный лес отличного качества. Маленькая речка, по которой проложена тропа, привела нас на реку Сяненгоу[143], впадающую в Санхобе недалеко от моря. Когда-то здесь была лесная концессия Гляссера и Храманского.

Предприятие это, как и все скороспелые русские предприятия, обречено было на гибель. Срублено деревьев было много, а вывезено мало. Большинство их брошено в тайге; зато какой горючий материал для лесных пожаров остался на месте!

Китайцы в рыбной фанзе сказали правду. Только к вечеру мы дошли до реки Санхобе. Тропа привела нас прямо к небольшому поселку. В одной фанзе горел огонь. Сквозь тонкую бумагу в окне я услышал голос Н.А. Пальчевского и увидел его профиль. В такой поздний час он меня не ожидал. Г.И. Гранатман и А.И. Мерзляков находились в соседней фанзе. Узнав о нашем приходе, они тотчас прибежали. Начались обоюдные расспросы. Я рассказывал им, что случилось с нами в дороге, а они мне говорили о том, как работали на Санхобе.

Как ни интересен был наш разговор, но усталость взяла свое. Н.А. Пальчевский заметил это и стал устраивать мне постель. Я лег на кан и тотчас уснул.

Весь следующий день мы провели в беседе. Река Санхобе являлась крайним пунктом нашего путешествия по берегу моря. Отсюда нам надо было идти к Сихотэ-Алиню и далее на Иман. На совете решено было остаться на Санхобе столько времени, сколько потребуется для того, чтобы подкрепить силы и снарядиться для зимнего похода.

Ввиду приближения зимнего времени довольствие лошадей сделалось весьма затруднительным. Поэтому я распорядился всех коней с А.И. Мерзляковым и с частью команды отправить назад к заливу Ольги. Вследствие полного замирания растительности Н. А. Пальчевский тоже пожелал возвратиться во Владивосток. Для этого он решил воспользоваться шхуной Гляссера, которая должна была уйти через двое суток.

Таким образом, для зимнего похода через Сихотэ-Алинь оставались только я, Г.И. Гранатман, Дерсу, двое казаков (Мурзин и Кожевников) и стрелок Бочкарев.

Двадцать пятого сентября мы расстались с Н.А. Пальчевским и А.И. Мерзляковым.

Глава двадцать пятая

Пожар в лесу

Бухта Терней. — Птицы на берегу моря. — Население реки Санхобе. — Река Сица. — Сихотэ-Алинь. — Да-Лазагоу. — Изучение следов. — Заноза. — Нарыв на подошве. — Лесной пожар. — Операция. — Возвращение. — Драмы на берегу моря

Двадцать седьмое число было посвящено осмотру бухты Терней (мыс Страшный, 45° северной широты и 136°44'30" восточной долготы от Гринвича), открытой Лаперузом 23 июня 1767 года и окрещенной тогда этим именем*. Здесь тоже ясно видно, что раньше бухта Терней гораздо глубже вдавалась в материк; значительная глубина реки около устья, обширный залив, отходящий от нее в сторону, и наконец два озера среди болот указывают, где ранее были глубокие места бухты. Самое море потрудилось над тем, чтобы оттеснить себя от суши. Коса, наметанная морским прибоем, протянувшаяся от одного мыса к другому, превратила залив в лагуну. Потом здесь образовались дюны; они увеличивались в размерах и погребли под собой прибрежные утесы.

Около таких лагун всегда держится много птиц. Одни из них были на берегу моря, другие предпочитали держаться в заводях реки. Среди первых я заметил тихоокеанских чернозобиков. Судя по времени, это были, вероятно, отсталые птицы.

Тут же летали и чайки. Они часто садились на воду и вновь взлетали на воздух.

В глубоких заводях можно было заметить больших бакланов. Они то и дело ныряли в воду и никак не могли наполнить свое прожорливое брюхо.

Растительность в нижней части долины Санхобе чахлая и низкорослая. С правой стороны по болотам растет небольшими группами сибирская лиственница. По-видимому,

---

* У В.К. Арсеньева ошибка в дате открытия и координатах бухты Терней. Эта бухта открыта французским мореплавателем Лаперузом 22 июня 1787 г. и названа в честь адмирала Чарли-Генри-Луис-Аркас де Терней. При создании крупномасштабных карт русскими топографами название было ошибочно перенесено к устью реки Серебрянка, где оно и закрепилось, дав наименование также поселку Терней. 26 марта 1973 г. эта бухта Терней была переименована в Серебрянку. Истинный же, первоначальный, лаперузовский Терней находился там, где сейчас бухта Русская. Таким образом, Терней Арсеньева — это современная бухта Серебрянка, ее координаты 45°02' с.ш. и 136°39' в.д. от Гринвича.

Санхобе является северной границей акации Маака*, по крайней мере тут она встречается уже как редкость.

Население Санхобе смешанное и состоит из китайцев и тазов. Первые живут ближе к морю, вторые дальше — в горах.

Китайских фанз тридцать восемь; в них насчитывается 233 человека. Тазовых фанз четырнадцать; в них живут 72 мужчины, 54 женщины и 89 детей обоего пола.

Положение местных тазов весьма тяжелое. Они имеют совершенно забитый и угнетенный вид. Я стал было их расспрашивать, но они испугались чего-то, пошептались между собой и под каким-то предлогом удалились. Очевидно, они боялись китайцев. Если кто-либо из них посмеет жаловаться русским властям или расскажет о том, что происходит в долине Санхобе, того ждет ужасное наказание: утопят в реке или закопают живым в землю.

Санхобейские тазы почти ничем не отличаются от тазов на реке Тадушу. Они так же одеты, говорят по-китайски и занимаются хлебопашеством. Но около каждой фанзы есть амбар на сваях, где хранится разный скарб. Этот амбар является типичной тазовской постройкой. Кроме того, я заметил у стариков особые кривые ножи, которыми они владеют весьма искусно и которые заменяют им и шило, и буравчик, и долото, и наструг.

По рассказам тазов, лет тридцать тому назад на реке Санхобе свирепствовала оспа. Не было ни одной фанзы, которую не посетила бы эта страшная болезнь. Китайцы боялись хоронить умерших и сжигали их на кострах, выволакивая трупы из фанз крючьями. Были случаи, когда вместе с мертвыми сжигались и больные, впавшие в бессознательное состояние.

В этот день вечером возвратился Чжан Бао. Он сообщил нам, что не застал хунхузов в заливе Пластун. После перестрелки с Дерсу они ушли на шаланде в море, направляясь, по-видимому, на юг.

Следующие три дня, 28—30 сентября, я просидел дома, вычерчивал маршруты, делал записи в путевых дневниках и писал письма. Казаки убили изюбра и сушили мясо, а Бочкарев готовил зимнюю обувь. Я не хотел отрывать их от дела и не брал с собой в экскурсию по окрестностям.

Река Санхобе (на картах — Саченбея и по-удэгейски Санкэ) состоит из двух рек одинаковой величины — Сицы (по-китайски — Западный приток) и Дунцы (Восточный

---

*Акация Маака — маакия амурская. *(Прим. ред.)*

приток). Путь мой на Иман, на основании расспросных сведений, был намечен по реке Дунце. Поэтому я решил теперь, пока есть время, осмотреть реку Сицу. На эту работу у меня ушло ровно семь суток.

Первого октября я вместе с Дерсу с котомками за плечами выступил из своей «штаб-квартиры».

Слияние Сицы и Дунцы происходит в 10 километрах от моря. Здесь долина Санхобе разделяется на две части, из которых одна идет на север (Дунца), а другая — на запад (Сица).

Вид в долину Сицы со стороны моря очень красив. Высокие горы с острыми и причудливыми вершинами кажутся величественными. Я несколько раз видел их впоследствии, и всегда они производили на меня впечатление какой-то особенной дикой красоты.

На половине пути от моря, на месте слияния Сицы и Дунцы, с левой стороны есть скала Да-Лаза. Рассказывают, что однажды какой-то старик китаец нашел около нее женьшень крупных размеров. Когда корень принесли в фанзу, сделалось землетрясение, и все люди слышали, как ночью скала Да-Лаза стонала. По словам китайцев, река Санхобе на побережье моря является северной границей, до которой произрастает женьшень. Дальше на север никто его не встречал.

Река Сица течет в направлении к юго-западу. Свое начало она берет с Сихотэ-Алиня (перевала на реку Иман) и принимает в себя только два притока. Один из них Нанца[144], длиной в 20 километров, находится с правой стороны с перевалом на Иодзыхе. От истоков Нанца сперва течет к северу, потом к северо-востоку и затем к северо-западу. В общем, если смотреть вверх по долине, в сумме действительно получается направление южное.

Долина Сицы покрыта отличным хвойно-смешанным лесом. Особенности этой долины заключаются в мощных террасах. В обнажениях видно, что террасы эти наносного образования и состоят из глины, ила и угловатых камней величиной с конскую голову. Было время, когда какие-то силы создали эти террасы. Затем вдруг наступил покой. Террасы стали зарастать лесом, которому теперь насчитывается более двухсот лет.

Нижняя часть долины Сицы представляется в виде больших котловин, обставленных высокими горами. Здесь растут великолепные леса, среди которых много кедра. Около реки лес вырублен концессионером Хроманским, но
 вывезена только четвертая его часть. Все остальное бро-

шено на месте. При падении своем лесные великаны поломали множество других деревьев, которые не предполагались к вырубке. В общем, здесь больше испорченного сухого леса, чем живого. По такому лесу идти очень трудно. Один раз мы пробовали было свернуть с тропы в сторону и через несколько шагов попали в такой бурелом, что еле-еле выбрались обратно. Площадь этого вырубленного леса занимает пространство около 15 квадратных километров. Тропа проходит почти посредине леса. Для того чтобы проложить ее, вероятно, понадобилось употребить немало усилий и испортить много пил и топоров.

На следующий день мы пошли вверх по реке Сице. Чем дальше, тем тайга становилась глуше. Разрушающая рука лесопромышленника еще не коснулась этого девственного леса. Кроме кедра, тополя, ели пробкового дерева, пихты и ореха, тут росли: китайский ясень — красивое дерево с серой корой и с овальными остроконечными листьями; дейция мелкоцветная — небольшое деревце с мелкими черными ягодами; корзиночная ива — весьма распространенная по всему Уссурийскому краю и растущая обыкновенно по галечниковым отмелям вблизи рек. Растительное сообщество по берегам протоков состояло из кустарниковой ольхи с резкими жилками на крупных листьях; перистого боярышника, который имеет серую кору, клиновидные листья и редкие шипы; рябины бузинолистной с темно-зелеными листьями и с крупными ярко-красными плодами; жимолости съедобной, ее легко узнать по бурой коре, мелкой листве и удлиненным ягодам темно-синего цвета с матовым налетом; и наконец даурского луносемянника, вьющегося около других кустарников.

По мере того, как исчезали следы человеческие, встречалось все более и более следов звериных. Тигр, рысь, медведь, росомаха, изюбр, олень, козуля и кабан — постоянные обитатели здешней тайги.

Река Сица быстрая и порожистая. Пороги ее не похожи на пороги других рек Уссурийского края. Это скорее шумные и пенистые каскады. В среднем течении река шириной около 10 метров и имеет быстроту течения 8 километров в час в малую воду. Истоки ее представляются в виде одного большого ручья, принимающего в себя множество мелких ручьев, стекающих с гор по коротким распадкам.

Поднявшись на Сихотэ-Алинь, я увидел, как и надо было ожидать, пологий склон к западу и обрывистый — к востоку. Такая же резкая разница наблюдается в растительности. С западной стороны растет хвойный лес, а с вос-

точной — смешанный, который ниже по реке очень скоро сменяется лиственным.

За водоразделом мы нашли ручей, который привел нас к реке Дананце, впадающей в Кулумбе (верхний приток Имана). Пройдя по ней километров десять, мы повернули на восток и снова взобрались на Сихотэ-Алинь, а затем спустились к реке Да-Лазагоу (приток Сицы). Название это китайское и в переводе означает Падь больших скал.

В геологическом отношении долина Да-Лазагоу — денудационная. Если идти от истоков к устью, горные породы располагаются в следующем порядке: глинистые сланцы, окрашенные окисью бурого железняка, затем серые граниты и кварцевый порфир. По среднему течению — диабазовый афанит с неправильным глыбовым распадением и осыпи из туфовидного кварцепорфира. Пороги на реке Сице состоят: верхний из песчаниковистого сланца и нижний — из микропегматита (гранофира) с метаморфозом желтого и ржавого цвета.

Дерсу шел молча и смотрел на все равнодушно. Я восторгался пейзажами, а он рассматривал сломанный сучок на высоте кисти руки человека, и по тому, куда прутик был нагнут, он знал о направлении, в котором шел человек. По свежести излома он определял время, когда это произошло, угадывал обувь и т.д. Каждый раз, когда я не понимал чего-нибудь или высказывал сомнение, он говорил мне:

— Как тебе, столько года в сопках ходи, понимай нету?

То, что для меня было непонятно, ему казалось простым и ясным. Иногда он замечал следы там, где при всем желании что-либо усмотреть, я ничего не видел. А он видел, что прошла старая матка изюбра и годовалый теленок. Они щипали листву таволожника, потом стремительно убежали, испугавшись чего-то.

Все это делалось не ради рисовки: мы слишком хорошо знали друг друга. Делалось это просто по вкоренившейся многолетней привычке не пропускать никакой мелочи и ко всему относиться внимательно. Если бы он не занимался изучением следов с детства, то умер бы с голода. Когда я пропускал какой-нибудь ясный след, Дерсу подсмеивался надо мной, покачивал головой и говорил:

— Гм! Все равно мальчик. Так ходи, головой качай. Глаза есть, посмотри не могу, понимай нету. Верно — это люди в городе живи. Олень искай не надо; кушай хочу — купи. Один сопка живи не могу — скоро пропади.

 Да, он был прав. Тысячи опасностей ожидают одинокого

путешественника в тайге, и только тот, кто умеет разбираться в следах, может рассчитывать на благополучное окончание маршрута.

Во время пути я наступил на колючее дерево. Острый шип проколол обувь и вонзился в ногу. Я быстро разулся и вытащил занозу, но, должно быть, не всю. Вероятно, кончик ее остался в ране, потому что на другой день ногу стало ломить. Я попросил Дерсу еще раз осмотреть рану, но она уже успела запухнуть по краям. Этот день я шел, зато ночью нога сильно болела. До самого рассвета я не мог сомкнуть глаз. Наутро стало ясно, что на ноге у меня образовался большой нарыв.

Недостаток взятого с собой продовольствия принуждал идти вперед.

Мы уже и так сидели без хлеба и кормились только тем, что добывали охотой. На биваке были и перевязочные материалы и медикаменты. В тайге могло застать ненастье, и неизвестно, сколько времени я провалялся бы без движения. Поэтому, как ни больно было, но я решил идти дальше. Я твердо ступал только на одну правую ногу, а левую волочил за собой. Дерсу взял мои котомку и ружье. При спусках около оврагов он поддерживал меня и всячески старался облегчить мои страдания. С большим трудом мы прошли в этот день только 8 километров, а до бивака осталось еще 24 километра.

Ночью ногу страшно ломило. Опухоль распространилась по всей ступне. Удастся ли мне дотащиться хотя бы до первой тазовской фанзы? Эта мысль, видимо, беспокоила и Дерсу. Он часто поглядывал на небо. Я думал, что он смотрит, не будет ли дождя, но у него были опасения другого рода. По небу тянулась какая-то мгла: она сгущалась все больше и больше. Месяц только что зарождался, но лик его не был светлым, как всегда, а казался красноватым и тусклым. Порой его совсем не было видно. Наконец из-за гор показалось зарево.

— Шибко большой дым, — сказал мой спутник.

Чуть свет мы были уже на ногах. Все равно спать я не мог, и, пока была хоть малейшая возможность, надо было идти. Я никогда не забуду этого дня. Я шел и через каждые сто шагов садился на землю. Чтобы обувь не давила ногу, я распорол ее.

Скоро мы дошли до того места, где Да-Лазагоу впадает в Сицу. Теперь мы вошли в лес, заваленный буреломом. Кругом все было окутано дымом. В пятидесяти шагах нельзя было рассмотреть деревьев.

— Капитан! Надо торопиться, — говорил Дерсу. — Моя мало-мало боится. Трава гори нету, лес — гори!

Последние усилия собрал я и потащился дальше. Где был хоть маленький подъем, я полз на коленях. Каждый корень, еловая шишка, маленький камешек, прутик, попавший под больную ногу, заставлял меня вскрикивать и ложиться на землю.

В дыму идти становилось все труднее и труднее. Начинало першить в горле. Стало ясно, что мы не успеем пройти буреломный лес, который, будучи высушен солнцем и ветром, представлял теперь огромный костер.

Известно, что когда разгорается сильное пламя, то образуется вихрь.

Шум этого вихря уловило привычное ухо гольда. Надо было перейти на другую сторону реки. Это было единственное спасение. Но для того чтобы перейти Да-Лазагоу, надо было крепко держаться на ногах. Для меня это было теперь совершенно немыслимо. Что делать? Вдруг Дерсу, не говоря ни слова, схватил меня на руки и быстро перенес через реку. Тут была широкая полоса гальки. Он опустил меня на землю, как только вышел из воды, и тотчас побежал обратно за ружьями. В это время нанесло дым, и ничего не стало видно. Когда я очнулся, рядом со мной на камнях лежал Дерсу. Мы оба были покрыты мокрой палаткой. Сверху сыпались искры. Густой едкий дым не позволял дышать.

Первый раз в жизни я видел такой страшный лесной пожар. Огромные кедры, охваченные пламенем, пылали, точно факелы. Внизу, около земли, было море огня. Тут все горело: сухая трава, опавшая листва и валежник; слышно было, как лопались от жара и стонали живые деревья. Желтый дым большими клубами быстро вздымался кверху. По земле бежали огненные волны; языки пламени вились вокруг пней и облизывали накалившиеся камни.

Вдруг ветер переменился, и дым отнесло в сторону. Дерсу поднялся и растолкал меня. Я попробовал было еще идти по галечниковой отмели, но вскоре убедился, что это свыше моих сил: я мог только лежать и стонать.

Так как при ходьбе я больше упирался на пятку, то сильно натрудил и ее. Другая нога устала и тоже болела в колене. Убедившись, что дальше я идти не могу, Дерсу поставил палатку, натаскал дров и сообщил мне, что пойдет к китайцам за лошадью. Это был единственный способ выбраться из тайги. Дерсу ушел, и я остался один.

 За рекой все еще бушевало пламя. По небу вместе с

дымом летели тучи искр. Огонь шел все дальше и дальше. Одни деревья горели скорее, другие — медленнее. Я видел, как через реку перебрел кабан, затем переплыл большой полоз Шренка; как сумасшедшая, от одного дерева к другому носилась желна, и, не умолкая, кричала кедровка. Я вторил ей своими стонами. Наконец стало смеркаться.

Я понял, что сегодня Дерсу не придет. Больная нога сильно отекла. Я разделся и ощупал нарыв. Он уже назрел, но огрубевшая от долгой ходьбы кожа на подошве не прорывалась. Я вспомнил, что имею перочинный нож. Тогда я стал точить его о камни. Подложив дров в костер, я выждал, когда они хорошо разгорелись, и вскрыл нарыв. От боли у меня потемнело в глазах. Черная кровь и гной густой массой хлынули из раны. С ужасными усилиями я пополз к воде, оторвал рукав от рубашки и начал промывать рану. После этого я перевязал ногу и вернулся к костру. Через час я почувствовал облегчение; боль в ноге еще была, но уже не такая, как раньше.

В той стороне, куда пошел пожар, виднелось красное зарево. В лесу во многих местах мерцали огни. Это догорал валежник. Я долго сидел в палатке и поглаживал рукой больную ногу. Пламя костра согрело меня, и я погрузился в сон. Когда я проснулся, то увидел около себя Дерсу и китайца. Я был покрыт одеялом. На костре грелся чай; в стороне стояла оседланная лошадь. Боль в ноге утихла, и опухоль начала спадать. Согрев воду, я еще раз промыл рану, затем напился чаю, закусил китайским пресным хлебом и стал одеваться. Дерсу и китаец помогли мне взобраться на коня, и мы тронулись в путь.

За ночь лесной пожар ушел далеко, но в воздухе все еще было дымно.

После полудня мы прибыли на Санхобе. Г.И. Гранатмана не было дома. Он куда-то пошел на разведки и возвратился только через двое суток.

Пришлось мне сидеть на месте до тех пор, пока рана на ноге не зажила как следует. Через три дня я уже мог ходить, а через неделю совсем оправился. Чжан Бао несколько раз навещал меня. От него я узнал много интересного. Он рассказал мне, как несколько лет тому назад вблизи бухты Терней разбился пароход «Викинг»*; узнал о том, как в 1905 году японцы убили его помощника Лю Пула и как он отомстил им за это; рассказал он мне также о партии каторжан, которые в 1906 году высадились на материке около мыса Олимпиада. Путь их по берегу моря сопровож-

---

* Пароход "Викинг" разбился вблизи залива Опричник.

дался грабежами и убийствами. Чжан Бао со своими охотниками догнал их около озера Благодати и всех перебил... И много еще чего я узнал от него. Все это были страшные, кровавые драмы.

Наблюдая за китайцами, я убедился, какой популярностью среди них пользовался Чжан Бао. Слова его передавались из уст в уста. Все, что он приказывал, исполнялось охотно и без проволочек. Многие приходили к нему за советом, и, кажется, не было такого запутанного дела, которого он не мог бы разобрать и найти виновных. Находились и недовольные. Часто это были люди с преступным прошлым. Чжан Бао умел обуздывать их страсти.

Он постоянно посылал разведчиков то на реку Иодзыхе, то на берег моря, то по тропе на север. Вечером он делал сводки этим разведкам и сообщал их мне ежедневно. Чжан Бао вел большую корреспонденцию. Каждый почти день прибегал к нему нарочный и приносил письма.

Все эти дни Дерсу пропадал где-то у тазов. Среди них он нашел старика, который раньше жил на реке Улахе и которого он знал еще в молодые годы. Он успел со всеми перезнакомиться и везде был желанным гостем.

Дня за два до моего отхода Чжан Бао пришел ко мне проститься. Неотложные дела требовали его личного присутствия на реке Такеме. Он распорядился назначить двух китайцев, которые должны были проводить меня до Сихотэ-Алиня, возвратиться обратно другой дорогой и сообщить ему о том, что они в пути увидят.

Пятнадцатого октября был последний день наших сборов. Из муки мы напекли лепешек, насушили мяса. Предусмотрено было все, не забыта была даже сухая трава для обуви.

Глава двадцать шестая

Зимний поход

Выступление. — Отравление. — Противоядие. — Река Дунца. — Уборка. — Уборка рыбы в истоках реки птицами и зверями. — Проклятое место. — Признаки непогоды. — Пурга. — Перевал Терпения

Шестнадцатого числа выступить не удалось. Задерживали проводники-китайцы. Они явились лишь на другой день около полудня. Тазы провожали нас от одной фанзы до другой, прося зайти к ним хоть на минутку. По адресу Дерсу сыпались приветствия, женщины и дети махали ему руками. Он отвечал им тем же. Так от одной фанзы до дру-

гой, с постоянными задержками, мы дошли наконец до последнего тазовского жилья, чему я, откровенно говоря, очень порадовался.

Дальше тропа перешла за реку и потянулась вдоль левого берега еще километра два с половиной, а затем стала взбираться на перевал.

В нижнем течении река Дунца[145] течет в меридиональном направлении до тех пор, пока не встретит реку Сицу. Тут она делает петлю и огибает небольшой горный отрог, имеющий пологие склоны к реке Санхобе и крутые — к реке Дунце. Через этот самый отрог нам и надлежало перейти.

Приближались сумерки. Поэтому мы встали биваком тотчас, как только спустились к воде.

Днем мне недомогалось: сильно болел живот. Китаец-проводник предложил мне лекарство, состоящее из смеси женьшеня, опиума, оленьих пантов и навара из медвежьих костей. Полагая, что от опиума боли утихнут, я согласился выпить несколько капель этого варева, но китаец стал убеждать меня выпить целую ложку. Он говорил, что в смеси находится немного опиума, больше же других снадобий. Быть может, дозу он мерил по себе; сам он привык к опиуму, а для меня и малая доза была уже очень большой.

Действительно, вскоре после приема лекарства боль в животе стала утихать, но вместе с тем по всему телу разлилась какая-то слабость. Я лег у огня и погрузился в тяжелый сон, похожий на обморок. Через полчаса я очнулся и хотел подняться на ноги, но не мог, хотел шевельнуться — не мог, хотел крикнуть — и тоже не мог. В странном состоянии я находился: я утратил все чувства и ничего не видел, ничего не слышал, ничего не ощущал. Нечеловеческие усилия я сделал над собой, поднял руку, дотронулся до своего лица и испугался. Казалось, это были не мои руки, а чужие, точно не лицо я трогал, а какую-то маску. Ужас охватил меня. После страшной внутренней борьбы я рванулся, вскочил на ноги и тотчас упал на землю. Началась сильная рвота. На мое счастье, Дерсу еще не спал. Он принес мне воды. Я сделал несколько глотков и начал приходить в себя. Голова так сильно кружилась, что я не мог сосредоточить свое зрение ни на одном предмете: я понял, что я отравился. Несколько раз я пил воду в большом количестве и несколько раз искусственно вызывал рвоту, и это меня спасло. Так промаялся я до утра. Когда рассвело, Дерсу сбегал в лес, принес какой-то травы, велел мне жевать ее и глотать сок.

Наконец понемногу я стал приходить в себя, головокружение и головная боль исчезли, зато появились слабость и сильная жажда.

Растение это оказалось Polygonum amphibium L*. Туземцы его принимают также от дизентерии.

Санхобе протекает по типичной долине прорыва, местами расширяющейся, местами суживающейся ровно настолько, чтобы пропустить одну реку. Наиболее широкие места ее находятся там, где в нее впадают притоки. Из них самым крупным будет река Фату, текущая с севера вдоль берега моря.

По реке Дунце растет такой же хороший лес, как и по реке Сице. С левой стороны в горах преобладают лиственные породы, с правой — хвойные.

Тропа идет по левому берегу реки, то приближаясь к ней, то удаляясь метров на двести. В одном месте река прижимается вплотную к горам, покрытым осыпями, медленно сползающими книзу. Сверху сыплются мелкие камни. Слабый ум китайского простонародья увидел в этом сверхъестественную силу. Они поставили здесь кумирню богу Шань-синье, охраняющему горы. Сопровождающие нас китайцы не преминули помолиться, нимало не стесняясь нашим присутствием.

Дальше тропа выходит на гарь, которая тянется до самой Фату. Затем опять идут осыпи, а против них речные террасы, занимающие довольно большое пространство с правой стороны реки.

Километров на семь ниже в Санхобе впадает небольшая речка, не имеющая названия. По ней можно выйти к самым истокам Билембе, впадающей в море севернее бухты Терней. Немного выше устья этой безымянной речки Дунца принимает в себя еще один приток, который китайцы называют Сяоца. Тут тропы разделились: одна пошла вверх по Дунце, а другая свернула влево.

Вследствие болезни я не мог идти скоро, часто останавливался, садился на землю и отдыхал.

Дерсу и двое стрелков ходили осматривать реку Сяоцу. Истоки ее сходятся с истоками горного ручья, впадающего в Сицу в среднем течении. Самый перевал покрыт густым хвойным лесом. Как подъем, так равно и спуск с него сред-

---

* Горец земноводный, но это не тот линнеевский вид, который подразумевает латинское название. Здешний вид оказался другим, поэтому носит иное название — *горец амурский* (Polygonum amurense). *(Прим. ред.)*

ней крутизны. Километрах в трех от Дунцы они нашли китайскую зверовую фанзу. Хозяева ее находились в отсутствии.

К вечеру я почти оправился, но есть не мог — все еще мешала рвота. Поэтому я решил пораньше лечь спать в надежде, что завтрашний день принесет полное выздоровление.

Часов в двенадцать я проснулся. У огня сидел китаец-проводник и караулил бивак. Ночь была тихая, лунная. Я посмотрел на небо, которое показалось мне каким-то странным, приплюснутым, точно оно спустилось на землю. Вокруг луны было матовое пятно и большой радужный венец. В таких же пятнах были и звезды. «Наверно, к утру будет крепкий мороз», — подумал я, затем завернулся в свое одеяло, прижался к спящему рядом со мной казаку и опять погрузился в сон.

Утром меня разбудил дождь — мелкий и частый. Недомогание мое кончилось, и я чувствовал себя совсем здоровым. Нимало не мешкая, мы собрали свои котомки и снялись с бивака.

От устья Сяоцы долина Дунцы стала заметно суживаться. С обеих сторон высились горы, покрытые осыпями. От них в долину выдвигается много утесов. Пешеходная тропа лепится здесь по высокому карнизу, а конная несколько раз переходит вброд реку. Миновав теснину, дороги сходятся снова. Немного дальше река Дунца разделяется на две реки: долина одной из них идет прямо, а сама Дунца поворачивает влево. В этом месте тропа наша опять разделилась. Одна пошла по Дунце, а другая, по словам провожающих нас китайцев,—на реку Арму (приток Имана).

После полудня дождь усилился, нам пришлось рано встать на бивак.

До вечера еще было много времени, и потому мы с Дерсу взяли свои винтовки и пошли на разведки. Осенью, во время ненастья, лес имеет особенно унылый вид. Голые стволы деревьев, окутанные холодным туманом, пожелтевшая трава, опавшая на землю листва и дряблые потемневшие папоротники указывали, что наступили уже сумерки года. Приближалась зима.

Вдруг какой-то странный шум послышался в стороне. Мы оставили тропу и пошли к берегу реки. Интересная картина представилась нашим глазам. Река была буквально запружена рыбой. Это была кета. Местами от дохлой рыбы образовались целые завалы. Тысячи ее набились в заводи и протоки. Теперь она имела отвратительный вид.

Плавники ее были обтрепаны и все тело изранено. Большая часть рыб была мертвой, но некоторые из них еще не утратили способности двигаться. Они все еще стремились вверх против воды, точно рассчитывали там найти избавление от своих страданий.

Для уборки рыбы природа позаботилась прислать санитаров в лице медведей, кабанов, лисиц, барсуков, енотовидных собак, ворон сизоворонок, соек и т.д. Дохлой кетой питались преимущественно птицы, четвероногие же старались поймать живую рыбу. Вдоль реки они протоптали целые тропы. В одном месте мы увидели медведя. Он сидел на галечниковой отмели и лапами старался схватить рыбу.

Бурый медведь и родственный ему камчатский медведь отъедают у рыб головы, а мясо бросают. Белогрудые же медведи, наоборот, едят мясо, а головы оставляют.

В другом месте рыбой лакомились два кабана. Они отъедали у рыб только хвосты. Пройдя еще немного, я увидел лисицу. Она выскочила из зарослей, схватила одну из рыбин, но из предосторожности не стала ее есть на месте, потащила в кусты.

Больше всего здесь было пернатых. Орлы сидели около воды и лениво, не торопясь, точно сознавая свое превосходство, клевали то, что осталось от медвежьей трапезы. Особенно же много было ворон. Своим черным оперением они резко выделялись на светлой каменистой отмели. Вороны передвигались прыжками и особое предпочтение оказывали той рыбе, которая стала уже разлагаться. По кустам шныряли сойки, они ссорились со всеми птицами и пронзительно кричали.

Вода в протоках кое-где начала замерзать. Вмерзшая в лед рыба должна остаться здесь на всю зиму. Весной, как только солнышко пригреет землю, она вместе со льдом будет вынесена в море, и там уничтожением ее займутся уже морские животные.

Какой круговорот! Как все это разумно! Ничего не пропадает! Даже в глухой тайге есть кому позаботиться над уборкой падали.

— Один люди другой люди кушай, — высказывал Дерсу вслух свои мысли. — Чего-чего рыба кушай, потом кабан рыбу кушай, теперь надо наша кабана кушай.

Говоря это, он прицелился и выстрелил в одну из свиней. С ревом подпрыгнуло раненное насмерть животное, кинулось было к лесу; но тут же ткнулось мордой в землю

и начало барахтаться. Испуганные выстрелом птицы с кри-

ком поднялись на воздух и, в свою очередь, испугали рыбу, которая, как сумасшедшая, взад и вперед начала носиться по протоке.

К сумеркам мы возвратились на бивак. Дождь перестал, и небо очистилось. Взошла луна. На ней ясно и отчетливо видны были темные места и белые пятна. Значит, воздух был чист и прозрачен.

Рано мы легли спать и на другой день рано и встали. Когда лучи солнца позолотили вершины гор, мы успели уже отойти от бивака километра три или четыре. Теперь река Дунца круто поворачивала на запад, но потом стала опять склоняться к северу. Как раз на повороте, с левой стороны, в долину вдвинулась высокая скала, увенчанная причудливым острым гребнем.

Китайцы-проводники говорили, что здесь с людьми всегда происходят несчастья: то кто-нибудь сломает ногу, то кто-нибудь умрет и т. д. В подтверждение своих слов они указали на две могилы тех несчастливцев, которых преследовал злой рок на этом месте. Однако с нами ничего не случилось, и мы благополучно прошли мимо Проклятых скал.

Дальше мы вошли в зону густого хвойно-смешанного леса. Зимой колючки чертова дерева становятся ломкими; хватая его рукой, сразу набираешь много заноз. Скверно то, что занозы эти входят в кожу в вертикальном направлении и при извлечении крошатся.

К полудню мы достигли маленькой зверовой фанзочки, расположенной у слияния трех горных ручьев. По среднему лежал наш путь.

Вечером я измерил высоту места. Барометр показал 620 метров над уровнем моря.

Все эти дни стояла хорошая и тихая погода. Было настолько тепло, что мы шли в летних рубашках и только к вечеру одевались потеплее. Я восторгался погодой, но Дерсу не соглашался со мной.

— Посмотри, капитан, — говорил он, — как птицы торопятся кушать. Его хорошо понимай, будет худо.

Барометр стоял высоко. Я стал посмеиваться над гольдом, но он на это только возразил:

— Птица сейчас понимай, моя понимай после.

От упомянутой фанзы до перевала через Сихотэ-Алинь будет километров восемь. Хотя котомки и давали себя чувствовать, но тем не менее мы шли бодро и редко делали привалы. Часам к четырем пополудни мы добрались до Сихотэ-Алиня, оставалось только подняться на его гребень.

Я хотел было идти дальше, но Дерсу удержал меня за рукав.

— Погоди, капитан, — сказал он. — Моя думай, здесь надо ночевать.

— Почему? — спросил я его.

— Утром птицы торопились кушать, а сейчас, посмотри сам, ни одной нету.

Действительно, перед закатом солнца птицы всегда проявляют особую живость, а теперь в лесу стояла мертвая тишина. Точно по приказу, они все сразу куда-то спрятались.

Дерсу советовал крепче ставить палатки и, главное, приготовить как можно больше дров не только на ночь, но и на весь завтрашний день. Я не стал с ним больше спорить и пошел в лес за дровами. Часа через два начало смеркаться. Стрелки натаскали много дров, казалось, больше чем нужно, но гольд не унимался, и я слышал, как он говорил китайцам:

— Лоца[146] понимай нету, наша надо сам работай.

Они вновь принялись за дело. На помощь им я послал обоих казаков. И только когда на небе угасли последние отблески вечерней зари, мы прекратили работу.

Взошла луна. Ясная ночь глядела с неба на землю. Свет месяца пробирался в глубину темного леса и ложился по сухой траве длинными полосами. На земле, на небе и всюду кругом было спокойно, и ничто не предвещало непогоды. Сидя у огня, мы попивали горячий чай и подтрунивали над гольдом.

— На этот раз ты соврал, — говорили казаки.

Дерсу не ответил и молча продолжал укреплять свою палатку. Он забился под скалу, с одной стороны приворотил большой пень и обложил его камнями, а дыры между ними заткнул мхом. Сверху он еще натянул свою палатку, а впереди разложил костер. Мне так показалось у него уютно, что я немедленно перебрался к нему со своими вещами.

Время шло, а кругом было по-прежнему тихо. Я тоже начал думать, что Дерсу ошибся, как вдруг около месяца появилось матовое пятно с радужной окраской по наружному краю. Мало-помалу диск луны стал тускнеть, контуры его сделались расплывчатыми, неясными. Матовое пятно расширялось и поглотило наружное кольцо. Какая-то мгла быстро застилала небо, но откуда она взялась и куда двигалась, этого сказать было нельзя.

Я полагал, что дело окончится небольшим дождем, и, убаюканный этой мыслью, заснул. Сколько я спал, не по-

мню. Проснулся я оттого, что кто-то меня будил. Я открыл глаза, передо мной стоял Мурзин.

— Снег идет, — доложил он мне.

Я сбросил с себя одеяло. Кругом была темная ночь.

Луна совершенно исчезла. С неба сыпался мелкий снег. Огонь горел ярко и освещал палатки, спящих людей и сложенные в стороне дрова. Я разбудил Дерсу. Он испугался спросонья, посмотрел по сторонам, на небо и стал закуривать свою трубку.

Кругом было тихо, но в этой тишине чувствовалось что-то угрожающее. Через несколько минут снег пошел сильнее, он падал на землю с каким-то особенным шуршаньем. Проснулись остальные люди и стали убирать свои вещи.

Вдруг снег начал кружиться.

— Начинай есть, — сказал Дерсу.

И точно в ответ на его слова в горах послышался шум, потом налетел сильный порыв ветра с той стороны, откуда мы его не ожидали. Дрова разгорелись ярким пламенем. Вслед за первым порывом налетел второй, потом третий, пятый, десятый, и каждый порыв был продолжительнее предыдущего. Хорошо, что палатки наши были крепко привязаны, иначе их сорвало бы ветром.

Я взглянул на Дерсу. Он спокойно курил трубку и равнодушно посматривал на огонь. Начавшаяся пурга его не пугала. Он так много их видел на своем веку, что эта не была для него новинкой. Дерсу как бы понял мои мысли и сказал:

— Дрова много есть, палатка хорошо ставили. Ничего.

Через час начало светать.

Пурга — это снежный ураган, во время которого температура понижается до 15°. И ветер бывает так силен, что снимает с домов крыши и вырывает с корнями деревья. Идти во время пурги положительно нельзя: единственное спасение — отстаиваться на месте. Обыкновенно всякая снежная буря сопровождается человеческими жертвами.

Кругом нас творилось что-то невероятное. Ветер бушевал неистово, ломал сучья деревьев и переносил их по воздуху, словно легкие пушинки. Огромные старые кедры раскачивались из стороны в сторону, как тонкоствольный молодняк. Теперь уже ни гор, ни неба, ни земли — ничего не было видно. Все кружилось в снежном вихре. Порой сквозь снежную завесу чуть-чуть виднелись силуэты ближайших деревьев, но только на мгновенье. Новый порыв ветра — и туманная картина пропадала.

Мы забились в свои палатки и в страхе притихли. Дер-

су посматривал на небо и что-то говорил сам с собой. Я напомнил ему пургу, которая захватила нас около озера Ханка в 1902 году.

После полудня пурга разыгралась со всей силой. Хотя мы были и защищены утесами и палаткой, однако это была ненадежная защита. То становилось жарко и дымно, как на пожаре, когда ветер дул нам в лицо, то холодно, когда пламя отклонялось в противоположную сторону.

Мы уже не ходили за водой, а набивали чайники снегом, благо в нем не было недостатка. К сумеркам пурга достигла своей наибольшей силы, и, по мере того как становилось темнее, страшнее казалась буря.

Мало кто спал в эту ночь. Вся забота была только о том, чтобы согреться.

Двадцать первого мы еще отстаивались от пурги. Теперь ветер переменился и дул с северо-востока, зато порывы его сделались сильнее. Даже вблизи бивака ничего нельзя было рассмотреть.

— Чего его сердится? — говорил в досаде и со страхом Дерсу. — Неужели наша чего-нибудь худо делал?

— Кто? — спросили казаки.

— Моя не знаю, как по-русски говори, — отвечал гольд. — Его мало-мало бог, мало-мало люди, сопка постоянно живи, ветер могу гоняй, дерево ломай. Наша говори — Каньгу.

«Горный или лесной дух», — подумал я.

Больших трудов стоило нам поддерживать костер. Скверно то, что каждый порыв ветра выносил из него уголья и засыпал их снегом. Около палатки намело большие сугробы, после полудня появились вихри необычной силы. Они вздымали с земли тучи снега и вдруг рассыпались белой пылью, потом зарождались снова и с воем носились по лесу. Каждый такой вихрь оставлял после себя след из множества поваленных деревьев. Иногда на мгновенье наступала короткая пауза, и тотчас вслед за ней опять начиналась пляска снежных привидений.

После полудня небо стало понемногу расчищаться, но вместе с тем стала понижаться температура. Сквозь густую завесу туч в виде неясного пятна чуть-чуть проглянуло солнце.

Надо было позаботиться о дровах. Мы побежали и стали собирать тот бурелом, который находился поблизости. Работали мы долго, пока Дерсу не скомандовал «довольно».

Никого не надо было уговаривать. Все разом бросились к палаткам и стали греть у огня руки. Так мы промаялись еще одну ночь.

К утру погода мало изменилась к лучшему. Ветер был резкий и порывистый. На совете решено было попытаться перевалить через Сихотэ-Алинь, в надежде, что на западной стороне его будет тише. Решающее значение имел голос Дерсу.

— Моя думай, его скоро кончай, — сказал он и начал первый собираться в дорогу.

Сборы наши были недолги. Минут через двадцать мы с котомками за плечами уже лезли в гору.

От бивака сразу начинался крутой подъем. За эти два дня выпало много снега. Местами он был глубиной до метра. На гребне мы остановились передохнуть. По барометрическим измерениям высота перевала оказалась равной 910 метрам. Мы назвали его перевалом Терпения*.

Жуткая картина представилась нам на Сихотэ-Алине. Здесь ветром были повалены целые полосы леса. Пришлось обходить их далеко стороной. Я уже говорил, что корни деревьев, растущих в горах, распространяются по поверхности земли: сверху они едва только прикрыты мхами. Некоторые из них были оторваны. Деревья качались и подымали всю корневую систему. Черные расщелины то открывались, то закрывались среди снежного покрова, словно гигантские пасти. На одном из корней вздумал было качаться Кожевников. В это время налетел сильный шквал, дерево наклонилось, и едва казак успел отскочить в сторону, как оно со страшным шумом рухнуло на землю, разбрасывая во все стороны комья мерзлой земли.

Глава двадцать седьмая

К Иману

Дерсу разбирается в следах. — Птицы. — Доставка продовольствия соболевщиками. — В верховьях Имана. — Корейцы. — Кабарожья лудева. — Удэгейцы. — Ночевка в юрте. — Река Кулумбе. — Река Иман. — Удэгейская лодка. — Охотничий поселок Сидатун и его обитатели. — Рабство

Спуск с Сихотэ-Алиня к западу был пологий, заваленный глыбами камней и поросший густым лесом. Небольшой ручей, которым мы спустились, привел нас к реке Нанце**. Она течет с северо-востока вдоль хребта

---

* Перевал Терпения ныне называется пер. Сахалинский.

** Перевалив хребет, В.К. Арсеньев вышел по ручью Спутник на р. Верхняя Нанца (Резвушка).

Сихотэ-Алинь и постепенно склоняется к северо-западу.

Долина Нанцы широкая, болотистая и покрыта густым хвойно-смешанным лесом.

Охотничья тропа проложена здесь частью по краю долины, частью по горам, которые имеют в этих местах вид размытых холмов.

По пути нам попалась юрта, сложенная из кедрового корья, с двускатной крышей, приспособленная под фанзу. Утомленные двумя предшествующими ночами, мы стали около нее биваком и, как только поужинали, тотчас легли спать.

Двадцать третьего октября мы продолжали путь вниз по реке Нанце. На свежевыпавшем снегу был виден отчетливо каждый след. Тут были отпечатки ног лосей, кабарги, соболей, хорьков и т.д. Дерсу шел впереди и внимательно их рассматривал.

Вдруг он остановился, посмотрел во все стороны и проговорил:

— Кого она боялась?

— Кто? — спросил я его.

— Кабарга, — ответил он.

Я посмотрел на следы и ничего особенного в них не заметил. Следы как следы, маленькие, частые...

Дерсу удивительно внимательно разбирался в приметах. Он угадывал даже душевное состояние животных. Достаточно было небольшой неровности в следах, чтобы он усмотрел, что животное волновалось.

Я просил Дерсу указать мне данные, на основании которых он заключил, что кабарга боялась. То, что рассказал он мне, было опять так просто и ясно. Кабарга шла ровным шагом, затем остановилась и пошла осторожней, потом шарахнулась в сторону и побежала прыжками. На свежевыпавшем снегу все это видно как на ладони. Я хотел идти дальше, но Дерсу остановил меня.

— Погоди, капитан, — сказал он. — Наша надо посмотри, какой люди пугай кабаргу.

Через минуту он крикнул мне, что кабарга боялась соболя. Я подошел к нему. На большом поваленном дереве, занесенном снегом, действительно виднелись его следы. Видно было, что маленький хищник крался тихонько, прятался за сук, затем бросился на кабаргу. Потом Дерсу нашел место, где кабарга валялась на земле. Капли крови указывали на то, что соболь прокусил ей кожу около затылка. Далее следы доказывали, что кабарге удалось сбросить с себя соболя. Она побежала дальше, а соболь по-

гнался было за ней, но отстал, затем свернул в сторону и полез на дерево.

Чувствую, что, если бы я подольше походил с Дерсу и если бы он был общительнее, вероятно, я научился бы разбираться в следах если и не так хорошо, как он, то все же лучше, чем другие охотники.

Многое Дерсу видел и молчал. Молчал потому, что не хотел останавливаться, как ему казалось, на всяких мелочах. Только в исключительных случаях, когда на глаза ему попадалось что-нибудь особенно интересное, он рассуждал вслух, сам с собой.

Километрах в двадцати пяти от Сихотэ-Алиня Нанца сливается с рекой Бейцой, текущей с севера. Отсюда собственно и начинается Кулумбе, которая должна была привести нас к Иману. Вода в реке стала уже замерзать, появились широкие забереги.

Без труда мы переправились на другую ее сторону и пошли дальше.

Река Кулумбе течет по широкой заболоченной долине в направлении с востока на запад. Тропа все время придерживается правой стороны долины. Лес, растущий в горах, исключительно хвойный, с большим процентом кедра, а в болотистых низинах много замшистого сухостоя.

После полудня ветер стих окончательно. На небе не было ни единого облачка, яркие солнечные лучи отражались от снега, и от этого день казался еще светлее. Хвойные деревья оделись в зимний наряд, отяжелевшие от снега ветви пригнулись к земле. Кругом было тихо, безмолвно. Казалось, будто природа находилась в том дремотном состоянии, которое, как реакция, всегда наступает после пережитых треволнений.

Из царства пернатых я видел здесь большеклювых ворон, красноголовых желн, пестрых дятлов и поползней. Раза два мы вспугивали белых крохалей, с черной головой и с красным носом. Птицы эти остаются на зимовку в Уссурийском крае и приобретают белую защитную окраску. Сплошь и рядом мы замечали их только тогда, когда подходили к ним вплотную.

Следует еще упомянуть об одной симпатичной птичке, которая за свой игривый нрав заслужила у казаков название «веселушка». Это оляпка. Она величиной с дрозда и всегда держится около воды. Одна из них подпустила меня очень близко. Я остановился и стал за ней наблюдать. Оляпка была настороже, часто поворачивалась, кричала и в такт голоса покачивала своим хвостиком, но затем вдруг бро-

силась в воду и нырнула. Туземцы говорят, что она свободно ходит по дну реки, не обращая внимания на быстроту течения. Вынырнув на поверхность и увидев людей, оляпка с криком полетела к другой полынье, потом к третьей. Я следовал за ней до тех пор, пока река не отошла в сторону.

В другом месте мы спугнули даурского бекаса. Он держался около воды, там, где еще не было снега. Я думал, что это отсталая птица, но вид у него был веселый и бодрый. Впоследствии я часто встречал их по берегам незамерзших проток. Из этого я заключаю, что бекасы держатся в Уссурийском крае до половины зимы и только после декабря перекочевывают к югу.

В этот день мы прошли 12 километров и остановились у фанзочки Сиу-фу. Высота этого места определяется в 560 метров над уровнем моря. Обитатели фанзы, китайцы, занимались ловлей лосей ямами.

Утром китайцы проснулись рано и стали собираться на охоту, а мы — в дорогу. Взятые с собой запасы продовольствия приходили к концу. Надо было пополнить их. Я купил у китайцев немного буды и заплатил за это 8 рублей. По их словам, в этих местах пуд муки стоит 16 рублей, а чумиза 12 рублей. Ценятся не столько сами продукты, сколько их доставка.

За ночь река Кулумбе замерзла настолько, что явилась возможность идти по льду. Это очень облегчило наше путешествие. Сильным ветром снег с реки смело. Лед крепчал с каждым днем. Тем не менее на реке было много еще проталин. От них подымался густой туман.

Через каких-нибудь километров пять мы подошли к двум корейским фанзам. Хозяева их—два старика и два молодых корейца — занимались охотой и звероловством. Фанзочки были новенькие, чистенькие, они так мне понравились, что я решил сделать здесь дневку.

После полудня два корейца стали собираться в тайгу для осмотра кабарожьей лудевы. Я пошел вместе с ними.

Лудева была недалеко от фанзы. Это была изгородь высотой 1,2 метра, сложенная из буреломного леса. Чтобы деревья нельзя было растащить, корейцы закрепляли их кольями.

Такие лудевы ставятся всегда в горах на кабарожьих тропах. В изгороди местами оставляются проходы, а в них настораживаются веревочные петли. Попав головой в петлю, испуганная кабарга начинает метаться, и чем сильнее бьется, тем больше себя затягивает.

В осматриваемой лудеве было двадцать две петли. В четырех из них корейцы нашли мертвых животных — трех самок и одного самца. Корейцы оттащили самок в сторону и бросили на съедение воронам. На вопрос, почему они бросили пойманных животных, корейцы ответили, что только одни самцы дают ценный мускус, который китайские купцы скупают у них по рублю за штуку. Что же касается до мяса, то и одного самца с них довольно, а завтра они поймают еще столько же. По словам корейцев, в зимний сезон они убивают до 125 кабарожек, из которых 75 процентов приходится на маток.

Грустное впечатление вынес я из этой экскурсии. Куда ни взглянешь, всюду наталкиваешься на хищничество. В недалеком будущем богатый зверем и лесами Уссурийский край должен превратиться в пустыню.

На следующий день мы нарочно выступили пораньше, чтобы наверстать то, что потеряли на дневке. Одну из кабарожек, брошенных корейцами, мы взяли с собой.

От корейских фанз река Кулумбе течет в широтном направлении с небольшим отклонением к югу. Тотчас за фанзами начинается гарь, которая распространяется далеко по долине и по горам. Заметно, что горы стали выше и склоны их круче.

Сплошные хвойные лесонасаждения теперь остались позади, а на смену им стали выступать тополь, ильм, береза, осина, дуб, осокорь, клен и т.д. В горах замшистая ель и пихта сменились великолепными кедровыми лесами.

За день нам удалось пройти около 15 километров. В сумерки стрелки заметили в стороне на протоке одинокую юрту. Дым, выходящий из отверстия на крыше, указывал, что в ней есть люди. Около нее на стойках сушилось множество рыбы. Юрта была сложена из кедрового корья и прикрыта сухой травой. Она имела 3 метра в длину и 1,5 метра в высоту. Вход в нее был завешен берестяным пологом. На берегу лежали две опрокинутые вверх дном лодки: одна большого размера, с каким-то странным носом вроде ковша, другая— легонькая, с заостренными концами спереди и сзади. Русские называют ее оморочкой.

Когда мы подошли поближе, две собаки подняли лай. Из юрты вышло какое-то человекоподобное существо, которое я сперва принял было за мальчишку, но серьга в носу изобличала в нем женщину. Она была очень маленького роста, как двенадцатилетняя девочка, и одета в кожаную рубашку длиной до колен, штаны, сшитые из выделанной изюбриной кожи, наколенники, разукрашенные

цветными вышивками, такие же расшитые унты и красивые цветистые нарукавники. На голове у нее было белое покрывало.

Карие глаза, расположенные горизонтально, прикрывались сильно развитой монгольской складкой век, выдающиеся скулы, широкое переносье, вдавленный нос и узкие губы — все это придавало ее лицу выражение, чуждое европейцу: оно казалось плоским, пятиугольным и в действительности было шире черепа.

Женщина с удивлением посмотрела на нас, и вдруг на лице ее изобразилась тревога. Какие русские могут прийти сюда? Порядочные люди не пойдут. «Это — чолдоны[147]», — подумала она и спряталась обратно в юрту. Чтобы рассеять ее подозрения, Дерсу заговорил с ней по-удэгейски и представил меня как начальника экспедиции. Тогда она успокоилась.

Этикет требовал, чтобы женщина не проявляла шумно своего любопытства. Она сдерживала себя и рассматривала нас тихонько, украдкой.

Юрта, маленькая снаружи, внутри была еще меньше. В ней можно было только сидеть или лежать. Я распорядился, чтобы казаки ставили палатки.

Переход от окитаенных тазов на берегу моря к тазам, у которых еще сохранилось так много первобытного, был очень резок.

Женщина молча принялась готовить ужин. Она повесила над огнем котел, налила воды и положила в него две большие рыбины, затем достала свою трубку, набила ее табаком и принялась курить, время от времени задавая Дерсу вопросы.

Когда ужин был готов, пришел сам хозяин. Это был мужчина лет тридцати, сухощавый, среднего роста. Одет он был тоже в длинную рубашку, подвязанную поясом так, что получался напуск в талии. По всему правому борту рубашки, вокруг шеи и по подолу тянулась широкая полоса, покрытая узорными вышивками. На ногах у него были надеты штаны, наколенники и унты из рыбьей кожи, а на голове белое покрывало и поверх него маленькая шапочка из козьего меха с торчащим кверху беличьим хвостиком. Красное, загорелое лицо, пестрота костюма, беличий хвостик на головном уборе, кольца и браслеты на руках делали этого дикаря похожим на краснокожего. Впечатление это еще более усилилось, когда он, почти не обращая на нас внимания, сел у огня и молча стал курить свою трубку.

Этикет требовал, чтобы гости первыми нарушили молчание. Дерсу знал это и потому спросил его о дороге и о глубине выпавшего снега. Разговор завязался. Узнав, кто мы и откуда идем, удэгеец сказал, что ему известно было, что мы должны спуститься по Иману, — об этом он услыхал от своих сородичей, живущих ниже по реке, — и что там, внизу, нас давно уже ожидают. Это известие очень меня удивило.

Вечером жена его осмотрела нашу одежду, починила ее, где надо, и взамен изношенных унтов дала новые. Хозяин дал мне для подстилки медвежью шкуру, сверху я покрылся одеялом и скоро уснул.

Ночью я проснулся от страшного холода. Сбросив с головы одеяло, я увидел, что огня в юрте нет. В очаге тлело только несколько угольков. Через отверстие в крыше виднелось темное небо, усеянное звездами. С другой стороны юрты раздавался храп. Очевидно, ложась спать, удэгейцы, во избежание пожара, нарочно погасили огонь. Я попробовал было плотнее завернуться в одеяло, но ничто не помогло — холод проникал под каждую складку. Я поднялся, зажег спичку и посмотрел на термометр, он показывал —17°С. Тогда я оторвал часть своей берестяной подстилки, положил ее на огонь и стал раздувать уголья. Через минуту вспыхнуло пламя. Собрав разбросанные головешки к огню, я оделся и вышел из юрты. В стороне под покровом палатки спали мои стрелки, около них горел костер. Я погрелся у огня и хотел уже было пойти назад в юрту, но в это время увидел в стороне, около реки, отсвет другого костра. Здесь, внизу, под яром, я нашел Дерсу. Водой подмыло берег, сверху нависла большая дерновина, под ней образовалось нечто вроде ниши. В этом углублении он устроил себе ложе из травы, а впереди разложил огонь. Во рту у Дерсу была трубка, а рядом лежало ружье. Я разбудил его. Гольд вскочил и, думая, что проспал, начал спешно собирать свою котомку.

Узнав, в чем дело, он тотчас же уступил мне свое место и сам поместился рядом. Через несколько минут здесь, под яром, я находился в большем тепле и спал гораздо лучше, чем в юрте на шкуре медведя.

Проснулся я тогда, когда все были уже на ногах. Бочкарев варил кабарожье мясо. Когда мы стали собираться, удэгеец тоже оделся и заявил, что пойдет с нами до Сидатуна.

За утренним чаем Г.И. Гранатман заспорил с Кожевниковым по вопросу, с какой стороны ночью дул ве-

тер. Кожевников указывал на восток, Гранатман — на юг, а мне казалось, что ветер дул с севера. Мы не могли столковаться и потому обратились к Дерсу. Гольд сказал, что направление ветра ночью было с запада. При этом он указал на листья тростника. Утром с восходом солнца ветер стих, а листья так и остались загнутыми в ту сторону, куда их направил ветер.

От юрты тропа стала забирать к правому краю долины и пошла косогорами на север, потом свернула к юго-западу.

Километров через десять мы опять подошли к реке Кулумбе, которая здесь разбивается на протоки и достигает ширины до 2,4 км* и глубины по фарватеру до 1,8 метра.

В этот день мы прошли немного. По мере того как уменьшались взятые с собой запасы продовольствия, котомки делались легче, а нести их становилось труднее: лямки сильно резали плечи, и я заметил, что не я один, а все чувствовали это.

От холодного ветра снег стал сухим и рассыпчатым, что в значительной степени затрудняло движение. В особенности трудно было подниматься в гору: люди часто падали и съезжали книзу. Силы были уже не те, стала появляться усталость, чувствовалась потребность в более продолжительном отдыхе, чем обыкновенная дневка.

Около реки мы нашли еще одну пустую юрту. Казаки и Бочкарев устроились в ней, а китайцам пришлось спать снаружи около огня. Дерсу сначала хотел было поместиться вместе с ними, но, увидев, что они заготовляли дрова, не разбирая, какие попадались под руку, решил спать отдельно.

— Понимай нету, — говорил он. — Моя не хочу рубашка гори. Надо хорошие дрова искать.

Пустая юрта, видимо, часто служила охотникам для ночевок. Кругом нее весь сухой лес давно уже был вырублен и пожжен. Дерсу это не смутило. Он ушел поглубже в тайгу и издалека приволок сухой ясень. До самых сумерек он таскал дрова, и я помогал ему, сколько мог. Зато всю ночь мы спали хорошо, не опасаясь за палатку и за одежду.

Багровая заря вечером и мгла на горизонте перед рассветом были верными признаками того, что утром будет мороз. Так оно и случилось. Солнце взошло мутное, деформированное. Оно давало свет, но не тепло. От диска его кверху и книзу шли яркие лучи, а по сторонам были све-

* Исправлена многократно воспроизведенная опечатка. Было: ширина 2,4 м.

тящиеся радужные пятна, которые на языке полярных народов называются «ушами солнца».

Удэгеец, сопровождавший нас, хорошо знал эти места. Он находил тропы там, где надо было сократить дорогу. Не доходя двух километров до устья Кулумбе, тропа свернула в лес, которым мы шли еще около часа. Вдруг лес сразу кончился и тропа оборвалась. Перед нами была река Иман.

Теперь бросим беглый взгляд назад, на реку Кулумбе. Длина ее около 60 километров. Направление течения строго широтное. Вверху она слагается из трех рек: Бейцы, Нанцы и Санцазы[148]. По Бейце в два дня можно достигнуть перевала на Арму, а по Санцазе — в три дня до Санхобе. С правой стороны Кулумбе принимает в себя реку Янху[149], а с левой — Данайцу с шестью зверовыми фанзами. По этой последней в три дня китайцы выходят к истокам реки Санхобе. Еще ниже слева будет река Дабейца («большой северный приток») с перевалом на реку Нэйкуля (приток Арму).

Этот путь измеряется двумя переходами. Последними кулумбейскими притоками в нижнем течении будут реки Сяобейца[150] и Сянанца[151].

По всей долине Кулумбе развиты глинистые сланцы, которые продолжаются и дальше по Иману. Все древнеречные террасы состоят именно из этой породы. Весьма возможно, что сланцы эти придется отнести к архейским.

Леса по реке Кулумбе такие же, как и в верховьях Имана: в горах растет кедр с большой примесью ели, а по долине — лиственница, белая береза, осина, ива, ольха, клен, пихта, липа, ясень, тополь, ильм и черемуха, встречается и тис, но одиночными деревьями.

На старинных картах, составленных в 1854 году, река эта значится под именем Нимана. Слово это маньчжурское и означает «горный козел». Отсюда легко могло получиться и другое слово — «Иман». Удэгейцы называют ее сокращенно Има, а китайцы к этому названию прибавляют еще слово «хе» (река) — «Има-хе».

Кулумбе встречает Иман уже большой рекой, шириной в 100 метров, глубиной в 3 метра, при быстроте течения 8 километров в час в малую воду. Долина Имана слагается из участков денудационных и тектонических, чередующихся между собою. Первые имеют широтное направление, вторые — меридиональное. Продолжением иманских денудационных долин будут долины притоков Тхетибе, Арму и Кулумбе.

Иман еще не замерз и только по краям имел забереги. На другом берегу, как раз против того места, где мы стояли, копошились какие-то маленькие люди. Это оказались удэгейские дети. Немного дальше, в тальниках, виднелась юрта и около нее амбар на сваях. Дерсу крикнул ребятишкам, чтобы они подали лодку. Мальчики испуганно посмотрели в нашу сторону и убежали. Вслед за тем из юрты вышел мужчина с ружьем в руках. Он перекинулся с Дерсу несколькими словами и затем переехал в лодке на нашу сторону.

Удэгейская лодка — длинный плоскодонный челнок, настолько легкий, что один человек может без труда вытащить ее на берег. Передняя часть его тупая, но дно выдается вперед, оно расширено и загнуто кверху, так что получается нечто вроде ковша или лопаты, вследствие чего вся лодка кажется несуразной. Благодаря такой конструкции, она не разрезает воду, а, так сказать, взбирается на нее. Имея центр тяжести высоко поднятый, она кажется очень валкой. Когда мы вошли в лодку, она так закачалась, что я невольно ухватился руками за борт. Но как только мы успокоились и отчалили от берега, я убедился, насколько она была устойчива. Удэгеец управлял ею при помощи длинного шеста, стоя на ногах. Сильными толчками он продвигал лодку против воды, течение относило ее в сторону и постепенно прибивало к противоположному берегу.

Наконец мы пристали к тому месту, где была юрта, и высадились на лед. Навстречу нам вышли женщина и трое ребятишек. Они испуганно прятались за свою мать. Пропустив нас, женщина тоже вошла в юрту, села на корточки у огня и закурила трубку, а дети остались на улице и принялись укладывать рыбу в амбар. В юрте было множество щелей. В них свистел ветер. Посредине помещения горел огонь. Время от времени ребятишки забегали в юрту и грели у огня свои озябшие ручонки. Я удивлялся, как легко они были одеты: с открытой грудью, без рукавиц и без головного убора, они работали и, казалось, нимало не страдали от стужи. Если который-нибудь из них дольше других засиживался у огня, отец прикрикивал на него и выгонял вон.

— Он озяб, — сказал я Дерсу и просил его перевести слова мои удэгейцу.

— Пусть привыкает, — отвечал тот, — иначе умрет с голоду.

С этим нельзя было не согласиться. Кому приходится
 иметь дело с природой и пользоваться дарами ее в сыром

виде, надо быть в общении с ней даже тогда, когда она не ласкает.

Я принялся расспрашивать удэгейца об Имане и узнал, что в верхнем течении река имеет направление течения параллельно Сихотэ-Алиню, причем истоки ее находятся на высоте истоков Тютихе. Странное явление! Вода сбегает с водораздела в каких-нибудь 60 километрах от моря, течет на запад, совершает длинный кружной путь для того, чтобы в конце концов попасть в то же море.

Верховья Имана покрыты густыми смешанными лесами. Трудно себе представить местность более пустынную и дикую. Только в начале зимы она немного оживает. Сюда перекочевывают прибрежные китайцы для соболевания, но долго не остаются: они боятся быть застигнутыми глубокими снегами и потому рано уходят обратно.

Расспросив удэгейцев о дороге, мы отправились дальше и очень скоро дошли до того места, где Иман поворачивает на северо-запад. Здесь в углу с левой стороны примыкает к реке большая поляна. Она длиной пять километров и шириной около двух километров. В конце ее находятся четыре фанзы.

Это и есть китайский охотничий поселок Сидатун[152]. На другой стороне Имана живут удэгейцы (пять семейств) в трех юртах. У них я и остановился.

На Сидатуне мы простояли с 27 по 30 октября. За это время я успел осмотреть поселок и ознакомиться со всеми его обитателями. Это были большею частью различные преступники, беглые, уклоняющиеся от суда, и искатели приключений, бурные страсти которых не знали пределов. Они ничего не делали, курили опий, пили водку, играли в кости, ссорились и ругались между собой. Обитатели каждой фанзы делились на три группы: хозяев, работников и бездельников, живущих на средства, добытые грабежами и убийствами. Я вспомнил Чжан Бао. Он предупреждал меня не доверяться китайцам на Сидатуне.

Как и везде, местное туземное население находилось в полном порабощении. Не имея никакого понятия о письменности, удэгейцы совершенно не знали, кто из них сколько должен китайцам. Тут можно было видеть рабство в буквальном смысле этого слова. Так, например, удэгеец Си Ба-юн за то, что к указанному сроку не доставил определенного числа соболей, был так избит палками, что на всю жизнь остался калекой. Жену и дочь у него отобрали, а самого его продали за 400 рублей в качестве бесплатного работника другому китайцу.

Наблюдая все это, я горел негодованием. Но что могли сделать мы вшестером, находясь среди хорошо вооруженных людей? Я обещал помочь удэгейцам тотчас, как только возвращусь в Хабаровск.

Тридцать первого числа морозы заметно усилились, по реке плыл лед. Несмотря на это, удэгейцы решили везти нас на лодке, сколько это будет возможно.

Глава двадцать восьмая

Тяжелое положение

Плавание по Иману. — Пороги. — Ледоход. — Крушение лодки. — Река Арму. — Река Синанца. — Голодовка. — Остатки медвежьей трапезы. — Лапша из кожи. — Утомление. — Ли-Так-куй. — Ночное приключение в Сянь-ши-хеза. — Волнение удэгейцев. — Стойбище Вагунбе. — Восстание инородцев. — Пение шамана

Первого ноября рано утром мы покинули Сидатун и поплыли вниз по Иману.

К плаванию по горным рекам туземцы привыкают с детства. Надо далеко смотреть вперед, надо знать, где следует придержать лодку, где повернуть ее носом против воды или, наоборот, разогнать елико возможно и проскочить опасное место. Все это надо учитывать и быстро принимать соответствующие меры. Малейший промах — и лодка, подхваченная быстрым течением, в один миг будет разбита о камни. На порогах вода находится в волнении, лодка качается, и потому сохранять равновесие в ней еще труднее. Для нас трудность плавания увеличилась еще тем, что по реке плыл лед и фарватер ее был стеснен заберегами. Льды заставляли плыть не там, где нам хотелось, а там, где это было возможно. Особенно это было заметно в тех случаях, когда порог находился на месте поворота. Чем больше увеличивались забереги, тем быстрее становилось течение посредине реки.

От Сидатуна долина Имана носит резко выраженный денудационный характер. Из мелких притоков ее в этом месте замечательны: с правой стороны Дандагоу[153] (с перевалом на Арму), потом — Хуангзегоу[154] и Юпигоу[155], далее — Могеудзгоу[156] и Туфангоу[157]*.

---

* Названия мелких речек Дандагоу, Хуанзегоу, Юпигоу, Могеудзгоу, Туфангоу, Мацангоу и Сыфангоу утрачены, речки не идентифицированы.

Немного ниже Сидатуна можно наблюдать высокие древнеречные террасы, слагающиеся из сильно перемятых глинистых сланцев, среди которых попадаются слои красновато-бурых песчаников с прожилками кварца. За террасами километрах в десяти от реки высится гора Яммудинзцы[158]. По рассказам удэгейцев, китайцы тайком моют там золото.

По пути около устьев рек Мацангоу[159], Сыфангоу[160] и Гадала виднелись пустые удэгейские летники. В некоторых местах рыба еще не была убрана. Для укарауливания ее от ворон туземцы оставили собак. Последние несли сторожевую службу очень исправно. Каждый раз, как только показывались пернатые воровки, они бросались на них с лаем и отгоняли прочь.

Леса, растущие по Иману, превосходного качества. В горах преимущественно кедровники и пихтачи, в долине преобладают лиственные породы.

На Имане, как на всех горных речках, много порогов. Один из них, тот самый, который находится на половине пути между Сидатуном и Арму, считается самым опасным. Здесь шум воды слышен еще издали, уклон дна реки заметен прямо на глаз. С противоположного берега нависла скала. Вода с пеной бьет под нее. От брызг она вся обмерзла.

Удэгейцы задержали лодку и посоветовались между собой, затем поставили ее поперек воды и тихонько стали спускать по течению. В тот момент, когда сильная струя воды понесла лодку к скале, они ловким толчком вывели ее в новом направлении. По глазам удэгейцев я увидел, что мы подверглись большой опасности. Спокойнее всех был Дерсу. Я поделился с ним своими впечатлениями.

— Ничего, капитан, — отвечал он мне. — Удэгей все равно рыба. Шибко хорошо понимай в лодке ходи. Наша так не могу.

Чем дальше, тем плыть было труднее. Льдов становилось больше, забереги делались шире.

Вся эта часть Имана покрыта хвойно-смешанным лесом, на островах преобладают лиственные породы с примесью строевого кедра, а по берегам реки и по галечниковым отмелям—заросли тальника, дающего неисчерпаемый материал туземцам для лыж, юрт, острог, нарт и т.д.

На лодках нам удалось проехать немного. Начавшая с утра хмуриться погода опять разразилась пургой. Удэгейцы очень искусно лавировали между льдами, отталкивая их в сторону шестами.

За рекой Гадала Иман делает крутой поворот. Здесь ско-

пилось много плавучего льда. Посередине шел узкий проход. Был ли он сквозной или замыкался — этого не знали наши проводники. Удэгейцы задержали лодку и обратились ко мне с вопросом, рисковать или нет. Путешествие с котомкой на плечах до того надоело, что я решил попытать счастья. Дерсу начал было меня отговаривать, но я не согласился с ним, думая, что в случае неудачи нам все же удастся выбраться на берег. Стоять на одном месте долго было нельзя. Мы тронулись вперед, но не успели сделать и 40 метров, как увидели, что проход был закрыт. Дальше шел сплошной лед. Подходить к нему вплотную было опасно. Если нашу тяжело нагруженную лодку течение прижало бы ко льду, она сразу наполнилась бы водой. Надо было спешно выходить назад, но это оказалось не так просто. Повернуть лодку в узком проходе тоже было нельзя. Пришлось двигаться кормой против воды. Как на грех, мы находились на самом фарватере, и шесты едва доставали дно. С большими усилиями мы прошли половину. Вдруг один удэгеец что-то закричал. По тревожному тону его голоса я понял, что нам грозит опасность, и оглянулся назад. Навстречу нам неслась огромная льдина. Она должна была закупорить проход раньше, чем мы успеем из него выйти. Удэгейцы напрягли все свои силы, но льдина не ждала. Она с шумом ударилась об один край прохода и затем о другой. В это время случилось еще худшее — то, чего мы вовсе не ожидали. От сильных толчков все льды пришли в движение. Проход начал суживаться.

— Лед скоро лодку ломай! — закричал Дерсу не своим голосом. — Скорей надо ходи!

Он выскочил из лодки и по плавучему льду побежал к берегу, таща за собой веревку. Раза два он проваливался, но скоро опять взбирался на лед. К счастью, до берега было недалеко. Следуя его примеру, выскочили и казаки. Кожевников и Бочкарев достигли берега благополучно, но Мурзин провалился. Он начал карабкаться на льдину, но она перевернулась. Чем больше он карабкался, тем глубже погружался в воду. Еще минута, и он опустился бы на дно. Тогда на выручку ему бросился Дерсу. Был момент, когда он сам мог погибнуть. В это время я вместе с орочами перебирался с одной льдины на другую. Мы тащили лодку и в то же время держались за нее. К счастью, нос лодки скоро оказался вблизи Дерсу и Мурзина, и это спасло их обоих. Лодка опять загрузла. Она стала поперек реки, и ее повлекло по течению вместе со льдом. Тогда мы стали бросать на берег наши котомки и затем вылезли сами. Через

несколько минут лодку прижало к утесу. Словно живое существо, она некоторое время еще сопротивлялась льдам и вздрагивала, потом вдруг треснула и сломалась пополам. Раздался еще один хруст, из воды показался один обломок, и затем все исчезло.

Выбравшись на берег, первое, что мы сделали, — разложили костер. Надо было обсушиться. Кто-то подал мысль, что следует согреть чай и поесть. Начали искать мешок с продовольствием, но его не оказалось. Не досчитались также одной винтовки. Нечего делать, мы закусили тем, что было у каждого в кармане, и пошли дальше. Удэгейцы говорили, что к вечеру мы дойдем до фанзы Сехозегоуза. Там в амбаре они надеялись найти мороженую рыбу.

В сумерки мы действительно дошли до фанзы. Она оказалась пустой. В амбаре ее казаки нашли две сухие рыбины. Пришлось довольствоваться этим скудным ужином.

От горного ключа Таухомиору[161] Иман поворачивает на северо-запад и делает большую петлю. Здесь он принимает в себя с правой стороны один из самых больших своих притоков — Арму. Река эта длиной более 160 километров имеет истоки в горах Сихотэ-Алиня, на широте мыса Арка*. В верховьях она слагается из трех речек, каждая длиной километров по тридцать. От места слияния их Арму направляется на запад, потом круто поворачивает на север, затем склоняется к юго-западу и наконец в нижнем течении снова принимает широтное направление. Уже из этой схемы видно, что долина Арму состоит из ряда продольных и поперечных долин. Последние являются наиболее извилистыми. Некоторые извилины описывают почти полную окружность. При знании местности зимой можно пользоваться перешейками и значительно сокращать дорогу.

Ширина Арму в нижнем течении около 80 метров, глубина от 2 до 3 метров, быстрота течения 10 километров в час. В долине Арму сильно развиты речные террасы. Особенно их много в среднем течении реки, преимущественно с левой стороны. Террасы эти высотой до 10 метров; основание их массивное и состоит из плотных глинистых сланцев, поверх которых лежит мощный слой наносного обломочного материала.

В двух километрах от устья ее с правой стороны издавна живут удэгейцы. Стойбище их состоит из четырех фанз. В 1906 году их тут было только 15 человек обоего пола. В одном переходе от Арму, ниже по Иману, есть другое удэгейское стойбище, Лаолю, с населением в восемь чело-

* Исправлена опечатка прежних изданий. Печаталось: мыс Арак.

век. Лаолю представляет собой поляну с правой стороны реки длиной 4 километра и шириной 1,5 километра.

После принятия в себя Арму Иман вдруг суживается и течет без протоков в виде одного русла шириной от 80 до 100 метров, отчего быстрота течения его значительно увеличивается. Здесь горы подходят вплотную к реке и теснят ее то с одной, то с другой стороны. На всем этом протяжении преобладающая горная порода — все те же глинистые сланцы.

От места нашей стоянки до Арму, по словам проводников, было три дня хода. Но можно сократить расстояние, если пересечь иманскую петлю напрямик горами. Тогда можно выйти прямо к местности Сянь-ши-хеза, находящейся ниже Арму по течению километров на пятьдесят. Ввиду недостатка продовольствия сокращение пути теперь было особенно важно. Удэгейцы обещали проводить нас до того места, где нужно было свернуть с Имана.

На следующий день к полудню, 2 ноября, мы дошли до реки Хутадо, текущей по кривой от запада к югу. По ней нам надлежало подняться до перевала через горный хребет, являющийся причиной петли Имана. Эта речка длиной 3,5 километра. Подъем на хребет и спуск с него одинаковой крутизны, приблизительно в 30 градусов, а высота перевала относительно Имана равна 350 метрам.

Теперь перед нами было два ключа: один шел к северу, другой — к западу. Нам, вероятно, следовало идти по правому, но я по ошибке взял северное направление. Сейчас же за перевалом мы стали на биваке, как только нашли дрова и более или менее ровное место.

Утром 3 ноября мы съели последнюю юколу и пошли в путь с легкими котомками. Теперь единственная надежда осталась на охоту. Поэтому было решено, что Дерсу пойдет вперед, а мы, чтобы не пугать зверя, пойдем сзади шагах в трехстах от него. Наш путь лежал по неизвестной нам речке, которая, насколько это можно было видеть с перевала, текла на запад.

Мы все надеялись, что Дерсу убьет что-нибудь, но напрасно. Выстрелов не было слышно. После полудня долина расширилась. Здесь мы нашли маленькую, едва заметную тропинку. Она шла влево на север, пересекая кочковатое болото. Голод давал себя чувствовать. Все шли молча, никто не хотел разговаривать. Вдруг я увидел Дерсу: он тихонько переходил с места на место, нагибался и что-то подбирал с земли. Я окликнул его. Он махнул мне рукой.

 — Ты что нашел? — спросил его Г.И. Гранатман.

— Медведь кушай рыбу, — отвечал он, — голова бросай, моя подбирай.

В самом деле, на снегу валялось много рыбьих голов. Видно было, что медведи приходили сюда уже после того, как выпал снег.

«На безрыбье и рак рыба». Во время голодухи можно покормиться и медвежьими объедками. Все дружно принялись за работу, и через четверть часа у людей все карманы были набиты рыбьими головами.

Увлеченные работой, мы не заметили, что маленькая долина привела нас к довольно большой реке. Это была Синанца с притоками Даягоу[162], Маягоу[163] и Пилигоу[164]*. Если верить удэгейцам, то завтра к полудню мы должны будем дойти до Имана.

Перейдя на другую сторону реки, мы устроили бивак в густом хвойном лесу. Какими вкусными нам показались рыбьи головы! Около некоторых голов было еще много мяса, такие головы были счастливыми находками. Мы разделили их поровну между собой и поужинали вкусно, но несытно.

Ночью температура сильно понизилась, но так как в дровах не было недостатка, то мы спали хорошо.

Утром 4 ноября мы встали голодными.

Теперь путь наш лежал вниз по реке Синанце. Она течет по широкой межскладчатой долине в меридиональном направлении с некоторым склонением на восток. Река эта очень извилиста. Она часто разбивается на протоки и образует многочисленные острова, поросшие тальниками. Ширина ее 40—50 метров и глубина 3,6—4,5 метра. Леса, растущие по обеим сторонам реки, смешанные, со значительным преобладанием хвои.

Я заметил, что в этих местах снега было гораздо больше, чем на реке Кулумбе. Глубина его местами доходила почти до колен. Идти по такому снегу было трудно. В течение часа удавалось сделать километра два, не больше.

Расчет на охоту не оправдался, не оправдались также надежды найти опять рыбьи головы. Казак Кожевников один раз видел кабаргу и стрелял в нее, но промахнулся.

Судя по времени, мы уже должны были дойти до Имана. За каждым поворотом я рассчитывал увидеть устье Синанцы, но дальше шел лес, потом опять поворот, опять лес и т.д.

В сумерки мы достигли маленького балагана, сложенного из корья. Я обрадовался этой находке, но Дерсу остался

---

* Названия небольших речек Даягоу, Маягоу, Пилигоу утрачены, речки не идентифицированы.

ею недоволен. Он обратил мое внимание на то, что вокруг балагана были следы костров. Эти костры и полное отсутствие каких бы то ни было предметов таежного обихода свидетельствовали о том, что балаган этот служит путникам только местом ночевок и, следовательно, до реки Имана было еще не менее перехода.

Голод сильно мучил людей. Тоскливо сидели казаки у огня, вздыхали и мало говорили между собой. Я несколько раз принимался расспрашивать Дерсу о том, не заблудились ли мы, правильно ли мы идем. Но он сам был в этих местах первый раз, и все его соображения основывались лишь на догадках. Чтобы как-нибудь утолить голод, казаки легли раньше спать. Я тоже лег, но мне не спалось. Беспокойство и сомнения мучили меня всю ночь.

Утром Дерсу проснулся раньше всех и разбудил меня. Снова появились опасения за предстоящий путь. Надо идти, пока еще есть возможность, пока еще двигаются ноги. Но едва мы тронулись в путь, как я почувствовал, что силы уже не те: котомка показалась мне вдвое тяжелее, чем вчера, через каждые полкилометра мы садились и отдыхали. Хотелось лежать и ничего не делать. Плохой признак. Так пробились мы до полудня и прошли очень мало. Не было сомнения, что при таких условиях дойти до Имана нам не удастся и сегодня. По пути мы раза два стреляли мелких птиц и убили трех поползней и одного дятла, но что значили эти птицы для пяти человек!

Между тем погода начала хмуриться, небо опять заволокло тучами. Резкие порывы ветра подымали снег с земли. Воздух был наполнен снежной пылью, по реке кружились вихри. В одних местах ветром совершенно сдуло снег со льда, в других, наоборот, намело большие сугробы. За день все сильно прозябли. Наша одежда износилась и уже не защищала от холода.

С левой стороны высилась скалистая сопка. К реке она подходила отвесными обрывами. Здесь мы нашли небольшое углубление вроде пещеры и развели в нем костер. Дерсу повесил над огнем котелок и вскипятил воду. Затем он достал из своей котомки кусок изюбровой кожи, опалил ее на огне и стал ножом мелко крошить, как лапшу. Когда кожа была изрезана, он высыпал ее в котелок и долго варил. Затем он обратился ко всем со следующими словами:

— Каждый люди надо кушай. Брюхо обмани. Силы мало-мало прибавляй. Потом надо скоро ходи. Отдыхать не могу. Тогда сегодня, солнце кончай, наша Иман найди есть.

 Уговаривать никого не нужно было. Каждый готов был

глотать все что угодно. Хотя кожа варилась долго, но она была все же настолько тверда, что не поддавалась зубам. Дерсу не советовал есть много и останавливал жадных, говоря:

— Не надо много есть — худо!

Через полчаса мы снялись с привала. Действительно, съеденная кожа хотя и не утолила голода, но дала желудку механическую работу. Каждый раз, как кто-нибудь отставал, Дерсу начинал ругаться.

День уже кончился, а мы все шли. Казалось, что реке Синанце и конца не будет. За каждым поворотом открывались все новые и новые плесы. Мы еле волочили ноги, шли, как пьяные, и если бы не уговоры Дерсу, то давно стали бы на бивак.

Часов в шесть вечера появились первые признаки близости жилья: следы лыж и нарт, свежие порубки, пиленые дрова и т.д.

— Иман далеко нету, — сказал Дерсу довольным голосом.

Все почувствовали прилив энергии и пошли бодрее. Как бы в ответ на его слова впереди послышался отдаленный собачий лай. Еще один поворот, и мы увидели огоньки. Это было китайское селение Сянь-ши-хеза[165].

Через четверть часа мы подходили к поселку. Я никогда не уставал так, как в этот день. Дойдя до первой фанзы, мы вошли в нее и не раздеваясь легли на кан.

Естественно, что наше появление вызвало среди китайцев тревогу. Хозяин фанзы волновался больше всех. Он тайком послал куда-то рабочих. Спустя некоторое время в фанзу пришел еще один китаец. На вид ему было лет тридцать пять. Он был среднего роста, коренастого сложения и с типично выраженными монгольскими чертами лица. Наш новый знакомый был одет заметно лучше других. Держал он себя очень развязно и имел голос крикливый. Он обратился к нам на русском языке и стал расспрашивать, кто мы такие и куда идем.

Речь его была чистая, правильная, нековерканная, слова свои он часто пересыпал русскими пословицами. Затем он стал уговаривать нас перейти к нему в фанзу, назвал себя Ли Тан-куем, сыном Лу Чин-фу, говорил, что его дом лучший во всем поселке, а фанза, в которой мы остановились, принадлежит бедняку и т. д. Затем он вышел на улицу и о чем-то долго шептался с хозяином фанзы. Последний подошел ко мне и тоже стал просить, чтобы мы перешли к Ли Тан-кую. Нечего делать, пришлось уступить.

Откуда-то взялись рабочие, которые успели уже перенести наши вещи. Когда мы шли по тропе, Дерсу вдруг тихонько дернул меня за рукав и сказал:

— Его шибко хитрый люди. Моя думай, его обмани хочу. Сегодня моя спи не буду.

Мне самому китаец этот казался подозрительным и очень не нравились его заискивания и фамильярность.

Селение Сянь-ши-хеза расположено на правом берегу Имана. На другом конце поляны около леса находилось брошенное удэгейское стойбище, состоявшее из восьми юрт. Все удэгейцы в числе 65 человек (21 мужчина, 12 женщин и 32 детей) бросили свои жилища и ушли на Вагунбе.

Минут через пять мы подошли к дому Ли Тан-куя. Вокруг него стояло несколько фанз для рабочих и охотников, а за ними виднелись амбары, кузница, сарай, конюшня и т.д. Мы вошли. Хозяин хотел было меня и Гранатмана поместить в своей комнате, но я настоял на том, чтобы казаки и Дерсу ночевали вместе со мной. После этого Ли Тан-куй принялся нас угощать. Каким вкусным показался нам чай с лепешками, испеченными на бобовом масле! На время мы даже забыли свои подозрения. Когда я утолил первые признаки голода, опасения появились вновь. Ли Тан-куй хотя и угощал нас, но в этом угощении не было радушия: в каждом движении его сквозила какая-то задняя мысль. Дерсу все время осторожно следил за ним. Я решил тоже не спать, но не в силах был преодолеть усталость. После ужина я почувствовал, что веки мои слипаются сами собой; незаметно для себя я погрузился в глубокий сон.

Ночью я проснулся оттого, что кто-то тряс меня за плечо. Я быстро вскочил на ноги. Рядом со мной сидел Дерсу. Он сделал мне знак, чтобы я не шумел, и затем рассказал, что Ли Тан-куй давал ему деньги и просил его уговорить меня не ходить к удэгейцам на Вагунбе, а обойти юрты их стороной, для чего обещал дать специальных проводников и носильщиков. Дерсу отвечал ему, что это не от него зависит. После этого он, Дерсу, лег на кан и притворился спящим. Ли Тан-куй выждал, когда, по его мнению, Дерсу уснул, тихонько вышел из фанзы и куда-то уехал верхом на лошади.

— Надо наша завтра на Вагунбе ходи. Моя думай, там что-то худо есть, — закончил он свой рассказ.

В это время снаружи послышался конский топот. Мы сунулись на свои места и притворились спящими. Вошел

Ли Тан-куй. Он остановился в дверях, прислушался и, убедившись, что все спят, тихонько разделся и лег на свое место. Вскоре я опять заснул и проснулся уже тогда, когда солнце было высоко на небе.

Проснулся я от какого-то шума и спросил, что случилось. Казаки доложили мне, что к фанзе пришло несколько человек удэгейцев. Я оделся и вышел к ним на улицу. Меня поразила та неприязнь, с какой они на меня смотрели.

После чая я объявил, что пойду дальше. Ли Тан-куй стал уговаривать меня, чтобы я остался еще на один день, обещал заколоть чушку и т.д. Дерсу в это время подмигнул мне, чтобы я не соглашался. Тогда Ли Тан-куй начал навязывать своего проводника, но я отказался и от этих услуг. Как ни хитрил Ли Тан-куй, но обмануть ему нас так и не удалось.

От Сянь-ши-хезы тропа идет по правому берегу реки у подножия высоких гор. Километра через два она опять выходит на поляну, которую местные китайцы называют Хозенгоу[166]. Поляна эта длиной 5 километров и шириной от 1 до 3 километров.

Все иманские китайцы хорошо вооружены и живут очень зажиточно. Они относились к нам крайне враждебно. На мои вопросы о дороге и о численности населения они отвечали грубо: «Бу чжи дао» (не знаю), а некоторые говорили прямо: «Знаю, да не скажу».

Немного дальше и несколько в стороне было удэгейское стойбище Вагунбе, состоящее из четырех фанз и юрт. По сведениям, здесь обитали 85 удэгейцев (29 мужчин, 19 женщин и 37 детей).

Когда мы подходили к их жилищам, они все высыпали нам навстречу. Удэгейцы встретили меня далеко не дружелюбно и не пригласили даже к себе в юрты.

Первый вопрос, который они задали мне, был такой: почему я ночевал в доме Ли Тан-куя? Я ответил им и в свою очередь спросил их, почему они так враждебно ко мне относятся. Удэгейцы ответили, что давно ждали меня и вдруг узнали, что я пришел и остановился у китайцев на Сянь-ши-хеза.

Скоро все объяснилось: оказалось, что здесь произошла целая трагедия. Китаец Ли Тан-куй нещадно эксплуатировал туземцев долины Имана и жестоко наказывал их, если они к назначенному времени не доставляли определенного числа мехов. Многие семьи он разорил совершенно, женщин насиловал, детей отбирал и продавал за

долги. Наконец двое из удэгейцев, Масенда и Сомо, из рода Кялондига, выведенные из терпения, поехали в Хабаровск с жалобой к генерал-губернатору. Последний обещал им помочь и между прочим сказал, что я должен прийти на Иман со стороны моря. Он велел им обратиться ко мне, полагая, что на месте я легко разберусь с этим вопросом. Удэгейцы вернулись, сообщили сородичам о результатах своей поездки и терпеливо стали ждать моего прихода. О поездке Сомо и Масенды узнал Ли Тан-куй. Тогда для примера другим он приказал избить жалобщиков палками. Один из них умер во время наказания, а другой хотя и выжил, но остался калекой на всю жизнь. Тогда в Хабаровск поехал брат убитого Гулунга. Ли Танкуй велел его схватить и заморозить в реке. Узнав об этом, удэгейцы решили с оружием в руках защищать товарища. Создалось осадное положение. Уже две недели туземцы сидели на месте, не ходили на охоту и, за недостатком продовольствия, терпели нужду. Вдруг до них дошла весть, что я пришел на Сянь-ши-хеза и остановился в доме Ли Тан-куя. Я объяснил им, что мне ничего не было известно из того, что случилось на Имане, и что, придя в Сяньши-хеза, я до того был утомлен и голоден, что не разбирая воспользовался первой попавшейся мне фанзой.

Вечером все старики собрались в одну юрту. На совете решено было, что по прибытии в Хабаровск я обо всем доложу начальству, буду просить оказать помощь туземцам.

Когда старики разошлись, я оделся и вышел из юрты. Кругом было темно, так темно, что в двух шагах нельзя было рассмотреть человека. О местонахождении удэгейских жилищ можно было только узнать по искрам и клубам дыма, которые вырывались из отверстия в крышах. Вдруг в тихом вечернем воздухе пронеслись странные звуки: то были удары в бубен, и вслед за тем послышалось пение, похожее на стон и плач. В этих звуках было что-то жуткое и тоскливое. Как волны, они неслись в стороны и таяли в холодном ночном воздухе. Я окликнул Дерсу. Он вышел и сказал мне, что в самой крайней юрте шаман лечит больного ребенка. Я отправился туда, но у самого входа в юрту натолкнулся на старуху, она загородила мне дорогу. Я понял, что присутствие мое нежелательно, и пошел назад по тропе.

В той стороне, где находились китайские фанзы, виднелись огоньки. Я почувствовал, что прозяб, вернулся в юрту и стал греться у костра.

Глава двадцать девятая

От Вагунбе до Паровози

Проводы. — Река Тайцзибери. — Картун. — Враждебное настроение китайцев. — Отказ в ночлеге. — Ориентировка при помощи обоняния. — Лофанза. — Мяолин. — Буйный хозяин. — Паровози. — Река Нэйцухе. — Село Котельное. — Колесная дорога. — Угощение в деревне Гоголевке. — Нижнее течение Имана. — Услуга попутчика. — Расставание с Дерсу. — Станция Иман. — Возвращение в Хабаровск

На следующий день утром, 8 ноября, мы продолжали наш путь.

Все удэгейцы пошли нас провожать. Эта толпа людей, пестро одетых, с загорелыми лицами и с беличьими хвостиками на головных уборах, производила странное впечатление. Во всех движениях ее было что-то дикое и наивное.

Мы шли в середине, старики рядом, а молодежь бежала по сторонам, увлекаясь следами выдр, лисиц и зайцев. На конце поляны инородцы остановились и пропустили меня вперед.

Из толпы вышел седой старик. Он подал мне коготь рыси и велел положить его в карман, для того чтобы я не забыл просьбы их относительно Ли Тан-куя. После этого мы расстались: удэгейцы вернулись назад, а мы пошли своей дорогой.

От устья Синанцы Иман изменяет свое направление и течет на север до тех пор, пока не достигнет Тхетибе. Приток этот имеет три названия: гольды называют его Текибира, удэгейцы — Тэгибяза, русские — Тайцзибери. Отсюда Иман опять поворачивает на запад, какое направление и сохраняет уже до впадения своего в Уссури. Эта часть долины Имана тоже слагается из ряда денудационных и тектонических участков, чередующихся между собой. Такого рода долины особенно часто встречаются в Приамурском крае.

Между реками Синанцей и Тхетибе Иман принимает в себя с левой стороны в последовательном порядке следующие притоки: Ташидохе[167] (длиной в 50 километров) и Хейсынгоу[168]* (10 километров). Между их устьями есть гора Ломаза-Цзун[169], далее будут речки Мыдагауза[170]* (6 километров) и гора того же имени и наконец речка Сяо-Шибахе[171] (25 километров). С правой стороны в том же последовательном порядке будут: Вагунбе (40 километров) с притоком Тайнгоу[172] (6 километров) и Цуцувайза (15 километров).

Река Тайцзибери длиной 100 километров; она очень

* Названия речек Хейсынгоу и Мыдагоуза утрачены.

порожиста, завалена буреломом: в верхней части течет с востока на запад и только вблизи устья склоняется к югу. Вся долина покрыта густыми хвойно-смешанными лесами. В нижнем течении Тайцзибери имеет следующие притоки: с правой стороны Цологоузу[173] (12 километров), Чанцзуйзу[174], с горой того же имени, и Сибичу[175], потом следуют: Ханихеза[176]*, Бэйлаза[177] и Дунанца**. Сибича образуется из слияния Сяо-Сибичи[178] и Санчазы[179] и имеет течение в среднем 9 километров в час, глубину около 1,5 метра и ширину близ устья 50 метров.

Если идти вверх по правой речке, то можно в два дня выйти на реку Бейцухе[180], по второй — в четыре дня на Шитохе[181] (верхний приток Бикина). С левой стороны в Тайцзибери впадают Нанца (25 километров), Тяпогоу[182]*** (20 километров), Цамцагоуза[183] (30 километров), Поумазыгоу[184] (12 километров) и Талингоуза[185] (40 километров). Между устьями третьей и четвертой рек находится довольно высокая гора, которую называют Логозуйза.

После принятия в себя Тайцзибери Иман поворачивает на запад. Здесь он шириной около 140 метров, глубиной 3—4 метра. Дальше с левой стороны в него впадают две маленькие речки: Шаньдапоуза[186] (8 километров) и Кауланьтунь[187] (15 километров). Последнюю китайцы называют Динзахе (Золотая река).

Летом, когда идешь по лесу, надо внимательно смотреть, чтобы не потерять тропу. Зимой, покрытая снегом, она хорошо видна среди кустарников. Это в значительной степени облегчило мне съемку.

Иман мало где течет одним руслом, чаще он разбивается на протоки. Некоторые из них имеют значительную длину и далеко отходят в сторону. Из них наиболее замечательны Тагоуза[188], Наллю и Картунская.

За эти дни мы очень утомились. Хотелось остановиться и отдохнуть. По рассказам удэгейцев, впереди было большое китайское селение Картун. Там мы думали продневать, собраться с силами и, если возможно, нанять лошадей. Но нашим мечтам не суждено было сбыться.

В промежутке между реками Динзахе и Картуном Иман принимает в себя много больших и малых притоков, которые имеют следующие названия: с правой стороны —

---

* Река Ханихеза (Крутоярка) впадает с *левой стороны* в р. Иман (Большая Уссурка) *ниже устья р. Тайцзибери* (Дальняя).

** Реки Дунанца (Туланца, ныне Тигринка) и Бэйлаза (Байлаза, ныне Излучинка) впадают в р. Тайцзибери (Дальняя) *с левой стороны.*

*** Названия рек Нанца и Тяпигоу утрачены.

Яумуга (25 километров), Логозуйза[189] (20 километров) и Вамбалаза, то есть Черепашья скала (25 километров). Скалистые горы около Картуна носят то же название. Если смотреть на них в профиль со стороны Имана, то контуры их действительно напоминают черепаху. По рассказам удэгейцев, в горах между Логозуйза и Вамбалаза есть золото. С левой стороны в Иман впадают Каулентун* (10 километров), Сядопоуза* (15 километров), Чулагоу (40 километров), Тундагоу (5 километров)**, Тазыгоу[190] (15 километров) и Хоамихеза[191] (12 километров).

Картун собственно представляет собою большую котловину в 6 километров длиной и 3 километра шириной. Здесь насчитывается сорок две китайские фанзы.

Местность Картун можно считать границей, где кончаются смешанные и начинаются широколиственные леса. Горы в стороне от реки покрыты кедровым лесом, который зимой резко выделяется своей темной хвоей.

День кончился, когда мы подошли к Картуну. Солнце только что успело скрыться за горизонтом. Лучи его играли еще в облаках и этим отраженным сиянием напоследок освещали землю.

В стороне около речки виднелись китайские фанзы.

Слово «картун», вероятно «гао-ли-тунь», означает «корейский поселок». Рассказывают, что здесь в протоках раньше добывали много жемчуга. По другому толкованию «картун» означает «ворота». Действительно, на западе за Картуном долина опять суживается. С левой стороны к реке подходят горы Хынхуто[192], а справа длинный отрог Вамбалазы.

Более зажиточных фанз, чем на Картуне, я нигде не видывал. Они были расположены на правом берегу реки и походили скорее на заводы, чем на жилые постройки.

Я зашел в одну из них. Китайцы встретили меня враждебно. До них уже долетели вести о том, кто мы и почему удэгейцы нас сопровождают. Неприятно быть в доме, когда хозяева нелюбезны. Я перешел в другую фанзу. Там нас встретили еще хуже, в третьей мы не могли достучаться, в четвертой, пятой, десятой нам был оказан такой же прием. Против рожна не пойдешь. Я ругался, ругались казаки, ругался Дерсу, но делать было нечего. Оставалось только покориться. Ночевать около фанз мне не хотелось. Поэтому я решил идти дальше, пока не найду место, подходящее для бивака.

---

* Речки *Каулентун* и упоминаемая ранее (с. 340) *Кауланьтунь* — это одна и та же река. Одним водотоком являются и Шаньдапоуза (с. 340) с Сяодапоузой, хотя их описания несколько отличаются одно от другого.

** Исправлена ошибка в длине р. Тундагоу (Вершинная). Было: 50 км.

Настал вечер. Красивое сияние на небе стало блекнуть. Кое-где зажглись звезды.

Китайские фанзы остались далеко позади, а мы все шли. Вдруг Дерсу остановился и, закинув назад голову, стал нюхать воздух.

— Погоди, капитан, — сказал он. — Моя запах дыма найди есть. Это удэге, — сказал он через минуту.

— Почему ты знаешь? — спросил его Кожевников. — Может быть, китайская фанза?

— Нет, — говорил Дерсу, — это удэге. Китайская фанза большой труба есть: дым высоко ходи. Из юрты дым низко ходи. Удэге рыбу жарят.

Сказав это, он уверенно пошел вперед. Порой он останавливался и усиленно нюхал воздух. Так прошли мы пятьдесят шагов, потом сто, двести, а обещанной юрты все еще не было видно. Усталые люди начали смеяться над стариком. Дерсу обиделся.

— Ваша хочу тут спи, а моя хочу юрта ходи, рыбу кушай, — отвечал он спокойно.

Я последовал за ним, а следом за мной пошли и казаки. Минуты через три мы действительно подошли к удэгейскому стойбищу. Тут были три юрты. В них жили 9 мужчин и 3 женщины с 4 детьми.

Через несколько минут мы сидели у огня, ели рыбу и пили чай. За этот день я так устал, что едва мог сделать в дневнике необходимые записи. Я просил удэгейцев не гасить ночью огня. Они обещали по очереди не спать и тотчас принялись колоть дрова.

Ночью был туманный мороз. Откровенно говоря, я был бы очень рад, если бы к утру разразилась непогода. По крайней мере, мы отдохнули бы и выспались как следует, но едва взошло солнце, как туман сразу рассеялся. Прибрежные кусты и деревья около проток заиндевели и сделались похожими на кораллы. На гладком льду иней осел розетками. Лучи солнца играли в них, и от этого казалось, будто по реке рассыпаны бриллианты.

Я видел, что казаки торопятся домой, и пошел навстречу их желанию. Один из удэгейцев вызвался проводить нас до Мяолина. Так называется большой ханшинный завод*, находящийся на правом берегу Имана, километрах в семи от Картуна, ниже по течению.

Сегодня дорога мне показалась еще более тяжелой.

---

* Ханшинный завод Мяолин — название утрачено. Находился около северной оконечности современного автодорожного моста через р. Большая Уссурка вблизи населенного пункта Рощино.

За Картунскими воротами долина опять расширилась. Я поднялся на одну из сопок. Интересное зрелище представилось моим глазам. На восток шла долина Имана: она терялась где-то в горах. Но на запад, север и юг, насколько хватал глаз, передо мной развертывалась огромная, слабо всхолмленная низина, покрытая небольшими группами редкого лиственного леса, а за ними на бесконечном пространстве тянулись белоснежные поля, поросшие травой и кустарниками. Эту огромную низину китайцы называют Лофанза[193]*. Она длиной 80 километров и в ширину по крайней мере 50 километров. Места эти казались весьма удобными для земледелия. Однако нигде фанз не было видно. Китайцы избегают их, и, вероятно, не без основания: или земля здесь плохая, или она затопляется водой во время разливов Имана. По слухам, в местности Чингуйза есть еще одна юрта, в которой проживают два одиноких удэгейца.

Часа в два мы дошли до Мяолина — то была одна из самых старых фанз в Иманском районе. В ней проживали 16 китайцев и одна гольдячка. Хозяин ее поселился здесь лет пятьдесят тому назад, еще юношей, а теперь он насчитывал себе уже семь десятков лет. Вопреки ожиданиям он встретил нас хотя и не очень любезно, но все же распорядился накормить и позволил ночевать у себя в фанзе. Вечером он напился пьян. Начал о чем-то меня просить, но затем перешел к более резкому тону и стал шуметь.

— Мяолин не вчерашний и не сегодняшний, — говорил он. — Мяолин такой же старый, как и я, а вы пришли меня прогонять. Я вам Мяолин не отдам. Если мне придется уходить отсюда, я его сожгу.

Затем он объявил, что сейчас зажжет фанзу, пошел на двор и притащил оттуда большую охапку соломы.

Все это кончилось тем, что Дерсу напоил его до потери сознания и уложил спать на той же соломе.

Утром мы рано ушли, оставив старика спать в его фанзе, которую он не хотел нам уступить и которую мы не собирались у него отнимать.

Странное дело, чем ближе мы подходили к Уссури, тем самочувствие становилось хуже. Котомки наши были почти пустые, но нести их было тяжелее, чем наполненные в начале дороги. Лямки до того нарезали плечи, что дотронуться до них было больно. От напряжения болела голова, появилась слабость.

Чем ближе мы приближались к железной дороге, тем хуже относилось к нам население. Одежда наша изорвалась,

* Низина Лофанза — название утрачено.

обувь износилась, крестьяне смотрели на нас как на бродяг.

От Мяолина тропа пошла по кочковатому лугу в обход болот и проток. Часа через два она привела нас к невысоким сопкам, поросшим дубовым редколесьем. Эти сопки представляют собой отдельный массив, выдвинувшийся посредине Лофанзы, носящей название Коу-цзы-шань[194]. Это остатки каких-то больших гор, частью размытых, частью потопленных в толщах потретичных образований. У подножия их протекает маленькая речка Хаунихеза.

Стрелки шли лениво и часто отдыхали. Незадолго до сумерек мы добрались до участка, носящего странное название Паровози. Откуда произошло это название, так я и не мог добиться. Здесь жил старшина удэгейцев Сарл Кимунка со своей семьей, состоящей из 7 мужчин и 4 женщин. В 1901 году он с сотрудником Переселенческого управления Михайловым ходил вверх по Иману до Сихотэ-Алиня. В награду за это ему был отведен хуторской участок.

Вечером я узнал от него, что километра на четыре ниже в Иман впадает еще одна большая река — Нэйцухе[195]. Почти половина ее протекает по низине Лофанзы среди кочковатых болот, покрытых высокой травой и чахлой кустарниковой порослью. По его словам, Нэйцухе очень извилиста. Густые смешанные леса начинаются в 40 километрах от Имана. Потом идут гари и лесные болота. Из притоков Нэйцухе река Хайнето[196]* славится как местность, богатая женьшенем.

На следующий день мы встали поздно, закусили немного рыбой и пошли дальше. Сарл Кимунка проводил нас до корейцев, недавно поселившихся около Паровози**. Внизу Иман еще не замерз — надо было переправиться на лодке. Мы обошли все фанзы и нигде не нашли ни одного мужчины. Женщины испуганно смотрели на нас, молчали и прятали своих детей. Видя, что ничего добиться нельзя, я махнул рукой и велел стрелкам идти к реке. Удэгеец где-то нашел спрятанную в кустах плоскодонку. В ней он перевез нас через реку поодиночке и затем возвратился назад.

На левом берегу Имана, у подножия отдельно стоящей сопки, расположилось четыре землянки: это было русское селение Котельное***. Переселенцы только что прибыли из России и еще не успели обстроиться как следует. Мы

---

* Название р. Хайнето утрачено, речка не идентифицирована.

** Местечко Паровози находилось около современного населенного пункта Новокрещенка.

*** Название Котельное утрачено. На этом месте выросло с. Новопокровка.

зашли в одну мазанку и попросились переночевать. Хозяева избушки оказались очень радушными. Они стали расспрашивать нас, кто мы такие и куда идем, а потом принялись пенять на свою судьбу.

С каким удовольствием я поел крестьянского хлеба! Вечером в избу собрались все крестьяне. Они рассказывали про свое житье-бытье на новом месте и часто вздыхали. Должно быть, несладко им досталось переселение. Если бы не кета, они все погибли бы от голода, только рыба их и поддержала.

От села Котельного начиналась дорога, отмеченная верстовыми столбами. Около деревни на столбе значилась цифра 74. Нанять лошадей не было денег. Мне непременно хотелось довести съемки до конца, что было возможно только при условии, если идти пешком. Кроме того, ветхая одежонка заставляла нас согреваться движением.

Мы выступили рано утром, почти на рассвете.

Тотчас же за Нэйцухе дорога подымается на перевал и на протяжении 9 километров идет косогорами, имея с правой стороны болотистую низину Имана, а слева* — возвышенности, поросшие старым и редким дубовым лесом дровяного характера. Дорога идет сначала на север, а потом у столба с цифрой 57 опять поворачивает на запад.

Следующая деревня была Гончаровка. Она больше Котельной, но состояние ее тоже было незавидное. Бедность проглядывала в каждом окне, ее можно было прочесть и на лицах крестьян, в глазах баб и в одежде ребятишек.

После полудня мы дошли до корейской деревушки Лукьяновки, состоящей из пятидесяти двух фанз, разбросанных на значительном расстоянии друг от друга. Здесь мы отдохнули немного и пошли дальше. Сумерки застали нас в дороге. Мы все сильно устали, прозябли, и хотелось есть. Скоро я перестал разбирать цифры на инструменте, но дорога была видна. Тогда я стал работать с огнем. По сигналу один из казаков подносил зажженную спичку к инструменту. При минутном освещении я замечал цифру нониуса, отмечал ее на планшете и шел дальше. Наконец впереди мелькнул огонек.

— Деревня! — воскликнули все в один голос.

— Ночью огонь постоянно обмани, — сказал на это Дерсу.

Действительно, в темноте огонь виден далеко. Иногда он кажется дальше, чем есть на самом деле, иногда совсем близко, почти рядом. Мы шли, и, казалось, огонь тоже уходил от нас. Я уже хотел было сделать привал, но огонь

* Исправлены ошибки или опечатки прежних изданий. Было: “с левой стороны” и “справа”.

вдруг сразу появился совсем близко. В темноте мы разглядели избу, другую, третью — всего восемь домов. Это была деревня Вербовка. Многих крестьян не было дома, они ушли на заработки в город. Испуганные женщины приняли нас за хунхузов и не хотели отворять дверей. Пришлось прибегнуть к помощи старосты. Он приютил меня, Дерсу и Бочкарева у себя, а Г.И. Гранатмана, Мурзина и Кожевникова — соседи.

За этот день мы прошли 35 километров и страшно устали.

До железной дороги оставалось еще 43 километра. Посоветовавшись с моими спутниками, я решил попытаться пройти это расстояние в один переход. Для исполнения этого плана мы выступили очень рано. Около часа я работал опять с огнем. Когда взошло солнце, мы подходили уже к Гоголевке.

Утро было морозное. Вся деревня курилась: из труб столбами поднимался белый дым. Он расстилался по воздуху и принимал золотисто-розовую окраску.

Я не хотел здесь останавливаться, но один из местных жителей узнал, кто мы такие, и просил зайти к нему напиться чаю. От хлеба-соли отказываться нельзя. Хозяин оказался человеком весьма любезным. Он угощал нас молоком, белым хлебом, медом и маслом. Фамилии его я не помню, но от души благодарю его за радушие и гостеприимство.

Деревня Гоголевка расположена на левом берегу Имана, в полукилометре от реки. Противоположный берег— нагорный. Горы эти носят следующие названия: Шаньгуачин[197], Хоуши[198], Вамбабоза и Сяошаньцунзы[199]*. Около первой горы (Шаньгуачин) в Иман впадает большая река Бэйцухе, текущая параллельно ему и только в низовьях склоняющаяся немного к югу. Длина реки около 150 километров, ширина 40 метров, глубина 2 метра и скорость течения 3 километра в час. В истоках она имеет перевал на Ситухе (приток Бикина). Бэйцухе чрезвычайно извилиста, особенно в нижнем течении. За последние годы здесь производились большие лесные порубки. Из притоков Бэйцухе заслуживают внимания с левой стороны (от истоков книзу) — Дунанца, Хайке[200], Сатохе[201] и Сиксинда, справа — Сяухеза[202], Ханихеза, Ушанка и Малая Бэйцухе. Между устьем и Иманом приютилась небольшая корейская деревушка Саровка, а еще ниже, там, где начинаются горы, две корейские деревни — Омбор и Самбор.

Чай с хлебом подкрепили наши силы. Поблагодарив гостеприимного хозяина, мы отправились дальше и вско-

* Названия гор Шаньгуачин, Хоуши, Вамбабоза и Сяошаньцунзы утрачены.

ре подошли к деревне Звенигородке. До железной дороги оставалось теперь только 23 километра. Но что значит это расстояние после сытного завтрака, когда знаешь, что сегодня можно совсем закончить путь?!

День был ясный, солнечный, но холодный. Мне страшно надоела съемка, и только упорное желание довести ее до конца не позволяло бросить работу. Каждый раз, взяв азимут, я спешно зарисовывал ближайший рельеф, а затем согревал руки дыханием. Через час пути мы догнали какого-то мужика. Он вез на станцию рыбу.

— Как же вы так работаете? — спросил он у меня. — Неужели вам не холодно?

Я ответил ему, что за дорогу мои перчатки износились.

— Так возьмите же мои, — сказал попутчик. — У меня есть запасная пара.

Говоря это, он достал с воза теплые вязаные перчатки и подал их мне. Я взял перчатки и продолжал работать. Километра два мы шли вместе, я чертил, а крестьянин рассказывал мне про свое житье и ругательски ругал всех и каждого. Изругал он своих односельчан, изругал жену, соседа, досталось учителю и священнику. Надоела мне эта ругань. Лошаденка его шла медленно, и я видел, что при таком движении к вечеру мне не удастся дойти до Имана. Я снял перчатки, отдал их возчику, поблагодарил его и, пожелав успеха, прибавил шагу.

— Как, — закричал он вслед, — неужто вы мне не заплатите?

— За что? — спросил я.

— А за перчатки!

— Да ведь ты получил их обратно, — ответил я ему.

— Вот те раз! — протянул с недовольством мой благодетель. — Я вас пожалел, а вы не хотите денег платить?!

— Хороша у тебя жалость, — вмешались казаки.

Больше всех рассердился Дерсу. Он шел, плевался и все время ругал возчика разными словами.

— Вредный люди, — говорил он, — мой такой не хочу посмотри. У него лица нету.

Выражение гольда «потерять лицо» значило — потерять совесть. И нельзя было не согласиться, что у человека этого действительно не было совести.

История эта на целый день испортила мне настроение.

— Как такой люди живи? — не унимался Дерсу. — Моя думай его живи не могу — его скоро сам пропади.

После полудня мы подошли к реке Ваку и сделали привал на дороге.

По прямой линии до железной дороги оставалось не более 2 километров, но на верстовом столбе стояла цифра 6. Это потому, что дорога здесь огибает большое болото. Ветром доносило свистки паровозов, и уже можно было рассмотреть станционные постройки.

Я втайне лелеял мысль, что на этот раз Дерсу поедет со мной в Хабаровск. Мне очень жаль было с ним расставаться. Я заметил, что последние дни он был ко мне както особенно внимателен, что-то хотел сказать, о чем-то спросить и, видимо, не решался. Наконец, преодолев свое смущение, он попросил патронов. Из этого я понял, что он решил уйти.

— Дерсу, не уходи, — сказал я ему.

Он вздохнул и стал говорить, что боится города и что делать ему там нечего. Тогда я предложил ему дойти со мной до станции железной дороги, где я мог бы снабдить его на дорогу деньгами и продовольствием.

— Не надо, капитан, — ответил гольд. — Моя соболь найди — его все равно деньги.

Напрасно я уговаривал его, он стоял на своем. Дерсу говорил, что он отправится по реке Ваку и в истоках ее будет гонять соболей, а затем, когда станут таять снега, перейдет на Даубихе. Там около урочища Анучина жил знакомый ему старик гольд. У него он и решил провести два весенних месяца. Мы условились, что в начале лета, когда я пойду в новую экспедицию, пришлю за ним казака или приеду сам. Дерсу согласился и обещал ждать. После этого я отдал ему все имевшиеся у меня патроны. Мы сидели и говорили все об одном и том же. Я уже три раза условливался с ним, где нам опять встретиться, и всячески старался оттянуть время. Мне тяжело было с ним расставаться.

— Ну, надо ходи, — сказал Дерсу и стал надевать свою котомку.

— Прощай, Дерсу, — сказал я, крепко пожимая ему руку. — Спасибо за то, что ты помогал мне. Прощай! Я никогда не забуду то многое, что ты для меня сделал!..

Большое красное солнце только что зашло, оставив за собой на горизонте тусклое сияние. Первая, как всегда, зажглась Венера, за ней — Юпитер и другие крупные звезды*. Дерсу хотел было еще что-то сказать, но смутился и стал рукавом обтирать приклад своей винтовки. С минуту мы простояли молча, затем еще раз пожали друг другу руки и разошлись. Он свернул на протоку, влево, а мы пошли прямо по дороге. Отойдя немного, я оглянулся и увидел

* Речь здесь идет, разумеется, о планетах. *(Прим. ред.)*

гольда. Он вышел на галечниковую отмель и рассматривал на снегу чьи-то следы... Я окликнул его и стал махать головным убором. Дерсу отвечал мне рукой.

«Прощай, Дерсу», — подумал я про себя и пошел дальше. Казаки потянулись за мной.

Теперь перед нами расстилалась равнина, покрытая сухой буро-желтой травой и занесенная снегом. Ветер гулял по ней, трепал сухие былинки. За туманными горами на западе догорала вечерняя заря, а со стороны востока уже надвигалась холодная темная ночь. На станции зажглись белые, красные и зеленые огоньки.

За этот день мы так устали, как не уставали за все время путешествия. Люди растянулись и шли вразброд. До железной дороги оставалось километра два, но это небольшое расстояние далось нам хуже двадцати в начале путешествия. Собрав последние остатки сил, мы потащились к станции, но, не дойдя до нее каких-нибудь двухсот—трехсот шагов, сели отдыхать на шпалы. Проходившие мимо рабочие удивились тому, что мы отдыхаем так близко от станции. Один мастеровой даже пошутил.

— Должно быть, до станции далеко, — сказал он товарищу со смехом.

Нам было не до шуток. Жандармы тоже поглядывали подозрительно и, вероятно, принимали нас за бродяг. Наконец мы добрели до поселка и остановились в первой попавшейся гостинице. Городской житель, наверное, возмущался бы ее обстановкой, дороговизной и грязью, но мне она показалась раем. Мы заняли два номера и расположились с большим комфортом.

Все трудности и все лишения остались позади. Сразу появился интерес к газетам. Я все время вспоминал Дерсу. «Где-то он теперь? - думал я. — Вероятно, устроил себе бивак где-нибудь под берегом, натаскал дров, разложил костер и дремлет с трубкой во рту». С этими мыслями я уснул.

Утром я проснулся рано. Первая мысль, которая мне доставила наслаждение, было сознание, что более нести котомку не надо. Я долго нежился в кровати. Затем оделся и пошел к начальнику Иманского участка Уссурийского казачьего войска Г.Ф. Февралеву. Он принял меня очень любезно и выручил деньгами.

Вечером мы ходили в баню. За время путешествия я так сжился с казаками, что мне не хотелось от них отделяться. После бани мы все вместе пили чай. Это было в последний раз. Вскоре пришел поезд, и мы разошлись по вагонам.

Семнадцатого ноября мы прибыли в Хабаровск.

ПРИМЕЧАНИЯ*

[1] Да-цзянь-шань — большие остроконечные горы.

[2] Дао-бин-хэ — река, где было много сражений.

[3] Су-чан — площадь, засеваемая растением су-цзы, из которого добывают так называемое травяное масло. (См. примечание Г. Левкина на с. 41. — *Ред.*)

[4] Тан-гоу-цзы — болотистая падь.

[5] Сан — разлившееся озеро.

[6] Эр-цзо-цзы — вторая заповедь.

[7] Майхе — река, где сеют много пшеницы.

[8] Мушкетов Д. Н. Геологическое описание района Сучанской ж. д. 1910.

[9] Пржевальский Н. М. Путешествие в Уссурийском крае. 1867—1869гг. Спб., 1870. С. 135—136.

[10] В 1902 г. в селении насчитывалось 88 семейств.

[11] Решетчатые окна в китайских фанзах оклеиваются тонкой бумагой.

[12] Гань-гоу-цзы — сухая падь (долина).

[13] Научные названия животных получены из музея во Владивостоке. (Латинские названия растений и животных в данном издании опущены. Они во многом устарели, а в ряде случаев ошибочны. Изменения в русских названиях оговорены в подстрочных примечаниях. — *Ред.*)

[14] У-ла-хэ — река, где растет много травы у-ла, которую вкладывают в охотничью обувь. (См. примечание Г. Левкина на с. 46. — *Ред.)*

[15] Обувь, сшитая из сохатиной или изюбровой кожи, выделанной под замшу. (См. примечание Г. Левкина на с. 50. — *Ред.*)

[16] Туземцы Восточной Сибири всех государственных служащих в обращении называли капитанами.

[17] Местное название узкой долины.

[18] Прочная синяя материя, из которой китайцы шьют одежду.

[19] Ле-фу-хэ — река счастливой охоты.

[20] Ту-дин-цзы — земляная вершина.

[21] Употребляется китайцами как лекарство от трахомы.

[22] Плоды стельных маток идут на изготовление лекарств.

[23] Основание селения относится к 1883 году.

[24] Село Казакевичево основано в 1872 году.

[25] Основана в 1885 году.

[26] Сан-дао-ган — увал, по которому проходит третья дорога, или третий увал на пути.

[27] Ху-ни-хэ-цзы — грязная речка.

[28] Чай-дин-цзы — вершина, где есть дрова.

---

* Примечания принадлежат В. К. Арсеньеву. (В скобках даются отсылки на примечания нашего комментатора Г.Г. Левкина или редакционные уточнения.)

[29] Сяо-хэ-цзы — маленькая речка.

[30] Сяо-цзы-гау — долина семьи Сяо.

[31] Бай-мин-хэ — речка ста имен, то есть река, на которой живут многие.

[32] Сунчжа-Ачан — вероятно, название маньчжурское, означающее пять связей — пять сходящихся лучей, пять отрогов и т.д.

[33] М и ч и А. Путешествие по Восточной Сибири. 1868. С. 339. Автор реку Сунгачу называет Зунгачан.

[34] Суйфунь — маньчжурское слово, означающее «шило».

[35] Так гольды называют Сихотэ-Алинь.

[36] Так сибиряки называют комаров и мошек.

[37] Большая часть была дана из Военно-топографического отдела.

[38] Изгибы реки.

[39] Самые низкие места, по которым сбегает вода.

[40] Хань-дэ-динь-цзы-сы — вершина с кумирней Хань-дэ («китайской добродетели»).

[41] Ди-эр-динь-цзы — вторая вершина.

[42] Хоу-дяиз — второй (задний) постоялый двор.

[43] Ши-тоу-хэ — каменистая речка.

[44] Тоу-да-гоу — первая большая долина.

[45] Эр-да-гоу — вторая большая долина.

[46] Сань-да-гоу — третья большая долина.

[47] Сы-да-гоу — четвертая большая долина.

[48] Хань-ни-хэ-цзы — речка с засохшей грязью.

[49] Янь-цзы-гоу — долина с прогалинами.

[50] Чао-тан-гоу-цзы — падь, долина, обращенная к солнцу.

[51] Ха-ма-хэ-цзы — жабья речка.

[52] Дао-био-хэ-цзы — малая Дао-бин-хэ.

[53] Угэ-дин-цзы — пятая вершина.

[54] Короткая и широкая долина с маленьким ручьем.

[55] Чжун-тай-цзы — горный ручей.

[56] Дяо-пи-гоу — соболиная долина.

[57] Ното-хэ — енотовая река.

[58] Вам-ба-хэ-цзы — черепашья река.

[59] Фу-цзинь — маньчжурское слово «фукэжин» — начало.

[60] Хуан-ни-хэ-цзы — речка желтой грязи.

[61] Ван-гоу — извилистая долина.

[62] Тайфун — искаженное китайское слово «тайфынь» — большой ветер, как называют тихоокеанские циклоны.

[63] Се-бу-ча-эр — косогор, где нужно ногу ставить вкось.

[64] Та-ба-хэ-за — тройной поток.

[65] Ян-му-гоу-цзы — тополевая долина.

[66] Маньчжурское название водораздельного горного хребта.

[67] По-корейски водка называется «сули».

[68] Корзины, сплетенные из прутьев и оклеенные материей, похожей на бумагу, но настолько прочной, что она не пропускает даже спирт.

[69] Местное выражение, означающее сухую погоду при облачном небе.

[70] Две последние буквы произносятся чуть слышно.

[71] Цай-дун — владелец капитала.

[72] Ли-фу-цзинь — внутренний Фу-цзинь.

[73] Чао-су — черная сосна.
[74] Мелкая ночная мошка.
[75] И-да-фоу-цзы — долина первой дороги.
[76] Чжу-цзя-ма-гоу — долина семьи Чжу, где растет конопля.
[77] Вай-чу-цзынь — внешний Фу-цзынь, текущий в сторону, обращенную к морю. Смотри примечания 59 и 72.
[78] Син-гуань-да-гоу — пыльная большая голая долина.
[79] Тан-ню-гоу-цзы — долина, где в топи завязла корова.
[80] Хэй-му-да-гоу — большая долина с черными деревьями.
[81] Куань-дин-цзы — широкая долина.
[82] Сянь-ян-ла-цзы — скала, обращенная к солнцу.
[83] Ча-ми-гоу-цзы — долина, в которой легко заблудиться.
[84] Ли-ся-гоу — нижняя грушевая долина.
[85] Ши-мынь — каменные ворота.
[86] Сухостой, оставшийся после пожара.
[87] Пу-сун — обширный кедровник.
[88] Местное выражение, означающее сырой, влажный на ощупь, но не мокрый предмет.
[89] Рыба, похожая на горную форель.
[90] Да-дун-гоу — большая восточная долина.
[91] Чен-цзы-гоу — долина с городком (валом).
[92] Сяо-пао-цзы — малая заводь.
[93] Охота за оленями в начале лета ради добычи пантов.
[94] Дун-гоу — восточная долина.
[95] Гань-хэ-цзы — сухая речка.
[96] Ли-ба-гоу-цзы — долина с изгородью для ловли зверей.
[97] Ди-та-гоу-цзы — долина с обвалившейся почвой.
[98] Гуан-да-гоу — большая голая долина.
[99] Сяо-ли-ся-гоу — малая нижняя грушевая долина.
[100] Да-ли-ся-гоу — большая нижняя грушевая долина.
[101] Ю-шан-гоу — правая верхняя долина.
[102] Си-бей-гоу — северо-западная долина.
[103] Хай-ся-цзы-гоу — медвежья долина.
[104] Цы-мынь-со-гоу — долина семи разбросанных.
[105] Ди-та-шань — невысокая гора в виде башни. (См. примечание Г. Левкина на с. 210. — *Ред.*)
[106] Цинь-гоу-цзы — чистая долина.
[107] Водочный, винокуренный.
[108] Сяо-ин-цзы — малый лагерь.
[109] Вань-гоу — извилистая долина.
[110] Янь-тун-ла-цзы — скала в виде печной трубы.
[111] Цинь-гоу-цзы — чистая долина.
[112] Ча-эр-гоу-дзы — разветвляющаяся долина.
[113] Люй-дянь-цзы-ян-гоу — зеленое козье пастбище.
[114] Ша-тянь-гоу — долина с песчаными полями.
[115] Са-лин-гоу — долина, идущая с рассыпного хребта.
[116] Дун-бей-ца — северо-восточный распадок.
[117] Цун-жун-гоу — поляна в лесу около реки.
[118] Да-бэй-ца — большой северный распадок.
[119] Да-нан-ца — большой южный распадок.

[120] Место, где сливаются две речки.
[121] Цао-цао-гоу-цзы — долина Цао-Цао.
[122] Дун-ча — восточное разветвление.
[123] Сяо-ча — малое разветвление.
[124] Сяо-ван-гоу-эр — малая извилистая долина.
[125] Да-си-ча — большое западное разветвление.
[126] Сяо-си-ча — малое западное разветвление.
[127] Да-ла-цзы-гоу — долина большой скалы.
[128] Цзынь-цзы-хэ — золотая река.
[129] У-да-гоу — пятая большая долина.
[130] Си-ча — западное разветвление.
[131] Да-ма-ча-цзы-гоу — долина, где растет высокая конопля.
[132] Пань-чан-гоу — долина, извилистая, как кишка.
[133] Хэй-ба-тоу — черный лодочник.
[134] Да-дянь-цзы — обширное пастбище.
[135] Вань-да-гоу — извилистая большая долина.
[136] Цзю-цзи-хэ — девятая быстрая река.
[137] Сы-сянь-дунь-эр — пещера четырех духов.
[138] Си-бей-гоу — северо-западная долина.
[139] Узкие места долины со скалистыми обрывами.
[140] Помост на ветвях дерева, на котором охотники подкарауливают зверя.
[141] Или, «река, по которой много леса».
[142] Хун-та-ми - гора в виде большой буддийской пагоды.
[143] Сян-ян-гоу — долина, обращенная к солнцу.
[144] Нан-ча — южное разветвление.
[145] Левый приток реки Санхобе.
[146] Так все маньчжурские народности называют русских.
[147] Так удэгейцы называют разбойников. (Отсюда не следует делать вывод, что это слово удэгейское. В Восточной Сибири чалдонами называли беглых каторжников, разбойников и вообще подозрительных людей. Так могли называть и чужака — человека иного происхождения, иной национальности, иных обычаев и нравов. На Амур это слово “занесли” русские переселенцы из Сибири. — *Ред.*)
[148] Сан-га-цзы — тройной распадок.
[149] Ян-ху — переполненное озеро.
[150] Сяо-бей-ча — малое северное разветвление.
[151] Сяо-нан-ча — малое южное разветвление.
[152] Си-цзя-тунь — военный поселок Си-цзя.
[153] Дунь-да-гоу — большая восточная долина.
[154] Хуа-цзянь-гоу — долина, в которой много цветов.
[155] Ю-пи-гоу — долина рыбьей кожи.
[156] Мо-чу-цзы-гоу — долина, где растет много грибов.
[157] Ту-фан-гоу — долина с домами из земли.
[158] Ян-му-дин-цзы — тополевая вершина.
[159] Ма-чан-гоу — долина с пастбищами для лошадей.
[160] Сы-фан-гоу — четырехугольная долина.
[161] Да-у-хэ-ми-гоу — заросшая долина на пятой большой реке.
[162] Да-я-гоу — большая утиная долина.
[163] Ма-и-гоу — муравьиная долина.
[164] Пи-ли-гоу — долина груш.

[165] Сянь-ши-хэ-цзы — ароматная речка.
[166] Ло-цзы-гоу — долина, имеющая форму лемеха плуга.
[167] Да-ши-тоу-хэ — большая каменистая река.
[168] Хэй-шань-гоу — долина черных гор.
[169] Лао-ма-цзы-гоу — тигровый след.
[170] Май-да-гоу-цзы — большая каменноугольная долина.
[171] Сяо-си-бей-хэ — малая северо-западная река.
[172] Дя-янь-гоу — долина, засеянная маком для сбора опия.
[173] Цао-ло-гоу-цзы — долина с завядшей травой.
[174] Чан-цзун-цзы — длинный клюв.
[175] Си-бэй-ча — северо-западная развилина.
[176] Хань-хэ-цзы — пересыхающая река.
[177] Бэй-ла-цзы — северная скала.
[178] Сяо-си-бэй-ча — малое северо-западное разветвление.
[179] Сан-ча-цзы — тройной распадок.
[180] Бэй-чу-хэ — река, текущая с севера.
[181] Ши-тоу-хэ — каменистая речка.
[182] Дяо-пи-гоу — соболиная долина.
[183] Чи-му-ча-гоу-цзы — долина и речка с мостом на козлах.
[184] Бао-ма-цзы-гоу — долина барсов.
[185] Да-минь-го-цзы — долина большого хребта.
[186] Сань-да-пао-цзы — третья большая заводь.
[187] Као-лян-тун — снежный поселок.
[188] Да-гоу-цзы — большая долина.
[189] Лао-гуа-цзуй-цзы — вороний клюв.
[190] Да-цзы-гоу — долина, где живут «да-цзы».
[191] Хуан-ми-хэ-цзы — речка, по которой растет липкое просо.
[192] Хен-ху-дао — обычный тигровый путь.
[193] Лао-фан-цзы — старый дом.
[194] Гао-цзы-шань — гора со рвом.
[195] Нэй-чу-хэ — река, вытекающая изнутри.
[196] Хэй-ни-дао — дорога с черной грязью.
[197] Шань-гао-чэн — горный вал.
[198] Хоу-ши — толстый камень.
[199] Сяо-шань-цун-цзы — маленькая остроконечная гора, похожая на долото.
[200] Хэй-хэ — черная речка.
[201] Ша-тоу-хэ — песчаная речка.
[202] Сяо-хэ-цзы — маленькая речка.

ДЕРСУ УЗАЛА

Глава первая

Отъезд

План экспедиции. — Мулы. — Конское снаряжение. — Инвентарь. — Питательные базы. — Прибытие Дерсу. — Помощь, оказанная моряками. — Залив Петра Великого. — Остров Аскольд. — Залив Преображения. — Плавание на миноносцах. — Прибытие в залив Ольги. — Высадка на берег. — Горбуша

С января до апреля я был занят составлением отчетов за прошлую экспедицию и только в половине мая мог начать сборы в новое путешествие. В этих сборах есть всегда много прелести. Общий план экспедиции был давно уже предрешен, оставалось только разработать детали.

Теперь обследованию подлежала центральная часть Сихотэ-Алиня, между 45° и 47° северной широты, побережье моря от того места, где были закончены работы в прошлом году, — значит, от бухты Терней к северу, сколько позволит время, и затем маршрут по Бикину до реки Уссури.

Организация экспедиции 1907 года в общих чертах была такая же, как и в 1906 году. Изменения были сделаны только по некоторым пунктам на основании прошлогоднего опыта.

Новый отряд состоял из девяти стрелков*, ботаника Н.А. Десулави, студента Киевского университета П.П. Бордакова и моего помощника А.И. Мерзлякова. В качестве вольнонаемного препаратора пошел брат последнего Г. И. Мерзляков. Лошади на этот раз были заменены мулами. Обладая более твердым шагом, они хорошо ходят в горах и невзыскательны на корм, но зато вязнут в бо-

---

Подстрочные примечания, касающиеся физико-географических объектов, упоминаемых В.К. Арсеньевым, составлены Г.Г. Левкиным. Примечания самого Арсеньева снабжены пометой *Авт.*, редакторов издания — *Ред.*

* Сагид Сабитов, Степан Аринин, Иван Туртыгин, Иван Фокин, Василий Захаров, Эдуард Калиновский, Василий Легейда, Дмитрий Дьяков и Степан Казимирчук. *(Прим. авт.)*

лотах. В отряде остались те же собаки: Леший и Альпа.

В конском снаряжении пришлось сделать некоторые изменения. Из опыта выяснилось, что путы — вещь малопригодная. Они цепляются за пни, кусты и сильно стесняют движения коней, иногда совершенно привязывая их к месту. Лошади часто их рвут и теряют, в особенности в сырую и дождливую погоду. Вместо пут мы купили канат для коновязи, недоуздки в двойном числе и колокольчики.

В хозяйственной части тоже пришлось кое-что изменить. Например, мы совершенно отказались от медных чайников. Они тяжелы, требуют постоянной полуды, у них часто отпаиваются носики. Несравненно лучше простые алюминиевые котелки разного диаметра. Они прочны, дешевы, легки и при переноске вкладываются один в другой. Для ловли рыбы в реках мы захватили с собой маленький бредень.

Самое важное в походе — уметь предохранить спички от сырости. Сплошь и рядом случается вымокнуть до последней нитки. В таких случаях никакая обертка из кожи или резины не помогает. Во время ненастья спички не загораются даже тогда, когда они не были подмочены. Самое лучшее средство — укупорить спички в деревянную коробку с хорошо пригнанной крышкой. От сырости дерево разбухает, и крышка еще плотней прижимается к краям коробки. Этот неприкосновенный запас спичек я хранил в своей сумке. Стрелкам для табака были куплены резиновые кисеты с затяжными завязками. Кроме того, на всякий случай, мы захватили с собой целлулоид, кремень, огниво, трут и жженую тряпку.

Инструменты и приборы были те же, что и в прошлом году. Только прибавился плотничий инструмент: бурав диаметром в 8 миллиметров, рубанок, долото, напильник и поперечная пила с разводкой. Фотографические пластинки для предохранения от сырости были запаяны в цинковые коробки — в каждой по дюжине. Не были забыты и подарки для туземных женщин и детей в виде бус, пуговиц, гаруса, шелковых ниток, иголок, зеркал, перочинных ножиков, серег, колец, разных брелоков, цепочек, стекляруса и т.д. Самыми ценными подарками для мужчин были топоры, пилы, берданки кавалерийского образца и огнеприпасы.

За месяц вперед А.И. Мерзляков был командирован во Владивосток за покупкой мулов для экспедиции. Важно было приобрести животных некованых, с крепкими копы-

тами. Мерзлякову поручено было отправить мулов на пароходе в залив Рында, где и оставить их под присмотром трех стрелков, а самому ехать дальше и устроить на побережье моря питательные базы. Таких баз намечено было пять: в заливе Джигит*, в бухте Терней, на реке Такеме**, на реке Амагу и на реке Кумуху, у мыса Кузнецова.

В апреле все было закончено, и А.И. Мерзляков выехал во Владивосток. Надо было еще исполнить некоторые предварительные работы, и потому я остался в Хабаровске еще недели на две.

Я воспользовался этой задержкой и послал Захарова в Анучино искать Дерсу. Он должен был вернуться к Уссурийской железной дороге и ждать моих распоряжений.

От села Осиновки Захаров поехал на почтовых лошадях, заглядывая в каждую фанзу и расспрашивая встречных, не видел ли кто-нибудь старика гольда из рода Узала. Немного не доезжая урочища Анучино, в фанзочке на краю дороги, он застал какого-то туземного охотника, который увязывал котомку и разговаривал сам с собою.

На вопрос, не знает ли он гольда Дерсу Узала, охотник отвечал:

— Это моя.

Тогда Захаров объяснил ему, зачем он приехал. Дерсу тотчас стал собираться. Переночевали они в Анучине и наутро отправились обратно. 13 июня я покончил свои работы и распрощался с Хабаровском. На станции Ипполитовке Захаров и Дерсу прожили четверо суток, затем по моей телеграмме вышли к поезду и сели в наш вагон.

Я очень обрадовался приезду Дерсу. Целый день мы провели с ним в разговорах. Гольд рассказывал мне о том, как в верховьях реки Санда-Ваку зимой он поймал двух соболей, которых выменял у китайцев на одеяло, топор, котелок и чайник, а на оставшиеся деньги купил китайской дрели***, из которой сшил себе новую палатку. Патроны

---

* Залив Джигит назван именем клипера "Джигит", участвовавшего в исследованиях дальневосточных морей в 1860-х гг.

** Река Такема некоторое время носила название Великая Кема. Впадает в бухту Штормовая.

*** Ни в одном из справочников нет упоминания о ткани "дрель". Однако в архивных источниках, относящихся к 20-м годам, встречаются упоминания о поставках в армию ткани с таким названием. Китайской дрелью Дерсу мог назвать материю китайского производства аналогичного типа.

он купил у русских охотников; удэгейские женщины сшили ему обувь, штаны и куртку. Когда снега начали таять, он перешел в урочище Анучино и здесь жил у знакомого старика гольда. Видя, что я долго не являюсь, он занялся охотой и убил пантача-оленя.

Между прочим, в Анучине его обокрали. Там он познакомился с каким-то промышленником и по своей наивной простоте рассказал ему о том, что соболевал зимою на реке Ваку и выгодно продал соболей. Промышленник предложил ему зайти в кабак и выпить вина. Дерсу охотно согласился. Почувствовав в голове хмель, гольд отдал своему новому приятелю на хранение все деньги. На другой день, когда Дерсу проснулся, промышленник исчез. Дерсу никак не мог этого понять. Люди его племени всегда отдавали друг другу на хранение меха и деньги, и никогда ничего не пропадало.

В то время правильного пароходного сообщения по побережью Японского моря не существовало. Переселенческое управление первый раз, в виде опыта, зафрахтовало пароход «Эльдорадо», который ходил только до залива Джигит. Определенных рейсов еще не было, и сама администрация не знала, когда вернется пароход и когда он снова отправится в плавание.

Нам не повезло. Мы приехали во Владивосток два дня спустя после ухода «Эльдорадо». Меня выручили П.Г. Тигерстедт и А.Н. Пель, предложив отправиться с ними на миноносцах. Они должны были идти к Шантарским островам и по пути обещали доставить меня и моих спутников в залив Джигит*.

Двадцать второго июня, после полудня, мы перебрались на суда. Вечером в каюте беседы наши с моряками затянулись далеко за полночь. Я рассчитывал хорошо уснуть, но не удалось. Задолго до рассвета поднялся сильный шум — снимались с якоря. Я оделся и вышел на палубу. Занималась заря; от воды поднимался густой туман; было холодно и сыро. Чтобы не мешать матросам, я спустился обратно в каюту, достал из чемодана тетради и начал свой дневник. Вскоре легкая качка известила о том, что мы вышли в открытое море. Шум на палубе стал стихать.

На морской карте Лаперуза 1787 года залив Петра Великого называется заливом Виктории. Посредством Альбертова полуострова (ныне называемого полуостровом Му-

---

* Отряд состоял из пяти миноносцев: «Грозный», «Гремячий», «Стерегущий», «Бесшумный» и «Бойкий». *(Прим. авт.)*

равьева-Амурского) и Евгениева архипелага (острова Русский, Шкота, Попова, Рейнеке и Кикорд*) он делится на две части: залив Наполеона (Уссурийский залив) и бухту Герин (Амурский залив).

Часов около десяти с половиной миноносцы были на траверсе острова Аскольда, называемого китайцами Циндао, что значит — Зеленый остров (42°47' северной широты и 160°2' восточной долготы от острова Ферро, знак на мысе Северо-западном)**. Этот какими-то силами оторванный от материка кусок суши с высокими скалистыми берегами имеет форму подковы, обращенной открытой стороной к югу. Продолжением его по направлению к материку будет остров Путятин и мыс Майдль***. Ныне Аскольд известен как естественный питомник пятнистых оленей.

Лет пятнадцать тому назад здесь было до четырех тысяч оленей. Вследствие браконьерства, глубоких снегов и прогрессивного ухудшения подножного корма животные стали быстро сокращаться в числе, и теперь на всем острове их насчитывается не более полутораста голов. Выбирая только кормовые травы, олени тем самым способствовали распространению по острову растений, негодных для корма. Полная изоляция и кровосмешение уменьшили плодовитость до минимума. Олени вымрут, если к ним не будет влита новая кровь с материка. Владивостокское общество любителей охоты, которому принадлежал тогда остров, мало думало об этом, и в настоящее время Аскольдский питомник на краю гибели.

Другой достопримечательностью острова будет золотой прииск. Разработка производится раздроблением рудной породы и затем извлечением из нее золота при помощи амальгамирования ртутью.

В открытом море нам встретились киты-полосатики и касатки. Киты плыли медленно в раз взятом направлении, мало обращая внимания на миноносцы, но касатки погнались за судами и, когда поравнялись с нами, начали выскакивать из воды. Стрелок Загурский стрелял; два раза он

---

* Ошибка или опечатка старых изданий. Правильно - залив Рикорда.

** Координаты острова Аскольд - 42°45' с.ш. и 132°19' в.д. В 1859 г. остров был нанесен на карту как Маячный, в 1863 г. переименован в Аскольд по наименованию пролива, который был назван в честь фрегата "Аскольд", плававшего в дальневосточных морях в 1857-1860 гг.

*** Мыс Майделя. Назван по имени капитан-лейтенанта Г.Г. Майделя, командира клипера "Джигит", участвовавшего в гидрографических исследованиях берегов Японского моря.

промахнулся, а в третий раз попал. На воде появилось большое кровавое пятно. После этого все касатки сразу исчезли.

К сумеркам мы дошли до залива Америка* и здесь заночевали, а на другой день отправились дальше. После полудня 27 июня мы обогнули мыс Поворотный и взяли курс на NO (норд-ост). Часа в четыре дня погода начала портиться, с востока стал надвигаться туман, и, хотя ветра еще не было, море сильно волновалось. Это объясняется тем, что волны часто обгоняют ветер.

Миноносцы шли осторожно, ощупью, соразмеряя свой ход с показаниями лага. Надо удивляться, как в темноте и в таком тумане моряки разыскали залив Преображения и через узкий проход прошли в бухту (42°54' северной широты и 151°34' восточной долготы)**.

Ночью поднялся сильный ветер, и море разбушевалось. Утром, несмотря на непогоду, миноносцы снялись с якоря и пошли дальше. Я не мог сидеть в каюте и вышел на палубу. Следом за «Грозным» шли другие миноносцы в кильватерной колонне. Ближайшим к нам был миноносец «Бесшумный». Он то спускался в глубокие промежутки между волнами, то вновь взбегал на валы, увенчанные белыми гребнями. Когда пенистая волна накрывала легкое суденышко с носа, казалось, что вот-вот море поглотит его совсем, но вода скатывалась с палубы, миноносец всплывал на поверхность и упрямо шел вперед. Когда мы вошли в залив Ольги, было уже темно. Мы решили провести ночь на суше и потому съехали на берег и развели костер.

Дерсу, против ожидания, легко перенес морскую качку. Он и миноносец считал живым существом.

— Моя хорошо понимай — его, — он указывал на миноносец «Грозный», — сегодня шибко сердился.

Мы уселись у костра и стали разговаривать. Наступила ночь. Туман, лежавший доселе на поверхности воды, поднялся кверху и превратился в тучи. Раза два принимался накрапывать дождь. Вокруг нашего костра было темно — ничего не видно. Слышно было, как ветер трепал кусты и деревья, как неистовствовало море и лаяли в селении собаки.

Наконец стало светать. Вспыхнувшую было на востоке зарю тотчас опять заволокло тучами. Теперь уже все было

---

* Залив Америка назван в 1859 г. в честь пароходокорвета "Америка". Переименован в залив Находка по имени бухты Находка в 1973 г.

** Долгота залива Преображения 133°53'.

видно: тропу, кусты, камни, берег залива, чью-то опрокинутую вверх дном лодку. Под ней спал китаец.

Я разбудил его и попросил подвезти нас к миноносцу.

На судах еще кое-где горели огни. У трапа меня встретил вахтенный начальник. Я извинился за беспокойство, затем пошел к себе в каюту, разделся и лег в постель.

За ночь море немного успокоилось, ветер стих, и туман начал рассеиваться. Наконец выглянуло солнце и осветило угрюмые скалистые берега.

Тридцатого числа вечером миноносцы дошли до залива Джигит. П.Г. Тигерстедт предложил мне переночевать на судне, а завтра с рассветом начать выгрузку. Всю ночь качался миноносец на мертвой зыби. Качка была бортовая, и я с нетерпением ждал рассвета. С каким удовольствием мы все сошли на твердую землю! Когда миноносцы стали сниматься с якоря, моряки помахали нам платками, мы ответили им фуражками.

В рупор ветром донесло: «Желаем успеха!» Минут через десять миноносцы скрылись из виду. Местом высадки был назначен залив Джигит, а не бухта Терней, на том основании, что там, вследствие постоянного прибоя, нельзя выгружать мулов. Как только ушли миноносцы, мы стали ставить палатки и собирать дрова. В это время кто-то из людей пошел за водою. Он вернулся и сообщил, что в устье реки бьется много рыбы. Стрелки закинули неводок и поймали столько рыбы, что не могли вытащить сеть на берег. Пойманная рыба оказалась горбушей. Вместе с нею попали еще две небольшие рыбки: огуречник — род корюшки с темными пятнами по бокам и на спине (это было очень странно, потому что идет она вдоль берега моря и никогда не заходит в реки) и колюшка — обитательница заводей и слепых рукавов, вероятно снесенная к устью быстрым течением реки.

Горбуша не имела еще такого безобразного вида, который она приобретает впоследствии, хотя челюсти ее начали уже немного загибаться и на спине появился небольшой горб. Я распорядился взять только несколько рыб, а остальных пустить обратно в воду. Все с жадностью набросились на горбушу, но она скоро приелась, и потом уже никто не обращал на нее внимания.

После полудня мы с Н.А. Десулави пошли осматривать окрестности.

Глава вторая

Пребывание в заливе

Залив Рында. — Вечные переселенцы. — Приспособляемость к местным условиям жизни. — Взгляд на туземцев. — Первобытный коммунизм. — Таинственные следы. — Люди, скрывающиеся в тайге. — Золотая лихорадка. — Экспедиция к заливу Пластун. — Туман. — Потерянный трофей. — Бессонная ночь. — Случайная находка. — Стрельба по утке. — Состязание. — Выстрелы гольда. — Дерсу успокаивает стрелков. — Сказка «О рыбаке и рыбке». — Мнение гольда

Залив Рында находится под 44°47' северной широты и 13°22' восточной долготы от Гринвича* и состоит из двух заливов: северного, именуемого Джигитом, и южного — Пластуна**. Оба они открыты со стороны моря и потому во время непогоды не всегда дают судам защиту. Наибольшая глубина их равна 25—28 метрам. Горный хребет, разделяющий оба упомянутых залива, состоит из кварцевого порфира и порфирита со включением вулканического стекла. Чем ближе к морю, тем горы становятся ниже и на самом берегу представляются холмами высотою от 400 до 580 метров.

На прибрежных лугах около кустарников Десулави обратил мое внимание на следующие растения, особенно часто встречающиеся в этих местах: астру с удлиненными ромбовидными и зазубренными листьями, имеющую цветки фиолетово-желтые с белым хохолком величиной с копейку, расположенные красивой метелкой; особый вид астрагала, корни которого в массе добывают китайцы для лекарственных целей, — это крупное многолетнее растение имеет ветвистый стебель, мелкие листья и многочисленные мелкие бледно-желтые цветки; крупную живокость с синими цветками, у которой вся верхняя часть покрыта нежным пушком; волосистый журавельник с грубыми, глубоко надрезанными листьями и нежными малиновыми цветками; темно-пурпуровую кровохлебку, с ее оригинальными перистыми листьями; крупнолистную горечавку — растение с толстым корнем и толстым стеблем и с синевато-фиолетовыми цветками, прикрытыми

---

* Долгота залива Рында 136°23'. Залив назван в 1888 г. офицерами корвета "Рында", проводившими промеры в бухтах Пластун и Джигит.

** Бухта Пластун описана в 1859 г. офицерами клипера "Пластун" и названа в его честь.

длинными листьями; и наконец из числа сложноцветных Saussurea maximoviczii Herd.*, имеющую высокий стройный стебель, зазубренные лировидные листья и фиолетовые цветки.

Из пернатых в этот день мы видели сокола-сапсана. Он сидел на сухом дереве на берегу реки и, казалось, дремал, но вдруг завидел какую-то птицу и погнался за нею. В другом месте две вороны преследовали сорокопута. Последний прятался от них в кусты, но вороны облетали куст с другой стороны, прыгали с ветки на ветку и старались всячески поймать маленького разбойника. Тут же было несколько овсянок: маленькие рыженькие птички были сильно встревожены криками сорокопута и карканьем ворон и поминутно то садились на ветки деревьев, то опускались на землю.

В окрестностях залива Рында есть пятнистые олени. Они держатся на полуострове Егорова, окаймляющем залив с северо-востока. Раньше их здесь было гораздо больше. В 1904 году выпали глубокие снега, и тогда много оленей погибло от голода.

Дня через три, 7 июля**, пришел пароход «Эльдорадо», но мулов на нем не было. Приходилось, значит, ждать другой оказии. На этом пароходе в Джигит приехали две семьи староверов. Они выгрузились около наших палаток и заночевали на берегу. Вечером я подошел к огню и увидел старика, беседующего с Дерсу. Удивило меня то обстоятельство, что старовер говорил с гольдом таким приятельским тоном, как будто они были давно знакомы между собою. Они вспоминали каких-то китайцев, говорили про тазов и многих называли по именам.

— Должно быть, вы раньше встречали друг друга? — спросил я старика.

— Как же, как же, — отвечал старовер, — я давно знаю Дерсу. Он был еще молодым, когда мы вместе с ним ходили на охоту.

И опять они принялись делиться воспоминаниями: вспомнили, как ходили за пантами, как стреляли медведей, вспоминали какого-то китайца, которого называли Косозубым, вспоминали переселенцев, которых называли странными прозвищами — Зеленый Змий и Деревянное Ботало. Первый, по их словам, отличался злобным

---

* Соссюрея Максимовича. Русские названия этого рода — голубушка, горькуша. *(Прим. ред.)*

** Разночтения: на с. 373 сказано, что "Эльдорадо" доставил мулов 28 июня, а 1 июля выступили в путь от залива Джигит.

характером, второй — чрезмерной болтливостью. Гольд отвечал и смеялся от души. Старик угощал его медом и калачиками. Мне приятно было видеть, что Дерсу любят. Старовер пригласил меня присесть к огню, и мы разговорились.

Дерсу не дождался конца нашей беседы и ушел, а я еще долго сидел у старика и слушал его рассказы. Когда я собрался уходить, случайно разговор опять перешел на Дерсу.

— Хороший он человек, правдивый, — говорил старовер. — Одно только плохо — нехристь он, азиат, в бога не верует, а вот, поди-ка, живет на земле все равно так же, как и я. Чудно, право! И что с ним только на том свете будет?

— Да то же, что со мной и с тобой, — ответил я ему.

— Оборони, царица небесная, — сказал старовер и перекрестился. — Я истинный христианин по церкви апостольской, а он что? Нехристь. У него и души-то нет, а пар.

Старовер с пренебрежением плюнул и стал укладываться на ночь. Я распрощался с ним и пошел к своему биваку. У огня с солдатами сидел Дерсу. Взглянув на него, я сразу увидел, что он куда-то собирается.

— Ты куда? — спросил я его.

— На охоту, — отвечал он. — Моя хочу один козуля убей — надо староверу помогай, у него детей много. Моя считал — шесть есть.

«Не душа, а пар», — вспомнились мне слова старовера. Хотелось мне отговорить Дерсу ходить на охоту для этого «истинного христианина по церкви апостольской», но этим я доставил бы ему только огорчение, и воздержался.

На другой день утром Дерсу возвратился очень рано. Он убил оленя и просил меня дать ему лошадь для доставки мяса на бивак. Кроме того, он сказал, что видел свежие следы такой обуви, которой нет ни у кого в нашем отряде и ни у кого из староверов. По его словам, неизвестных людей было трое. У двоих были новые сапоги, а у третьего старые, стоптанные, с железными подковами на каблуках. Зная наблюдательность Дерсу, я нисколько не сомневался в правильности его выводов.

Часам к десяти утра Дерсу возвратился и привез с собой мясо. Он разделил его на три части. Одну часть отдал солдатам, другую — староверам, третью — китайцам соседних фанз. Стрелки стали протестовать.

— Нельзя, — возразил Дерсу. — Наша так не могу. Надо

кругом люди давай. Чего-чего один люди кушай — грех.

Этот первобытный коммунизм всегда красной нитью проходил во всех его действиях.

Трудами своей охоты он одинаково делился со всеми соседями, независимо от национальности, и себе оставлял ровно столько, сколько давал другим.

Дня через два я, Дерсу и Захаров переправились на другую сторону залива Джигит. Не успели мы отойти от берега и ста шагов, как Дерсу опять нашел чьи-то следы. Они привели нас к оставленному биваку. Дерсу принялся осматривать его с большим вниманием. Он установил, что здесь ночевали русские — четыре человека, что приехали они из города и раньше никогда в тайге не бывали. Первое свое заключение он вывел из того, что на земле валялись коробки из-под папирос, банки из-под консервов, газеты и корка такого хлеба, какой продается в городе. Второе он усмотрел из неумелого устройства бивака, костра и, главное, по дровам. Видно было, что ночевавшие собирали всякий рухляк, какой попадался им под руку, причем у одного из них сгорело одеяло.

С тех пор все чаще и чаще приходилось слышать о каких-то людях, скрывающихся в тайге. То видели их самих, то находили биваки, лодки, спрятанные в кустах, и т.д. Это становилось подозрительным. Если бы это были китайцы, мы усмотрели бы в них хунхузов. Но, судя по следам, это были русские.

Каждый день приносил что-нибудь новое. Наконец недостаток продовольствия принудил этих таинственных людей выйти из лесу. Некоторые из них явились к нам в бивак с просьбой продать им сухарей. Естественно, начались расспросы, из которых выяснилось следующее.

Во Владивостоке в начале этого года разнесся слух, что в окрестностях залива Джигит находятся богатейшие золотые россыпи и даже алмазы. Масса безработных в надежде на скорое и легкое обогащение бросилась на побережье моря. Они пробирались туда на лодках, шхунах и на пароходах, небольшими партиями. Высадившись где-нибудь на берег около Джигита, они пешком, с котомками за плечами, тайком пробирались к воображаемому Эльдорадо. Золотая лихорадка охватила всех: и старых и молодых. И в одиночку, и по двое, и по трое, перенося всяческие лишения, усталые, обеспокоенные долгими и тщетными поисками, эти несчастные, по существу душевнобольные, люди бродили в горах в надежде найти хоть крупинку золота. Они тщательно скрывали цели сво-

его приезда, прятались в горах и нарочно распускали самые нелепые слухи, лишь бы сбить с толку своих конкурентов. Они все перессорились между собою и начали следить друг за другом. Когда без всяких данных одна партия шла искать золото в какой-нибудь распадок, другой казалось, что именно там-то и есть алмазы. Эта другая партия старалась опередить первую, и нередко дело доходило до кровопролития. Видя, что золото не так-то легко найти и что для этого нужны опыт, время и деньги, они решили поселиться тут же, где-нибудь поблизости. Тогда они отправились во Владивосток и, получив в переселенческом управлении денежные пособия, возвратились назад в качестве переселенцев. Часть золотоискателей поселилась в бухте Терней.

В заливе Джигит нам пришлось просидеть около двух недель. Надо было дождаться мулов во что бы то ни стало. Без вьючных животных мы не могли тронуться в путь. Воспользовавшись этим временем, я занялся обследованием ближайших окрестностей по направлению к заливу Пластун, где в прошлом году у Дерсу произошла встреча с хунхузами. Один раз я ходил на реку Кулему* и один раз на север по побережью моря.

По возвращении с этих работ я занялся вычерчиванием съемок. Н.А. Десулави ботанизировал на берегу моря, а П.П. Бордаков все эти дни проводил с Дерсу. Он расспрашивал его об охоте на тигров, о религии и загробной жизни.

Два дня я просидел в палатке, не отрываясь от планшета. Наконец был нанесен последний штрих и поставлена точка.

Я взял ружье и пошел на охоту за козулями.

У правого края долины Иодзыхе тянутся пологие заболоченные увалы, покрытые тощею травою, кустарниками леспедецы и редколесьем из дуба, липы и белой березы. Между увалами вода промыла длинные овраги. Сюда я и направил свои стопы. Хотя день был солнечный, но со стороны моря ветром гнало туман. Он не проникал далеко на материк и скоро рассеивался в воздухе. Это обычное явление, хорошо известное жителям прибрежного района. В то время как на берегу моря бывает пасмурно и сыро, в горах ясно, сухо и тепло. В сфере нагретого воздуха конденсация пара прекращается, и он становится невидимым для глаза.

Отойдя от бивака километра четыре, я нашел малень-

* Река Кулема - современная Курума, левый приток р. Джигитовки.

кую тропинку и пошел по ней к лесу. Скоро я заметил, что ветки деревьев стали хлестать меня по лицу. Наученный опытом, я понял, что тропа эта зверовая, и, опасаясь, как бы она не завела меня куда-нибудь далеко в сторону, бросил ее и пошел целиною. Здесь я долго бродил по оврагам, но ничего не нашел.

Большая часть дня уже прошла. Приближался вечер. По мере того как становилось прохладнее, туман глубже проникал на материк. Словно грязная вата, он спускался с гор в долины, распространяясь шире и шире и поглощая все, с чем приходил в соприкосновение.

В это время выбежали две козули. Я быстро поднял ружье и выстрелил. Одна козуля упала, другая отбежала немного и остановилась. Я выстрелил второй раз. Она споткнулась, но тотчас оправилась и медленно пошла в кусты. Не теряя времени, я погнался за подранком, но не мог догнать его. Опасаясь потерять ту козулю, которая была уже убита, я повернул назад. Место, где лежал козел, я хорошо не запомнил и, вероятно, прошел мимо него. Тогда я принялся искать его в другом направлении, но тщетно. Кусты и деревья были донельзя похожи друг на друга. Животное пропало, точно провалилось сквозь землю. Я решил вернуться на бивак, а завтра прийти сюда с людьми и возобновить поиски.

Выбрав направление, которое мне казалось правильным, я пошел вдоль оврага.

Вдруг радиус моего кругозора стал быстро сокращаться: навалился густой туман. Точно стеной отделил он меня от остального мира. Теперь я мог видеть только те предметы, которые находились в непосредственной близости от меня. Из тумана навстречу мне поочередно выдвигались то лежащее на земле дерево, то куст лозняка, пень, кочка или еще что-нибудь в этом роде.

В такую погоду сумерки наступают рано. Чтобы не заблудиться, я решил вернуться на тропинку. По моим соображениям, она должна была находиться слева и сзади. Прошел час, другой, а тропинка не попадалась. Тогда я переменил направление и пошел по оврагу, но он стал загибать в сторону. Ночевка в лесу без огня в прошлом году на реке Арзамасовке не послужила мне уроком: я опять не захватил с собой спичек. На выстрелы в воздух ответных сигналов не последовало. Я устал и сел отдохнуть на валежник, но тотчас почувствовал, что начинаю зябнуть. Холодная сырость принудила меня подняться и идти дальше. Должно быть, взошла луна; сквозь туман ее не было

видно, но на земле стало светлее. Часа два еще я бродил наудачу. Местность была поразительно однообразна: поляны, перелески, овраги, кусты, отдельные деревья и валежник на земле — все это было так похоже друг на друга, что по этим предметам никак нельзя было ориентироваться. Наконец я окончательно выбился из сил и, подойдя к первому лежащему на земле дереву, сел на него, опершись спиной на сук, и задремал. Я сильно зяб, постоянно вскакивал и топтался на одном месте. Так промаялся я до утра. Рядом лежало другое дерево. Оно показалось мне знакомым. Я подошел к нему и узнал именно то, на котором я сидел первый раз. Наконец стало светать. В воздухе разлился неясный серовато-синий свет тумана. Туман казался неподвижным и сонным; трава и кусты были мокрые. Мало-помалу начали просыпаться пернатые обитатели леса. Откуда-то появилась ворона. Она каркнула один раз и лениво полетела через поляну. За ней проснулись дятлы, лесные голуби и сизоворонки. Когда стало совсем светло, я стряхнул с себя сонливость и уверенно пошел по краю оврага. Не успел я сделать и девяти шагов от валежника, на котором дремал, как сразу натолкнулся на мертвого козла.

Оказалось, что я все время кружил около него. Досадно мне было за бессонную ночь, но тотчас же это досадное чувство сменилось радостью: я возвращался на бивак не с пустыми руками. Это невинное тщеславие свойственно каждому охотнику.

Скоро стало совсем светло. Солнца не было видно, но во всем чувствовалось его присутствие. Туман быстро рассеивался, кое-где проглянуло синее небо, и вдруг яркие лучи прорезали мглу и осветили мокрую землю. Тогда все стало ясно, стало видно, где я нахожусь и куда надо идти. Странным мне показалось, как это я не мог взять правильное направление ночью. Солнышко пригрело землю, стало тепло, хорошо, и я прибавил шаг.

Через два часа я был на биваке. Товарищи не беспокоились за меня, думая, что я заночевал где-нибудь в фанзе у китайцев. Напившись чаю, я лег на свое место и уснул крепким сном.

Несколько дней спустя после этого мы занимались пристрелкой из ружей. Людям были розданы патроны и указана цель для стрельбы с упора. По окончании пристрелки солдаты стали просить разрешения открыть вольную стрельбу. Стреляли они в бутылку, стреляли в белое пятно на дереве, потом в круглый камешек, поставленный на краю утеса.

Вдруг откуда-то взялась нырковая утка. Не обращая внимания на стрельбу, она спустилась на воду недалеко от берега. Захаров и Сабитов стали в нее целить, и так как каждому хотелось выстрелить первому, то оба горячились, волновались и мешали друг другу. Два выстрела произошли почти одновременно. Одна пуля сделала недолет, а другая всплеснула воду далеко за уткой. Испуганная птица нырнула и вновь всплыла на поверхность воды, но уже дальше от берега. Тогда в нее выстрелил Захаров и тоже не попал. Пуля ударилась в воду совсем в сторону. Утка опять нырнула. Солдаты бросили стрельбу в пятнышко и, выстроившись на берегу в одну линию, открыли частый огонь по уходящей птице, и чем больше они горячились, тем дальше отгоняли птицу. По моим соображениям, она была теперь в шагах трехстах, если не больше. В это время на бивак возвратился Дерсу. Взглянув на него, я сразу понял, что он был навеселе. На лице его играла улыбка. Подойдя к палаткам, он остановился и, прикрыв рукою глаза от солнца, стал смотреть, в кого стреляют солдаты.

Как раз в этот момент выстрелил Калиновский. Пуля сделала такой большой недолет, что даже не напугала птицу. Узнав, что стрелки не могли попасть в утку тогда, когда она была близко, он подошел к ним и, смеясь, сказал:

— Ваша хорошо стреляли. Теперь моя хочу утку гоняй.

Сказав это, он быстро поднял свое ружье и, почти не целясь, выстрелил. Крик удивления вырвался у всех сразу. Пуля ударила под самую птицу так, что обдала ее водой. Утка до того была напугана, что с криком сорвалась с места и, отлетев немного, нырнула в воду. Спустя несколько минут она показалась на поверхности, но уже значительно дальше. С поразительной быстротой Дерсу опять вскинул винтовку и опять выстрелил. Если бы утка не взлетела на воздух, можно было бы подумать, что пуля ударила именно в нее. Теперь птица отлетела очень далеко. Чуть-чуть ее можно было рассмотреть простым глазом. Мы взяли бинокли. Дерсу смеялся и подтрунивал над солдатами. Дмитрий Дьяков, который считал себя хорошим стрелком, стал доказывать, что выстрелы Дерсу были случайными и что он стреляет не хуже гольда. Товарищи предложили ему доказать свое искусство. Дьяков сел на одно колено, долго приспособлялся и долго целился, наконец спустил курок. Пуля сделала рикошет далеко перед уткой. Птица нырнула, но тотчас же опять показалась на повер-

хности. Тогда Дерсу медленно поднял свое ружье, прицелился и выстрелил. В бинокль видно было, как пуля опять вспенила воду под самой уткой.

Вероятно, такое состязание в стрельбе длилось бы еще долго, если бы сама утка не положила ему конец: она снялась с воды и полетела в открытое море.

Вечером я услышал у стрелков громкие разговоры. По настроению я догадался, что они немного выпили. Оказалось, что Дерсу притащил с собой бутылку спирта и угостил им солдат. Вино разгорячило людей, и они начали ссориться между собой.

— Не надо ругаться, — сказал им тихо Дерсу, — слушайте лучше, я вам песню спою. — И, не дождавшись ответа, он начал петь свои сказки.

Сначала его никто не слушал, потом притих один спорщик, за ним другой, третий, и скоро на таборе совсем стало тихо. Дерсу пел что-то печальное, точно он вспомнил родное прошлое и жаловался на судьбу. Песнь его была монотонная, но в ней было что-то такое, что затрагивало самые чувствительные струны души и будило хорошие чувства. Я присел на камень и слушал его грустную песню. «Поселись там, где поют; кто поет, тот худо не думает», — вспомнилась мне старинная швейцарская пословица.

Уже смерклось совсем, зажглись яркие звезды; из-за гор подымалась луна. Ее еще не было видно, но бледный свет уже распространился по всему небу.

Подвыпившие стрелки уснули, а Дерсу все еще пел свою песню, и пел он ее теперь вполголоса — для себя. Я вернулся в палатку, лег на постель и тоже уснул.

На другой день вечером, сидя у костра, я читал стрелкам сказку «О рыбаке и рыбке». Дерсу в это время что-то тесал топором. Он перестал работать, тихонько положил топор на землю и, не изменяя позы, не поворачивая головы, стал слушать. Когда я кончил сказку, Дерсу поднялся и сказал:

— Верно, такой баба много есть. — Он даже плюнул с досады и продолжал: — Бедный старик. Бросил бы он эту бабу, делал бы оморочку да кочевал бы на другое место.

Мы все расхохотались. Сразу сказался взгляд бродячего туземца. Лучший выход из этого положения, по его мнению, был — сделать лодку и перекочевать на другое место.

Поздно вечером я подошел к костру. На дровах сидел Дерсу и задумчиво глядел на огонь. Я спросил его, о чем он думает.

— Шибко жалко старика. Его был смирный люди. Сколько раз к морю ходи, рыбу кричи, — наверно, совсем стоптал свои унты.

Видно было, что сказка «О рыбаке и рыбке» произвела на него сильное впечатление. Поговорив с ним еще немного, я вернулся в свою палатку.

Глава третья

Первый поход

Выступление. — Дерсу находит отряд по следам. — Река Иодзыхе и река Литянгоу. — Население. — Притоки реки Иодзыхе. — Лудева. — Тайга. — Пауки. — Да-Синанца и ее притоки. — Затяжные дожди. — Горбатый таз и его семья. — Бегство тазов от китайцев. — Сон Дерсу и поминки по усопшим

Наконец, после долгого ожидания, в конце июня на пароходе «Эльдорадо» прибыли наши мулы. Это было радостное событие, выведшее нас из бездействия и позволившее выступить в поход.

Пароход стал шагах в четырехстах от устья реки. Мулы были спущены прямо на воду. Они тотчас же сориентировались и поплыли к берегу, где их уже ожидали стрелки.

Двое суток мы пригоняли к мулам седла и налаживали вьюки. 30 июня была последняя дневка, а на следующий день, 1 июля, мы тронулись в путь*.

На реке Иодзыхе наш отряд разделился. Я, Н.А. Десулави и П.П. Бордаков с частью команды отправились на реку Синанцу[1]**, а А.И. Мерзляков с остальными людьми пошел вверх по реке Литянгоу[2]***. Около последних тазовских фанз, в северо-западном углу долины, нам надлежало разойтись. В это время ко мне подошел Дерсу и попросил разрешения остаться на один день у тазов. Завтра

---

* Противоречие в дате прибытия мулов на пароходе "Эльдорадо". См. с. 365.

** Цифрами помечены затекстовые примечания В.К.Арсеньева. Они публикуются в конце книги, после его же комментариев к отдельным главам повести "Дерсу Узала". *(Прим. ред.)*

*** На схемах, составленных В.К.Арсеньевым, р. Литянгоу показана обобщающей рекой, представляющей собой верхнее течение р. Джигитовка от истоков до места слияния с р. Синанца (современная Черемуховая), в действительности это р. Большая Лиановая, левый приток реки Джигитовка.

к вечеру он обещал нас догнать. Я высказал опасения, что он может нас не найти. Гольд громко засмеялся и сказал:

— Тебе иголка нету, птица тоже нету — летай не могу. Тебе земля ходи, нога топчи, след делай. Моя глаза есть — посмотри.

На это у меня уже не было возражений. Я знал его способность разбираться в следах и согласился. Мы пошли дальше, а он остался на реке Иодзыхе. На второй день утром Дерсу действительно нас догнал. По следам он узнал все, что произошло у нас в отряде: он видел места наших привалов, видел, что мы долго стояли на одном месте — именно там, где тропа вдруг сразу оборвалась, видел, что я посылал людей в разные стороны искать дорогу. Здесь один из стрелков переобувался. Из того, что на земле валялся кусочек тряпки с кровью и клочок ваты, он заключил, что кто-то натер ногу, и т.д. Я привык к его анализу, но для стрелков это было откровением. Они с удивлением и любопытством поглядывали на гольда.

Река Иодзыхе[3]* (по-удэгейски — Иеньи) на морских картах названа Владимировкой и почему-то показана маленьким ручейком. Долина ее — шириною около трех верст и имеет левый край возвышенный и гористый, а правый — пологие увалы, поросшие редкой осиною, березой, ольхой и лиственницей. Уловить, где именно долина переходит в горы, нельзя. Выше по реке картина меняется, и горы принимают резко выраженный характер.

Здесь, кроме дуба, растут: черная и белая береза, китайский ясень, орех, клен, пихта, пробковое дерево, тис, акация Маака, осина и липа, а из кустов — лещина, боярышник, калина, таволга и леспедеца.

Река Иодзыхе близ устья разбивается на множество рукавов, из которых один подходит к правой стороне долины. Место это староверы облюбовали для своего будущего поселка**.

Тропа от моря идет вверх по долине так, что все протоки Иодзыхе остаются от нее вправо, но потом, как раз против устья Дунгоу, она переходит реку вброд около фанз, расположенных у подножия широкой террасы, состоящей из глины, песка и угловатых обломков.

Реку Иодзыхе было бы справедливо назвать «козьей ре-

* Река Иодзыхе - это участок р. Джигитовка от устья до правого притока (р. Черемуховая).

** На этом месте теперь расположена деревня Ключи.

кой». Нигде я не видел так много этих грациозных животных, как здесь.

Сибирская козуля крупнее европейской. Сжатое с боков тело ее имеет в длину полтора метра и в высоту 87 сантиметров. Красивая притупленная голова с большими подвижными округленными ушами сидит на длинной шее и у самцов украшена двумя маловетвистыми рогами, на конце вильчатыми и имеющими не более шести отростков. Окраска тела у козули летом темно-ржавая, зимою — буро-серая. Сзади на ляжках, около хвоста, цвет шерсти белый. Хвост очень заметен, когда козуля бежит, сильно вскидывая задом. Охотники называют это пятно «зеркалом». Защитная окраска делает ее совершенно невидимой: цвет шерсти животного сливается с окружающей обстановкой, и видно одно только мелькающее белое «зеркало».

Осенью, в октябре, козуля большими табунами оставляет лесистые местности Уссурийского края и перекочевывает в Маньчжурию. Впрочем, некоторая часть животных остается в приханкайских степях. Заметив место, где табуны коз переплывали через реку, казаки караулили их и избивали во множестве, не разбирая ни пола, ни возраста. С проведением железной дороги и заселением долины Уссури сибирская козуля перестала совершать такие кочевки. Убой животных на переправах сошел на нет, и о таких ходах нынче сохранились только воспоминания.

В общем, дикая коза — пугливое животное, вечно преследуемое четвероногими хищниками и человеком. Она всегда держится настороже и старается уловить малейший намек на опасность при помощи слуха и обоняния. Любимым местопребыванием козули являются лиственные леса, и только вечером она выходит пастись на поляны. Даже и здесь, при полной тишине и спокойствии, козуля все время оглядывается и прислушивается. Убегая в испуге, козуля может делать изумительно огромные прыжки через овраги, кусты и завалы буреломного леса.

В Уссурийском крае козуля обитает повсюду, где только есть поляны и выгоревшие места. Она не выносит высоких гор, покрытых осыпями, и густых хвойных лесов.

Охотятся на козулю ради ее мяса. Зимние шкурки идут на устройство спальных мешков, кухлянок и дох; рога продаются по три рубля за пару.

Любопытно, что козуля охотно мирится с присутствием других животных и совершенно не выносит изюбра. В искусственных питомниках, при совместной жизни, она

погибает. Это особенно заметно на солонцах. Если такие солонцы сперва разыщут козы, они охотно посещают их до тех пор, пока не придут олени. Охотники неоднократно замечали, что как только на солонцах побывали изюбры, козули покидают их на более или менее продолжительное время.

Редколесье в горах, пологие увалы, поросшие кустарниковой растительностью, и широкая долина реки Иодзыхе, покрытая высокими тростниками и полынью, весьма благоприятны для обитания диких коз. Мы часто видели их выбегающими из травы, но они успевали снова так быстро скрываться в заросли, что убить не удалось ни одной.

Кое-где виднелась свежевзрытая земля. Так как домашних свиней содержат в загонах, то оставалось допустить присутствие диких кабанов, что и подтвердилось. А раз здесь были кабаны, значит, должны быть и тигры. Действительно, вскоре около реки на песке мы нашли следы одного очень крупного тигра. Он шел вдоль реки и прятался за валежником. Из этого можно было заключить, что страшный зверь приходил сюда не для утоления жажды, а на охоту за козулями и кабанами.

По рассказам тазов, месяца два тому назад один тигр унес ребенка от самой фанзы. Через несколько дней другой тигр напал на работавшего в поле человека и так сильно изранил его, что он в тот же день умер.

В долине реки Иодзыхе водится много фазанов. Они встречались чуть ли не на каждом шагу. Любимыми местами их обитания были заросли около пашен и плантаций снотворного мака, засеваемого китайцами для сбора опиума. Среди тальниковых зарослей по старицам и протокам изредка попадались и рябчики. Они чем-то кормились на земле и только в случае тревоги взлетали на деревья. В воздухе кружилось несколько белохвостых орланов. Один из них вдруг начал спускаться к реке. Осторожно пробрался я по траве к берегу и стал наблюдать за ним. Он сел на гальку около воды. Тут было несколько ворон, лакомившихся рыбой. Орлан стал их прогонять. Вороны сначала пробовали было обороняться, но, получив несколько сильных ударов клювом, уступили свои места и улетели прочь. Тогда орлан занялся рыболовством. Он прямо вошел в воду и, погрузив в нее брюхо, хвост и крылья, стал прыгать по воде. Не более как через минуту он поймал одну рыбину, вытащил ее на берег и тут же принялся есть. Насытившись, пернатый хищник опять поднялся в воздух. Тотчас к нему

присоединилось еще два орлана. Тогда они стали описывать плавные круги. Они не гонялись друг за другом, а спокойно парили в разных плоскостях, поднимаясь все выше и выше, в беспредельную синеву неба. Скоро они превратились в маленькие, едва заметные точки, и если я не потерял их из виду, то только потому, что не спускал с них глаз.

В это время со стороны дороги я услышал призывные крики. Мои спутники требовали, чтобы я поскорей возвращался. Минут через пять я присоединился к отряду.

В нижнем течении река Иодзыхе принимает в себя три небольших притока: справа — Сяо-Иодзыхе длиной 19 километров и слева — Дунгоу, с которой мы познакомились уже в прошлом году, и Литянгоу, по которой надлежало теперь идти А.И. Мерзлякову*. Река Сяо-Иодзыхе очень живописная. Узенькая извилистая долинка обставлена по краям сравнительно высокими горами. По рассказам, в вершине ее есть мощные жилы серебросвинцовой руды и медного колчедана.

Долина реки Литянгоу какая-то странная — не то поперечная, не то продольная. Местами она расширяется до 1 $^{1}/_{2}$ километра, местами суживается до 200 метров. В нижней части долины есть много полян, засоренных камнями и непригодных для земледелия. Здесь часто встречаются горы и кое-где есть негустые лиственные леса. Чем выше подыматься по долине, тем чаще начинают мелькать темные силуэты хвойных деревьев, которые мало-помалу становятся преобладающими. В верховьях Литянгоу есть одинокая зверовая фанза. От нее тропа поворачивает налево, в горы, и идет на Иман. Подъем на перевал Хунтами** с южной стороны затруднителен; в истоках долина становится очень узкой и завалена камнями и буреломным лесом.

Население окрестностей реки Иодзыхе — смешанное и состоит из китайцев и тазов (удэгейцев). Китайские фан-

---

* В примечаниях В.К. Арсеньева к главе 3 сказано, что Мерзлякову надлежало идти по р. Дунгоу. Это противоречие, вероятно, обусловлено тем, что дневниковые записи автора подверглись художественной переработке.

** Хребтом Хунтами назывался современный Дальний хребет, тянущийся в широтном направлении (перпендикулярно Сихотэ-Алиню) до самого моря. Сочленяется с Сихотэ-Алинем около истоков рр. Джигитовка и Серебрянка, заканчивается справа от устья р. Серебрянка у мыса Страшный.

зы сосредоточены главным образом на левом берегу реки, а туземцы поселились выше по долине, около гор.

Здешние манзы очень скрытны; они не хотели указывать дорог и, даже наоборот, всячески старались сбить нас с толку. Все тазы находились в неоплатном долгу у них и немилосердно эксплуатировались. Китайцы отняли у туземцев женщин и разделили между собою как движимое имущество. На задаваемые по этому поводу вопросы тазы отмалчивались, а если и говорили что-нибудь, то украдкой, шепотом, озираясь по сторонам. У них еще живы были воспоминания о сородичах, заживо погребенных в земле за то, что пробовали было протестовать и мстить насильникам. Очевидцы говорили, что эта казнь производилась на глазах жен и детей казненных: китайцы заставили их присутствовать при погребении.

В этот день мы дальше не пошли и, выбрав фанзу, которая была почище, расположились биваком на дворе ее, а седла и все имущество убрали под крышу.

На следующий день мы расстались с китайцами, которые этому, видимо, были очень рады. Хотя они и старались быть к нам внимательными, но в услугах их чувствовалась неискренность, я сказал бы даже — затаенная злоба.

Тропа опять перешла за реку и вскоре привела нас к тому месту, где Иодзыхе разбивается на три реки: Синанцу, Кулему (этимология этого слова мне неизвестна) и Ханьдахэзу[4]. Кулему, длиною километров в сорок, течет с запада и имеет истоки в горах Сихотэ-Алиня, а Ханьдахэза — 20 километров; по последней можно выйти на реку Сицу (приток Санхобе), где в прошлом году меня застал лесной пожар*. От места слияния этих рек и начинается собственно Иодзыхе. Здесь с правой стороны (по течению) высится высокая скалистая сопка Да-Лаза. Тропа проходит у ее подножия. По рассказам, это излюбленное местопребывание тигров.

Река Синанца течет по продольной долине между Сихотэ-Алинем и хребтом, ему параллельным. Она длиною около 75 километров** и шириною до 30 метров. За скалистой сопкой сначала идут места открытые и отчасти заболоченные. Дальше поляна начинает возвышаться и заметно переходит в террасу, поросшую редким лиственным ле-

---

* Здесь перепутаны описания рр. Кулему (Курума) и Ханьдахеза (Хантахеза). Географическая ситуация будет соответствовать описанию, если под Кулемой понимать Ханьдахезу и наоборот.

** Длина р. Синанца 45 км.

сом. Спустившись с нее, мы прошли еще с полкилометра и затем вступили в роскошный лес.

Если я хочу представить себе девственную тайгу, то каждый раз мысленно переношусь в долину реки Синанцы. Кроме обычных ясеня, березы Эрмана и ольхи, здесь произрастали: аянская ель — представительница охотской флоры, клен с красными ветвями*, имеющий листву как у неклена, затем черемуха Маака с желтой берестой, как у березы, и с ветвями, пригнутыми к земле, над чем немало потрудились и медведи, и наконец, в изобилии по берегам реки ивняки, у которых молодые побеги имеют красновато-сизый оттенок.

Подлесье состояло из всевозможных кустарников, между которыми следует отметить колючий крыжовник с весьма мелкими закругленными мохнатыми листьями и белый дерен с гибкими длинными ветвями и ланцетовидными листьями, сверху темно-зелеными, снизу белесоватыми.

Вверху ветви деревьев переплелись между собою так, что совершенно скрыли небо. Особенно поражал своими размерами тополь и кедр. Сорокалетний молодняк, растущий под их покровом, казался жалкою порослью. Сирень, обычно растущая в виде кустарника, здесь имела вид дерева в пять саженей высоты и в два фута в обхвате. Старый колодник, богато украшенный мхами, имел весьма декоративный вид и вполне гармонировал с окружающей его богатой растительностью.

Густой подлесок, состоящий из чертова дерева**, виноградника и лиан, делает места эти труднопроходимыми, вследствие чего наш отряд подвигался довольно медленно: приходилось часто останавливаться и высматривать, где меньше бурелома, и обводить мулов стороною.

В этот день Н.А. Десулави отметил в своем дневнике растущие в сообществе следующие цветковые и тайнобрачные растения: клинтонию с крупными сочными листьями и белыми цветками на длинном стебельке; гнездовку, украшенную многочисленными ароматичными фиолетовыми цветками; козелец — высокое растение с длинными сидящими листьями и с беловато-желтыми цветками; затем папоротник, большие ажурные листья которого имеют треугольную форму и по первому впечатлению

---

* Во многих изданиях вместо "клен" значится "лен".

** В других местах В.К. Арсеньев чертовым деревом называет аралию. Здесь же у него — элеутерококк (чертов куст). *(Прим. ред.)*

напоминают листья орляка и Athyrium filix-femina Roth* — тоже с отдельными большими листьями, форма которых непостоянна и меняется в зависимости от окружающей их обстановки.

Чем дальше, тем больше лес был завален колодником и тропа вовсе не была приспособлена для передвижения с вьюками.

Во избежание задержек вперед был послан рабочий авангард под начальством Захарова. Он должен был убирать бурелом с пути и, где нужно, делать обходы. Иногда упавшее дерево застревало вверху. Тогда обрубали только нижние ветви его, оставляя проход в виде ворот; у лежащего на земле колодника оббивали сучки, чтобы мулы не попортили ног и не накололись брюхом.

После полудня отряд дошел до лудевы. Она пересекала долину реки Синанцы и одним концом упиралась в скалистую сопку. Лудева была старая, и потому следовало внимательно смотреть под ноги, чтобы не попасть в какую-нибудь ловушку. Путеводная тропа привела нас к покинутой зверовой фанзе. Около нее на сваях стоял амбар, предназначаемый для хранения запасов продовольствия, зверовых шкур, пантов и прочего охотничьего имущества. Здесь мы и заночевали.

На рассвете появилось много мошкары; воздух буквально кишел ею. Мулы оставили корм и жались к биваку. На скорую руку мы напились чаю, собрали палатки и тронулись в путь.

От зверовой фанзы тропа идет густым лесом. Она сильно кружит, обходя колодник и густые заросли виноградников.

Обыкновенно во второй половине лета появляются большие черные пауки. Они строят тенета колесного типа, причем основные нити бывают длиною от 5 до 7 метров и так прочны, что их свободно можно оттягивать в сторону рукою. В августе пауки эти пропадают, и на их место появляются другие, меньших размеров, желто-зеленого цвета, с красным рисунком на брюшке и головогруди. Их противные паутины встречаются чуть не на каждом шагу. В особенности много неприятностей испытывает тот, кто едет впереди: ему то и дело приходится снимать паутину с лица или сбрасывать паука, уцепившегося за нос.

В этот день мы дошли до того места, где Синанца разделяется надвое: Да-Синанцу[5] и Сяо-Синанцу[6]. Первая является главной рекой, вторая — ее притоком.

* Кочедыжник женский. *(Прим. ред.)*

По мере приближения к водоразделу угрюмее становился лес и больше попадалось звериных следов; тропа стала часто прерываться и переходить то на одну, то на другую сторону реки, наконец мы потеряли ее совсем.

На этом протяжении в Синанцу впадают следующие горные речки: Пярлгоу и Изимлу — справа; Лазагоу и Хунголягоу[7] — слева. Сама по себе река немноговодна, но бурелом, сложенный в большие груды, указывает на то, что во время дождей вода подымается настолько высоко, что деревья по ней свободно переносятся с одного места на другое.

Чем дальше, тем идти становилось труднее. Поэтому я решил оставить мулов на биваке и назавтра продолжать путь с котомками. Мы рассчитывали в два дня достигнуть водораздела; однако этот переход отнял у нас четверо суток. В довершение всего погода испортилась — пошли дожди.

В верховьях река Синанца с левой стороны принимает в себя целый ряд мелких ручьев, стекающих с Сихотэ-Алиня.

Выбрав один из них, мы стали взбираться на хребет. По наблюдениям Дерсу, дождь должен был быть затяжным. Тучи низко ползли над землею и наполовину окутывали горы. Следовательно, на вершине хребта мы увидели бы только то, что было в непосредственной от нас близости. К тому же взятые с собой запасы продовольствия приходили к концу. Это принудило нас на другой день спуститься в долину.

Двое суток мы отсиживались в палатках. Наружу нельзя было показать носа. По хмурому небу низко, словно вперегонку, бежали тяжелые тучи и сыпали дождем. Наконец терпение наше лопнуло, и, невзирая на непогоду, мы решили идти назад к морю. Не успели мы отойти от бивака на такое расстояние, с которого в тихую погоду слышен ружейный выстрел, как дождь сразу прекратился, выглянуло солнце, и тогда все кругом приняло ликующий вид, только мутная вода в реке, прибитая к земле трава и клочья тумана в горах указывали на недавнее ненастье.

Утомленные непогодой, мы рано стали на бивак. Вечером около нашего табора с ревом ходил тигр. Ночью мы поддерживали усиленный огонь и несколько раз стреляли из ружей.

Дня через два мы дошли до того места, где оставили мулов и часть команды. Около устья реки Синанцы мы за-

стали семью, состоящую из горбатого таза, его жены, двух малых детей и еще одного молодого удэгейца, по имени Чан Лин. Они стояли на галечниковой отмели и занимались ловлей рыбы. Невдалеке от их стойбища на гальке лежала опрокинутая вверх дном лодка, белизна дерева и свежие подпалины на бортах ее свидетельствовали о том, что она только что выдолблена и еще не видела воды. Горбатый таз объяснил нам, что сам он лодок делать не умеет и для этого пригласил своего племянника с реки Такемы.

Поговорив немного с туземцами, мы пошли дальше, а Дерсу остался. На другой день он догнал нас и сообщил много интересного. Оказалось, что местные китайцы решили отобрать у таза его жену с детьми и увезти их на Иман. Таз решил бежать. Если бы он пошел сухопутьем, китайцы догнали бы его и убили. Чан Лин посоветовал ему сделать лодку и уйти морем.

Двадцать пятого июля мы пошли к китайским фанзам, расположенным около реки Дунгоу, по долине которой идет путь на реку Санхобе.

Следующая ночь была темная и дождливая. Тазы решили воспользоваться ею для побега. Совпало так, что китайцы тоже в эту ночь решили сделать нападение и не только отобрать женщину, но и раз навсегда отделаться от обоих тазов. Дерсу как-то пронюхал об этом и сообщил удэгейцам о грозящей им опасности. Захватив с собою винтовку, он отправился в фанзу горбатого таза и разжег в ней огонь, как будто все обитатели ее были дома. В это время тазы тихонько спустили лодку в воду и посадили в нее женщину и детей. Надо было проплыть мимо китайского селения. Ночь была ветреная, дождливая, и это способствовало успеху.

Чтобы лодку не было видно, Дерсу вымазал ее снаружи грязью и углем. Как ни старались оба охотника, но обмануть собак не удалось. Они учуяли тазов и подняли неистовый лай. Китайцы выскочили из фанзы, но лодка прошла опасное место раньше, чем они успели добежать до реки. Дерсу решил проводить тазов до самого моря. Приблизительно через час лодка дошла до моря. Здесь Дерсу распрощался с тазами и вышел на берег. Опасаясь встречи с китайцами, он не пошел назад по дороге, а спрятался в лесу и только под утро возвратился к нам на бивак.

Двадцать шестого июля мы пробыли еще на реке Иодзыхе. Стрелки занимались приведением в порядок своей обуви и стиркой белья.

 Целый день Дерсу был в каком-то мрачном настроении.

Он все время уединялся и не хотел ни с кем разговаривать. Потом он попросил у меня три рубля и ушел куда-то. В четыре часа пополудни Н.А. Десулави и П.П. Бордаков пошли экскурсировать по окрестностям, а я занялся вычерчиванием маршрута по реке Синанце.

В сумерки снова появился туман. По мере того как становилось темнее, он сгущался все больше и больше, скоро в нем утонули противоположный берег реки и фанзы китайцев. Казалось, вместе с туманом на землю спустилась мертвящая тишина, нарушаемая только падением капель воды с намокшей листвы деревьев.

В это время пришел один из стрелков и стал рассказывать о том, что Дерсу (так всегда они его звали) сидит один у огня и поет песню. Я спросил солдата, где он видел гольда.

— Далеко, — отвечал он мне, — в лесу около речки.

Стрелок объяснил мне, что надо идти по тропе до тех пор, пока справа я не увижу свет. Это и был огонь Дерсу. Шагов триста я прошел в указанном направлении и ничего не видел. Я хотел уже было повернуть назад, как вдруг слабо сквозь туман в стороне заметил отблеск костра. Не успел я отойти от тропы и пятидесяти шагов, как туман вдруг рассеялся.

То, что я увидел, было так для меня неожиданно и ново, что я замер на месте и не смел пошевельнуться. Дерсу сидел перед огнем лицом ко мне. Рядом с ним лежали топор и винтовка. В руках у него был нож. Уткнув себе в грудь небольшую палочку, он строгал ее и тихо пел какую-то песню. Пение его было однообразное, унылое и тоскливое. Он недорезал стружки до конца. Они загибались одна за другой и образовывали султанчики. Взяв палочку в правую руку и прекратив пение, он вдруг обращался к кому-то в пространство с вопросом и слушал, слушал напряженно, но ответа не было. Тогда он бросал стружку в огонь и принимался строгать новую. Потом он достал маленькую чашечку, налил в нее водки из бутылки, помочил в ней указательный палец и по капле бросил на землю во все четыре стороны. Опять он что-то прокричал и прислушался. Далеко в стороне послышался крик какой-то ночной птицы. Дерсу вскочил на ноги.

Он громко запел ту же песню и весь спирт вылил в огонь. На мгновение в костре вспыхнуло синее пламя. После этого Дерсу стал бросать в костер листья табаку, сухую рыбу, мясо, соль, чумизу, рис, муку, кусок синей дабы, новые китайские улы, коробок спичек и на-

конец пустую бутылку. Дерсу перестал петь. Он сел на землю, опустил голову на грудь и глубоко о чем-то задумался.

Тогда я решил к нему подойти и нарочно спустился на прибрежную гальку, чтобы он слышал мои шаги. Старик поднял голову и посмотрел на меня такими глазами, в которых я прочел тоску. Я спросил его, почему он так далеко ушел от фанзы, и сказал, что беспокоился о нем. Дерсу ничего не ответил мне на это. Я сел против него у огня. Минут пять сидели мы молча. В это время опять повторился крик ночной птицы. Дерсу спешно поднялся с места и, повернувшись лицом в ту сторону, что-то закричал ей громким голосом, в котором я заметил нотки грусти, страха и радости. Затем все стихло. Дерсу тихонько опустился на свое место и стал поправлять огонь. Накалившаяся докрасна бутылка растрескалась и стала плавиться.

Я не расспрашивал его, что все это значит, я знал, что он сам поделится со мною. И не ошибся.

— Там люди много, — начал он. — Китайцы, солдаты... Понимай нету, смеяться будут, — мешай.

Я не прерывал его. Тогда он рассказал мне, что прошлой ночью он видел тяжелый сон: он видел старую развалившуюся юрту и в ней свою семью в страшной бедности. Жена и дети зябли от холода и были голодны. Они просили его принести им дров и прислать теплой одежды, обуви, какой-нибудь еды и спичек. То, что он сжигал, он посылал в загробный мир своим родным, которые, по представлению Дерсу, на том свете жили так же, как и на этом. Тогда я осторожно спросил его о криках ночной птицы, на которые он отвечал своими криками.

— Это ханяла[8], — ответил Дерсу. — Моя думай, это была жена. Теперь она все получила. Наша можно в фанзу ходи.

Дерсу встал и разбросал в стороны костер. Стало вдвое темнее. Через несколько минут мы шли назад по тропе. Дерсу молчал, и я молчал тоже.

Кругом было тихо. Сочный воздух точно застыл. Густой туман спустился в самую долину, и начало моросить. При нашем приближении к фанзам собаки подняли громкий лай.

Дерсу, по обыкновению, остался ночевать снаружи, а я вошел в фанзу, растянулся на теплом кане и начал дремать. Рядом за стеной слышно было, как мулы ели сено. Собаки долго не могли успокоиться.

Глава четвертая

В горах

Река Дунгоу. — Непогода. — Медведь, добывающий мед. — Встреча с Чжан Бао. — Река Бея. — Зоогеографическая граница горалов. — Река Кудяхе. — Фанза Дун-Тавайза. — Реки Фату и Адимил. — Осыпи в горах. — Мелкие речки, текущие в море. — Береговая тропа. — Дикая кошка. — Нападение жуков

На другой день погода была пасмурная, по небу медленно ползли тяжелые дождевые тучи, и самый воздух казался потемневшим, точно предрассветные сумерки. Горы, которые еще вчера были так живописно красивы, теперь имели угрюмый вид.

Мои спутники знали, что если нет проливного дождя, то назначенное выступление обыкновенно не отменяется. Только что-нибудь особенное могло задержать нас на биваке. В восемь часов утра, расплатившись с китайцами, мы выступили в путь по уже знакомой нам тропе, проложенной местными жителями по долине реки Дунгоу к бухте Терней.

В природе чувствовалась какая-то тоска. Неподвижный и отяжелевший от сырости воздух, казалось, навалился на землю, и от этого все кругом притаилось. Хмурое небо, мокрая растительность, грязная тропа, лужи стоячей воды и в особенности царившая кругом тишина — все свидетельствовало о ненастье, которое сделало передышку для того, чтобы снова вот-вот разразиться дождем с еще большей силой.

К полудню мы дошли до верховьев реки Дунгоу и сделали привал. В то время, когда мы сидели у костра и пили чай, из-за горы вдруг показался орлан белохвостый. Описав большой круг, он ловко, с налета, уселся на сухоствольной лиственнице и стал оглядываться. Захаров выстрелил в него — и промахнулся. Испуганная птица торопливо снялась с места и полетела к лесу.

— Худо, — сказал Дерсу, — будет большой дождь.

Он объяснил, что, если в тихую погоду туман подымается кверху и если при этом бывает сильное эхо, непременно надо ждать затяжного дождя.

Около часу дня я, Н.А. Десулави и П.П. Бордаков пошли вперед, а стрелки начали вьючить мулов. К трем часам мы взошли на перевал, откуда начинался сток воды

по реке Каимбе*. Надо было бы здесь стать на бивак, но я уступил просьбам своих товарищей, и мы пошли дальше. Не успели мы спуститься с водораздела, как начался дождь, скоро превратившийся в настоящий ливень. Мы развели большой огонь — мокли и сушились в одно и то же время. К сумеркам подошли мулы, только тогда мы начали переодеваться и ставить палатки. Вечером дождь пошел еще сильнее, и так до самого рассвета. Мы не спали всю ночь, зябли, подкладывали дрова в костер, несколько раз принимались пить чай и в промежутках между чаепитиями дремали.

Утром Н.А. Десулави хотел было подняться на гору Хунтами для сбора растений около гольцов, но это ему не удалось. Вершина горы была окутана туманом, а в два часа дня опять пошел дождь, мелкий и частый. Днем мы успели как следует обсушиться, оправить палатки и хорошо выспаться.

На следующий день, 26 июля, опять дождь. Нельзя разобраться, где кончается туман и где начинаются тучи. Этот маленький, частый дождь шел подряд трое суток с удивительным постоянством.

Терпение наше истощилось. Н.А. Десулави не мог больше ждать. Отпуск его кончался, и ему надлежало возвратиться в Хабаровск. Несмотря на непогоду, он решил ехать в залив Джигит и там дожидаться парохода. Я дал ему двух мулов и двух провожатых. Часов в одиннадцать утра мы расстались, пожелав друг другу счастливого пути и успехов.

В полдень погода не изменилась. Ее можно было бы описать в двух словах: туман и дождь. Мы опять просидели весь день в палатках. Я перечитывал свои дневники, а стрелки спали и пили чай. К вечеру поднялся сильный ветер. Царствовавшая дотоле тишина в природе вдруг нарушилась. Застывший воздух пришел в движение и одним могучим порывом сбросил с себя апатию.

Сорванная с деревьев листва закружилась в вихре и стала подниматься кверху. Порывы ветра были так сильны, что ломали сучья, пригибали к земле молодняк и опрокидывали сухие деревья.

— Кончай есть, — сказал Дерсу довольным тоном. — Сегодня ночью наша звезды посмотри. Завтра — посмотри солнце.

И действительно, часов в десять вечера темный небесный свод, усеянный миллионами звезд, совершенно осво-

* Река Каимбе впадает в бухту Удобная, здесь же имеется в виду бассейн р. Хунтами (ныне р. Голубичная).

бодился от туч. Сияющие ночные светила словно вымылись в дожде и приветливо смотрели на землю. К утру стало прохладнее.

Следующий день был последним днем июля. Когда занялась заря, стало видно, что погода будет хорошая. В горах еще кое-где клочьями держался туман. Он словно чувствовал, что доживает последние часы, и прятался в глубокие распадки. Природа ликовала: все живое приветствовало всесильное солнце, как бы сознавая, что только одно оно может прекратить ненастье.

Этот день мы употребили на переход к знакомой нам грибной фанзе, около озера Благодати*. Опять нам пришлось мучиться в болотах, которые после дождей стали еще непроходимее. Чтобы миновать их, мы сделали большой обход, но и это не помогло. Мы рубили деревья, кусты, устраивали гати, и все-таки наши вьючные животные вязли на каждом шагу чуть не по брюхо. Большого труда стоило нам перейти через зыбуны и только к сумеркам удалось выбраться на твердую почву.

На другой день мы выступили рано. Путь предстоял длинный, и хотелось поскорее добраться до реки Санхобе, откуда, собственно, и должны были начаться мои работы. П.П. Бордаков взял ружье и пошел стороною, я с Дерсу, по обыкновению, отправился вперед, а А.И. Мерзляков с мулами остался сзади.

Около второго распадка я присел отдохнуть, а Дерсу стал переобуваться. Вдруг до нас донеслись какие-то странные звуки, похожие не то на вой, не то на визг, не то на ворчанье. Дерсу придержал меня за рукав, прислушался и сказал:

— Медведь!

Мы встали и тихонько пошли вперед. Скоро мы увидели виновника шума. Медведь средней величины возился около большой липы. Дерево росло почти вплотную около скалы. С лицевой стороны на нем была сделана заметка топором, что указывало на то, что рой этот раньше нас и раньше медведя нашел кто-то из людей.

С первого взгляда я понял, в чем дело: медведь добывал мед. Он стоял на задних ногах и куда-то тянулся. Протиснуть лапу в дупло ему мешали камни. Медведь был из числа терпеливых. Он ворчал и тряс дерево изо всей силы. Вокруг улья вились пчелы и жалили его в голову. Медведь тер морду лапами, кричал тоненьким голосом, валялся по земле и затем вновь принимался за ту же работу. Его

* Ныне на этом месте кордон Сихотэ-Алинского заповедника.

уловки были очень комичны. Наконец он утомился, сел на землю по-человечески и, раскрыв рот, стал смотреть на дерево, видимо что-то соображая. Так просидел он минуты две. Затем вдруг поднялся, быстро подбежал к липе и полез на ее вершину. Взобравшись наверх, он протиснулся между скалой и деревом и, упершись передними и задними лапами в камни, начал сильно давить спиной в дерево. Дерево подалось немного. Но, видимо, у медведя заболела спина. Тогда медведь переменил положение и, упершись спиной в скалу, стал лапами давить на дерево. Липа затрещала и рухнула на землю.

Этого и надо было медведю. Теперь оставалось только разобрать заболонь и добыть соты.

— Его шибко хитрый люди, — сказал Дерсу. — Надо его гоняй, а то скоро весь мед кушай.

Сказав это, он крикнул:

— Тебе какой люди, тебе как чужой мед карабчи![9]

Медведь оглянулся. Увидя нас, он побежал и быстро исчез за скалою.

— Надо его пугай, — сказал Дерсу и выстрелил в воздух.

В это время подошли кони. Услышав наш выстрел, Мерзляков остановил отряд и пришел узнать, в чем дело. Решено было для добычи меда оставить двух стрелков. Надо было дать пчелам успокоиться, а затем уморить их дымом и собрать мед. Если бы этого не сделали мы, то все равно медведь съел бы весь мед.

Минут через пять мы тронулись дальше.

По мере того как продвигаешься на север по побережью моря, замечаешь, что представители маньчжурской флоры один за другим остаются сзади. Первая отстала груша. Я видел ее последний раз на реке Иодзыхе. Потом — акация Маака: бухта Терней, по-видимому, является для нее северной границей. Дальше всех на север проникает монгольский дуб. Зато лиственница появилась на берегу моря небольшими группами. Кроме растущих здесь в изобилии калины, орешника и леспедецы, мы заметили перистые пятерные листочки и характерные бледно-желтые цветки лапчатки, затем кустарниковую низкорослую рябину, дающую мелкие и почти безвкусные светло-красные плоды, а рядом с ней даурский можжевельник, стелющийся по траве и подымающий кверху свои густые зеленые ветви с матово-синим оттенком и прошлогодними сухими ягодами.

Дальнейшее путешествие наше до реки Санхобе про-

шло без всяких приключений. К бухте Терней* мы прибыли в четыре часа дня, а через час прибыли и охотники за пчелами и принесли с собой 6 килограммов хорошего сотового меду.

Вечером казаки ловили рыбу в реке. Кроме горбуши, в неводок попалось несколько гольянов, мясо которых имело горьковатый привкус.

Здесь мы расстались с П.П. Бордаковым. Он тоже решил возвратиться в Джигит с намерением догнать Н.А. Десулави и с ним доехать до Владивостока. Жаль мне было потерять хорошего товарища, да ничего не поделаешь. Мы расстались искренними друзьями. На другой день П.П. Бордаков отправился обратно, а еще через сутки (3 августа) снялся с якоря и я со своим отрядом.

На реке Санхобе мы опять встретились с начальником охотничьей дружины Чжан Бао и провели вместе целый день. Оказалось, что многое из того, что случилось с нами в прошлом году на Имане, ему было известно. От него я узнал, что зимой он ходил разбирать спорный вопрос между тазами и китайцами, а весной был на реке Ното, где уничтожил шайку хунхузов.

Я чрезвычайно обрадовался, когда услышал, что он хочет идти со мной на север. Это было вдвойне выгодно. Во-первых, потому, что он хорошо знал географию прибрежного района, во-вторых, его влияние на туземцев могло значительно способствовать выполнению моих заданий.

Небольшая речка Бея[10] (по-удэгейски — Иеля), по которой я пошел от бухты Терней, впадает в реку Санхобе в 2 километрах от устья. Она длиною около 12 километров и течет по заболоченной долине, расположенной параллельно берегу моря.

С правой стороны ее тянутся пологие увалы, с левой — скалистые сопки, состоящие из кварцевого порфира, диабаза и диорита.

В истоках река Бея поворачивает на восток и доходит почти до самого моря. Тропа здесь проложена по увалам с правой стороны долины. Окрестные горы, о которых идет здесь речь, покрыты весьма редким лесом, состоящим преимущественно из клена, бархата, ореха, липы и черной березы. По берегам речки густо растут ивняк и ольха. Открытые места заросли леспедецей, таволожником, шиповником и калиной. Внизу, по низинам, царство тростника, подмаренника и полыни. Местами эти

* См. примечание на с. 300 “По Уссурийскому краю”.

травы положительно глушат все другие растения. Только полевой горошек, пользуясь способностью цепляться за них, мог еще оспаривать свое право на существование.

Следуя за рекой, тропа уклоняется на восток, но не доходит до истоков, а поворачивает опять на север и взбирается на перевал Кудя-лин[11], высота которого определяется в 260 метров. Подъем на него с юга и спуск на противоположную сторону — крутые. Куполообразную гору с левой стороны перевала китайцы называют Зун-ган-шань[12]. Эта гора состоит главным образом из породы авгитового андезита.

За перевалом мы нашли маленькую горную речку Кудяхе[13], которая на морских картах называется Кудия, а у тазов — Кудя-Базани. Она не имеет выхода в море: устье ее занесено песком и галькой. Вследствие этого здесь образовалась болотина. По словам тазов, это лучшие солонцы во всем прибрежном районе. Действительно, около болота виднелось множество звериных следов. От моря Кудяхе отделяется высокими скалистыми горами, покрытыми с подветренной стороны хвойным лесом. В зоогеографическом отношении это очень интересное место. Здесь проходит северная граница распространения горалов.

Небольшие долинки, обставленные невысокими остроконечными сопками, покрытые лиственным редколесьем, весьма удобны для поселений небольшими хуторами. Прибрежные возвышенности состоят из фильзитовых порфиритов, поверх которых лежат слои вулканических туфов.

За рекой Кудяхе тропа переваливает через небольшой мысок и спускается в долину другой горной речки Тавайзы[14] (по-удэгейски — Омуски), длиною в 7—8 километров. Спуск в долину Тавайзы крутой, почти обрывистый. Еще один перевал, и мы попали в великолепную плодородную долину небольшой реки Адимил, которая на картах обозначена Акмой и которую удэгейцы называют Агама. Собственно говоря, здесь две речки сходятся вместе в одном километре от моря. При устье их углубление береговой линии образовало небольшую, весьма живописную бухточку. Здесь мы нашли хорошенькую китайскую фанзу с названием Дун-Тавайза[15].

От бухты Терней до этого места 27 километров.

Из фанзы навстречу нам вышли два китайца. Они приняли мулов от людей, помогли нам раздеться и пригласили к себе в жилище. Более радушного приема я нигде не встречал. У этих китайцев не было и тени раболепства — они просто были гостеприимны и караулили каждое наше

желание. Впоследствии от староверов я слышал о них именно такие же отзывы. Где они теперь? Один из них был старик; быть может, его теперь нет в живых. Во всяком случае, у всех нас об этих людях сохранились самые хорошие воспоминания. Здесь было так хорошо и уютно, жизнь китайцев казалась такой тихой и мирной, что я решил остаться у них на дневку. Вечером, сидя у жаровни с угольями, я пил чай с солеными лепешками и расспрашивал старика о путях, ведущих на север.

Река Фату (по-удэгейски — Фарту) впадает в реку Санхобе с левой стороны*, в однодневном пути от устья, и течет с северо-востока параллельно берегу моря. Горный хребет, отделяющий бассейн ее от речек, текущих непосредственно в море, имеет в среднем высоту в 600 метров. Следующая большая река, которая берет начало с Сихотэ-Алиня, будет река Билимбее, впадающая в море около горы Железняк, немного южнее мыса Шанц.

Я рассчитывал часть людей и мулов направить по тропе вдоль берега моря, а сам с Чжан Бао, Дерсу и тремя стрелками пойти по реке Адимил к ее истокам, затем подняться по реке Билимбее до Сихотэ-Алиня и обратно спуститься по ней же к морю.

Утром 4 августа мы стали собираться в путь. Китайцы не отпустили нас до тех пор, пока не накормили как следует. Мало того, они щедро снабдили нас на дорогу продовольствием. Я хотел было рассчитаться с ними, но они наотрез отказались от денег. Тогда я положил им деньги на стол. Они тихонько передали их стрелкам. Я тихонько положил деньги под посуду. Китайцы заметили это и, когда мы выходили из фанзы, побросали их под ноги мулам. Пришлось уступить и взять деньги обратно.

Река Адимил в верховьях слагается из двух ручьев, текущих навстречу друг другу. Километрах в пяти от земледельческой фанзы находится другая, лудевая фанза, в которой живут три охотника, занимающиеся ловлей оленей ямами.

В долине реки Адимил произрастают лиственные леса дровяного и поделочного характера; в горах всюду видны следы пожарищ. На речках и по увалам — густые заросли таволги, орешника и леспедецы. Дальше в горах есть немного кедра и пихты. Широкие полосы гальки по сторонам реки и измочаленный колодник в русле указывают на то, что хотя здесь больших наводнений и не бывает, но все

* Река Фату (Фарту; современная р. Сигнальная) впадает в приток р. Санхобе (Серебрянка) — р. Заболоченная с восточной стороны.

же в дождливое время года вода идет очень стремительно и сильно размывает берега.

Так как отряд выступил от фанзы Дун-Тавайза довольно поздно, то пришлось идти почти до сумерек. К вечеру мы дошли до истоков реки Адимил и стали биваком близ перевала на реку Фату. В этот день погода стояла хотя пасмурная и туманная, но было душно и сильно парило. Я опасался дождя и спросил мнения Дерсу насчет погоды. Он сказал, что сейчас состояние погоды такое, что «туман сам еще не знает, превратиться ему в тучи или рассеяться». Сказал это он по-своему и опять назвал туман «люди». У него это вышло так, как будто туман рассуждал, превратиться ли ему в дождь или подождать немного.

Часов в семь вечера вдруг туман быстро начал подниматься кверху. Одновременно с этим стал накрапывать дождь, который минут через пятнадцать перестал, а вместе с ним рассеялся и туман. На небе выглянули звезды.

Наутро мы поднялись довольно рано, напились чаю и стали подыматься на гору Тигровую (595 метров), сплошь покрытую осыпями.

Надо сказать, что в прибрежном районе осыпи больше развиты, чем к западу от Сихотэ-Алиня. Одни из них состоят из обломков в метр величиною, другие — из камней с конскую голову, третьи — с голову человека. Обломки в большинстве случаев угловатые и так плотно уложены, что по ним свободно можно идти, как по лестнице. Осыпи древнего происхождения всегда скрыты под мощным покровом растительности. Впрочем, мне часто приходилось видеть старые осыпи, покрытые одними только лишайниками. Они чаще всего располагаются по вершине гор и издали кажутся в виде серых пятен. Иногда осыпи эти занимают большую часть горы. Тогда участки с растительностью на общем сером фоне осыпей кажутся зелеными пятнами.

Как произошли осыпи? Кажется, будто здесь были землетрясения и целые утесы распались на обломки. На самом деле эта работа медленная, вековая и незаметная для глаза. Сначала в каменной породе появляются трещины: они увеличиваются в размерах, сила сцепления уступает силе тяжести, один за другим камни обрываются, падают, и мало-помалу на месте прежней скалы получается осыпь. Обломки скатываются вниз до тех пор, пока какое-либо препятствие их не задержит.

Движение по осыпям, покрытым мхом, всегда довольно затруднительно: то ставишь ногу на ребра, то попада-

ешь в щели между камнями. Внизу осыпи покрыты землей и травой настолько густо, что их не замечаешь вовсе, но по мере того как взбираешься выше, растительность постепенно исчезает.

Летом, в жаркие дни, багульник выделяет такое обилие эфирных масел, что у непривычного человека может вызвать обморочное состояние. За багульником идут мхи и лишайники. Осыпи для людей не составляют помехи, но для коней и мулов они являются серьезным препятствием. Приходится обходить их далеко стороною.

Поднявшись на хребет, мы повернули на север и некоторое время шли по его гребню. Теперь слева от нас была лесистая долина реки Фату, а справа — мелкие речки, текущие в море: Секуму, Одега Первая, Одега Вторая, Тания, Вязтыгни, Хотзе, Иеля и Шакира.

Вдоль берега моря проложена пешеходная тропа. Она пересекает все упомянутые речки в трех — пяти километрах от их устьев. Твердый грунт тропы допускает движение вьючных обозов. Перевалы через горные отроги между речками не превышают 125 метров.

На всем протяжении от реки Секуму до реки Шакиры в последовательном порядке располагаются следующие горные породы: известняки, известковые песчаники, граниты, гнейсы и кристаллические сланцы.

Часа в четыре дня пошел дождь. Мы спустились с хребта и, как только нашли в ручье воду, тотчас стали биваком. Стрелки принялись развьючивать мулов, а мы с Дерсу по обыкновению отправились на разведку. Я пошел вверх, а он вниз по ключу.

Дождь в лесу — это двойной дождь. Каждый куст и каждое дерево при малейшем сотрясении обдают путника водою. В особенности много дождевой воды задерживается на листве леспедецы. Через пять минут я был таким же мокрым, как если бы окунулся головой в реку.

Я хотел было уже повернуть назад, как вдруг увидел какое-то странное животное. Оно спускалось с дерева на землю. Я прицелился и выстрелил. Животное стало биться на земле. Вторым выстрелом я прекратил его мучения. Это оказалась дикая кошка (по-китайски — елиза). Меня поразили ее размеры. Сначала я думал, что это рысь, но отсутствие кисточек на ушах и длинный хвост убедили меня, что это Felis cuptilura Elliot. Длина ее равнялась 1 метру 9 сантиметрам; окраска — буровато-желтовато-серая с едва заметными пятнами по всему телу, брюхо и внутренняя сторона ног — грязновато-белые. Хвост ко-

роче, чем у домашней кошки, и не имеет поперечных темных полос. От домашней кошки она отличается не только своими крупными размерами, но и другими признаками: более сильными зубами, длинными усами и густой шерстью.

Дикая кошка ведет одиночный образ жизни и держится в густых сумрачных лесах, где есть скалистые утесы и дуплистые деревья. Это весьма осторожное и трусливое животное становится способным на яростное нападение при самозащите. Охотники делали опыты приручения молодых котят, но всегда неудачно. Удэгейцы говорят, что котята дикой кошки, даже будучи взятыми совсем малыми, никогда не ручнеют.

Специально за дикой кошкой никто не охотится, и убой ее — дело случайное. Иногда из кошачьего меха делают зимние воротники и шапки.

В Уссурийском крае кошка распространена повсеместно, но чаще встречается около Владивостока — на Русском острове.

Забрав свой трофей, я возвратился на бивак. Там все уже были в сборе, палатки поставлены, горели костры, варился ужин. Вскоре возвратился и Дерсу. Он сообщил, что видел несколько свежих тигровых следов и один из них недалеко от нашего бивака.

Часов в восемь вечера дождь перестал, хотя небо было по-прежнему хмурое. До полуночи вызвался караулить Дерсу. Он надел унты, подправил костер и, став спиною к огню, стал что-то по-своему громко кричать в лес.

— Кому ты кричишь, с кем говоришь? — спросили его стрелки.

— Амба, — отвечал он. — Моя говори ему: на биваке много солдат есть. Солдаты стреляй, тогда моя виноват нету.

И он опять принялся кричать протяжно и громко: «А-та-та-ай, а-та-та-ай». Ему вторило эхо, словно кто перекликался в лесу, повторяя на разные голоса последний слог — «ай». Крики уносились все дальше и дальше и замирали вдали.

Вдруг какой-то сильный шум, похожий на стрекотание, окружил нас. Что-то больно ударило меня в лицо, и в то же время я почувствовал посторонний предмет у себя на шее. Я быстро поднял руку и схватил что-то жесткое, колючее и испуганно сбросил на землю. Это был огромных размеров жук, похожий на оленя, но только без рогов. Другого такого жука я смахнул с руки и вдруг увидел

еще одного у себя на рубашке, я вскочил с постели и отбежал в сторону. Жуки долго еще попадались то на одеяле, то на шинели, то у кого-нибудь в сумке, то в головном уборе.

Дерсу объяснил:

— Моя раньше такой люди, — он указал на жука, — много посмотри нету; один-один каждый год найди... Как его там много собрался?

Я поймал одного жука и впоследствии узнал его научное название — Callipogon relictus.Он является представителем фауны, оставшейся в Уссурийском крае в наследие от третичного периода. Жук был коричневого цвета, с пушком на спине, сильными челюстями, загнутыми кверху, и очень напоминал жука-дровосека, только усы у него были покороче. Длина тела его равнялась 9 $^1/_2$ сантиметра, а ширина — 3 сантиметрам. Небольшие глаза треугольной формы были расположены по сторонам головы; они были темного цвета и как бы прикрыты мелкой сеткой.

Долго мы провозились с жуками и успокоились только после полуночи.

Глава пятая

Наводнение

Река Билимбее. — Плохие приметы. — Чертово место. — Ночная тревога. — Сихотэ-Алинь. — Непогода. — Зверовая фанза. — Тайфун. — Трехдневный ливень. — Разбушевавшиеся стихии. — Затопленный лес

На другой день мы продолжали наш путь на север по хребту и часов в десять утра дошли до горы Острой, высотою в 678 метров. Осмотревшись, мы спустились в один из ключиков, который привел нас к реке Билимбее.

Погода все эти дни стояла хмурая; несколько раз начинал моросить дождь; отдаленные горы были задернуты не то туманом, не то какою-то мглою. По небу, покрытому тучами, на восточном горизонте протянулись светлые полосы, и это давало надежду, что погода разгуляется.

Выкормив мулов на подножном корму, мы пошли вверх по реке Билимбее, которую удэгейцы называют Били, а китайцы — Бинь-лянбэй[16]. Она длиною около 90 километров и берет начало с Сихотэ-Алиня. Перевалов с Билимбее будет три: один влево (если стоять лицом к истокам), на реку Санхобе, другой вправо — на реку Таке-

му, и третий прямо — на Иман*. Билимбее течет по сравнительно узкой долине и на всем протяжении принимает в себя только четыре более или менее значительных притока, по два с каждой стороны. Самый большой из них будет река Забытая**. Она впадает в Билимбее слева (по течению), в 29 километрах от устья. Истоки ее находятся в горном узле, откуда берут начало реки Амагу и Кулумбе, о которых речь будет ниже.

В то время реку Билимбее можно было назвать пустынною. В нижней половине река шириною около 20 метров, глубиною до $^1/_2$ метра и имеет скорость течения от 8 до 10 километров в час. В верховьях реки есть несколько зверовых фанз. Охотники приходили сюда с Санхобе зимою лишь во время соболевания.

В этот день нам удалось пройти километров тридцать; до Сихотэ-Алиня оставалось еще столько же.

Билимбее — царство растений. По обоим берегам реки лес растет так густо, что кажется, будто река течет в коридоре.

Наклонившиеся деревья во многих местах перепутались ветвями и образовали живописные арки.

По берегам протоки растут кустарники, любящие свет и влагу. В собранном мною гербарии имеется даурский шиповник, лишенный шипов, с опущенными мелкими листочками и с цветками средней величины; розовая иволистная таволожка, образующая вместе с леспедецей густые заросли. Тут же можно было видеть серебристо-белые пушки ломоноса с мелкими листьями на длинных черешках, отходящих в сторону от стебля; крупный раскидистый гречишник, обладающий изумительной способностью приспосабливаться и процветать во всякой обстановке, изменяя иногда свой внешний вид до неузнаваемости; особый вид астры, растущей всегда быстро, и высокую веронику, выдающую себя большим ростом и соцветием из белых колосовидных кистей.

Часа в четыре дня мы стали высматривать место для бивака. Здесь река делала большой изгиб. Наш берег был

---

* Перевал с р. Билимбе на р. Санхобе (Серебрянка) получил название Таежный. Он нанесен на топографические карты экспедицией военного топографа капитана Г.Г. Левкина в 1974 г. Перевал же с р. Билимбе на р. Кема значится теперь на картах как Дикий. Нанесен и наименован той же экспедицией.

** Река Забытая на топографических картах отсутствует. Истоки ее в горном узле, где берут начало рр. Амагу (Амгу) и Кулумбе (Пещерная), практически быть не могли, так как отделены от бассейна Билимбе целой системой рек из бассейна р. Кема.

пологий, а противоположный— обрывистый. Тут мы и остановились.

Стрелки принялись ставить палатки, а Дерсу взял котелок и пошел за водой. Через минуту он возвратился крайне недовольный.

— Что случилось? — спросил я гольда.

— Моя думай, это место худое, — отвечал он на мой вопрос. — Моя река ходи, хочу воды бери, рыба ругается.

— Как ругается? — изумились солдаты и покатились со смеху.

— Чего ваша смеется? — сердился Дерсу. — Плакать скоро будете.

Наконец я узнал, в чем дело. В тот момент, когда он хотел зачерпнуть котелком воды, из реки выставилась голова рыбы. Она смотрела на Дерсу и то открывала, то закрывала рот.

— Рыба тоже люди, — закончил Дерсу свой рассказ. — Его тоже могу говори, только тихо. Наша его понимай нету.

Только что чайник повесили над огнем, как вдруг один камень накалился и лопнул с такой силой, что разбросал угли во все стороны. Точно ружейный выстрел. Один уголь попал к Дерсу на колени.

— Тьфу! — сказал он в сердцах. — Моя хорошо понимай, это место худое.

Стрелки опять стали смеяться.

После ужина я взял ружье и пошел прогуляться вблизи бивака. Отойдя с полкилометра, я сел на бурелом и стал слушать. Кругом царила тишина, только вверху, на перекатах, глухо шумела вода. На противоположном берегу, как исполинские часовые, стояли могучие кедры. Они глядели сурово, точно им известна была какая-то тайна, которую во что бы то ни стало надо было скрыть от людей. После теплого дождя от земли стали подниматься тяжелые испарения. Они сгущались все более и более, и вскоре вся река утонула в тумане. Порой легкое дуновение ветерка приводило туман в движение, и тогда сквозь него неясно вырисовывались очертания противоположного берега, покрытого хвойным лесом.

В это время я увидел в тумане что-то громоздкое и большое. Оно двигалось по реке мне навстречу медленно и совершенно бесшумно. Я замер на месте, сердце мое усиленно забилось. Но я еще больше изумился, когда увидел, что темный предмет остановился, потом начал подаваться назад и через несколько минут так же таинственно исчез, как и появился. Был ли это зверь какой-нибудь или это плыл бурелом по реке, не знаю. Сумерки, угрю-

мый лес, густой туман и главным образом эта мертвящая тишина создавали картину, невыразимо жуткую и тоскливую. Мне стало страшно. Я встал и поспешно пошел назад. Минут через десять я подходил к биваку.

Люди двигались около огня и казались длинными привидениями. Они тянулись куда-то кверху, потом вдруг сокращались и припадали к земле. Я спросил Захарова, не проплыло ли мимо что-нибудь по реке. Он ответил отрицательно.

Тогда я рассказал им о виденном и пробовал объяснить это явление игрою тумана.

— Гм, какое худое место, — услышал я голос Дерсу.

Я обернулся. Он сидел у огня и качал головой.

— Надо его гоняй, — сказал он и вслед за тем взялся за топор.

— Кого? — спросил я.

— Чёрта, — отвечал гольд самым серьезным образом.

Затем он пошел в лес и принялся рубить сырую ель, осину, сирень и т.п., то есть такие породы, которые трещат в огне.

Когда дров набралось много, он сложил их в большой костер и поджег. Яркое пламя взвилось кверху, тысячи искр закружились в воздухе. Когда дрова достаточно обуглились, Дерсу с криками стал разбрасывать их во все стороны.

Стрелки обрадовались случаю и прибежали ему помогать. Они крутили горящими головешками и бросали их кверху. Красивую картину представляет собою такая вертящаяся ракета, разбрасывающая во все стороны искры. Два полена упали в воду. Они сразу потухли, но долго еще дымились. Наконец костер был уничтожен. Разбросанные в лесу головешки медленно гасли одна за другой.

После этого мы принялись за чаепитие, а затем стали укладываться на ночь. Я хотел было почитать немного, но не мог бороться со сном и незаметно для себя заснул. Мне показалось, что я спал долго. Вдруг я почувствовал, что кто-то трясет меня за плечо.

— Вставайте скорее!

— Что случилось? — спросил я и открыл глаза.

Было темно — темнее, чем раньше. Густой туман, точно вата, лежал по всему лесу. Моросило.

— Какой-то зверь с того берега в воду прыгнул, — ответил испуганно караульный.

Я вскочил на ноги и взял ружье. Через минуту я услышал, что кто-то действительно вышел из воды на берег и сильно встряхивался. В это время ко мне подошли Дер-

су и Чжан Бао. Мы стали спиной к огню, старались рассмотреть, что делается на реке, но туман был такой густой и ночь так темна, что в двух шагах решительно ничего не было видно.

— Ходи есть, — тихо сказал Дерсу.

Действительно, кто-то тихонько шел по гальке. Через минуту мы услышали, как зверь опять встряхнулся. Должно быть, животное услышало нас и остановилось. Я взглянул на мулов. Они жались друг к другу и, насторожив уши, смотрели по направлению к реке. Собаки тоже выражали беспокойство. Альпа забилась в самый угол палатки и дрожала, а Леший поджал хвост, прижал уши и боязливо поглядывал по сторонам.

Но вот опять стала бренчать галька.

Я велел разбудить остальных людей и выстрелил. Звук моего выстрела всколыхнул сонный воздух. Глухое эхо подхватило его и далеко разнесло по лесу. Послышалось быстрое бренчание гальки и всплеск воды в реке. Испуганные собаки сорвались со своих мест и подняли лай.

— Кто это был? — обратился я к гольду. — Изюбр?

Он отрицательно покачал головой.

— Может быть, медведь?

— Нет, — отвечал Дерсу.

— Так кто же? — спросил я нетерпеливо.

— Не знаю, — ответил он. — Ночь кончай, след посмотри, тогда понимай.

После переполоха сна как не бывало. Все говорили, все высказывали свои догадки и постоянно обращались к Дерсу с расспросами. Гольд говорил, что это не мог быть изюбр, потому что он сильнее стучит копытами по гальке; это не мог быть и медведь, потому что он пыхтел бы.

Посидели мы еще немного и наконец стали дремать. Остаток ночи взялись окарауливать я и Чжан Бао. Через полчаса все уже опять спали крепким сном, как будто ничего и не случилось.

Наконец появились предрассветные сумерки. Туман сделался серовато-синим и хмурым. Деревья, кусты и трава на земле покрылись каплями росы. Угрюмый лес дремал. Река казалась неподвижной и сонной. Тогда я залез в свой комарник и крепко заснул.

Проснулся я в восемь часов утра. По-прежнему моросило. Дерсу ходил на разведку, но ничего не нашел. Животное, подходившее ночью к нашему биваку, после выстрела бросилось назад через реку. Если бы на отмели был песок, можно было бы увидеть его следы. Теперь остались

для нас только одни предположения. Если это был не лось, не изюбр и не медведь, то, вероятно, тигр.

Но у Дерсу на этот счет были свои соображения.

— Рыба говори, камень стреляй, тебе, капитан, в тумане худо посмотри, ночью какой-то худой люди ходи... Моя думай, в этом месте черт живи. Другой раз тут моя спи не хочу!

Часов в девять утра мы снялись с бивака и пошли вверх по реке Билимбее. Погода не изменилась к лучшему. Деревья словно плакали: с ветвей их на землю все время падали крупные капли; даже стволы были мокрые.

Чем дальше, тем долина становилась все уже и уже. На пути нам повстречалось несколько пустых зверовых фанз. В них я увидел только то, что заметил бы и всякий другой наблюдатель, но Дерсу увидел еще многое другое. Так, например, осматривая кожи, он сказал, что у человека нож был тупой и что он когда резал их, то за один край держал зубами. Беличья шкурка, брошенная звероловами, рассказала ему, что животное было задавлено бревном. В третьем месте Дерсу увидел, что в фанзе было много мышей и хозяин вел немилосердную войну с ними, и т.д.

Мы немного задержались в последней фанзе и к полудню достигли верховьев реки. Тропа давно кончилась, и мы шли некоторое время целиною, часто переходя с одного берега реки на другой.

По мере приближения к Сихотэ-Алиню лес становился гуще и больше был завален колодником. Дуб, тополь и липа остались позади, и место черной березы заняла белая.

Под ногами появились мхи, на которых обильно произрастали плаун, папоротник, мелкая лесная осока и заячья кислица.

В верховьях река Билимбее разбивается на две речки. Если пойти по правой, то можно перевалить на реку Кулумбе* (верхний приток Имана), если же идти по левой (к северо-западу), то выйдешь в один из верхних притоков реки Арму. Мы пошли по правой речке, которая скоро привела нас к подножию Сихотэ-Алиня. Теперь Билимбее имела вид горного ручья, с руслом, заваленным большими камнями. Вода маленькими струйками сбегала по ним вниз, пряталась в траве и вдруг, неожиданно, вновь появлялась где-нибудь в стороне около бурелома.

Подъем на перевал со стороны моря довольно крутой. В этих местах гребень Сихотэ-Алиня голый. Не без труда

* С верховьев р. Билимбе через перевал Киевский можно выйти на Правую Колумбе, а также на р. Лагерная из бассейна р. Арму.

взобрались мы на хребет. Я хотел остановиться здесь и осмотреться, но за туманом ничего не было видно. Дав отдохнуть мулам, мы тронулись дальше. Редкий замшистый хвойный лес, заросли багульника и густой ковер мхов покрывают западные склоны Сихотэ-Алиня.

Спустившись немного с водораздела, мы стали биваком у первого же попавшегося ручья.

К вечеру погода не изменилась, земля по-прежнему, словно саваном, была покрыта густым туманом. Этот туман с изморосью начинал надоедать. Идти по лесу в такую погоду все равно что во время дождя. Каждый куст, каждое дерево, которые нечаянно задеваешь плечом, обдают тысячами крупных капель.

После ужина, протерев ружья, стрелки сейчас же легли спать. Я хотел было заняться съемками, но работа у меня как-то не клеилась. Я завернулся в бурку, лег к огню и тоже уснул.

Следующий день был посвящен осмотру западных склонов Сихотэ-Алиня. Здесь нет настоящих горных ручьев. Вода бесшумно просачивается под мхом. Речки текут спокойно среди невысоких берегов, заросших елью, пихтой, лиственницей и ольхою.

Я хотел спуститься по реке Кулумбе до того места, где в прошлом году нашел удэгейцев, но Дерсу и Чжан Бао не советовали уходить далеко от водораздела. Они говорили, что надо ждать сильных дождей, и в подтверждение своих слов указывали на небо. Теперь туман поднялся выше и имел вид дождевых туч. Оба мои проводника объяснили мне, что, если во время штиля туман вдруг перестает моросить и начинает подниматься кверху и если при этом раскатистое эхо исчезает, надо ждать весьма сильного дождя. Действительно, все эти дни земля точно старалась покрыться туманом, спрятаться от чего-то угрожающего, и вдруг туман изменил ей и, как бы войдя в соглашение с небом, отошел в сторону, предоставляя небесным стихиям разделаться с землею по своему усмотрению.

Чжан Бао советовал вернуться назад на Билимбее и постараться дойти до зверовых фанз. Совет его был весьма резонным, и потому мы в тот же день пошли обратно. Еще утром на перевале красовалось облако тумана. Теперь вместо него через хребет ползли тяжелые тучи. Дерсу и Чжан Бао шли впереди. Они часто поглядывали на небо и о чем-то говорили между собой. По опыту я знал, что Дерсу редко ошибается, и если он беспокоится, то, значит, тому есть серьезные основания.

Часа в четыре дня мы дошли до первой зверовой фанзы. Вдруг опять появился туман, и такой густой, что казалось, чтобы пройти сквозь него, нужно употребить усилие. Дерсу выстрелил в воздух. Гулкое эхо с перекатами разнеслось по лесу. После этого я совсем запутался в метеорологии и попросил у Дерсу объяснений. Он остался доволен. По его словам выходило, что повторное появление тумана с изморосью и гулкое эхо указывали на то, что дождь отодвигается по крайней мере до рассвета. Значит, можно идти дальше. Мы пошли скорее и к сумеркам добрались до второй фанзы. Она была уютнее и больше размерами.

В несколько минут фанза была приведена в жилой вид. Разбросанное имущество мы сложили в один угол, подмели пол и затопили печь. Вследствие тумана, а может быть, и оттого, что печь давно уже не топилась, в трубе не было тяги, и вся фанза наполнилась дымом. Пришлось прогревать печь горячими углями. Только вечером, когда было уже совсем темно, тяга установилась и каны стали нагреваться. Стрелки развели снаружи большой костер, варили чай и что-то со смехом рассказывали друг другу. У другого огня сидели Дерсу и Чжан Бао. Оба они молчали и курили трубки. Посоветовавшись с ними, я решил, что, если завтра большого дождя не будет, пойдем дальше. Надо было во что бы то ни стало пройти «щеки», иначе, если станет прибывать вода в реке, мы будем вынуждены совершить большое обходное движение через скалистые сопки Онку Чжугдыни, что по-удэгейски значит «чертово жилище».

Ночь прошла благополучно.

Было еще темно, когда всех нас разбудил Чжан Бао. Этот человек без часов ухитрялся точно угадывать время. Спешно мы напились чаю и, не дожидаясь восхода солнца, тронулись в путь. Судя по времени, солнце давно взошло, но небо было серое и пасмурное. Горы тоже были окутаны не то туманом, не то дождевой пылью. Скоро начал накрапывать дождь, а вслед за тем к шуму дождя стал примешиваться еще какой-то шум. Это был ветер.

— Начинай есть, — сказал Дерсу, указывая на небо.

Действительно, сквозь разорвавшуюся завесу тумана совершенно явственно обозначилось движение облаков. Они быстро бежали к северо-западу. Мы очень скоро вымокли до последней нитки. Теперь нам было все равно. Дождь не мог явиться помехой. Чтобы не обходить утесы, мы спустились в реку и пошли по галечниковой отмели.

Все были в бодром настроении, стрелки смеялись и толкали друг друга в воду. Наконец в три часа дня мы прошли теснины. Опасные места остались позади.

В лесу мы не страдали от ветра, но каждый раз, как только выходили на реку, начинали зябнуть. В пять часов пополудни мы дошли до четвертой зверовой фанзы. Она была построена на берегу небольшой протоки с левой стороны реки. Перейдя реку вброд, мы стали устраиваться на ночь. Развьючив мулов, стрелки принялись таскать дрова и приводить фанзу в жилой вид.

Кому приходилось странствовать по тайге, тот знает, что значит во время непогоды найти зверовую фанзу. Во-первых, не надо заготовлять много дров, а во-вторых, фанза все же теплее, суше и надежнее, чем палатка. Пока стрелки возились около фанзы, я вместе с Чжан Бао поднялся на ближайшую сопку. Оттуда сверху можно было видеть, что делалось в долине реки Билимбее.

Сильный порывистый ветер клубами гнал с моря туман. Точно гигантские волны, катился он по земле и смешивался в горах с дождевыми тучами.

В сумерки мы возвратились назад. В фанзе уже горел огонь. Я лег на кан, но долго не мог уснуть. Дождь хлестал по окнам; вверху, должно быть на крыше, хлопало корье; где-то завывал ветер, и не разберешь, шумел ли то дождь или стонали озябшие кусты и деревья. Буря бушевала всю ночь.

Наутро, 10 августа, я проснулся от сильного шума. Не надо было выходить из фанзы, чтобы понять, в чем дело. Дождь лил как из ведра. Сильные порывы ветра потрясали фанзу до основания.

Я спешно оделся и вышел наружу. В природе творилось что-то невероятное. И дождь, и туман, и тучи — все это перемешалось между собою. Огромные кедры качались из стороны в сторону, сердито шумели и словно жаловались на свою судьбу. На берегу реки я заметил Дерсу. Он ходил и внимательно смотрел на воду.

— Ты что делаешь? — спросил я его.

— Камни смотрю, вода прибавляй, — отвечал он и стал ругать тех, кто построил фанзу так близко от реки.

Тут только я обратил внимание, что фанза действительно стояла на низком берегу и в случае наводнения могла быть затоплена.

Около полудня Дерсу и Чжан Бао, поговорив о чем-то между собою, пошли в лес. Накинув на себя дождевик, я пошел следом за ними и увидел их около той сопки, на которую подымался накануне. Они таскали дрова и скла-

дывали их в кучу. Меня удивило, почему они складывают их так далеко от фанзы. Я не стал мешать им и поднялся на горку. Напрасно я рассчитывал увидеть долину Билимбее: я ничего не видел, кроме дождя и тумана. Полосы дождя, точно волны, двигались по воздуху и проходили сквозь лес. Вслед за моментами затишья буря как будто хотела наверстать потерянное и неистовствовала еще больше.

Измокший и озябший, я возвратился в фанзу и послал Сабитова к Дерсу за дровами. Он возвратился и доложил, что Дерсу и Чжан Бао дров не дают. Зная, что Дерсу никогда ничего не делает зря, я пошел вместе со стрелками собирать дрова вверх по протоке.

Часа через два возвратились в фанзу Дерсу и Чжан Бао. На них не было сухой нитки. Они разделись и стали сушиться у огня.

Перед сумерками я еще раз сходил посмотреть на воду. Она прибывала медленно, и, по-видимому, до утра не было опасений, что река выйдет из берегов. Тем не менее я приказал уложить все имущество и заседлать мулов. Дерсу одобрил эту меру предосторожности. Вечером, когда стемнело, с сильным шумом хлынул страшный ливень. Стало жутко.

Вдруг в фанзе на мгновение все осветилось. Сверкнула яркая молния, и вслед за тем послышался резкий удар грома. Гулким эхом он широко прокатился по всему небу. Мулы стали рваться на привязи, собаки подняли вой.

Дерсу не спал, он лежал на кане и прислушивался к тому, что происходило снаружи. Чжан Бао сидел у дверей и время от времени перебрасывался с ним короткими фразами. Я что-то сказал, но Чжан Бао сделал мне знак молчать. Затаив дыхание, я стал тоже слушать. Ухо мое уловило за стеной слабый звук, похожий на журчание. Дерсу вскочил со своего места и быстро выбежал из фанзы. Через минуту он вернулся и сообщил, что надо скорее будить людей, так как река вышла из берегов и вода кругом обходит фанзу. Стрелки вскочили и быстро стали одеваться. При этом Туртыгин и Калиновский перепутали обувь и начали смеяться.

— Чего смеетесь? — закричал сердито Дерсу. — Скоро будете плакать.

Пока мы обувались, вода успела просочиться сквозь стену и залила очаг. Угли в нем зашипели и погасли. Чжан Бао зажег смолье. При свете его мы собрали свои постели и пошли к мулам. Они стояли уже по колено в воде и испуганно озирались по сторонам. При свете бересты и

смолья мы стали вьючить мулов, — и было пора. За фанзой вода успела уже промыть глубокую протоку, и опоздай мы еще немного, не переправились бы вовсе. Дерсу и Чжан Бао куда-то убежали, и я, признаться, испугался изрядно. Приказав людям держаться ближе друг к другу, я направился к той горке, на которую взбирался днем. Тьма, ветер и дождь встретили нас сразу, как только мы завернули за угол фанзы.

Ливень хлестал по лицу и не позволял открыть глаз. Не было видно ни зги. В абсолютной тьме казалось, будто вместе с ветром неслись в бездну деревья, сопки и вода в реке, и все это вместе с дождем образовало одну сплошную, с чудовищной быстротой движущуюся массу.

Среди стрелков произошло замешательство.

В это время я увидел впереди небольшой костер и догадался, что его разложили Дерсу и Чжан Бао. За фанзой образовалась глубокая протока. Я велел стрелкам держаться за мулов со стороны, противоположной течению. До костра было не больше полутораста шагов, но, чтобы пройти их, потребовалось много времени. В темноте мы залезли в бурелом, запутались в кустах, потом опять попали в воду. Она быстро бежала вниз по долине, из чего я заключил, что к утру, вероятно, будет затоплен весь лес. Наконец мы добрались до сопки. Тут только я увидел, до какой степени были предусмотрительны Дерсу и Чжан Бао. Теперь только мне стало ясно, зачем они собирали дрова. На жердях были укреплены два куска кедрового корья. Под этой-то защитой они и развели огонь.

Не теряя времени, мы стали ставить палатку. Высокая скала, у подножия которой мы расположились, защищала нас от ветра. О сне нечего было и думать. Долго мы сидели у огня и сушились, а погода бушевала все неистовее, шум реки становился все сильнее.

Наконец стало светать. При дневном свете мы не узнали того места, где была фанза; от нее не осталось и следа. Весь лес был в воде; вода подходила уже к нашему биваку, и пора было позаботиться перенести его выше. С одного слова люди поняли, что надо делать. Одни принялись переносить палатки, другие — рубить хвою и устилать ею сырую землю. Дерсу и Чжан Бао опять принялись таскать дрова. Перенос бивака и заготовка дров длились часа полтора. В это время дождь как будто немного стих. Но это был только небольшой перерыв. Опять появился густой туман; он быстро поднялся кверху, и вслед за тем снова хлынул сильнейший ливень.

Такого дождя я не помню ни до, ни после этого. Ближайшие горы и лес скрылись за стеной воды. Мы снова забились в палатки.

Вдруг раздались крики. Опасность появилась с той стороны, откуда мы ее вовсе не ожидали. По ущелью, при устье которого мы расположились, шла вода. На наше счастье, одна сторона распадка была глубже. Вода устремилась туда и очень скоро промыла глубокую рытвину. Мы с Чжан Бао защищали огонь от дождя, а Дерсу и стрелки боролись с водой. Никто не думал о том, чтобы обсушиться, — хорошо, если удавалось согреться.

Порой сквозь туман было видно темное небо, покрытое тучами. Они шли совсем не в ту сторону, куда дул ветер, а к юго-западу.

— Худо, — говорил Дерсу, — скоро кончай нету.

По его словам, такой же тайфун был в 1895 году. Наводнение застало его на реке Даубихе*, около урочища Анучино. Тогда на маленькой лодочке он спас заведующего почтово-телеграфной конторой, двух солдаток с детьми и четырех китайцев. Два дня и две ночи он разъезжал на оморочке и снимал людей с крыш домов и с деревьев. Сделав это доброе дело, Дерсу ушел из Анучина, не дожидаясь полного спада воды. Его потом хотели наградить, но никак не могли разыскать в тайге.

Перед сумерками мы все еще раз сбегали за дровами, дабы обеспечить себя на ночь.

Утром 12 августа, на рассвете, подул сильный северо-восточный ветер, но скоро стих. Дождь лил по-прежнему без перерыва. Все страшно измучились и от усталости еле стояли на ногах. То надо было держать палатку, чтобы ее не сорвало ветром, то укрывать огонь, то таскать дрова. Ручей, бегущий по ущелью, доставлял нам немало хлопот. Вода часто прорывалась к палаткам; надо было устраивать плотины и отводить ее в сторону. Намокшие дрова горели плохо и сильно дымили. От бессонницы и от дыма у всех болели глаза. Ощущение было такое, как будто в них насыпали песок. Несчастные собаки лежали под скалой и не подымали голов.

На реку было страшно смотреть. От быстро бегущей воды кружилась голова. Казалось, что берег с такой же быстротой двигался в противоположную сторону. Вся до-

---

* Река Даубихе представляла собой участок современной р. Арсеньевка от слияния рр. Тудагоу (верхняя часть р. Арсеньевка) и Эльдагоу (современная р. Муравейка) до слияния с р. Улахе (современная часть р. Уссури).

лина от гор и до гор была залита водою. Русло реки определялось только стремительным течением. По воде плыл мелкий мусор и крупные коряжины; они словно спасались бегством от того ничем не поправимого несчастья, которое случилось там, где-то в горах. Подмытые в корнях лесные великаны падали в реку, увлекая за собою глыбы земли и растущий на ней молодняк. Тотчас этот бурелом подхватывался водою и уносился дальше. Словно разъяренный зверь, река металась в своих берегах. Бешеными прыжками стремилась вода по долине. Там, где ее задерживал плавник, образовывались клубы желтой пены. По лужам прыгали пузыри. Они плыли по ветру, лопались и появлялись вновь.

Миновал еще один день. Вечером дождь пошел с новой силой. Вместе с тем усилился и ветер. Эту ночь мы провели в состоянии какой-то полудремоты. Один подымался, а другие валились с ног.

Природа словно хотела показать, до какой степени она способна обессилить человека в борьбе со стихиями. Так прошла четвертая бурная ночь.

На рассвете то же, что и вчера. Невозможно разобрать, отчего происходит такой шум: от ветра, от дождя или от воды в реке. Часов в девять утра ветер переменился еще раз и подул с юго-востока. Стрелки забились в палатки и, прикрывшись шинелями, лежали неподвижно. У огня оставались только Дерсу и Чжан Бао, но и они, видимо, начали уставать. Что же касается меня, то я чувствовал себя совершенно разбитым. Мне не хотелось ни есть, ни пить, ни спать, — мне просто хотелось лежать, не шевелиться. Около полудня небо как будто просветлело, но дождь не уменьшался.

Вдруг появились короткие, но сильные вихри. После каждого такого порыва наступал штиль. Вихри эти становились реже, но зато каждый последующий был сильнее предыдущего.

— Скоро кончай, — сказал Дерсу.

Слова старика сразу согнали с людей апатию. Все оживились, поднялись на ноги. Дождь утратил постоянство и шел порывами, переходя то в ливень, то в изморось. Это вносило уже некоторое разнообразие и давало надежду на перемену погоды. В сумерки он начал заметно стихать и вечером прекратился совсем. Мало-помалу небо стало очищаться, кое-где проглянули звезды.

С каким удовольствием мы обсушились, напились чаю
 и легли на сухую подстилку! Это был настоящий отдых.

Глава шестая

Возвращение к морю

Переправа через реку Билимбее. — Встреча с А.И. Мерзляковым. — Доставка продовольствия китайцами. — Устье реки Билимбее. — Олений хвост. — Птицы. — Тигр, убитый Дерсу. — Свечение моря

На следующий день мы проснулись поздно. Сквозь прорывы в облаках виднелось солнце. Оно пряталось в тучах, точно не желало смотреть на землю и видеть, что натворила вчерашняя буря. Всюду мутная вода шумящими каскадами сбегала с гор; листва на деревьях и трава на земле еще не успели обсохнуть и блестели, как лакированные; в каплях воды отражалось солнце и переливалось всеми цветами радуги. Природа снова возвращалась к жизни. Тучи ушли к востоку. Теперь буря свирепствовала где-нибудь у берегов Японии или южной оконечности острова Сахалин.

Весь этот день мы простояли на месте: сушили имущество и отдыхали. Человек скоро забывает невзгоды. Стрелки стали смеяться и подтрунивать друг над другом.

Вечерняя заря была багрово-красная и сумерки длинные. В этот день мы улеглись спать рано. Нужно было отоспаться и за прошедшее и на будущее.

Следующий день был 15 августа. Все поднялись рано, с зарей. На восточном горизонте темной полосой все еще лежали тучи. По моим расчетам, А. И. Мерзляков с другой частью отряда не мог уйти далеко. Наводнение должно было задержать его где-нибудь около реки Билимбее. Для того чтобы соединиться с ним, следовало переправиться на правый берег реки. Сделать это надо было как можно скорей, потому что ниже в реке воды будет больше и переправа труднее.

Для исполнения этого плана мы пошли сначала вниз по долине, но вскоре должны были остановиться: река подмывала скалы. Вода нанесла сюда много бурелома и сложила его в большую плотину. По ту сторону виднелся небольшой холмик, не покрытый водою. Надо было обследовать это место. Первым перешел Чжан Бао. По пояс в воде, с палкой в руках, он бродил около противоположного берега и ощупывал дно. Исследования показали, что река здесь разбивается на два рукава, находящиеся один от другого в расстоянии тридцати метров. Второй рукав был шире и глубже первого и не был занесен

плавником. Шестом достать дна нельзя было, потому что течение относило его в сторону. Дерсу и Чжан Бао принялись рубить большой тополь. Скоро на помощь им пришли стрелки с поперечной пилою. Стоя больше чем по колено в воде, они работали очень усердно. Минут через пятнадцать дерево затрещало и с грохотом упало в воду. Комель тополя сначала было подался вниз по течению, но вскоре за что-то зацепился, и дерево осталось на месте. По этому мосту мы перешли через вторую протоку. Оставалось пройти затопленным лесом еще метров пятьдесят.

Убедившись, что больше проток нет, мы вернулись назад.

Люди перейдут, имущество и седла тоже можно перенести, но как быть с мулами? Если их пустить вплавь, то силой течения их снесет под бурелом раньше, чем они достигнут противоположного берега. Тогда решено было переправить их на веревке. Выбрав самый крепкий недоуздок, мы привязали к нему веревку и перетащили конец ее через завалы. Когда все было готово, первого мула осторожно спустили в реку. В мутной воде он оступился и окунулся с головой. Сильное течение тотчас подхватило его и понесло к завалу. Вода пошла через голову мула. Бедное животное оскалило зубы и начало задыхаться. В этот момент его подтащили к берегу.

Первый опыт был не совсем удачен. Тогда мы выбрали другое место, где спуск в реку был пологий. Тут дело пошло успешнее.

Немало трудностей доставил нам переход по затопленному лесу. В наносной илистой почве мулы вязли, падали и выбивались из сил. Только к сумеркам нам удалось подойти к горам с правой стороны долины. Вьючные животные страшно измучились, но еще больше устали люди. К усталости присоединился озноб, и мы долго не могли согреться.

Но самое главное было сделано: мы переправились через реку.

Когда стемнело, пошел опять дождь, мелкий и частый. Всю ночь моросило.

От места нашей переправы через реку Билимбее до моря оставалось еще километров сорок. Это расстояние мы прошли в два дня (16 и 17 августа) без всяких приключений. Как и надо было ожидать, чем ниже, тем воды в реке было больше. В тех местах, где маленькие распадки
 выходили в долину, около устья их была нагромождена

масса песку и глины. Завалы эти надо исчислять тысячами тонн. И все это образовалось в течение каких-нибудь трех суток. Кое-где вода промыла глубокие овраги, по сторонам их произошли огромные оползни, но от обвалившейся земли не осталось и следа — бешеный поток все унес и разметал по долине. Маленькие, ничтожные ручейки превратились теперь в бурные многоводные потоки, переправа через которые отняла у нас много времени. Волей-неволей пришлось придерживаться возвышенного края долины, следуя всем ее изгибам.

По мере того как мы приближались к морю, лес становился хуже и однообразнее. Иногда встречались группами береза и лиственница, клен, липа и дуб дровяного характера.

Около реки на галечниковых наносах в изобилии растут: корзиночная ива и пирамидальная ива, из ствола которой туземцы выдалбливают челноки. Среди ивняков на затопляемой гальке мы видим особое сообщество растений. Чаще всего (и в данном случае) здесь можно видеть довольно высокую охотскую хохлатку с мелкими желтыми цветками, нежные розовые цветки донтостемона, у которого и стебель и верхние листья покрыты тонким пушком, и цепляющийся за ивняки Schizopepon bryoniifolius Maxim* с выемчатыми сердцевидными листьями; затем звездчатку водяную с характерными для нее бледною листвою и узловатым стебельком и пышный белокопытник, образующий большие заросли громадных жирных листьев, напоминающих лопасти рогов сохатого.

Недолго нас баловала хорошая погода. Вечером 16 августа опять появился туман и опять начало моросить. Эта изморось продолжалась всю ночь и весь следующий день. Мы шли целый день чуть ли не по колено в воде. Наконец начало темнеть, и я уже терял надежду дойти сегодня до устья реки Билимбее, как вдруг услышал шум моря. Оказалось, что в тумане мы внезапно вышли на берег и заметили это только тогда, когда у ног своих увидели скатанную гальку и белую пену прибойных волн.

Я хотел было идти налево, но Дерсу советовал повернуть направо. Свои соображения он основал на том, что видел на песке человеческие следы. Они шли от реки Шакиры к реке Билимбее и обратно. Поэтому гольд и заключил, что бивак А.И. Мерзлякова был в правой стороне.

Я сделал два выстрела в воздух, и тотчас же со сторо-

---

* В тексте В.К. Арсеньева оставлены только те латинские названия, к которым он не дает русских аналогов. Упомянутое растение до сих пор именуется так же, как и по латыни, — схизопепон. *(Прим. ред.)*

ны реки Шакиры последовал ответ. Через несколько минут мы были у своих. Начались обоюдные расспросы: с кем что случилось и кто что видел.

Вечером мы долго сидели у костра и делились впечатлениями.

Странно устроен человек... Бивак этот ничем не отличался от других биваков. Так же он был под открытым небом, так же около односкатной палатки горел костер, так же кругом было мокро и сыро, но тем не менее все чувствовали себя так, как будто вернулись домой.

Часов в девять вечера прошел короткий, но сильный дождь, после которого туман сразу исчез, и мы увидели красивое звездное небо. И это небо, по которому широкою полосою протянулся Млечный Путь, и темный океан, в котором разом отражались все светила небесные, одинаково казались беспредельно глубокими.

Ночью было холодно. Стрелки часто вставали и грелись у огня. На рассвете термометр показывал 7°С. Когда солнышко пригрело землю, все снова уснули и проспали до девяти часов утра.

Переправляться через реку Билимбее, пока не спадет вода, нечего было и думать. Нет худа без добра. Мы все нуждались в отдыхе: мулы имели измученный вид; надо было починить одежду и обувь, исправить седла, почистить ружья. Кроме того, у нас начали иссякать запасы продовольствия.

Я решил заняться охотой и послал двух стрелков на реку Адимил за покупками. За последние пять дней я запустил свою работу, и нужно было заполнить пробелы.

Стрелки Сабитов и Аринин стали собираться в дорогу, а я отправился на реку Билимбее, чтобы посмотреть, насколько спала вода за ночь. Не успел я отойти и ста шагов, как меня окликнули. Я возвратился назад и увидел подходящих к биваку двух китайцев с вьючными конями. Это были рабочие из фанзы Дун-Тавайза, куда я хотел посылать за продовольствием. Китайцы сказали, что хозяева их, зная, что перейти теперь через Билимбее нам не удастся, решили послать четыре кулька муки, 10 килограммов свиного сала, 16 килограммов рису, 4 килограмма бобового масла, 4 килограмма сахару и плитку кирпичного чаю. При этом они заявили, что им воспрещено брать с нас деньги.

Я был тронут таким вниманием китайцев и предложил им подарки, но они отказались их принять.

 Китайцы остались у нас ночевать. От них я узнал, что

большое наводнение было на реке Иодзыхе, где утонуло несколько человек. На реке Санхобе снесло водой несколько фанз; с людьми несчастий не было, но зато там погибло много лошадей и рогатого скота.

На другой день китайцы, уходя, сказали, что если у нас опять не хватит продовольствия, то чтобы присылали к ним без стеснения.

Отпустив их, мы с А.И. Мерзляковым пошли к устью реки Билимбее. Море имело необыкновенный вид: на расстоянии двух или трех километров от берега оно было грязно-желтого цвета, и по всему этому пространству плавало множество буреломного леса. Издали этот плавник казался лодками, парусами, шаландами и т.д. Некоторые деревья были еще с зеленою листвою. Как только переменился ветер, плавник погнало обратно к берегу. Море стало выбрасывать назад все лишнее, все мертвое и все, что чуждо было его свободной и живой стихии.

Устье реки Билимбее находится около горы Железняк (460 метров)*, состоящей из кварцевого порфирита, прорезанного в разных местах жилами глубинной зелено-каменной породы, дающей при разрушении охристо-желтый древесняк. Недалеко от устья, с левой стороны реки, высится небольшая береговая терраса с основанием из мелкозернистого туфа, а с правой — расстилается заболоченная низина. Раньше здесь проходила река Билимбее. Устье ее было в том месте, где теперь находится река Шакира. Со временем морским прибоем заметало старое русло; тогда река проложила себе выход в море около горы Железняк.

В нижнем течении река Билимбее в малую воду имеет в ширину 25 метров. Желтая грязная вода шла сильной струей, и казалось, будто и в море еще продолжала течь Билимбее.

Продукты разрушения горы в виде мелкого песка, выносимого рекою, отлагаются там, где течение пресной воды ослабляется морским прибоем. Вследствие этого около устья реки Билимбее образовалась полоса мелководья — бар, которая, как барьером, преграждает доступ к реке.

С 19 по 21 августа мы простояли на месте. Стрелки по очереди ходили на охоту, и очень удачно. Они убили козулю и двух кабанов, а Дерсу убил оленя. Из голеней и берцовых костей изюбра он вынул костный жир, подогрел его немного на огне и слил в баночку. Жир этот у туземцев предназначается для смазки ружей. После ки-

* Высота горы Железняк 786 м.

пячения он остается жидким и не застывает на морозе.

Вечером Дерсу угостил меня оленьим хвостом. Он насадил его на палочку и стал жарить на углях, не снимая кожи. Олений хвост представляет собою небольшой мешок, внутри которого проходит тонкий стержень. Все остальное пространство наполнено буровато-белой массой, по вкусу напоминающей не то мозги, не то печенку.

Олений хвост ценится как особое гастрономическое лакомство.

Целые дни я проводил в палатке, вычерчивал маршруты, делал записи в дневниках и писал письма. В перерывах между этими занятиями я гулял по берегу моря и наблюдал птиц.

Один раз из болот, заросших тростниками, я выгнал камышовку. Отлетев немного, она сейчас же опустилась в осоку, и после, сколько я ни искал ее, не мог уже найти вторично. Тут же были и кулики средней величины, с загнутыми кверху носами, должно быть, улиты; вероятно, уже началось перекочевывание их к югу. По берегу моря, по песку, у самой воды, бегали грациозные кулички-песочники; они тоже готовились к перелету. В море, на воде, держались нырковые утки и белые и сизые чайки. Около устья Билимбее по воздуху с быстротой молнии носились какие-то темные длиннокрылые птички, похожие на ласточек. Я с трудом убил одну из них. Это оказался иглохвостый стриж. Около береговых обрывов можно было усмотреть каменных дроздов с темно-бурой окраской, с белыми крапинками на спине. Они весьма подходили под цвет окружающей обстановки и ловко прятались в камнях.

В ручьях, среди кустарников и в ямах с водою около реки держались чирки-клоктуны.

Эти доверчивые и смирные уточки при приближении человека не выказывали испуга и не улетали прочь, а старались лишь немного отплыть в сторону, точно так, как это делают домашние утки.

Вечером мы с Дерсу долго разговаривали об охоте, о зверях, о лесных пожарах и т.д. У него были интересные и тонкие наблюдения. Так, по его словам, лет двадцать тому назад две зимы подряд тигры двигались от запада к востоку. Заметил это не он один, а также и другие охотники. Все тигровые следы шли в этом направлении. По его мнению, это был массовый переход тигров из Сунгарийского края в Сихотэ-Алинь. Затем он припомнил, что в 1886 году был общий падеж зверя. Летом гибли пятнистые олени, потом стали падать изюбры, а зимой — кабаны.

Раньше я несколько раз пытался расспрашивать Дерсу, при каких обстоятельствах он убил тигра, но гольд упорно отмалчивался или старался перевести разговор на другую тему, но сегодня мне удалось выпытать от него, как это случилось.

Дело было на реке Фудзине, в мае месяце. Дерсу шел по долине среди дубового редколесья. При нем была маленькая собачонка. Сначала она весело бежала вперед, но потом стала выказывать признаки беспокойства.

Не видя ничего подозрительного, Дерсу решил, что собака боится медвежьего следа, и без опаски пошел дальше.

Но собака не унималась и жалась к нему так, что положительно мешала идти. Оказалось, что поблизости был тигр. Увидев человека, он спрятался за дерево. По совершенной случайности вышло так, что Дерсу направлялся именно к тому же дереву.

Чем ближе подходил человек, тем больше прятался тигр; он совсем сжался в комок. Не замечая опасности, Дерсу толкнул собаку ногой, но в это время выскочил тигр. Сделав большой прыжок в сторону, он начал бить себя хвостом и яростно реветь.

— Что ревешь? — закричал ему Дерсу. — Моя тебя трогай нету. Зачем сердишься?

Тогда тигр отпрыгнул на несколько шагов и остановился, продолжая реветь. Гольд опять закричал ему, чтобы он уходил прочь. Тигр сделал еще несколько прыжков и снова заревел.

Видя, что страшный зверь не хочет уходить, Дерсу крикнул ему:

— Ну, хорошо! Тебе ходи не хочу — моя стреляй, тогда виноват не буду.

Он поднял ружье и стал целиться, но в это время тигр перестал реветь и шагом пошел на увал в кусты. Надо было воздержаться от выстрела, но Дерсу не сделал этого. В тот момент, когда тигр был на вершине увала, Дерсу спустил курок. Тигр бросился в заросли. После этого Дерсу продолжал свой путь. Дня через четыре ему случилось возвращаться той же дорогой. Проходя около увала, он увидел на дереве трех ворон, из которых одна чистила нос о ветку.

«Неужели я убил тигра?!» — мелькнуло у него в голове.

Едва он перешел на другую сторону увала, как наткнулся на мертвого зверя. Весь бок у него был в червях. Дерсу сильно испугался. Ведь тигр уходил, зачем он стрелял?.. Дерсу убежал. С той поры мысль, что он напрасно

убил тигра, не давала ему покоя. Она преследовала его повсюду. Ему казалось, что рано или поздно, а он поплатится за это и даже по ту сторону смерти должен дать ответ.

— Моя теперь шибко боится, — закончил он свой рассказ. — Раньше моя постоянно один ходи, ничего бойся нету, а теперь чего-чего посмотри — думай, след посмотри — думай, один тайга спи — думай...

Он замолчал и сосредоточенно стал смотреть на огонь.

Ночь была теплая и тихая. Иногда сквозь облака на мгновение выглядывала луна, но хмурые тучи стремились заслонить ее, точно они не хотели, чтобы она светила на землю. Сонный воздух, наполненный запахом багульника, был неподвижен. Где-то звонко капала вода и стрекотали кузнечики.

Дня через два вода в реке начала спадать, и можно было попытаться переправиться на другую ее сторону. Буреломный лес хотя и продолжал еще плыть, но не уносился в море, а застревал на баре.

Приказ выступать назавтра обрадовал моих спутников. Все стали суетиться, разбирать имущество и укладывать его по местам.

После бури атмосфера пришла в равновесие и во всей природе воцарилось спокойствие. Особенно тихими были вечера. Ночи стали прохладными.

На следующий день, когда я проснулся, солнце было уже высоко. Мои спутники напились чая и ждали только меня. Быстро я собрал свою постель, взял в карман кусок хлеба и, пока солдаты вьючили мулов, пошел вместе с Дерсу, Чжан Бао и А.И. Мерзляковым к реке Билимбее.

Собаки тотчас переплыли на другую сторону, но, видя, что мы не переходим, вернулись обратно. Надо было поискать брод. С той и с другой стороны тянулись отмели. Одна из них была выше по течению, а другая ниже. Очевидно, брод шел наискось. Вода в реке стояла еще довольно высоко, и течение было быстрое. Положим, что лошади и люди могли бы переплыть, но как перетащить грузы? Оставалось только одно средство — сделать плот и на нем переправиться. Эта работа отняла у нас почти целый день. Часов в семь вечера мы закончили переправу, основательно устав и промокнув. Мулы, напуганные во время наводнения, сначала не хотели идти в воду. Дьяков переплыл с одним из них, и тогда остальные без всяких заминок пошли сзади.

На другом берегу высилась большая терраса. Тут мы и остановились.

Когда на западе угасли последние отблески вечерней зари и все кругом погрузилось в ночной мрак, мы могли наблюдать весьма интересное явление из области электрометеорологии: свечение моря и в то же время исключительную яркость Млечного Пути. Море было тихое. Нигде ни единого всплеска. И вся обширная гладь воды как-то тускло светилась. Иногда вдруг разом вспыхивало все море, точно молния пробегала по всему океану. Вспышки эти исчезали в одном месте, появлялись в другом и замирали где-то на горизонте. На небе было так много звезд, что оно казалось одною сплошною туманностью; из всей этой массы особенно явственно выделялся Млечный Путь. Играла ли тут роль прозрачность воздуха или действительно существовала какая-нибудь связь между этими двумя явлениями — боюсь сказать. Мы долго не ложились спать и любовались то на небо, то на море. На другое утро караульные сообщили мне, что свечение морской воды длилось всю ночь и прекратилось только перед рассветом.

Глава седьмая

Экскурсия на Сяо-Кему

Мелкие речки, текущие в море. — Кости оленей. — Комета. — Что такое солнце? — Река Конор. — Староверы. — Непогода. — Река Сакхома. — Недоразумение с условными знаками. — Река Угрюмая. — Горы в истоках реки Горелой. — Звезды. — Суеверие дикаря и образованного человека. — Красные волки. — Возвращение

Двадцать четвертого августа мы распрощались с рекой Билимбее и пошли вдоль берега моря. Продолжением берегового хребта, отделяющего реку Фату и реку Бейцу (притоки Санхобе) от моря, будет гора Узловая. Далее, на север, за ней в море впадают следующие речки: Кольгатео (по-удэгейски — Куалигаса), Хаома (Хома), Сюригчи (Сюликси), Гицироза, Вязтыгни, Ойонктого (по-китайски — Куандал и по-удэгейски — Куанда), Ада, Чуркан (по-китайски — Чаануоза и по-удэгейски — Анкуга) и Конор*. На этом протяжении в обнажениях на берегу

* Речки Кольгатео, Хаома, Сюригчи, Гицироза, Вязтыгни, Ойонктого, Ада, Чуркан не идентифицированы, т.к. на участке от р. Билимбе (Таежная) до р. Конор (Кондо, ныне Заводская) всего только 3 небольших ручья.

моря встречаются слюдистые сланцы, известковые и глинистые песчаники, окрашенные окисью железа, затем известняки, сланцевая глина, мелафиры, базальты и андезиты. Гора Железняк падает к морю обрывистыми утесами, у подножия которых тянется узкая, местами совсем исчезающая полоса прибоя. Во время волнения идти здесь совсем нельзя. Около реки Кольгатео есть скала, удивительно похожая на голову человека. Удэгейцы называют ее Када-ни, то есть каменный человек. По их преданию, это был великан. Один раз он вошел в воду и стал кричать, что никого не боится. В этот момент властитель морей — Тэму — превратил его в камень. От тяжести он стал увязать в земле и опускаться все ниже и ниже. Лет пятьдесят тому назад еще были видны его плечи, а теперь над водной поверхностью осталась только одна голова. Иногда великан шевелится: тогда содрогаются и стонут прибрежные сопки.

От устья реки Билимбее до Конора двенадцать километров по прямой линии. В этот день, несмотря на хорошую погоду, нам удалось пройти немного. На бивак мы стали около небольшой речки Сюригчи. Нижняя часть ее заболочена, а верхняя покрыта гарью. Здесь был когда-то хороший лес. Недавнее наводнение размыло оба берега речки.

Невдалеке от бивака Дьяков нашел скелеты двух оленей, спутавшихся рогами. Я отправился по указанному направлению и вскоре действительно увидел на земле изюбровые кости. Видно было, что над уборкой трупов потрудились и птицы и хищные звери. Особенный интерес представляли головы животных. Во время драки они так сцепились рогами, что уже не могли разойтись и погибли от голода. Стрелки пробовали разнять рога, шесть человек (по три с каждой стороны) не могли этого сделать.

Можно представить себе, с какой силой бились изюбры! Очевидно, при ударе рога раздались и приняли животных в смертельные объятия. Хотя мулы наши были перегружены, тем не менее я решил дотащить эту редкую находку до первого жилого пункта и там оставить ее на хранение.

Ночью, перед рассветом, меня разбудил караульный и доложил, что на небе видна «звезда с хвостом». Спать мне не хотелось, и потому я охотно оделся и вышел из палатки. Чуть светало. Ночной туман исчез, и только на вершине горы Железняк держалось белое облачко. При-
 лив был в полном разгаре. Вода в море поднялась и зато-

пила значительную часть берега. До восхода солнца было еще далеко, но звезды стали уже меркнуть. На востоке, низко над горизонтом, была видна комета. Она имела длинный хвост.

Скоро проснулись остальные люди и принялись рассуждать о том, что предвещает эта небесная странница. Говорили, что земля обязана ей своим недавним наводнением, а Чжан Бао сказал, что в той стороне, куда направляется комета, будет война. Видя, что Дерсу ничего не говорит, я спросил его, что думает он об этом явлении.

— Его так сам постоянно по небу ходи, людям никогда мешай нету, — отвечал гольд равнодушно.

При всем своем антропоморфизме он был прав и судил о вещах так, каковы они есть на самом деле.

Но вот на востоке стала разгораться заря, и комета пропала. Ночные тени в лесу исчезли; по всей земле разлился серовато-синий свет утра. И вдруг яркие солнечные лучи вырвались из-под горизонта и разом осветили все море.

— Дерсу, — спросил я его, — что такое солнце?

Он посмотрел на меня недоумевающе и, в свою очередь, задал вопрос:

— Разве ты никогда его не видал? Посмотри! — сказал он и указал рукой на солнечный диск, который в это время поднялся над горизонтом.

Все засмеялись. Дерсу остался недоволен: как можно спрашивать человека, что такое солнце, когда это самое солнце находится перед глазами? Он принял это за насмешку.

Вследствие того что мы рано встали, мы рано выступили и с бивака. Тропа по-прежнему шла по берегу моря. После реки Сюригчи на значительном протяжении идут метаморфические глинистые сланцы.

Из мелких речек здесь наиболее интересна река Конор. Она длиною около 10 километров и состоит из слияния двух речек: большой — Левой и меньшей — Правой. Истоки реки Конор находятся в том же горном узле (горы Туманная и Дромацер), где истоки реки Забытой (приток реки Билимбее*).

Долина Конор большей частью болотистая, покрыта лиственным редколесьем; река маловодная, но имеет довольно быстрое течение. Около устья она разделяется на два рукава, текущие по глубоким расщелинам. По сторо-

---

* Описание местности не соответствует географической ситуации, отображаемой на картах.

нам их возвышаются морские береговые террасы — как результат отрицательного движения береговой линии.

Отдохнув немного на Коноре, мы снова тронулись в путь.

Тут тропа оставляет берег моря и по ключику Ада поднимается в горы, затем пересекает речку Чюриги и тогда выходит в долину реки Сяо-Кемы, которая на морских картах названа Сакхомой.

На Сяо-Кеме, в полутора километрах от моря, жил старообрядец Иван Бортников*. Семья его состояла из него самого, его жены, двух взрослых сыновей и двух дочерей. Надо было видеть, как испугало их наше появление! Захватив детей, женщины убежали в избу и заперлись на засовы. Когда мы проходили мимо, они испуганно выглядывали в окна и тотчас прятались, как только встречались с кем-нибудь глазами. Пройдя еще с полкилометра, мы стали биваком на берегу реки, в старой липовой роще.

Сегодня весь день стояла в воздухе какая-то мгла. Она медленно сгущалась. После полудня в ней потонули дальние горы. Барометр стоял на 757 миллиметрах при +14,5°С. На западной части неба все время держалась темная туча с резко очерченными краями. Характер ветра был неровный, то он становился порывистым, то спадал до полного штиля. В тот момент, когда солнце скрылось за облаками, края последних стали светиться, как будто были из расплавленного металла. Прошло несколько минут, и вдруг из-за тучи по желто-зеленому фону неба веером поднялись три пурпуровых луча. Явление это продолжалось не более двух минут. Затем оно начало блекнуть, и вместе с тем туча стала быстро застилать небо.

Я думал, что на другой день, 26 августа, будет непогода. Но опасения мои оказались напрасными. Наутро небо очистилось, и день был совершенно ясный.

Староверы Бортниковы жили зажиточно, повинностей государственных не несли, земли распахивали мало, занимались рыболовством и соболеванием и на свое пребывание здесь смотрели как на временное. Они не хотели, чтобы мы отправились в горы, и неохотно делились с нами сведениями об окрестностях.

Река Сяо-Кема состоит из слияния двух рек: Горелой длиною в 15 и Сакхомы длиной в 20—25 километров. Слияние их происходит недалеко от моря. Здесь долина становится шире и по сторонам окаймляется невысокими

* На месте проживания староверческой семьи Ивана Бортникова вырос пос. Малая Кема.

сопками, состоящими главным образом из базальтов, с резко выраженной флюидальной структурой и листоватою сфероидальною отдельностью.

Во время недавнего наводнения вода сильно размыла русло реки и всюду проложила новые протоки. Местами видно было, что она шла прямо по долине и плодородную землю занесла песком и галькой. Около устья все протоки снова собираются в одно и образуют нечто вроде длинной заводи.

Сегодняшняя вечерняя заря была опять очень интересной и поражала разнообразием красок. Крайний горизонт был багровый, небосклон — оранжевый, затем желтый, зеленый и в зените мутно-бледный. Это была паутина перистых облаков. Мало-помалу она сгущалась и наконец превратилась в слоистые тучи. Часов в десять вечера за ней скрылись последние звезды. Началось падение барометра.

Утром разбудил меня шум дождя. Одевшись, я вышел на улицу. Низко бегущие над землей тучи, порывистый ветер и дождь живо напомнили мне бурю на реке Билимбее. За ночь барометр упал на 17 миллиметров. Ветер несколько раз менял свое направление и к вечеру превратился в настоящий шторм.

В этот день работать не удалось. Палатку так сильно трепало, что, казалось, вот-вот ее сорвет ветром и унесет в море. Часов в десять вечера непогода стала стихать. На рассвете дождь перестал и небо очистилось.

28, 29 и 30 августа были посвящены осмотру реки Сяо-Кемы. На эту экскурсию я взял с собою Дерсу, Аринина и Сабитова. Маршрут я наметил по реке Сакхоме до истоков и назад, к морю, — по реке Горелой. Стрелки с вьючным мулом должны были идти с нами до тех пор, пока будет тропа. Дальше мы идем сами с котомками, а они тою же дорогою возвращаются обратно.

Часов в восемь утра мы выступили с бивака.

Тропа начинается от самого дома староверов и идет по левому берегу реки. Здесь рельеф представляется в виде холмов с длинными пологими скатами. Разбросанные по долине реки, густо поросшие орешником холмы чередуются с болотцами и каменистыми участками, лишенными растительности. Между ними река проложила себе много проток. После недавнего дождя они все были переполнены водою. Эти пологие увалы есть не что иное, как размытые речные террасы, покрытые редколесьем из дуба, бархата, клена, черной березы, тополя, вяза и липы в возрасте от 150 до 200 лет.

Как и везде, густое подлесье в долине Сакхомы состояло из зарослей калины, таволожки и леспедецы. Среди кустарников нашел себе приют охотский хмель* с зимующим одеревенелым стеблем, повесивший на близрастущее деревце свои цепкие плети с белыми пушинками, как у одуванчика. В другом месте тонкие длинные ветви ломоноса с мелкими белыми цветками совсем опутали куст шиповника. Тут же из зарослей подымала свою красивую головку пышная ятрышниковая любка, а рядом с ней — ядовитая чемерица, которую легко узнать по плойчатым, грубым листьям и шапке белых цветов, теперь уже побуревших и засохших.

По дну длинных балок, прорезывающих террасы в направлении, перпендикулярном к линии тальвега долины, текут небольшие извилистые ручейки. Около их устьев кустарники прерываются, и их места занимают тростники и обыкновенная полынь саженной высоты, оспаривающие друг у друга открытые и сухие места.

Мул, которого взяли с собою Аринин и Сабитов, оказался с ленцой, вследствие чего стрелки постоянно от нас отставали. Из-за этого мы с Дерсу должны были часто останавливаться и поджидать их. На одном из привалов мы условились с ними, что в тех местах, где тропы будут разделяться, мы будем ставить сигналы. Они укажут им направление, которого надо держаться. Стрелки остались поправлять седловку, а мы пошли дальше.

Река Сакхома около устья шириною 6—8 и глубиною не более 1—1 $^1/_2$ метра. Немного выше того места, где она соединяется с рекой Горелой, долина суживается. С правой стороны подымаются высокие горы, поросшие густым смешанным лесом, а слева тянутся размытые террасы с лиственным редколесьем.

Здесь тропы первый раз разделились: одна пошла вверх по реке, другая куда-то вправо. Надо было поставить условленный сигнал. Дерсу взял палочку, застругал ее и воткнул в землю; рядом с ней он воткнул прутик, согнул его и надломленный конец направил в ту сторону, куда надо идти. Установив сигналы, мы отправились дальше в уверенности, что стрелки поймут наши знаки и пойдут как следует. Пройдя километра два, мы остановились. Не помню, мне что-то понадобилось во вьюках. Мы стали ждать стрелков, но не дождались и пошли назад к ним навстречу. Минут через двадцать мы были у места разветвления троп. С первого же взгляда стало ясно, что стрелки не замети-

* Охотский хмель — княжик охотский. *(Прим. ред.)*

ли нашего сигнала и пошли по другой дороге. Дерсу начал ругаться.

— Какой народ! — говорил он в сердцах. — Так ходи, головой качай, все равно как дети. Глаза есть — посмотри нету. Такие люди в сопках живи не могу — скоро пропади.

Его удивляло не то, что Аринин и Сабитов ошиблись. Это не беда! Но как они, идя по тропе и видя, что на ней нет следов, все-таки продолжают идти вперед. Мало того, они столкнули оструганную палочку. Он усмотрел, что сигнал был опрокинут не копытом мула, а ногою человека.

Однако разговором дела не поправишь. Я взял свое ружье и два раза выстрелил в воздух. Через минуту откуда-то издалека послышался ответный выстрел. Тогда я выстрелил еще два раза. После этого мы развели огонь и стали ждать.

Через полчаса стрелки возвратились. Они оправдывались тем, что Дерсу поставил такие маленькие сигналы, что их легко было не заметить. Гольд не возражал и не спорил. Он понял, что то, что ясно для него, совершенно неясно для других.

Напившись чаю, мы опять пошли вперед. Уходя, я велел людям внимательно смотреть под ноги, чтобы не повторить ошибки. Часа через два мы достигли того места, где в Сакхому с правой стороны впадает река Угрюмая.

Тут тропы опять разделились. Первая ведет на перевал к реке Илимо (приток Такемы), а по второй нам следовало идти, чтобы попасть в истоки реки Горелой. Дерсу снял котомку и стал таскать бурелом.

— Рано делать бивак, — сказал я ему. — Пойдем дальше.

— Моя дрова таскай нету. Моя дорога закрывай, — ответил он серьезным тоном.

Тогда я понял его. Стрелки бросили ему укор в том, что оставляемые им сигналы незаметны. Теперь он решил устроить такую преграду, чтобы они уперлись в нее и остановились. Меня это очень рассмешило. Дерсу навалил на тропе множество бурелома, нарубил кустов, подрубил и согнул соседние деревья — словом, создал целую баррикаду. Завал этот подействовал. Натолкнувшись на него, Сабитов и Аринин осмотрелись и пошли как следует.

Река Угрюмая течет в широтном направлении. Узкая долина ее покрыта густым хвойно-смешанным лесом. Следы разрушительного действия воды видны на каждом шагу. Лежащие на земле деревья, занесенные галькою и пес-

ком, служат запрудами, пока какое-нибудь новое большое наводнение не перенесет их в другое место.

По дороге мы несколько раз видели козуль. Я стрелял и убил одну из них. В сумерки мы дошли до верховьев реки и стали биваком.

Вечером Дерсу особым способом жарил козулятину. Он выкопал в земле яму размером 40 сантиметров в кубе и в ней развел большой огонь. Когда стенки ямы достаточно прогрелись, жар из ямы был вынут. После этого гольд взял кусок мяса, завернул его в листья подбела и опустил в яму. Сверху он прикрыл ее плоским камнем, на котором снова развел большой огонь на полтора часа. Приготовленное таким образом мясо было удивительно вкусно. Ни в одном первоклассном ресторане не сумели бы так хорошо его зажарить: снаружи козулятина покрылась красновато-бурой пленкой, но внутри была сочная. С той поры при каждом удобном случае мы жарили мясо именно таким способом.

Отсюда на другой день стрелки Аринин и Сабитов с мулом пошли обратно, а мы с Дерсу продолжали маршрут дальше.

В верховьях река Угрюмая разбивается на две речки, расходящиеся под углом градусов в тридцать. Мы пошли влево и стали взбираться на хребет, который здесь описывает большую дугу, охватывая со всех сторон истоки реки Горелой (река Угрюмая огибает его с запада). С этих гор берут начало и другие реки. На запад течет река Сяо-Кунчи (приток Такемы), на юг — один из притоков реки Билимбее, на юго-восток — Конор. Если стоять лицом вверх по реке Горелой, а спиною к морю, то вершины, составляющие упомянутый горный хребет, располагаются справа налево в следующем порядке: гора Голиаф (960), Туманная (970), Шпиц (940), Шанц (1000), Дромадер (1060), Облачная (980) и Алмазная (900 метров)*. Последняя состоит из крупнозернистого кварцевого порфира. Здесь в жилах часто находили друзы горного хрусталя. Это обстоятельство, вероятно, и послужило поводом для того, чтобы окрестить ее Алмазной горой.

Все окрестные сопки обезлесены пожарами; дожди смыли всю землю и оголили старые осыпи, среди которых кое-где сохранились одинокие скалы с весьма причудливыми очертаниями. Одни из них похожи на лю-

* Перечисленные названия гор и их высоты не соответствуют географической ситуации. В указанном районе высшей точкой является г. Шпиль высотой 906 м.

дей, другие — на колонны, третьи — на наковальни и т.д.

Мы с Дерсу прошли вдоль по хребту. Отсюда сверху было видно далеко во все стороны. На юге, в глубоком распадке, светлой змейкой извивалась какая-то река; на западе в синеве тумана высилась высокая гряда Сихотэ-Алиня; на севере тоже тянулись горные хребты; на восток они шли уступами, а дальше за ними виднелось темно-синее море. Картина была величественная и суровая.

Когда начало смеркаться, мы немного спустились с гребня хребта в сторону реки Горелой. После недавних дождей ручьи были полны водою. Очень скоро мы нашли удобное место и расположились биваком высоко над уровнем моря.

С утра день был облачный, но к вечеру небо очистилось. Золотисто-розовые лучи заходящего солнца некоторое время скользили по склонам гор и взбирались все выше и выше. Потом они оставили скалы и стали играть с облаками на небе; потом угасло и это явление: вечерняя заря стала медленно замирать. Дромадер, Шанц и Алмазная гора резко вырисовывались на светлом фоне неба и казались теперь еще сумрачнее и выше. По мере того как пропадал свет солнца на небе, по земле разливался другой, бледно-голубой свет луны. Тени стали резче и темнее. Кругом пала обильная роса.

Ночь обещала быть холодной, и потому мы постарались собрать побольше дров, благо в них здесь не было недостатка.

Лежа у костра, я любовался звездами. Дерсу сидел против меня и прислушивался к ночным звукам. Он понимал эти звуки, понимал, что бормочет ручей и о чем шепчется ветер с засохшей травою.

Мы разговаривали: говорили о небе, о луне, о звездах. Мне интересно было узнать, как объясняет все небесные явления человек, проведший всю жизнь среди природы, ум которого не был заполнен книжными аксиомами.

Оказалось, что он никогда не задумывался над тем, что такое небо, что такое звезды. Объяснял он все удивительно просто. Звезда — звезда и есть; луна — каждый ее видел, значит, и описывать нечего; небо — синее днем, темное ночью и пасмурное во время ненастья. Дерсу удивился, что я расспрашиваю его о таких вещах, которые хорошо известны всякому ребенку.

— Кругом люди понимай. Разве тебе, капитан, посмотри нету? — спрашивал он меня, в свою очередь.

Я так увлекся созерцанием звездного неба, что совер-

шенно забыл о том, где я нахожусь. Вдруг голос Дерсу вывел меня из задумчивости.

— Посмотри, капитан, — сказал он, — эта маленькая уикта (звезда).

Я долго не мог разобраться, на какое светило он указывал, и наконец после разъяснений понял, что он говорил про Полярную звезду.

— Это самый главный люди, — продолжал гольд. — Его всегда один место стоит, а кругом его все уикта ходят.

В это время яркая падающая звезда черкнула по небу.

— Что это такое, Дерсу? Как ты думаешь? — спросил я его.

— Одна уикта упала.

Я думал, что он свяжет это явление с рождением или со смертью человека, даст ему религиозную окраску. Ничего подобного. Явление простое: одна звезда упала.

— Люди говорят, — добавил он, — там, где упала звезда, надо искать женьшень.

Для образованного человека это явление сложное: осколок астероида, случайно вошедший в сферу земного притяжения, раскалившийся от трения о воздух, горящий за счет кислорода воздуха, метеорное железо, космическая пыль... Падение их на Землю в течение многих веков должно влиять на объем, вес и плотность Земли, а всякое малейшее изменение в этом направлении влечет изменение в движении ее и рефлектирует на движение других планет и т. д.

Я очнулся от своих дум. Костер угасал. Дерсу сидел, опустив голову на грудь, и дремал. Я подбросил дров в огонь и стал устраиваться на ночь.

На другое утро мы проснулись от холода. Роса, выпавшая с вечера на землю, замерзла и превратилась в иней. Согревшись чаем, мы надели свои котомки и стали спускаться к реке Горелой. Долина ее шире, чем долина реки Сакхомы, и имеет явно выраженный характер размыва. Другой отличительной чертой ее будет отсутствие лесов, большею частью уничтоженных пожарами. Все склоны гор, обращенные к реке Горелой, сплошь покрыты осыпями, заросшими травой, кустарниками, и завалены буреломом. Река имеет порожистый характер. Долина ее длиною в 14 километров, ширина около устья — 4—6 и глубина не более 0,6—0,9 метра.

По мере того как мы подвигались книзу, ручей становился многоводнее. Справа и слева в него впадали такие

 же ручьи, и скоро наш ручей стал довольно большою гор-

ною речкой. Вода с шумом стремилась по камням, но этот шум до того однообразен, что забываешь о нем, и кажется, будто в долине царит полная тишина.

Пробираться сквозь заросли горелого леса всегда трудно. Оголенные от коры стволы деревьев с заостренными сучками в беспорядке лежат на земле. В густой траве их не видно, и потому часто спотыкаешься и падаешь. Обыкновенно после однодневного пути по такому горелому колоднику ноги у лошадей изранены, у людей одежда изорвана, а лица и руки исцарапаны в кровь. Зная по опыту, что гарь выгоднее обойти стороною, хотя бы и с затратой времени, мы спустились в ручей и пошли по гальке.

Вдруг за поворотом речки я увидел какое-то животное, похожее на собаку, только выше ростом. Широкая голова, небольшие мохнатые стоячие уши, притупленная морда, сухое сложение и длинный пушистый хвост изобличали в нем красного волка, или шакалоподобную дикую собаку. Цвет волка действительно был красный, темный на спине и светлый на брюхе. Животное лакало воду. Когда мы вышли на гальку, оно перестало пить и большими прыжками побежало к лесу. Вслед за ним из прибрежных кустов выскочили еще два волка, из которых один был такой же окраски, как и первый, а другой темнее, и еще несколько животных промелькнуло мимо нас по кустам. Я стрелял и ранил одного из них. В это время подошел Дерсу. Узнав, в чем дело, он направился в заросли и стал что-то искать. Минуты через две я услышал его оклик и повернул в ту сторону. Гольд стоял около большого кедра и махал мне рукою. Подойдя к нему, я увидел на земле большое кровавое пятно и кое-где клочки оленьей шерсти. Дерсу сообщил мне, что красные волки всегда бродят по тайге стаями и охотятся за козами сообща, причем одни играют роль загонщиков, а другие устраивают засаду. Когда они бросаются на животное, то растаскивают его на части, оставляя на месте, как и в данном случае, только кровавое пятно и клочки шерсти. Охотники говорят, что бывали случаи нападения их на человека.

Область распространения красных волков обнимает долину реки Уссури, Южноуссурийский край и прибрежный район к северу от залива Ольги до мыса Плитняк. Другими словами, северная граница их обитания совпадает с границей распространения диких коз и пятнистых оленей. Чаще всего животное это встречается в Посьетском, Барабашевском и Суйфунском районах.

Отдохнув немного около речки, мы пошли дальше и к вечеру дошли до берега моря.

Следующий день, 31 августа, мы провели на реке Сяо-Кеме, отдыхали и собирались с силами. Староверы, убедившись, что мы не вмешиваемся в их жизнь, изменили свое отношение к нам. Они принесли нам молока, масла, творогу, яиц и хлеба, расспрашивали, куда мы идем, что делаем и будут ли около них сажать переселенцев.

Глава восьмая

Такема

Птицы на берегу моря. — Население. — Дугообразно расположенные горные складки. — Река Илимо. — Старуха с внучатами. — Река Цимухе. — Леший и следы тигра. — Изюбр. — Пороги. — Переправа вброд. — Бивак старика китайца

Сегодня первый день осени (1 сентября). После полудня мы оставили реку Сяо-Кему и перешли на Такему. Расстояние это небольшое — всего только 7 километров при хорошей тропе, проложенной параллельно берегу моря.

Окрестные горы состоят из метаморфизированных базальтов, авгитового андезита и туфов и имеют вид размытых невысоких холмов с пологими скатами. На Такему мы пришли рано, но долго не могли переправиться через реку. На правом ее берегу, около устья, паслись лошади под наблюдением старика китайца и хромого таза. Последний, по словам старика, поехал на лодке в деревню за продуктами и должен был скоро возвратиться обратно. Пришлось его дожидаться. Пока стрелки варили чай, я от нечего делать пошел к берегу моря посмотреть птиц.

Перелет только что начался. Прежде всего я заметил серых уток и узконосых чирков. Тех и других было очень много. Первые очень пугливы. Они не подпускали к себе человека и взлетали тотчас, как только слышали шум шагов. Вторые — маленькие серые уточки с синими зеркальцами на крыльях, смирные и доверчивые, — старались только немного отплыть в сторону. В другом месте я увидел нескольких чернетей. Черные, с синим отливом и с белыми пятнами на спине, они быстро плавали по лагуне и часто ныряли. Я убил двух птиц, но есть их было нельзя, потому что мясо сильно пахло рыбой. На противоположном берегу стайками ходило много куличков. Некоторые из них

перелетали на нашу сторону. Это были красноногие щеголи. Около воды суетились камнешарки — красивые пестренькие птички, тоже с красными ногами. Они бегали по воде и каждый раз, когда отходила волна, заглядывали под камни, переворачивали травинки и выискивали корм. Ближе к морю держались самые крупные и красивые кулики-сороки с красными клювами и ногами серо-фиолетового цвета. Они подпускали человека не более как на сто пятьдесят — двести шагов, затем снимались по очереди и, отлетев шагов на четыреста, снова садились у воды, озираясь по сторонам. Около устья реки в одиночку бегали по камням, помахивая хвостиками, грациозные трясогузки и нисколько не боялись присутствия человека. В море плавали обычные каменушки, которые, видимо, были совершенно равнодушны к перелету. Их не беспокоили надвигавшиеся холода.

Приближалось время хода кеты, и потому в море перед устьем Такемы держалось множество чаек. Уже несколько дней птицы эти в одиночку летели куда-то к югу. Потом они пропали и вот теперь неожиданно появились снова, но уже стаями. Иногда чайки разом снимались с воды, перелетали через бар и опускались в заводь реки. Я убил двух птиц. Это оказались тихоокеанские клуши.

На Такеме фазанов нет вовсе, несмотря на то, что возделывают землю здесь уже более десяти лет. Это объясняется тем, что между реками Санхобе и Такемой лежит пустынная область, без пашен и огородов. По-видимому, река Такема в Уссурийском крае является северной границей распространения обыкновенной белобокой сороки, столь обычной для Ольгинского района и быстро сокращающейся в числе по мере продвижения на север по побережью моря.

Наконец хромой таз вернулся, и мы стали готовиться к переправе. Это было не так просто и легко, как казалось с берега.

Течение в реке было весьма быстрое, перевозчик таз каждый раз поднимался вверх по воде метров на триста и затем уже спускался к противоположному берегу, упираясь изо всех сил шестом в дно реки, и все же течением его сносило к самому устью.

В низовьях река Такема разбивается на три рукава. Они все впадают в длинную заводь, которая тянется вдоль берега моря и отделена от него песчаным валом. Раньше устье Такемы было в 12 километрах от моря, там, где до-

лина суживается и образует «щеки»*. Об этом красноречиво говорят следы коррозии** с левой стороны долины, у подножия отодвинутых ныне в глубь страны береговых обрывов, состоящих из аклировидного гранита.

Километрах в десяти от моря правый берег реки скалистый и состоит из крепкого, не поддающегося разрушению гранита, с многочисленными жилами из афанита и скилита.

Переправившись на другую сторону реки, мы пошли к фанзам, видневшимся вдали. Население Такемы смешанное и состоит из китайцев и тазов, китайских фанз 23, тазовских —11.

В горах с правой стороны реки, против фанзы Сиу Фу, манзы мыли золото, но бросили это дело вследствие того, что добыча драгоценного металла не оправдывала затрачиваемых на него усилий.

Тазы на реке Такеме те же, что и в Южноуссурийском крае, только менее подвергшиеся влиянию китайцев. Живут они в фанзах, умеют делать лодки и лыжи; летом занимаются земледелием, а зимой соболеванием. Говорят они по-китайски, а по-удэгейски знают только счет да отдельные слова. Туземцы забиты и как везде находятся в неоплатных долгах.

Когда мы подходили к поселку, навстречу нам вышел старшина Сю Кай. Это был благообразный старик с седою бородою. Местом стоянки я выбрал фанзу таза Сиу Фу, одиноко стоящую за протокой.

На следующий день, 2 сентября, была назначена дневка. Любители ловить рыбу ходили на реку. Они поймали три кеты, одну горбушу и двух бычков-подкаменщиков с пестрой окраской и оранжевой каймой на темно-оливковом спинном плавнике. Остальные люди приводили в порядок одежду и чистили оружие.

Посоветовавшись с тазами, я решил вверх по реке Такеме идти с Дерсу, Чжан Бао, Арининым и Чан Лином, племянником горбатого таза, убежавшего с реки Иодзыхе. А.И. Мерзлякову с остальными мулами я велел отправиться на реку Амагу, где и ждать моего возвращения.

Выступление было назначено на другой день, но осуществить его не удалось вследствие весьма ненастной погоды. Наконец 4 сентября дождь перестал. Тогда мы собрали свои котомки и после полудня вчетвером выступили в дальний путь.

---

* Это место называется Генеральские Погоны.

** Углубления, проделанные морским прибоем в горной породе.

К северу от мыса Видного прибрежная полоса в географическом отношении представляет область, совершенно не похожую на то, что мы видели южнее. Интересной особенностью этой части Уссурийского края являются дугообразно расположенные горные складки. В связи с этим и направление течения рек к морю дугообразное. Такими именно реками будут Такема, Кусун, Кулумбе и Амагу. Первые две являются объемлющими, а вторые — объемлемыми, причем верховья Такемы заходят за верховья Кусуна. Кулумбе и Амагу, в свою очередь, охватывают реки Вандагоу, Найну* и Момокчи. Река Такема длиною более ста двадцати километров. Течет она по продольной долине и в нижнем течении прерывает горный хребет. Такема — река быстрая, многоводная и чрезвычайно порожистая. Ширина ее в нижнем течении 60 и глубина до 1 $^1/_2$ метра.

От фанз тазов вверх по долине идет пешеходная тропа. Она придерживается левого берега реки и всячески избегает бродов. Там, где долина суживается, приходится карабкаться по скалам и даже идти вброд по воде. Первые «щеки» (из породы кварце-порфирового туфа) находятся в 12 километрах от моря, вторые будут на 2 $^1/_2$ километра выше. Здесь в обнажениях можно видеть диабазовый и сильно хлоризированный порфирит. В углублении одной из скал китайцы устроили кумирню, посвященную божеству, охраняющему леса и горы.

За «щеками» долина опять расширяется. Эта местность называется Илимо, по имени реки, впадающей в Такему с правой стороны. Длина ее 35 километров, и в истоках она состоит из трех горных ручьев. Наиболее интересный — левый ее приток Чаку, с перевалом на Такунчи (приток Такемы)**. По словам туземцев, в верховьях Чаку есть высокая скалистая сопка, которую китайцы называют Ян-Лаза (то есть Трубчатая скала). Средний безымянный ключик приведет путника на реку Билимбее, а правый — на реку Сяо-Кему.

Долина реки Илимо прямая, в нижней части открытая и каменистая. С левой стороны ее тянутся террасы, местами болотистые и заросшие редколесьем из черной березы, липы и лиственницы.

---

* Существовали три реки: Первая Найна, Вторая Найна и Третья Найна. В 1973 г. они переименованы в Первую Утесную, Вторую Утесную и Третью Утесную. Впадают в море между мысами Александра и Речной.

** С реки Чаку (Дракон) возможен перевал не на Такунжу (Такунчи, Западная Кема), а на р. Сяо-Кунчи (Секунжа, ныне Геологическая).

Около устья реки Илимо мы нашли две маленькие полуразрушенные фанзочки. В одной из них жила старуха с внучатами: мальчиком девяти и девочкой семи лет. У этих детей отец и мать умерли от оспы два года тому назад. Китайцы воспользовались беззащитностью старухи и обобрали ее дочиста: отняли жилище, огороды, кур, свиней и даже собак. Несчастной старухе ничего не оставалось, как перекочевать на Илимо и поселиться здесь в одиночестве. Я застал семью в ужасной бедности. Мальчик ловил рыбу и тем кормил старуху и свою сестренку. Нигде потеря мужа не является таким несчастьем, как у тазов. Со смертью кормильца семьи являются кредиторы. Как хищные птицы, они набрасываются на имущество покойного и буквально начисто обирают вдову. К ее душевным страданиям присоединяется еще страх перед изгнанием из жилища, нищетой и разлукой с детьми, которых китайцы обыкновенно продают как рабов на сторону.

Мне стало жаль старуху, и я ей дал три рубля. Она растерялась, заплакала и просила меня не говорить об этом китайцам. Простившись с нею, мы отправились дальше. Мальчик пошел проводить нас до реки Цимухе.

От устья реки Илимо Такема поворачивает на север и идет в этом направлении километров шесть или семь. Она все время придерживается правой стороны долины и протекает у подножия гор, покрытых осыпями и почти совершенно лишенных растительности. Горы эти состоят из глинисто-кремнистых сланцев и гранитного порфира. С левой стороны реки тянется широкая полоса земли, свободная от леса. Здесь можно видеть хорошо сохранившиеся двойные террасы. Деревья, разбросанные в одиночку и небольшими группами, придают им живописный вид.

Долина Цимухе кажется как бы продолжением долины Такемы. Из зелени леса около ее устья подымается одинокая скала без названия, которая может служить прекрасным ориентировочным пунктом. Вдали виднеется высокий горный хребет, окаймляющий бассейн реки Такемы с северо-восточной стороны и совершенно оголенный от леса.

От реки Цимухе Такема делает крутой поворот на запад и проходит по ущелью между гор, состоящих из полевошпатового порфира с включениями хлорита: с правой стороны наблюдаются обнажения фельзитов и кварцевого порфира с эпидотом. Тут много скал, от действия воды принявших причудливые очертания. Некоторые из

них похожи на ворота, другие — на допотопных животных с маленькими головами, третьи — на фигурные столбы и т.д. Они тянутся на протяжении двух или трех километров. Затем долина опять расширяется. Во время дождей здесь всегда скопляется много воды. Тогда река выходит из берегов и затопляет весь лес.

В долине Такемы произрастают могучие девственные леса, которых ни разу еще не касалась рука человека. Казалось, природа нарочно избрала эти места для того, чтобы показать, какова может быть производительная сила земли.

Кедр, тополь, клен, ольха, черемуха Максимовича*, шиповник, рябина бузинолистная, амурский барбарис и чертово дерево**, опутанные виноградником, актинидиями и лимонником, образуют здесь такую непролазную чащу, что пробираться через нее можно только с ножом в руке, с затратой больших усилий и с риском оставить одежду свою в кустах.

Мы шли довольно шумно. Дерсу что-то рассказывал, Чжан Бао и Чан Лин смеялись. Вдруг Леший остановился, поджал под себя хвост, сгорбился и, прижав уши, со страхом стал озираться по сторонам. Пропустив мимо себя людей, он тихонько поплелся сзади. Причина его страха скоро разъяснилась. Впереди на илистой почве были видны отпечатки тигровых лап. Зверь только что бродил здесь, но, услышав наши голоса, скрылся в зарослях. В это время моя Альпа, понимающая толк только в пернатой дичи, отстала немного и затем бросилась нас догонять. Услышав, что сзади кто-то бежит, Леший с визгом бросился под ноги Дерсу и опрокинул его на землю. Мы тоже сначала испугались и приготовились к обороне. Дерсу поднялся с земли и сказал, обращаясь к Лешему:

— Нет, тебе вместе с людьми ходи не могу. Моя тебе товарищ нету. С такой собакой в компании ходи — скоро пропади.

В заключение своей фразы он плюнул в ее сторону. И действительно, с такой собакой очень опасно ходить на охоту. Она может привлечь зверя на охотника и в то время, когда последний целится из ружья, сбить его с ног.

Часа в четыре или пять пополудни мы стали биваком. Котомки наши были тяжелые, и потому все сильно устали. Кругом было много травы и сухостоя для дров. Что-

---

* Черемуха Максимовича — вишня Максимовича. *(Прим. ред.)*

** Чертово дерево — аралия маньчжурская. *(Прим. ред.)*

бы не зажечь лес, мы устроились на гальке около реки.

Приближалась осень. Сумерки стали наступать раньше, ночи сделались длиннее, начала выпадать обильная роса. Это природа оплакивала весну и лето, когда все было молодо и наслаждалось жизнью.

Вечером, после ужина, я пошел немного побродить по галечниковой отмели. Дойдя до конца ее, я сел на пень, принесенный водою, и стал смотреть на реку.

Ночь была ясная. Одна сторона реки была освещена, другая в тени. При лунном свете листва деревьев казалась посеребренной, стволы белесовато-голубыми, а тени черными. Кусты тальника низко склонились над водою, точно они хотели скрыть что-то около своих берегов. Кругом было тихо, безмолвно, только река слабо шумела на перекатах.

Вдруг до слуха моего донесся шорох. Он раздался из кустов. Я вспомнил встречу с тигром и немного испугался. По опыту я знал, что шорох еще не означает опасности. Сплошь и рядом его причиной является какое-нибудь мелкое животное, вроде мыши или лягушки. Я взял себя в руки и остался на месте. Через минуту шорох повторился, потом послышался треск сучьев, и вслед за тем на галечниковую отмель, освещенную луной, вышел олень. Он подошел к реке и жадно стал пить воду. Я не смел шевельнуться и минуты две любовался прекрасным животным. В это время наши собаки почуяли зверя и подняли лай. Изюбр встрепенулся, рысью выбежал из реки, положил рога на спину, прыгнул на берег и скрылся в лесу. Я поднялся с пня и возвратился на бивак.

Вечером мы долго еще сидели у огня и говорили об охоте.

На другой день все поднялись рано; первые утренние лучи застали нас уже в дороге.

Теперь река повернула на запад. В этих местах она шириной от 60 до 80 и глубиной 1 $^{1}/_{2}$—2 метра. Река Такема в прибрежном районе считается самой бурной. И действительно, быстрота течения ее в среднем из четырех измерений дала 10 километров в час.

Благодаря тому, что в долине Такемы хорошие леса, сохранились и звери. Здесь можно найти всех представителей четвероногих, начиная с белки и кончая тигром. В особенности много изюбров. Всюду по пути нам встречались охотничьи шалаши и соболиные ловушки.

Все время мы шли левым берегом, по зверовой тропе. Таких троп здесь довольно много. Они слабо протоптаны и часто теряются в кустах. Четвероногие по ним идут свободно, но для человека движение затруднительно. Надо

иметь большую сноровку, чтобы с ношей за плечами прыгать с камня на камень и карабкаться по уклону более чем в 40 градусов.

По мере того как мы подвигались вперед, издали доносился какой-то шум. Чан Лин сказал нам, что это пороги. На реке Такеме их шесть. Самый большой около реки Такунчи, а меньшие — близ устьев Охотхе и Чандингоуза. Здесь нам надлежало переправиться на другую сторону Такемы.

Перейти вброд глубокую и быструю реку не так-то просто. Если вода низкая, то об этом разговаривать не стоит, но если вода доходит до пояса, то переходить ее надо с большой осторожностью.

Я уже говорил, что отличительной чертой здешних рек является низкая температура воды, поэтому переходить вброд надо одетым. Голое тело зябнет, в особенности голени. Затем надо идти не по прямой линии и отнюдь не против воды, а наискось, по течению. Ни в каком случае не следует поворачиваться к воде лицом или спиной, иначе течение собьет с ног. Для того чтобы вода не снесла с намеченного пути, надо крепко держаться на ногах, что возможно сделать только при условии, если ноги будут обуты. Для большей устойчивости люди надевают на себя котомки и даже накладывают в них камни. Такие котомки опасны. В случае падения в воду груз не позволит подняться на ноги; о плавании тогда нечего и думать.

Решено было идти всем сразу, на тот случай, что если кто ослабеет, то другие его поддержат. Впереди пошел Чан Лин, за ним Чжан Бао, меня поставили в середину, а Дерсу замыкал шествие. Собаки поплыли рядом, но течением отнесло их в сторону. Когда мы входили в воду, они уже были на противоположном берегу и отряхивались.

С первых же шагов я почувствовал, что, не будь у меня котомки за плечами и в руках крепкой палки, я не мог бы справиться с течением. От быстро бегущей воды закружилась голова, я покачнулся и едва не упал, но сильною рукою меня поддержал Чжан Бао. В это время палкой я сбил у себя с головы фуражку; о ней некогда было думать. Через минуту я оправился и пошел дальше. Скоро я заметил, что идти стало легче. Еще несколько шагов, и мы вышли на мелководье. По вздоху, вырвавшемуся у моих спутников, я понял, что мы действительно подвергались серьезной опасности.

Выйдя на берег, я стал торопливо одеваться, но Чан Лин сказал, что сегодня дальше мы не пойдем и останемся здесь ночевать.

На самом берегу был след костра. Зола, угли и обгоревшие головешки — вот все, что я заметил, но Дерсу увидел больше. Прежде всего он заметил, что огонь зажигался на одном и том же месте много раз. Значит, здесь был постоянный брод через реку. Затем Дерсу сказал, что последний раз, три дня тому назад, у огня ночевал человек. Это был старик, китаец, зверолов, он всю ночь не спал, а утром не решился переходить реку и возвратился назад. То, что здесь ночевал один человек, положим, можно было усмотреть по единственному следу на песке; что он не спал, видно было по отсутствию лежки около огня; что это был зверолов, Дерсу вывел заключение по деревянной палочке с зазубринками, которую употребляют обыкновенно для устройства западней на мелких четвероногих; что это был китаец, он узнал по брошенным улам и по манере устраивать бивак. Все это было понятно. Но как Дерсу узнал, что человек этот был старик? Не находя разгадки, я обратился к нему за разъяснениями.

— Как тебе столько лет в сопках ходи, понимай нету? — обратился он ко мне, в свою очередь, с вопросом.

И он поднял с земли улы. Они были старые, много раз чиненные, дыроватые. Для меня ясно было только то, что китаец бросил их за негодностью и пошел назад.

— Неужели понимай нету! — продолжал удивляться Дерсу. — Молодой человек сперва проносит носок, а старик непременно протопчет пятку.

Как это было просто! В самом деле, стоит только присмотреться к походке молодого человека и старого, чтобы заметить, что молодой ходит легко, почти на носках, а старый ставит ногу на всю ступню и больше надавливает пятку. Пока мы с Дерсу осматривали покинутый бивак, Чжан Бао и Чан Лин развели огонь и поставили палатку. Обсушившись немного, я пошел вниз по реке со слабой надеждой найти фуражку. Течением могло прибить ее гденибудь около берега. Так я проходил до самых сумерек, но фуражки не нашел и должен был взамен ее повязать голову платком. В этом своеобразном уборе я продолжал уже весь дальнейший путь.

Когда я шел назад, на землю спустилась ночь. Всходила луна, и от этого за сопками, по ту сторону реки, ста-

ло светлее. Лес на гребне горы выделялся так резко, что можно было рассмотреть каждое отдельное дерево. При этом освещении тени в лесу казались глубокими ямами, а огонь — краснее, чем он есть на самом деле. Где-то в стороне заревел изюбр, но вяло и, не дотянув до конца, оборвал последние ноты. Ответа ему не последовало. Над рекой появился туман. Он тянулся над водой и принимал страшные очертания. Мне не хотелось идти на бивак. Я сел на берегу и долго следил, как лунные лучи играли с ночными тенями. Чжан Бао и Дерсу, обеспокоенные моим отсутствием, стали звать меня. Минут через пятнадцать я был вместе с ними.

Глава девятая

Ли-Цун-бин

Выдра. — Острога удэгейцев. — Долина Такунчи. — Лесные птицы. — Одинокая фанза. — Старик китаец. — Маленькая услуга. — История одной жизни. — Тяжелые воспоминания. — Исповедь. — Душевный переворот. — Решение и прощание. — Амулет

Чуть свет мы снялись с бивака и пошли по правому берегу Такемы. Река опять повернула на север. Между притоками ее Хумо, Сяо-Кунчи и Такунчи от гор в долину выдвигаются отроги, которые ближе к реке переходят в высокие речные террасы с массивным основанием, состоящим из кварцевого порфира и витрофирового липарита. В тех местах, где отроги пересекают реку, образовались пороги, из которых последний имеет вид настоящего водопада. Вода с шумом стремится в узкий проход и с пеной бьется о камни. Около самого порога образовалась глубокая выбоина. Здесь вода идет тихо и при солнечном освещении имеет изумрудный цвет. Я долго любовался бы порогом, если бы внимание мое не было отвлечено в другую сторону.

Невдалеке от нас на поверхности спокойной воды вдруг появился какой-то предмет. Это оказалась голова выдры, которую крестьяне в России называют «порешней». Она имеет длинное тело (1 метр 20 сантиметров), длинный хвост (40 сантиметров) и короткие ноги, круглую голову с выразительными черными глазами, темно-бурую блестящую шерсть на спине и с боков и серебристо-серую на нижней стороне шеи и на брюхе. Когда животное двига-

ется по суше, оно сближает передние и задние ноги, отчего тело его выгибается дугою кверху.

В Уссурийском крае выдра распространена равномерно и повсеместно. Любимое местопребывание ее — это реки, обильные рыбой, и в особенности такие места, которые не замерзают и где есть около берегов пустоты подо льдом. Замечено, что для отправления естественной надобности выдра выходит из воды постоянно на одно и то же место, хотя бы для этого ей пришлось проплыть значительное расстояние. Тут в песке обыкновенно охотники ставят капканы. Уничтожив рыбу в одном каком-нибудь районе, выдра передвигается вверх или вниз по реке, для чего идет по берегу. У нее прекрасно развито чутье ориентировки. В тех местах, где река делает петлю, она пересекает полуостров в наиболее узком его месте. Иногда выдра перекочевывает из одной речки в другую; туземцам случалось убивать их в горах далеко от реки. Это пугливое, хитрое и осторожное животное любит совершать свои охотничьи экскурсии в лунные ночи и редко показывается днем.

Выдра, которую я наблюдал, держала в зубах рыбу и плыла к противоположному берегу. Через минуту она вылезла на мокрый камень. Мокрое тело ее блестело на солнце. В это время она оглянулась и, увидев меня, бросила рыбу и снова проворно нырнула в воду. Я уговорил своих спутников скрыться в кустах в надежде, что животное покажется опять, но выдра не появлялась. Я уже хотел было встать, как вдруг какая-то тень мелькнула в воздухе, и вслед за тем что-то большое и грузное опустилось на камень. Это был белохвостый орлан. Схватив рыбу, он снова легко поднялся на воздух. В это время на воде появилась выдра, но уже значительно дальше по реке. Она, видимо, поднялась только для того, чтобы набрать в легкие воздуха, и затем скрылась.

Километра через три мы достигли устья реки Такунчи и здесь стали биваком. Чжан Бао и Дерсу занялись рубкой дров, а Чан Лин отправился острогой ловить рыбу.

Походная острога удэгейцев имеет вид маленького гарпуна с ремнем. Носится она у пояса и надевается на древко в минуту необходимости. Обыкновенно рыбу бьют с берега. Для этого к ней надо осторожно подкрасться. После удара наконечник соскакивает с древка, и рыба увлекает его с собою, но так как он привязан к ремню, то и рыба оказывается привязанною.

 Чан Лин ловко владел острогой и убил шесть боль-

ших форелей*, которые составили великолепный ужин.

На следующий день, 8 сентября, мы распрощались с Такемой и пошли вверх по реке Такунчи. Река эта длиною немного более 40 километров и течет по кривой с северо-запада к востоку**. Около устья она шириною до 6 и глубиною от 1 до 1,2 метра по руслу. Вода в ней мутная, с синим опаловым оттенком.

Такунчи — типичная долина размыва, суженная около устья и расширяющаяся вверху. Остроконечные, как бы стоящие одиноко сопки с сглаженными контурами и пологими склонами указывают на постоянные денудационные процессы.

Геология Такунчи такова: около устья река подмывает высокую террасу, основание которой слагается из красивых глинистых сланцев с тонкими прослойками серых песчаников. Немного выше правой стороны видны обнажения весьма древних конгломератов, которые имеют такой вид, как будто они побывали в огне. Далее, с левой стороны, идет акмуровидный гранит с плитниковой отдельностью, а выше — опять глинистые сланцы с весьма интенсивной складочностью.

Из притоков Такунчи самые интересные в среднем течении — два малых, безымянных справа и один большой (река Талда) — с левой стороны. Первый приведет к перевалу на Илимо, второй — на реку Сакхому (Сяо-Кема) и третий — опять на реку Такему***. Около устья каждого из притоков есть по одной зверовой фанзе.

До первой фанзы мы дошли очень скоро. Отдохнув немного и напившись чаю с сухарями, мы пошли дальше. Вся долина реки Такунчи, равно как и долина Такемы, покрыта густым хвойно-смешанным лесом. Сильно размытое русло реки и завалы бурелома указывают на то, что во время дождей Такунчи знакомы наводнения.

Вторую половину пути мы сделали легко, без всяких приключений, дойдя до другой зверовой фанзы, расположились в ней на ночь, как дома.

Что-то сделалось с солнцем. Оно уже не так светило,

---

* Форелью в народе часто называют гольца, внешне напоминающего ее.

** Перевалы с правых притоков р. Такунжа (Западная Кема) могут привести только на р. Сяо-кунчи (Секунжа, Геологическая).

*** В.К. Арсеньев за истоки р. Такунчи (Такунжа, Западная Кема) считал истоки ручья Кабаний. По современным представлениям, Западная Кема берет начало вблизи г. Геологическая (1327 м) и течет с юго-востока на северо-запад, около ручья Совместный делает поворот на северо-восток и затем совпадает с направлением, указанным Арсеньевым.

как летом, вставало позже и рано торопилось уйти на покой. Трава на земле начала сохнуть и желтеть. Листва на деревьях тоже стала блекнуть. Первые почувствовали приближение зимы виноградники и клены. Они разукрасились в оранжевые, пурпуровые и фиолетовые тона.

В сумерки мы с Дерсу пошли на охоту за изюбрами. Они уже стабунились. Самцы не хотели вступать в борьбу и хотя и отвечали на зов друг другу, но держались позади стада и рогами угоняли маток от места, куда мог явиться соперник.

После ужина мы все расположились на теплом кане. Дерсу стал рассказывать об одном из своих приключений. Около него сидели Чжан Бао и Чан Лин и внимательно слушали. По их коротким возгласам я понял, что гольд рассказывал что-то интересное, но сон так овладел мною, что я совершенно не мог бороться с ним и уснул как убитый.

Девятого сентября мы продолжали наше движение к Сихотэ-Алиню. В хороших лесах всегда много пернатых. Кроме обычных для уссурийской тайги желн, орехотворок, соек, пестрых дятлов, диких голубей, ворон, орлов и поползней, здесь, близ реки, на старых горелых местах, уже успевших зарасти лиственным молодняком, в одиночку держались седоголовые дятлы. Удэгейцы называют их «земляными» дятлами, потому что они кормятся на земле, а не на деревьях. Эти птицы каждый раз при приближении людей поднимали неистовый крик и старались как можно скорее укрыться в чаще леса.

В другом месте в траве я увидел краснобрюхих дроздов. Заслышав шум наших шагов, они вдруг все сразу поднимались на воздух и садились на ветви ближайших деревьев, щебеча так, как будто бы обменивались мнениями о происшедшем. По кустарникам шныряли маленькие симпатичные птички с полосатой спиной и белой головкой. Это были касатки-мухоловки. С исчезновением насекомых должны улететь и они в более теплые страны. Время это было уже близко. Недаром мухоловки стали собираться в стайки. Над осыпями кружились два ястреба. Сеноставцы-пищухи служили им лакомой приманкой. Но эти грызуны очень осторожны. Далеко от нор они не отходили и при малейшем намеке на опасность проворно скрывались в камнях. Но все же при умелом маневрировании пернатые хищники не оставались без добычи.

За работой незаметно прошел день. Солнце уже готовилось уйти на покой. Золотистые лучи его глубоко проникали в лес и придавали ему особенную привлекательность.

Маленькая, едва заметная тропинка, служившая нам путеводной нитью, все время кружила: то она переходила на один берег реки, то на другой. Долина становилась все уже и уже и вдруг сразу расширилась. Рельеф принял неясный, расплывчатый характер. Это были верховья реки Такунчи. Здесь три ручья стекались в одно место. Я понял, что нахожусь у подножия Сихотэ-Алиня.

Отроги хребта, сильно размытые и прорезанные горными ключами, казались сопками, разобщенными друг от друга. Дальше, за ними, виднелся гребень водораздела; точно высокой стеной окаймлял он истоки Такунчи. Природа словно хотела резко отграничить здесь прибрежный район от бассейна реки Имана. В том же месте, где соединялись три ручья, была небольшая полянка, и на ней стояла маленькая фанзочка, крытая корьем и сухой травою.

Около фанзочки мы застали одинокого старика китайца. Когда мы вышли из кустов, первым движением его было бежать. Но, видимо, самолюбие, преклонный возраст и обычай гостеприимства принудили его остаться. Старик растерялся и не знал, что делать.

В то время уже начались преследования браконьеров и выселения их из пределов края. Китаец, вероятно, думал, что его сейчас арестуют и отправят в залив Ольги под конвоем. От волнения он сел на пень и долго не мог успокоиться. Он тяжело и порывисто дышал, лицо его покрылось потом.

В это время солнце скрылось за горами. Волшебный свет в лесу погас; кругом сразу стало сумрачно и прохладно.

Место, где стояла фанзочка, показалось мне таким уютным, что я решился здесь ночевать*.

Дерсу и Чжан Бао приветствовали старика по-своему, а затем принялись раскладывать огонь и готовить ужин. Я сел в стороне и долго рассматривал китайца.

Он был высокого роста, немного сутуловат, с черными помутневшими глазами и с длинною редкою седою бородой. Жилистая шея, темное морщинистое лицо и заострившийся нос делали его похожим на мумию. Одет он был в старую, уже давно выцветшую и грубо заплатанную рубашку из синей дабы, подпоясанную таким же старым шарфом, к которому сбоку привязаны были охотни-

---

* Фанза китайца Ли Цунбина находилась на ручье Кабаний, вблизи современного охотничьего зимовья, принадлежащего известному в Тернейском районе охотнику-промысловику Ивану Егоровичу Бутковскому.

чий нож, лопаточка для выкапывания женьшеня и сумочка для кремня и огнива. На ногах у него были надеты синие штаны и низенькая самодельная обувь из лосиной кожи с ременными перетяжками, а на голове простая тряпица, почерневшая от копоти и грязи.

Старик китаец не был похож на обыкновенных рабочих манз. Эти руки с длинными пальцами, этот профиль и нос с горбинкой и какое-то особенное выражение лица говорили за то, что он попал в тайгу случайно.

«Вероятно, беглый политический», — подумал я про себя.

У меня мелькнула мысль, что я и являюсь причиной его страха. Мне стало неловко. В это время Аринин принес мне кружку чаю и два куска сахару. Я встал, подошел к китайцу и все это подал ему. Старик до того растерялся, что уронил кружку на землю, и чай разлился. Руки у него затряслись, на глазах показались слезы. Он опустился на колени и вскрикнул сдавленным голосом:

— Тау-се-ба, та-лай-я (спасибо, капитан)!

Я поднял его и сказал:

— Бупа, бэ-хай-па, латурл (ничего не бойся, старик).

Мы все занялись своими делами. Я принялся вычерчивать дневной маршрут, а Дерсу и Чжан Бао стали готовить ужин.

Мало-помалу старик успокоился. После чая, сидя у костра, я начал расспрашивать его о том, как он попал на Такунчи.

Китаец рассказал мне, что зовут его Ли Цун-бин, от роду ему семьдесят четыре года, что родом он из Тяньцзина и происходит из богатой китайской фамилии. Еще будучи молодым человеком, он поссорился с родными. Младший брат нанес ему кровную обиду. В деле этом была замешана женщина. Отец принял сторону брата. Тогда он оставил родительский дом и ушел на Сунгари, а оттуда перебрался в Уссурийский край и поселился на реке Даубихе. Потом перешел на реку Улахе, затем жил на реках Судзухе и Пхусуне и Вай-Фудзине и, наконец, добрался до реки Такемы, где и прожил подряд тридцать четыре года. Раньше он занимался охотой. Первое ружье у него было фитильное, за которое он заплатил тридцать отборных соболей. Потом он искал дорогой корень женьшень. Под старость он уже не мог заниматься охотой и стал звероловом. Это понудило его сесть на одном месте, подальше от людей. Он облюбовал реку Такунчи и при-

 шел сюда уже много лет тому назад. Жил здесь Ли Цун-

бин один-одинешенек. Изредка кто-нибудь из инородцев заходил к нему случайно, и сам он раз или два в год спускался к устью Такемы. Потом старик вспомнил свою мать, детство, сад и дом на берегу реки.

Наконец он замолк, опустил голову на грудь и глубоко задумался. Я оглянулся. У огня мы сидели только вдвоем. Дерсу и Чжан Бао ушли за дровами.

Ночь обещала быть холодной. По небу, усеянному звездами, широкой полосой протянулся Млечный Путь. Резкий холодный ветер тянул с северо-запада. Я озяб и пошел в фанзу, а китаец остался один у огня. Я заметил, что Дерсу проходил мимо старика на носках, говорил шепотом и вообще старался не шуметь.

Время от времени я выглядывал в дверь и видел старика, сидевшего на том же месте, в одной и той же позе. Пламя костра освещало его старческое лицо. По нему прыгали красные и черные тени. При этом освещении он казался железным человеком, раскаленным докрасна. Китаец так ушел в свои мысли, что, казалось, совершенно забыл о нашем присутствии.

О чем думал он? Вероятно, о своей молодости, о том, что он мог бы устроить свою жизнь иначе, о своих родных, о любимой женщине, о жизни, проведенной в тайге в одиночестве...

Поздно вечером я снова выглянул в окно. Ветер раздувал потухающий костер. На минуту вспыхивало тусклое пламя и на мгновение освещало худую фигуру старика.

Он сидел все на том же месте, подперев голову руками, смотрел на угли и вспоминал далекое прошлое. Я хотел было его окликнуть, но почему-то не решился этого сделать.

Наконец, покончив свою работу, я закрыл тетрадь и хотел было лечь спать, но вспомнил про старика и вышел из фанзы. На месте костра осталось только несколько угольков. Ветер рвал их и разносил по земле искры. А китаец сидел на пне так же, как и час тому назад, и напряженно о чем-то думал.

Я сказал Дерсу, чтобы он позвал его в фанзу.

— Не надо, капитан, — ответил мне тихо гольд, усиленно подчеркивая слово «не надо», и при этом сказал, что в таких случаях, когда человек вспоминает свою жизнь, его нельзя беспокоить.

Я понял, что в это время беспокоить человека действительно нельзя, вернулся в фанзу и лег на кан.

Тоскливо завывал ветер в трубе и шелестел сухой тра-

вой на крыше. Снаружи что-то царапнуло по стене: должно быть, качалась сухая ветка растущего поблизости куста или дерева. Убаюкиваемый этими звуками, я сладко уснул.

На другое утро, когда я проснулся, солнце было уже высоко. Я поспешно оделся и вышел из фанзы.

Кругом все белело от инея. Вода в лужах замерзла. Под тонким слоем льда стояли воздушные пузыри. Засохшая желто-бурая трава искрилась такими яркими блестками, что больно было на нее смотреть. Сучья деревьев, камни и утоптанная земля на тропе покрылись холодным матовым налетом.

Осмотревшись кругом, я заметил, что все вещи, которые еще вчера валялись около фанзы в беспорядке, теперь были прибраны и сложены под навес. Около огня сидели Чжан Бао, Дерсу и Чан Лин и о чем-то тихонько говорили между собой.

— А где старик? — спросил я их.

Чжан Бао указал мне рукой на лес. Тут только я заметил на краю полянки маленькую кумирню, сложенную из накатника и крытую кедровым корьем. Около нее на коленях стоял старик и молился. Я не стал ему мешать и пошел к ручью мыться.

Минут через пятнадцать старик возвратился в фанзу и стал укладывать свою котомку.

— Куда он собирается? — спросил я своих спутников.

Тогда Чжан Бао сказал мне, что старик решил вернуться на родину, примириться со своим братом, если он жив, и там окончить дни свои.

Уложив котомку, старик снял с левой руки деревянный браслет и, подавая его мне, сказал:

— Возьми, капитан, береги, он принесет тебе счастье!

Я поблагодарил его за подарок и тут же надел браслет на руку.

После этого старик сделал земные поклоны на все четыре стороны и стал прощаться с сопками, с фанзой и с ручьем, который утолял его жажду.

Около фанзы росли две лиственницы. Под ними стояла маленькая скамеечка. Ли Цун-бин обратился к лиственницам с трогательной речью. Он говорил, что посадил их собственными руками и они выросли большими деревьями. Здесь много лет он отдыхал на скамейке в часы вечерней прохлады и вот теперь должен расстаться с ними навсегда.

Затем он попрощался с моими спутниками. Они, в свою

очередь, поклонились ему до земли, помогли ему надеть котомку, дали в руки палку и пошли провожать до опушки леса.

На краю полянки старик обернулся и еще раз посмотрел на место, где столько лет он провел в одиночестве. Увидев меня, он махнул мне рукой, я ответил ему тем же и почувствовал на руке своей браслет.

Когда возвратились Дерсу, Чжан Бао и Чан Лин, мы собрали котомки и пошли своей дорогой. Дойдя до опушки леса, я, так же как и старик, оглянулся назад.

Словно что оборвалось! Эта полянка и эта фанзочка, которые еще вчера казались мне такими уютными, сразу сделались чуждыми, пустыми.

Брошенный дом! Душа улетела, остался один труп!

Глава десятая

Страшная находка

Пологий склон Сихотэ-Алиня. — Верховья реки Арму. — Скелеты. — Лунное световое явление. — Тяньчин-Лаза. — Сихотэ-Алинь. — Кедровый стланец

От фанзочки сразу начался подъем на Сихотэ-Алинь, сначала пологий, а потом все круче и круче. На восточном склоне хребта растет хвойно-смешанный лес; главную массу его составляют кедр, ель, пихта, лиственница, клен и береза с мохнатою желтою корою. Травяная растительность состоит из папоротников, чемерицы, ландышей, царского скипетра, трилистника, заячьей кислицы и различных мелких осок.

Подъем на гребень Сихотэ-Алиня был настолько крут, что пришлось хвататься руками за камни и корни деревьев. Высота перевала над уровнем моря, по показаниям анероида, 875 метров. На западном склоне хребта растительность более однообразна, чем на восточном. Разница в характере лесов очень резкая. Я ожидал увидеть на вершине Сихотэ-Алиня гольцы. Ничего подобного; передо мной была возвышенная равнина вроде плоскогорья, покрытая редкой замшистой лиственницей, без всякого подлесья. Нигде ни кустов, ни травы — всюду один мох. Чтобы добыть кусок горной породы, пришлось глубоко копаться во мху.

Взятые образцы оказались кварцевым порфиром и липаритом.

В собранном мною здесь гербарии отмечены: стелю-

щийся по мху дерн канадский с розеткой из шести листочков и с красными ягодами; потом тоже канадский майник, имеющий два сердцевидных, ярко-блестящих сочных листа; затем особый вид плауна и папоротники. Первый по внешнему виду несколько напоминает низкорослый орляк, который имеет довольно простой перистый лист.

Отдохнув немного на перевале, мы пошли дальше. Я решил пересечь плато и спуститься к воде по другую его сторону. Но сколько мы ни шли, конца его не было видно. Перед нами расстилалась пустынная болотистая равнина, покрытая чахлым лесом. Хоть бы одна сопка, хоть бы какой-нибудь бугор или углубление! Я думал, что мы попали на плоскогорье, и не знал, идем ли мы вдоль или пересекаем его по кратчайшему направлению. Вдруг я услышал шум воды. Это обстоятельство еще больше меня удивило. Скоро все разъяснилось: западные склоны Сихотэ-Алиня в этих местах оказались настолько пологими, что понижение их совершенно незаметно для глаза. Перед нами была река Арму* — самый большой приток Имана, впадающий в него в среднем течении, с правой стороны. Я взглянул на барометр. Стрелка показывала 697 миллиметров, что, по приведению к уровню моря, давало абсолютную высоту 770 метров. Значит, с вершины мы спустились только на 105 метров, что в среднем на один километр составляет 10 метров. Уровень воды в реке на западной стороне Сихотэ-Алиня оказался на 225 метров выше, чем на восточной.

В верховьях река Арму состоит из двух речек одинаковой величины**. Мы попали как раз к месту их слияния. Чан Лин измерял каждую из них двумя днями пути. Посоветовавшись с ним, я решил отправиться по левой речке (ближайшей к Сихотэ-Алиню), затем подняться на водоразделе, пройти немного по хребту и выйти к истокам реки Такемы.

Здесь река Арму имеет до 6 метров ширины и около 45 сантиметров глубины. Вода в ней красноватого цвета и не имеет той низкой температуры, которая свойственна быстрым горным речкам. Русло Арму завалено колодником, что при сравнительно тихом течении впол-

---

* Согласно описанию В.К. Арсеньева, он вышел на р. Лагерная, впадающую справа в р. Обильная (в прошлом Нанца), которая, в свою очередь, является левым притоком р. Арму.

** На современных топографических картах две речки в верховьях Арму подписываются как Валинку (Арму) и Арму. Причем Валинку (Арму) по длине несколько превосходит Арму.

не понятно: дерево остается лежать там, где оно упало.

Около реки лес значительно гуще и состоит из ольхи, белой березы, ели и пихты; особенно много растет лиственницы. Это в полном смысле слова тайга: дикая, пустынная и неприветливая. Все живое ее избегает, нигде не видно звериных следов, и за двое суток мы не встретили ни одной птицы.

Такая тайга влияет на психику людей, что заметно было и по моим спутникам. Они шли молча и почти не разговаривали между собой.

По обыкновению около трех часов пополудни мы стали выбирать место для бивака. Дерсу и Чжан Бао зачем-то отошли вправо, а я, Чан Лин и Аринин пошли по берегу речки. Вдруг мы услышали позади себя крики: Дерсу звал нас к себе. Мы тотчас вернулись. Пробираясь сквозь чащу леса, я увидел маленькую полянку, а на ней что-то белело. Около этих предметов стояли Дерсу и Чжан Бао и внимательно их рассматривали. Сначала я думал, что это кочки, но уже по лицам своих спутников понял, что это было что-то посерьезнее простых кочек. Подойдя поближе, я увидел человеческие черепа. Их было шесть; тут же по сторонам валялись и другие кости.

Шесть скелетов! Как погибли эти люди? Суровая тайга хранит такие тайны!

Дерсу долго рассматривал кости и что-то говорил с Чжан Бао. По его мнению, эти люди не были убиты, потому что ни на одном из черепов не было проломов. Они умерли, и не от болезней. От болезней все сразу не умирают, а гибнут поодиночке, один умрет, а остальные плетутся дальше. Дерсу стал осматривать стволы деревьев. По ожогам на коре он установил время последнего пала. Это было два года тому назад. А так как кости тоже носили на себе следы огня, то, очевидно, в то время, когда шел огонь по лесу, трупы были уже скелетами. Пал сжег остатки одежды. Однако около костей должны были остаться такие предметы, которые не могли сгореть и по которым можно было бы установить национальность умерших. Дерсу и Чжан Бао принялись копаться во мху и скоро нашли железный котелок, топор, заржавленный нож, шило, ручка которого была сделана из ружейной гильзы, огниво, трубку, жестяную баночку и серебряное кольцо. По этим предметам Дерсу узнал, что погибшие люди были корейцы-золотоискатели. Они, видимо, хотели пробраться на берег моря, но заблудились в тайге и погибли от голода.

А спасение было так близко: один переход — и они

были бы в фанзе отшельника-китайца, у которого мы провели прошлую ночь. Окаймляющие полянку деревья, эти безмолвные свидетели гибели шестерых людей, молчаливо стояли и теперь. Тайга показалась мне еще угрюмее.

Как бы сговорившись, мы все разом сняли с себя котомки. Чжан Бао и Чан Лин выворотили пень, выбросили из-под него камни и землю, а мы с Дерсу стащили туда кости. Затем прикрыли их мхом, а сверху наложили тот же пень и пошли к реке мыться.

Было пора устраиваться на ночь. Чжан Бао и Чан Лин не хотели располагаться рядом с мертвецами. Взяв свои котомки, мы отошли еще полкилометра и, выбрав на берегу речки место поровнее, стали биваком.

В сумерки появился туман. Он переплыл через водораздел и распространился по всему западному склону Сихотэ-Алиня.

Вечером я имел случай наблюдать интересное метеорологическое явление. Около десяти часов взошла луна, тусклая, почти не дающая света. Вслед за тем туман рассеялся, и тогда от лунного диска вверх и вниз протянулись два длинных луча, заострившихся к концам. Явление это продолжалось минуть пятнадцать, затем опять надвинулся туман, и луна снова сделалась расплывчатой и неясной; пошел мелкий дождь, который продолжался всю ночь до рассвета.

Утром 11 сентября погода как будто немного изменилась к лучшему. Чтобы не терять напрасно времени, мы собрали свои котомки и пошли вверх по реке Арму. Местность была настолько ровная и однообразная, что я совершенно забыл, что нахожусь у подножия Сихотэ-Алиня. Здешний хвойный лес, плохого дровяного качества, растет весьма неравномерно: болотистые поляны отделяются друг от друга небольшими перелесками; деревья имеют отмершие вершины и множество сухих ветвей.

Часов в одиннадцать утра мы распрощались с Арму и круто повернули к востоку. Здесь был такой же пологий подъем, как и против реки Такунчи. Совершенно незаметно мы поднялись на Сихотэ-Алинь и подошли к восточному его обрыву. В это время туман рассеялся, и мы могли ориентироваться.

Слева от нас, километрах в пятнадцати, высилась какая-то большая гора. Чан Лин, хорошо знающий эти места, сказал, что сопка эта не имеет названия* и находит-

* Современная гора Высокая.

ся в истоках реки Сицы. Мы были как раз против долины реки Тяньчингоуза[17], впадающей в Такему с правой стороны, выше Такунчи. По размерам первая немного меньше второй. Березняки в ее истоках указывают на то, что здесь был когда-то большой пожар, уничтоживший весь хвойный лес. Прилегающая часть Сихотэ-Алиня со стороны Такемы имеет вид длинной столовой горы. Китайцы называют ее Тяньчин-Лаза[18].

Нам не суждено было долго любоваться красивой панорамой. Надвинувшиеся тучи снова окутали Сихотэ-Алинь, снова пошел дождь, мелкий и частый.

Производить съемку во время ненастья трудно. Бумага становится дряблой, намокшие рукава размазывают карандаш. Зонтика у меня с собой не было, о чем я искренне жалел. Чтобы защитить планшет от дождя, каждый раз, как только я открывал его, Чан Лин развертывал над ним носовой платок. Но скоро и это оказалось недостаточным: платок намок и стал сочить воду.

— Погоди, капитан, — сказал мне Дерсу и, отбежав в сторону, начал снимать с дерева бересту, затем срезал несколько прутьев и быстро смастерил зонтик.

Меня всегда удивляла находчивость гольда. Кажется, не было такого затруднительного положения, из которого он не сумел бы выйти. Все, что ему было нужно, он находил тут же, около себя, под рукою.

Выполняя намеченный маршрут, мы повернули на север и пошли вдоль по Сихотэ-Алиню к большой куполообразной горе, которую видели на северо-востоке.

Пройти нам удалось немного. Опасаясь во время тумана заблудиться в горах, я решил рано стать на бивак. На счастье, Чжан Бао нашел между камней яму, наполненную дождевой водою, и поблизости ее сухой кедровый стланец. Мы поставили палатку, развели огонь и стали сушиться.

Перед вечером Дерсу ходил на охоту и убил кабаргу. Это двукопытное животное, похожее на антилопу, высотою в полметра, а длиною в метр. Задние ноги ее немного длиннее передних, отчего, когда животное стоит на всех четырех ногах, зад его немного приподнят. Шея у кабарги длинная, голова небольшая, стройная, с темными выразительными глазами и подвижным носом. Она не имеет рогов и слезных ямок. Зато природа наградила ее клыками: у самок клыки маленькие и не выходят изо рта, у самцов длинные, острые и торчат книзу на 5—6 сантиметров. Во время гона самцы дерутся между собою, на- /451

ния друг другу довольно опасные раны. В отличие от прочих двукопытных, кабарга имеет желчный пузырь и мускусный мешок. Общая окраска животных пестро-темно-бурая; шерсть грубая и ломкая; движения порывистые и неуверенные; крик пронзительный и тоскливый. Во время гона самцы распространяют вокруг себя сильный запах.

На ужин варили мясо кабарги; оно чем-то припахивало. Чан Лин сказал, что оно пахнет мхом, Чжан Бао высказался за запах смолы, а Дерсу указал на багульник. В местах обитания кабарги всегда есть и то, и другое, и третье; вероятно, это был запах мускуса.

Весь следующий день, 12 сентября, мы простояли на месте из-за дождя. Надо было переждать непогоду. Осенние дожди в Уссурийском крае никогда не бывают продолжительны, но зато очень сильны. Целый день я сидел в палатке и вычерчивал свои съемки. Ночью поднялся сильный порывистый ветер. Кое-где показались звезды, и, как всегда в таких случаях бывает, перед рассветом ударил крепкий мороз. Кругом опять все забелело, от инея сырой мох замерз и хрустел под ногами. От наших ног на нем оставались глубокие следы, чем очень были недовольны Дерсу и Чжан Бао. Эта осторожность красной нитью проходила во всех их действиях, даже в тех случаях, когда мы находились очень далеко от жилья и трудно было рассчитывать на встречу с человеком.

Осмотревшись, мы увидели, что находимся как раз против истоков реки Сицы[19].

От столовой горы Тяньчин-Лаза Сихотэ-Алинь идет сначала к северо-востоку, а затем поворачивает на северо-запад. В этом углу высится острая коническая сопка. Высота сопки, по барометрическим измерениям, равняется 1230 метрам. Дальше Сихотэ-Алинь тянется на север. Километрах в пяти от сопки он поворачивает к востоку, образуя двугорбую сопку, названную нами Верблюдом (1100 метров). Потом хребет изгибается еще раз на запад. Отсюда он берет старое направление и подходит к самой высокой горе, которую мы вчера видели издали.

Вся описываемая часть Сихотэ-Алиня совершенно голая: здесь, видимо, и раньше не было лесов. Если смотреть на вершины гор снизу (из долин), то кажется, что около гольцов зеленеет травка. Неопытный путник торопится пройти лесную зону, чтобы поскорее выйти к альпийским лугам. Но велико бывает его разочарование, когда вместо травки он попадает в пояс кедрового стланца.
 Корни этого древесного растения находятся вверху, а

ствол и ветви его стелются по склону, как раз навстречу человеку, подымающемуся в гору. Пробираться сквозь кедровый стланец очень трудно: без топора тут ничего не сделать. Нога часто соскальзывает с сучьев; при падении то и дело садишься верхом на ветви, причем ноги не достают до земли, и обойти стланцы тоже нельзя, потому что они кольцом опоясывают вершину. Выше их на Сихотэ-Алине растут низкорослые багульники, брусника, рододендрон, мхи, еще выше — лишаи, и наконец начинаются гольцы.

В этот день мы дошли до подножия куполообразной горы и остановились около нее в седловине.

Глава одиннадцатая
Опасная переправа

Гора Шайтан. — Река Сица. — Истоки реки Такемы. — Прибыль воды. — Переправа на плоту. — Дерсу в опасности. — Привязанное дерево. — Спасение. — Возвращение к морю. — Смешное недоразумение. — Прибрежные горные речки. — Скала Ван-Син-Лаза. — Кольчатый тюлень. — Бивак около устья реки Кулумбе. — Тень и душа. — Пятнистый олень

Ночью мы мало спали, зябли и очень обрадовались, когда на востоке появились признаки зари. Солнце еще пряталось за горизонтом, а на земле было уже все видно.

Горная страна с птичьего полета! Какая красота! Куда ни глянешь, всюду горы, вершины их, то остроконечные, как петушиные гребни, то ровные, как плато, то куполообразные, словно морская зыбь, прятались друг за друга, уходили вдаль и как будто растворялись во мгле.

Но вот взошло солнышко и пригрело землю. Иней исчез, и трава из пепельно-серебристой снова сделалась буро-желтою и сухою.

Собрав свои котомки, мы стали взбираться на самую высокую гору. Много раз мы садились отдыхать, затем опять карабкались вверх и только к полудню достигли ее вершины. По барометрическим измерениям высота горы оказалась равной 1570 метрам. Я назвал ее Шайтаном*. Это самая высокая точка в центральной части Сихотэ-Алиня. Восточные склоны — каменистые и крутые, западные —

* Гора, названная В.К. Арсеньевым Шайтан (ныне г. Высокая), имеет высоту 1745 м над уровнем моря.

пологие. Камни, покрывающие вершину Шайтана, были так плотно уложены, что можно подумать, будто их кто-нибудь нарочно утрамбовывал и пригонял друг к другу.

Спуск с горы отнял у нас тоже много времени. В следующей, соседней седловине барометр показывал 1066 метров. Отсюда Сихотэ-Алинь поворачивает на северо-восток.

Дальше мы по нему не пошли и начали спуск в долину реки Сицы. С большой горы всегда надо спускаться осторожно, не торопясь, иногда останавливаться, отдыхать и осматриваться.

Осыпи, мхи и кедровые стланцы теперь остались позади. Здесь я нашел мохнатую черную смородину. Ниже росла рябина, мелкая лиственница и низкорослая береза; еще ниже — кедр, потом — черная береза, дуб и все прочие деревья.

В полдень мы остановились на привал. Пока варился чай, я успел сделать несколько фотографических снимков.

Река Сица в верховьях состоит из двух речек, каждая из них, в свою очередь, разбивается на два ручья, потом еще и еще. Все ручьи сбегают в обширную котловину, изрезанную оврагами.

Нигде хребет Сихотэ-Алинь не выступает так величественно и резко, как в истоках Сицы. Здесь он действительно кажется высоким горным хребтом.

Всюду в обнажениях я видел кристаллические сланцы и кварцы, окрашенные окисью меди. Говорят, что на реке Сице есть золото, а в горах — горный хрусталь. В долине реки Сицы раньше были хорошие хвойные и смешанные леса, впоследствии выгоревшие. Теперь на месте пожарища выросли березняки двадцатипятилетнего возраста. Река Сица считается хорошим охотничьим местом, и, действительно, следы изюбров встречались чуть ли не на каждом шагу. Избитая земля, истрепанные кусты, клочья шерсти и обломки рогов говорили о том, что здесь происходят главные бои.

К вечеру мы дошли до маленькой зверовой фанзы, которую, по словам Чан Лина, выстроил кореец-золотоискатель. Золота он не нашел, но соболей в тот год поймал много. Тут мы остановились. В сумерки Чан Лин и Дерсу ходили на охоту и убили сайка[20]. Ночью они по очереди сушили мясо.

Дальнейший наш путь лежал вниз по реке Сице. Она шириною около 4, глубиною 0,6 метра и в нижнем течении очень порожиста и бурлива. По мере того как мы от-

ходили от водораздела, долина суживалась все более и более и наконец превратилась в глубокое ущелье. Здесь с обеих сторон высятся древнеречные террасы, состоящие из глинистых сланцев с прослойками желтого мелкозернистого песчаника и молочно-белого кварца. Сланцы сильно перемяты и кажутся плойчатыми.

С левой стороны террасы стоит одинокая скала, похожая на старинную башню. Вместе с Чан Лином мы поднялись наверх, чтобы с высоты ее посмотреть на верховья Такемы. До истоков было еще далеко. Река изгибается на север и охватывает истоки реки Кусуна*. В самых верховьях Такема принимает в себя справа и слева еще по одному притоку. Правый называется Чен-Шенза, левый — Сая-Дунца[21]. Немного выше устья последней, на левом берегу Такемы, по словам Чан Лина, есть скалистая сопка, куда удэгейцы боятся ходить: там с гор всегда сыплются камни, там — обиталище злого духа Какзаму.

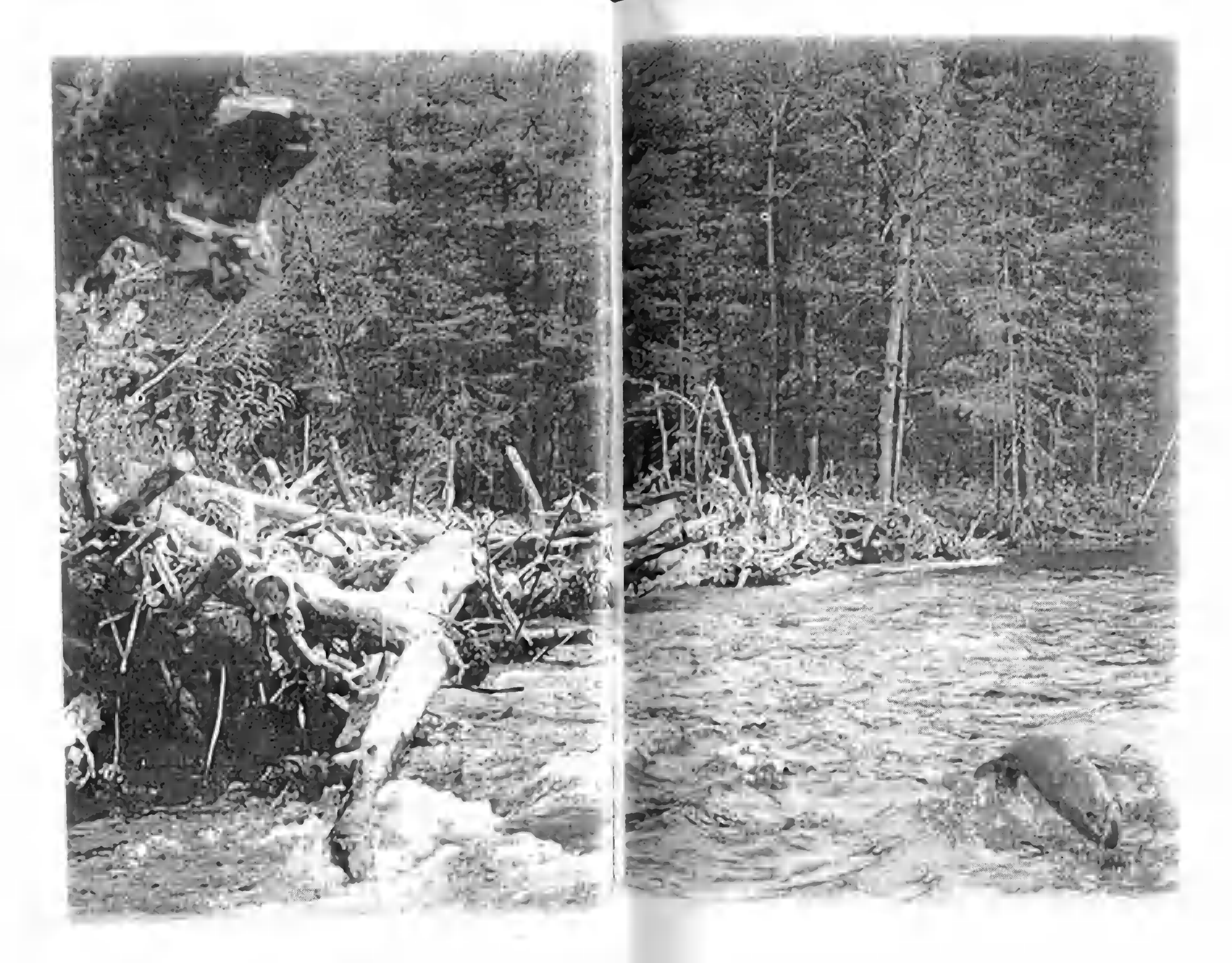
Из всего изложенного выше явствует, что хребет Сихотэ-Алинь по отношению к Такеме идет под углом сначала небольшим, а затем, по мере отклонения реки к югу, увеличивающимся все больше и больше.

Полюбовавшись красивой горной панорамой, мы пошли вниз по правому берегу Такемы и, немного не доходя реки Сяо-Дунанцы[22], стали биваком.

С утра хмурившаяся, погода к вечеру разразилась сильным дождем. С первых же капель стало видно, что дождь будет затяжной. Палатки мы поставили хорошо, натаскали сухих дров и потому ночь провели спокойно. Утром дождь пошел еще сильнее. Пришлось продневать. Мои спутники убивали время разговорами, варили чай, а я занимался своей обычной работой. Часов в одиннадцать утра была короткая гроза. Молнии не было видно; гром грохотал где-то вверху, в облаках, тучи шли вразброд, и ветер часто менял направление. Целый день и всю ночь шел дождь с удивительным постоянством. На рассвете 17 сентября тучи рассеялись, и опять ударил мороз. Вершины гор забелели от снега и в этом уборе приняли праздничный вид. Земля, пригретая солнечными лучами, стала оттаивать; онемевшая было вода ожила и тонкими струйками стала сбегать по скатам, и чем ниже, тем бег ее становился стремительнее.

Тогда, собрав свои вещи, мы пошли дальше и около полудня были близ реки Ыоготхо (Агато), впадающей в

* Река Кусун (Куи, Куги, Кусунгоу, Кхуцин) впадает в Японское море.



Такему с левой стороны. По ней можно перевалить в реку Чеэ-Бязани (приток Кусуна). Как мы ни старались, но в этот день нам удалось дойти только до устья реки Тяньчингоуза. Небольшая тропка привела нас к фанзочке, построенной среди густого леса, в расстоянии одного километра от Такемы; тут мы заночевали, а утром снова продолжали свой путь вниз по долине реки Такемы.

После грозы погода установилась хорошая, и мы подвигались довольно быстро.

Я заметил, что каждый раз, когда тропа приближалась к реке, спутники мои о чем-то тревожно говорили между собой. Скоро все разъяснилось: от последних дождей вода в Такеме поднялась выше своего уровня, и этого было достаточно, чтобы воспрепятствовать нам перейти ее вброд. Оставалось или продолжать путь по правому берегу до реки Сяо-Кунчи и затем через перевал выйти в долину реки Илимо, или же переправиться через Такему где-нибудь выше Такунчи. Путь через реку Илимо был длинный и кружный; посоветовавшись между собою, мы решили попытаться переправиться через реку на плоту и только в случае неудачи идти к верховьям реки Илимо и по ней — к устью Такемы.

Для этого надо было найти плес, где вода шла тихо и где было достаточно глубоко. Такое место скоро было найдено немного выше последнего порога. Русло проходило здесь около противоположного берега, а с нашей стороны тянулась длинная отмель, теперь покрытая водою. Свалив три больших ели, мы очистили их от сучьев, разрубили пополам и связали в довольно прочный плот.

Мы закончили работу эту перед сумерками и потому переправу через реку отложили до утра.

Вечером мы еще раз совещались. Решено было, что, когда плот понесет вдоль левого берега, Аринин и Чжан Бао должны будут соскочить с него первыми, а я стану сбрасывать вещи. Чан Лин и Дерсу будут управлять плотом. Затем спрыгиваю я, за мной Дерсу, последним оставляет плот Чан Лин.

На другой день мы так и сделали. Котомки положили посредине плота, поверх них ружья, а сами расположились по концам. Едва мы оттолкнули плот от берега, как его сразу подхватило течением и, несмотря на наши усилия, отнесло далеко ниже того места, где мы рассчитывали высадиться. Как только плот подошел к противоположному берегу, Чжан Бао и Аринин, захватив с собою
 по два ружья, прыгнули на землю. От этого толчка плот

немного отошел к середине реки. Пока его несло вдоль берега, я принялся сбрасывать вещи. Дерсу и Чан Лин употребляли все усилия подвести плот возможно ближе к берегу, дабы дать возможность мне высадиться. Я уже собрался было это сделать, как вдруг у Чан Лина сломался шест и он полетел головой в воду. Вынырнув, он поплыл к берегу. Тогда я схватил запасный шест и бросился помогать Дёрсу. Немного дальше виднелся каменный выступ. Дерсу закричал мне, чтобы я прыгал как можно скорее. Не зная его плана, я продолжал работать шестом. Не успел я опомниться, как он поднял меня на руки и бросил в воду. Я ухватился руками за куст и выбрался на берег. В это мгновение плот ударился о камень, завертелся и опять отошел на середину реки. На плоту остался один Дерсу.

Мы бросились бегом по берегу с намерением протянуть гольду шест, но река здесь делала изгиб, и мы не могли догнать плот. Дерсу делал отчаянные усилия, чтобы снова приблизить его к берегу. Но что значила его сила в сравнении с течением реки! Впереди, метрах в тридцати, шумел порог. Стало ясно, что Дерсу не справится с плотом и течение непременно увлечет его к водопаду. Недалеко от порога из воды торчал сук утонувшего тополя. Чем ближе приближался плот к водопаду, тем быстрее несло его течением. Гибель Дерсу казалась неизбежной. Я бежал вдоль берега и кричал. Сквозь чащу леса я видел, что он бросил шест, стал на край плота, и в тот момент, когда плот проносился мимо тополя, он, как кошка, прыгнул на сук и ухватился за него руками.

Через минуту плот достиг порога. Два раза из воды показались концы бревен, и затем их разметало на части. Крик радости вырвался из моей груди. Но тотчас же появился новый тревожный вопрос: как теперь снять Дерсу с дерева и надолго ли у него хватит сил? Сук торчал из воды наклонно по течению, под углом градусов в тридцать. Дерсу держался, крепко обхватив его руками и ногами. К несчастью, у нас не было ни одной веревки. Они все ушли на увязку плота и теперь погибли с ним вместе. Что делать? Медлить было нельзя. Руки у Дерсу могли озябнуть, устать, и тогда... Мы стали совещаться. В это время Чан Лин обратил внимание на Дерсу, который делал нам рукой какие-то знаки. За шумом воды в реке нельзя было расслышать, что он кричал. Наконец мы поняли его: он просил рубить дерево. Валить дерево в реку против самого Дерсу было опасно, потому что оно мог-

ло сбить его с сука, за который он держался. Значит, надо было рубить дерево выше. Выбрав большой тополь, мы начали его было рубить, но увидели, что Дерсу отрицательно замахал рукой. Только мы подошли к липе — Дерсу замахал снова. Наконец мы остановились около большой ели... Дерсу дал утвердительный знак. Теперь мы поняли его. Ель не имеет толстых ветвей, и потому она не застрянет в реке, а поплывет. В это время я заметил, что Дерсу показывает нам ремень. Чжан Бао понял этот знак. Дерсу указывал, что ель надо привязать. Я спешно стал развязывать котомки и собирать все, что было подходящего и что могло хоть как-нибудь заменить веревки. Для этого пошли ружейные, поясные ремни и ремни от обуви. В котомке Дерсу оказался еще один ремень. Мы все их связали вместе и одним концом привязали ель за основание.

После этого мы дружно взялись за топоры. Подрубленная ель покачнулась. Еще маленькое усилие, и она стала падать в воду. В это время Чжан Бао и Чан Лин схватили концы ремней и закрутили их за пень. Течение тотчас же начало отклонять ель к порогу, она стала описывать кривую от середины реки к берегу, и в тот момент, когда вершина проходила мимо Дерсу, он ухватился за хвою руками. Затем я подал ему палку и вытащил его на берег.

Первое, что я сделал, — поблагодарил гольда за то, что он вовремя столкнул меня с плота. Дерсу смутился и стал говорить, что так и надо было, потому что если бы он соскочил, а я остался на плоту, то погиб бы наверное, а теперь мы все опять вместе. Он был прав, но тем не менее он рисковал жизнью ради того, чтобы не рисковал ею я.

Человек скоро забывает опасность. Едва она минует, сейчас же он начинает шутить. Чан Лин хохотал во все горло и кривлялся, изображая, как Дерсу сидел на суку. Чжан Бао говорил, что Дерсу так крепко ухватился за сук, что он подумал, не приходится ли он сродни медведю? Смеялся и сам Дерсу тому, как Чан Лин упал в воду; посмеялся и надо мной, как я очутился на берегу, сам того не помня. Вслед за тем мы принялись собирать разбросанные вещи. Когда работы были кончены, солнце уже скрылось за лесом. Вечером мы долго сидели у огня. Чжан Бао и Чан Лин рассказывали о том, как каждый из них тонул и как они спасались от гибели. Мало-помалу разговоры на биваке начали стихать.

Рассказчики молча еще покурили трубки и затем стали укладываться спать, а я взялся за дневник.

Кругом было темно. Вода в реке казалась бездонною пропастью. В ней отражались звезды. Там, наверху, они были неподвижны, а внизу плыли с водой, дрожали и вдруг вновь появлялись на прежнем месте. Мне было особенно приятно, что ни с кем ничего не случилось. С этими радостными мыслями я задремал.

На другой день мы продолжали наш путь вниз по долине реки Такемы и в три с половиною дня дошли до моря уже без всяких приключений. Это было 22 сентября. С каким удовольствием я растянулся на чистой циновке в фанзе у тазов! Гостеприимные туземцы окружили нас всяческим вниманием: одни принесли мяса, другие чай, третьи сухую рыбу. Я вымылся, надел чистое белье и занялся работой.

Следующие два дня были дождливые, в особенности последний. Лежа на кане, я нежился под одеялом. Вечером перед сном тазы последний раз вынули жар из печей и положили его посредине фанзы в котел с золой. Ночью я проснулся от сильного шума. На дворе неистовствовала буря, дождь хлестал по окнам. Я совершенно забыл, где мы находимся: мне казалось, что я сплю в лесу, около костра, под открытым небом. Сквозь темноту я чуть-чуть увидел свет потухающих углей и испугался.

— Дерсу, Дерсу! — закричал я. — Вставай скорей. Дождь сейчас зальет огонь.

Дерсу поднялся со своего ложа.

— Ничего, ничего, капитан! Сейчас мы кладем огонь поближе, — сказал он и начал искать топор.

— Тьфу! — вдруг услышал я его голос. — Как так обмани? Наша в фанза спи. Тебе, капитан, играй.

Тут только я спохватился, что сплю не в лесу, а в фанзе, на кане и под теплым одеялом. Со сладостным сознанием я лег опять на свое ложе и под шум дождя уснул крепким-крепким сном.

Утром 25 сентября мы распрощались с Такемой и пошли далее на север. Я звал Чан Лина с собою, но он отказался. Приближалось время соболевания; ему надо было приготовить сетку, инструменты и вообще собраться на охоту на всю зиму. Я подарил ему маленькую берданку, и мы расстались друзьями*.

От Такемы на север идут два пути: один — горами, вдали от моря, другой — по намывной полосе прибоя. А. И. Мерзляков с лошадьми пошел первым, а я — вторым.

* В 1925 году Чан Лин трагически погиб там же, на реке Такеме, в местности Илимо. *(Прим. авт.)*

Путь А.И. Мерзлякова начинался от фанзы таза Сиу Ху и шел прямо на восток, пересекая несколько маленьких перевальчиков. Перейдя речку Хуля, он повернул к северо-востоку, затем пересек еще одну реку — Шооми (в верховьях) и через трое суток вышел на реку Кулумбе. Здесь, около скалы Мафа, он где-то видел выходы каменного угля на поверхность. После перевала по другой безыменной горной речке он пришел на реку Найну*, прямо к корейским фанзам.

Как я уже сказал, я избрал второй путь — по берегу моря.

Подойдя к устью Такемы, я увидел, что, пока мы ходили в горы, река успела переменить свое устье. Теперь оно было у левого края долины, а там, где мы переезжали реку на лодке, образовался высокий вал из песка и гальки. Такие перемещения устьев рек в прибрежном районе происходят очень часто — в зависимости от наводнений и от деятельности морского прибоя.

Большие обнажения на берегу моря к северу от реки Такемы состоят главным образом из лав и их туфов (биотитовый дацит), дальше тянутся полевошпатовые сланцевые породы и диорит. Тип берега кулисный. Действительно мысы выступают один за другим, наподобие кулис в театре. Вблизи берега нигде нет островов. Около мысов, разрушенных морским прибоем, кое-где образовались береговые ворота. Впоследствии своды их обрушились, остались только столбы — любимые места отдыха морских птиц.

После Такемы в последовательном порядке идут горные речки Коами (по-удэгейски — Агана, а на морских картах — Лоаенгоу), потом около мыса Большева будет речка Шооми (по-китайски — Сеами, по-удэгейски — Соми). Долины их близ моря слились вместе и образовали обширную низину, покрытую редколесьем. Шооми длиною 12 километров. Истоки ее находятся около горы Туманной с перевалом на реку Такему, к местности Илимо.

Долина последней речки непропорционально широка, в особенности в верхней части. Горы с левой стороны так размыты, что можно совершенно незаметно перейти в соседнюю с ней реку Кулумбе. Здесь я наблюдал такие же каменные россыпи, как и на реке Аохобе. Воронки среди них, диаметром около 2 метров и глубиною в 1 $^{1}/_{2}$ метра, служат водоприемниками. Через них вода уходит в землю и вновь появляется на поверхности около устья.

* См. примечание на с. 433.

К северу от реки Шооми характер горной страны выражен очень резко. Быть может, это только так кажется вследствие контраста остроконечных сопок с ровной поверхностью моря.

Между Такемой и Шооми находится мыс Дингаладуони. О нем у удэгейцев сохранилось следующее сказание. Раньше здесь были большие береговые ворота. Около них на берегу жил человек, у которого было так много вшей, что они утащили его в море. Когда вши тащили человека по берегу, то задели за скалу, и она обвалилась.

Редколесье, покрывающее склоны гор, состоит преимущественно из монгольского дуба, амурской липы и даурской березы. Главную массу кустарников составляют калина, таволга, леспедеца, шиповник и лещина. Здесь, на каменистых склонах, попутно я собрал не имеющий русского названия колокольчик*, одно из самых обычных и красивых растений формации орешников и лугов на местах выгоревшего леса. Видовое название этого колокольчика показывает, что цветки его крупной величины; потом я заметил тимьян с уже поблекшими жесткими фиолетовыми цветками; крупную веронику, имеющую бархатисто-опушенные стебли и короткие, остроконечные зубчатые листья. Каков цветок у нее — сказать не могу. Судя по увядшим венчикам, мне показалось, что у нее были не белые, а синие цветки. Затем борец — пышное высокое растение с мелким пушком в верхней части стебля и с бархатистыми большими листьями; засохшие цветки его, расположенные крупной кистью, вероятно, были темно-голубые. И наконец — мелколистную смолевку, цветки ее уже опали, остались только бокалообразные чашечки с выдающимися наружу длинными тычинками.

Осмотр реки Шооми отнял довольно много времени. После полудня мы повернули назад к морю и направились к горам, расположенным с левой стороны долины. Удэгейцы называют их Саха-дуони и Канда-дуони (мыс черта Канда). Каждая из них высотою около 240 метров.

Часа через два с половиной мы подошли к реке Кулумбе. Южный мыс с правой стороны заслуживает особого внимания. Здесь можно наблюдать великолепные образцы столбчатого распадения базальтов. С левой стороны реки подымается высокая терраса, свидетельствующая об отрицательном движении береговой линии.

---

* Буквальный перевод с латинского — ширококолокольчик крупноцветковый. Так его и называют ботаники. Внесен в Красную книгу России. *(Прим. ред.)*

По берегам реки и на островах растет тонкоствольный ивняк, а на террасе — редкий липовый и дубовый лес. За ним высится высокий утес, которому дали название Янтун-Лаза[23].

Переправившись через Кулумбе вброд, мы взобрались на террасу, развели огонь и начали сушиться. Отсюда, сверху, хорошо было видно все, что делается в воде.

Только что начался осенний ход кеты. Тысячи тысяч рыб закрывали дно реки. Иногда кета стояла неподвижно, но вдруг, словно испугавшись чего-то, бросалась в сторону и затем медленно подавалась назад. Чжан Бао стрелял и убил двух рыб. Этого вполне было достаточно для нашего ужина.

У северного края долины, в том месте, где береговая терраса примыкает к горам, путь преграждается высокой скалой, состоящей из роговообманкового андезита. Тут надо карабкаться вверх, за камни хвататься нельзя, они качаются и вываливаются из своих гнезд. По ту сторону утеса тропа лепится по карнизу на высоте 20 метров над морем. Идти прямо по тропе опасно, потому что карниз узок, можно подвигаться только боком, оборотясь лицом к стене, и держаться руками за выступы скалы. Самый карниз неровный и имеет наклон к морю. Здесь погибло много людей. Удэгейцы скалу эту называют Куле-Рапани, а китайцы — Син-Лаза, по имени китайца Ван-Сина — первой жертвы неосторожности. В сапогах по карнизу идти рискованно: люди обыкновенно идут босые или надевают обувь мягкую и сухую. Ван-Син-Лаза нельзя переходить в дождливую погоду, утром после росы и во время гололедицы.

После перехода вброд реки Кулумбе наша обувь была мокрая, и потому переход через скалу Ван-Син-Лаза был отложен до другого дня. Тогда мы стали высматривать место для бивака. В это время из воды показалось какое-то животное. Подняв голову, оно с видимым любопытством рассматривало нас. Это была нерпа.

Кольчатый тюлень, или нерпа, относится к отряду ластоногих. Тело ее длиною футов шесть и весит около восьмидесяти килограммов. По берегам Уссурийского края нерпы встречаются повсеместно, но чем севернее — тем больше, что объясняется безлюдностью побережья. Окраска тела животного светло-серая с серебристым оттенком и с ясно выраженными темными кольцевыми пятнами. Животное большую часть времени проводит в воде, но
464/ иногда для отдыха вылезает на прибрежные камни. Сон

нерпы тревожен: она часто просыпается и оглядывается по сторонам. Слух и зрение у нее развиты лучше других чувств. Насколько она неповоротлива на суше, настолько проворна в воде. В своей родной стихии она становится смелой до дерзости и даже нападает на человека. Отличительной чертой характера нерпы является любопытство и любовь к музыке. Охотники подзывают ее свистом или ударами палки по какому-нибудь металлическому предмету.

Дерсу что-то закричал нерпе. Она нырнула, но через минуту опять появилась. Тогда он бросил в нее камень. Нерпа погрузилась в воду, но вскоре поднялась снова и, задрав голову, усиленно смотрела в нашу сторону. Это вывело гольда из терпения. Он схватил первую попавшуюся ему под руку винтовку и выстрелил. Пуля всплеснула совсем близко от животного.

— Эх, брат, промазал ты, — сказал я ему.

— Моя его пугай,—ответил он. — Убей не хочу.

Я спросил, зачем он прогнал нерпу. Дерсу сказал, что она считала, сколько сюда на берег пришло людей. Человек может считать животных, но нерпа?! Это задевало его охотничье самолюбие.

Остаток дня мы распределили следующим образом: Чжан Бао и Дерсу пошли осматривать скалу — они хотели обвалить непрочные камни и, где можно, устроить ступеньки, а я почти до самых сумерек вычерчивал маршруты.

Покончив работу, я окликнул свою собаку и, взяв ружье, пошел немного побродить по берегу.

День только что кончился. С облаками на небе играли красные лучи. Когда они потухли, на землю стала спускаться ночь. Атмосфера над материком и морем находилась в состоянии равновесия. Царившая кругом тишина изредка нарушалась только всплесками рыбы в воде. Где-то высоко вверху летели гуси. Их не было видно; слышно было только, как они перекликались между собою.

Дойдя до реки Кулумбе, я сел на камень и стал вслушиваться в тихие, как шепот, звуки, которыми всегда наполняется тайга в часы сумерек. Безбрежный океан, сонная земля и глубокое темное небо с миллионами неведомых светил одинаково казались величественными.

Собака моя сидела рядом со мной и, насторожив уши, внимательно прислушивалась к лесным звукам. Вдруг она встрепенулась и стала смотреть вверх по реке. Вслед за тем позади себя я услышал сопение. Я быстро обернулся. Ка-

кая-то темная масса двигалась около реки. Это был большой медведь. Урок, данный мне в прошлом году на реке Мутухе, был еще памятен, и я воздержался от выстрела. Но Альпа не выдержала и стала лаять. Медведь остановился, понюхал воздух, затем повернул назад и с ворчанием пошел опять в тальники.

Я встал и поспешно направился к биваку. Костер на таборе горел ярким пламенем, освещая красным светом скалу Ван-Син-Лаза. Около огня двигались люди, я узнал Дерсу — он поправлял дрова. Искры, точно фейерверк, вздымались кверху, рассыпались дождем и медленно гасли в воздухе.

Через четверть часа я был вместе со своими товарищами. После ужина мы долго сидели у огня и разговаривали: говорили больше Дерсу и Чжан Бао, а я слушал. Время летело незаметно. Когда мы кончили беседу, созвездие Близнецов уже показывало полночь.

Подбросив еще раз дров в огонь, мы завернулись в одеяла и легли спать. Бивак этот почему-то оставил во мне неизгладимое впечатление.

На другой день, 26 сентября, вышло как-то так, что мы все встали очень рано. Утренняя заря была багровая, солнце взошло деформированное; барометр показывал 758 и температура +6° С.

Греясь у костра, мы пили чай. Вдруг Чжан Бао что-то закричал. Я обернулся и увидел мираж. В воздухе, немного выше поверхности воды, виднелся пароход, две парусные шхуны, а за ними горы, потом появилась постройка, совершенно не похожая ни на русский дом, ни на китайскую фанзу. Явление продолжалось несколько минут, затем оно начало блекнуть и мало-помалу рассеялось в воздухе.

Все принялись обсуждать. Чжан Бао сказал, что явления миража в прибрежном районе происходят осенью и большею частью именно в утренние часы. Я пытался объяснить моим спутникам, что это такое, но видел, что они меня не понимают.

По выражению лица Дерсу я видел, что он со мной не согласен, но из деликатности не хочет делать возражений. Я решил об этом поговорить с ним в дороге.

Когда мы выступили с бивака, я стал его расспрашивать. Сначала он уклонялся от ответов, и я уже терял надежду узнать от него что-нибудь, но одно слово, сказанное мною, дало толчок. Я сказал «тень» и попал как раз

в точку. Однако слово «тень» он понимал в смысле тени

астральной, в смысле души. После этого Дерсу принялся мне объяснять явление миража очень сложно. По его представлению, душу — тень (ханя) — имеют не только люди, животные, птицы, рыбы, насекомые, но и растения, и камни, и вообще все неодушевленные предметы.

— Люди спи, — говорил Дерсу, — ханя ходи; ханя назад ходи — люди проснулся.

Душа, как думал Дерсу, оставляет тело, странствует и многое видит в то время, когда человек спит. Этим объясняются сны. Душа неодушевленных предметов тоже может оставлять свою материю. Виденный нами мираж, с точки зрения Дерсу, был тенью (ханя) тех предметов, которые в это время находились в состоянии покоя. Так первобытный человек, одушевляя природу, просто объясняет такое сложное оптическое явление, как мираж.

Переправа через скалу Ван-Син-Лаза действительно была очень опасна. Я старался не глядеть вниз и осторожно переносил ногу с одного места на другое. Последним шел Дерсу. Когда он спустился к берегу моря, я облегченно вздохнул.

Сейчас же за скалой течет маленький ключ Дзалянкуни (на картах — Талянкуни), рядом с ним гора Уонгу, и затем две речки — Мамокчи и Асектани (на картах — Остегни). От устья Кулумбе до Асектани десять километров.

Места эти очень интересны в зоогеографическом отношении. Здесь находится последний естественный питомник пятнистых оленей. Животное это по своим размерам занимает промежуточное место между козулей и изюбром и является единственным представителем хвостатых оленей. Летняя окраска его весьма пестрая: общий тон шерсти красно-кирпичный; по сторонам тела расположено семь рядов белых пятен величиной с яблоко; по спине проходит черный ремень; хвост животного, которым оно постоянно помахивает, украшен длинными черными волосами. Зимой олень становится буро-серым и пятна почти совсем исчезают. Мускулистая шея его покрыта довольно длинной шерстью, которая спереди и на груди несколько темнее, чем на остальных частях тела. Рога самцов не имеют нижних глазных отростков, как у изюбров; панты ценятся очень высоко (от 800 до 1200 рублей пара).

В Уссурийском крае пятнистый олень обитает в южной части страны. Северной границей его распространения в бассейне Уссури можно считать реку Иман и на берегу

моря реку Амагу (мыс Арка). За последние двадцать лет площадь обитания оленей сократилась раз в десять. В тех местах, где раньше они бродили стадами, поселились корейцы и начали уничтожать леса. Бедные животные стали отходить на север, но не могли выдержать жизни в хвойных лесах и погибли очень скоро. В настоящее время во всем Уссурийском крае есть только три естественных питомника: остров Аскольд в заливе Петра Великого; горная область с правой стороны в верховьях реки Судзухе (местность Юм-бей-си) и небольшой участок на побережье Японского моря, между реками Кулумбе и Найной (мыс Арка)*. Как только зверопромышленники пронюхают об этом, они быстро перебьют всех оленей. Местным властям в крае следовало бы позаботиться об охране существующих питомников теперь же, пока еще не поздно.

Глава двенадцатая

Корейцы-соболевщики

Мелкие речки прибрежного района. — Корейская фанза. — Водяная толчея. — Река Найна. — Корейская соболиная ловушка. — Влияние колонизации на край. — Мыс Арка. — Река Квандагоу. — Река Кудяхе. — Старообрядческая деревня. — Удэгейцы. — Климат прибрежного района. — Фенология. — Ботанические и зоогеографические границы. — Река Амагу. — Лось

Чем дальше на север, тем террасы на берегу моря становятся все выше и выше. Особенно сильно они развиты около устьев горных речек: Гаппакси, Була (по-китайски — Яндиоза), Толомги, Кулумбе, Момокчи и Найны, где достигают высоты 15 метров. Около Момокчи они углубляются в долину и идут по сторонам ее в виде ясно выраженных карнизов. Основание террас массивное, а верхняя часть состоит из угловатых обломков вперемежку с глиной, вследствие чего сверху они всегда заболочены. Здесь, на берегу моря, впервые встречается лиственница, растущая группами.

География части побережья между Момокчи и Найной такова: высокий горный хребет Габади тянется под острым углом по отношению к берегу моря. По ту сторону его будет бассейн реки Кулумбе, по эту — мелкие речки, имеющие только удэгейские названия Яшу (на картах —

* Около р. Найна мыс Александра.

Ячасу), Уяхги-Бязани, Санкэ, Капуты, Януда и другие*. Между ними следует отметить три горные вершины: Габади, Дюхане и гору Яндоюза, а около устья реки Яшу — одинокую скалу Кадабудидуони. На морских картах она названа горой Ожидания и помечена цифрой 603.

От реки Кулумбе на север до реки Найны горные породы располагаются следующим образом: сперва идет андезит со столбчатым, несколько веерообразным распадением, дальше будет дацит с тридимитом и кремнистые сланцы. Близ устья реки Момокчи (мыс Александра) горы состоят из сильно изменившегося кварцевого порфирита и весьма плотной грейзеноподобной породы. В ней, в виде редких шлир, встречается серный блеск. Между реками Яшу и Момокчи от массы горы в море выдвигаются два мыса, имеющие удэгейские названия: Ухо-дуони и Копочи-дуони.

Наконец около реки Найны в береговых обнажениях видна какая-то бурая, сильно метаморфизированная сложная порода.

У подножия найнинских террас, на самом берегу моря, мы нашли корейскую фанзу. Обитатели ее занимались ловлей крабов и соболеванием. В фанзе жило девять холостых корейцев. Среди них было двое одетых по-китайски и один — по-удэгейски. Они носили косы и имели подбритые лбы. Я долго их принимал за тех, кем они казались, и только впоследствии узнал, кто они на самом деле.

Подходя к фанзе, я услышал шум воды и затем звук от падения чего-то тяжелого. Сначала я не обратил на это внимания, но когда звук повторился во второй, третий и десятый раз, я спросил, что это значит. Чжан Бао сказал, что это корейская толчея, приводимая в движение водою.

Такая толчея устраивается около ручья следующим образом. На двух упорах лежит свободно вращающийся валик, проходящий сквозь длинное коромысло с неравными плечами. К короткому плечу прикреплен тяжелый пест, под которым поставлена большая деревянная ступа. Другое (длинное) плечо коромысла оканчивается ковшом. Стекающая по желобу вода наполняет ковш. Получив значительный вес, он опускается вниз, подымая пест кверху. Как только ковш наклонится, из него разом

* Мелкие речки Уяхи-Бязани, Санкэ, Капуты, Януда не идентифицированы.

выливается вода, тогда перетягивает пест и падает в ступу.

Из всех восточных народов на материке Азии корейцы первые додумались до использования живой силы воды. У китайцев таких машин нет. Иногда толчеи устраиваются дома или в самой фанзе. В последнем случае вместо ковша коромысло кончается плоской лопатой, и машина приводится в движение давлением ноги. Эту работу обыкновенно исполняют женщины.

На возвратном пути в фанзу я услышал еще какой-то шум в сарае — это корейцы мололи муку при помощи ручных жерновов, наложенных один на другой. К верхнему прикреплен короткий рычаг, при помощи которого он и приводится в движение. Зерно насыпается в деревянный ящик, откуда оно течет в отверстие верхнего камня и затем к зазорам между жерновами.

Как и надо было ожидать, наше появление вызвало беспокойство среди корейцев. В фанзе было свободно, и потому мы разместились на одном из канов. Дерсу сделал вид, что не понимает их языка, и внимательно стал прислушиваться к тому, что они говорили между собой.

Из этого разговора он узнал, что среди корейцев есть несколько искателей руд, остальные — охотники, пришедшие за провизией с реки Кулумбе, где у них имеются зверовые фанзы.

Двадцать седьмое сентября было посвящено осмотру реки Найны, почему-то названной на морских картах Яходеи-Санка. Река эта длиною 20 километров; истоки ее находятся в горах Карту, о которых будет сказано ниже. Сначала Найна течет с севера на юг, потом поворачивает к юго-востоку и последние десять километров течет к морю в широтном направлении. В углу, где река делает поворот, находится зверовая фанза. Отсюда прямо на запад идет та тропа, по которой прошел А. И. Мерзляков со своим отрядом.

Корейская зверовая фанза — это небольшая постройка, сложенная из бревен, с пологой двускатной крышей из кедрового корья. Она имеет два или три окна, по одному с каждой стороны и две двери, всегда обращенные к речке. Внутреннее устройство ее такое же, как и в китайских фанзах. Тут есть очаг с железным котлом и кан для спанья, нагреваемый дымовыми ходами. Вся внутренняя обстановка сделана грубо, топорно, чтобы не жаль было бросить ее в случае, если придется переходить на

 другое место. И снаружи, по типу постройки, и по внут-

ренней обстановке всегда можно отличить корейскую зверовую фанзу от китайской.

Время было осеннее, и корейцы начали уже соболевать. Недалеко от фанзы мы увидели и самые ловушки на соболя, так называемые «мосты». Для устройства их корейцы пользуются буреломным лесом, переброшенным с одного берега реки на другой. Иногда они нарочно для этого валят деревья, если место кажется подходящим, а валежника вблизи нет. Посредине бревна из мелких прутиков сделана изгородь, в которой оставлен узкий проход, а в нем в вертикальном положении укреплена волосяная петля. По бокам бревно отесано так, чтобы соболь не мог обойти изгородь стороною. Петля одним концом привязана к деревянной палочке, которая небольшим выступом чуть только держится на маленьком упорце. К этой палочке привязан груз (камень) весом в 3—4 килограмма. Когда соболь бежит по такому «мосту», он натыкается на изгородь, старается ее обойти, но гладкие затески мешают ему; тогда он пробует перескочить через петлю, запутывается, тянет ее за собою и срывает палочку с упорца. Груз падает в воду и увлекает за собой дорогого хищника.

Вся долина реки Найны покрыта горелым лесом; пожар был здесь несколько лет тому назад. Ныне на месте хвойного леса вырос молодняк, состоящий из березы, лиственницы и осины.

К вечеру мы вернулись назад.

Дерсу недолюбливал корейцев и, несмотря на то что на дворе было холодно и ветрено, отказался ночевать в фанзе. Он устроил себе бивак на берегу моря, под защитой террасы.

Вечером, после ужина, я пошел посмотреть, что он делает. Дерсу сидел, поджав под себя ноги, и курил трубку. Мне показалось у него так уютно, что я не мог отказать себе в удовольствии погреться у огня и поговорить с ним за кружкой чаю.

— Дерсу, — сказал я ему, — я по тебе соскучился. Как только тебя нет около меня, чувствую, что чего-то не хватает.

— Спасибо, капитан, — ответил он с улыбкой, — спасибо! Моя тоже так. Тебе сопка один ходи — моя шибко боится.

Он подвинулся. Я сел рядом с ним и спросил его, почему он не любит корейцев.

Дерсу стал вспоминать дни своего детства, когда, кроме гольдов и удэге, никто здесь не жил. Но вот появи-

лись русские, китайцы. Жить становилось с каждым годом все труднее и труднее. Когда пришли корейцы, леса начали гореть; соболь отдалился, и всякого другого зверя стало меньше. А теперь на берегу моря появились и японцы. Как дальше жить?

Дерсу замолк и задумался. Перед ним воскресло далекое прошлое. Он весь ушел в эти воспоминания. Задумался и я. Действительно, Приморье быстро колонизировалось. Придет время, когда от первобытной девственной тайги и следа не останется. Исчезнут и звери. Мы сидели молча, и каждый по-своему думал об одном и том же.

— Как дальше жить? — вдруг опять проговорил Дерсу и глубоко вздохнул.

— Ничего, старик, — ответил я ему, — на наш с тобой век хватит.

В это время подошел к нам Чжан Бао и, смеясь, стал рассказывать, как кореец впотьмах наступил на голову другому корейцу и как тот, в отместку, вымазал ему физиономию кашей из чумизы. Разговор наш переменился.

На другой день мы продолжали наш путь далее на север. Погода стояла пасмурная, но дождя не было.

К северу от реки Найны до реки Амагу тянутся андезиты и кварцево-порфировый туф. Особенного внимания заслуживают обнажения около реки Амагу (мысы Белкина и Арка). Здесь в пестрых слоях туфа можно видеть пустоты с конкрециями из известкового шпата и из какой-то мягкой зелено-каменной породы.

На морских картах в этих местах показаны двое береговых ворот. Одни малые у самого берега, другие большие — в воде. Ныне сохранились только те, что ближе к берегу. Удэгейцы называют их Сангасу, что значит Дыроватые камни, а китайцы — Кулунзуйза[24].

Об этих Дыроватых камнях у туземцев есть такое сказание. Одни люди жили на реке Нахтоху, а другие — на реке Шооми. Последние взяли себе жен с реки Нахтоху, но, согласно обычаю, сами им в обмен дочерей своих не дали. Нахтохуские удэгейцы отправились на Шооми и, воспользовавшись отсутствием мужчин, силою забрали столько девушек, сколько им было нужно. Шоомийцы погнались за ними на лодках. Когда они достигли мыса Сангасу, то не помолились, а, наоборот, с криками и руганью вошли под свод береговых ворот. Здесь, наверху, они увидели гагару, но птица эта была не простая, а Тэму (Касатка — властительница морей).

 Один удэгеец выстрелил в нее и не попал.

Тогда каменный свод обрушился и потопил обе лодки с двадцатью двумя человеками.

Следующие два мыса называются Нюммый-дуони и Лаамчи-дуони, и наконец самый последний мыс около Амагу имеет русское название — Белкина, а рядом небольшая бухточка — Разочарования.

По выходе из гор течение реки Квандагоу становится тихим и спокойным. Река блуждает от одного края долины к другому, рано начинает разбиваться на пороги и соединяется с рекой Амагу почти у самого моря.

После перевала тропа идет сначала правым берегом реки, потом переходит через топкое болото на левый берег, затем снова возвращается на правую сторону, каковой и придерживается уже до самого устья. В верхней половине река Квандагоу заросла хвойным лесом, а в нижней — исключительно лиственными породами: тополем, дубом, березой, осокорем, осиной, кленом и т.д.

Путь по реке Квандагоу показался мне очень длинным. Раза два мы отдыхали, потом опять шли — в надежде, что вот-вот покажется море. Наконец лес начал редеть: тропа поднялась на невысокую сопку, и перед нами развернулась широкая и живописная долина реки Амагу со старообрядческой деревней по ту сторону реки. Мы покричали. Ребятишки подали нам лодку. Наше долгое отсутствие вызвало у Мерзлякова тревогу. Стрелки хотели уже было идти нам навстречу, но их отговорили староверы.

Через несколько минут я сидел в избе за столом, пил молоко и слушал доклад А. И. Мерзлякова.

Весть о том, что я пришел на Амагу, быстро пронеслась по всей деревне.

Староверы встретили меня очень приветливо. Пришлось принимать гостей и отвечать им тем же.

Следующие три дня были дневки. Мы отдыхали и собирались с силами. Каждый день я ходил к морю и осматривал ближайшие окрестности. Река Магу (по-удэгейски — Амули, по-китайски — Ама-гоу) образуется из слияния трех рек: самой Амагу, Квандагоу, по которой мы прошли, и Кудяхе, впадающей в Амагу тоже с правой стороны, немного выше Квандагоу. Поэтому, когда смотришь со стороны моря, то невольно принимаешь Кудяхе за главную реку, которая на самом деле течет с севера, и поэтому долины ее из-за гор не видно.

Кудяхе — быстрая и порожистая речка, длиною около 20 километров. Она протекает по широкой долине и тоже

берет начало с хребта Карту. Верхняя часть долины покрыта горелым сухостоем. Вновь появившийся молодняк состоит главным образом из осины, лиственницы и белой березы; ближе к морю, в горах, преобладают хвойные породы.

Видно, что нижняя часть долины Амагу, где поселились староверы, раньше была морским заливом. Реки Кудяхе и Квандагоу некогда впадали в море самостоятельно. Затем произошел обычный процесс заполнения бухты наносами реки и отступления моря. С левой стороны еще и теперь сохранилось длинное торфяное болото, но и оно уже находится в периоде усыхания. Ныне река Амагу впадает в море близ мыса Белкина и около устья образует небольшую заводь, которая сообщается с морем узкою протокою.

Старообрядческая деревня Амагу состояла из восемнадцати дворов. Первые переселенцы (семь семейств) перекочевали сюда в 1900 году с реки Даубихе. Живя далеко в горах, старообрядцы сохранили облик чистых великороссов. Патриархальность семьи, костюмы, утварь, вышивки на одежде, резьба по дереву и т.д. — все это напоминало Древнюю Русь. У меня создалось впечатление, как будто я перенесся сразу на несколько столетий назад. Интересно было наблюдать, как они жили: для них событием было то, что уже прошло, чем в России давно уже перестали интересоваться.

К ним заходили японские суда и очень редко — русские. Поэтому все свои закупки они делали в Японии и только в случае крайности ходили сухопутьем в залив Ольги, совершая для этого длительные путешествия. Средствами к жизни их были земледелие и соболевание. Соболей они ловили всеми способами: и китайским, и корейским, и удэгейским. Занимались также охотой на оленей, били лосей, ловили рыбу. Все указывало на то, что это люди зажиточные. Особенно много у них было коней и рогатого скота. Я насчитал 32 лошади и 84 коровы.

Кроме старообрядцев, на Амагу жила еще одна семья удэгейцев, состоящая из старика мужа, его жены и трех взрослых сыновей. К чести старообрядцев, нужно сказать, что, придя на Амагу, они не стали притеснять туземцев, а, наоборот, помогли им и начали учить земледелию и скотоводству: удэгейцы научились говорить по-русски, завели лошадей, рогатый скот и построили баню.

На опушке лиственного леса, что около болота, старо-
474/ веры часто находили неглубоко в земле бусы, серьги,

браслеты, пуговицы, стрелы, копья и человеческие кости. Я осмотрел это место и нашел следы жилищ. На старинных морских картах при устье Амагу показаны многочисленные туземные юрты. Старик рассказывал мне, что лет тридцать тому назад здесь действительно жило много удэгейцев, но все они погибли от оспы. В 1870 году, по словам Боголюбского, на берегу моря, около реки Амагу, жило много туземцев.

В климатическом отношении эта часть побережья резко отличается от мест, находящихся к западу от Сихотэ-Алиня. Лето здесь сырое и прохладное, осень долгая и теплая, зима сухая, холодная, а весна поздняя. Первая половина зимы бесснежная, снега выпадают только в феврале и марте. Зато ноябрь и декабрь страшно ветреные. Обыкновенно ветры дуют со стороны хребта Карту. По наблюдениям староверов, если на западе в горах небо чистое — погода будет тихая, но если с утра там подымаются кучевые облака — это верный признак сильного северо-западного ветра. Из тридцати дней бывает приблизительно дней пять тихих, «морочных», десять — с сильными ветрами, а остальные пятнадцать дней — с ветрами, которые можно просто назвать свежими. На рассвете обыкновенно всегда бывает тихо; ветер начинает дуть с восхода солнца, постепенно усиливаясь, и достигает наибольшего напряжения к двум часам пополудни. Затем ветер начинает спадать и совсем стихает после полуночи.

В Южноуссурийском крае опилки, зарытые в землю, быстро сгнивают и превращаются в удобрения, но на побережье моря они не гниют в течение трех лет. Это можно объяснить тем, что летом, вследствие холодных туманов, земля никогда не бывает парная.

Первый снег около Амагу выпадает около половины декабря. Осень стоит долгая и теплая, вследствие этого травы не сохнут, а вянут. В сырых местах, где трава растет кочками, нижняя часть ее долго еще остается зеленой. Это дает возможность рогатому скоту большую часть года держаться на подножном корму. Лошадей приходится подкармливать только весною. Старообрядцы говорили, что в год своего переселения они совершенно не имели сухого фуража и держали коров и лошадей на подножном корму всю зиму, и по их наблюдениям, животные нисколько не похудели.

Вследствие того что весна здесь наступает поздно, староверы пашут только в мае, а косят в августе. Так как лето туманное и холодное, то хлеба созревают тоже поздно.

Уборка их производится в конце сентября, а иногда затягивается и до половины октября. Все овощи, в особенности картофель, растут хорошо; не созревают только дыни и арбузы. Период цветения растений и созревания плодов, по сравнению с бассейном Уссури, на одной и той же широте отстает почти на целый месяц.

В флористическом отношении река Амагу не менее интересна, чем в климатическом. В горах растет довольно много тиса. Любопытно, что дерево это в прибрежном районе встречается небольшими группами и не повсеместно. Южнее реки Мутухе его можно найти в лесу только одиночными деревьями. Здешняя липа не достигает таких размеров, как в Южноуссурийском крае, но зато ствол ее массивный и не имеет дупла. В районе верховьев Уссури и южнее наблюдается обратное явление: там липа хотя и растет в виде большого дерева, но почти всегда внутри полая. Ольха на Амагу имеет тоже очень крупные размеры и встречается не только по берегам рек, но и по теневым сторонам гор. Дуб растет небольшой, с белесоватою корою (на юге кора у дуба темная). Хотя желуди и созревают, но сами не спадают на землю, а их сбивают сильные осенние ветры. Заметно, что в здешних лесах болезненных наростов на деревьях меньше, чем к западу от Сихотэ-Алиня, и притом они встречаются только в верховьях рек. В Южноуссурийском крае такие наплывы достигают чрезвычайно больших размеров. Около Амагу кедр, лиственница, ель, пихта, береза, осина произрастают хорошо, зато ясень, клен и вообще все твердые породы растут плохо. Чертово дерево* попадается редко и имеет чахлый вид и отмершие вершины. Реку Амагу можно считать северной границей дикого винограда и маньчжурского ореха. Первый — низкорослый, растет исключительно на солнцепеке и с подветренной стороны, но не вызревает. Уже на реке Кусуне (немного севернее) его совсем нет. Ореха крестьяне на Амагу не видели, но однажды во время наводнения по реке плыла к ним ветка со свежею листвою. Из этого они заключили, что где-то по реке есть одно такое дерево.

Крайне интересно влияние моря на растительность. Например, яд зверобоя, борца, чемерицы у моря действует несравненно слабее, чем в горах.

То же самое можно сказать и относительно укусов змей, шершней и ос.

Около реки Амагу домашние пчелы могут еще жить,

* Элеутерококк колючий. *(Прим. ред.)*

но требуют за собой большого ухода. На зиму их надо тщательно прикрывать и оставлять больше корму. Завезенным сюда пчелам трудно собирать мед. В поисках за медоносными травами им приходится совершать большие полеты. Старообрядцы заметили, что если настоящих медоносов бывает мало, то пчелы собирают мед с других растений, иногда даже и с чемерицы. От этого меда пчелы болеют, и если им дать хорошего меда, то они тотчас выбрасывают из улья мед отравленный. Дальше на север опыты разведения староверами домашних пчел кончились неудачей.

Амагинский район заслуживает внимания натуралиста и в зоогеографическом отношении. Например, белогрудый медведь с юга доходит только до реки Кулумбе*. Тигры появляются периодически. Пантер никто не встречал, и за семь лет староверы только один раз видели следы ее на скалах, но они не уверены, была ли то пантера или молодой тигр. Шакалоподобные «дикие собаки» встречаются весьма редко.

Так как на западе раньше наступают холода, то и опушение соболя и белки происходит там раньше, чем на берегу моря (разница равна почти месяцу). По словам староверов, когда они первый раз прибыли на Амагу, то застали здесь дроф. В 1904—1905 годах дрофы еще изредка появлялись, но затем перелеты их совсем прекратились. Как-то раз, года два тому назад, вдруг на пашнях появилось несколько фазанов. Откуда они взялись, неизвестно; на другой год фазаны исчезли. Однажды на падали около моря видели большого темно-бурого орла с длинной голой шеей. Судя по описаниям, это был гриф. Вероятно, он залетел сюда из Центральной Азии случайно. Река Амагу является южной границей распространения глухаря и северной — для зеленого дятла.

Старообрядцы внимательно относятся ко всему окружающему и присматриваются к растениям, животным, рыбам, птицам и насекомым. Они по-своему естествоиспытатели. Например, они заметили, что дикие пчелы в прибрежном районе с юга распространяются до реки Кулумбе, а махаон Маака — до реки Кусуна. На Амагу он встречается редко и по размерам почти вдвое меньше, чем в Южноуссурийском крае.

Четвертого октября был отдан приказ приготовляться к походу. Теперь я хотел подняться по реке Амагу до ис-

* Граница распространения белогрудого медведя проходит значительно севернее, чем указано В.К.Арсеньевым.

токов, затем перевалить через хребет Карту и по реке Кулумбе спуститься к берегу моря.

Староверы говорили мне, что обе упомянутые реки очень порожисты и в горах много осыпей. Они советовали оставить мулов у них в деревне и идти пешком с котомками. Тогда я решил отправиться в поход только с Дерсу. Чжан Бао и стрелок Фокин пойдут с нами два дня. Затем, взяв от них запасы продовольствия, мы пойдем дальше, а они возвратятся обратно.

По моим расчетам, у нас должно было хватить продовольствия на две трети пути. Поэтому я условился с А.И. Мерзляковым, что он командирует удэгейца Сале с двумя стрелками к скале Ван-Син-Лаза, где они должны будут положить продовольствие на видном месте.

На следующий день, 5 октября, в два часа дня, с тяжелыми котомками мы выступили в дорогу.

Река Амагу длиною около 50 километров. Начало она берет с хребта Карту и огибает его с западной стороны. Амагу течет сначала на северо-восток, потом принимает широтное направление и только вблизи моря немного склоняется к югу. Из притоков ее следует указать только на Дунанцу, длиною в 19 километров. По ней можно перевалить на реку Кусун. Вся долина Амагу и окаймляющие ее горы покрыты густым хвойно-смешанным лесом строевого и поделочного характера.

Вегетационный период почти что кончился. Большинство цветковых растений завяло, и только в некоторых еще теплилась жизнь. К числу последних относились: Anaphalis margaritacea Venth.*, у которой листья с исподней стороны войлочные; особый вид астры с темным пушистым стеблем и с чешуйчатой фиолетовой корзинкой; затем заячье ушко** — зонтичное растение, имеющее на листьях выпуклые дугообразные жилки, и наконец черемша с листьями, как у ландыша.

Едва заметная тропинка привела нас к тому месту, где река Дунанца впадает в Амагу. Это будет километрах в десяти от моря. Близ ее устья есть утес, который староверы по-китайски называют Лаза[25] и производят от глагола «лазить».

Действительно, через эту «лазу» приходится перелезать на животе, хватаясь руками за камни.

Пройдя еще с километр, мы стали биваком на галечниковой отмели.

---

* Анафалис жемчужный. *(Прим. ред.)*

** Заячье ушко — володушка. *(Прим. ред.)*

До заката было еще более часа. Я воспользовался этим временем и пошел на охоту вверх по реке Дунанце. Поднявшись на первую попавшуюся сопку, я сел на валежник и стал осматриваться. Отсюда, сверху, были видны Амагу, Кудяхе, Квандагоу и побережье моря. Листопад был в полном разгаре. Лес с каждым днем все более и более принимал монотонно-серую, безжизненную окраску, знаменующую приближение зимы. Только дубняки сохранили еще листву, но и она пожелтела и от этого казалась еще печальнее. Кусты, лишенные пышных нарядов, стали удивительно похожи друг на друга. Черная, похолодевшая земля, прикрытая опавшею листвою, погружалась в зимний сон, растения покорно, без протестов, готовились к смерти.

Я так ушел в свои думы, что совершенно забыл, зачем пришел сюда в этот час сумерек. Вдруг сильный шум послышался сзади меня. Я обернулся и увидел какое-то несуразное и горбатое животное с белыми ногами. Вытянув вперед свою большую голову, оно рысью бежало по лесу. Я поднял ружье и стал целиться, но кто-то опередил меня. Раздался выстрел, и животное упало, сраженное пулей. Через минуту я увидел Дерсу, спускавшегося по кручам к тому месту, где упал зверь.

Убитое им животное оказалось лосем.

Это был молодой самец лет трех. Длина зверя от верхней губы до конца хвоста равнялась 2 метрам 20 сантиметрам, высота от подошвы копыта до холки — 1 метру 70 сантиметрам, общий вес — около 240 килограммов.

Это на вид неуклюжее животное имеет мощную шею и большую вытянутую голову с толстой, загнутой книзу мордой. Шерсть длинная, блестящая, гладко прилегающая к телу; окраска темно-бурая, почти черная; ноги белесоватые. Лось — очень строгий зверь: достаточно один раз его побеспокоить, чтобы он надолго оставил облюбованное место. Спасаясь от преследования охотника, он идет рысью и никогда галопом. Лось очень любит купаться в болотистых озерках. Раненый, он убегает, но во время течки становится злым и не только защищается, но и сам нападает на человека. При этом он подымается на задние ноги и, скрестив передние, старается ими сбить врага и тогда топчет его с ожесточением.

Амагу будет южной границей, где лось выходит к берегу моря. С наступлением холодов он начинает перекочевывать к западу. В ноябре его еще можно застать около Сихотэ-Алиня, а в декабре он совсем уходит в бассейн

реки Бикина. Там, в густых лесах, где не бывает наста, он находит достаточно корма и благоприятные условия для своего существования. По внешнему своему виду уссурийский лось мало чем отличается от своего европейского собрата, но зато рога его иные: они вовсе не имеют лопастей и скорее похожи на изюбровые, чем на лосиные.

Дерсу принялся снимать шкуру и делить мясо на части. Неприятная картина, но тем не менее я не мог не любоваться работой своего приятеля. Он отлично владел ножом: ни одного лишнего пореза, ни одного лишнего движения. Видно, что рука у него на этом деле хорошо была набита. Мы условились, что немного мяса возьмем с собою: Чжан Бао и Фокин доставят остальное староверам и для команды.

Глава тринадцатая
Водопад

Случай с тиграми. — Запретное место. — Дерсу и ворона. — Верховья реки Амагу. — Водопад. — Жертвоприношение. — Хребет Карту. — Брусника. — Ночлег в горах. — Спуск в долину реки Кулумбе. — Забота о животных

Вечером, после ужина, зашел разговор об охоте. Говорил Дерсу, а мы его слушали. Жизнь этого человека была полна интереснейших приключений. Гольд рассказывал, как однажды, десять лет тому назад, он охотился за изюбрами в самый разгар пантовки. Дело было на реке Эрлдагоу (приток Даубихе), в самых ее истоках. Здесь, в горах, вода промыла длинные и глубокие овраги; круглые склоны их поросли лесом. Дерсу имел при себе винтовку, охотничий нож и шесть патронов. Недалеко от бивака он увидел пантача, стрелял и ранил слабо. Изюбр упал было, но скоро оправился и побежал в лес. Гольд догнал его там, опять стрелял четыре раза, но все раны были не убойные, и изюбр уходил дальше. Тогда Дерсу выстрелил в шестой и последний раз. После этого олень забился в овраг, который соединялся с другим таким же оврагом. Олень лежал как раз у места их соединения, в воде, и только плечо, шея и голова его были на камнях. Раненое животное подымало голову и, видимо, кончало расчеты с жизнью. Гольд сел на камень и стал курить в ожидании, когда изюбр подохнет. Пришлось выкурить две

трубки, прежде чем олень испустил последний вздох. Тогда Дерсу подошел к нему, чтобы отрезать голову с пантами. Место было неудобное: у самой воды росла толстая ольха. Как ни приспособлялся Дерсу, он мог устроиться только в одном положении. Он опустился на правое колено, а левой ногой уперся в один из камней в ручье. Винтовку он забросил себе на спину и начал было свежевать оленя. Не успел он два раза резануть ножом, как вдруг за шумом воды позади себя услышал шорох. Он хотел было оглянуться, но в это мгновение совсем рядом с собой увидел тигра. Зверь хотел было наступить на камень, но оступился и попал лапой в воду. Гольд знал, что если он сделает хоть малейшее движение, то погибнет. Он замер на месте и притаил дыхание. Тигр покосился на него и, видя неподвижную фигуру, двинулся было дальше. Однако он почувствовал, что это неподвижное — не пень и не камень, а что-то живое. Два раза он оборачивался назад и усиленно нюхал воздух, но, на счастье Дерсу, ветер тянул не от него, а от тигра. Не уловив запаха оленьей крови, страшный зверь полез на кручу. Камни и песок из-под его лап посыпались в ручей. Но вот он взобрался наверх. Тут он вдруг почуял запах человека. Шерсть на спине у него поднялась дыбом, он сильно заревел и стал бить себя хвостом по телу. Тогда Дерсу громко закричал и пустился бежать по оврагу. Тигр бросился вниз к оленю и стал его обнюхивать. Это и спасло Дерсу. Он выбрался из ущелья и бежал долго, бежал, как козуля, преследуемая волками.

Тогда он понял, что убитый олень принадлежал не ему, а тигру. Вот почему он и не мог его убить, несмотря на то, что стрелял шесть раз. Дерсу удивился, как он об этом не догадался сразу. С той поры он не ходил больше в эти овраги. Место это стало для него раз навсегда запретным. Он получил предупреждение...

После ужина я и стрелок Фокин улеглись спать, а гольд и Чжан Бао устроились в стороне. Они взяли на себя заботу об огне.

Ночью я проснулся. Вокруг луны было матовое пятно — верный признак, что утром будет мороз. Так оно и случилось: перед рассветом температура быстро понизилась, и вода в лужах замерзла.

Первыми проснулись Чжан Бао и Дерсу. Они подбросили дров в огонь, согрели чай и тогда только разбудили меня и Фокина.

Удивительные птицы — вороны: как скоро они узна-

ют, где есть мясо! Едва солнечные лучи озолотили вершины гор, как несколько их появилось уже около нашего бивака. Они громко перекликались между собою и перелетали с одного дерева на другое. Одна из ворон села очень близко от нас и стала каркать.

— Ишь, проклятая! Погоди, я тебя сейчас ссажу, — сказал стрелок Фокин и потянулся за винтовкой.

— Не надо, не надо стрелять, — остановил его Дерсу. — Его мешай нету. Ворона тоже хочу кушай. Его пришел посмотреть, люди есть или нет. Нельзя — его улетит. Наша ходит, его тогда на землю прыгай, чего-чего остался — кушай.

Как бы в подтверждение его слов ворона снялась с дерева и улетела. Доводы эти Фокину показались убедительными; он положил ружье на место и уже больше не ругал ворон, хотя они подлетали к нему еще ближе, чем в первый раз.

Дерсу был, безусловно, прав. Обычай «ссаживать» ворон с деревьев — жестокая забава охотников. Стрельбой по воронам забавляются иногда даже образованные люди. Стреляют так же, как в бутылку, только потому, что черная ворона представляет из себя хорошую цель.

Ворон скорее следует отнести к полезным птицам, чем к вредным. Убирая в тайге трупы павших животных, дохлых рыб по берегам рек, моллюсков, выброшенных морским прибоем, и в особенности разные отбросы человеческих жилищ, они являются незаменимыми санитарами природы. Вред, причиняемый воронами хозяйству, по сравнению с той пользой, которую они приносят, невелик.

С этого бивака мы расстались.

Чжан Бао и стрелок Фокин вернулись назад, а мы с Дерсу пошли дальше.

Отсюда долина Амагу начала суживаться, и река сделалась порожистой; в горах появились осыпи и целые площади, обезлесенные пожарами; зато внизу, в долине, лес стал гуще; к лиственным породам примешалось много хвои. Километрах в двадцати от моря река снова разделилась надвое. Одна речка (большая) огибает хребет Карту с запада, а другая (меньшая) течет с юга. От места слияния их потянулись сплошные гари. Два раза мы переходили речку вброд и в конце концов снова очутились на правом берегу. Еще дальше долина становится похожей на ущелье. Некоторые утесы имеют весьма причудливые очертания. Они постепенно разрушают-

ся и превращаются в осыпи. Иногда сорвавшаяся сверху глыба увлекает за собою другие камни. Тогда в долину свергается целый поток щебня и поломанных сухостойных деревьев.

Немудрено, что удэгейцы боятся этих мест: здесь, по их мнению, обиталище злого духа.

Мы шли с Дерсу и говорили об охоте. Вдруг он сделал мне знак, чтобы я остановился. Мы стали слушать. Издали доносился какой-то шум, похожий не то на подземный гул, не то на отдаленные раскаты грома.

— Водопад, — сказал Дерсу и указал рукой на реку.

Я взглянул и увидел плывшую по воде пену.

Мы прибавили шагу и через полчаса действительно подошли к водопаду.

Из всех водопадов, которые мне приходилось видеть, Амагинский водопад был самым красивым. Представьте себе узкий коридор, верхние края которого немного загнуты внутрь так, что вода идет как бы в трубе. В одном месте труба эта обрывается. Здесь образовался водопад высотою в 8 метров. Однако верхние края коридора продолжаются и далее. Из этого можно заключить, что первоначально водопад был ниже по течению, и если бы удалось определить, насколько вода стирает ложе водопада в течение года, то можно было бы сказать, когда он начал свою работу, сколько ему лет и сколько еще осталось существовать на свете. Порода, сквозь которую вода пробила себе дорогу, — буро-красный глауконитовый песчаник с весьма плотным цементом. Цвет воды в массе изумрудный. При ярком солнечном освещении белая пена с зеленовато-синим цветом воды и с красно-бурыми скалами, по которым разрослись пестрые лишайники и светло-зеленые мхи, создавала картину чрезвычайно эффектную. Под водопадом вода имеет вращательное движение. В течение многих лет она сточила породу по сторонам и образовала «огромный котел». Я подошел к краю обрыва, и мне показалось, что от массы падающей воды порой содрогается земля.

В это время обоняние мое уловило запах дыма. Я обернулся и увидел Дерсу, разжигающего костер. Потом он начал развязывать котомку. Я думал, что он хочет остановиться на бивак, и стал убеждать его пройти еще немного. Гольд соглашался со мной, но продолжал развязывать котомку. Он достал из нее кусок сахару, две спички, ломтик хлеба и листочек табаку. Все это он взял в одну руку, в другую — маленький горящий уголек и что-то стал /483

говорить. Лицо его было серьезно, глаза опущены в землю. Что именно он говорил, я не мог расслышать за шумом водопада. Потом он подошел к обрыву и все бросил в воду.

— Что ты сделал? — спросил я его.

— Наша постоянно так, — отвечал он. — Его, — он указал на водопад, — все равно гром, черта гоняй.

Водопад и на меня произвел жуткое и чарующее впечатление. Что-то в нем было живое, стихийное. Какое же впечатление он мог произвести на душу человека, который все считал живым и человекоподобным!

Дерсу молча начал укладывать свою котомку. Желая показать ему, что я разделяю его мысли, я взял то, что первое мне попало под руку, — кусок сухой рыбы и большую головешку — и пошел к водопаду. Увидев, что я хочу бросить их в воду, Дерсу подбежал ко мне, махая руками; вид у него был встревоженный. Я понял, что он меня останавливает.

— Не надо, не надо, капитан! — говорил он испуганно и торопливо.

Я отдал ему головешку и юколу. Он бросил головешку в огонь, юколу в лес. После этого он надел котомку, и мы пошли дальше. По дороге я стал расспрашивать его, почему он не хотел, чтобы я бросил в воду огонь и рыбу. Дерсу тотчас мне объяснил: в воду бросают только то, чего в ней нет, в лес можно бросать только то, чего нет на земле. Табак можно бросать в воду, а рыбу на землю. В воду можно бросать немного огня — только один уголек, но нельзя воду лить в огонь; также нельзя в воду бросать большую головешку, иначе рассердятся огонь и вода. Тогда я твердо решил более не вмешиваться в дела такого рода, чтобы нам обоим, как он выразился, не было худо.

Отойдя еще с полкилометра, мы стали биваком.

Когда на другой день, 7 октября, я проснулся, Дерсу был уже на ногах. Должно быть, я спал очень долго, потому что котомка его была уже увязана, и он терпеливо ожидал моего пробуждения.

— Отчего ты меня не разбудил? — спросил я его.

Он ответил, что сегодня мы пойдем на высокие горы и потому необходимо набраться побольше сил и выспаться как следует.

Перед выступлением я посмотрел на свой барометр: он показывал 458 метров. День обещал быть тихим и
 теплым. Прямо от бивака мы начали восхождение на

хребет Карту, главная ось которого располагается от северо-востока к юго-западу. Чем выше мы поднимались, тем больше перед нами раскрывался горизонт. Кругом, насколько хватал глаз, нигде не было леса: нигде ни одного деревца, даже сухостойного. Чрезвычайно тоскливый вид имеют такие горы. С исчезновением лесов исчезло и подлесье, исчезли мхи; дожди смыли тонкий растительный слой земли и оголили материковую почву. Куда ни посмотришь, всюду одна и та же однообразная, тусклая картина: серые утесы и серые осыпи. Хребет Карту — это безжизненная и безводная пустыня.

Первая сопка, на которую мы поднялись, имела высоту 900 метров. Отдохнув немного на ее вершине, мы пошли дальше. Вторая гора почти такой же величины, но вследствие того, что перед ней мы опустились в седловину, она показалась гораздо выше. На третьей вершине барометр показал 1016 метров.

Я взглянул на часы: обе стрелки показывали полдень. Значит, за три с половиной часа мы успели «взять» только три вершины, а главный хребет был еще впереди.

Меня сильно мучила жажда. Вдруг я увидел бруснику, она была мороженая. Я начал ее есть с жадностью. Дерсу смотрел на меня с любопытством.

— Как его фамилия? — спросил он, держа на ладони несколько ягод.

— Брусника, — отвечал я.

— Тебе понимай, — спросил он опять, — его можно кушать?

— Можно, — отвечал я. — Разве ты не знаешь эту ягоду?

Дерсу ответил, что видел ее часто, но не знал, что она съедобна.

Местами брусники было так много, что целые площади казались как будто окрашенными в бордовый цвет. Подбирая ягоды, мы понемногу подвигались вперед и незаметно поднялись на вершину, высота которой равнялась 1290 метрам.

Здесь мы впервые вступили в снег; он был глубиною около 15 сантиметров.

По наблюдению старообрядцев, первый снег на Сихотэ-Алине в 1907 году выпал 20 сентября, а на хребте Карту — 3 октября и уже более не таял. 7 октября снеговая линия опустилась до 900 метров над уровнем моря.

Отсюда мы повернули к югу и стали взбираться на чет-

вертую высоту (1510 метров). Этот подъем был особенно трудным. Мы часто глотали снег, чтобы утолить мучившую нас жажду.

Хребет Карту с восточной стороны очень крут, с западной — пологий. Здесь можно наблюдать, как происходит разрушение гор. Сверху все время сыплются мелкие камни; они постепенно засыпают долины, погребая под собою участки плодородной земли и молодую растительность. Таковы результаты лесных пожаров.

Как ни старались мы добраться в этот день до самой высокой горы, нам сделать это не удалось. С закатом солнца должен опять подуть холодный северо-западный ветер. Пора было подумать о биваке. Поэтому мы спустились немного с гребня и стали искать место для ночлега на западном склоне. Теперь у нас были три заботы: первая — найти воду, вторая — найти топливо и третья — найти защиту от ветра. Нам посчастливилось найти все это сразу в одном месте. В километре от седловины виднелся кедровый стланец. Мы забрались в самую середину его и устроились даже с некоторыми удобствами. Снег заменил нам воду. Среди живого стланца было много сушняка. Мы с Дерсу натаскали побольше дров и развели жаркий огонь. С подветренной стороны мы натянули полотнища палатки, хвои наложили себе под бок, а сверху покрыли ее козьими шкурками.

Ночь была лунная и холодная. Предположения Дерсу оправдались. Лишь только солнце скрылось за горизонтом, сразу подул резкий, холодный ветер. Он трепал ветки кедровых стланцев и раздувал пламя костра. Палатка парусила, и я очень боялся, чтобы ее не сорвало со стоек. Полная луна ярко светила на землю; снег блестел и искрился. Голый хребет Карту имел еще более пустынный вид.

Утомленные дневным переходом, мы недолго сидели у огня и рано легли спать.

Утром, когда я проснулся, первое, что бросилось мне в глаза, был туман. Скоро все разъяснилось — шел снег. Хорошо, что мы сориентировались вчера и потому сегодня с бивака могли сразу взять верное направление.

Напившись чаю с сухарями, мы опять стали подниматься на хребет Карту. Теперь нам предстояло взобраться на самую высокую сопку, которую моряки называют Амагунскими гольцами. Потому ли, что мы были со свежими силами, или снег нас принуждал торопиться, но
 только на эту гору мы взошли довольно скоро. Высота ее

равна 1660 метрам. Отсюда берет начало река Кулумбе* (по-удэгейски — Куле); староверы измеряют ее в 50—60 километров. Течет она по кривой, так же как и Амагу, но только в другую сторону, а именно — к югу и юго-востоку.

Когда мы спустились до 1200 метров, снег сменился дождем, что было весьма неприятно; но делать нечего, приходилось терпеть.

Километров пять мы шли гарью и только тогда нашли живой лес, когда снизились до 680 метров. Это была узкая полоса растительности около речки, состоящая преимущественно из березы, пихты и лиственницы.

К полудню дождь усилился. Осенний дождь — это не то что летний дождь: легко можно простудиться. Мы сильно прозябли, и потому пришлось рано стать на бивак. Скоро нам удалось найти балаган из корья. Способ постройки его и кое-какие брошенные вещи указывали на то, что он был сделан корейцами. Оправив его немного, мы натаскали дров и принялись сушить одежду.

Часа в четыре дня дождь прекратился. Тяжелая завеса туч разорвалась, и мы увидели хребет Карту, весь покрытый снегом.

Когда солнце скрылось за горизонтом, по всему западному небосклону широко разлилась багровая заря. Потом взошла луна; вокруг нее опять было густое матовое пятно и большой венец — верный признак, что завтра снова будет дождь.

Вечером я записывал свои наблюдения, а Дерсу жарил на вертеле сохатину. Во время ужина я бросил кусочек мяса в костер. Увидев это, Дерсу поспешно вытащил его из огня и швырнул в сторону.

— Зачем бросаешь мясо в огонь? — спросил он меня недовольным тоном. — Как можно его напрасно жечь! Наша завтра уехали, сюда другой люди ходи — кушай. В огонь мясо бросай, его так пропади.

— Кто сюда другой придет? — спросил я его в свою очередь.

— Как кто? — удивился он. — Енот ходи, барсук или ворона; ворона нет — мышь ходи, мышь нет — муравей ходи. В тайге много разные люди есть.

Мне стало ясно: Дерсу заботился не только о людях,

---

* Высшей точкой в этом районе является г. Курортная (1621 м). Река Правая Кулумбе (Прав. Пещерная) имеет истоки на г. Орлиная (1473 м). Средняя Кулумбе — на г.Острая (1432 м) и Левая Кулумбе (Лев. Пещерная) — на горе с отметкой 1086 м.

но и о животных, хотя бы даже и о таких мелких, как муравей. Он любил тайгу с ее населением и всячески заботился о ней.

Незаметно мы досидели с ним до полуночи. Наконец Дерсу начал дремать. Я закрыл свою тетрадь, завернулся в одеяло, лег поближе к огню и скоро заснул. Ночью сквозь сон я слышал, как он поправлял огонь и прикрывал меня своею палаткою.

Глава четырнадцатая

Тяжелый переход

Денудационная долина реки Кулумбе. — Броды. — Скала Мафа. — Упадок сил. — Гололедица. — Лес, поваленный бурею. — Лихорадка. — Кошмар. — Голод. — Берег моря. — Ван-Син-Лаза. — Разочарование. — Миноносец «Грозный». — Спасение. — Возвращение на Амагу. — Отъезд А.И. Мерзлякова

С рассветом опять ударил мороз; мокрая земля замерзла так, что хрустела под ногами. От реки подымался пар. Значит, температура воды была значительно выше температуры воздуха. Перед выступлением мы проверили свои продовольственные запасы. Хлеба у нас осталось еще на двое суток. Это не особенно меня беспокоило. По моим соображениям, до моря было не особенно далеко, а там к скале Ван-Син-Лаза продовольствие должен принести удэгеец Сале со стрелками.

За ночь обувь наша просохла. Когда солнышко взошло, мы с Дерсу оделись и бодро пошли вперед.

Более характерной денудационной долины, чем Кулумбе, я не видывал. Река, стесненная горами, все время извивается между утесами. Можно подумать, что горные хребты здесь старались на каждом шагу создать препятствия для воды, но последняя взяла верх и силою проложила себе дорогу к морю.

Окрестные горы, можно сказать, совершенно оголены от древесной растительности; лес растет только около реки, окаймляя ее по обеим сторонам, как бордюром. Преобладающие породы здесь лиственница, ель, береза и ольха. Ближе к горам, на местах открытых, приютились: даурский шиповник, обыкновенная рябина, а около нее — каменная полынь с листвой, расположенной у основания стебля. С первого взгляда никто не угадал бы в ней родную сестру луговой полыни. В другом месте мы наткну-

лись на багульник и множество папоротников. У первого — лист ажурный, небольшой по размерам; второй вид имел буровато-зеленые листья с красноватым оттенком с задней стороны; у третьего — хотя лист и простой, но ему нельзя было отказать в изяществе.

По долине реки Кулумбе никакой тропы нет. Поэтому нам пришлось идти целиной. Не желая переходить реку вброд, мы пробовали было идти берегом, но скоро убедились, что это невозможно: первая же скала принудила нас перейти на другую сторону реки. Я хотел было переобуваться, но Дерсу посоветовал идти в мокрой обуви и согреваться усиленною ходьбою. Не прошли мы и полкилометра, как пришлось снова переходить на правый берег реки, потом на левый, затем опять на правый и т. д. Вода была холодная; голени сильно ломило, точно их сжимали в тисках.

По сторонам высились крутые горы; они обрывались в долину утесами. Обходить их было нельзя. Это отняло бы у нас много времени и затянуло бы путь лишних дня на четыре, что при ограниченности наших запасов продовольствия было совершенно нежелательно. Мы с Дерсу решили идти напрямик в надежде, что за утесами будет открытая долина. Вскоре нам пришлось убедиться в противном: впереди опять были скалы, и опять пришлось переходить с одного берега на другой.

— Тьфу! — ворчал Дерсу. — Мы идем — все равно выдры. Маленько по берегу ходи, посмотри, вода есть — ныряй, потом опять на берег и опять ныряй...

Сравнение было весьма удачное. Выдры именно так и ходят.

Или мы привыкли к воде, или солнце пригрело нас, а может быть, то и другое вместе, только броды стали казаться не такими уж страшными и вода не такой холодной. Я перестал ругаться, а Дерсу перестал ворчать. Вместо прямой линии наш путь изображал собою зигзаги. Так мы пробились до полудня, но под вечер попали в настоящее ущелье. Оно тянулось более чем на 400 метров. Пришлось идти прямо по руслу реки. Иногда мы взбирались на отмель и грелись на солнце, а затем снова опускались в воду. Наконец я почувствовал, что устал.

День кончился, и в воздухе стало холодать. Тогда я предложил своему спутнику остановиться. В одном месте между утесами был плоский берег, куда водой нанесло много плавника. Мы взобрались на него и первым делом развели большой костер, а затем принялись готовить ужин.

Вечером я подсчитал броды. На протяжении 15 километров мы сделали тридцать два брода, не считая сплошного хода по ущелью. Ночью небо опять затянуло тучами, а перед рассветом пошел мелкий и частый дождь. Утром мы встали раньше обыкновенного, поели немного, напились чаю и тронулись в путь. Первые шесть километров мы шли больше по воде, чем по суше.

В среднем течении река Кулумбе очень извилиста. Она все время жмется к утесам и у подножия их образует глубокие ямы. Во многих местах русло ее завалено камнями и занесено буреломом. Можно представить себе, что здесь делается во время наводнений! Один раз я, другой раз Дерсу сорвались в ямы и вымокли как следует.

Наконец узкая и скалистая часть долины была пройдена. Горы как будто стали отходить в стороны. Я обрадовался, полагая, что море недалеко, но Дерсу указал на какую-то птицу, которая, по его словам, живет только в глухих лесах, вдали от моря. В справедливости его доводов я сейчас же убедился. Опять пошли броды, и чем дальше, тем глубже. Раза два мы разжигали костры, главным образом для того, чтобы погреться.

Часов в двенадцать дня мы были около большой скалы Мафа, что по-удэгейски значит — Медведь. Действительно, своими формами она очень его напоминает и состоит из плотного песчаника с прослойками кварца и известкового шпата. У подножия ее шла свежепротоптанная тропа; она пересекала реку Кулумбе и направлялась на север. Дерсу за скалой нашел бивак. По оставленным на нем следам он знал, что здесь ночевал Мерзляков с командой, когда шел с Такемы на Амагу.

Мы рассчитали, что если пойдем по тропе, то выйдем на реку Найну к корейцам, а если пойдем прямо, то придем на берег моря к скале Ван-Син-Лаза. Путь на Найну нам был совершенно неизвестен, и к тому же мы совершенно не знали, сколько времени может занять этот переход. До моря же мы рассчитывали дойти если не сегодня, то во всяком случае завтра к полудню.

Закусив остатками мяса, мы пошли далее. Часа в два дня мелкий дождь превратился в ливень. Это заставило нас остановиться раньше времени и искать спасения в палатке. Я страшно прозяб, руки мои закоченели, пальцы не гнулись, зубы выбивали дробь. Дрова, как на грех, попались сырые и плохо горели. Наконец все было налажено. Тогда мы принялись сушить свою одежду. Я чувствовал упадок

 сил и озноб. Дерсу достал из котомки последний сухарь

и советовал поесть. Но мне было не до еды. Напившись чаю, я лег к огню, но никак не мог согреться.

Около полуночи дождь прекратился, но изморось продолжала падать на землю. Дерсу ночью не спал и все время поддерживал костер.

Часа в три утра в природе совершилось что-то необычайное. Небо вдруг сразу очистилось. Началось такое быстрое понижение температуры воздуха, что дождевая вода, не успевшая стечь с ветвей деревьев, замерзла на них в виде сосулек. Воздух стал чистым и прозрачным. Луна, посеребренная лучами восходящего солнца, была такой ясной, точно она вымылась и приготовилась к празднику. Солнце взошло багровое и холодное.

Утром я встал с головной болью. По-прежнему чувствовались озноб и ломота в костях. Дерсу тоже жаловался на упадок сил. Есть было нечего, да и не хотелось. Мы выпили немного горячей воды и пошли своей дорогой.

Скоро нам опять пришлось лезть в воду. Сегодня она показалась мне особенно холодной. Выйдя на противоположный берег, мы долго отдыхали. Но вот солнышко поднялось из-за гор, и под его живительными лучами начал согреваться озябший воздух.

Как ни старались мы избежать бродов, нам не удалось от них отделаться. Но все же заметно было, что они становились реже. Через несколько километров река разбилась на протоки, между которыми образовались острова, поросшие тальниками. Тут было много рябчиков. Мы стреляли, но ни одного не могли убить: руки дрожали и не было сил прицеливаться как следует. Понуро мы шли друг за другом и почти не говорили между собою.

Вдруг впереди показался какой-то просвет. Я думал, что это море. Но большое разочарование ждало нас, когда мы подошли поближе. Весь лес лежал на земле. Он был повален бурею в прошлом году. Это была та самая пурга, которая захватила нас 20, 21 и 22 октября при перевале через Сихотэ-Алинь. Очевидно, центр тайфуна прошел именно здесь.

Надо было обойти бурелом стороной или идти по островам, среди тальников. Не зная, какой длины и ширины будет площадь поваленного леса, мы предпочли последнее. Река сплошь была занесена плавником, и, следовательно, всюду можно было свободно перейти с одного берега на другой. Такой сплошной завал тянулся километров шесть, если не больше. Наше движение было довольно медленно. Мы часто останавливались и отдыхали. Но вот

завалы кончились, и опять началась вода. Я насчитал еще двадцать три брода, затем сбился со счета и шел без разбора.

После полудня мы еле-еле тащили ноги. Я чувствовал себя совершенно разбитым; Дерсу тоже был болен. Один раз мы видели кабана, но нам было не до охоты. Мы рано стали на бивак.

Здесь я окончательно свалился с ног; меня трясла сильная лихорадка, и почему-то опухли лицо, ноги и руки. Дерсу весь вечер работал один. Потом я впал в забытье. Мне все время грезилась какая-то тоненькая паутина. Она извивалась вокруг меня и постепенно становилась все толще и толще и наконец принимала чудовищные размеры. Мне казалось, что горный хребет Карту движется с ужасающей быстротою и давит меня своей тяжестью. В ужасе я вскакивал и кричал. Хребет Карту сразу пропадал, и вместо него опять появлялась паутина, и опять она начинала увеличиваться, приобретая в то же время быстрое вращательное движение. Смутно я чувствовал у себя на голове холодную воду.

Сколько продолжалось такое состояние, не знаю. Когда я пришел в себя, то увидел, что покрыт кожаной курткой гольда.

Был вечер; на небе блестели яркие звезды. У огня сидел Дерсу; вид у него был изнуренный, усталый.

Оказалось, что в бреду я провалялся более двенадцати часов. Дерсу за это время не ложился спать и ухаживал за мною. Он клал мне на голову мокрую тряпку, а ноги грел у костра. Я попросил пить. Дерсу подал мне отвар какой-то травы противного сладковатого вкуса. Дерсу настаивал, чтобы я выпил его как можно больше. Затем мы легли спать вместе, и, покрывшись одной палаткой, оба уснули.

Следующий день был 13 октября. Сон немного подкрепил Дерсу, но я чувствовал себя совершенно разбитым. Однако дневать здесь было нельзя. Продовольствия у нас не было ни крошки. Через силу мы поднялись и пошли дальше вниз по реке.

Долина становилась все шире и шире. Буреломы и гарь остались позади; вместо ели, кедра и пихты чаще стали попадаться березняки, тальники и лиственницы, имеющие вид строевых деревьев.

Я шел как пьяный. Дерсу тоже перемогал себя и еле-еле волочил ноги. Заметив впереди, с левой стороны, высокие утесы, мы заблаговременно перешли на правый
 берег реки. Здесь Кулумбе сразу разбилась на восемь ру-

кавов. Это в значительной степени облегчило нашу переправу. Дерсу всячески старался меня подбодрить. Иногда он принимался шутить, но по его лицу я видел, что он тоже страдает.

— Каза, каза (чайка)! — закричал он вдруг, указывая на белую птицу, мелькавшую в воздухе. — Море далеко нету.

И как бы в подтверждение его слов из-за поворота с левой стороны выглянула скала Ян-Тун-Лаза — та самая скала, которую мы видели около устья Кулумбе, когда шли с реки Такемы на Амагу. Надежда на то, что близок конец нашим страданиям, придала мне силы. Но теперь опять предстояло переправляться на левый берег Кулумбе, которая текла здесь одним руслом и имела быстрое течение. Поперек реки лежала длинная лиственница. Она сильно качалась. Эта переправа отняла у нас много времени. Дерсу сначала перенес через реку ружья и котомки, а затем помог переправиться мне.

Наконец мы подошли к скале Ян-Тун-Лаза. Тут на опушке дубовой рощи мы немного отдохнули. До моря оставалось еще километра полтора. Долина здесь делает крутой поворот к юго-востоку. Собрав остаток сил, мы поплелись дальше.

Скоро дубняки стали редеть, и вот перед нами сверкнуло море.

Наш трудный путь был кончен. Сюда стрелки должны были доставить продовольствие, здесь мы могли оставаться на месте до тех пор, пока окончательно не выздоровеем.

В шесть часов пополудни мы подошли к скале Ван-Син-Лаза. Еще более горькое разочарование ждало нас здесь: продовольствия не было. Мы обшарили все уголки, засматривали за бурелом, за большие камни, но нигде ничего не нашли. Оставалась еще одна надежда: быть может, стрелки оставили продовольствие по ту сторону скалы Ван-Син-Лаза. Гольд вызвался слазить туда. Поднявшись на ее гребень, он увидел, что карниз, по которому идет тропа, покрыт льдом. Дерсу не решился идти дальше. Сверху он осмотрел весь берег и ничего там не заметил. Спустившись назад, он сообщил мне эту печальную весть и сейчас же постарался утешить.

— Ничего, капитан, — сказал он, — около моря можно всегда найти кушать.

Потом мы пошли к берегу и отворотили один камень. Из-под него выбежало множество мелких крабов. Они

бросились врассыпную и проворно спрятались под другие камни. Мы стали ловить их руками и скоро собрали десятка два. Тут же мы нашли еще двух протомоллюсков и около сотни раковин береговичков. После этого мы выбрали место для бивака и развели большой огонь. Протомоллюсков и береговичков мы съели сырыми, а крабов сварили. Правда, это дало нам немного, но все же первые приступы голода были утолены.

Зная исполнительность своих людей, я никак не мог понять, почему они не доставили продовольствия на указанное место. Завтра надо перейти через скалу Ван-Син-Лаза и попытаться берегом дойти до корейцев на реке Найне.

Лихорадка моя прошла, но слабость еще осталась. Дерсу хотел завтра рано утром сбегать на охоту и потому лег спать пораньше. Я долго сидел у огня и грелся.

Ночь была ясная и холодная. Звезды ярко горели на небе; мерцание их отражалось в воде. Кругом было тихо и безлюдно; не было слышно даже всплесков прибоя. Красный полумесяц взошел поздно и задумчиво глядел на уснувшую землю. Высокие горы, беспредельный океан и глубокое темно-синее небо — все было так величественно, грандиозно. Шепот Дерсу вывел меня из задумчивости: он о чем-то бредил во сне.

Утомленный тяжелой дорогой, измученный лихорадкой, я лег рядом с ним и уснул.

Чуть брезжило. Сумрак ночи еще боролся с рассветом, но уже видно было, что он не в силах остановить занимавшейся зари. Неясным светом освещала она тихое море и пустынный берег.

Наш костер почти совсем угас. Я разбудил Дерсу, и мы оба принялись раздувать угли. В это время до слуха моего донеслись два каких-то отрывистых звука, похожих на вой.

— Это изюбр ревет, — сказал я своему приятелю. — Иди поскорей: быть может, ты убьешь его.

Дерсу стал молча собираться, но затем остановился, подумал немного и сказал:

— Нет, это не изюбр. Теперь его кричи не могу. В это время звуки опять повторились, и мы ясно разобрали, что исходят они со стороны моря. Они показались мне знакомыми, но я никак не мог припомнить, где раньше их слышал.

Я сидел у огня, спиною к морю, а Дерсу против меня. Вдруг он вскочил на ноги и, подняв руку, сказал:

— Смотри, капитан!

Я оглянулся и увидел миноносец «Грозный», выходящий из-за мыса.

Точно сговорившись, мы сделали в воздух два выстрела, затем бросились к огню и стали бросать в него водоросли. От костра поднялся белый дым. «Грозный» издал несколько пронзительных свистков и повернул в нашу сторону. Нас заметили... Сразу точно гора свалилась с плеч. Мы оба повеселели.

Через несколько минут мы были на борту миноносца, где нас радушно встретил П.Г. Тигерстедт.

Оказалось, что он, возвращаясь с Шантарских островов, зашел на Амагу и здесь узнал от А.И. Мерзлякова, что я ушел в горы и должен выйти к морю где-нибудь около реки Кулумбе. Староверы ему рассказали, что удэгеец Сале и двое стрелков должны были доставить к скале Ван-Син-Лаза продовольствие, но по пути, во время бури, лодку их разбило о камни, и все то, что они везли с собой, утонуло. Они сейчас же вернулись обратно на Амагу, чтобы с новыми запасами продовольствия пойти вторично нам навстречу. Тогда Тигерстедт решил идти на поиски. Ночью он дошел до Такемы и повернул обратно, а на рассвете подошел к реке Кулумбе, подавая сиреной сигналы, которые я и принял за рев изюбра.

П.Г. Тигерстедт взялся доставить меня к отряду. За обильным яствами столом и за стаканом чаю мы и не заметили, как дошли до Амагу.

Здесь А. И. Мерзляков, ссылаясь на ревматизм, стал просить позволения уехать в город Владивосток, на что я охотно согласился. Вместе с ним я отпустил также стрелков Дьякова и Фокина и велел ему с запасами продовольствия и с теплой одеждой выйти навстречу мне по реке Бикину.

Через час «Грозный» стал сниматься с якоря.

Мое прощание с моряками носило более чем дружеский характер. Стоя на берегу, я увидел на мостике миноносца командира судна. Он посылал мне приветствия, махая фуражкой. Когда «Грозный» отошел настолько далеко, что нельзя было разобрать на нем людей, я вернулся в старообрядческую деревню.

Теперь в отряде осталось только семь человек: я, Дерсу, Чжан Бао, Захаров, Аринин, Туртыгин и Сабитов. Последние не пожелали возвращаться во Владивосток и добровольно остались со мной до конца экспедиции. Это были самые преданные и самые лучшие люди в отряде.

Глава пятнадцатая

Низовья реки Кусуна

Хребет Караминский. — Зыбучий песок. — Река Соен. — Мелкие горные ручьи. — Река Витухе. — Последние перелетные птицы. — Летающие куры. — Туземцы на реке Кусуне. — Священное дерево. — Жилище шамана. — Морской старшина. — Расставание с Чжан Бао. — Выступление

Следующие пять дней я отдыхал и готовился к походу на север вдоль берега моря.

Приближалась зима. Голые скелеты деревьев имели безжизненный вид. Красивая листва их, теперь пожелтевшая и побуревшая, в виде мусора валялась на земле. Куда девались красочно-разнообразные тона, которыми ранней осенью так богата растительность в Уссурийском крае.

Кормить мулов становилось все труднее и труднее, и я решил оставить их до весны у староверов.

Двадцатого октября, утром, мы тронулись в путь. Старообрядец Нефед Черепанов вызвался проводить нас до реки Соен. На этом пути в море впадает несколько мелких речек, имеющих только туземные названия. Это будут: Мэяку (по-китайски — Михейзуйза), Найна*, Калама, Гианкуни и Лоси.

Горный хребет, с которого они берут начало, называемый староверами Караминским, тянется параллельно берегу моря и является водоразделом между рекой Амагу и вышеперечисленными речками. Наивысшие точки Караминского хребта будут: Киганкуни, Лысуха, Водолей и Три Брата. Все они имеют сглаженные контуры и состоят из мелафиров, базальтов и их туфов.

Растительность на горах, как травяная, так и кустарниковая, пышная; зато древесная, как и везде по морскому побережью, очень бедна. Редколесье состоит главным образом из лиственницы, ольхи, дуба, черной и белой березы.

С реки Амагу мы выступили довольно поздно, поэтому не могли уйти далеко и заночевали на реке Соен.

Река эта (по-удэгейски — Суа, или Соага) состоит из двух речек — Гага и Огоми, длиною каждая 7—8 километров, сливающихся в 1 $^{1}/_{2}$ километрах от моря. Речка Гага имеет два притока: справа Нунги с притоками Дагадасу

---

* Под рекой Найна здесь подразумевается речка Ту-Найна, ныне называемая Рыбная.

и Дуни, а слева — один только ключ Ада с перевалом на Кусун. Речка Огоми имеет два притока: Канходя и Цагдаму. Около устья Соен образует небольшую, но глубокую заводь, соединяющуюся с морем узкою протокою. Эта заводь и зыбучее болото рядом с ним — остатки бывшей ранее лагуны.

Когда мы подошли к реке, было уже около двух часов пополудни. Со стороны моря дул сильный ветер. Волны с шумом бились о берег и с пеной разбегались по песку. От реки в море тянулась отмель. Я без опаски пошел по ней и вдруг почувствовал тяжесть в ногах. Хотел было я отступить назад, но, к ужасу своему, почувствовал, что не могу двинуться с места. Я медленно погружался в воду...

— Зыбучий песок! — закричал я не своим голосом и оперся ружьем в землю, но и его стало засасывать.

Стрелки не поняли, в чем дело, и в недоумении смотрели на мои движения. Но в это время подошли Дерсу и Чжан Бао. Они бросились ко мне на помощь: Дерсу протянул сошки, а Чжан Бао стал бросать мне под ноги плавник. Ухватившись рукой за валежину, я высвободил сначала одну ногу, потом другую и не без труда выбрался на твердую землю.

Зыбуны на берегу моря, по словам Черепанова и Чжан Бао, явление довольно обычное. Морской прибой взрыхляет песок и делает его опасным для пешеходов. Когда же волнение успокаивается, тогда по нему свободно может пройти не только человек, но и лошадь с полным вьюком. Делать нечего, пришлось остановиться и в буквальном смысле ждать у моря погоды.

На реке Гага, как раз против притока Ада, в пяти километрах от моря, есть теплый ключ. Окружающая его порода — диабаз. Здесь, собственно говоря, два ключа: горячий и холодный. Оба они имеют выходы на дне небольшого водоема, длина которого равна 2, ширина 5 и глубина 0,6 метра. Со дна с шипением выделяется сероводород. Температура воды равна +28,1°, на поверхности земли, около резервуара, было +12°. Температура воздуха +7,5° С.

Ночью море успокоилось. Черепанов сказал правду: утром песок уплотнился так, что на нем даже не оставалось следов ног.

Около реки Соен Караминский хребет отходит несколько в глубь материка, постепенно повышаясь на север, а около моря выступает цепь холмов, отмытых водою вдоль оси их простирания.

Из мысов, с которыми у туземцев связаны какие-либо сказания, можно отметить два: Омулен-Гахани и Сугдэма-Оногони. Здесь морским прибоем в береговых утесах выбило глубокие пещеры, порода обрушилась, и во многих местах образовались одиноко стоящие каменные столбы.

Километрах в десяти от реки Соен тропа оставляет берег и через небольшой перевал, состоящий из роговообманкового андезита, выходит к реке Витухе — первый правый приток Кусуна. Она течет вдоль берега в направлении с юго-запада к северо-востоку и по пути принимает в себя один только безыменный ключик. Окрестные горы покрыты березняком, порослью дуба и сибирской пихтой.

Время стояло позднее, осеннее, но в воздухе было еще настолько тепло, что люди шли в одних фуфайках. По утрам бывали заморозки, но днем температура опять поднималась до +4 и 5°С. Длинная и теплая осень является отличительной чертой Зауссурийского края.

Несмотря на столь позднее время, в лесу еще можно было видеть кое-где перелетных и неперелетных птиц. На полях, где паслись лошади староверов, в сухой траве копошились серые скворцы. Вид у них был веселый, игривый. Далее, в редколесье, я заметил большого пестрого дятла — птицу всюду распространенную и действительно пеструю. Тут же с места на место перелетали белобрюхие синицы. К ним присоединились и другие мелкие птицы, в числе которых я узнал белоголовую овсянку. По времени ей надлежало бы уже давно отлететь к югу, но, вероятно, в прибрежном районе, вследствие длинной осени и запаздывания весны, перелеты птиц также запаздывают. Попадались еще какие-то пестренькие птички с красными пятнами на голове, — быть может, чечетки. Столь раннее появление этой северной гостьи можно объяснить тем, что в горах Уссурийского края после лесных пожаров выросло много березняков, где она и находит для себя обильный корм. Вероятно, реки Амагу и Кусун будут южной границей ее распространения в Уссурийском крае. Эта розовая птичка держится в лесистых горных местах и ведет скрытный образ жизни. Потом я увидел двух азиатских канюков. Эти проворные хищники все время носились по воздуху и описывали большие круги. Завидев подходящих людей, они бросались нам навстречу и, испуская пронзительные крики, кружились над головами. На
 дереве, на берегу ручья, сидела обыкновенная сорока. Я

узнал ее по чекотанью и черному с белым оперению. При приближении отряда она снялась с дерева и полетела неровным полетом, распустив свой длинный хвост.

За перевалом тропа идет по болотистой долине реки Витухе. По пути она пересекает четыре сильно заболоченных распадка, поросших редкой лиственницей. На сухих местах царят дуб, липа и черная береза с подлесьем из таволги вперемежку с даурской калиной. Тропинка привела нас к краю высокого обрыва. Это была древняя речная терраса. Редколесье и кустарники исчезли, и перед нами развернулась широкая долина реки Кусун. Вдали виднелись китайские фанзы.

Когда после долгого пути вдруг перед глазами появляются жилые постройки, люди, лошади и собаки начинают идти бодрее.

Собака моя бежала впереди и старательно осматривала кусты по сторонам дороги. Вскоре мы подошли к полям; хлеб был уже убран и сложен в скирды. Вдруг Альпа сделала стойку.

«Неужели фазаны?» — подумал я и приготовил ружье. Я заметил, что Альпа была в сильном смущении: она часто оглядывалась и как будто спрашивала, продолжать работу или нет. Я подал знак — она осторожно двинулась вперед, усиленно нюхая воздух. По стойкам ее я видел, что тут были не фазаны, а кто-то другой. Вдруг с шумом поднялись сразу три птицы. Я стрелял и промахнулся. Полет птиц был какой-то тяжелый: они часто махали крыльями и перед спуском на землю неловко спланировали. Я следил за ними глазами и видел, что они спустились во дворе ближайшей к нам фанзы. Это оказались домашние куры. Так как туземцы их не кормят, то они вынуждены сами добывать себе корм на полях. Для этого им приходилось уходить далеко от жилищ. Очевидно, способность летать развилась у них постепенно, вследствие постоянного упражнения. Будучи испуганы какими-либо животными, они должны были спасаться не только бегством, но и при помощи крыльев.

Куры и тропа привели нас к фанзе старика удэгейца Люрл. Семья его состояла из пяти мужчин и четырех женщин.

Туземцы на реке Кусун сами огородничеством не занимаются, а нанимают для этого китайцев. Одеваются они наполовину по-китайски, наполовину по-своему, говорят по-манзовски и только в том случае, если хотят посекретничать между собою, говорят на родном языке.

Женские костюмы отличаются пестротой вышивок, а на груди, подоле и рукавах украшаются еще светлыми пуговицами, мелкими раковинами, бубенчиками и разными медными побрякушками, отчего всякое движение обладательниц этих костюмов сопровождается шелестящим звоном.

Мне очень хотелось поближе познакомиться с кусунскими удэгейцами. Поэтому я, несмотря на усиленные приглашения китайцев, остановился у туземцев. Мне скоро удалось заручиться их доверием; они охотно отвечали на мои вопросы и всячески старались услужить. Особенно же они ухаживали за Дерсу.

Лет сорок тому назад удэгейцев в прибрежном районе было так много, что, как выражался сам Люрл, лебеди, пока летели от реки Самарги до залива Ольги, от дыма, который поднимался от их юрт, из белых становились черными. Больше всего туземцев жило на реках Тадушу и Тетюхе. На Кусуне было 22 юрты, на Амагу — только 3 и на Такеме — 18. Тогда граница их поселений спускалась до реки Судзухе и к западу от нее.

Как и везде, кусунские удэгейцы находились в неоплатных долгах у китайцев. Первобытная честность их теперь стала падать. Они не говорили, сколько поймали соболей: худших отдавали кредиторам, а лучших оставляли у себя и потом торговали ими тихонько где-нибудь на стороне. Такой обман являлся единственным средством борьбы с китайцами, немилосердно их эксплуатировавшими. Затем они старались набрать в кредит как можно больше, в расчете, что кредитор, опасаясь совсем потерять долг, согласится на уступки и сделает скидку. Иногда это им удавалось, но иногда китайцы выходили из терпения и жестоко расправлялись со своими должниками.

Следующий день я посвятил осмотру окрестностей.

Река Кусун (по-китайски — Кусунгоу и по-удэгейски — Куй, или Куги) впадает в море немного севернее мыса Максимова. Между устьем Витухе и устьем Кусуна образовалась длинная заводь, отделенная от моря валом из гальки и песка шириною в 80 метров. Обыкновенно в этой заводи отстаиваются китайские лодки, застигнутые непогодой в море. Раньше здесь также скрывались хищнические японские рыбалки. Несомненно, нижняя часть долины Кусуна раньше была тоже лагуной, как и в других местах побережья, о чем уже неоднократно говорилось.

Река Кусун придерживается левой стороны долины. Она
 идет одним руслом, образуя по сторонам много сухих

рукавов, играющих роль водоотводных каналов, отчего долина Кусуна в дождливое время года не затопляется водой. По показаниям удэгейцев, за последние тридцать лет здесь не было ни одного наводнения.

Левый, возвышенный, террасообразный берег реки имеет высоту около 30 метров и состоит из белой глины, в массе которой можно усмотреть блестки колчедана. Где-то в горах туземцы добывают довольно крупные куски обсидиана. Растительность в низовьях Кусуна довольно невзрачная и однообразная. Около реки, на островах и по сухим протокам густые заросли тальников, имеющих вид высоких пирамидальных тополей, с ветвями, подымающимися кверху чуть ли не от самого корня. Среди них попадается осина, немало ольхи.

Все удобные земли располагаются с правой стороны реки, где почва весьма плодородная и состоит из ила и чернозема с прослойками гальки и песка, вследствие чего травы развиваются весьма пышно, в особенности тростники, достигающие 2,5—3 метров высоты. В сообществе с ними, а иногда отдельно, целыми площадями растет обыкновенная полынь, а около реки, на галечниковых и песчаных наносах — другая полынь, с ветвистым высоким стеблем и с густой, пышной метелкой. Тут было много и еще каких-то злаков и цветковых растений, но все они настолько завяли, что определить их по внешнему виду даже приблизительно было нельзя. Дальнейший сбор гербарного материала не имел смысла.

Кусунские тазы-удэгейцы находились в переходном состоянии от охотничьего образа жизни к земледельческому. Вследствие отдаленности влияние китайцев сказалось на них неглубоко. Поэтому здесь мне удалось увидеть много того, чего нет на юге Уссурийского края. Так, например, в одном месте, около глубокого пруда, стояло фигурное дерево «Тхун». Оно все было покрыто резьбою, а на ветвях его были укреплены идолы, изображающие людей, птиц и зверей. Это место запретное: здесь обитает злой дух Огзо.

История дерева такова. Несколько лет тому назад около пруда поселилась семья удэгейцев, состоящая из трех мужчин, трех женщин и семерых детей. Однажды ночью один из братьев, выйдя из фанзы, услышал всплески воды в пруде и чье-то сопение. Подойдя поближе, он увидел какое-то большое животное, похожее на сивуча. Пруд не сообщался ни с рекой, ни с морем. В страхе удэгеец убежал домой. Тогда все решили, что это черт. Спустя не-

много времени один за другим начали умирать дети. Позвали шамана. В конце второго дня камлания он указал место, где надо поставить фигурное дерево, но и это не помогло. Смерть уносила одного человека за другим. Очевидно, черт поселился в самом жилище. Оставалось последнее средство — уступить ему фанзу. Так и сделали. Забрав все имущество, они перекочевали на реку Уленгоу.

В одном километре от фигурного дерева находилось жилище шамана. Я сразу узнал его по обстановке. Около тропы стояли четыре кола с грубыми изображениями человеческих лиц. Это «цзайгда», охраняющие дорогу. Они имеют на головах ножи, которыми и поражают черта. На деревьях красовались медвежьи черепа и деревянные бурханы. Тут же стояли древесные пни, вкопанные в землю острыми концами и корнями кверху. На них тоже были сделаны грубые изображения человеческих лиц. Против самого входа в жилище стоял большой деревянный идол Мангани-Севохи с мечом и копьем в руках, а рядом с ним — две оголенные от сучьев лиственницы, с корою, снятою кольцами.

Внутреннее устройство фанзы ничем не отличалось от фанз прочих туземцев. На стене висел бубен с колотушкой, пояс с погремушками, шаманская юбка с рисунками и деревянная маска, отороченная мехом медведя. Шаман надевает ее во время камлания для того, чтобы страшным видом запугать черта.

От старика Люрл я узнал, что в прибрежном районе Кусун будет самой южной рекой, по которой можно перевалить на Бикин, а самой северной — река Един (мыс Гладкий). По этой последней можно выйти и на Бикин и на Хор, смотря по тому, по которому из двух верхних притоков идти к перевалу. Он также сообщил мне, что в прибрежном районе Уссурийского края осень всегда длинная и рекостав наступает на месяц, а иногда и на полтора месяца позже, чем к западу от водораздела. Поэтому я решил идти по берегу моря до тех пор, пока не станут реки, и только тогда направиться к Сихотэ-Алиню.

На заводях Кусуна мы застали старого лодочника, маньчжура Хей Ба-тоу, что в переводе значит «морской старшина».

Это был опытный мореход, плавающий вдоль берегов Уссурийского края с малых лет. Отец его занимался морскими промыслами и с детства приучал сына к морю. Раньше он плавал у берегов Южноуссурийского края, но в последние годы перекочевал на север.

Хей Ба-тоу хотел еще один раз сходить на реку Самарги и затем вернуться обратно. Чжан Бао уговорил его сопровождать нас вдоль берега моря. Решено было, что завтра удэгейцы доставят наши вещи к устью Кусуна и с вечера перегрузят их в лодку Хей Ба-тоу.

Когда мы вернулись назад, были уже глубокие сумерки. В фанзах засветились огоньки. В наш дом собрались почти все китайцы и удэгейцы. Было людно и тесно. Дерсу сообщил мне, что «все люди» собрались чествовать экспедицию за то, что мы отнеслись к ним дружелюбно. Китайцы принесли водку, свинину, муку, овощи и устроили ужин.

Я не дождался конца пирушки и рано лег спать. Ночью сквозь щели в дверях я видел свет и слышал людские голоса, но пьянства, ссор и ругани не было. Манзы мирно разговаривали и рассуждали о грядущих событиях.

Утром на другой день я поднялся рано и тотчас же стал собираться в дорогу. Я по опыту знал, что если туземцев не торопить, то они долго не соберутся. Так и случилось. Удэгейцы сперва починяли обувь, потом исправляли лодки, и выступить нам удалось только около полудня.

На Кусуне нам пришлось расстаться с Чжан Бао. Обстоятельства требовали его возвращения на реку Санхобе. Он не хотел взять с меня денег и обещал помочь, если на будущий год я снова приду в прибрежный район. Мы пожали другу другу руки и расстались друзьями.

Переправившись через Кусун, мы поднялись на террасу и пошли к морю. Эта часть побережья до самой реки Тахобе состоит из туфов и базальтовой лавы. Первые под влиянием пресной воды и лучей солнца приняли весьма красивую пеструю окраску.

Утром был довольно сильный мороз (—10°С), но с восходом солнца температура стала повышаться и к часу дня достигла +3°С. Осень на берегу моря именно тем и отличается, что днем настолько тепло, что смело можно идти в одних рубашках, к вечеру приходится надевать фуфайки, а ночью — завертываться в меховые одеяла. Поэтому я распорядился всю теплую одежду отправить морем на лодке, а с собой мы несли только дневной запас продовольствия и оружие. Хей Ба-тоу с лодкой должен был прийти к устью реки Тахобе и там нас ожидать.

От реки Кусун до реки Тахобе 7 километров. На этом протяжении в море впадает несколько горных ручьев, которые удэгейцы называют Догум, Тохонси, Сюнды, Амбо и Диенсу.

Глава шестнадцатая

Солоны

Река Тахобе. — Обиженная белка. — Обиталище черта. — Гроза со снегом. — Агды. — Лакомство солона. — Снежный перевал. — Река Кумуху. — Лоси. — Возвращение к морю

Устье реки Тахобе находится между мысами Максимова и Олимпиады. Раньше оно было у левого края долины, но потом переместилось, вследствие чего образовался слепой рукав, впоследствии превратившийся в болото.

В низовьях долина Тахобе покрыта редколесьем из вяза, липы, дуба и черной березы. Места открытые, чистые и годные для поселений находятся немного выше, в двух километрах от моря.

Тут мы нашли маленькую фанзочку. Обитателей ее я принял сначала за удэгейцев и только вечером узнал, что это были солоны.

Наши новые знакомые по внешнему своему виду мало чем отличались от уссурийских туземцев. Они показались мне как будто немного ниже ростом и шире в костях. Кроме того, они более подвижны и более экспансивны. Говорили они по-китайски и затем на каком-то наречии, составляющем смесь солонского языка с гольдским. Одежда их тоже ничем не отличалась от удэгейской, разве только меньше было пестроты и орнаментов.

Вся семья солонов состояла из десяти человек: старика отца, двух взрослых сыновей с женами и пятерых малых детей.

Как попали они сюда из Маньчжурии? Из расспросов выяснилось следующее. Раньше они жили на реке Сунгари, откуда ради охоты переселились на реку Нор, впадающую в Уссури. Когда там появились многочисленные шайки хунхузов, китайское правительство выслало против них свои войска. Семья солонов попала в положение между двух огней: с одной стороны на них нападали хунхузы, а с другой правительственные войска, которые избивали всех без разбора. Тогда солоны бежали на Бикин, затем перекочевали через Сихотэ-Алинь и остались на берегу моря.

Следующие четыре дня были посвящены осмотру рек Тахобе и Кумуху. Сопровождать нас вызвался младший из солонов, Да Царл. Это был молодой человек крупного телосложения, без усов и бороды. Он держал себя гордо

и свысока посматривал на стрелков. Я невольно обратил внимание на легкость его походки, ловкость и изящество движений.

Дня через два мы выступили в поход.

Река Тахобе длиною около 68 километров и имеет течение с запада на восток, с небольшим склонением к югу. По обе стороны ее на ширину до 200 метров тянутся полосы гальки, заваленной корчами и буреломом.

Двадцать четвертого числа мы дошли до реки Бали, а двадцать пятого стали подходить к водоразделу. Горы утратили свои резкие очертания. Места их заняли невысокие сопки с пологими склонами.

В 1907 году в прибрежном районе был урожай кедровых орехов, но к западу от Сихотэ-Алиня их не было вовсе. Зато желудей много уродилось в бассейне Уссури, и, наоборот, в Уссурийском крае дуб был пустоцветным.

Мы шли по левому берегу реки. Я, Дерсу и Да Царл впереди, а Захаров и Аринин шагах в пятнадцати сзади. Вдруг впереди, на валежнике, показалась белка. Она сидела на задних лапках и, заложив хвостик на спинку, грызла кедровую шишку. При нашем приближении белка схватила свою добычу и бросилась на дерево. Оттуда, сверху, она с любопытством посматривала на людей. Солон тихонько подкрался к кедру, крикнул и изо всей силы ударил по стволу палкой. Белка испугалась, выронила свою добычу и забралась еще выше. Этого только и надо было солону. Он поднял шишку и, нимало не обращая внимания на обиженного зверька, пошел дальше. Белка прыгала с ветки на ветку и фырканьем выражала неудовольствие за грабеж среди бела дня. Мы от души смеялись. Дерсу способа этого не знал и в будущем для добычи орехов решил тоже применять солонские приемы.

— Тебе сердись не надо, — сказал он, обращаясь с утешением к белке. — Наша внизу ходи, как орехи найди? Тебе туда смотри, там много орехов есть. — Он указал рукой на большой кедр; белка словно поняла его и направилась в ту сторону.

Кстати, два слова о маньчжурской белке. Этот представитель грызунов имеет удлиненное тело и длинный пушистый хвост. Небольшая красивая головка его украшена большими черными глазами и небольшими закругленными ушами, оканчивающимися пучком длинных черных волос, расположенных веерообразно. Общая краска белки пепельно-серая, хвост и голова черные, брюшко белое.

Изредка встречаются отдельные экземпляры с желтыми подпалинами.

Белка — животное то оседлое, то кочевое, смотря по тому, изобилует ли избранный ею для поселения район пищею. Она заблаговременно усматривает, в чем будет недород и в чем избыток, и заранее перекочевывает то в дубняк, то в кедровики или лиственные леса с подлесьем из орешника. Весь день она пребывает в движении и даже в ненастную погоду выходит из своего гнезда пробежаться по дереву. Она, можно сказать, положительно не выносит покоя и только в темноте лежит на боку, свернувшись и закинув хвост на голову. Чуть свет — белка уже на ногах. Кажется, движение ей так же необходимо, как вода, как пища и воздух.

Лет двадцать тому назад беличья шкурка стоила 20 копеек. По мере спроса на ее мех цена на него возрастала и ныне доходит до 3 рублей за штуку.

Главными врагами белки являются куница, соболь и... человек!

Весь день в воздухе стояла мгла: небо было затянуто паутиной слоисто-перистых облаков; вокруг солнца появились «венцы», они суживались все более и более и наконец слились в одно матовое пятно. В лесу было тихо, а по вершинам деревьев уже разгуливал ветер.

Это, видимо, беспокоило Дерсу и солона. Они что-то говорили друг другу и часто поглядывали в небо.

— Плохо, — сказал я, — ветер начинает дуть с юга.

— Нет, — протянул Дерсу. — Его так ходи. — И он указал на северо-восток.

Мне показалось, что он ошибся, и я начал было возражать.

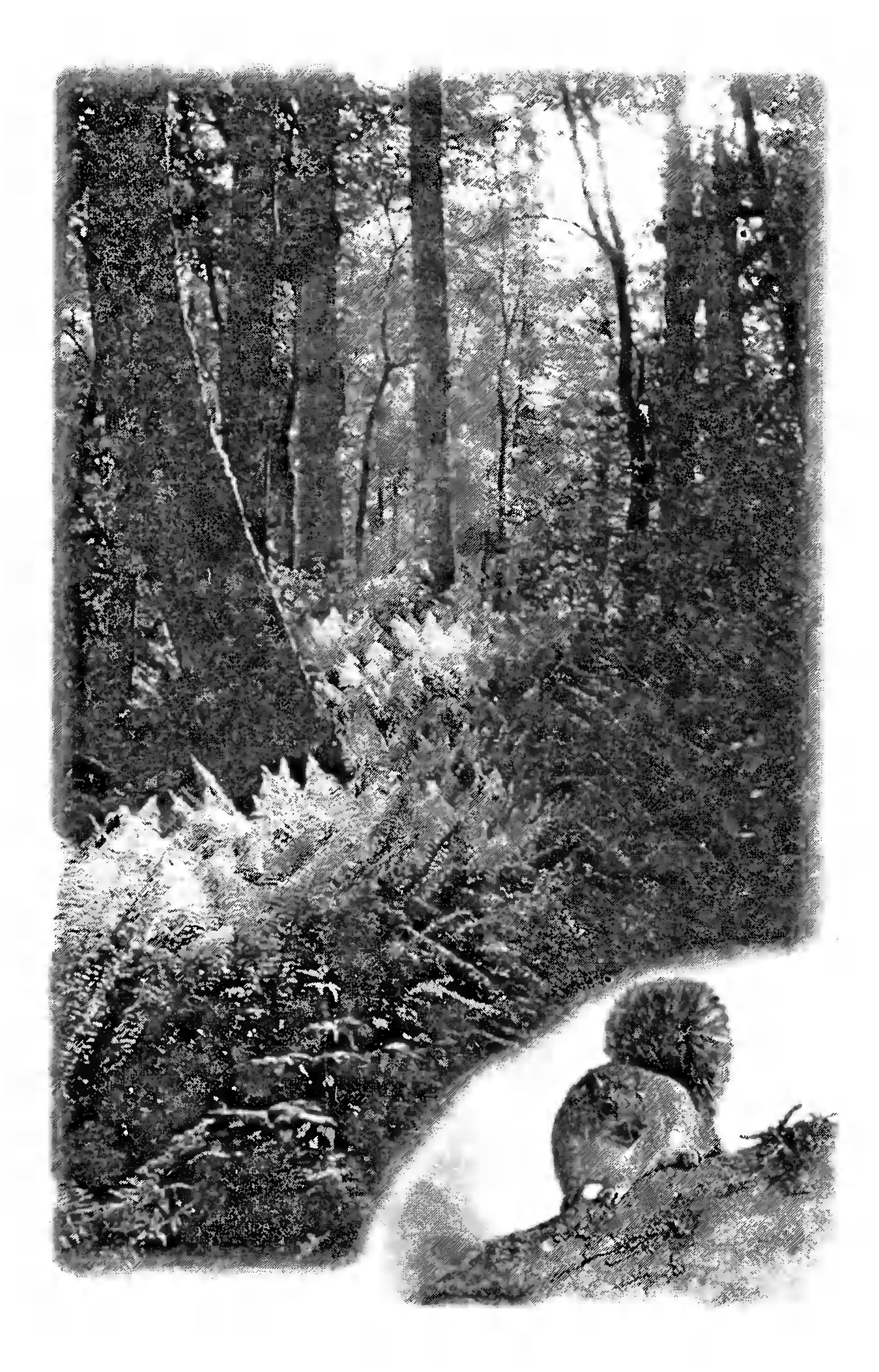
— Посмотри на птицу! — воскликнул Дерсу. — Видишь, она на ветер смотрит.

Действительно, на одной из елей сидела ворона головой к северо-востоку. Это было самое выгодное для нее положение, при котором ветер скользил по перу. Наоборот, если бы она села боком или задом к ветру, то холодный воздух проникал бы под перо и она стала бы зябнуть.

К вечеру небо покрылось тучами, излучение тепла от земли уменьшилось, и температура воздуха повысилась с +2 до +10°C. Это был тоже неблагоприятный признак. На всякий случай мы прочно поставили палатки и натаскали побольше дров.

Но опасения наши оказались напрасными: ночь прошла благополучно.

Утром, когда я проснулся, то прежде всего взглянул на



небо. Тучи на нем лежали параллельными полосами в направлении с севера к югу.

Мешкать нельзя было. Мы проворно собрали свои котомки и пошли вверх по реке Тахобе. Я рассчитывал в этот день добраться до Сихотэ-Алиня, но вследствие непогоды этого нам сделать не удалось.

Около полудня в воздухе вновь появилась густая мгла. Горы сделались темно-синими и угрюмыми. Часа в четыре хлынул дождь, а вслед за ним пошел снег, мокрый и густой. Тропинка сразу забелела; теперь ее можно было далеко проследить среди зарослей и бурелома. Ветер сделался резким и порывистым.

Надо было остановиться на бивак. Недалеко от реки, с правой стороны, высилась одинокая скала, похожая на развалины замка с башнями по углам. У подножия ее рос мелкий березняк. Место это мне показалось удобным, и я подал знак к остановке.

Стрелки принялись таскать дрова, а солон пошел в лес за сошками для палатки. Через минуту я увидел его бегущим назад. Отойдя от скалы шагов сто, он остановился и посмотрел наверх, потом отбежал еще немного и, возвратившись на бивак, что-то тревожно стал рассказывать Дерсу.

Гольд тоже посмотрел на скалу, плюнул и бросил топор на землю.

После этого оба они пришли ко мне и стали просить, чтобы я переменил место бивака. На вопрос, какая тому причина, солон сказал, что, когда под утесом он стал рубить дерево, сверху в него черт два раза бросал камнями. Дерсу и солон так убедительно просили меня уйти отсюда и на лицах у них написано было столько тревоги, что я уступил им и приказал перенести палатки вниз по реке метров на четыреста.

Тут мы нашли место еще более удобное, чем первое.

Дружно все принялись за работу: натаскали дров и развели большие костры. Дерсу и солон долго трудились над устройством какой-то изгороди. Они рубили деревья, втыкали их в землю и подпирали сошками. На изгородь они не пожалели даже своих одеял.

На задаваемые вопросы Дерсу объяснил мне, что изгородь эту они сделали для того, чтобы черт со скал не мог видеть, что делается на биваке. Мне стало смешно, но я не выказывал этого, чтобы не обидеть старого приятеля.

 Мои стрелки расположились рядом и мало думали о

том, смотрит на них черт с сопки или нет. Они больше интересовались ужином.

Вечером непогода ухудшилась. Люди забились в палатки и согревались горячим чаем. Часов в одиннадцать вечера вдруг густо повалил снег и вслед за тем что-то сверкнуло на небе.

— Молния! — воскликнули стрелки в один голос.

Не успел я им ответить, как послышался резкий удар грома.

Эта гроза со снегом продолжалась до двух часов ночи. Молнии сверкали часто и имели красный оттенок. Раскаты грома были могучие и широкие; чувствовалось, как от них содрогались земля и воздух.

Явление грозы со снегом было так ново и необычно, что все с любопытством посматривали на небо, но небо было темное, и только при вспышках молнии можно было рассмотреть тяжелые тучи, двигавшиеся в юго-западном направлении.

Один удар грома был особенно оглушителен. Молния ударила как раз в той стороне, где находилась скалистая сопка. К удару грома примешался еще какой-то сильный шум: произошел обвал. Надо было видеть, в какое волнение пришел солон! Он решил, что черт сердится и ломает сопку.

Он развел еще один огонь и спрятался за изгородь. Я взглянул на Дерсу. Он был смущен, удивлен и даже испуган: черт на скале, бросавший камнями, гроза со снегом и обвал в горах — все это перемешалось у него в голове и, казалось, имело связь друг с другом.

— Эндули[26] черта гоняй! — сказал он довольным голосом и затем что-то неожиданно стал говорить солону.

Между тем гроза стала удаляться, но молнии еще долго вспыхивали на небе, отражаясь широким пламенем на горизонте, и тогда особенно отчетливо можно было рассмотреть контуры отдаленных гор и тяжелые дождевые тучи, сыпавшие дождем вперемежку со снегом.

Издали долго еще доносились глухие раскаты грома, от которых вздрагивали земля и воздух.

Напившись чаю, стрелки легли спать, а я долго еще сидел с Дерсу у огня и расспрашивал о чертях и о грозе со снегом. Он мне охотно отвечал.

— Гром — это Агды. Когда черт долго держится в одном месте, то бог Эндули посылает грозу, и Агды гонит черта. Значит, там, где разразилась гроза, был черт. После ухода черта (то есть после грозы) кругом воцаряется

спокойствие: животные, птицы, рыбы, травы и насекомые тоже понимают, что черт ушел, и становятся жизнерадостными, веселыми...

О грозе со снегом он сказал, что раньше гром и молния были только летом, зимние же грозы принесли с собой русские. Эта гроза была третья, которую он помнил за всю свою жизнь.

За разговором незаметно прошло время.

Начинался рассвет. Из темноты стали выступать сопки, покрытые лесом. Чертова скала и кусты, склонившиеся над рекою. Все предвещало пасмурную погоду. Но вдруг неожиданно на востоке, позади гор, появилась багровая заря, окрасившая в пурпур хмурое небо. В этом золотисто-розовом сиянии отчетливо стал виден каждый куст и каждый сучок на дереве.

Я смотрел, как очарованный, на светлую игру лучей восходящего солнца.

— Ну, старина, пора и нам соснуть часок, — обратился я к своему спутнику, но Дерсу уже спал, прислонившись к валежине, лежащей на земле около костра.

На другой день мы все проспали и встали очень поздно. По небу все еще ползли тучи, но они не имели уже такого страшного вида, как ночью.

Закусив немного и напившись чаю, мы пошли опять вверх по реке Тахобе, которая должна была привести нас к Сихотэ-Алиню. От места нашего бивака до главного хребта был еще один переход. По словам солона, перевал этот невысок.

По ту сторону его будет река Мыхе (приток Бикина); она течет вдоль Сихотэ-Алиня.

Я не пошел туда, а повернул вправо по ключику Ада, чтобы выйти в один из верхних притоков соседней реки Кумуху, намереваясь по ней спуститься к морю, в сумерки мы немного не дошли до водораздела и стали биваком в густом лесу.

Вечером солон убил белку. Он снял с нее шкурку, затем насадил ее на вертел и стал жарить, для чего палочку воткнул в землю около огня. Потом он взял беличий желудок и положил его на угли. Когда он зарумянился, солон с аппетитом стал есть его содержимое. Стрелки начали плеваться, но это мало смущало солона. Он сказал, что белка — животное чистое, что она ест только орехи да грибки, и предлагал отведать этого лакомого блюда. Все отказались.

В это время Аринин стал поправлять огонь и задел белку.

Она упала. Стрелок поставил ее на прежнее место, но не так, как раньше, а головой книзу. Солон засуетился и быстро повернул ее голову кверху. При этом он сказал, что жарить белку можно только таким образом, иначе она обидится, и охотнику не будет удачи, рыбу, наоборот, надо ставить к огню всегда головой вниз, а хвостом кверху.

Двадцать восьмого числа день был такой же пасмурный, как и накануне. Ручьи еще шумели в горах, но и они уже начали испытывать на себе заморозки. По воде всюду плыла шуга, появились забереги, кое-где стал образовываться донный лед.

Сразу от бивака начинался подъем. Чем выше мы взбирались в гору, тем больше было снега. На самом перевале он был глубиной по колено. Темно-зеленый хвойный лес оделся в белый убор и от этого имел праздничный вид. Отяжелевшие от снега ветви елей пригнулись книзу и в таком напряжении находились до тех пор, пока случайно упавшая сверху веточка или еловая шишка не стряхивала пышные белые комья, обдавая проходящих мимо людей холодной снежной пылью.

Являлось полное впечатление зимы. В лесу царила удивительная тишина.

По барометрическим измерениям высота перевала над уровнем моря оказалась равной 880 метрам.

Солон торопил. Он говорил, что скоро должен подуть северо-западный ветер и будет беда, если здесь нас застанет непогода.

Пурга в горах — обычное явление, если вслед за свежевыпавшим снегом подымается ветер. Признаки этого ветра уже налицо: тучи быстро бежали к востоку; они стали тоньше, прозрачнее, и уже можно было указать место, где находится солнце.

Я послушался совета солона и пошел скорее. Спуск с перевала к реке Кумуху был такой же крутой, как и подъем со стороны Тахобе.

Лес, покрывающий северный склон водораздела между бассейнами обеих упомянутых рек, — хвойно-смешанный, угрюмый, заваленный колодником.

Предсказания солона сбылись. Когда мы были внизу, в горах послышался шум, который постепенно усиливался и спускался в долину. Я оглянулся назад: снежные сопки курились — начиналась пурга.

Маленький ключик привел нас к каменистой, заваленной колодником речке Цаони, впадающей в Кумуху с правой стороны.

После полуденного привала мы выбрались из бурелома и к вечеру достигли реки Кумуху, которая здесь шириной немного превосходит Цаони и мало отличается от нее по характеру. Ширина ее в верховьях не более 4—5 метров.

Если отсюда идти по ней вверх, к Сихотэ-Алиню, то перевал опять будет на реке Мыхе, но уже в самых ее истоках. От устья реки Цаони до Сихотэ-Алиня туземцы считают один день пути.

Бивак мы устроили как всегда на берегу реки.

К вечеру небо очистилось от туч, и ночь обещала быть холодной. Я понадеялся на одеяло и лег в сторонке от огня, уступив свое место солону, у которого одежонка была очень плохая. Часа в три утра я проснулся оттого, что озяб. Как ни старался я укрыться плотнее, ничего не помогало: холодный воздух находил себе лазейку и сквозил то в плечо, то в ноги. Пришлось встать.

Кругом было темно; огонь наш погас. Я собрал тлеющие головешки и стал их раздувать. Через минуту вспыхнуло пламя, и кругом все стало видно: Захаров и Аринин лежали под защитой палатки, а Дерсу спал сидя, одетый.

Собирая дрова, я увидел совсем в стороне, далеко от костра, спавшего солона. Ни одеяла, ни теплой одежды у него не было. Он лежал на ельнике, покрывшись только одним своим матерчатым кафтаном. Опасаясь, как бы он не простудился, я стал трясти его за плечо, но солон спал так крепко, что я насилу его добудился. Да Царл поднялся, почесал голову, зевнул, затем лег опять на прежнее место и громко захрапел.

Удэгейцы с удивительной стойкостью переносят холод. К этому они привыкают с детства, с того момента, как первый раз вдохнут в себя воздух.

Я погрелся немного у огня, затем залез к стрелкам в палатку и тогда хорошо заснул.

На другое утро мы все поднялись очень рано. Взятые с собою запасы продовольствия подходили к концу, и потому надо было торопиться. Наш утренний завтрак состоял из жареной белки, остатков лепешки, испеченной в золе, и кружки горячего чая.

Когда мы выступили в путь, солнышко только что всходило. Светлое и лучезарное, оно поднялось из-за леса и яркими лучами осветило вершины гор, покрытые снегом.

Река Кумуху (по-удэгейски — Кумму), названная рус-
 скими рекой Кузнецова, берет начало с хребта Сихотэ-

Алиня, течет в широтном направлении, только в нижней своей части склоняется к югу и в море впадает около мыса Олимпиады (46°12,5' северной широты и 138°20,0' восточной долготы от Гринвича)*. По пути Кумуху принимает в себя следующие притоки: с левой стороны — реки Яаса 1-я, Яаса 2-я, Усмага, Тапку, Ного, Тагды, Хандями, Дыонго, а с правой — кроме Цыгони, по которой мы пришли, еще Лиго, Цаолосо, Бутыче и Амукта**. Из них самая быстрая Лиго, а самая спокойная Тагды. С последней будет перевал на реку Сваин, впадающую в море севернее реки Кузнецова.

Удэгейцы в лодках подымаются до реки Тагды; дальше движение вверх по Кумуху возможно только по льду реки на нартах. В средней части ее, в особенности с левой стороны между рекой Тагды и Яаса, видны следы давнишних пожарищ. Как и везде, наиболее выгорели леса по хребтам и сохранились только в долинах.

Река Кумуху интересна еще и в том отношении, что здесь происходят как раз стыки двух флор — маньчжурской и охотской. Проводниками первой служат долины, второй — горные хребты. Создается впечатление, будто одна флора клином входит в другую. Теперь, когда листва опала, сверху, с гор, было хорошо видно, где кончаются лиственные леса и начинаются хвойные. Долины кажутся серыми, а хребты темно-зелеными.

Здесь среди кустарниковой растительности еще можно видеть кое-каких представителей маньчжурской флоры, например, лещину, у которой обертка орехов вытянута в длинную трубку и густо усажена колючими волосками; красно-ветвистый шиповник с сильно удлиненными плодиками, сохраняющимися на ветках его чуть ли не всю зиму; калину, дающую в изобилии сочные светло-красные плоды; из касатиковых — вьющуюся диоскорею***, мужские и женские экземпляры которой разнятся между собою; актинидию, образующую густые заросли по подлесью, и лимонник с гроздьями красных ягод, от которых во рту остается легкий ожог, как от перца.

В среднем течении Кумуху имеет метров двадцать ширины и около одного метра глубины по фарватеру. Средняя быстрота течения равна 8 километрам в час в малую

* Координаты мыса Олимпиады 46°15' с.ш. и 138°06' в.д.

** Реки Яаса 1-я, Яаса 2-я, Усмага, Тапку, Ного, Тагды, Хандями, Дыонгу, Лиго, Цаолосо, Бутыче и Амукта не идентифицированы.

*** Д и о с к о р е ю сейчас относят к особому семейству диоскорейных. *(Прим. ред.)*

воду. По словам туземцев, недалеко от моря есть выходы углей на земную поверхность.

Как мы ни старались, но в этот день нам удалось дойти только до реки Тагды. До моря оставалось еще километров двадцать.

Когда намеченный маршрут близится к концу, то всегда торопишься: хочется скорее закончить путь. В сущности, дойдя до моря, мы ничего не выигрывали. От устья Кумуху мы опять будем устраивать биваки, ставить палатки и таскать дрова на ночь; но все же в конце намеченного маршрута всегда есть что-то особенно привлекательное. Поэтому все рано легли спать, чтобы пораньше встать.

На другой день, чуть только заалел восток, все поднялись, как по команде, и стали собираться в дорогу. Я взял полотенце и пошел к реке мыться.

Природа находилась еще в том состоянии покоя, когда все дремлет и наслаждается предрассветным отдыхом. От реки подымались холодные испарения; на землю пала обильная роса. Но вот слабый утренний ветерок пробежал по лесу. Туман тотчас пришел в движение, и показался противоположный берег. На биваке стало тихо — люди начали подкреплять себя пищей. Вдруг до слуха моего донеслось бренчание гальки: кто-то шел по камням. Я оглянулся и увидел две тени: одну высокую, другую пониже. Это были лоси — самка и годовалый телок. Они подошли к реке и начали жадно пить воду. Самка мотнула головой и стала зубами чесать свой бок. Я любовался животными и боялся, чтобы их не заметили стрелки. Вдруг самка почуяла опасность и, насторожив свои большие уши, внимательно стала смотреть в нашу сторону. Вода капала у нее с губ, и от этого расходились круги по спокойной поверхности реки. Лосиха встрепенулась, издала хриплый звук и бросилась к лесу. В это мгновение потянул ветерок, и снова противоположный берег утонул в тумане. Захаров стрелял и промахнулся, чему в душе я порадовался.

Наконец взошло солнце. Клубы тумана приняли оранжевые оттенки. Сквозь них стали вырисовываться кусты, деревья, горы.

Через полчаса мы шли по тропинке и весело болтали между собою.

В нижней части долины река Кумуху разбивается на протоки и образует острова. Здесь есть два открытых места, годных для заселения. Поляны разделены между собою густым лесом, состоящим преимущественно из ясе-

ня, березы, липы, осокоря, дуба и т.п. Около устья река Кумуху образует большую заводь глубиною от 2,8 до 3,8 метра, а левее ее находится болото, указывающее на то, что заводь была когда-то больше и представляла собою лагуну. Высокие береговые обрывы (мыс Олимпиады) слагаются из базальтов с оригинальной дуговой отдельностью.

На поляне, ближайшей к морю, поселился старовер Долганов, занимающийся эксплуатацией туземцев, живущих на соседних с ним реках. Мне не хотелось останавливаться у человека, который устраивал свое благополучие за счет бедняков; поэтому мы прошли прямо к морю и около устья реки нашли Хей Ба-тоу с лодкой. Он прибыл на Кумуху в тот же день, как вышел из Кусуна, и ждал нас здесь около недели.

Вечером стрелки разложили большие костры. У них было веселое настроение, точно они возвратились домой.

Люди так привыкли к походной жизни, что совершенно не замечали ее тягот.

Одни сутки мы простояли на месте. Нужно было отдохнуть, собраться с силами и привести в порядок свои вещи. Наконец наступило 1 ноября — первый день зимнего месяца. Утром был мороз до 10°С при сильном ветре (анемометр показывал 120).

В каком бы направлении ветер ни дул — с материка в море или, наоборот, с моря на материк, — движение его всегда происходит по долинам. В тех случаях, если последние имеют NW направление, ветер дует с такой силой, что опрокидывает на землю деревья и снимает с домов крыши. Обыкновенно с восходом солнца ветер стихает, а часа в четыре дня начинает дуть снова.

От реки Тахобе до Кумуху есть пешеходная тропа. Она проложена горами и проходит недалеко от моря. Расстояние это измеряется в 16 километров. В топографическом и геологическом отношении вся местность между двумя упомянутыми реками представляет обширный лавовый покров. Теперь это невысокие холмы, изрезанные большими оврагами. Когда-то тут был хороший лес. Ныне от него остались только пни и редкие сухостои. По оврагам, о которых я упомянул, в море текут ручьи: Цалла, Анкуга, Лолобинга, Тахалун, Калама и Кумолун*.

---

* Малые ручьи Цалла, Анкуга, Лолобинга, Тахалун, Калама и Кумолун не идентифицированы.

Глава семнадцатая

Сердце Уссурийского края

Мелкие речки на берегу моря. — Сухая мгла и звукопроницаемость воздуха. — Обоняние охотника. — Беспокойство и сомнения. — Перевал на реку Нахтоху. — Следы человека. — Удэгеец Янсели. — Притоки реки. — Удэгеец Монгули. — Китаец, укравший соболя. — Инородческое население. — Кладбище. — Тревожная весть. — Исчезновение Хей Ба-тоу. — Безвыходное положение

На реке Кузнецова мы распрощались с солоном. Он возвратился к себе на реку Тахобе, а мы пошли дальше на север. Хей Ба-тоу было приказано следовать вдоль берега моря и дожидаться нас в устье реки Холонку.

От выпавшего снега не оставалось и следа, несмотря на то, что температура все время стояла довольно низкая. На земле нигде не видно было следов оттепели, а между тем снег куда-то исчез. Это происходит от чрезвычайной сухости зимних северо-западных ветров, которые поглощают всю влагу и делают климат Уссурийского края в это время года похожим на континентальный.

Здешняя растительность такая же чахлая, как и везде на побережье моря. Заметным становится преобладание хвойных пород; на сцену все больше и больше выступает лиственница, а дубняки отходят на задний план.

Тропа, которая до сего времени вела нас вдоль берега моря, кончилась около реки Кумуху. От мыса Олимпиады до реки Самарги, на протяжении 150 по прямой линии и 230 километров в действительности, берег горист и совершенно пустынен. Наподобие густой корковой щетки, хвойный замшистый лес одевает все горы и доходит вплотную до берега моря. Эта часть пути считается очень трудной. Сюда избегают заходить даже удэгейцы. Расстояние, которое по морю на лодке можно проехать в полдня, пешком по берегу едва ли удастся пройти и в четверо суток.

За день мы прошли немного и стали биваком около реки Бабкова. Здесь можно видеть хорошо выраженные береговые террасы. Они высотою около 12 метров. Река в них промыла узкое ложе, похожее на каньон. По широкому заболоченному плато кое-где растут в одиночку белая береза, лиственница и поросль дуба.

Лодка Хей Ба-тоу могла останавливаться только в ус-

тьях таких рек, которые не имели бара* и где была хоть небольшая заводь. Река Бабкова достоинствами этими не отличалась, и потому Хей Ба-тоу прошел ее мимо, с намерением остановиться около мыса Сосунова.

С утра погода была удивительно тихая. Весь день в воздухе стояла сухая мгла, которая после полудня начала быстро сгущаться. Солнце из белого стало желтым, потом оранжевым и наконец красным; в таком виде оно и скрылось за горизонтом. Я заметил, что сумерки были короткие: как-то скоро спустилась ночная тьма. Море совершенно успокоилось, нигде не было слышно ни единого всплеска. Казалось, будто оно погрузилось в сон. Часов в десять вечера взошла луна. Она была очень больших размеров, имела странный вид и даже в полночь не утратила того красного цвета, который свойствен ей во время низкого стояния над горизонтом. Утесы на берегу моря, лес в горах и одиноко стоящие кусты и деревья казались как бы другими, не такими, как всегда. В полночь мгла сгустилась до того, что ее можно было видеть в непосредственной от себя близости, и это не был дым, потому что гарью не пахло. Вместе с тем воздух приобрел удивительную звукопроницаемость: обыкновенный голос на дальнем расстоянии слышался, как громкий и крикливый; шорох мыши в траве казался таким шумом, что невольно заставлял вздрагивать и оборачиваться. Казалось, будто мы перенеслись в другой мир, освещенный не луною, а каким-то неведомым тусклым светилом. Вслед за тем воздух наполнился какими-то звуками, похожими на раскаты грома, глухие взрывы или отдаленную пушечную пальбу залпами. Звуки эти неслись откуда-то со стороны моря. Может быть, единственный раз в жизни мы слышали подземный гул.

Я счел необходимым адресоваться к инструментам: барометр показывал 759, температура воздуха —3° С, анемометр — полный штиль. Это интересное явление продолжалось до рассвета. Когда мгла исчезла, снова подул холодный северо-западный ветер.

От реки Бабкова берег делает небольшой изгиб. Чтобы сократить путь, мы поднялись по одному из притоков реки Каменной, перевалили через горный кряж, который здесь достигает высоты 450 метров, и вышли на реку Холонку, невдалеке от ее устья, где застали Хей Ба-тоу с лодкой. За штиль ночью ветер, казалось, хотел наверстать потерянное, дул теперь особенно сильно: анемометр показывал 215.

* Б а р — песчаный подводный вал. *(Прим. ред.)*

Остальную часть дня я употребил на осмотр нижней долины Холонку. Здесь мы опять видим лагуну длиною в 5 и шириною в 1 километр. Она отделена от моря двухъярусным валом. Около устья Холонку непомерно широка и глубока — это наиболее глубокое место бывшей лагуны. Длина обоих валов около 500 метров; один вал сложен из крупных скатанных валунов, обросших лишайниками, что доказывает, что камни эти давно уже находятся в состоянии покоя. Вал, ближайший к морю, меньше размерами и, видимо, только недавно наметан морским прибоем. Ныне на месте лагуны образовалось мшистое болото, поросшее голубикой, багульником и морошкой.

Вечером я сделал распоряжение: на следующий день Хей Ба-тоу с лодкой должен был перейти на реку Хатоху* и там опять ждать нас, а мы пойдем вверх по реке Холонку до Сихотэ-Алиня и затем по реке Нахтоху спустимся обратно к морю.

Я распорядился, чтобы с вечера люди забрали все, что им надо, так как завтра Хей Ба-тоу хотел уйти на рассвете.

На другой день, 3 ноября, я проснулся раньше других, оделся и вышел из палатки.

Картина, которую я увидел, была необычайно красива. На востоке пылала заря. Освещенное лучами восходящего солнца, море лежало неподвижно, словно расплавленный металл. От реки подымался легкий туман. Испуганная моими шагами, стая уток с шумом снялась с воды и с криками полетела куда-то в сторону.

Когда солнце поднялось над горизонтом, я видел далеко в море парус Хей Ба-тоу.

Я согрел чай и разбудил своих спутников.

Закусив поплотнее, мы собрали свои котомки и тоже отправились в путь по намеченному маршруту.

Река Холонку (по-удэгейски — Халланку) называется на картах рекой Светлой. Длиною она около 90 километров, течет в широтном направлении и начало имеет в горах Сихотэ-Алиня. Если идти вверх по реке, то в нижней половине ее в последовательном порядке будут встречаться следующие притоки. С правой стороны — Хунды и Дя. Первая немного больше второй. Лососевые рыбы подымаются только до реки Дя, но главная масса их сворачивает на Хунды. С левой стороны Холонку принимает в себя

* Река Хатоху — здесь, вероятно, опечатка, правильное написание — Нахтоху.

только один приток — Тальмакси, по которому можно выйти на реку Пия, впадающую в море на 20 километров выше мыса Плитняк. В долине реки Холонку раньше были хорошие леса, но теперь они все уничтожены пожарами. Лес сохранился одинокими островками только в верхнем течении.

В этот день мы вышли сравнительно поздно, потому и прошли немного. С первых же шагов Дерсу определил, что река Холонку нежилая, что туземцы заглядывают сюда редко и что года два назад здесь соболевали корейцы. Чем дальше мы продвигались на север по берегу моря, тем чаще попадались лиственницы, береза Эрмана и аянская ель. Такие древесные породы, как тополь, вяз и липа, стали реже, а пробковое дерево и орех исчезли совсем. Зато особое распространение приобретали тальники и ольха. Мелколистная торфяниковая береза имела вид дерева. Леспедеца стала уступать место свое таволожнику с мохнатыми листьями. На каменистых склонах с правой стороны реки, недалеко от моря, я заметил оригинальный крыжовник*, у которого густо покрыты колючками не только стебель, но даже и ягоды и листья, и особый вид можжевельника, стелющийся по земле длинными петлями, усаженными мелкими игольчатыми листочками.

Перед сумерками Дерсу ходил на охоту. Назад он вернулся с пустыми руками. Повесив ружье на сучок дерева, он сел к огню и заявил, что нашел что-то в лесу, но забыл, как этот предмет называется по-русски.

Так как он долго не мог найти его, то я стал задавать ему наводящие вопросы. Вдруг Дерсу спохватился.

— Дуба сынка! — воскликнул он простодушно и вслед за тем подал мне обыкновенный желудь.

Потом он сообщил мне, что нашел его на сопке с левой стороны реки, хотя вблизи самого дерева нигде не было видно. Очевидно, этот желудь занесла сюда какая-нибудь птица или мелкое животное вроде белки или бурундука.

С каждым днем становилось все холоднее и холоднее. Средняя суточная температура понизилась до 6,3° С, и дни заметно сократились. На ночь для защиты от ветра нужно было забираться в самую чащу леса. Для того чтобы заготовить дрова, приходилось рано становиться на биваки. Поэтому за день удавалось пройти мало, и на мар-

* Оригинальный крыжовник — смородина ощетиненная. *(Прим. ред.)*

шрут, который летом можно было сделать в сутки, теперь приходилось тратить времени вдвое больше.

Утром 4 ноября мы все проснулись от холода. Термометр показывал —11° С при сильном ветре.

Погревшись у огня, мы напились горячего чаю и тронулись в путь.

Все время, начиная от самого моря, по сторонам в горах, тянулись сплошные гари.

Впереди и слева от нас высилась Плоская гора высотою в 600 метров, которую местные жители называют Кямо. С горного хребта, в состав которого она входит, берут начало три притока Холонку: реки Пуйму, Сололи и Дагды — единственное место в бассейне Холонку, где еще встречаются изюбры и кабаны. Подъем на лодке возможен только до реки Сололи. Около устья реки Пуйму мы нашли развалившуюся корейскую зверовую фанзу и около нее старую дощатую лодку. Это показало, что наблюдения Дерсу были правильны.

Выбрав место для ночевки, я приказал Захарову и Аринину ставить палатку, а сам с Дерсу пошел на охоту. Здесь по обоим берегам реки кое-где узкой полосой еще сохранился живой лес, состоящий из осины, ольхи, кедра, тальника, березы, клена и лиственницы. Мы шли и тихонько разговаривали, он — впереди, а я — несколько сзади. Вдруг Дерсу сделал мне знак, чтобы я остановился. Я думал сначала, что он прислушивается, но скоро увидел другое: он подымался на носки, наклонялся в стороны и усиленно нюхал воздух.

— Пахнет, — сказал он шепотом, — люди есть.

— Какие люди?

— Кабаны, — отвечал гольд. — Моя запах найди есть.

Как я ни нюхал воздух, но никакого запаха не ощущал. Дерсу осторожно двинулся вправо и вперед. Он часто останавливался и принюхивался. Так прошли мы шагов полтораста. Вдруг что-то шарахнулось в сторону. Это была дикая свинья и с ней полугодовалый поросенок. Еще несколько кабанов бросилось врассыпную. Я выстрелил и уложил поросенка.

На обратном пути я спросил Дерсу, почему он не стрелял в диких свиней. Гольд ответил, что не видел их, а только слышал шум в чаще, когда они побежали. Дерсу был недоволен: он ругался вслух и потом вдруг снял шапку и стал бить себя кулаком по голове. Я засмеялся и сказал, что он лучше видит носом, чем глазами. Тогда
 я не знал, что это маленькое происшествие было пове-

сткой трагических событий, разыгравшихся впоследствии.

Поросенок весил около 24 килограммов и был как нельзя более кстати. Вечером мы лакомились свежей дичью; все были веселы, шутили и смеялись. Один Дерсу был не в духе. Он все хмыкал и вслух спрашивал себя, как это он не видел кабанов.

После ужина стрелки разделились на смены и стали сушить мясо на огне, а я занялся путевым дневником.

5 ноября, утром, был опять мороз (—14° С); барометр стоял высоко (757). Небо было чистое; взошедшее солнце не давало тепла, зато давало много света. Холод всех подбадривал, всем придавал энергию. Раза два нам пришлось переходить с одного берега реки на другой. В этих местах Холонку шириною около 6 метров; русло ее загромождено валежником.

Сегодня мы прошли еще два притока, впадающих в реку с левой стороны: Монинги 1-ю, Монинги 2-ю и Тигдамугу. Они также берут начало с горы Кямо. По долинам рек Монинги держатся лоси; свежие следы их попадались часто, но так как мы были вполне обеспечены продовольствием, то не задерживались здесь и прошли мимо. От реки Тигдамугу до реки Олосу (верхний левый приток Холонку) один день ходу. По самой реке Холонку и по Олосу можно в один день дойти до водораздела. Эта часть Сихотэ-Алиня с восточной стороны голая, а с западной покрыта хвойным лесом.

Шли мы теперь без проводника, по приметам, которые нам сообщил солон. Горы и речки так походили друг на друга, что можно было легко ошибиться и пойти не по той дороге. Это больше всего меня беспокоило. Дерсу, наоборот, относился ко всему равнодушно. Он так привык к лесу, что другой обстановки, видимо, не мог себе представить. Для него было совершенно безразлично, где ночевать — тут или в ином месте...

Согласно указаниям, данным солоном, после реки Тигдамугу мы отсчитали второй безыменный ключик и около него стали биваком. По этому ключику нам следовало идти к перевалу на реку Нахтоху.

Ночью я плохо спал. Почему-то все время меня беспокоила одна и та же мысль: правильно ли мы идем? А вдруг мы пошли не по тому ключику и заблудились! Я долго ворочался с боку на бок, наконец поднялся и подошел к огню. У костра сидя спал Дерсу. Около него лежали две собаки. Одна из них что-то видела во сне и тихонько лаяла. Дерсу тоже о чем-то бредил. Услышав мои шаги, он

спросонья громко спросил: «Какой люди ходи?» — и тотчас снова погрузился в сон.

Над землей, погруженной в ночную тьму, раскинулся темный небесный свод с миллионами звезд, переливавшихся цветами радуги. Широкой полосой, от края до края, протянулся Млечный Путь. По ту сторону реки стеной стоял молчаливый лес. Кругом было тихо, очень тихо...

С полчаса посидел я у огня. Беспокойство мое исчезло. Я пошел в палатку, завернулся в одеяло и уснул, а утром проснулся лишь тогда, когда все уже собирались в дорогу. Солнце только что поднялось из-за горизонта и посылало лучи свои к вершине гор.

Сразу с бивака начался подъем. С первого же перевала мы увидели долину реки Пия; за ней высился другой горный хребет с гольцами, потом третий, покрытый снегом. За ними, вероятно, должна быть река Нахтоху.

По пути нам встречалось много мелких речек, должно быть, притоки реки Пия. Плохо, когда идешь без проводника: все равно как слепой. К вечеру мы дошли до какой-то реки, а на другой день к двум часам пополудни достигли третьего перевала.

Подъем на него был продолжительный, но не крутой. Внизу, у подножия хребта, растет смешанный лес, который по мере приближения к гребню становится жидким и сорным. Лиственные породы скоро уступили место хвойным, и на смену кустарнику и травяному подлесью явились мхи и багульник.

Чем выше мы поднимались, тем больше было снегу. Увидя вверху просвет, я обрадовался, думая, что вершина недалеко, но радость оказалась преждевременной: это были кедровые стланцы. Хорошо, что они не занимали большого пространства. Пробравшись сквозь них, мы вступили на гольцы, лишенные всякой растительности. Я посмотрел на барометр — стрелка показывала 760 метров.

Отсюда, сверху, открывался великолепный вид во все стороны. На северо-западе виднелся низкий и болотистый перевал с реки Нахтоху на Бикин. В другую сторону, насколько хватал глаз, тянулись какие-то другие горы. Словно гигантские волны с белыми гребнями, они шли куда-то на север и пропадали в туманной мгле. На северо-востоке виднелась Нахтоху, а вдали на юге — синее море.

Холодный, пронзительный ветер не позволял нам дол-

го любоваться красивой картиной и принуждал к спуску в долину. С каждым шагом снегу становилось все меньше и меньше. Теперь мы шли по мерзлому мху. Он хрустел под ногами и оставался примятым к земле.

Я шел впереди, а Дерсу сзади. Вдруг он бегом обогнал меня и стал внимательно смотреть на землю. Тут только я заметил человеческие следы; они направлялись в ту же сторону, куда шли и мы.

— Кто здесь шел? — спросил я гольда.

— Маленькая нога; такой у русских нету, у китайцев нету, у корейцев тоже нету, — отвечал он и затем прибавил: — Это унта[27], носок кверху. Люди совсем недавно ходи. Моя думай, наша скоро его догоняй.

Другие признаки, совершенно незаметные для нас, открыли ему, что этот человек был удэгеец, что он занимался соболеванием, имел в руках палку, топор, сетку для ловли соболей и, судя по походке, был молодой человек. Из того, что он шел напрямик, по лесу, игнорируя заросли и придерживаясь открытых мест, Дерсу заключил, что удэгеец возвращался с охоты и, вероятно, направлялся к своему биваку. Посоветовавшись, мы решили идти по его следам, тем более что они шли в желательном для нас направлении.

Лес кончился, и опять потянулась сплошная гарь. Так прошли мы с час. Вдруг Дерсу остановился и сказал, что пахнет дымом. Действительно, минут через десять мы спустились к речке и тут увидели туземный балаган и около него костер. Когда мы были от балагана шагах в ста, из него выскочил человек с ружьем в руках. Это был удэгеец Янсели с реки Нахтоху. Он только что пришел с охоты и готовил себе обед. Котомка его лежала на земле, и к ней были прислонены палка, ружье и топор.

Меня заинтересовало, как Дерсу узнал, что у Янсели должна быть сетка на соболя. Он ответил, что по дороге видел срезанный рябиновый прутик и рядом с ним сломанное кольцо от сетки, брошенное на землю. Ясно, что прутик понадобился для нового кольца. И Дерсу обратился к удэгейцу с вопросом, есть ли у него соболиная сетка. Последний молча развязал котомку и подал то, что у него спросили. Действительно, в сетке одно из средних колец было новое.

От Янсели мы узнали, что находимся на реке Дагды, текущей к Нахтоху. Не без труда удалось нам уговорить его быть нашим проводником. Главной приманкой для него послужили не деньги, а патроны к

берданке, которые я обещал дать ему на берегу моря.

По дороге я стал расспрашивать его о тех местах, которые мы проходили.

Река Нахтоху (по-удэгейски — Накту, или Нактана), названная топографами рекой Лебедева, такой же длины, как и река Холонку, и также имеет истоки в горах Сихотэ-Алиня, который называется здесь Кунка-Киамани. В верхней половине своего течения она состоит из двух рек: Нунгини и Дагды. Обе они сливаются на половине пути между морем с Сихотэ-Алинем. С правой стороны в Нахтоху впадают две реки: Амукты и Хадыги.

Пространство между Дагды и Нунгини заполнено высокими скалистыми сопками, из которых особенно выделяются вершины Ада и Тыонгони. Река Дагды принимает в себя справа еще две речки — Малу-Сагды, Малу-Ниаса и два ключа — Эйфу и Адани, текущие с горы того же имени, а слева — несколько маленьких речек: Джеиджа, Ада 1-я, Ада 2-я и Тыонгони. От устья Дагды в три дня можно дойти до Сихотэ-Алиня.

Вся местность с правой стороны реки Дагды до реки Локтоляги обезлесена пожарами. В горах с левой стороны растут исключительно хвойные леса; внизу, по долине, участки гари чередуются с участками смешанного леса, тоже со значительной примесью хвои.

В начале ноября было особенно холодно. На реке появились забереги, и это значительно облегчало наше путешествие. Все притоки замерзли. Мы пользовались ими для сокращения пути и к вечеру дошли до того места, где Дагды сливается с Нунгини. Отсюда, собственно, и начинается река Нахтоху.

Последние два дня дул сильный северо-западный ветер. Он ломал сучья деревьев и носил их по воздуху, как пылинки.

К вечеру 6 ноября ветер вдруг сразу стих. Мы так привыкли к его шуму, что неожиданно наступившая тишина показалась нам даже подозрительной.

В одной из ям в реке Янсели нашел мальму, заменяющую в Уссурийском крае форель. Из этой рыбы мы приготовили превосходный ужин, после которого мы, напившись чаю, рано легли спать, предоставив охрану бивака собакам.

Во вторую половину ночи все небо покрылось тучами. От Дерсу я научился распознавать погоду и приблизительно мог сказать, что предвещают тучи в это время года:
 тонкие слоистые облака во время штиля, если они лежат

полосами на небе, указывают на ветер, и чем дольше стоит такая тишь, тем ветер будет сильнее.

Утром мы поплотнее закусили, чтобы не останавливаться днем, и часов в девять выступили в поход.

После слияния рек Нунгини и Дагды Нахтоху становится извилистой, но, имея опытного провожатого, мы пересекли «кривуны» напрямик, где можно было, и довольно быстро продвигались вперед.

Во время пути наш проводник немного отстал. Ему надо было осмотреть ловушки в соседнем распадке. Когда мы были около утесов с правой стороны реки и хотели было свернуть в соседнюю проточку, я вдруг услышал позади себя крики:

— Аченда! Ади(а) нан! (Погоди! Погоди!)

Я обернулся и увидел Янсели, бежавшего по тропе и махавшего рукою. По-видимому, он хотел сообщить что-то важное. Через несколько минут он приблизился и на ходу сказал, задыхаясь и указывая на проточку:

— Вот здесь ночевал Яков Самойлович!

Скоро все разъяснилось: в 1898 году по реке Нахтоху прошел геолог-исследователь Я.С. Эдельштейн. Путешествие его осталось в памяти у нахтохуских туземцев. О нем они отзывались в самых теплых выражениях. Янсели фамилии его не знал, но хорошо помнил только имя и отчество. На фоне однообразно-серой жизни удэгейцев это было столь яркое событие, что Янсели счел нужным поставить меня об этом в известность. Я сказал ему, что лично знаю Я.С. Эдельштейна, поблагодарил его за сообщение и велел идти дальше.

На этом участке в Нахтоху впадают следующие реки: с левой стороны — Бия и Локтоляги, с перевалами на одну из прибрежных рек — Эхе. Из-за выдающихся горных вершин тут можно подыматься только до реки Малу-Сагды. На подъем против воды нужно четверо суток, а на сплав по течению — один день. Затем он сказал, что по реке Нахтоху идет кета, морская мальма и горбуша. Главная масса кеты направляется по реке Локтоляги, мальма подымается до порогов реки Дагды, а горбуша — до реки Нунгини.

После полудня Янсели вывел нас на тропинку, которая шла вдоль реки, по соболиным ловушкам. Я спросил нашего провожатого, кто здесь ловит соболей. Он ответил, что место это издавна принадлежит удэгейцу Монгули и, вероятно, мы вскоре встретим его самого. Действительно, не прошли мы и двух километров, как

увидели какого-то человека; он стоял около одной из ловушек и что-то внимательно в ней рассматривал. Увидев людей, идущих со стороны Сихотэ-Алиня, он сначала было испугался и хотел бежать, но, когда увидел Янсели, сразу успокоился. Как всегда бывает в таких случаях, все разом остановились. Стрелки стали закуривать, а Дерсу и удэгейцы принялись о чем-то горячо говорить между собою.

— Что случилось? — спросил я Дерсу.

— Манза соболя украл, — отвечал он.

По словам Монгули, китаец, проходивший по тропе дня два тому назад, вынул из ловушки соболя и наладил ее снова. Я высказал предположение, что, может быть, ловушка пустовала. Тогда Монгули указал на кровь — ясное доказательство, что ловушка действовала.

— Может быть, в ловушку попал не соболь, а белка? — спросил я опять.

— Нет, — отвечал Монгули. — Когда бревном придавили соболя, он грыз приколышки, оставив на них следы зубов.

Тогда я спросил его, почему он думает, что вор был именно китаец. Удэгеец ответил, что человек, укравший соболя, был одет в китайскую обувь и в задке левой ноги у него не хватает одного гвоздя*.

Доводы эти были вполне убедительны.

Отдохнув немного, мы отправились дальше и часов в пять дошли до устья реки Ходэ.

Вечером, у огня, я имел возможность хорошо рассмотреть своих новых знакомых. Нахтохуские удэгейцы невысокого роста, сухощавы, имеют овальное лицо с выдающимися скулами, вогнутый нос, карие, широко расставленные глаза с небольшою монгольскою складкою век, довольно большой рот, неровные зубы и маленькие руки и ноги.

— Точно детские! — говорили мои спутники, рассматривая их обувь, сшитую из выделанной лосиной кожи в виде олоч с загнутыми кверху носками.

Цвет кожи удэгейцев можно было бы назвать оливковым, со слабым оттенком желтизны. Летом они так сильно загорают, что становятся похожими на краснокожих. Впечатление это еще более усугубляется пестротою их костюмов. Длинные, прямые, черные как смоль волосы, заплетенные в две короткие косы, были сложены вдвое

* Китайская обувь (улы) имеет на пятках по два гвоздя с большими плоскими шляпками. *(Прим. авт.)*

и туго перетянуты красными шнурами. Косы носятся на груди, около плеч. Чтобы они не мешали, когда человек нагибается, сзади, ниже затылка, они соединены перемычкой, украшенной бисером и ракушками.

Одежда нахтохуских удэгейцев состоит главным образом из трех кафтанов: двух нижних, матерчатых, и одного верхнего, сшитого из тонкой изюбровой кожи, выделанной под замшу. Рубашки застегиваются у правого плеча и сбоку, как поддевки, и надеваются с напуском вокруг талии. Рукава около кистей стягиваются особыми нарукавниками. Затем принадлежностями костюма являются короткие штаны и наколенники, привязываемые ремешками к поясу. Головной убор состоит из белого капюшона, спускающегося на спину и плечи, и маленькой шапочки, на которой в стоячем положении прикреплен беличий хвостик и несколько красных шнурков с кисточками.

Весь костюм от головы до ступней ног, спереди и сзади, обшит цветными полосами и обильно украшен красными орнаментами, изображающими спиральные круги, стилизованных рыб, птиц и животных.

Удэгейцы — большие любители металлических украшений, в особенности браслетов и колец. Некоторые старики еще носят в ушах серьги; ныне обычай этот выходит из употребления. Каждый мужчина и даже мальчики носят у пояса два ножа: один обыкновенный охотничий, а другой — маленький, кривой, которым владеют очень искусно и который заменяет им шило, струг, буравчик, долото и все прочие инструменты.

Проговорили мы почти до полуночи. Пора было идти на покой. Удэгейцы взялись окарауливать бивак, а я пристроился около Дерсу, лег спиной к огню и скоро уснул.

На другой день с бивака мы снялись рано и пошли по тропе, проложенной у самого берега реки. На этом пути Нахтоху принимает в себя с правой стороны два притока: Хулеми и Гоббиляги, а с левой — одну только маленькую речку Ходэ. Нижняя часть долины Нахтоху густо поросла даурской березой и монгольским дубом. Начиная от Локтоляги, она постепенно склоняется к югу и только около Хулеми опять поворачивает на восток.

От Ходэ долина сразу начинает расширяться. По сторонам, в горах, произрастают хвойные леса, а внизу, в долине, — смешанные, с преобладанием тополя и каменной березы. Кроме этих пород, мы встречаем здесь мелко-

листный клен с серой корой и густой кроной, ильм — красивое стройное дерево с светло-серой корой и тис — оригинальное хвойное дерево с красными ягодами. Затем идут такие породы, которые не знаешь, куда и причислить — к кустарникам или деревьям, например: бересклет широколистный, дающий длиннокрылые плоды, и кустарниковая ольха с блестящей темной корою. Особенно часто на Нахтоху встречаются таволга бузинолистная и жимолость, дающая черные, с сизым налетом, кислые ягоды.

Последние дни были холодные и ветреные. Анемометр показывал 225.

Забереги на реке во многих местах соединились и образовали природные мосты. По ним можно было свободно переходить с одной стороны реки на другую.

Километрах в десяти от реки Гоббиляги кончается лес и начинаются открытые места. На последней поляне мы нашли три удэгейские фанзы. Здешние туземцы обзавелись китайскими постройками весьма недавно. Несколько лет тому назад они жили еще в юртах. Около каждого домика были небольшие огороды, возделываемые наемным трудом китайцев. Последние являются среди удэгейцев половинщиками в пушных промыслах. Из расспросов выяснилось, что река Нахтоху являлась последним северным пунктом, до которого с юга манзы распространили свое влияние. Здесь было пять человек: четыре постоянных обитателя и один пришлый, с реки Кусуна.

Провожавшие нас удэгейцы бросились к нему и стали осматривать его обувь; в ней не хватало одного гвоздя. Они развязали его котомку, вынули из нее соболя и сообщили все подробности, при которых он совершил кражу. Китаец, полагая, что за ним подсматривали из кустов, сознался.

Удэгейцы удалились, довольные тем, что нашли свою добычу. Но не так отнеслись к этому остальные китайцы. Они пошептались между собою и затем объявили провинившемуся, что он опозорил их всех и потому должен оставить реку Нахтоху навсегда и уйти в другое место. Виновный, стоя с непокрытой головой, выслушал свой приговор и обещал на другой же день уйти из долины, чтобы никогда в нее более не возвращаться.

От туземного поселка до моря не более восьми километров. Недалеко от последней фанзы тропа разделилась надвое. Аринин пошел влево, а мы — прямо к берегу ре-
 ки. Скоро он возвратился назад и сообщил, что среди таль-

ников в маленькой лодочке лежит «морской бог». Я велел ему принести бурхана к себе, но затем раздумал и пошел туда сам. «Морской бог» в лодке оказался мертвым младенцем в гробу. Трупик засох и превратился в мумию. Рядом с ним оказалось целое кладбище. Одни гробы стояли на коротких сваях под крышей, другие были засунуты между стволами тальников. Расколотые лодки, поломанные нарты, разорванные рыболовные сети, весла и остроги были брошены тут же около могил.

Я хотел было вскрыть один из гробов, но в это время в стороне услышал голоса и пошел к ним навстречу. Через минуту из кустов вышли два удэгейца, только что прибывшие с реки Едина.

Они сообщили нам крайне неприятную новость: 4 ноября наша лодка вышла с реки Холонку, и с той поры о ней ни слуху ни духу. Я вспомнил, что в этот день дул особенно сильный ветер. Пугуй (так звали одного из наших новых знакомых) видел, как какая-то лодка в море боролась с ветром, который относил ее от берега все дальше и дальше; но он не знает, была ли то лодка Хей Ба-тоу.

Это было для нас непоправимым несчастьем. В лодке находилось все наше имущество, теплая одежда, обувь и запасы продовольствия. При себе мы имели только то, что могли нести: легкую осеннюю одежду, по одной паре унтов, одеяла, полотнища палаток, ружья, патроны и весьма ограниченный запас продовольствия. Я знал, что к северу на реке Едине еще живут удэгейцы, но до них было так далеко и они были так бедны, что рассчитывать на приют у них всего отряда нечего было и думать.

Что делать?

С такими мыслями мы незаметно подошли к хвойному мелкорослому лесу, который отделяет поляны Нахтоху от моря.

Обыкновенно к лодке мы всегда подходили весело, как будто к дому, но теперь Нахтоху была нам так же чужда, так же пустынна, как и всякая другая речка. Было жалко и Хей Ба-тоу, этого славного моряка, быть может теперь уже погибшего.

Мы шли молча; у всех была одна и та же мысль: что делать? Стрелки понимали серьезность положения, из которого теперь я должен был их вывести. Наконец появился просвет: лес сразу кончился, показалось море.

Глава восемнадцатая

Роковой выстрел Дерсу

Приготовление к зимовке. — Река Един. — Поиски лодки. — Росомаха. — Побережье моря между реками Кумуху и Нахтоху. — Река Пия. — Роковой выстрел. — Испуг Дерсу. — Договор. — Обратный путь

Раньше около реки Нахтоху была лагуна, отделенная от моря косою. Теперь на ее месте большое моховое болото, поросшее багульником с ветвями, одетыми густым железистым войлоком ярко-ржавого цвета; с сизыми листочками; шикшей с густо облиственными ветвями, причем листья очень мелки и свернуты в трубочки. Среди этих кустарников еще можно было усмотреть отцветшие и увядшие: сабельник с ползучим корневищем; морошку с колючими полулежащими стеблями и желтыми плодами; болотную чину, по внешнему виду похожую на полевой горошек и имеющую крылатый стебель и плоские бобы; затем ирис-касатик с грубыми, сухими и серыми листьями и, наконец, обычную в болотах пушицу — высокое и красивое белое растение.

Мысы, окаймляющие маленькую бухточку, в которую впадает река Нахтоху, слагаются из пестрых вулканических туфов и называются по-удэгейски: Северный — Чжаали-дуони и Южный — Маас-дуони. Здесь, у подножия береговых обрывов, мы устроили свой бивак.

Вечером мы с Дерсу сидели у огня и совещались. Со времени исчезновения лодки прошло четверо суток. Если она была где-нибудь поблизости, то давно возвратилась бы назад. Я говорил, что надо идти на реку Амагу и зазимовать у староверов, но Дерсу не соглашался со мной. Он советовал остаться на Нахтоху, заняться охотой, добыть кож и сшить новую обувь. У туземцев, по его мнению, можно было получить сухую юколу и чумизу. Но тут возникали другие затруднения: морозы с каждым днем становились сильнее; недели через две в легкой осенней одежде идти будет уже невозможно. Все-таки проект Дерсу был наиболее разумным, и мы на нем остановились.

После ужина стрелки легли спать, а мы с Дерсу долго сидели у огня и обсуждали наше положение.

Я полагал было пойти в фанзы к удэгейцам, но Дерсу советовал остаться на берегу моря. Во-первых, потому, что здесь легче было найти пропитание, а во-вторых, он

не терял надежды на возвращение Хей Ба-тоу. Если последний жив, он непременно возвратится назад, будет искать нас на берегу моря, и если не найдет, то может пройти мимо. Тогда мы опять останемся ни с чем. С его доводами нельзя было не согласиться. Мысли одна другой мрачнее лезли мне в голову и не давали покоя.

Порывистый и холодный ветер шумел сухой травою и неистово трепал растущее вблизи одинокое молодое деревце. Откуда-то из темноты, с той стороны, где были прибрежные утесы, неслись странные звуки, похожие на вой.

Беспокойство мучило меня всю ночь.

Возвращаться назад, не доведя дела до конца, было до слез обидно. С другой стороны, идти в зимний поход, не снарядившись как следует, — безрассудно. Будь я один с Дерсу, я не задумался бы и пошел вперед, но со мной были люди, моральная ответственность за которых лежала на мне. Под утро я немного уснул.

На другой день ветер был особенно силен: анемометр давал показания 242 при температуре воздуха —6°C и при барометрическом давлении в 766 миллиметров.

Стрелки, узнав о том, что мы остаемся здесь надолго и даже, быть может, зазимуем, принялись таскать плавник, выброшенный волнением на берег, и устраивать землянку. Это была остроумная мысль. Печи они сложили из плитнякового камня, а трубу устроили по-корейски, из дуплистого дерева. Входы завесили полотнищами палаток, а на крышу наложили мох с дерном. Внутри землянки настлали ельнику и сухой травы. В общем, помещение получилось довольно удобное.

Десятого к нам на бивак приходили удэгейцы с реки Самарги. Я расспрашивал их о прибрежном районе к северу от мыса Сосунова. Один из них взял палочку и ловко начертил на песке план. Когда я развернул перед ним сорокаверстную карту, он быстро сориентировался и сам стал указывать на ней реки, горы и мысы, правильно их называя. Я поразился, до какой степени быстро он освоился с масштабом и сразу понял, что такое проекция. Помню, как меня учили читать топографические карты и как долго не мог я к этому привыкнуть, а тут простой дикарь, отроду никогда не видевший их, разбирается так свободно, как будто бы всю жизнь только этим и занимался.

Я объясняю это тем, что люди, которым приходится бродить по горам, привыкают сверху видеть поверхность земли в проекции. Вместе с тем у них развивается и чутье масштаба. /531

На следующий день мы с Дерсу вдвоем решили идти к югу по берегу моря и посмотреть, нет ли там каких-нибудь следов пребывания Хей Ба-тоу, и кстати поохотиться.

Захаров и Аринин пошли на север, имея то же задание, а Сабитов и Туртыгин — вверх по реке, к устью реки Ходэ.

Выступили мы с реки Нахтоху рано и пошли по намывной полосе прибоя.

С утра погода стояла хмурая. Один раз прорвался солнечный луч, скользнул по воде, словно прожектором, осветил сопку на берегу и скрылся опять в облаках. Вслед за тем пошел мелкий снег. Опасаясь пурги, я хотел было остаться дома, но просвет на западе и движение туч к юго-востоку служили гарантией, что погода разгуляется. Дерсу тоже так думал, и мы бодро пошли вперед. Через часа два снег перестал идти, мгла рассеялась, и день выпал на славу — теплый и тихий.

Вода в горных ручьях была еще в движении, но по замирающему шуму уже заметно было, что скоро и она должна будет покрыться ледяной корой и совсем замолкнуть. Там, где из расщелин в камнях понемногу сочилась вода и где раньше ее не было видно, теперь образовались большие ледяные натеки; они постоянно увеличивались в размерах и казались замерзшими водопадами.

Мы шли берегом моря и разговаривали о том, как могло случиться, что Хей Ба-тоу пропал без вести. Этот вопрос мы подымали уже сотый раз и всегда приходили к одному и тому же выводу: надо шить обувь и возвращаться к староверам на Амагу.

Впереди, шагах в полутораста от нас, бежала моя собака Альпа. Вдруг я заметил два живых существа: одно была Альпа, а другое — животное, тоже похожее на собаку, но темной окраски, мохнатое и коротконогое. Оно бежало около береговых обрывов неловкими и тяжелыми прыжками и, казалось, хотело обогнать собаку. Поравнявшись с Альпой, мохнатое животное стало в оборонительное положение. Я узнал росомаху — самого крупного представителя из семейства хорьковых. Максимальные размеры этого стопоходящего, косматого и неуклюжего животного достигают 1 метра длины и 45 сантиметров высоты. Общая окраска темно-бурая, спина черного цвета, от каждого плеча к заду по бокам тянется по широкой светло-серой полосе. Шерсть на нижней части тела и на верхней половине ног значительно длиннее, чем на остальном теле. Шея у росомахи короткая, голова толстая, удли-

ненная, ноги вооружены крепкими, сильными когтями.

Росомаха обитает в горных лесах, где есть козули и в особенности кабарга. Целыми часами она сидит неподвижно на дереве или на камне вблизи кабарожьей тропы, выжидая добычу. Она отлично изучила нрав своей жертвы, знает излюбленные пути ее и повадки: например, она хорошо знает, что по глубокому снегу кабарга бегает все по одному и тому же кругу, чтобы не протаптывать новой дороги. Поэтому, спугнув кабаргу, она гонится за ней до тех пор, пока последняя не замкнет полный круг. Тогда росомаха влезает на дерево и ждет, когда кабарга вновь пойдет мимо. Если это не удается, она берет кабаргу измором, для чего преследует ее до тех пор, пока та от усталости не упадет; при этом если на пути она увидит другую кабаргу, то не бросается за ней, а будет продолжать преследование первой, хотя бы эта последняя и не находилась у ней в поле зрения. Росомаха — вредное животное: забравшись в амбары, она начинает с остервенением рвать все, что ей попадается на глаза. Сухое мясо, юколу и прочее продовольствие она непременно огадит и тогда уйдет. Раньше туземцы ценили мех росомахи выше соболиного и только позднее поняли свою ошибку. Лет двадцать тому назад мех росомахи ценился не более трех рублей. Теперь специально за ней не охотятся и бьют, только если она случайно попадет под выстрел.

Росомаха распространена по всему Уссурийскому краю, примерно к югу до 44° широты. Ее нет в Посьетском, Барабашевском, Суйфунском районах и около Никольск-Уссурийского. В горах Сихотэ-Алиня она встречается довольно часто.

Альпа остановилась и с любопытством стала рассматривать свою случайную спутницу. Я хотел было стрелять, но Дерсу остановил меня и сказал, что надо беречь патроны. Замечание было вполне резонно. Тогда я отозвал Альпу. Росомаха бросилась бежать и вскоре скрылась в одном из оврагов.

Прибрежная линия между реками Колонку и Нахтоху представляет собою несколько изогнутую линию, отмеченную мысами Плитняка, Бакланьим и Сосунова (по-удэгейски — Хуоло-дуони, Леникто-дуони и Хорло-дуони). Мысы эти заметно выдаются в море. За ними берег опять выгибается к северо-западу и вновь выдается около мыса Олимпиады.

По побережью моря, в направлении от реки Нахтоху

к Унтугу, горные породы располагаются в таком порядке: сначала идет кремнистый сланец, затем андезит и местами стекловатый базальт. Еще южнее тянутся какие-то глубинные зелено-каменные породы, а выше их — базальтовый андезит и еще дальше — порфирит. Кроющие пласты состоят из цветных чередующихся слоев туфа. Здесь особенно интересен утес Хадис с плитняковой вертикальной и дуговой отдельностью.

Около реки Пия есть два утеса, Садзасу-мамаса-ни, имеющие человекоподобные формы. Удэгейцы говорят, что раньше это были люди, но всесильный Тему (хозяин рыб и морских животных) превратил их в скалы и заставил окарауливать береговые сопки.

Здесь, на берегу, валялось много сухого плавника. Выбрав место для бивака, мы сложили свои вещи и разошлись в разные стороны на охоту.

Чрезвычайно извилистое русло реки Пия блуждает по долине, и, если смотреть на реку с высоты птичьего полета, получается впечатление кружев. В нижней части долины почва исключительно наносная; ил и полосы свежего песку, придавившего траву и кусты, свидетельствуют о том, что в конце лета места эти заливались водой два раза. Близ моря растет кустарниковая ольха и высокоствольный тальник, выше по долине — лиственница, белая береза, осина и тополь, а еще дальше — клен, осокорь, ясень и кое-где ель и кедр. Склоны гор, окаймляющих долину, поросли с солнечной стороны низкорослым дубняком, а с северной — старым замшистым хвойным лесом.

Охотиться нам долго не пришлось. Когда мы снова сошлись, день был на исходе. Солнце уже заглядывало за горы, лучи его пробрались в самую глубь и золотистым сиянием осветили стволы тополей, остроконечные вершины елей и мохнатые шапки кедровников. Где-то в стороне от нас раздался пронзительный крик.

— Кабарга! — шепнул Дерсу на мой вопросительный взгляд.

Минуты через две я увидел животное, похожее на козулю, только значительно меньше ростом и темнее окраской. Изо рта ее книзу торчали два тонких клыка. Отбежав шагов сто, кабарга остановилась, повернула в нашу сторону свою грациозную головку и замерла в выжидательной позе.

— Где она? — спросил меня Дерсу.

Я указал ему рукой.

— Где? — опять переспросил он.

Я стал направлять его взгляд рукой по линии выдающихся и заметных предметов, но, как я ни старался, он ничего не видел. Дерсу тихонько поднял ружье, еще раз внимательно всмотрелся в то место, где было животное, выпалил и — промахнулся. Звук выстрела широко прокатился по всему лесу и замер в отдалении. Испуганная кабарга шарахнулась в сторону и скрылась в чаще.

— Попал? — спросил меня Дерсу, и по его глазам я увидел, что он не заметил результатов своего выстрела.

— На этот раз ты промазал, — отвечал я ему. — Кабарга убежала.

— Неужели моя попади нету? — спросил он испуганно.

Мы пошли к тому месту, где стояла кабарга. На земле не было крови. Сомнений не было, Дерсу промахнулся. Я начал подшучивать над своим приятелем, а Дерсу сел на землю, положил ружье на колени и задумался. Вдруг он быстро вскочил на ноги и сделал на дереве ножом большую затеску, затем схватил ружье и отбежал назад шагов на полтораста. Я думал, что он хочет оправдаться передо мною и доказать, что его промах по кабарге был случайным. Однако с этого расстояния пятно на дереве было видно плохо, и он должен был подойти ближе. Наконец он выбрал место, поставил сошки и стал целиться. Целился Дерсу долго, два раза отнимал голову от приклада и, казалось, не решался спустить курок. Наконец он выстрелил и побежал к дереву. Из того, как у него сразу опустились руки, я понял, что в пятнышко он не попал. Когда я подошел к нему, то увидел, что шапка его валялась на земле, ружье тоже; растерянный взгляд его широко раскрытых глаз был направлен куда-то в пространство. Я дотронулся до его плеча, Дерсу вздрогнул и быстро-быстро заговорил:

— Раньше никакой люди первый зверя найти не могу. Постоянно моя первый его посмотри. Моя стреляй — всегда в его рубашке дырку делай. Моя пуля никогда мимо ходи нету. Теперь моя пятьдесят восемь лет. Глаз худой стал, посмотри не могу. Кабарга стреляй — не попал, дерево стреляй — тоже не попал. К китайцам ходи не хочу — их работу моя понимай нету. Как теперь моя дальше живи?

Тут только я понял неуместность моих шуток. Для него, добывающего себе средства к жизни охотой, ослабление зрения было равносильно гибели. Трагизм увеличивался еще и тем обстоятельством, что Дерсу совершенно

одинок. Куда идти? Что делать? Где склонить на старости лет свою седую голову?

Мне нестерпимо стало жаль старика.

— Ничего, — сказал я ему, — не бойся. Ты мне много помогал, много раз выручал из беды. Я у тебя в долгу. Ты всегда найдешь у меня крышу и кусок хлеба. Будем жить вместе.

Дерсу засуетился и стал собирать свои вещи. Он поднял ружье и посмотрел на него, как на вещь, которая теперь была ему более совсем не нужна.

В это время солнце только что скрылось за горизонтом. От гор к востоку потянулись длинные тени. Еще не успевшая замерзнуть вода в реке блестела, как зеркало; в ней отражались кусты и прибрежные деревья. Казалось, что там, внизу, под водой, был такой же мир, как и здесь; и такое же светлое небо...

Около речки мы разделились: Дерсу воротился на бивак, а я решил еще поохотиться.

Долго я бродил по лесу и ничего не видел. Наконец я устал и повернул назад.

На западе медленно угасала заря. Посиневший воздух приобрел сонную неподвижность; долина приняла угрюмый вид и казалась глубокой трещиной в горах.

Вдруг в кустах что-то зашевелилось. Я замер на месте и приготовил ружье. Снова легкий треск, и из ольшаников тихонько на поляну вышла козуля. Она стала щипать траву и, видимо, совсем меня не замечала. Я быстро прицелился и выстрелил. Животное рванулось вперед и сунулось мордой в землю. Через минуту жизнь оставила его. Я взял свой ремень, связал козуле ноги и взвалил ее на плечи. Что-то теплое потекло мне за шею: это была кровь. Тогда я опустил свой охотничий трофей на землю и принялся кричать. Скоро я услышал ответные крики Дерсу.

Он пришел без ружья, и мы вместе с ним потащили козулю на палке.

Когда мы подходили к биваку, был уже полный вечер. Взошла луна и своими фосфорическими лучами осветила море, прибрежные камни, лес и воду в реке. Кругом было тихо, только легкий ночной ветер слабо шелестил траву. Шум этот был так однообразен, что привыкшее к нему ухо совершенно его не замечало. На нашем биваке горел огонь; свет от него ложился на земле красными бликами и перемешивался с черными тенями и с бледными лучами месяца, украдкой пробивавшимися сквозь ветви кустарников. Вдали виднелся вы-

сокий Бакланий мыс, окутанный морскими испарениями.

После охоты я чувствовал усталость. За ужином я рассказывал Дерсу о России, советовал ему бросить жизнь в тайге, полную опасности и лишений, и поселиться вместе со мной в городе, но он по-прежнему молчал и о чем-то крепко думал.

Наконец я почувствовал, что веки мои слипаются. Я завернулся в одеяло и погрузился в сон.

Ночью я проснулся. Луна стояла высоко на небе; те звезды, которые были ближе к горизонту, блистали, как бриллианты. Было за полночь. Казалось, вся природа погрузилась в дремотное состояние. Ничего нет прекраснее беспредельного широкого моря, залитого лунным светом, и глубокого неба, полного тихих сияющих звезд. Темная вода, громады утесов на берегу и молчаливый лес в горах так гармонировали друг с другом и создавали картину, полную величественной красоты.

Около огня сидел Дерсу. С первого же взгляда я понял, что он еще не ложился спать. Он обрадовался, что я проснулся, и стал греть чай. Я заметил, что старик волнуется, усиленно ухаживает за мной и всячески старается, чтобы я опять не заснул. Я уступил ему и сказал, что спать мне более не хочется. Дерсу подбросил дров в костер, и, когда огонь разгорелся, встал с своего места и начал говорить торжественным тоном:

— Капитан! Теперь моя буду говори. Тебе надо хорошо слушай.

Он начал с того, как он жил раньше, как стал одинок и как добывал себе пропитание охотой. Ружье всегда его выручало. Он продавал панты и взамен их приобретал необходимые патроны, табак и материал для одежды. Он никогда не думал о том, что глаза могут ему изменить и купить их нельзя будет уже ни за какие деньги. Вот уже с полгода, как он стал ощущать ослабление зрения, думал, что это пройдет, но сегодня убедился, что охоте его пришел конец. Это его напугало. Потом он вспомнил мои слова, что у меня он всегда найдет приют и кусок хлеба.

— Спасибо, капитан, — сказал он. — Шибко спасибо!

И вдруг он опустился на колени и поклонился в землю. Я бросился поднимать его и стал говорить, что, наоборот, я обязан ему жизнью и если он будет жить со мною, то этим только доставит мне удовольствие. Чтобы отвлечь его от грустных мыслей, я предложил ему заняться чаепитием.

— Погоди, капитан, — сказал Дерсу. — Моя еще говорить кончай нету.

После этого он продолжал рассказывать про свою жизнь. Он говорил о том, что, будучи еще молодым, от одного старика китайца научился искать женьшень и изучил его приметы. Он никогда не продавал корней, а в живом виде переносил их в верховья рек Лефу и там сажал в землю. Последний раз на плантации женьшеня он был лет пятнадцать тому назад. Корни все росли хорошо: всего там было двадцать два растения. Не знает он теперь, сохранились они или нет, — вероятно сохранились, потому что посажены были в глухом месте и поблизости следов человеческих не замечалось.

— Это все тебе! — закончил он свою длинную речь.

Меня это поразило; я стал уговаривать продать корни, а деньги взять себе, но Дерсу настаивал на своем.

— Моя не надо, — говорил он. — Мне маленько осталось жить. Скоро помирай. Моя шибко хочу панцуй[28]* тебе подарить.

В глазах его было такое просительное выражение, что я не мог противиться. Отказ мой обидел бы его. Я согласился, но взял с него слово, что по окончании экспедиции он поедет со мной в Хабаровск.

Дерсу согласился тоже.

Мы порешили весной отправиться на реку Лефу на поиски дорогих корней.

Посеребренная луна склонилась к западу. С восточной стороны на небе появились новые созвездия. Находящаяся в воздухе влага опустилась на землю и тонким серебристым инеем покрыла все предметы. Это были верные признаки приближения рассвета.

Дерсу еще раз подбросил дров в огонь. Яркое трепещущее пламя взвилось кверху и красноватым заревом осветило кусты и прибрежные утесы — эти безмолвные свидетели нашего договора и обязательств по отношению друг к другу.

Но вот на востоке появилась розовая полоска: занималась заря. Звезды быстро начали меркнуть; волшебная картина ночи пропала, и в потемневшем серо-синем воздухе разлился неясный свет утра. Красные угли костра потускнели и покрылись золой; головешки дымились, — казалось, огонь уходил внутрь их.

— Давай-ка соснем немного, — предложил я своему спутнику.

---

* Слово "панцуй" произошло от искажения китайского выражения "ван суй", означающего "Десять тысяч лет жизни!".

Он встал и поправил палатку, затем мы оба легли и, прикрывшись одним одеялом, уснули как убитые.

Когда мы проснулись, солнце стояло уже высоко. Утро было морозное, ясное. Вода в озерках покрылась блестящим тонким слоем льда, и только полыньи казались темными пятнами.

На скорую руку мы закусили холодным мясом, напились чаю и, собрав котомки, пошли назад, к реке Нахтоху.

Там мы застали всех в сборе. Аринин убил сивуча, а Захаров — нерпу. Таким образом у нас получился значительный запас кожи и вдоволь мяса.

С 12 по 16 ноября мы простояли на месте. За это время стрелки ходили за брусникой и собирали кедровые орехи. Дерсу выменял у удэгейцев обе сырые кожи на одну сохатиную выделанную. Туземных женщин он заставил накроить унты, а шили их мы сами, каждый по своей ноге.

Семнадцатого утром мы распрощались с рекой Нахтоху и тронулись в обратный путь, к староверам. Уходя, я еще раз посмотрел на море с надеждой, не покажется ли где-нибудь лодка Хей Ба-тоу. На море было пустынно. Ветер дул с материка, и потому у берега было тихо, но вдали ходили большие волны. Я махнул рукой и подал сигнал к выступлению. Тоскливо было возвращаться назад, но больше ничего не оставалось делать. Обратный путь наш прошел без всяких приключений.

Глава девятнадцатая

Возвращение Хей Ба-тоу

Сильный ветер. — Приключения Хей Ба-тоу. — Снаряжение в зимний путь. — Устройство нарт. — Рыбная ловля. — Привычка удэгейцев к холоду. — Седжи. — Зимний поход. — Накануне выступления. — Нартовый обоз. — Река Кусун с притоками. — Тигровая скала. — Горные породы. — Выгоревшие леса. — Зимняя скала. — Лесные птицы. — Удэгеец Сунцай

В геологическом отношении эта часть побережья малоинтересна. Между Унтугу и рекой Кузнецова горные породы располагаются в следующем порядке: около ручья Унтугу-Сагды с правой стороны виднеются выходы конгломератов из мелкой скатанной гальки, имеющие протяжение от NO—SW 51°, с углом падения в 18°; далее у мыса Хорлодуони, — красные метаморфизованные лавы;

еще южнее, около реки Каньчжу, — цветные чередующиеся слои базальтового туфа мощностью около 120—130 метров и еще дальше — какая-то изверженная зеленокаменная порода со шлирами. Около ключика Куа — высокие береговые террасы с массивным основанием из какой-то темной горной породы с неправильной трещиноватостью и наконец близ утеса Хадие — та же неизвестная порода, но с плитняковой вертикальной отдельностью.

Двадцать второго ноября мы достигли реки Тахобе, а 23-го утром пришли на Кусун.

Еще со вчерашнего дня погода начала хмуриться. Барометр стоял на 756 при —10°. Небо было покрыто тучами. Около десяти часов утра пошел небольшой снег, продолжавшийся до полудня.

После короткого отдыха у туземцев на Кусуне я хотел было идти дальше, но они посоветовали мне остаться у них еще на день. Удэгейцы говорили, что после долгого затишья и морочной погоды надо непременно ждать очень сильного ветра. Местные китайцы тоже были встревожены. Они часто посматривали на запад. Я спросил, в чем дело. Они указали на хребет Кямо, покрытый снегом.

Тут только я заметил, что гребень хребта, видимый дотоле отчетливо и ясно, теперь имел контуры неопределенные, расплывчатые, горы точно дымились. По их словам, ветер от хребта Кямо до моря доходит через два часа.

Китайцы привязывали крыши фанз к ближайшим пням и деревьям, а зароды с хлебом прикрывали сетями, сплетенными из травы. Действительно, часов около двух пополудни начал дуть ветер, сначала тихий и ровный, а затем все усиливающийся. Вместе с ветром шла какая-то мгла. Это были снег, пыль и сухая листва, поднятая с земли вихрем. К вечеру ветер достиг наивысшего напряжения. Я вышел с анемометром, чтобы смерить его силу, но порывом его сломало колесо прибора, а самого меня едва не опрокинуло на землю. Мельком я видел, как по воздуху летела доска и кусок древесной коры, сорванные с какой-то крыши. Около фанзы стояла двухколесная китайская арба. Ветром ее перекатило через весь двор и прижало к забору. Один стог с сеном был плохо увязан, и в несколько минут от него не осталось и следа.

К утру ветер начал стихать. Сильные порывы сменялись периодами затишья. Когда рассвело, я не узнал места: одна фанза была разрушена до основания, у другой выдавило стену; много деревьев, вывороченных с корнями, лежало на земле. С восходом солнца ветер упал до

штиля; через полчаса он снова начал дуть, но уже с южной стороны.

Надо было идти дальше, но как-то не хотелось: спутники мои устали, а китайцы были так гостеприимны. Я решил продневать у них еще одни сутки — и хорошо сделал. Вечером в этот день с моря прибежал молодой удэгеец и сообщил радостную весть: Хей Ба-тоу с лодкой возвратился назад, и все имущество наше цело. Мои спутники кричали «ура» и радостно пожимали друг другу руки. И действительно, было чему радоваться, я сам был готов пуститься в пляс.

На другой день, чуть свет, мы все были на берегу. Хей Ба-тоу радовался не меньше нас. Стрелки теснились к нему и засыпали вопросами. Оказалось, что сильный ветер подхватил его около реки Каньчжоу и отнес к острову Сахалину. Хей Ба-тоу не растерялся и всячески старался держаться ближе к берегу, зная, что иначе его отнесет в Японию. С острова Сахалин он перебрался в Императорскую гавань и уже оттуда спустился на юг вдоль берега моря. На реке Нахтоху он узнал от удэгейцев, что мы пошли на Амагу, тогда и он отправился за нами вдогонку. Вчерашнюю бурю он переждал на реке Холонку и затем в один день дошел до Кусуна.

Тотчас у меня в голове созрел новый план: я решил подняться по реке Кусуну до Сихотэ-Алиня и выйти на Бикин. Продовольствие, инструменты, теплая одежда, обувь, снаряжение и патроны — все это было теперь с нами.

Хей Ба-тоу тоже решил зазимовать на Кусуне. Плавание по морю стало затруднительным: у берегов появилось много плавающего льда, устья рек замерзали.

Не мешкая, стрелки стали разгружать лодку. Когда с нее были сняты мачты, руль и паруса, они вытащили ее на берег и поставили на деревянные катки, подперев с обеих сторон кольями.

На другой день мы принялись за устройство шести нарт. Три мы достали у удэгейцев, а три приходилось сделать самим. Захаров и Аринин умели плотничать. В помощь им были приставлены еще два удэгейца. На Дерсу было возложено общее руководство работами. Всякие замечания его были всегда кстати, стрелки привыкли, не спорили с ним и не приступали к работе до тех пор, пока не получали его одобрения.

На эту работу ушло десять суток. Временами мои спутники ходили на охоту, иногда удачно, но часто возвращались ни с чем. С кусунскими удэгейцами мы подру-

жились и всех наперечет знали в лицо и по именам.

Двадцать пятого ноября я, Дерсу и Аринин вместе с туземцами отправились на рыбную ловлю к устью Кусуна. Удэгейцы захватили с собой тростниковые факелы и тяжелые деревянные колотушки.

Между протоками, на одном из островов, заросших осиной, ольхой и тальниками, мы нашли какие-то странные постройки, крытые травою. Я сразу узнал работу японцев. Это были хищнические рыбалки, совершенно незаметные как с суши, так и со стороны моря. Один из таких шалашей мы использовали для себя.

Вода в заводи хорошо замерзла. Лед был гладкий как зеркало, чистый и прозрачный; сквозь него хорошо были видны мели, глубокие места, водоросли, камни и утонувший плавник. Удэгейцы сделали несколько прорубей и спустили в них двойную сеть. Когда стемнело, они зажгли тростниковые факелы и затем побежали по направлению к прорубям, время от времени с силою бросая на лед колотушки. Испуганная светом и шумом, рыба, как шальная, бросалась вперед и путалась в сетях. Улов был удачный. За один раз они поймали одного морского тайменя, трех морских мальм, четырех кунж и одиннадцать красноперок. Потом удэгейцы снова опустили сети в проруби и погнали рыбу с другой стороны, потом перешли на озеро, оттуда в протоку, на реку и опять в заводь.

Часов в десять вечера мы окончили ловлю. Часть туземцев пошла домой, остальные остались ночевать на рыбалке. Среди последних был удэгеец Логада, знакомый мне еще с прошлого года. Ночь была морозная и ветреная. Даже у огня холод давал себя чувствовать. Около полуночи я спохватился Логада и спросил, где он. Один из его товарищей ответил, что Логада спит снаружи. Я оделся и вышел из балагана. Было темно, холодным ветром, как ножом, резало лицо.

Я походил немного по реке и возвратился назад, сказал, что нигде костра не видел. Удэгейцы ответили мне, что Логада спит без огня.

— Как без огня? — спросил я с изумлением.

— Так, — ответили они равнодушно.

Опасаясь, чтобы с Логада что-нибудь не случилось, я зажег свой маленький фонарик и снова пошел его искать. Два удэгейца вызвались меня провожать. На берегу, шагах в пятидесяти от балагана, мы нашли Логада спящим на охапке сухой травы.

 Одет он был в куртку и в штаны из выделанной изю-

бровой кожи и сохатиные унты, на голове имел белый капюшон и маленькую шапочку с соболиным хвостиком. Волосы на голове у него заиндевели, спина тоже покрылась белым налетом. Я стал усиленно трясти его за плечо. Он поднялся и стал руками снимать с ресниц иней. Из того, что он не дрожал и не подергивал плечами, было ясно, что он не озяб.

— Тебе не холодно? — спросил я его удивленно.

— Нет, — отвечал он и тотчас спросил: — Что случилось?

Удэгейцы сказали ему, что я беспокоился о нем и долго искал в темноте. Логада ответил, что в балагане людно и тесно и потому он решил спать снаружи. Затем он поплотнее завернулся в свою куртку, лег на траву и снова уснул. Я вернулся назад в балаган и рассказал Дерсу о случившемся.

— Ничего, капитан, — отвечал мне гольд. — Эти люди холода не боятся. Его постоянно сопки живи, соболя гоняй. Где застанет ночь, там и спи. Его постоянно спину на месяце греет.

Когда рассвело, удэгейцы опять пошли ловить рыбу. Теперь они применили другой способ. Над прорубью была поставлена небольшая кожаная палатка, со всех сторон закрытая от света. Солнечные лучи проникали под лед и освещали дно реки. Ясно, отчетливо были видны галька, ракушки, песок и водоросли. Спущенная в воду острога немного не доставала дна. Таких палаток было поставлено четыре, вплотную друг к другу. В каждой палатке село по одному человеку; все другие пошли в разные стороны и стали тихонько гнать рыбу. Когда она подходила близко к проруби, охотники кололи ее острогами. Охота эта была еще добычливее, чем предыдущая. За ночь и за день удэгейцы поймали 22 тайменя, 136 кунж, 240 морских форелей и очень много красноперки.

На возвратном пути от моря к фанзам моя собака выгнала каких-то четырех птиц. Они держались преимущественно на песке и по окраске так подходили к окружающей обстановке, что их совершенно нельзя было заметить даже на близком расстоянии; вторично я увидел птиц только тогда, когда они поднялись в воздух. Я стрелял и убил одну из них. Это оказалась саджа, вероятно случайно занесенная сюда ветром из Восточной Монголии. В Уссурийском крае птица эта появилась впервые. Когда я показал ее туземцам, они стали шумно высказывать свое удивление и говорили, что никогда такой

птицы не видели. Они сейчас же окрестили ее по-своему: «мафа» (медведь). Такое название они дали потому, что ноги ее напоминали ступню медведя. Вскоре я убедился, что виденные мною птицы не были единственными. По дороге мы встретили их еще несколько стаек. Впоследствии я узнал, что в конце ноября того же года садж видели около залива Ольги и около реки Самарги. Птицы эти продержались с неделю, затем исчезли так же неожиданно, как и появились.

Пока делались нарты и лыжи, я экскурсировал по окрестностям, но большую часть времени проводил дома. Надо было все проверить, предусмотреть. Из личного опыта я знал, что нельзя игнорировать многовековой опыт туземцев. Впоследствии я имел много случаев благодарить удэгейцев за то, что слушался их советов и делал так, как они говорили.

Второго декабря стрелки закончили все работы. Для окончательных сборов им дан был еще один день. На Бикин до первого китайского поселка с нами решил идти старик маньчжур Чи Ши-у. 4-го числа после полудня мы занялись укладкой грузов на нарты. Наутро оставалось собрать только свои постели.

Вечером удэгейцы камланили[29]. Они просили духов дать нам хорошую дорогу и счастливую охоту в пути. В фанзу набралось много народу. Китайцы опять принесли ханшин и сласти. Вино подействовало на удэгейцев возбуждающим образом. Всю ночь они плясали около огней и под звуки бубнов пели песни. Перед рассветом я ушел в самую дальнюю китайскую фанзу и там немного соснул.

Утро 4 декабря было морозное: —19° С. Барометр стоял на высоте 756 миллиметров. Легкий ветерок тянул с запада. Небо было безоблачное, глубокое и голубое. В горах белел снег.

Первое выступление в поход всегда бывает с опозданием. Обыкновенно задержка происходит у провожатых: то у них обувь не готова, то они еще не поели, то на дорогу нет табаку и т.д. Только к одиннадцати часам утра, после бесконечных понуканий, нам удалось-таки наконец тронуться в путь. Китайцы вышли провожать нас с флагами, трещотками и ракетами.

За последние четыре дня река хорошо замерзла. Лед был ровный, гладкий и блестел, как зеркало. Вследствие образования донного льда и во время рекостава вода в реке поднялась выше своего уровня и заполнила все протоки.
 Это позволяло нам сокращать путь и идти напрямик,

минуя извилины реки и такие места, где лед стал торосом.

Наш обоз состоял из восьми нарт*. В каждой нарте было по 30 килограммов полезного груза. Ездовых собак мы не имели, потому что у меня не было денег, да и едва ли на Кусуне нашлось бы их столько, сколько надо. Поэтому нарты нам пришлось тащить самим.

Туземский способ перевозки грузов зимою заключается в следующем. К передней части нарты привязывается веревка или ремень, которые оканчиваются лямкой, надеваемой через плечо. Сбоку, к ближайшей стойке, у полоза, прикрепляется длинная жердь, называемая правилом. Человек держит правило правой рукой, направляет нарту и поддерживает ее при крутых поворотах.

Погода нам благоприятствовала. Нарты бежали по льду легко. Люди шли весело, шутили и смеялись.

Между реками Че и Цзава, посреди реки Кусуна, высится одинокая скала, которую туземцы называют Чжеле-Кадани. Старик Люрл рассказывал мне, что однажды он с другими охотниками долгое время стоял биваком около этой скалы. Один из удэгейцев заметил на вершине ее тигра. Он лежал на боку без движения. Удэгейцы простояли здесь несколько суток. За это время два раза шел снег. Он совершенно закрыл зверя. Вдруг, к удивлению их, на утро шестого дня зверь поднялся, встряхнулся и стал спускаться к реке. Тогда они поняли, что тигр был мертвым только на время (по мнению туземцев, он может всегда делать это по своему желанию). Душа его (ханя) оставила тело и странствовала где-то далеко, потом вернулась назад, и тигр ожил снова. Удэгейцы испугались и убежали. С этой поры скала Чжеле-Кадани стала запретной. Другим таинственным местом в нижнем течении, с левой стороны Кусуна, будет скала, похожая на человеческое лицо. Удэгейцы называют ее Када-Дэлин, то есть Каменная голова.

По наблюдениям туземцев, лососевые рыбы идут по реке Кусуна не одинаково: кета идет до реки Сололи, горбуша до Бягаму, и, как всегда, дальше всех забирается мальма. Особенно много ее бывает на реке Агдыне.

С реки Кусуна видны ближайшие отроги Сихотэ-Алиня. В истоках Ионя 1-я, Ионя 2-я, Ионя 3-я и Олосо находятся высокие горы Ионя-Кямони; их хорошо видно с моря. По словам удэгейцев, в котловине между тремя их вершинами есть озеро с пресной водой.

---

* Две нарты принадлежали сопровождавшим нас туземцам. *(Прим. авт.)*

Породы, из которых слагаются ближайшие горы, в последовательном порядке от моря вверх по течению реки располагаются так: сначала базальты, потом андезиты и порфириты, затем какая-то темная лава с пустотами, выполненными ярко-зелеными конкрециями; далее следует мелкозернистый базальт и около реки Буй — авгитовый андезит. Выше реки Буй километров на десять есть каменный уголь. Лет тридцать тому назад, во время пала, он загорелся и с той поры все время тлеет под землею. Другие выходы каменного угля на земную поверхность находятся по ключику Необе, с левой стороны Кусуна, в 25 километрах от моря.

Еще недавно вся долина Кусуна была покрыта густыми смешанными лесами. Два больших пожара, следовавших один за другим, уничтожили их совершенно. Теперь Кусунская долина представляет собою сплошную гарь. Особенно сильно выгорели леса на реках Буй, Холосу, Фу, Бягаму, Сололи и Цзава 3-я. Живой лес сохранился еще только по рекам Одо, Агдыне и Сидэкси (она же Сиденгей).

Из животных в долине Кусуна обитают изюбр, дикая коза, кабарга, куница, хорек, соболь, росомаха, красный волк, лисица, бурый медведь, рысь и тигр. Последнего чаще видят на реках Сиденгей 2-я и Оддэге.

В этот день мы прошли мало и рано стали биваком. На первом биваке места в палатке мы заняли случайно, кто куда попал. Я, Дерсу и маньчжур Чи Ши-у разместились по одну сторону огня, а стрелки — по другую. Этот порядок соблюдался уже всю дорогу.

Зимою, в особенности во время сильных ветров, надо умело ставить двускатную палатку. Остов ее складывается из тальниковых жердей, всегда растущих около реки в изобилии, и со всех сторон обтягивается полотнищами; вверху оставляется отверстие для выхода дыма. Для того чтобы в палатке была тяга, надо немного приподнять одно из полотнищ (обыкновенно это делается со стороны входа). Но зато внутрь палатки вместе с чистым воздухом входит и холод. В этом случае опять-таки нам помог находчивый Дерсу. Он принес дуплистое дерево и положил его на землю так, что один конец его пришелся около костра, а другой остался снаружи. Это дуплистое дерево было отличным поддувалом. Сразу установилась тяга, и воздух в палатке очистился.

На постели стрелки нарезали ельника и сверху при-
546/ крыли его сухой травою.

Ночью все спали очень хорошо.

На другой день, 5 декабря, я проснулся раньше всех, оделся и вышел из палатки. Предрассветные сумерки оттесняли ночную тьму на запад. Занималась заря. Мороз звонко пощелкивал по лесу; термометр показывал —20° С. От полыней на реке подымался пар. Деревья, растущие вблизи их, убрались инеем и стали похожими на белые кораллы. Около проруби играли две выдры. Они двигались как-то странно, извиваясь, как змеи, и издавали звуки, похожие на свист и хихиканье. Иногда одна из них подымалась на задние ноги и озиралась по сторонам. Я наблюдал за выдрами из кустов, но все же они учуяли меня и нырнули в воду.

На обратном пути я занялся охотой на рябчиков и подошел к биваку с другой стороны. Дым от костра, смешанный с паром, густыми клубами валил из палатки. Там шевелились люди: вероятно, их разбудили мои выстрелы.

Напившись чаю и обувшись потеплее, стрелки весьма быстро сняли палатку и увязали нарты. Через какие-нибудь полчаса мы были уже в дороге. Солнце взошло в туманной мгле и багровое.

По тем островкам живого леса, которые в виде оазисов сохранились по сторонам реки, можно было судить о том, какая в этих местах была растительность. Здесь в изобилии росли кедр и тополь, там и сям виднелись буро-серые ветви кустарникового клена с сухими розоватыми плодами, а рядом с ним — амурская сирень, которую теперь можно было узнать только по пучкам засохших плодов на вершинах голых ветвей с темно-серою корою. Ближе удалось рассмотреть куст жасмина и амурский барбарис с сохранившимися замерзшими плодами.

К зиме в Уссурийском крае количество пернатых сильно сократилось. Чаще всего встречались клесты — пестрые миловидные птички с клювами, половинки которых заходят друг на друга. Они собирались в маленькие стайки, причем красного цвета самцы держались особняком от желто-серых самок. Клесты часто спускались вниз, что-то клевали на земле и подпускали к себе так близко, что можно было в деталях рассмотреть их оперение. Даже будучи вспугнуты, они не отлетали далеко, а садились тут же, где-нибудь поблизости. Затем, в порядке уменьшения особей, следует указать на поползней. Я узнал их по окраске и по голосу, похожему на тихий писк. В одном месте я заметил двух японских корольков — маленьких птичек, прятавшихся от ветра в еловых ветвях. Там и сям

мелькали пестрые дятлы с белым и черным оперением с красным надхвостьем. Для этих задорных и крикливых птиц, казалось, не страшны были холод и ветер. Рыжие сойки, крикливые летом и молчаливые зимой, тоже забились в самую чащу леса. Увидя нас, они принимались пронзительно кричать, извещая своих товарок о грозящей опасности. Попадались также большеклювые вороны и какие-то дневные хищники, которых за дальностью расстояния рассмотреть не удалось. По проталинам, на притоках реки, раза два мы спугнули белых крохалей. Они держались парами, вероятно, самцы и самки. Сабитов убил одного крохаля из винтовки. Пуля разорвала его на части, и я очень сожалел, что с птицы нельзя было снять шкурку для определения. Часа в четыре мы дошли до ключика Олосо. Отсюда начались гари.

Дальше в этот день мы не пошли; выбрав небольшой островок, мы залезли в самую чащу и там уютно устроились на бивак.

Вечером стрелки рассказывали друг другу разные страхи, говорили о привидениях, домовых, с кем что случалось и кто что видел.

Странное дело: стрелки верили в существование своих чертей, но в то же время с недоверием и с насмешками относились к чертям туземцев. То же самое и в отношении религии: я неоднократно замечал, что удэгейцы к чужой религии относятся гораздо терпимее, чем европейцы. У первых невнимание к чужой религии никогда не заходит дальше равнодушия. Это можно было наблюдать и у Дерсу. Когда стрелки рассказывали разные диковинки, он слушал, спокойно курил трубку, и на лице его нельзя было заметить ни улыбки, ни веры, ни сомнения.

Утром 6 декабря мы встали до света. Термометр показывал —21°С. С восходом солнца ночной ветер начал стихать, и от этого как будто стало теплее.

Раньше, когда долина Кусуна была покрыта лесом, здесь водилось много соболей. Теперь это пустыня. На горах выросли осинники и березняки, а места поемных лесов заняли тонкоствольные тальники, ольшаники и молодая лиственница.

В этот день мы дошли до устья реки Буй, которую китайцы называют Уленгоу[30]. Тут мы должны были расстаться с Кусуном и повернуть к Сихотэ-Алиню.

Около устья Уленгоу жил удэгеец Сунцай. Это был типичный представитель своего народа. Он унаследовал от отца шаманство. Жилище его было обставлено множеством

бурханов. Кроме того, он славился как хороший охотник и ловкий, энергичный и сильный плаватель на лодках по быстринам реки. На мое предложение проводить нас до Сихотэ-Алиня Сунцай охотно согласился, но при условии, если я у него простою один день. Он говорил, что ему нужно отправить своего брата на охоту, вылечить больную старуху мать и снарядиться самому в далекий путь.

Этой женщине было лет шестьдесят. Она являлась хранительницей древних традиций, обычаев и обрядов, знала много сказаний, знала, в каких случаях какой налагается штраф (байта), и считалась авторитетной в решении спорных вопросов о калыме при заключении или расторжении браков.

Я согласился пробыть в доме Сунцая весь следующий день и не раскаялся. Сам хозяин и его мать оказались довольно общительными, и потому мне удалось узнать много интересного о шаманстве и записать несколько сказок. Вечером он угостил нас строганиной. На стол была подана целая замороженная рыба. Это оказался ленок (по размерам немного уступающий молодой горбуше). Мы оказали ему должную честь.

Глава двадцатая

Через Сихотэ-Алинь

Река Уленгоу. — Гарь. — Наледи. — Труп китайца. — Западный склон Сихотэ-Алиня. — Дикушка. — Чертова юрта. — Реки Мыге и Бягаму. — Метель. — Бикин в верхнем течении. — Брошенная юрта. — Изгнание черта. — Страхи. — Ночные звуки

Следующие четыре дня (с 9 по 12 декабря) мы употребили на переход по реке Уленгоу*. Река эта берет начало с хребта Сихотэ-Алинь и течет сначала к юго-востоку, потом к югу, километров тридцать опять на юго-восток и последние пять километров — снова на юг. В средней своей части Уленгоу разбивается на множество мелких ручьев, теряющихся в лесу среди камней и бурелома. Вследствие из года в год не прекращающихся пожаров лес на горах совершенно уничтожен. Он сохранился только по обоим берегам реки и на островах между протоками.

Глядя на замерзшие протоки, можно подумать, что

---

* Река Уленгоу (Буй, Улунга, Лосевка) длиной 25 км.

Уленгоу и летом богата водою. На самом деле это не так. Сбегающая с гор вода быстро скатывается вниз, не оставляя позади себя особенно заметных следов. Зимой же совсем другое дело. Вода заполняет ямы, рытвины, протоки и замерзает. Поверх льда появляются новые наледи, которые все увеличиваются и разрастаются вширь, что в значительной степени облегчало наше продвижение. На больших реках буреломный лес уносится водою, в малых же речках он остается лежать там, где упал. Зная это, мы захватили с собою несколько топоров и две поперечные пилы. При помощи их стрелки быстро разбирали завалы и прокладывали дорогу.

После 1 декабря сильные северо-западные ветры стали стихать. Иногда выпадали совершенно тихие дни. Показания анемометра колебались теперь в пределах от 60 до 75, но вместе с тем стали увеличиваться морозы.

Чем ближе мы подвигались к перевалу, тем больше становилось наледей. Такие места видны издали по поднимающимся от них испарениям. Чтобы обойти наледи, надо взбираться на косогоры. На это приходится тратить много сил и времени. Особенно надо остерегаться, чтобы не промочить ног.

В этих случаях незаменимой является туземная обувь из рыбьей кожи, сшитая жильными нитками.

Здесь случилось маленькое происшествие, которое задержало нас почти на целый день. Ночью мы не заметили, как вода подошла к биваку. Одна нарта вмерзла в лед, пришлось ее вырубать топорами, потом оттаивать полозья на огне и исправлять поломки. Наученные опытом, дальше на биваках мы уже не оставляли нарты на льду, а ставили их на деревянные катки.

С каждым днем идти становилось все труднее и труднее. Мы часто попадали то в густой лес, то в каменистые россыпи, заваленные буреломом. Впереди с топором в руках шли Дерсу и Сунцай. Они рубили кусты и мелкие деревья там, где они мешали проходу нарт, или клали их около рытвин и косогоров в таких местах, где нарты могли опрокинуться. Чем дальше мы углублялись в горы, тем снега было больше. Всюду, куда ни глянешь, чернели лишенные коры и ветвей обгоревшие стволы деревьев. Весьма печальный вид имеют эти гари. Нигде ни единого следа, ни одной птицы...

Я, Сунцай и Дерсу шли впереди; стрелки подвигались медленно. Сзади слышались их голоса. В одном месте я
 остановился для того, чтобы осмотреть горные породы,

выступающие из-под снега. Через несколько минут, догоняя своих приятелей, я увидел, что они идут нагнувшись и что-то внимательно рассматривают у себя под ногами.

— Что такое? — спросил я Сунцая.

— Один китайский люди три дня назад ходи, — отвечал Дерсу. — Наша след его найди.

Действительно, кое-где чуть-чуть виднелся человеческий след, совсем почти запорошенный снегом. Дерсу и Сунцай заметили еще одно обстоятельство: они заметили, что след шел неровно, зигзагами, что китаец часто садился на землю и два бивака его были совсем близко один от другого.

— Больной, — решили они.

Следы все время шли по реке. По ним видно было, что китаец уже не пытался перелезть через бурелом, а обходил его стороною.

Так прошли мы еще с полчаса. Но вот следы круто повернули в сторону. Мы направились по ним. Вдруг с соседнего дерева слетели две вороны.

— А-а! — сказал, остановившись, Дерсу. — Люди помирай есть.

Действительно, шагах в пятидесяти от речки мы увидели китайца. Он сидел на земле, прислонившись к дереву, локоть правой руки его покоился на камне, а голова склонилась на левую сторону. На правом плече сидела ворона. При нашем появлении она испуганно снялась с покойника.

Глаза умершего были открыты и запорошены снегом. Из осмотра места вокруг усопшего мои спутники выяснили, что когда китаец почувствовал себя дурно, то решил стать на бивак, снял котомку и хотел было ставить палатку, но силы оставили его; он сел под дерево и так скончался. Маньчжур Чи Ши-у, Сунцай и Дерсу остались хоронить китайца, а мы пошли дальше.

Целый день мы работали не покладая рук, даже не останавливались на обед, и все же прошли не больше 10 километров. Бурелом, наледи, кочковатые болота, провалы между камней, занесенные снегом, создавали такие препятствия, что за восемь часов пути нам удалось сделать только 4 $^{1}/_{2}$ километра, что составляет в среднем 560 метров в час.

К вечеру мы подошли к гребню Сихотэ-Алиня. Барометр показывал 700 метров.

Следующий день был 14 декабря. Утро было тихое и морозное. Солнце взошло красное и долго не давало теп-

ла. На вершинах гор снег окрасился в нежно-розовый цвет, а в теневых местах имел синеватый оттенок. Осматривая окрестности, я заметил в стороне клубы пара, подымавшегося с земли. Я кликнул Дерсу и Сунцая и отправился туда узнать, в чем дело. Это оказался железисто-сернисто-водородный теплый ключ. Окружающая его природа красного цвета; накипь белая, известковая; температура воды +27° С. Туземцам хорошо известен теплый ключ на Уленгоу как место, где всегда держатся лоси, но от русских они его тщательно скрывают.

От горячих испарений, кроме источника, все заиндевело; камни, кусты лозняка и лежащий на земле валежник покрылись причудливыми узорами, блиставшими на солнце, словно алмазы. К сожалению, из-за холода я не мог взять с собой воды для химического анализа.

Пока мы ходили к теплому источнику, стрелки успели снять палатку и связать спальные мешки.

Сразу же с бивака начался подъем на Сихотэ-Алинь. Сначала мы перенесли на вершину все грузы, а затем втащили пустые нарты.

На самом перевале стояла маленькая китайская кумирня со следующей надписью: «Си-жи Циго вей-да-суай. Цзинь цзай да цинь чжей шай линь». («В древности в государстве Ци был главнокомандующим. Теперь при Да-циньской династии охраняет леса и горы».)

В проекции положение этой части Сихотэ-Алиня представляется ломаной линией. Она идет сначала на северо-восток, потом делает изгиб к востоку и затем опять на северо-северо-восток. Здесь Сихотэ-Алинь представляет собою как бы сбросовый выступ (горст). Впоследствии во многих местах произошли повторные обвалы, позади оползшей земли скопилась вода и образовались водоемы. С восточной стороны подъем на Сихотэ-Алинь очень крутой. Истоки реки Буй (Уленгоу) представляют собою несколько мелких ручьев, сливающихся в одно место. Эти овраги делают местность чрезвычайно пересеченной. По барометрическим измерениям, приведенным к уровню моря, абсолютная высота перевала измеряется в 860 метров. Я назвал его именем Маака, работавшего в 1855 году в Амурском крае*. Две высоты по сторонам перевала имеют туземные названия: правая — Атаксеони, высотой в 1120, и левая — Адахуналянгзянь, высотою в 1000 мет-

* К востоку от перевала именем Маака названы гора (1058 м над уровнем моря) и ручей, впадающий слева в р. Сухая Соболевка (из бассейна р. Соболевка).

ров. Мои спутники окрестили их Горелым конусом и горой Гребенчатой.

Восточный склон Сихотэ-Алиня совершенно голый. Трудно представить себе местность более неприветливую, чем истоки реки Уленгоу. Даже не верится, чтобы здесь был когда-нибудь живой лес. Немногие деревья остались стоять на своих корнях. Сунцай говорил, что раньше здесь держалось много лосей, отчего и река получила название Буй, что значит «сохатый»; но с тех пор как выгорели леса, все звери ушли, и вся долина Уленгоу превратилась в пустыню.

Солнце прошло по небу уже большую часть своего пути, когда стрелки втащили на перевал последнюю нарту.

Весь день стояла хорошая, ясная и солнечная погода. Термометр показывал —17,5° С. Барометр стоял на 685. Легкий ветер гнал с востока небольшие кучевые облака. Издали они казались идущими высоко по небу, но по мере приближения к Сихотэ-Алиню как будто опускались к земле. Над водоразделом облака проходили совсем низко и принимали какой-то серовато-желтый оттенок. Каждое облачко разряжалось тончайшею искрящейся снежною пылью. Тогда вокруг солнца появлялись радужные венцы, но, как только облако проходило мимо, световое явление исчезало.

Западный склон Сихотэ-Алиня пологий, но круче, чем в истоках Арму. За перевалом сразу начинается лес, состоящий из ели, пихты и лиственницы. По берегам речек растет береза с желтою мохнатою корою, горный клен и в особенности много ольхи.

Обилие мхов и влаги не позволило пожарам распространиться дальше водораздела, хотя и с этой стороны кое-где выделялись выгоревшие плешины; в бинокль ясно было видно, что это не осыпи, а места пожарищ.

Увязав нарты, мы тотчас тронулись в путь.

Лес, покрывающий Сихотэ-Алинь, мелкий, старый, дровяного характера. Выбор места для бивака в таком лесу всегда доставляет много затруднений: попадешь или на камни, опутанные корнями деревьев, или на валежник, скрытый под мхом. Еще больше забот бывает с дровами.

Для горожанина покажется странным, как можно идти по лесу и не найти дров. А между тем это так. Ель, пихта и лиственница бросают искры; от них горят палатки, одежда и одеяла. Ольха — дерево мозглое, содержит много воды и дает больше дыма, чем огня. Остается только ка-

менная береза. Но среди хвойного леса на Сихотэ-Алине она попадается одиночными экземплярами. Сунцай, знавший хорошо эти места, скоро нашел все, что нужно было для бивака. Тогда я подал сигнал к остановке.

Стрелки стали ставить палатки, а я с Дерсу пошел на охоту в надежде, не удастся ли где-нибудь подстрелить сохатого.

Недалеко от бивака я увидел трех рябчиков. Они ходили по снегу и мало обращали на нас внимания. Я хотел было стрелять, но Дерсу остановил меня.

— Не надо, не надо, — сказал он торопливо. — Их можно так бери.

Меня удивило то, что он подходил к птицам без опаски, но я еще более удивился, когда увидел, что птицы не боялись его и, словно домашние куры, тихонько, не торопясь, отходили в сторону. Наконец мы подошли к ним метра на четыре. Тогда Дерсу взял нож и, нимало не обращая на них внимания, начал рубить молоденькую елочку, потом очистил ее от сучков и к концу привязал веревочную петлю. Затем он подошел к птицам и надел петлю на шею одной из них. Пойманная птица забилась и стала махать крыльями. Тогда две другие птицы, соображая, что надо лететь, поднялись с земли и сели на растущую вблизи лиственницу: одна на нижнюю ветку, другая у самой вершины. Полагая, что птицы теперь сильно напуганы, я хотел было стрелять, но Дерсу опять остановил меня, сказав, что на дереве их ловить еще удобнее, чем на земле. Он подошел к лиственнице и тихонько поднял палку, стараясь не шуметь. Надевая петлю на шею нижней птице, он по неосторожности задел ее палкой по клюву. Птица мотнула головой, поправилась и опять стала смотреть в нашу сторону. Через минуту она беспомощно билась на земле.

Третья птица сидела так высоко, что достать ее с земли было нельзя. Дерсу полез на дерево. Лиственница была тонкая, жидкая. Она сильно качалась. Глупая птица, вместо того чтобы улететь, продолжала сидеть на месте, крепко ухватясь за ветку своими ногами, и балансировала, чтобы не потерять равновесия. Как только Дерсу мог достать ее палкой, он накинул ей петлю на шею и стащил вниз. Таким образом мы поймали всех трех птиц, не сделав ни одного выстрела. Тут только я заметил, что они были крупнее рябчиков и имели более темное оперение. Кроме того, у самца были еще красные брови над глазами, как у тетеревов. Это оказалась Canace falsipensis,

обитающая в Уссурийском крае исключительно только в хвойных лесах Сихотэ-Алиня, к югу до истоков Арму. Она совершенно не оправдывает названия «дикушки», данного ей староверами. Быть может, они окрестили ее так потому, что она живет в самых диких и глухих местах. Китайцы называют ее дашугирл (то есть большой рябчик). Исследования зоба дикушки показали, что она питается еловыми иглами и брусникой.

Когда мы подходили к биваку, были уже глубокие сумерки. Внутри палатки горел огонь, и от этого она походила на большой фонарь, в котором зажгли свечу. Дым и пар, освещенные пламенем костра, густыми клубами взвивались кверху. В палатке двигались черные тени: я узнал Захарова с чайником в руках и маньчжура Чи Ши-у с трубкой во рту. Собаки, услышав, что кто-то идет, с лаем бросились к нам навстречу, но, узнав своих, начали ласкаться. В палатке все работы были уже закончены; стрелки пили чай. Сунцай назвал дикушек по-своему и сказал, что бог Эндури[31] нарочно создал непуганую птицу и велел ей жить в самых пустынных местах для того, чтобы случайно заблудившийся охотник не погиб с голоду.

Вечером мы отпраздновали переход через Сихотэ-Алинь. На ужин были поданы дикушки, потом сварили шоколад, пили чай с ромом, а перед сном я рассказал стрелкам одну из страшных повестей Гоголя.

Утром мы сразу почувствовали, что Сихотэ-Алинь отделил нас от моря: термометр на рассвете показывал −20°С. Здесь мы расстались с Сунцаем. Дальше мы могли идти сами; течение воды в реке должно было привести нас к Бикину. Тем не менее Дерсу обстоятельно расспросил его о дороге.

Когда взошло солнце, мы сняли палатки, уложили нарты, оделись потеплее и пошли вниз по реке Ляоленгоузе, имеющей вид порожистой горной речки с руслом, заваленным колодником и камнями. Километрах в пятнадцати от перевала Маака Ляоленгоуза соединяется с другой речкой, которая течет с северо-востока и которую удэгейцы называют Мыге. По ней можно выйти на реку Тахобе, где живут солоны. По словам Сунцая, перевал там через Сихотэ-Алинь низкий, подъем и спуск длинные, пологие.

Река Мыге очень извилиста и измеряется пятью десятками километров. Окружающие леса дровяного характера и состоят исключительно из хвойных пород.

С утра погода хмурилась. Воздух был наполнен снежной пылью. С восходом солнца поднялся ветер, который к полудню сделался порывистым и сильным. По реке кружились снежные вихри; они зарождались неожиданно, словно сговорившись, бежали в одну сторону и так же неожиданно пропадали. Могучие кедры глядели сурово и, раскачиваясь из стороны в сторону, гулко шумели, словно роптали на непогоду.

При морозе идти против ветра очень трудно. Мы часто останавливались и грелись у огня. В результате за целый день нам удалось пройти не более десяти километров. Заночевали мы в том месте, где река разбивается сразу на три протоки. Вследствие ветреной погоды в палатке было дымно. Это принудило нас рано лечь спать.

Ночью вокруг луны появилось матовое пятно, неясное и расплывчатое.

Утром 17 декабря состояние погоды не изменилось к лучшему. Ветер дул с прежнею силою: анемометр показывал 220, термометр —30° С. Несмотря на это, мы все-таки пошли дальше. Заметно, что к западу от Сихотэ-Алиня снегу было значительно больше, чем в прибрежном районе.

Река Мыге в среднем течении имеет 6—7 метров ширины. Во многих местах около берегов видны тонкие ледяные карнизы. Они получились вследствие убыли воды в реке, после того как она сверху замерзла.

В среднем течении река Мыге протекает по широкой долине, покрытой густым хвойно-смешанным лесом. Из лиственных пород здесь произрастают ольха, черемуха, тальники, осина, осокорь и береза. Судя по следам, которые мы видели в пути, можно заключить, что на Мыге водятся лось, кабарга, волк, выдра, белка, соболь и, вероятно, медведь.

Девятнадцатого декабря отряд наш достиг реки Бягаму, текущей с юго-востока, по которой можно выйти на реку Кусун. Эта река и по величине и по обилию воды раза в два больше Мыге*. Близ своего устья она около 20 метров ширины и 1—1 $^{1}/_{2}$ метра глубиною. По словам туземцев, вся долина Бягаму покрыта гарью; лес сохранился только около Бикина. Раньше Бягаму было одно из самых зверовых мест; особенно много было здесь лосей. Ныне это пустыня. После пожа-

* В.К. Арсеньев ошибочно полагал, что река Бягаму (Биамо, Бол. Светловодная) больше, чем Мыге. В действительности последняя (ныне это Светловодная в ее верхнем течении) длиннее.

ров все звери ушли на Арму и Кулумбе, притоки Имана.

Пройдя по Бягаму еще два километра, мы стали биваком на левом ее берегу в густом ельнике. По счету это был наш двенадцатый бивак от моря.

В сумерки Захаров ходил на охоту, но вместо дичи принес рыбу, которую он нашел в яме подо льдом. Это были красноперка, затем толпыга* и ленок — всего девять рыб.

Двадцатое декабря мы употребили на переход до Бикина. Правый берег Бягаму нагорный, левый — низменный и лесистый. Горы носят название Бэйси-Лаза и Данцанза. Голые вершины их теперь были покрыты снегом и своей белизной резко выделялись на темной зелени хвои.

Бягаму огибает Бэйси-Лаза с юга и затем поворачивает на запад. В нижнем течении река разбивается на протоки попарно, образуя острова, покрытые лесом. В верховьях ее растут лиственницы, ель и пихта, в среднем течении встречается кедр, а внизу, по долине, растут хорошие смешанные леса, состоящие из ясеня, ильма, тополя, осокоря, ольхи, черемухи, сирени, бересклета, липы и тонкоствольного тальника.

Я измерил несколько елей. Из сорока измерений в четырех местах (по 10 измерений в каждом) я получил следующие цифры: 44, 80, 103 и 140 сантиметров. Цифры эти указывают на улучшение качества леса по мере удаления от Сихотэ-Алиня.

Из крупных млекопитающих в верховьях Бягаму встречаются лось, рысь, бурый медведь и росомаха; ниже по течению — изюбр, кабан и тигр. Из царства пернатых я встретил на снегу следы глухарей, затем несколько раз видел большеклювых ворон, соек, ореховорок, ронж, пестрых дятлов, желн, поползней и снегирей. Дерсу сообщил мне, что зимой, когда начинают замерзать реки, все крупные пернатые хищники спускаются к низовьям рек, где им легче найти себе пропитание.

Бягаму встречает Бикин рекою шириною около 100 и глубиною в 2—2 $^1/_2$ метра.

Бикин (по-удэгейски — Бики и по-китайски — Дизинхе) — одна из самых больших рек Уссурийского края. Она длиною около 500 километров, истоки ее находятся в горах Сихотэ-Алиня на широте мыса Гладкого.

Невдалеке от устья реки Бягаму стояла одинокая удэ-

---

* Красноперка — краснопер монгольский, толпыга — толстолоб. *(Прим. ред.)*

гейская юрта*. Видно было, что в ней давно уже никто не жил. Такие брошенные юрты в представлении туземцев всегда служат обиталищем злых духов.

По времени нам пора было устраивать бивак. Я хотел было войти в юрту, но Дерсу просил меня подождать немного. Он накрутил на палку бересту, зажег ее и, просунув факел в юрту, с криками стал махать им во все стороны. Захаров и Аринин смеялись, а он пресерьезно говорил им, что, как только огонь вносится в юрту, черт вместе с дымом вылетает через отверстие в крыше. Только тогда человек может войти в нее без опаски.

Стрелки вымели из юрты мусор, полотнищем палатки завесили вход и развели огонь. Сразу стало уютно. Кругом разлилась приятная теплота.

Поздно вечером стрелки опять рассказывали друг другу страшные истории: говорили про мертвецов, кладбища, пустые дома и привидения. Вдруг что-то сильно бухнуло на реке — точно выстрел из пушки. Рассказчик прервал свою речь на полуслове. Все испуганно переглянулись.

— Лед треснул, — сказал Захаров.

Дерсу повернул голову в сторону шума и громко закричал что-то на своем языке.

— Кому ты кричишь? — спросил я его.

— Наша прогнал черта из юрты, теперь его сердится — лед ломает, — отвечал гольд.

И, высунув голову за полотнище палатки, он опять стал громко говорить кому-то в пространство:

— Все равно наша не боится. Тебе надо другой место ходи. Там, выше, есть еще одна пустая юрта.

Когда Дерсу вернулся на свое место, лицо его было опять равнодушно-сосредоточенное. Стрелки фыркали в кулак, а между тем со своими домовыми они так же были наивны, как и Дерсу со своим чертом. В это время где-то далеко снова треснул лед.

— Уехали, — сказал Дерсу довольным тоном и махнул рукой в сторону шума.

Я оделся и вышел из юрты. Ночь была ясная. По чистому, безоблачному небу плыла полная луна. Снег искрился на льду, и от этого казалось еще светлее. В ночном воздухе опять воцарилось спокойствие...

---

* На этом месте в последующем вырос пос. Улунга, переименованный в 1973 г. в Охотничий.

Глава двадцать первая

Зимние праздники

Река Бикин в среднем течении. — Зимняя охота на кабанов. — Вечеринка в юрте. — Недоразумение с разменом денег. — Представления туземцев о расстояниях

Как и надо было ожидать, к рассвету мороз усилился до —32°С. Чем дальше мы отходили от Сихотэ-Алиня, тем ниже падала температура. Известно, что в прибрежных странах очень часто на вершинах гор бывает теплее, чем в долинах. Очевидно, с удалением от моря мы вступили в «озеро холодного воздуха», наполнявшего долину реки Уссури.

С восходом солнца мы тронулись в путь.

От устья Бягаму Бикин, если не считать его частичные изгибы, течет все время на запад. С правой стороны на значительном протяжении тянется высокий террасообразный берег, похожий на плоскогорье и известный вокруг под названием Лаобей-Лаза[32]. Это — мощный лавовый покров. Верхний слой базальта превратился в глину, что и послужило причиной заболачивания террасы, а это, в свою очередь, повлияло на растительность. Поэтому мы видим здесь только березняки, осинники и тощую лиственницу.

С плоскогорья Лаобей-Лаза стекают два ключа: Кямту и Сигими-Бяса. Далее, с правой стороны, в Бикин впадают: река Бэйси-Лаза, стекающая с горы того же имени, маленький ключик Музейза и река Лаохозен[33], получившая свое название от слова «лахоу», что значит — тигр. По рассказам удэгейцев, несколько лет тому назад здесь появился тигр, который постоянно ходил по соболиным ловушкам, ломал западни и пожирал все, что в них попадалось.

Ни одна река так сильно не разбивается на протоки, как Бикин. Удэгейцы говорят, что есть места, где можно насчитать двадцать две протоки. Течение Бикина гораздо спокойнее, чем течение Имана, но русло его завалено топлым лесом, что очень затрудняет плавание на лодках. От устья Бягаму до железной дороги около 350 километров.

Немного ниже Лаохозена находится небольшое удэгейское стойбище, носящее то же название и состоящее из трех юрт*.

Мы подошли к нему в сумерки. Появление неизвестных людей откуда-то «сверху» напугало туземцев, но, узнав, что в отряде есть Дерсу, они сразу успокоились и приняли нас очень радушно. На этот раз палаток мы не ставили и разместились в юртах.

Вечером я расспрашивал туземцев об их жизни на Бикине и об отношениях их к китайцам.

М. Венюков, путешествовавший в Уссурийском крае в 1857 году, говорит, что тогда на реке Бикин китайцев не было вовсе, а жили только одни удэгейцы (он называет их орочонами). Сыны Поднебесной империи появились значительно позже. Они занесли сюда оспу, которая свирепствовала так сильно, что от некоторых стойбищ не осталось ни одного человека. В 1895 году на Бикине население состояло только из 306 душ обоего пола. Прибывшие на Бикин китайцы скоро превысили в численности туземцев, подчинили их себе и сделались полными хозяевами реки. Тогда удэгейцы впали в неоплатные долги и очутились в положении рабов. Рассказы о бесчеловечном обращении с ними китайцев полны ужаса: людей убивали, продавали, как скотину, избивали палками. Чтобы узнать о числе пойманных соболей, китайцы нередко прибегали к пыткам. Так продолжалось до тех пор, пока на помощь туземцам не пришел начальник Ястребов. С воинской командой он поднялся по реке и выселил с Бикина всех манз, оставив только стариков и калек. Эта мера помогла, туземцы вздохнули свободнее, но в последние годы опять начался наплыв китайцев на Бикин. На этот раз они появились в местности Сигоу**.

Уже две недели, как мы шли по тайге. По тому, как стрелки стремились к жилым местам, я видел, что они нуждаются в более продолжительном отдыхе, чем обыкновенная ночевка. Поэтому я решил сделать дневку в Лаохозенском стойбище. Узнав об этом, стрелки в юртах стали соответственно располагаться. Бивачные работы отпадали: не нужно было рубить хвою, таскать дрова и т.д. Они разулись и сразу приступили к варке ужина.

В сумерках возвратились с охоты два юноши-удэгейца и

---

* На месте удэгейского стойбища возникла деревня Старая Речка, ныне заброшенная (остались только развалины).

** Местность Сигоу и одноименный населенный пункт находились на левом берегу р. Бикин, напротив современного населенного пункта Ясеневый.

сообщили, что недалеко от стойбища они нашли следы кабанов и завтра намерены устроить на них облаву. Охота обещала быть интересной, и я решил пойти вместе с ними.

Зимой, если снег выпадет глубокий, амурские туземцы охотятся за кабанами на лычках. Дикие свиньи убегают далеко, но скоро устают. Тогда охотники догоняют их и бьют копьями. Ружей на такую охоту не берут ради экономии патронов, которые в тайге всегда очень дороги. Кроме того, охота с копьем нравится удэгейцам как спорт. Здесь молодые люди имеют случай показать свою силу и ловкость.

С вечера они стали готовиться: перетянули ремни у лыж и подточили копья. Так как завтра выступление было назначено до восхода солнца, то после ужина все рано легли.

Было еще темно, когда я почувствовал, что меня кто-то трясет за плечо. Я проснулся. В юрте ярко горел огонь. Туземцы уже приготовились: задержка была только за мной. Я быстро оделся, сунул два сухаря в карман и вышел на берег реки.

Чуть брезжило; звезды погасли одна за другою; побледневший месяц медленно двигался навстречу легким воздушным облачкам. На другой стороне неба занималась заря. Утро было холодное. В термометре ртуть опустилась до —39°С. Кругом царила торжественная тишина: ни единая былинка не шевелилась. Темный лес стоял стеной и, казалось, прислушивался, как трещат от мороза деревья. Словно щелканье бича, звуки эти звонко разносились в застывшем утреннем воздухе.

Удэгейцы шли впереди, а я следовал за ними. Пройдя немного по реке Лаохозен, они свернули в сторону, затем поднялись на небольшой хребет и спустились с него в соседний распадок. Тут охотники стали совещаться. Поговорив немного, они снова пошли вперед, но уже тихо, без разговоров.

Через полчаса стало совсем светло. Солнечные лучи, осветившие вершины гор, известили обитателей леса о наступлении дня.

В это время мы как раз дошли до того места, где юноши накануне видели следы кабанов.

Надо заметить, что летом дикие свиньи отдыхают днем, а ночью кормятся. Зимой обратно: днем они бодрствуют, а на ночь ложатся. Значит, вчерашние кабаны не могли уйти далеко. Началось преследование.

Я первый раз в жизни видел, как быстро туземцы ходят по лесу на лыжах. Вскоре я начал отставать от удэгейцев и затем потерял их из виду совсем. Бежать за ними вдогонку не имело смысла, и потому я пошел по их лыжнице не торопясь. Так прошел я, вероятно, с полчаса, наконец устал и сел отдохнуть. Вдруг позади меня раздался какой-то шум. Я обернулся и увидел двух кабанов, мелкой рысцой перебегавших мне дорогу. Я быстро поднял ружье и выстрелил, но промахнулся. Испуганные кабаны бросились в сторону. Не найдя крови на следах, я решил их преследовать. Минут через пятнадцать или двадцать я снова догнал кабанов. Они, видимо, устали и шли с трудом по глубокому снегу.

Вдруг животные почуяли опасность и, словно солдаты по команде, быстро повернулись ко мне головами. По тому, как они двигали челюстями, и по звуку, который долетел до меня, я понял, что они подтачивали клыки. Глаза животных горели, ноздри были раздуты, уши насторожены. Будь один кабан, я, может быть, стрелял бы; но передо мной были два секача. Несомненно, они бросятся мне навстречу. Я воздержался от выстрела и решил подождать другого, более удобного случая. Кабаны перестали щелкать клыками; они подняли кверху свои морды и стали усиленно нюхать воздух, затем медленно повернулись и пошли дальше. Тогда я обошел стороною и снова догнал их. Кабаны остановились опять. Один из них клыками стал рвать кору на валежнике. Вдруг животные насторожились, затем издали короткий рев и пошли прокладывать дорогу влево от меня. В это время я увидел четырех удэгейцев. По выражению их лиц я понял, что они заметили кабанов. Я присоединился к ним и пошел сзади.

Дикие свиньи далеко уйти не могли. Они остановились и приготовились к обороне. Удэгейцы обошли их кругом и стали сходиться к центру. Это заставило кабанов вертеться то в одну, то в другую сторону. Наконец они не выдержали и бросились вправо. С удивительной ловкостью удэгейцы ударили их копьями. Одному кабану удар пришелся прямо под лопатку, а другой был ранен в шею. Этот последний ринулся вперед. Молодой удэгеец старался сдержать его копьем, но в это время послышался короткий сухой треск. Древко копья было перерезано клыками кабана, как тонкая хворостинка. Охотник потерял равновесие и упал вперед. Кабан метнулся в сторону. Инстинктивно я поднял ружье и выстрелил почти в упор. Случайно пуля попала прямо в голову зверя. Тут

только я заметил, что удэгеец, у которого кабан сломал копье, сидел на снегу и зажимал рукой на ноге рану, из которой обильно текла кровь. Когда кабан успел царапнуть его клыком, не заметил и сам пострадавший. Я сделал ему перевязку, а удэгейцы наскоро устроили бивак и натаскали дров. Один человек остался с больным, другой отправился за нартами, а остальные снова пошли на охоту.

Поранение охотника не вызвало на стойбище тревоги: жена смеялась и подшучивала над мужем. Случаи эти так часты, что на них никто не обращает внимания. На теле каждого мужчины всегда можно найти следы кабаньих клыков и когтей медведя.

За день стрелки исправили поломки у нарт, удэгейские женщины починили унты и одежду. Чтобы облегчить людей, я нанял двух человек с нартами и собаками проводить нас до следующего стойбища.

На другой день, 23 декабря, мы продолжали наш путь.

Дальше река Бикин течет по-прежнему на северо-запад. Долина ее то суживается до 200 метров, то расширяется до трех и более километров.

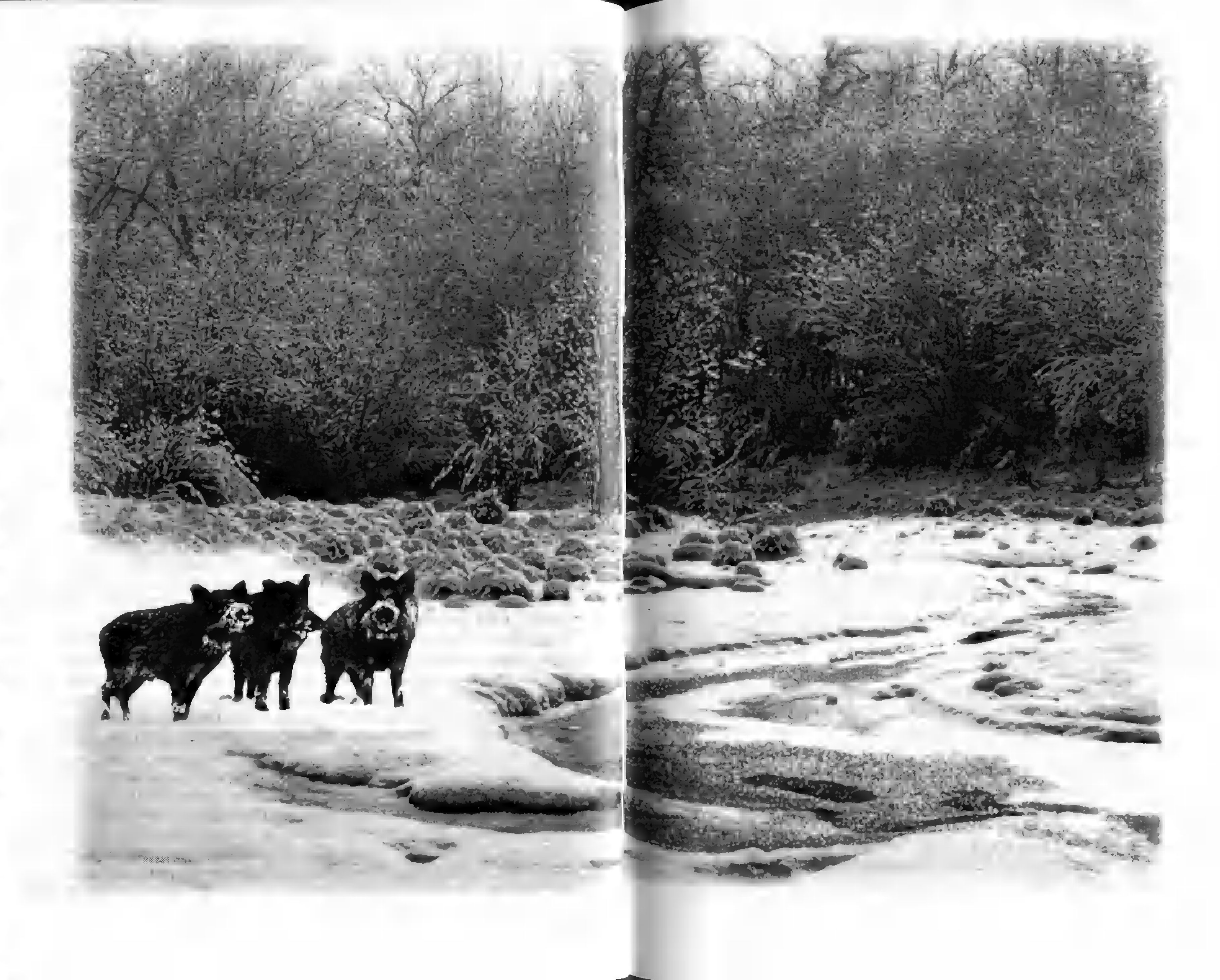
Здесь, в горах, растет преимущественно хвойный строевой лес, а внизу, в долине, — смешанный, состоящий из ясеня, тополя, вяза, ильма, клена, дуба, липы и бархата.

После Лаохозена Бикин принимает в себя справа следующие речки: Сагде-ула, Кангату и Хабатоу, а слева — Чугулянкуни, Давасигчи и Сагде-гэ (по-китайски — Ситцихе). С Давасигчи перевал будет опять-таки на реку Арму, в среднем ее течении. Две высокие сопки с правой стороны реки носят название Лаобей-Лаза и Сыфантай.

Около устья реки Давасигчи было удэгейское стойбище, состоящее из четырех юрт. Мужчины все были на охоте, дома остались только женщины и дети. Я рассчитывал сменить тут проводников и нанять других, но из-за отсутствия мужчин это оказалось невозможным. К моей радости, лаохозенские удэгейцы согласились идти с нами дальше.

После полудня мы миновали еще одно стойбище — Канготу. Здесь мы расстались с маньчжуром Чи Ши-у. Я снабдил его деньгами и продовольствием.

Незадолго до сумерек, немного не доходя реки Хабагоу, мы нашли еще одну жилую юрту и около нее стали биваком. В юрте была молодая женщина с двумя малыми детьми; муж ее тоже был на охоте. На этот раз я остался /563



со стрелками в палатке. Вечером за мной пришел Дерсу и сказал, что женщина просит меня пожаловать к ней в гости. Обыкновенно удэгейские женщины до крайности молчаливы. Они всегда смотрят угрюмо, недоверчиво, не разговаривают с посторонними и часто даже не отвечают на задаваемые вопросы. В противоположность им наша новая знакомая была очень приветлива, держала себя просто и непринужденно. Она расспрашивала нас о кусунских тазах, о жизни в городе, о железной дороге и т.д. После ужина я попросил ее разменять мне десять рублей. Женщина стала тихонько о чем-то шептаться с Дерсу. Он что-то отвечал ей и громко смеялся. Потом я узнал, что она не понимает толку в деньгах и спрашивала его, не обману ли я ее, если она принесет деньги и предоставит мне самому в них разобраться. Получив успокоительный ответ, она отправилась в амбар и принесла оттуда небольшую берестяную коробочку, украшенную орнаментами. В этой коробочке бумажных денег было рублей сорок. Подавая мне коробку, она сказала, что муж ее предпочитает серебряные деньги бумажным, потому что их можно прятать в земле, а она — потому, что их можно нашивать на одежду.

Я хотел разменять деньги помельче и, положив десятирублевую бумажку ей на колени, стал отбирать из коробки рублевки. Вдруг я увидел на глазах ее слезы.

— Что такое? — спросил я гольда.

— Она говорит, — ответил мне Дерсу, — что ты дал ей одну бумажку, а из коробки взял десять.

Я сказал ей, чтобы она не беспокоилась, что я ее не обману, и когда муж ее придет, то увидит, что я поступил правильно. Но удэгейка отвечала, что муж ее тоже не понимает счета в деньгах, и продолжала заливаться слезами. Чтобы успокоить ее, я отказался от размена денег, положил рублевые бумажки обратно, взял назад свою десятирублевку и подарил ей новенький серебряный полтинник. Тревога мигом сбежала с ее лица; сквозь слезы она улыбнулась, затем принялась нас угощать чумизной кашей с рыбьей икрой и снова стала расспрашивать о жизни удэгейцев, живущих по ту сторону Сихотэ-Алиня.

Часов в девять вечера я вышел из юрты и невольно обратил внимание на небо. Вследствие ли особенной чистоты воздуха или каких-либо иных причин звезды по величине и яркости лучей казались крупнее, и от этого на небе было светлее, чем на земле. Контур соседних гор и ост-
 роконечные вершины елей были видны отчетливо, ясно,

зато внизу все утопало во тьме. Неясные, почти не уловимые ухом звуки наполняли сонный воздух; шум от полета ночной птицы, падения снега с ветки на ветку, шелест колеблемой легким дуновением ветерка засохшей былинки — все это вместе не могло нарушить тишины, царившей в природе.

Я подошел к палатке. Стрелки давно уже спали. Я посидел немного у огня, затем снял обувь, пробрался на свое место и тотчас уснул.

На следующий день мы пошли дальше.

В горах видны превосходные кедровые леса, зато в долине хвойные деревья постепенно исчезают, а на смену им выступают широколиственные породы, любящие илистую почву и обилие влаги.

Животное население этих лесов весьма разнообразно. Тут водятся тигр, рысь, дикая кошка, белка, бурундук, изюбр, козуля, кабарга, росомаха, соболь, хорек и летяга. Белогрудый медведь встречается по нижнему течению Бикина только до реки Хабигоу; выше будут владения бурого медведя. Когда бывает урожай кедровых орехов, то кабаны подымаются до реки Бягаму, если же кедровых орехов уродится мало, то они спускаются книзу, за скалы Сигонку-Гуляни. Бикин по справедливости считается одною из самых рыбных рек в крае. В нем во множестве водятся: вверху — хариус и ленок, по протокам, в тенистых водах, — сазан, налим и щука, а внизу, ближе к устью, — таймень и сом. Кета подымается почти до самых истоков.

Около скал Сигонку стояли удэгейцы. От них я узнал, что на Бикине кого-то разыскивают и что на розыски пропавших выезжал пристав, но вследствие глубокого снега возвратился обратно. Я тогда еще не знал, что это касалось меня.

По рассказам туземцев, дальше были еще две пустые юрты. В этом покинутом стойбище я решил в первый предпраздничный день устроить дневку.

— В каком это месте? — спросил я удэгейцев.

— Бэйси-Лаза-датани, — отвечал один из них.

— Сколько верст? — спросил его Захаров.

— Две, — отвечал удэгеец уверенно.

Я попросил его проводить нас, на что он охотно согласился. Мы купили у них сохатиного мяса, рыбы, медвежьего сала и пошли дальше.

Пройдя три километра, я спросил проводника, далеко ли до юрты.

— Недалеко, — отвечал он.

Однако мы прошли еще четыре километра, а стойбище, как заколдованное, уходило от нас все дальше и дальше. Пора было становиться на бивак, но обидно было копаться в снегу и ночевать по соседству с юртами. На все вопросы, далеко ли еще, удэгеец отвечал коротко:

— Близко.

За каждым изгибом реки я думал, что увижу юрты, но поворот следовал за поворотом, мыс за мысом, а стойбища нигде не видно было. Так прошли мы еще километров восемь. Вдруг меня надоумило спросить проводника, сколько верст еще осталось до Бэйси-Лаза-датани.

— Семь, — отвечал он тем же уверенным тоном.

Стрелки так и сели и начали ругаться. Оказалось, что наш проводник не имел никакого понятия о верстах. Об этом туземцев никогда не следует спрашивать. Они меряют расстояние временем: полдня пути, один день, двое суток и т.д.

Тогда я подал сигнал к остановке. Удэгеец говорил, что юрты совсем близко, но никто ему уже не верил. Стрелки принялись спешно разгребать снег, таскать дрова и ставить палатки. Мы сильно запоздали: глубокие сумерки застали нас за работой. Несмотря на это, бивак вышел очень удобный.

Следующий день мы простояли на месте.

Глава двадцать вторая

Нападение тигра

Размен денег. — Замерзание реки. — Таз Ки-тенбу. — Река Катэтабауни. — Перевал на Кор. — Непогода. — Бивак в снегу. — Дерсу и Альпа. — Буря. — Кабаны. — Тревожная ночь. — Тигр. — Рассвет. — Преследование зверя. — Следы. — Возвращение на бивак. — Росомахи

Утром я отпустил обоих проводников. Тут случилось довольно забавное происшествие. Я дал им каждому по десять рублей: одному десять рублей бумажкой, а другому две пятирублевых. Тогда первый обиделся. Я думал, что он недоволен платой, и указал ему на товарища, который явно выказывал удовлетворение. Оказалось совсем иное: удэгеец обиделся за то, что я дал ему одну бумажку, а товарищу две. Я забыл, что они не разбираются в деньгах. Желая доставить удовольствие второму, я дал ему

взамен десятирублевой бумажки три трехрублевых и одну рублевую. Тогда обиделся тот, у которого были две пятирублевые бумажки.

Чтобы помирить их, пришлось дать тому и другому бумажки одинакового достоинства. Надо было видеть, с каким довольным видом они отправились восвояси!

После дневки у всех было хорошее настроение; люди шли бодро и весело.

От удэгейцев я узнал, что гроза со снегом, которую мы наблюдали 26 ноября на реке Нахтоху, была одновременно и на Бикине. Первый снег выпал здесь 11 ноября, когда река только что начала замерзать. Лед, прикрытый снегом, уже не утолщался более. Наоборот, там, где снег сдуло ветрами, река промерзла глубоко. Вот почему замерзание местных рек отличается такой неравномерностью. Толщина льда часто колеблется от 1 до 70 сантиметров. Поэтому, если снег выпал рано, то по реке надо ходить осторожно, все время пробуя лед толстой палкой. В этом случае незаменимыми являются лыжи. Если лед выдерживает удары палки, можно идти свободно без лыж. Стрелки с недоверием отнеслись к словам туземцев и шли не разбирая, но после одного-двух купаний убедились, что такими советами пренебрегать нельзя.

За день мы прошли километров восемнадцать и стали биваком около речки Катэтабауни.

Здесь оказались три юрты и одна фанза, называемая Сидунгоу[34]. В ней жили два старика: один из них был таз, другой китаец-соболевщик. Хозяева фанзочки оказались очень гостеприимными и всячески старались нам услужить.

Мне очень хотелось подняться на Хорский перевал. Я стал расспрашивать о дороге. Таз Китенбу (так звали нашего нового знакомого) изъявил согласие быть проводником.

Ему, вероятно, было около шестидесяти лет. В волосах на голове у него показались серебряные нити, и лицо покрылось морщинами. По внешнему виду он нисколько не отличался от китайцев. Единственным доказательством его туземного происхождения было его собственное заявление. Он рассказывал, что ранее жил на Уссури, но затем перекочевал на реку Бикин, где и живет уже более десяти лет.

Китенбу тотчас же стал собираться. Он взял с собою заплатанное одеяло, козью шкурку и старую, много раз чиненную берданку, я взял чайник, записную книжку и

спальный мешок, а Дерсу — полотнище палатки, трубку и продовольствие.

Кроме нас троих, в отряде было еще два живых существа: моя Альпа и другая, принадлежащая тазу, серенькая остромордая собачка со стоячими ушами, с кличкой Кады.

Катэ-Табань (Катэтабауни) — маленькая горная речка, протекающая по долине, суженной близ устья и несколько расширяющейся к истокам. Окружающие ее горы покрыты старым хвойно-смешанным лесом.

С утра стояла хорошая погода. Мы рассчитывали, что к вечеру успеем дойти до зверовой фанзы по ту сторону водораздела. Однако нашим мечтаниям не суждено было сбыться. После полудня небо стало заволакиваться слоистыми облаками; вокруг солнца появились круги, и вместе с тем начал подыматься ветер. Я хотел уже было повернуть назад, но Дерсу успокоил меня, сказав, что пурги не будет, будет сильный ветер, который назавтра прекратится. Так оно и случилось. Часа в четыре пополудни солнце скрылось, и не разберешь, в тучах или в тумане. Воздух был наполнен сухой снежной пылью. Поднявшийся ветер дул нам навстречу и, как ножом, резал лицо. Когда начало смеркаться, мы были как раз на водоразделе. Здесь Дерсу остановился и стал о чем-то совещаться со стариком тазом. Подойдя к ним, я узнал, что старик таз немного сбился с дороги.

— Капитан,— обратился ко мне Дерсу,— сегодня наша фанза найди нету, надо бивак делай.

— Хорошо, — сказал я, — давайте выбирать место.

Оба моих спутника еще поговорили между собою и, отойдя в сторону шагов двадцать, начали снимать котомки.

Место для бивака было выбрано нельзя сказать чтобы удачное. Это была плоская седловина, поросшая густым лесом. В сторону от нее тянулся длинный отрог, оканчивающийся небольшою коническою сопкою. По обеим сторонам седловины были густые заросли кедровника и еще какого-то кустарника с неопавшею сухою листвою. Мы нарочно зашли в самую чащу его, чтобы укрыться от ветра, и расположились у подножия огромного кедра — высотою, вероятно, метров в двадцать.

Дерсу взял топор и пошел за дровами, старик таз начал резать хвою для подстилки, а я принялся раскладывать костер.

 Только к шести с половиною часам мы окончили би-

вачные работы и сильно устали. Когда вспыхнул огонь, на биваке стало сразу уютнее. Теперь можно было переобуться, обсушиться и подумать об ужине. Через полчаса мы пили чай и толковали о погоде.

Моя Альпа не имела такой теплой шубы, какая была у Кады. Она прозябла и, утомленная дорогой, сидела у огня, зажмурив глаза, и, казалось, дремала. Тазовская собака, с малолетства привыкшая к разного рода лишениям, мало обращала внимания на невзгоды походной жизни. Свернувшись калачиком, она легла в стороне и тотчас уснула. Снегом всю ее запорошило. Иногда она вставала, чтобы встряхнуться, затем, потоптавшись немного на месте, ложилась на другой бок и, уткнув нос под брюхо, старалась согреть себя дыханием.

Дерсу всегда жалел Альпу и каждый раз, прежде чем разуться, делал ей из еловых ветвей и сухой травы подстилку. Если поблизости не было ни того, ни другого, он уступал ей свою куртку, и Альпа понимала это. На привалах она разыскивала Дерсу, прыгала около него, трогала его лапами и всячески старалась обратить на себя внимание. И как только Дерсу брался за топор, она успокаивалась и уже терпеливо дожидалась его возвращения с охапкой еловых веток.

Сами мы были утомлены не меньше, чем собаки, и потому тотчас после чаю, подложив побольше дров в костер, стали устраиваться на ночь.

Расположились мы у огня каждый в отдельности. С подветренной стороны расположился я, Дерсу поместился сбоку.

Он устроил себе нечто вроде палатки, а на плечи набросил шинель. Старик таз поместился у подножия кедра, прикрывшись одеялом. Он взялся окарауливать бивак и поддерживал огонь всю ночь. Нарубив еловых веток, я разостлал на них свой мешок и устроился очень удобно. С одной стороны от ветра меня защищала валежина, а с другой — горел огонь.

В большом лесу во время непогоды всегда жутко. Так и кажется, что именно то дерево, под которым спишь, упадет на тебя и раздавит. Несмотря на усталость, я долго не мог уснуть.

Кто-то привел ветер в такое яростное состояние, что он, как бешеный зверь, бросался на все, что попадалось ему на пути. Особенно сильно доставалось деревьям. Это была настоящая борьба лесных великанов с обезумевшей воздушной стихией. Ветер налетал порывами, рвал, по-

том убегал прочь и жалобно выл в стороне. Являлось впечатление, будто мы попали в самую средину гигантского вихря. Ветер описывал большой круг, возвращался на наш бивак и нападал на кедр, стараясь во что бы то ни стало опрокинуть его на землю. Но это не удавалось.

Лесной великан хмурился и только солидно покачивался из стороны в сторону. Мне пришло на память стихотворение Пушкина «Метель», потом я вспомнил пургу около озера Ханка и снежную бурю при переходе через Сихотэ-Алинь. Я слышал, как таз подкладывал дрова в огонь и как шумело пламя костра, раздуваемое ветром. Потом все перепуталось, и я задремал.

Около полуночи я проснулся. Дерсу и Китенбу не спали и о чем-то говорили между собой. По интонации голосов я догадался, что они чем-то встревожены.

«Должно быть, кедр качается и грозит падением», — мелькнуло у меня в голове.

Я быстро сбросил с головы покрышку спального мешка и спросил, что случилось.

— Ничего, ничего, капитан, — отвечал мне Дерсу; но я заметил, что говорил он неискренне. Ему просто не хотелось меня беспокоить.

На биваке костер горел ярким пламенем. Дерсу сидел у огня и, заслонив рукою лицо от жара, поправлял дрова, собирая уголья в одно место; старик Китенбу гладил свою собаку; Альпа сидела рядом со мной и, видимо, дрожала от холода.

Казалось, будто бы злые духи собрались в одно место и с воем и плачем носились по тайге друг за другом. Точно они хотели разрушить порядок, данный природе, и создать снова хаос на земле. То слышались исступленный плач и стенания, то дикий хохот и вой; вдруг на мгновение наступала тишина, и тогда можно было разобрать, что происходит поблизости.

Но уже по этим перерывам было видно, что ветер скоро станет стихать.

Дрова в костре горели ярко. Черные тени и красные блики двигались по земле, сменяя друг друга: они то удалялись от костра, то приближались к нему вплотную и прыгали по кустам и снежным сугробам.

— Ничего, капитан, — сказал мне опять Дерсу. — Твоя можно спи. Наша так, сам говори.

Я не заставил себя упрашивать, закрылся опять с головою и заснул.

Приблизительно через полчаса я снова проснулся. Меня разбудили голоса.

«Что-то неладное», — подумал я и вылез из мешка.

Буря понемногу стихала. На небе кое-где показались звезды. Каждый порыв ветра сыпал на землю сухой снег с таким шумом, точно это был песок. Около огня я увидел своих приятелей. Таз был на ногах и к чему-то прислушивался. Дерсу стоял боком и, заслонив ладонью свет от костра, всматривался в темноту ночи. Собаки тоже не спали; они жались к огню, пробовали было ложиться, но тотчас же вскакивали и переходили на другое место. Они что-то чуяли и смотрели в ту же сторону, куда направлены были взоры Дерсу и старика таза.

Ветер сильно раздувал огонь, вздымая тысячи искр кверху, кружил их в воздухе и уносил куда-то в глубь леса.

— Что такое, Дерсу? — спросил я гольда.

— Кабаны ходи, — отвечал он.

— Ну, так что же?

Кабаны в лесу это так естественно: животные шли, наткнулись на наш бивак и теперь шумно выражали свое неудовольствие.

Дерсу сделал рукой досадливый жест и сказал:

— Как тебе столько тайга ходи — понимай нету!.. Зимой ночью кабаны ходи не хочу.

В той стороне, куда смотрели Дерсу и Китенбу, слышался треск ломаемых сучьев и характерное «чуханье» диких свиней.

Немного не доходя до нашего бивака, кабаны спустились с седловины и обошли коническую сопку стороной.

Я размялся, и спать мне уже не хотелось.

— А почему эти кабаны идут ночью? — спросил я Дерсу.

— Его напрасно ходи нету, — отвечал он. — Его другой люди гоняй.

Я подумал было, что он говорит про удэгейцев, и мысленно удивился, как ночью они ходят по тайге на лычках. Но вспомнил, что Дерсу «людьми» называл не одних людей, и сразу все понял: кабанов преследовал тигр. Значит, хищник был где-то поблизости от нас.

Понемногу в природе стал водворяться порядок. Какая-то другая сила начала брать верх над ветром и заставляла его успокоиться. Но, судя по тому, как качались старые кедры, видно было, что там, вверху, не все еще благополучно.

Я не стал дожидаться чая, подтащил свой мешок по-

ближе к огню, залез в него и опять заснул. Мне показалось, что я спал очень долго. Вдруг что-то тяжелое навалилось мне на грудь, и одновременно с этим я услышал визг собаки и отчаянный крик Дерсу:

— Скорей!

Быстро сбросил я с себя верхний клапан мехового мешка. Снег и сухие листья обдали мне лицо. В то же мгновение я увидел, как какая-то длинная тень скользнула наискось к лесу. На груди у меня лежала Альпа.

Костер почти совсем угас: в нем тлели только две головешки. Ветер раздувал уголья и разносил искры по снегу. Дерсу сидел на земле, упершись руками в снег. Левою рукою он держался за грудь и, казалось, хотел остановить биение сердца. Старик таз лежал ничком в снегу и не шевелился.

Несколько мгновений я не мог сообразить, что случилось и что мне надо делать. С трудом я согнал с себя собаку, вылез из мешка и подошел к Дерсу.

— Что случилось? — спросил я его, тряся за плечо.

— Амба, амба! — испуганно закричал он. — Амба совсем наша бивак ходи! Один собака таскай!

Тут только я заметил, что нет тазовской собаки.

Дерсу поднялся с земли и стал приводить в порядок костер. Как только появился огонь, таз тоже пришел в себя; он испуганно озирался по сторонам и имел вид сумасшедшего. В другое время он показался бы смешным.

На этот раз больше всего самообладание сохранил я. Это потому, что я спал и не видел того, что тут произошло. Однако скоро мы поменялись ролями: когда Дерсу успокоился, испугался я. Кто поручится, что тигр снова не придет на бивак, не бросится на человека? Как все это случилось, как это никто не стрелял?

Оказалось, что первым проснулся Дерсу; его разбудили собаки. Они все время прыгали то на одну, то на другую сторону костра. Спасаясь от тигра, Альпа бросилась прямо на голову Дерсу. Спросонья он толкнул ее и в это время увидел совсем близко от себя тигра. Страшный зверь схватил тазовскую собаку и медленно, не торопясь, точно понимая, что ему никто помешать не может, понес ее в лес. Испуганная толчком, Альпа бросилась через огонь и попала прямо ко мне на грудь. В это самое время я и услышал крик Дерсу.

Инстинктивно я схватил ружье, но не знал, куда стрелять.

Вдруг в зарослях позади меня раздался шорох.

— Здесь! — сказал шепотом таз, указывая рукой вправо от кедра.

— Нет, тут! — ответил Дерсу, указывая в сторону, совершенно противоположную.

Шорох повторился, но на этот раз с обеих сторон одновременно. Ветер шумел вверху по деревьям и мешал слушать. Порой мне казалось, что я как будто действительно слышу треск сучков и вижу даже самого зверя, но вскоре убеждался, что это совсем не то: это был или колодник или молодой ельник.

Кругом была такая чаща, сквозь которую и днем-то ничего нельзя было бы рассмотреть.

— Дерсу, — сказал я гольду, — полезай на дерево. Тебе сверху хорошо будет видно.

— Нет, — отвечал он, — моя не могу. Моя старый люди; теперь дерево ходи совсем понимай нету.

Старик таз тоже отказался лезть на дерево. Тогда я решил взобраться на кедр сам. Ствол его был ровный, гладкий и с подветренной стороны запорошенный снегом. С большими усилиями я поднялся не более как на три метра. У меня скоро озябли руки, и я должен был спуститься обратно на землю.

— Не надо, — сказал Дерсу, поглядывая на небо. — Скоро ночь кончай.

Он взял винтовку и выстрелил в воздух. Как раз в это время налетел сильный порыв ветра. Звук выстрела затерялся где-то поблизости.

Мы разложили большой огонь и принялись варить чай. Альпа все время жалась то ко мне, то к Дерсу и при малейшем шуме вздрагивала и испуганно озиралась по сторонам.

Минут сорок мы еще сидели у огня и делились впечатлениями.

Наконец начало светать. Воздух наполнился неясными сумеречными тенями, звезды стали гаснуть, точно они уходили куда-то в глубь неба. Еще немного времени — и кроваво-красная заря показалась на востоке. Ветер стал быстро стихать, а мороз — усиливаться. Тогда Дерсу и Китенбу пошли к кустам. По следам они установили, что мимо нас прошло девять кабанов и что тигр был большой и старый. Он долго ходил около бивака и тогда только напал на собак, когда костер совсем угас.

Я предложил Дерсу оставить вещи в таборе и пойти по тигровому следу. Я думал, что он откажется, и был удив-

лен, узнав, что Дерсу согласен отнять у тигра задавленную собаку.

Гольд стал говорить о том, что тигру дано в тайге много корма и запрещено нападать на человека. Этот тигр следил кабанов, но по пути увидел людей, напал на наш бивак и украл собаку.

— Такой амба можно стреляй, греха нет, — закончил он свою длинную речь.

Закусив наскоро холодным мясом и напившись горячего чаю, мы надели лыжи и пошли по тигровому следу.

Непогода совсем почти стихла. Вековые ели и кедры утратили свой белый наряд, зато на земле во многих местах намело большие сугробы. По ним скользили солнечные лучи, и от этого в лесу было светло по-праздничному.

От нашего бивака тигр шел обратно старым следом и привел нас к валежнику.

Следы шли прямо под бурелом.

— Не торопись, капитан, — сказал мне Дерсу. — Прямо ходи не надо; надо кругом ходи, хорошо посмотри.

Мы стали обходить бурелом стороною.

— Уехали! — вдруг закричал Дерсу и быстро повернул в направлении нового следа.

Тут ясно было видно, что тигр долго сидел на одном месте. Под ним подтаял снег. Собаку он положил перед собою и слушал, нет ли сзади погони. Потом он понес ее дальше.

Так мы прошли еще три часа.

Тигр не шел прямо, а выбирал такие места, где было меньше снегу, где гуще были заросли и больше бурелома. В одном месте он взобрался на поваленное дерево и долго стоял на нем, но вдруг чего-то испугался, прыгнул на землю и несколько метров полз на животе. Время от времени он останавливался и прислушивался: когда мы приближались, то уходил сперва прыжками, а потом шагом и рысью.

Наконец Дерсу остановился и стал советоваться со стариком тазом. По его мнению, надо было возвратиться назад, потому что тигр не был ранен, снег недостаточно глубок и преследование являлось бесполезной тратой времени.

Мне казалось странным и совершенно непонятным, почему тигр не ест собаку, а тащит ее с собой. Как бы в ответ на мои мысли, Дерсу сказал, что это не тигр, а тигрица и что у ней есть тигрята; к ним-то она и несет собаку.

К своему логовищу она нас не поведет, а будет водить по сопкам до тех пор, пока мы от нее не отстанем. С этими доводами нельзя было не согласиться.

Когда было решено возвращаться на бивак, Дерсу повернулся в ту сторону, куда ушел тигр, и закричал:

— Амба! Твоя лицо нету. Ты вор, хуже собаки. Моя тебя не боится. Другой раз тебя посмотри — стреляй.

После этого он закурил свою трубку и пошел назад по протоптанной лыжнице.

Немного не доходя до бивака как-то случилось так, что я ушел вперед, а таз и Дерсу отстали. Когда я поднялся на перевал, мне показалось, что кто-то с нашего бивака бросился под гору. Через минуту мы подходили к биваку.

Все наши вещи были разбросаны и изорваны. От моего спального мешка остались только одни клочки. Следы по снегу указывали, что такой разгром произвели две росомахи. Их-то, вероятно, я и видел при приближении к биваку.

Собрав, что можно было, мы быстро спустились с перевала и пошли назад.

Идти под гору было легко, потому что старая лыжница хотя и была запорошена снегом, но крепко занастилась. Мы не шли, а просто бежали и к вечеру присоединились к своему отряду.

Глава двадцать третья

Конец путешествию

Река Бикин в нижнем течении. — Ночевка в покинутом жилище. — Грязная вода. — Местность Сигоу. — Новый год. — Прием у китайцев. — Встреча с Мерзляковым. — Олон. — Порочное население. — Табандо. — Река Алчан. — Железнодорожная станция

Двадцать девятого декабря мы выступили в дальнейший поход вниз по реке Бикину, которая здесь течет строго на запад. Чем ниже, тем река больше разбивается на протоки. При умении можно ими пользоваться и значительно сокращать дорогу.

На островах между протоками, в местностях Хойтун и Митахеза, мы встречаем туземцев, происшедших от брака китайцев с удэгейскими женщинами. Это то же «чжагубай» (по-китайски — кровосмешение), что и в при- /577

брежном районе на реках Тадушу, Тетюхе и Санхобе; они живут в фанзах китайского типа и занимаются рыболовством, охотой и огородничеством. Насколько недавно люди эти занялись земледелием, видно из того, что на возделываемой ими земле сохранились пни, которые они не успели еще выкорчевать.

Река Бикин считается самою лесистою рекою. Лесом покрыты все горы, долины и острова. Бесконечная тайга тянется во все стороны на сотни километров. Немудрено, что места эти в бассейне Уссури считаются самыми зверовыми.

Около горы Бомыдинза, с правой стороны Бикина, мы нашли одну пустую удэгейскую юрту. Из осмотра ее Дерсу выяснил, почему люди покинули жилище, — черт мешал им жить и строил разные козни: кто-то умер, кто-то сломал ногу, приходил тигр и таскал собак. Мы воспользовались этой юртой и весьма удобно расположились в ней на ночлег.

Стрелки пошли за дровами, а Дерсу опять принялся дымом изгонять черта из юрты. Я взял ружье и пошел вниз по реке на разведки.

С утра хмурившаяся погода разразилась крупным мокрым снегом при полном безветрии. Громадные кедры, вечерние сумерки, хлопья снега, лениво падающего с неба, и тишина в лесу нагоняли тоску.

Мимо меня бесшумно пролетела сова, испуганный заяц шарахнулся в кусты, и сова тотчас свернула в его сторону. Я посидел немного на вершине и пошел назад. Через несколько минут я подходил к юрте. Из отверстия в ее крыше клубами вырывался дым с искрами, из чего я заключил, что мои спутники устроились и варили ужин.

За чаем Захаров все домогался, какой черт у гольдов. Дерсу сказал, что черт не имеет постоянного облика и часто меняет «рубашку», а на вопрос, дерется ли черт с добрым богом Андури, гольд пресерьезно ответил:

— Не знаю! Моя никогда это не видел.

После чая, когда все полегли на свои места, я еще с час работал, приводил в порядок свой дневник и затем все покончил сном.

Тридцатого декабря наш отряд дошел до местности Тугулу с населением, состоящим из «кровосмешанных» туземцев. Чем ближе мы подвигались к Уссури, тем больше и больше встречалось китайцев и тем больше утрачивался тип удэгейцев.

В этих местах Бикин принимает в себя следующие маленькие речки: Амба, Фанзу-Лаза[35], Уголикоколи, Рохоло и Тугулу. Из возвышенностей в этом районе следует отметить с правой стороны гранитные сопки Фунзи-Лаза, Рохоло, Джара-Холкони, местность Ванзиками, а с левой стороны — Вамбабоза с вершинами Амбань, Уголи и Лансогой со скалой Банга, состоящей из мелафира.

Ниже Сыфонтая* Бикин достигает ширины 200 метров при глубине около 2 метров и быстроте течения 4 километра в час.

Потому ли, что Земля переместилась в плоскости эклиптики по отношению к Солнцу, или потому, что мы все более и более удалялись от моря (вероятно, имело место и то и другое), но только день заметно удлинился и климат сделался ровнее. Сильные ветры остались позади. Барометр медленно подымался, приближаясь к 760. Утром температура стояла низкая (—30° С), днем немного повышалась, но к вечеру опять падала до —25° С.

Сегодня случилось маленькое событие, опечалившее Дерсу и очень меня насмешившее.

В моей сумочке было много всякой мелочи: цветные карандаши, перочинный ножик, резина, игольник с нитками, шило, часы, секундомер и пр. Часть этих предметов, в том числе и роговую чернильницу с завинчивающейся пробкой и наполненную чернилами, я дал нести Дерсу. После полудня он вдруг подбежал ко мне и тревожным голосом сообщил, что потерял...

— Что? — спросил я его.

Он мялся и не знал, что ответить. Я видел, что он находился в затруднительном положении и мысленно перебирал в памяти все известные ему русские слова.

— Что ты потерял? — переспросил я его вторично.

— Грязную воду, — ответил он сконфуженно.

В лексиконе его не было слова «чернила», и он не знал, как назвать жидкость, которая все так пачкает.

Мои спутники рассмеялись, а он обиделся. Он подумал, что мы смеемся над его оплошностью, и стал говорить о том, что «грязную воду» он очень берег. Одни слова, говорил он, выходят из уст человека и распространяются вблизи по воздуху. Другие закупорены в бутылку. Они садятся на бумагу и уходят далеко. Первые пропадают скоро, вторые могут жить сто годов и больше. Эту чудесную

* Сыфонтаем называлась местность, находящаяся около устья р. Кленовка, левого притока р. Бикин.

«грязную воду» он, Дерсу, не должен был носить вовсе, потому что не знал, как с ней надо обращаться.

Последний день 1907 года мы посвятили переходу к местности Сигоу (Западная долина), самому населенному пункту на Бикине. Здесь живут исключительно китайцы. В 1882 году селение это называлось Сиау-моудиуза[36], в 1894 году в нем насчитывалось 70 человек, поровну мужчин-китайцев и удэгейских женщин, отобранных за долги у туземцев. Немного выше Сигоу (километра на два) есть еще два поселка — Цамодинза[37] и Дафазигоу (последний ныне заброшен)*. Обитатели Сигоу занимаются исканием женьшеня, охотой, соболеванием, выгонкой спирта и эксплуатацией удэгейцев. С большим трудом они очищают от леса участки земли и засеивают их пшеницей и кукурузой.

Горный хребет с правой стороны реки называется Олонцынза и имеет две видные вершины: Дангоза и Цамодинза. Отроги последних оканчиваются около реки скалистыми обрывами Чжагали, Хонкони и Дайгу[38].

Рядом с Бикином и почти параллельно ему течет большая река Алчан. На перевале между этими двумя реками, на горе Нюосыдыцзы, есть естественный водоем овальной формы, около 150 метров в окружности.

То обстоятельство, что навстречу нам выезжал пристав, подняло мой престиж в глазах китайцев. Вероятно, поэтому они устроили нам торжественную встречу с флагами, трещотками, ракетами и бумажными фонарями. С большой помпой мы вступили в селение Сигоу.

Китайцы зарезали свинью и убедительно просили меня провести у них завтрашний день. Наши продовольственные запасы истощились совсем, а перспектива встретить Новый год в более культурной обстановке, чем обыкновенный бивак, улыбалась моим стрелкам. Я согласился принять приглашение китайцев, но взял со своих спутников обещание, что пить много вина они не будут. Мои спутники сдержали данное слово, и я ни одного из них не видел в нетрезвом состоянии.

Следующий день был солнечный и морозный. Утром я построил свою команду, провозгласил тост за всех, кто содействовал снаряжению нашей экспедиции. В заключение я сказал людям приветственное слово и благодарил их за примерную службу. Крики «ура» разнеслись по лесу.

---

* В местности, где находились поселки Цамодинза и Дафазигоу, возник пос. Сиян (Слин), в последующем переименованный в Нижнее Село, ныне уже нежилое.

Из соседних фанз выбежали китайцы и, узнав, в чем дело, опять пустили в ход трещотки.

Только что мы разошлись по фанзам и принялись за обед, как вдруг снаружи донесся звон колокольчика. Китайцы прибежали с известием, что приехал пристав. Через несколько минут кто-то в шубе ввалился в фанзу. И вдруг пристав этот превратился в А.И. Мерзлякова. Мы поздоровались. Начались расспросы. Оказалось, что он (а вовсе не пристав) хотел было идти мне навстречу, но отложил свою поездку вследствие глубокого снега.

Мой путь приближался к концу. Из Сигоу мы поехали на присланных лошадях, пришедших вместе с А.И. Мерзляковым. Всего саней было трое.

От Сигоу до станции Бикин, на протяжении 160 километров, идет хорошая санная дорога, проложенная лесорубами. Это расстояние мы проехали в трое суток.

Сказать, какой ширины здесь река, нельзя; равно не поддается точному исчислению и быстрота движения воды по руслу. В разных протоках течение различное. По Бикину (в нижнем течении) сплавляется много леса, поэтому русло его ежегодно очищают от бурелома, но, несмотря на это, плавание плотов не всегда бывает благополучным. Много их разбивается около утесов Чжагали, Хонкони и Дайгу.

Высокий горный хребет, протянувшийся с правой стороны Бикина, называется Олонцынза. Он выдвигает от себя на юг мощный остров, оканчивающийся сопкой Олонгу-Уони. Бикин обходит ее с юга и затем вновь поворачивает на запад. В этом горном кряже есть несколько приметных вершин со следующими названиями: Богоу-Лаза, Чжунтайза и Госпондза[39], обрывающаяся к реке утесами Синдафу и Гсанза. Около Чжунтайзы есть выходы бурого угля на дневную поверхность.

Километрах в пятнадцати от Сигоу, вниз по реке Бикину, встречается местность, свободная от леса, и с землею, годною для обработки. Тут жили окитаившиеся гольды.

Здешние китайцы — в большинстве случаев разные бродяги, проведшие жизнь в грабежах и разбоях. Любители легкой наживы, они предавались курению опиума и азартным играм, во время которых дело часто доходило до кровопролития. Весь беспокойный, порочный элемент манзовского населения Уссурийского края избрал низовья Бикина своим постоянным местопребыванием. Здесь по островам, в лабиринте протоков, в юртах из корья, построенных по туземному образцу, они нахо- /581

дили условия, весьма удобные для своего существования.

Местное туземное население должно было подчиняться и доставлять им продовольствие. Мало того, китайцы потребовали, чтобы мясо и рыбу приносили к ним женщины. Запуганные тазы все это исполняли. Невольно поражаешься тому, что русские власти мирились с таким положением вещей и не принимали никаких мер к облегчению участи закабаленных туземцев.

От Сигоу вниз по реке Бикину часто встречались зимовья, построенные русскими лесопромышленниками. Зимовье от зимовья находилось на расстоянии двадцати пяти километров.

За день мы проехали километров пятьдесят и заночевали около устья реки Гонголауза.

Третьего января мы выехали еще задолго до восхода солнца. Возчики-казаки поторапливали нас, да и всем нам одинаково хотелось поскорее добраться до железной дороги.

Когда еще далеко, то обыкновенно идешь не торопясь, но чем ближе приближаешься к концу, тем больше волнуешься, начинаешь торопиться, делать промахи и часто попадаешь впросак.

В таких случаях надо взять себя в руки и терпеливо подвигаться, не ускоряя шага.

От Олона до Табандо около 40 километров. Здесь река прижимается к правому краю долины, а слева тянется огромное болото. Горы отходят далеко в сторону и теряются в туманной дали на юго-западе.

Река Алчан будет правым, самым большим и последним притоком Бикина. Верховья его находятся в горах Оло (по-китайски — Олонцзинза)[40].

Длина реки около ста километров и в истоках слагается из двух рек — Санго (что по-удэгейски значит — медведь) и самого Алчана, который в верхней части имеет широтное направление.

Дальше направление течения Алчана определяет невысокий, расплывшийся в ширину горный кряж, идущий в направлении с северо-северо-востока на юго-юго-запад. Оконечность его подходит к Бикину и называется Даютай[41].

Место это называется Банадо, что значит — переволок. Обыкновенно здесь перетаскивают лодки из одной реки в другую, что значительно сокращает дорогу и дает выигрыш во времени.

582/ У казаков про Табандо ходят нехорошие слухи. Это по-

стоянный притон хунхузов. Они поджидают тут китайцев, направляющихся на Уссури, и обирают их дочиста. Хунхузы не дают спуска и русским, если судьба случайно занесет их сюда без охраны.

Широкая долина Алчана с правой стороны нагорная, с левой — пологая. Около переволока она суживается до одного километра. Это будет как раз место его прежнего впадения в Бикин. Отсюда Алчан течет уже большой рекой, шириной в 60—80 и глубиною в 2—2 $^1/_2$ метра. По долине в среднем его течении наблюдается развитие диоритов, малафитов, базальтов, андезитов и их туфов.

Обогнув гору Даютай, Алчан, как уже выше было сказано, входит в старое русло Бикина и по пути принимает в себя с правой стороны еще три обильных водой притока — Ольду (по-китайски — Култухе), Таудахе[42] и Малую Лултухе. Алчан впадает в Бикин в десяти километрах к югу от станции железной дороги того же имени. Долина его издавна славится как хорошее охотничье угодье и как место женьшеневого промысла.

Из животных здесь держатся изюбр, дикая козуля, кабарга, кабан, тигр, росомаха, енотовидная собака, соболь и рысь. Последняя чаще всего встречается по реке Култухе. С 1904 года по реке Алчану стали производиться большие порубки и сплав леса. Это в значительной степени разогнало зверей, но все же и теперь еще казаки по старой памяти ходят на Алчан и никогда не возвращаются с пустыми руками.

В селение Табандо мы приехали в сумерки. Здесь было восемь фанз, в которых жило до семидесяти человек китайцев. Они встретили нас очень враждебно и говорили, что у них нет места. Мерзляков долго упрашивал их пустить нас переночевать. Наконец это вывело меня из терпения, я пригрозил китайцам и велел людям разгружать сани. Стрелки стали доставать свои вещи и взялись за ружья. Это подействовало. Китайцы сразу сделались льстивыми и стали зазывать к себе в гости. Такой переход от враждебного настроения к низкопоклонничеству возбудил казаков. Они тумаками прогнали китайцев и пошли в ближайшую фанзу.

Больше всех возмущался Дерсу. Он ругался, плевался и говорил, что за всю свою жизнь не видел «такой худой люди». На ночь, на всякий случай, внутри фанзы были поставлены часовые. Я опасался со стороны китайцев не столько нападения, сколько краж: наши трехли- /583

нейные винтовки являлись для них большой приманкой.

Четвертое января было последним днем нашего путешествия. Казаки разбудили меня очень рано.

Было темно, но звезды на небе уже говорили, что солнце приближается к горизонту. Морозило. Термометр показывал —34°С. Гривы, спины и морды у лошадей заиндевели. Когда мы тронулись в дорогу, только что начинало светать.

На переволоке было так мало снегу, что пришлось вылезть из саней и переносить на себе грузы.

Дно низового Бикина илистое и песчаное. Около берегов часто попадаются сухие релки и между ними маленькие озерки, а дальше в сторону — болота, поросшие редкой лиственницей и тощею белой березой.

Вскоре после полудня мы прибыли в казачий поселок Георгиевский, немного здесь отдохнули и отправились на станцию Уссурийской железной дороги.

Как было бы приятно из туземной юрты сразу попасть в городской дом. К сожалению, переход этот бывает всегда постепенным: сначала юрта, потом китайская фанза, за ней крестьянская изба, затем уже город.

После долгого питья из кружки дешевого кирпичного чая с привкусом дыма с каким удовольствием я пил хороший чай из стакана! С каким удовольствием я сходил в парикмахерскую, вымылся в бане и затем лег на чистую кровать с мягкой подушкой!..

Глава двадцать четвертая

Смерть Дерсу

Приехали мы в Хабаровск 7 января вечером. Стрелки пошли в свои роты, а я вместе с Дерсу отправился к себе на квартиру, где собрались близкие мне друзья.

На Дерсу все поглядывали изумленно и с любопытством. Он тоже чувствовал себя не в своей тарелке и долго не мог освоиться с новыми условиями жизни.

Я отвел ему маленькую комнату, в которой поставил кровать, деревянный стол и два табурета. Последние ему, видимо, совсем были не нужны, так как он предпочитал сидеть на полу или чаще на кровати, поджав под себя ноги по-турецки. В этом виде он напоминал бурхана из буддийской кумирни.

Ложась спать, он, по старой привычке, поверх сенного тюфяка и ватного одеяла каждый раз подстилал под себя козью шкуру.

Любимым местом Дерсу был уголок около печки. Он садился на дрова и подолгу смотрел на огонь. В комнате для него все было чуждо, и только горящие дрова напоминали тайгу. Когда дрова горели плохо, он сердился на печь и говорил:

— Плохой люди, его совсем не хочу гори.

Иногда я подсаживался к нему, и мы вспоминали все пережитое во время путешествий. Эти беседы обоим нам доставляли большое удовольствие.

Однажды мне пришла мысль записать речь Дерсу фонографом. Он вскоре понял, что у него требовали, и произнес в трубку длинную сказку, которая заняла почти весь валик. Затем я переменил мембрану на воспроизводящую и завел машину снова. Дерсу, услышав свою речь, переданную ему обратно машиной, нисколько не удивился, ни один мускул на лице его не шевельнулся. Он внимательно прослушал конец и затем сказал:

— Его, — он указал на фонограф, — говорит верно, ни одно слово пропускай нету.

Дерсу оказался неисправимым анимистом: он очеловечил и фонограф.

По возвращении из экспедиции всегда бывает много работы: составление денежных и служебных отчетов, вычерчивание маршрутов, разборка коллекций и т.п. Дерсу заметил, что я целые дни сидел за столом и писал.

— Моя раньше думай, — сказал он, — капитан так сиди, — он показал, как сидит «капитан», — кушает, людей судит, другой работы нету. Теперь моя понимай: капитан сопка ходи — работай, назад город ходи — работай. Совсем гуляй не могу.

Такое представление у туземцев о начальствующих лицах вполне естественно. В словах Дерсу мы узнаем китайских чиновников, которые главным образом несут обязанности судей, милуют и наказывают по своему усмотрению. Дерсу, быть может, сам и не видел их, но, вероятно, много слышал от тех гольдов, которые бывали в Сан-Сине.

Однажды, войдя к нему в комнату, я застал его одетым. В руках у него было ружье.

— Ты куда? — спросил я.

— Стрелять, — ответил он просто и, заметив в моих глазах удивление, стал говорить о том, что в стволе ружья накопилось много грязи. При выстреле пуля пройдет по нарезам и очистит их; после этого канал ствола останется протереть тряпкой.

Запрещение стрельбы в городе было для него непри-

ятным открытием. Он повертел ружье в руках и, вздохнув, поставил его назад, в угол. Почему-то это обстоятельство особенно сильно его взволновало.

На другой день, проходя мимо комнаты Дерсу, я увидел, что дверь в нее приотворена. Случилось как-то так, что я вошел тихо. Дерсу стоял у окна и что-то вполголоса говорил сам с собою. Замечено, что люди, которые подолгу живут одинокими в тайге, привыкают вслух выражать свои мысли.

— Дерсу, — окликнул я его.

Он обернулся. На лице его мелькнула горькая усмешка.

— Ты что? — обратился я к нему с вопросом.

— Так, — отвечал он. — Моя здесь сиди все равно утка. Как можно люди в ящике сидеть? — он указал на потолок и стены комнаты. — Люди надо постоянно сопка ходи, стреляй.

Дерсу замолчал, повернулся к окну и опять стал смотреть на улицу. Он тосковал об утраченной свободе.

«Ничего, — подумал я. — Обживется и привыкнет к дому».

Случилось как-то раз, что в его комнате нужно было сделать небольшой ремонт: исправить печь и побелить стены. Я сказал ему, чтобы он дня на два перебрался ко мне в кабинет, а затем, когда комната будет готова, он снова в нее вернется.

— Ничего, капитан, — сказал он мне. — Моя можно на улице спи: палатку делай, огонь клади, мешай нету.

Ему казалось все так просто, и мне стоило больших трудов отговорить его от этой затеи. Он не был обижен, но был недоволен тем, что в городе много стеснений: нельзя стрелять, потому что это будет мешать прохожим.

Однажды Дерсу присутствовал при покупке дров; его поразило то, что я заплатил за них деньги.

— Как! — закричал он. — В лесу много дров есть; зачем напрасно деньги давай?

Он ругал подрядчика, назвав его «плохой люди», и всячески старался убедить меня, что я обманут. Я пытался было объяснить ему, что плачу деньги не столько за дрова, сколько за труд, но напрасно. Дерсу долго не мог успокоиться и в этот вечер не топил печь. На другой день, чтобы не вводить меня в расход, он сам пошел в лес за дровами. Его задержали и составили протокол. Дерсу по-своему протестовал, шумел. Тогда его препроводили в полицейское управление. Когда мне сообщили об этом по те-

лефону, я постарался уладить дело. Сколько потом я ни объяснял ему, почему нельзя рубить деревьев около города, он меня так и не понял.

Случай этот произвел на него сильное впечатление. Он понял, что в городе надо жить не так, как хочет он сам, а как этого хотят другие. Чужие люди окружали его со всех сторон и стесняли на каждом шагу. Старик начал задумываться, уединяться; он похудел, осунулся и даже как будто еще более постарел.

Следующее маленькое событие окончательно нарушило его душевное равновесие: он увидел, как я заплатил деньги за воду.

— Как! — опять закричал он. — За воду тоже надо деньги плати? Посмотри на реку, — он указал на Амур,— воды много есть. Землю, воду, воздух бог даром давал. Как можно?..

Он не договорил, закрыл лицо руками и ушел в свою комнату.

Вечером я сидел в кабинете и что-то писал. Вдруг я услышал, что дверь тихонько скрипнула. Я обернулся: на пороге стоял Дерсу. С первого взгляда я увидел, что он хочет меня о чем-то просить. Лицо его выражало смущение и тревогу.

Не успел я задать вопрос, как вдруг он опустился на колени и заговорил:

— Капитан! Пожалуйста, пусти меня в сопки. Моя совсем не могу в городе жить: дрова купи, воду тоже надо купи, дерево руби — другой люди ругается.

Я поднял его и посадил на стул.

— Куда же ты пойдешь? — спросил я.

— Туда! — он указал на синеющий вдали хребет Хехцир.

Жаль мне было с ним расставаться, но жаль было и задерживать. Пришлось уступить. Я взял с него слово, что через месяц он вернется обратно, и тогда мы вместе поедем на реку Уссури. Там я хотел устроить его на житье у знакомых мне тазов.

Я полагал, что Дерсу дня два еще пробудет у меня, и хотел снабдить его деньгами, продовольствием и одеждой

Но вышло иначе.

На другой день, утром, проходя мимо его комнаты, я увидел, что дверь в нее открыта. Заглянул туда — комната была пуста.

Уход Дерсу произвел на меня тягостное впечатление, словно что-то оборвалось в груди, закралось какое-то нехорошее предчувствие, я чего-то боялся, что-то говорило

мне, что я больше его не увижу. Я был расстроен весь день; работа валилась у меня из рук. Наконец я бросил перо, оделся и вышел в лагерь.

На дворе была уже весна: снег быстро таял. Из белого он сделался грязным, точно его посыпали сажей. В сугробах в направлении солнечных лучей появились тонкие ледяные перегородки; днем они рушились, а за ночь опять замерзали. По канавам бежала вода. Она весело журчала и словно каждой сухой былинке торопилась сообщить радостную весть о том, что она проснулась и теперь позаботится оживить природу.

Возвращающиеся с полевых работ стрелки говорили, что видели на дороге какого-то человека с котомкой за плечами и с ружьем в руках. Он шел радостный, веселый и напевал песню.

Судя по описаниям, это был Дерсу.

Недели через две после его ухода от своего приятеля И.А. Дзюль я получил телеграмму следующего содержания:

«Человек, посланный вами в тайгу, найден убитым».

«Дерсу!» — мелькнуло у меня в голове. Я вспомнил, что для того, чтобы в городе его не задерживала полиция, я выдал ему визитную карточку с надписью на оборотной стороне, кто он и что жительство имеет у меня. Вероятно, эту карточку нашли и дали мне знать по телеграфу.

На другой день я выехал на станцию Корфовскую, расположенную с южной стороны хребта Хехцир. Там я узнал, что рабочие видели Дерсу в лесу на дороге. Он шел с ружьем в руках и разговаривал с вороной, сидевшей на дереве. Из этого они заключили, что, вероятно, он был пьян.

На станцию Корфовскую поезд пришел почти в сумерки.

Было уже поздно, и поэтому мы с И.А. Дзюлем решили идти к месту происшествия на другой день утром.

Всю ночь я не спал. Смертельная тоска щемила мое сердце. Я чувствовал, что потерял близкого человека. Как много мы с ним пережили! Сколько раз он выручал меня в то время, когда сам находился на краю гибели!

Чтобы рассеяться, я принимался читать книгу, но это не помогало. Глаза механически перебирали буквы, а в мозгу в это время рисовался образ Дерсу, того Дерсу, который последний раз просил меня, чтобы я отпустил его на волю. Я обвинял себя в том, что привез его в город. Но кто бы мог подумать, что все это так кончится!

588/ Под утро я немного задремал, и тотчас мне приснился

странный сон: мы — я и Дерсу — были на каком-то биваке в лесу. Дерсу увязывал свою котомку и собирался куда-то идти, а я уговаривал его остаться со мною. Когда все было готово, он сказал, что идет к жене, и вслед за этим быстро направился к лесу. Мне стало страшно; я побежал за ним и запутался в багульнике. Появились пятилапчатые листья женьшеня. Они превратились в руки, схватили меня и повалили на землю. Я слабо вскрикнул и сбросил с головы одеяло.

Яркий свет ударил мне в глаза. Передо мной стоял И.А. Дзюль и тряс за плечо.

— Здорово же вы заспались! — сказал он. — Пора вставать.

Часов в девять мы вышли из дому.

Был конец марта. Солнышко стояло высоко на небе и посылало на землю яркие лучи. В воздухе чувствовалась еще свежесть ночных заморозков, в особенности в теневых местах, но уже по талому снегу, по воде в ручьях и по веселому, праздничному виду деревьев видно было, что ночной холод никого уже запугать не может.

Маленькая тропка повела нас в тайгу. Мы шли по ней долго и почти не говорили между собою. Километра через полтора справа от дорожки я увидел костер и около него три фигуры. В одной из них я узнал полицейского пристава. Двое рабочих копали могилу, а рядом с ней на земле лежало чье-то тело, покрытое рогожей. По знакомой мне обуви на ногах я узнал покойника.

— Дерсу! Дерсу! — невольно вырвалось у меня из груди.

Рабочие изумленно посмотрели на меня. Мне не хотелось при посторонних давать волю своим чувствам; я отошел в сторону, сел на пень и отдался своей печали.

Земля была мерзлая; рабочие оттаивали ее огнем и выбирали то, что можно было захватить лопатой. Минут через пять ко мне подошел пристав. Он имел такой радостный и веселый вид, точно приехал на праздник. Потому ли, что на своей жизни ему много приходилось убирать брошенных трупов и он привык относиться к этой работе равнодушно, или потому, что хоронили какого-то безвестного «инородца», только по выражению лица его я понял, что особенно заниматься розысками убийц он не будет и намерен ограничиться одним протоколом. Он рассказал мне, что Дерсу нашли мертвым около костра. Судя по обстановке, его, видимо, убили сонным. Грабители искали у него денег и унесли винтовку.

Часа через полтора могила была готова. Рабочие подошли к Дерсу и сняли с него рогожу. Прорвавшийся сквозь

густую хвою солнечный луч упал на землю и озарил лицо покойного. Оно почти не изменилось. Раскрытые глаза смотрели в небо; выражение их было такое, как будто Дерсу что-то забыл и теперь силился вспомнить. Рабочие перенесли его в могилу и стали засыпать землею.

— Прощай, Дерсу! — сказал я тихо. — В лесу ты родился, в лесу и покончил расчеты с жизнью.

Минут через двадцать над тем местом, где опустили тело гольда, возвышался небольшой бугорок земли.

Покончив со своим делом, рабочие закурили трубки и, разобрав инструменты, пошли на станцию вслед за приставом. Я сел на землю около дороги и долго думал об усопшем друге.

Как в кинематографе, передо мною одна за другой вставали картины прошлого: первая встреча с Дерсу на реке Лефу, озеро Ханка, встреча с тигром на Ли-Фудзине, лесной пожар на реке Санхобе, наводнение на Билимбее, переправа на плоту через реку Такему, маршрут по реке Иману, голодовка на Кулумбе, путь по Бикину и т.д.

В это время прилетел поползень. Он сел на куст около могилы, доверчиво посмотрел на меня и защебетал.

«Смирный люди», — вспомнилось мне, как Дерсу называл этих пернатых обитателей тайги. Вдруг птичка вспорхнула и полетела в кусты. И снова тоска защемила мне сердце.

— Прощай, Дерсу! — сказал я в последний раз и пошел по дороге.

Летом 1908 года я отправился в третье путешествие, которое длилось два года.

В 1910 году, зимой, я вернулся в Хабаровск и тотчас поехал на станцию Корфовскую, чтобы навестить дорогую могилку. Я не узнал места — все изменилось: около станции возник целый поселок, в пригорьях Хехцира открыли ломки гранита, начались порубки леса, заготовка шпал. Несколько раз принимались искать могилу Дерсу, но напрасно. Приметные кедры исчезли, появились новые дороги, насыпи, выемки, бугры, рытвины и ямы.

Все кругом носило следы цивилизации.

ПРИМЕЧАНИЯ* К ПОВЕСТИ “ДЕРСУ УЗАЛА”

К главе третьей. В нижнем течении река Иодзыхе принимает в себя три небольших притока: справа — Сяо-Иодзыхе (малая река с омутами), длиною в 16 километров, и слева — Дунгоу (восточная долина), по которой надлежало теперь идти А.И. Мерзлякову. Река Сяо-Иодзыхе очень живописна. Узенькая извилистая долинка обставлена по краям сравнительно высокими горами. По словам китайцев, в вершине ее есть мощные жилы серебросвинцовой руды и медного колчедана.

Долина реки Литянгоу не то поперечная, не то продольная. Местами она расширяется до 1 $^1/_2$ километра, местами суживается до 200 метров. В нижней части долины есть много полян, засоренных камнями и непригодных для земледелия. Здесь часто встречаются гари и кое-где негустые лиственные леса. Чем выше подыматься по долине, тем чаще начинают мелькать темные силуэты хвойных деревьев, которые мало-помалу становятся преобладающими. В верховьях Литянгоу есть китайская зверовая фанза. От нее тропа поворачивает налево в горы и идет на Иман. Подъем на перевал Хунтами с южной стороны затруднителен; в истоках долина становится очень узкой, завалена камнями и буреломным лесом.

К главе четвертой. Первая Секуму (по-удэгейски — Сектозу) представляет собою небольшой ручей (5 километров), протекающий между отрогами горного хребта, идущего параллельно берегу моря. Две реки Одега (что значит по-удэгейски «девица») — по-китайски Одегоуу — имеют общее устье. Одна Одега равна 12, другая — 15 километрам. Небольшой горный хребет, разделяющий их, носит то же название и определяется в среднем в 150 метров высоты. К востоку он спускается полого и у моря кончается высокою террасою, поросшей редкой лиственницей и тощим березняком. В долине Одега лес смешанный, дровяного характера, и только в истоках кое-где попадаются в одиночку кедр, ель и пихта. Большая часть окрестных гор совершенно оголена от лесов пожарами.

Одега 2-я (по-удэгейски Одэхе) с левой стороны принимает на себя ключ Луговой. Раньше, по рассказам, здесь была небольшая лудева, но она сгорела.

Речки Тания (по-китайски — Седонер и по-удэгейски — Дана), Вязтыгни, Хоомы, Хотэ и Онектого (по-удэгейски — Онектозо, а по-китайски — Миланзуай) — горные ручьи, текущие к морю по небольшим распадкам.

Далее будет река Таэле (по-удэгейски — Таз), длиною в 12 километров. Около устья долина ее суживается, и река течет как бы в ущелье. В истоках Таэле находится горный узел, откуда берут начало и другие реки: к северо-востоку течет река Билимбее, к югу — маленький ручей Иеля.

Речка Шакира — тоже небольшая. Устье ее находится по соседству с рекой Билимбее. Собственно говоря, устья у этой реки нет вовсе — вода разливается по низине и просачивается в море сквозь прибрежную гальку. Долина реки Шакира довольно узкая, расширяющаяся к истокам; почва в ней каменистая; в горах всюду виднеются осыпи. Травяная растительность состоит главным образом из полыни, орляка и полево-

* Примечания принадлежат В. К. Арсеньеву. Сохранена транскрипция, предложенная автором.

го горошка; на речках — заросли орешника, шиповника, таволги и леспедецы. Редколесье около моря состоит из дуба и лиственницы, но, по мере того как подымаешься вверх по реке, лес становится крупнее и разнообразнее.

К главе двенадцатой. География части побережья между Момокчи и Найти такова: высокий горный хребет Габаци тянется под острым углом по отношению к берегу моря. По ту сторону его будет бассейн реки Кулумбе, по эту — мелкие речки, имеющие сплошь удэгейские названия: Яшу (на картах Ягасу), Уяхги-Бязани, Санкэ, Капуты, Януржа и др. Между ними можно отметить три горные вершины: Габади Дюнахэ и гора Яндоюза, а около устья реки Яшу — одинокую скалу Када-Дуди-дуони. На морских картах она названа горой Ожидания и помечена цифрой 603.

Следующая речка после Найны была Тыченга (по-удэгейски — Тэенга). Она длиной около 20 километров и также берет начало с хребта Карту. В верховьях Тыченга протекает по узкому и глубокому ущелью, края которого падают к реке под углом чуть ли не в 60 или 70° и сплошь покрыты осыпями.

После Тыченги идет ряд мелких ключей: Ватенга (на картах — Батунча), Чани, Кальма (по-удэгейски — Калама, что значит «кит») и Анчи. Далее будут речки Куа, Сангасу, Чангоми и Ламукси. Здесь тропа оставляет морское побережье и идет вверх через перевал на реку Квандагоу («большая извилистая падь») — приток реки Амагу. Эта последняя длиною около 30 километров. Истоки ее находятся там же, где и истоки реки Кудяхе и реки Найны. Квандагоу течет сначала тоже в глубоком ущелье, заваленном каменными глыбами, но потом долина ее расширяется. Верхняя половина течения имеет направление с северо-запада, а затем река круто поворачивает к северо-востоку и течет вдоль берега моря, будучи отделена от него горным кряжем Чанготыкалани. От реки Анчи до Амагу — 15 километров.

К главе шестнадцатой. В Тахобе впадают следующие горные речки: справа Коде с притоками Хуаты, Боноксе и Буланя. Затем будут реки Хулялиги, Бали, Онюхи, Анмали и Саха. Между ними есть высокая гора Ангухи с приметным камнем на вершине, которую солоны наделяют чудесами своего воображения. Дальше идут: Онюхи, Анмали, Дадаву и Та-а. Левыми притоками Тахобе будут: Каньчжу, Агдыхе 1-я и Агдыхе 2-я. Леса по долинам последних двух рек совершенно выгорели.

Река Кумуху (по-удэгейски — Куму), названная русскими рекой Кузнецова, берет начало с хребта Сихотэ-Алиня, течет в широтном направлении, только в нижней своей части склоняется к югу и в море впадает около мыса Олимпиады (46°12,5' северной широты и 138°20,0' восточной долготы от Гринвича). По пути Кумуху принимает в себя следующие притоки: с левой стороны — реки Яаса 1-я, Яаса 2-я, Усмага, Тапку, Ного, Тагды, Хандями, Дыонго, а с правой — кроме Цыгони, по которой мы пришли, еще Лиго, Цаолосо, Будыге и Амукта. Из них самая быстрая — Лиго, а самая спокойная — Тагды. С последней будет перевал на реку Сваин, впадающую в море севернее реки Кузнецова.

Удэгейцы в лодках подымаются до реки Тагды; дальше движение вверх по Кумуху возможно только по льду реки на нартах. В средней части ее, в особенности с левой стороны, между рекой Тагды и Яасы, видны следы давнишних пожарищ. Как и везде, наиболее выгорели леса по хребтам и сохранились только в долинах.

К главе семнадцатой. После реки Сваин будет еще несколько горных ручьев: Юкса, Геу, Суня (Сунерл), Сигбали, Бален и Бизису. Последний по-русски называется Каменной речкой.

После Кумуху в последовательном порядке идет опять ряд мелких

горных речек с удэгейскими названиями: Сюэн (по-русски — Сваин, на картах — река Бабкова), потом Омосо, Илянту и Яктыга. В истоках Омосо имеется гора с голой вершиной, которая поэтому и названа Голой. Другая гора, Высокая, находится недалеко от моря, между реками Омосо и Илянту. Участок берега моря от реки Кумуху к северу до мыса Сосунова занят выходами гранитов, гнейсов и сиенитов.

К главе восемнадцатой. Из слов удэгейцев я понял, что далее на север в море впадает несколько мелких горных речек: Кюмо, Найна, Эгей-бе, Бяпу и река Един. Последняя находится в 20 километрах к северу от реки Нахтоху. Горный хребет, разделяющий их бассейны, называется Матамай. Немного дальше, несколько под углом к берегу моря, тянется другой горный хребет — Камуран, с высотами Курхай и Уо. Еще дальше будет большая река Самарги, на которой живет много туземцев.

Река Един (по-удэгейски — Иди-бе) названа на картах рекой Перетычина. Она длиною около 150 километров и начинается в горах Сихотэ-Алиня. Един имеет много притоков. Если идти от истоков к морю, то в последовательном порядке они будут располагаться так: справа по течению — Дака и Тунга с перевалами на Бикин, затем — Баня, Пюгата, Амдасу, Слогойе, Очжура с притоком Хунимикчи и с перевалом на реку Эхе. Следующей (ниже по течению) будет река Улиха с притоком Янго и с перевалом к морю. С левой стороны в Един впадают: Тали и Бя с притоком Чокчи и с перевалом на реку Яа (приток Хора), затем река Цзагдасу с притоком Хоймо, потом Оло и Югихе (с притоками Дюго-Югихе 1-я и Дюго-Югихе 2-я) и, наконец, Есынгу и Ада с притоком Кю. Начиная от реки Цзагдасу все перевалы на север ведут в бассейн реки Самарги.

Течение Едина широтное; только между устьями рек Талма, Ада и Улиха он делает довольно большой изгиб к северу, но затем опять выпрямляется. По словам удэгейцев, по этой реке на лодках можно подниматься далеко — до реки Тунга. Расчет маршрутов такой: по одному дню пути: 1) от моря до реки Улиха, 2) от реки Улиха до реки Сесынгу, 3) от этой последней до Цзагдасу, 4) от Цзагдасу до реки Бя и 5) от Бя до реки Тунга. Далее пешком один переход до Сихотэ-Алиня.

Самыми быстрыми реками Единского бассейна будут Тали и Тунга, самой тихой — Талма. Около Тали есть скалистые горы с утесами, напоминающими фигуры людей и животных. На реках Бя, Амдасу, Оло, Дгихе и Цзагдасу леса выгорели совсем. Кета подымается по Едину до реки Тали, а горбуша — до реки Амдасу; дальше всех пробивается мальма и красная рыба «чумо».

На этом протяжении в море впадают следующие речки: Нианса и Эхе, названная на картах рекою Сковородкина; в 10 километрах от нее будет река Пия (по-русски — Башкирка), потом Унтугу, Сэен, Кансу (по-китайски — Каньчжу) и Огоми. Между Нахтоху и рекой Пия, параллельно берегу моря, километрах в пяти от него, протянулся небольшой горный кряж Гарасун высотою в среднем около 275 метров.

К главе девятнадцатой. Река Кусун (по-удэгейски — Куй, по-китайски — Кусунгоу) длиною около 120 километров. Начало она берет с Сихотэ-Алиня и течет по кривой, как Такема, только в другую сторону (к северо-востоку). По характеру Кусун такая же быстрая и порожистая река, как Такема. Если идти вверх по реке, то в последовательном порядке будут встречаться следующие притоки: справа (по течению) — реки Эхе и Тыанга с притоками Куансу, Цзагдай 1-я, Цзагдай 2-я, Одо, Баланты, Агдыня (с притоками Такдыни 1-я и Такдыни 2-я), Чжоля 1-я и Чжоля 2-я, Сидэкси 1-я, Сидэкси 2-я, Оддэге, Цзагда (с притоками Хойма и Няобязани). С левой стороны Кусун принимает в себя: Ионю 1-ю, Ионю 2-ю (она же Бохте), Ионю 3-ю, Олосо, Болуня, Буй, Хазасо, Фугу, Бягаму, Сололи, Бяя, Чигали, Че (с притоком Холонку), Цзава 1-ю, Цзава 2-ю, Цзава 3-ю и Цзава 4-ю. Из них река

Че будет самая большая. Дальше идут мелкие ручьи, составляющие истоки Кусуна и не имеющие названия. Удэгейцы называют их одним словом — «Доони-Куи», то есть истоки Кусуна. Самой верхней речкой, по которой можно переваливать на Бикин, будет река Сололи и, вероятно, река Че. Со всех четырех речек Цзава будут перевалы в истоки реки Такемы. Ближайшей к морю рекой, по которой можно выйти на Бикин, будет река Буй. По ней-то я и наметил свой маршрут. Из притоков Кусуна наиболее тихая — река Бягаму. Удэгейцы на лодках подымаются до реки Че. На подъем против воды нужно четыре-пять суток. Маршрут рассчитывается так: первый день — от моря до реки Ионя 3-я, второй — от реки Ионя 3-я до реки Буй, третий — от реки Буй до реки Бягаму, четвертый — от реки Бягаму до реки Цзагды и пятый — до перевала. Выше устья реки Че Кусун становится весьма порожистым, русло его завалено большими камнями и буреломным лесом. Отсюда надо идти пешком с котомками. Зимой по льду реки можно дойти до перевала в двое суток. В скалистых горах, окаймляющих долину реки Че, часто происходят обвалы. Удэгейцы считают эти места обиталищем злого духа Казаму.

К главе двадцатой. Верхний Бикин состоит из двух рек: Бики-Нюньи и Бики-Чжафа. Первая течет с северо-востока (вдоль Сихотэ-Алиня), вторая — с востока, под углом градусов в тридцать. Слияние их происходит в 55 километрах от реки Бягаму. Если подыматься по реке Бики-Нюньи, то можно перевалить на реку Един, а с Бики-Чжафа — на реки Нахтоху, Холонку, Кумуху и Тахобе.

С левой стороны Бикин принимает в себя речки: Яунга, Имагасигчи, Хутунге и Хованда (по-китайски — Хандагоу — лосиная долина). С этой последней будет перевал на реку Арму. Немного не доходя местности Лаохозен, река Бикин с правой стороны подмывает скалистую Нянкулакчи, а с левой — Танцанзу.

К главе двадцать первой. От стойбища Хабагоу Бикин все еще придерживается северо-западного направления и на пути принимает в себя притоки Гану, Сагды-ула (по-маньчжурски — Большая речка), Санкэри, Мудян, Сумугэ, Хаатанге и Дунгоуза. Около местности Танцаза долина Бикина сильно суживается, оставляя только узкий проход для стока воды. Горы здесь подходят к реке вплотную и оканчиваются высокими обрывами, которые удэгейцы называют Сигонку-Гуляни.

К главе двадцать второй. На этом протяжении Бикин имеет направление к западо-северо-западу и принимает в себя справа речки: Мангу, Дунги (по-китайски — Дундегоу; падь семьи Дун) с притоком Ябкэ, Нуньето и вышеупомянутую Катэтабауни. Последняя длиною километров в десять. Здесь будет самый близкий перевал на реку Хор. Немного выше речки Гуньето можно видеть скалы Сигонку-Гуляни—излюбленное место удэгейских шаманов. Слева Бикин принимает в себя речку Дунгоузу (восточная долина) и ключи Кайлю и Суйдагоу (долина выдр).

Дальше Бикин становится очень извилистым и образует длинные слепые рукава. Из притоков его нижнего течения замечательны: справа — Чжаньжигоуза (прямая долина) и Улема, а слева — ключ Хаккэ, и реки Митаэза (по-китайски — Мутагоуза — дровяная долина) и Буйдихеза (большая северная река). Первая — длиною в 45 километров, с перевалом на Тайцзибери (левый приток Имана), вторая немного длиннее и многоводнее, но плавание по ней сопряжено с большими трудностями вследствие множества порогов и буреломных завалов.

Из гор по сторонам долины Бикина обращают на себя внимание Хойтун, Тайчин, Джогдай, а слева Чугунтай, Сюгдонтай (по-китайски — Сыфонтай) и Бомыдинза (кукурузная вершина).

К главе двадцать третьей. От Тулугу Бикин делает довольно большой изгиб к югу, затем поднимается к северо-западу и потом уже все

время течет на запад. Ниже Тулугу в Бикин впадают: справа—речки Дзахали, Дзамацигоуза (где отпечатки лошадиных копыт на грязи), Мадагоу (большая падь семьи Да), Саенгу (Шаньянь-гоу — козья долина), Дагоу (большая долина), Рхауза и Цамондынза; слева — Хубиаса (Чубгуцзай — место, где появляются черви) и Дауден (по-китайски — Даянгоу — большая солнечная долина).

На карте крупного масштаба река Бикин рисуется в виде сплошного лабиринта проток. Некоторые из них имеют по нескольку километров длины и далеко отходят в сторону, образуя огромные острова, покрытые лесом из ясеня, бархата, липы, тополя, клена, ореха и т.д. Одни протоки имеют удэгейские названия, другие—китайские, третьи—русские, например: Маумаса, Агаму, Кагалатун, Чинтафу (большое чистое место), Затяжная и другие.

Следуя вниз по реке от Сигоу, с правой стороны мы встречаем следующие притоки: реку Олон, имеющую устье около горы того же названия, затем Чинтафу, Чинтаису и Ганау (по-китайски — Гонголадэи — огурцовая скала), а с левой стороны: Саласу-мангу, Мамубясани, Чамбана (она же Потамчи), Сиата-Биасани (она же Чембен), потом Ситухе (каменная речка), затем горные ключи: Чжумтайза, Лянсинтоу, Сантун и Фундасу (среднее место, башня); Лянь-синь-гоу ду шуй (ветер гонит воду, по-удэгейски — Хундали). Река Ситухе длиною около 25 километров. Перевал с нее будет на реку Тайцзибери (приток Имана).

После принятия в себя с правой стороны горной речки Даянгу Алчан становится уже большой рекой, разбивается на протоки и склоняется к югу. Верхними притоками его будет слева: быстрая речка Люсу, или Лисухе (ивовая речка), а справа Бенедзе (или Бенихеза). В этих местах Алчан достигает пятидесятиметровой ширины и становится очень извилистым.

На этом участке Бикин принимает в себя справа: Алайчи, Ланжихезу 1-ю (хлебная речка), Ланжихезу 2-ю, Мажичжуйзу (агатовый рот, пещера, грот) и Наминял с притоками Хояки, берущую начало с горы Чомуынза (вершина с гречихой), а слева: Гохсанзафар (гольдское название), Ханихезу (глинистая речка), Нюдергу (по-китайски Нюонихеза — речка, где в грязи залегают коровы) и Шаньзягаму (высокое пастбище семьи Шань).

Река Алчан, как уже было сказано выше, раньше имела устье около Табандо. В нижнем течении она проходит по старому руслу Бикина. Последний во время какого-то большого наводнения (которое было так давно, что о нем не помнят даже старожилы) отклонился в сторону и, дойдя до реки Силана, текущей с юга, воспользовался его руслом, и таким образом получился новый Бикин.

Река Силан, о которой я только что упомянул, состоит из слияния трех рек: Силан-шаня (западная голубая горка), Большого Силана и Малого Силана. Прямая по реке Дзягомбо от Табандо к верховьям Большого Силана является границей, где кончаются горы и начинается широкая долина реки Уссури. Местность эта представляет равнину, по которой кое-где возвышаются одинокие небольшие конические сопки, имеющие название Тянь-шан-цзы (небесные горки). Тощий лиственный лес, исключительно дровяного характера, растет группами по релкам; все остальное пространство представляет заболоченную низину. Особенно непривлекательный вид имеют эти места зимою.

От Табандо по обе стороны Бикина до Тянь-шан-цзы все время тянутся диориты, диабазы, порфириты, туфы и брекчии.

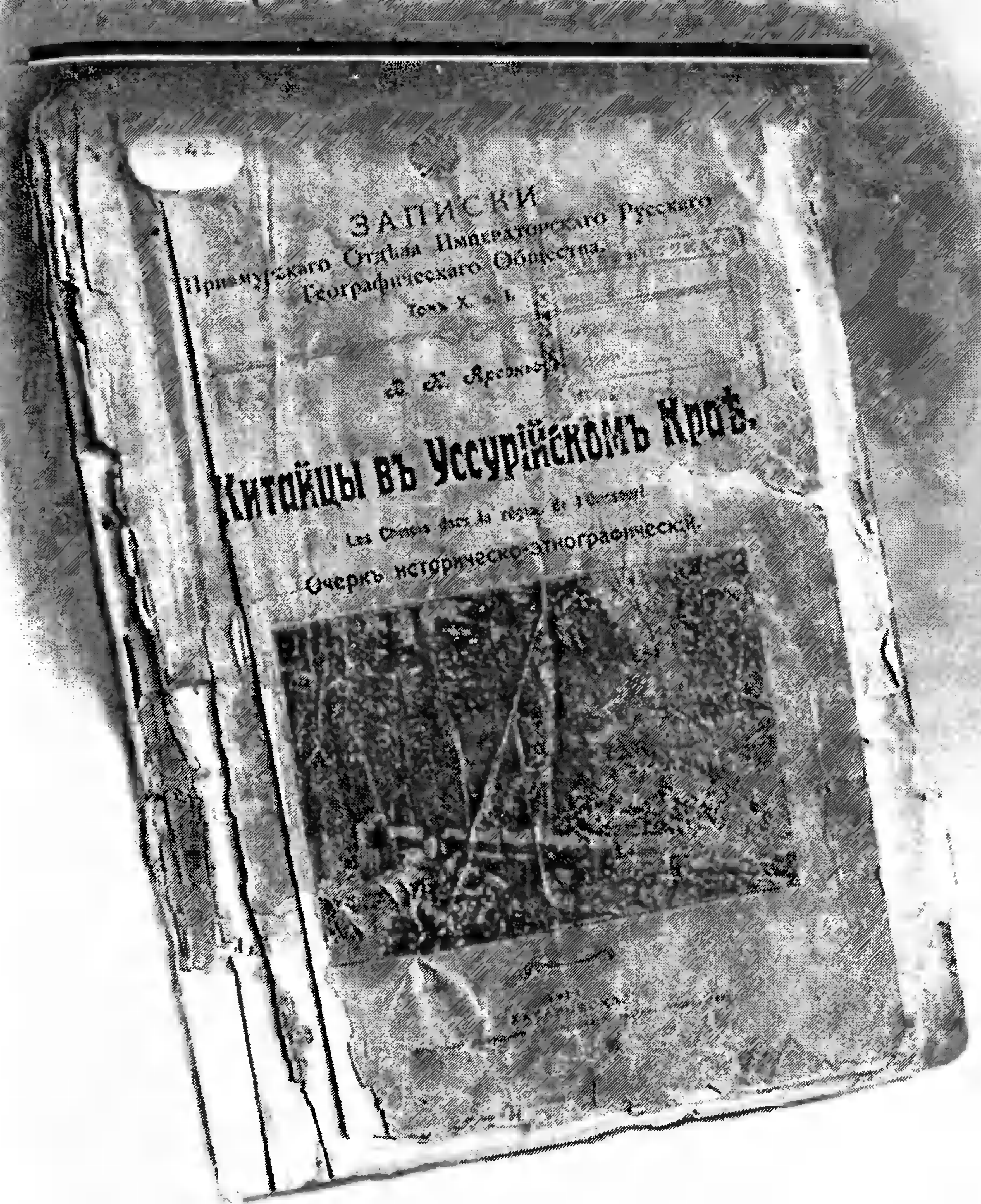
От устья Силана Бикин вбирает в себя все притоки и далее течет в виде одного русла, достигая ширины от 240 до 300 метров. Как и все реки, на равнинных местах Бикин сильно извивается. Он долгое время течет к северу, потом на северо-запад и, обойдя справа невысокий, сильно размытый хребет Самур (имея слева гранитные горы Гумы и Бакумана с вершиной Десидинза — большая западная вершина), круто поворачивает на запад. От Силана до устья Бикина (по определению астронома /595

Гамова, 46°51' северной широты и 8°56' восточной долготы от Гринвича) — около 75 километров. На этом протяжении слева он принимает в себя еще один приток — Хондервезу (по-русски — река Самбурова).

[1] Син-нань-ча — юго-западное разветвление.
[2] Ли-тянь-гоу — внутренняя желобчатая долина.
[3] Яо-цзы-хе — река с ямами (омутами).
[4] Ханьда-лось — (маньчжурское слово), хе-цзы — речка (китайское).
[5] Да-син-нань-ча — большой юго-западный приток (развилина).
[6] Сяо-синь-нань-ча — малый юго-западный приток.
[7] Пянь-эр-гоу — покатая долина. Лаза-гоу — скалистая долина. Хун-гао-лян-гоу — долина красного гаоляна.
[8] Ханяла — тень, душа.
[9] Карабчи — украл.
[10] Бэй-я — северное разветвление.
[11] Гу-цзя-лин — перевал (или хребет) семьи Гу.
[12] Цзунь-гань-шань — гора, от которой отходят главные дороги.
[13] Гу-цзя-хе — речка семьи Гу.
[14] Да-вай-цзы — большой заливчик.
[15] Дун-да-вай-цзы — восточная большая бухточка.
[16] Бинь-лян-бэй — холодный, как каменотесный памятник. Вероятно, сильно искаженное туземное слово.
[17] Тянь-цин-гоу-цзы — долина небесного цвета.
[18] Тянь-цин-лаза — небесного цвета скала.
[19] И-ча — западное ответвление.
[20] Саек — годовалый телок — изюбр, оставивший матку.
[21] Чень-шень-гоу — долина, сделавшаяся святой. Сяо-дунь-ча — малое восточное разветвление.
[22] Сяо-дунь-нань-ча — малое юго-восточное разветвление.
[23] Янь-дун-ла-цзы — опасная восточная скала.
[24] Кулунь-цзуй-цзы — конец, дыра (отверстие).
[25] Лаза — скала.
[26] Эндули — бог неба.
[27] Унты — туземная обувь.
[28] Панцуй — женьшень.
[29] Камланили — то же, что шаманили.
[30] У-лянь-гоу — пять сходящихся (связанных) долин.
[31] Эндури — божество, сотворившее мир.
[32] Лао-бей-ла-цзы — старая северная скала.
[33] Лао-ху-цзен — опасающийся (этого места) тигр.
[34] Ши-дунгоу — каменистая восточная долина.
[35] Фын-цзы-ла-цзы — скала сумасшедшего.
[36] Сяо-мао-дин-цзы — вершина в виде маленькой шапки.
[37] Цяо-ма-ти-гоу-цзы — высота, покрытая дубовыми деревьями.
[38] Да-я-гоу — большая разветвляющаяся долина.
[39] Бэй-гао-ла-цзы — северная высота скалы. Гао-янь-хан-цзы — проход между высокими пиками.
[40] Олонь-чунь-динь-цзы — орочонская вершина.
[41] Да-ю-тай — большая старинная башня.
[42] Тау-да-хэ — первая большая река.

Из книги

"КИТАЙЦЫ В УССУРИЙСКОМ КРАЕ"



ПРЕДИСЛОВИЕ

Книги имеют свою судьбу. Судьба же эта во многом зависит от того, как их принимает читатель. Труды Владимира Клавдиевича Арсеньева пользовались и пользуются заслуженной популярностью, выдерживая десятки изданий на иностранных языках и миллионные тиражи на родине. Но его работа "Китайцы в Уссурийском крае", с отдельными фрагментами которой издательство решило ознакомить читателей, стоит как бы особняком, ибо ни разу после 1914 года не переиздавалась. Видимых причин для этого нет: произведение не страдает какими-либо научными или литературными недостатками и было создано в пору творческой зрелости выдающегося путешественника и писателя[1].

Проблема китайских отходников на территории Приморья и Приамурья привлекала внимание В.К. Арсеньева в течение многих лет. К 1911 году он уже обобщил свои наблюдения и изложил их в виде научного доклада, с которым 25 февраля 1911 года выступил в Отделении этнографии Русского географического общества, и за этот свой труд был удостоен малой серебряной медали. Слушателями его были такие исследователи, как П.К. Козлов, М.М. Пришвин, П.Ф. Унтербергер. Затем, отправившись в экспедицию, Владимир Клавдиевич смог еще раз проверить свои выводы. В ходе ее были задержаны сотни браконьеров, хунхузов и других нарушителей границы. Путешественник расширил свои контакты с коренным населением края и получил массу сведений, которые и использовал при завершении работы над книгой[2].

Доклад был опубликован в Петрограде в 1915 году с приложением — сведениями об Уссурийской экспедиции (1912—1913). Но годом ранее в Хабаровске, в "Записках Приамурского отдела РГО" (т. 10, вып. I) был издан историко-этнографический очерк "Китайцы в Уссурийском крае", который и является полным вариантом работы. В 1928—1930 годах Арсеньев внес в книгу много дополнений, подтверждавших его

[1] Несколько лет назад редакция журнала "Дальний Восток" (1993. № 11—12), учитывая особую актуальность книги В.К. Арсеньева, опубликовала большую часть ее. *(Прим. ред.)*

[2] Тарасова А. И. Владимир Клавдиевич Арсеньев. М., 1985. С. 145—151.

основные выводы, и включил ее в состав своего полного собрания сочинений, издание которого, к сожалению, не было осуществлено. В арсеньевском архивном фонде сохранились гранки третьего тома, куда входила и работа о китайцах в Уссурийском крае[1].

Что же помешало Владимиру Клавдиевичу в послереволюционные годы опубликовать ее? Думается, ответ — в известной деликатности темы. Нет, мы имеем в виду не автора. Более того, он настойчиво взывал к новым властям, привлекая их внимание к проблеме безопасности дальневосточного приграничья. В хабаровских архивах хранится докладная записка Арсеньева, направленная им в Далькрайком ВКП(б), вероятнее всего, в 1928 году и около пяти лет пролежавшая без движения, пока 8 января 1933 года ее не разослали членам и кандидатам в члены бюро для ознакомления[2].

Как видим, одной арсеньевской смелости было недостаточно для того, чтобы его труд вновь "заработал", то есть, будучи переизданным, вновь поставил бы вопрос о пагубности бюрократического верхоглядства для судеб российских дальневосточных территорий. А это и является главным смысловым стержнем полузабытой ныне работы В.К. Арсеньева.

Чем же "Китайцы в Уссурийском крае" привлекают нас сегодня? Ведь давно уже в приморской тайге нет звероловов и собирателей женьшеня, выходцев из соседней Маньчжурии, а в бухтах Амурского и Уссурийского заливов перестали появляться купцы из далеких шаньдунских портов Циндао и Яньтай (у Арсеньева —Чифу), по дешевке скупавших продукцию морских промыслов. О тех временах в народной памяти осталась лишь поговорка: "Через Чифу на джонках", смысл которой сегодня понятен только одним старожилам-дальневосточникам. Все это так, и тем не менее книга В.К. Арсеньева не только не устарела, но с каждым днем становится все актуальнее.

В первую очередь следует отметить высокий гуманизм автора. Его позиция сформулирована предельно ясно и отчетливо: перед ликом суровой природы все люди, независимо от их расы и национального происхождения, равны.

Выдающийся путешественник первым провел этнологические исследования в зоне, где происходило соприкосновение двух великих цивилизаций — русской и восточноазиатской. Сфера этих контактов охватывала Приамурье и Приморье, а также соседнюю Маньчжурию, через которую пролегала КВЖД, привлекавшая сюда значительные массы русского населения. Край, лежавший к востоку, издавна был своеобразным "перекрестком", где соприкасались культуры народов России,

---

[1] Тарасова А. И. Указ. соч. С. 261.

[2] См.: Фефилов П. Мы будем знакомы... //Приамурские ведомости. 24.03.1993.

Китая, Кореи и Японии. Именно здесь, на территории нынешнего русского Дальнего Востока, возникли первые государственные образования предков коренных насельников края. Ныне, благодаря трудам ученых Дальневосточного и Сибирского отделений Российской Академии наук, история их изучена и освещена с достаточной полнотой.

В.К. Арсеньев, осмысливая археологические находки и исторические реалии, мог опираться лишь на первые разработки древней истории Приморья и Приамурья в трудах Н.Я. Бичурина, П.И. Кафарова, отчасти Н.М. Пржевальского. Дать же правильную оценку проникновению в Приморье и Приамурье китайских и корейских отходников предстояло ему самому. Для Владимира Клавдиевича этот процесс раскрывался как бы в двух аспектах: с одной стороны, пришельцы занимали российскую территорию, причем осваивали ее темпами, превышавшими прирост русского населения, а с другой — происходило вторжение их в заповедный мир страны удэхе, изучение которой он считал главным делом своей жизни.

Благодаря тому, что исследователь, основываясь на уникальных материалах полевых экспедиций, запечатлел все стороны быта и промыслов китайских отходников в Уссурийском крае, сегодня мы можем изучать деятельность этой группы "хуацяо" — "китайцев, живущих вне Китая" — на территории России. К сожалению, отсутствуют аналогичные материалы о китайцах, находившихся в других областях России, например о десятках тысяч строителей Мурманской железной дороги. Но у этнологов есть возможность судить о их жизни и деятельности не по аналогии с китайским населением Калифорнии или Индонезии, а на основании арсеньевской работы.

Сегодня, как никогда прежде, настоящее и тем более будущее Дальнего Востока зависят от развития отношений России с Китаем. Чтобы процесс межцивилизационной конвергенции, то есть познания и понимания этнокультурных особенностей наших народов, определяющих их поведение, вошел в цивилизованное русло, необходимы достоверные знания и учет исторического опыта. То и другое мы можем почерпнуть из арсеньевских книг.

Следует иметь в виду еще одно немаловажное обстоятельство. В XVII веке, когда Русское государство и империя Цин вступили в первые контакты, это были равные по своим политическим и экономическим параметрам феодальные государства. В течение всего XVIII века оба они динамично развивались, но все же Россия, благодаря Петровским реформам, начала обгонять Китай. Отношения двух соседей в XIX веке и на протяжении почти всего XX века строились по формуле: богатая Россия и бедный, униженный Китай. Дезинтеграция Советского Союза как бы уравняла статус двух стран на международной арене: Россия уже не сверхдержава, какой прежде являлся СССР. Установилась новая модель равносторонних отношений двух государств.

Но для проверки надежности этой модели историей отведен очень короткий срок. Китай, опираясь на собственный подход к реформам, набрал стремительный темп развития и вышел на шестое место в мире, поставив своей целью к 2010 году занять пятое. По большинству показателей комплексной мощи — прирост валового национального продукта(в Китае — 10—12 процентов в год), развитие промышленного и сельскохозяйственного производства, культуры и науки, дипломатические успехи на международной арене — мы отстаем от своих соседей. Экономические и политические успехи формируют новый тип национального самосознания, отмеченного в первую очередь чувством гордости за свою страну, за ее культурную и этническую самобытность. Это накладывает отпечаток и на межцивилизационные контакты.

В.К. Арсеньев описал очень специфическую часть китайского населения: беглецов от закона, двинувшихся за наживой в Уссурийский край и стремившихся по достижении цели вернуться на родину. Как правило, это были лица бессемейные или вступавшие во "временный" брак на чужбине. Жили они по суровым законам — "жизнь за жизнь", "око за око". В наши дни в контакты вступают сотни тысяч граждан России и Китая, немалая часть которых находится в неладах с законом. Зоны контактов — российские и китайские приграничные, да и некоторые глубинные города, в которые проложены авиалинии, — стали очагами криминогенной опасности. В чем-то история повторяется на новом витке. И призывы В.К. Арсеньева к тому, чтобы местные администраторы энергично устанавливали порядок и пресекали беззаконие, сегодня звучат так же актуально, как и в начале XX века.

Конечно, нельзя полностью согласиться с алармистскими нотами, звучащими на последних страницах труда Владимира Клавдиевича, когда он рассматривает Уссурийский край как "будущий театр военных действий". Безусловно, правительственные мероприятия должны обеспечивать особые экономические, юридические и общеполитические нормы для жителей приграничных областей не только в предвидении осложнений в отношениях с соседней державой, но и при искреннем стремлении к добрососедству с ней. А в будущем России и Китаю ничего иного, кроме добрососедства, не дано.

При чтении текста В.К. Арсеньева читатель должен иметь в виду, что из поля зрения его как бы выпали такие важные исторические события, как начало колонизации цинскими властями Маньчжурии, куда до семидесятых годов XIX столетия китайцы попадали только в составе знаменных войск или в качестве ссыльных; строительство Великой Сибирской магистрали, где использовался труд китайских рабочих; сооружение КВЖД; восстание ихэтуаней и оккупация русскими

войсками Маньчжурии; Синьхайская (1911—1913) революция в Китае и падение цинской монархии. А между тем эти события непосредственно влияли на политическую ситуацию в Приморье и Приамурье.

Конкретизируем наше замечание. Так, в связи с интенсивной колонизацией в Хэйлунцзянской провинции в 1907 году уже проживало 2,5 миллиона человек, что превышало в пять раз общую численность населения южной части российского Дальнего Востока. В том же году в Хэйлунцзян переселилось около 200 тысяч человек (вместо 400 тысяч по плану правительства), но и эта цифра в пятнадцать раз превосходила средние темпы заселения русскими Амурской и Приморской областей за предшествовавшее десятилетие[1].

Что касается численности китайцев на русской территории, то данные об этом весьма примечательны. "Китайцев в крае — массы", — указывается в земском отчете. "Не найдется деревни, — отмечается далее, — в которой не встретилось бы китайца-торговца, несколько желтолицых ремесленников или батраков. Китайцы строят церкви, продают в своих лавках иконы, обслуживают работы железнодорожного, военного, морского ведомств. Владивосток — китайский город. Когда вечером прекращается труд и рабочие расходятся по домам, на улицах Владивостока кишит поток желтолицых, среди которых совершенно теряются отдельные русские"[2].

В.К. Арсеньев провел широкие топонимические изыскания, показав, что китайские названия на территории русского Дальнего Востока имеют, так сказать, "наносной" характер. Ведь географические объекты, о которых идет речь в книге, еще в древности были поименованы народами, относящимися к совершенно иной (тунгусо-маньчжурской) языковой семье. К этому можно добавить, что для китайцев характерно переиначивание всех названий на свой лад. Такова специфика их языка, да и массового сознания. Даже американский город Сан-Франциско, где проживают многие тысячи хуацяо, на всех китайских картах обозначен как Цзюцзиньшань (Город Старой Золотой Горы). Аналогичное явление этнологи отмечали и в Индонезии и Малайзии.

В дополнение к методам проникновения на российскую территорию, превосходно описанным В.К. Арсеньевым, укажем еще некоторые, упомянутые в земском отчете. "Существуют упроченные, великолепно и тонко выработанные способы обхода всякого административного контроля, — отмечают его составители. — Существуют целые фабрики русских паспортов для китайцев. Ласковые и приветливые "ходи" (от китайского «хочжэ» — мелкий торговец. — В.М.*) умеют тонко применяться*

[1] См.: Приамурье: факты, цифры, наблюдения. Собраны на Дальнем Востоке сотрудниками общеземской организации. Приложение к отчету общеземской организации за 1908 год. М., 1909. С. 844.
[2] Там же. С. 160.

к обстоятельствам и все обращать в свою пользу. В громадном большинстве случаев они честно и аккуратно выполняют все свои (хотя бы и словесные) обязательства. Но бесправному положению, в которое их ставят русские власти, они противопоставляют поразительную сплоченность и солидарность. "Китаец сам себя симпатизирует", — как говорил нам один местный купец".

Сколько же всего китайцев было на русском Дальнем Востоке во времена В.К. Арсеньева? На этот вопрос трудно ответить. Переписи населения, проводившиеся русской администрацией, не могли дать даже приблизительных цифр. Таможенная статистика указывала, что в 1906 году из Китая явилось 60 662 человека, а в 1907 году — 81 425. И хотя практически абсолютное большинство их прибывало морем (соответственно 59 575 и 80 425), одновременно имели место массовые переходы границы, которая фактически не охранялась. Тем более что острова на Амуре и Уссури оставались неразграниченными.

Все это вместе взятое создавало ситуацию, которая резко осложняла жизнь коренного и русского населения Уссурийского края. Центральные и местные российские власти так и не смогли решить проблемы, к которым в течение многих лет привлекал их внимание В.К. Арсеньев. Ныне, когда в Сибири и на Дальнем Востоке, по весьма приблизительным подсчетам, нелегально обосновалось немало тысяч китайцев, историческое беспамятство, неумение извлекать уроки из прошлого могут обойтись нам всем очень дорого.

Владимир Мясников,
член-корреспондент Российской Академии наук
Опубл.: Дальний Восток. 1993. № 11—12. С. 107—111.

Насколько Южно-Уссурийский край богат путями сообщений, настолько в северном районе они отсутствуют совершенно. На юге существуют и железные дороги, и почтовые тракты, грунтовые и обыкновенные проселочные дороги, и бесчисленное множество троп бороздят край по всем направлениям.

Время постройки одних из этих путей кроется в глубокой древности Бохайского царства; другие еще в шестидесятых годах XIX века были излюбленными дорогами китайского населения, сообщающегося с заливом Св. Ольги и с бухтой Мэа (Владивосток); впоследствии крестьяне, казаки и переселенцы проложили дороги около своих деревень; русское правительство устроило сеть почтовых сообщений по Уссури, на Новокиевское, к Анучину, по р. Даубихэ и по побережью моря, через Сучан, к заливу Св. Ольги, а в последнее время дороги переселенческой организации стали проникать в такие уголки Уссурийского края, где были найдены места, хоть мало-мальски годные для заселения.

Тропами Южно-Уссурийский край обязан китайскому населению. В погоне за соболем и в поисках за женьшенем энергичные сыны Поднебесной империи проникали в самые дебри Цамо-Динза и Хуалаза, Да-Дянь-Шаня и Сихотэ-Алиня. В каждой долинке всегда можно найти тропку, которая непременно приведет путника к фанзочке соболевщика-китайца.

Не то представляет из себя центральная и северная часть Уссурийского края. Здесь всякие пути отсутствуют совершенно. Единственные путеводные нити — это реки. Нет даже ни малейшего намека на тропу. Только вдоль горных хребтов по гольцам и осыпям лоси протоптали свои дорожки. Но руководствоваться этими дорожками нельзя, потому что они заведут путника в такие дебри, откуда выбраться будет уже невозможно.

У местных инородцев есть два способа передвижений: 1) летом на лодках и 2) зимой — с нартами на собаках. Второй способ скорый и наиболее удобный, если только снег не будет очень глубокий.

Если мы проведем прямую линию от Хабаровска к югу в меридиональном направлении до хребта Сихотэ-Алиня к перевалу с р. Ли-Фудзина на р. Тадушу и отсюда направим ее к северо-востоку, к мысу Олимпиады, то все, что будет находиться западнее этой линии в бассейне Уссури и восточнее ее на берегу моря, а равно и вся южная часть Уссурийского края около залива Петра Великого, есть места, заселенные гольдами[1], корейцами, китайцами и русскими переселенцами. Вся же остальная часть страны, и в особенности обширнейшие северные районы, представляет из себя такую область, к которой более чем применимо выражение "лесная пустыня". Целыми неделями можно идти и

[1] Гольды — нанайцы, гиляки — нивхи, ольчи — ульчи. *(Прим.ред.)*

нигде не встретить души человеческой. Только по большим рекам можно еще кое-где найти юрты орочей-удэhе. Но этих инородцев так мало, стойбища их так удалены друг от друга и места их обитания так непостоянны, что на эту встречу не всегда можно рассчитывать.

Надо заметить, что инородцы летом никогда не переходят через Сихотэ-Алинь. Летний путь сопряжен с чрезвычайными трудностями, с большими лишениями, с опасностями для жизни и с такими неожиданностями, что быть заранее уверенным в выполнении намеченного маршрута невозможно. Летнее путешествие совершается на лодках. Когда река станет очень мелкой, плавание прекращается. Отсюда люди пешком с котомками за плечами идут к водоразделу, переваливают горный хребет и спускаются по ту его сторону до тех пор, пока не дойдут до такой реки, где плавание становится опять возможным. В большинстве случаев на такой переход надо употребить двое-трое, редко четверо суток. Выбрав подходящее дерево, орочи валят его, выдалбливают лодку и в ней уже спускаются вниз по течению реки. Значит, все заключается в том, чтобы найти подходящее дерево. Это не везде и не всегда возможно. Недостаточно сделать улимагду (орочская лодка), надо уметь плыть в ней, надо приспособиться к рекам, изучить их свойства. К сожалению, это дается только многолетним опытом.

Орочская лодка — это длинный долбленый челн с тонким дном и с тонкими стенками; носовая часть лодки заканчивается широкой, веерообразной доской, немного загнутой кверху. Благодаря этому приспособлению лодка не врезается в воду, а, так сказать, взбирается на воду. На таких лодках орочи плавают стоя, упираясь в дно реки шестами. Надо поражаться их бесстрашию и ловкости, с которой они управляются с лодкой на быстрине реки.

Китайцы-зверовщики и искатели женьшеня, если им случается идти по рекам, всегда нанимают для этого инородцев. Сами же они самостоятельно не пускаются в это плавание, а если и рискуют, то плавания их всегда кончаются крушениями, и человеческие жертвы среди них не составляют редкости.

При движении в лодках расчет пути должен быть такой: там, где зимой при хорошей дороге и при хорошей погоде удается сделать в сутки верст тридцать, летом на лодке против воды — втрое меньше, то есть десять верст, и то лишь при условии, если уровень воды в реке будет невелик. Если же уровень воды будет повышен, значит, удастся передвинуться вверх еще меньше. Во время половодья плавание на лодках совершенно прекращается другой раз недели на две. Тогда не только вдоль по реке нельзя ехать, но невозможно переплыть даже и на другую ее сторону.

Обыкновенно там, где инородцы тратят на подъем лодки вверх к водоразделу дней десять, они спускаются назад вниз от полутора до двух суток.

Было бы ошибочно думать, что спускаться по таким быстрым рекам безопаснее, чем подыматься. Именно наоборот — подъем безопаснее спуска. При сплаве надо быть очень осторож-
 ным и далеко смотреть вперед, надо хорошо знать реку, знать,

когда и в какую проточку следует свернуть. Беда смельчаку, который, не зная реки, пустит лодку по воде, как говорится, на волю Божию: в момент лодка исчезнет под буреломом; остановить ее нельзя; никакие человеческие усилия не могут сделать этого. Вот почему орочи, когда спускаются по реке, никогда не дают лодке плыть свободно и не дают ей полного хода, а всегда задерживают ее, часто останавливаются, выходят на берег, осматривают протоки и только тогда двигаются далее.

***

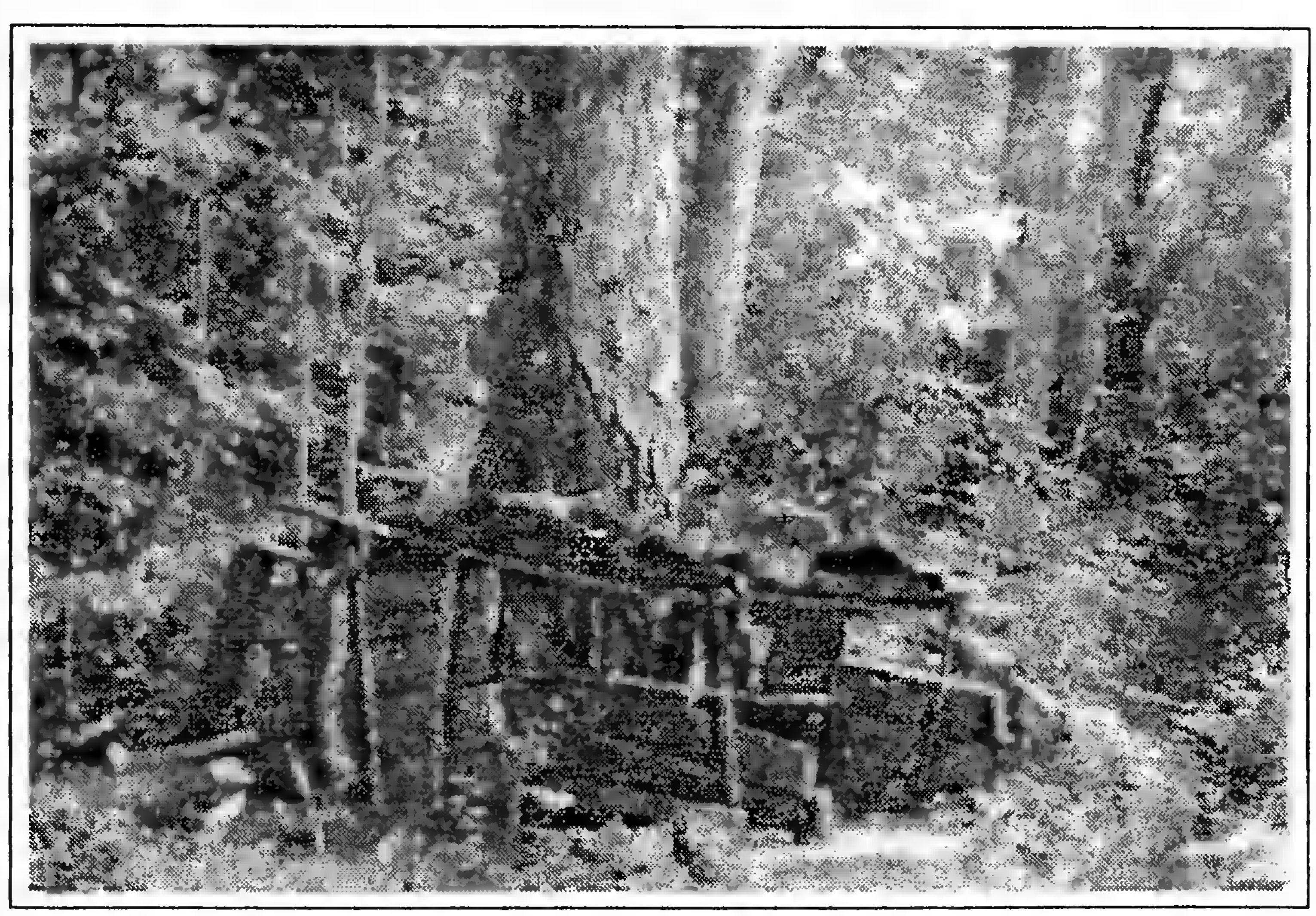
Современное население Уссурийского края довольно смешанное. Оно состоит из русских, корейцев, гольдов, орочей-удэhе и китайцев.

Русские в Уссурийском крае расселились узенькою полосою по реке Амуру, затем по долине р[еки] Уссури, по низовьям всех правых ее притоков, около озера Ханка, в верховьях Уссури (Даубихэ и Улахэ), в прибрежном районе Южно-Уссурийского края и отдельными вкраплинами около устьев рек на берегу Японского моря, до мыса Олимпиады.

Начиная с 1907 г[ода] переселение в Уссурийский край сильно увеличилось. На тех местах, где раньше жили китайцы, раскинулись русские деревни, правда бедные, необустроенные. Но все же общий характер населения принял другую физиономию.

В 1910—1911 г[одах] русских в Уссурийском крае насчитывалось 523 840 человек.

Корейцы поселились главным образом в Посьетском и Приханкайском районах, на Сучане, Таудими, по долинам рек Даубихэ и Улахэ и в южной части Ольгинского стана.



Бивак китайского хунхуза в тайге

С 1900 по 1910 год численность корейцев увеличилась с 24 000 до 50 000 человек[1].

За последние пять лет широкая волна переселенцев влилась в Уссурийский край и потеснила собою и китайцев, и корейцев, и инородцев. Если сравнивать этнографическую карту Уссурийского края академика Л.И. Шренка и карту 1894 года, приложенную к трудам Приамурского отдела императорского Русского географического общества, с картою современного распределения народностей, то увидим, что изменения произошли только в южной части Уссурийского края — на побережье моря до мыса Олимпиады, по реке Уссури и по низовьям ее притоков. Северная же часть страны и центральная область Сихотэ-Алиня остались такими же, какими они были во времена К.И. Максимовича и Л.И. Шренка.

В Уссурийском крае в миниатюре произошло то[же], что и в Европе в средние века, во время "великого переселения народов". Русские потеснили китайцев и корейцев. Китайцы частью отодвинулись вверх по рекам, частью ушли в Маньчжурию, корейцы тоже начали переходить в северные районы, вместе те и другие потеснили инородцев, и эти последние еще дальше ушли в горы.

В настоящее время орочи-удэhе обитают главным образом по верхнему и среднему течению рек Имана, Бикина, Хора, Анюя и по низовьям Хунгари, на берегу моря к югу начиная от р. Ботчи до р. Такэмы (мыс Видный)[2]. Что же касается инородцев, живущих в Южно-Уссурийском крае по р[екам] Даубихэ, Улахэ, Тадушу, Аввакумовке и далее до р[еки] Сучана, то они окитаились и совершенно утратили свой орочский облик. Общая численность всего этого народа 1615 человек.

По рассказам самих удэhе, раньше в прибрежном районе их было так много, что "белые лебеди, пока летели от Императорской гавани до залива Св. Ольги, от дыма, подымавшегося от их костров, становились черными". Так говорили они о многочисленности своих поселений.

Причин вымирания инородцев много. Одна из главных — болезни, которые занесли к ним русские и которым они чрезвычайно подвержены. Особенно сильно свирепствует среди них оспа. От оспы они вымирают страшно быстро. В течение нескольких суток от целого стойбища не остается ни одного человека. Главные распространители заразы — вода, грязь в жилище и грязь на теле самого ороча и то обстоятельство, что здоровые люди, находясь под одной кровлей с больными, имеют постоянное с ними общение. До прихода русских у орочей этих болезней не было. Инородцы гибнут еще и от других инфекционных заболеваний, как, например, чахотка и корь. Последняя для них страшна своими осложнениями.

---

[1] На самом деле цифра эта значительно больше, потому что сюда не вошли все незарегистрированные корейцы, живущие по верховьям рек в горах и в Зауссурийском крае.

[2] Гольды расположились главным образом по Амуру, ольчи — около озера Кизи, гиляки — при устье Амура и на Сахалине и орочи Императорской гавани — по рекам Хади, Коппи, Тумнину, Хоюлю и в верхнем течение реки Хунгари.

Другими причинами вымирания инородцев будут психически подавленное состояние духа и прогрессивное обеднение стародавних звериных и рыбных промыслов[1]. Потребности к жизни возросли, а реки и тайга стали давать меньше.

Как и орочи, уссурийские гольды также подвергались массовым эпидемическим заболеваниям несколько раз. Эти болезни страшно косили их. В настоящее время еще немного этих инородцев осталось в низовьях реки Уссури. В верхнем же течении этой реки и по р[екам] Иману, Бикину и Хору остались только кое-где одиночные личности, но и те, будучи сильно притесняемы китайцами, стали уходить на Уссури.

Раньше много гольдов жило по р[екам] Даубихэ и Улахэ, но, потесненные русскими поселенцами, они стали отходить на север. Впрочем, в последнее время Переселенческое управление стало устраивать и их на землю, давая по 15 десятин земли на каждую семью.

Если обратиться к истории всех завоеваний, всюду представляется грустная картина бедствий, терпимых туземцами от пришельцев. В таком же тяжелом положении очутились и наши инородцы.

Русские переселенцы не хотят признавать их за инородцев, считают китайцами и жестоко их притесняют. Китайцев выселить можно — у них есть своя земля, есть своя родина, корейцев можно тоже выселить. Но куда выселить инородца, для которого Уссурийский край есть родина? Теснимые колонистами, орочи-удэhе бросают свои веками насиженные места и все дальше и дальше уходят в горы. При таких условиях инородцы жить не могут и вымирание их произойдет скорее, чем это можно предположить<...>

"Гораздо больше влияния на жизнь в крае и даже на самих инородцев имели китайцы"[2]. Им-то мы и посвятим все дальнейшее изложение.

***

История Уссурийского края тесно связана с историей Восточной Маньчжурии, поэтому уместным здесь будет привести те данные, которые имеются в настоящее время в научной литературе.

Первые сведения об Уссурийском крае мы встречаем у японцев, у китайских историков и в китайской географии династии Цзинь. Сведения эти крайне смутны и часто противоречат друг другу. Китайские историки были плохо осведомлены о том, что происходило в Уссурийском крае в древнейшие времена. У китайских географов понятия об этой стране — отвлеченные, смутные.

"Они не имели точных сведений ни о местах, занимаемых разными народами, ни об их обычаях и сообщают рядом с действительными фактами много мифологических"[3].

---

[1] Шренк Л.И. Об инородцах Амурского края. СПБ, 1883. Т. I. С. 1—2.
[2] Шренк Л.И. Указ. соч.
[3] Буссе Ф.Ф. Остатки древностей в Амурском крае. СПБ, 1908. С. 3.

Мы совершенно не имеем полной истории. До нас дошли только одни сколки, случайные факты, разобраться в которых не могли даже такие синологи, как О. Иакинф, В.[П.] Васильев и архимандрит Палладий.

В общих чертах древнейшая история Уссурийского края представляется нам в таком виде.

За 3000 лет до нашего времени тунгусское племя сушеней жило в районе нынешних рек Уссури, Амура и на юго-востоке граничило до берегов Великого океана. Этим именем "сушень" называлась и та страна, где оно обитало. Сушень употребляли стрелы из грушевого дерева, каменные топоры и каменные наконечники для копий. Рыболовство и охота были главнейшими источниками его существования. На побережье моря, к востоку от Сихотэ-Алиня, жило особое маньчжурское племя дамолу, а к западу от водораздела до реки Сунгари и к югу до нынешней Кореи было владение сушеней, о которых говорилось выше и которые в период шести династий Хань и Вэй называются илоу. Эти народности, как настоящие охотничьи и рыболовные племена, не заботились об организации государства, природа в изобилии снабжала их своими дарами, и это было главной причиной их неорганизованности.

Другое маньчжурское племя — фуюй жило по обеим сторонам хребта Чанбошаня, но было истреблено соседями (270—312).

Об этой местности и землях илоу история в течение некоторого времени (457—459) остается темною[1].

На севере около Амура обитали мохэские тунгусы, которые, по неизвестным для нас причинам, вдруг двинулись в Южную Маньчжурию и расположились около Кайюаньсаня, на западе от него, и принесли туда с собой и свое старое название. Река Амур, на которой они жили, называлась Хэйхэ (Черная река), или Хэйшуй (Черная вода). За ними у китайцев и сохранилось название Хэйшуй-мохэ. К северо-востоку от этих тунгусов жило монголо-маньчжурское племя кидани. "Они представляли из себя счастливое смешение цивилизации и первобытной грубой силы"[2].

Разрозненные маньчжурские племена, обитавшие в это время в Северной и Восточной Маньчжурии, представляли из себя совершенно отдельные, самостоятельные кланы. "Клан Сумо граничил с государством Гаоли. Это в нынешней Гиринской провинции, в вершине р. Сунгари. На юго-востоке от него находился клан Бошань. На севере от Сумо находился Бодо — это нынешний район Харбина; на северо-востоке отсюда находился клан Аньченгу; на востоке от него — Фейне, а еще восточнее — Хаошы (Морской берег), то есть нынешние места Владивостока и Никольска-Уссурийского. Из них клан Сумо был самым сильным"[3].

"В половине VII века в Восточной Маньчжурии и на берегах Великого океана, в том числе и в Южно-Уссурийском крае, воз-

---

[1] П о з д н е е в Д.М. Материалы из истории Северной Японии и ее отношения к материку Азии и России. Иокогама, 1909. Т. 2. С. 2—6.

[2] П е л ь м о л ь т. История человечества. Т. 2. С. 201.

[3] П о з д н е е в Д. М. Указ. соч. С. 5.

610/

никает культурное царство Бохай, под корейским влиянием (668—905)"[1].

Мохэские тунгусы, живя рядом с Бохаем (последний, как сказано выше, был на востоке от них в пределах горной области Чанбошаня, вплоть до самого моря), не только не враждовали с ним, но даже как будто составляли одно целое.

В начале X века кидани силою оружия уничтожили корейское влияние над Бохаем, и с 912 года владения Бохая простираются от р. Тюмень-Улы к югу до порта Лазарева и к северу узкою полосою по берегу моря, до озера Ханка и до р. Сучана. Кидани царили над Маньчжурией под именем династии Ляо.

В XII веке мохэские тунгусы от толчка, данного им монголами, двинулись в пределы Бохая и окончательно уничтожили его самобытное существование, а затем овладели и Китаем.

Одновременно с тем царство Ляо силою оружия маньчжурских племен чжуржей распалось, и на его землях возникла маньчжурская империя Цзинь (Золотая), с границами почти до Амура. К этой последней эпохе и относится большая часть памятников, оставленных в Уссурийском крае его древнейшими обитателями[2]. Здесь историческая нить вновь прерывается. История с XII столетия до XIX века снова остается темною. Об этом периоде в Уссурийском крае сохранились только сказания, из которых мы узнаем, что после продолжительной и междоусобной войны между владетелем нингутинского аймака Цзинь Я-тайцзы и сучанским властителем Куань Юном (?) в Южно-Уссурийском крае наступают страшные повальные болезни, которые уничтожили почти все оставшееся после войны население. С этого времени в крае надолго наступает запустение. Тогда северные охотничьи племена, жившие раньше в глуши гор и лесов, спускаются к югу и мало-помалу распространяются по всему Уссурийскому краю. Подтверждение того, что здесь действительно был период запустения, мы находим и в записках Ф.Ф. Буссе. Он пишет так: "Во время последних нашествий маньчжур Уссурийский край был окончательно разорен и страна оставалась в течение 246 лет в том запустении, в котором застали ее русские в 1861 году".

В XVI столетии владетель северо-восточного аймака Тайцзу объединяет под своей властью все разрозненные маньчжурские племена, принимает титул императора и впервые образует Маньчжурию как отдельное самостоятельное государство. "С 1607 по 1615 год он предпринимает целый ряд походов от Нингуты к югу и завоевывает земли воцзи"[3]. После этого Тайцзу направляется за Ляодун в Китай и наносит китайским войскам ряд поражений. Сын императора Тайцзу Тайцзун в XVII веке оконча-

[1] И а к и н ф. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии... Т.2. СПБ, 1851. С. 781; Статистическое описание Китайской империи. Т. 2. СПБ, 1842. С. 22, 254, 255.

[2] Отсылаем читателей к "Истории Дальнего Востока СССР. С древнейших времен до XVII века" (М., 1989), где даны более точные и полные сведения об эпохе дальневосточного средневековья. См. также "Историю Северо-Восточного Китая XVII—XX вв." (Владивосток, 1987). *(Прим. ред.)*

[3] Б у с с е Ф.Ф. Остатки древностей в Амурском крае. СПБ, 1908. С. 7.

тельно завоевывает Китай и восстановляет на китайском престоле свою династию[1].

Итак, мы видим, что часть XVI века и все XVII столетие захватывают маньчжур в движении к югу. *На Уссурийский край они не обращают никакого внимания.* Общее стремление всех их племен направлено на Ляодун. Они оставляют свои земли, не возвращаются назад и остаются в Китае. "Тогда культурные местности Маньчжурии запустели и заросли лесом, и только в конце XIX столетия они были опять заселены, но уже китайцами"[2].

Архимандрит Палладий полагает, что Уссурийский край был разорен во время нашествий маньчжур на земли воцзи: "Население его было частью перебито и частью увезено в плен" ("Дорожные заметки на пути от Пекина до Благовещенска через Маньчжурию в 1870 году")[3]. Это не совсем так. В области р. Сунгари действительно мы находим небольшое маньчжурское племя, называемое китайцами иче-маньчжу, то есть новые маньчжуры, потомки родов, некогда живших в восточной части губернии Гирин, а по Палладию — и далее на восток, в Уссурийском крае.

Клапрот и Плат считают "иче-маньчжу потомками тех маньчжур, которые в противоположность древним маньчжурам, или фэ-маньчжу, не вторглись в Китай, но были покорены последними или примкнули к ним". Китаец У Чень, родившийся в 1664 году в городе Нингуте, куда был сослан его отец, и остававшийся там до 1681 года, рассказывает в своем описании этого города (1772), что лица из народа хурха, или хулха (то есть из маньчжур с реки Хурхи), отличавшиеся храбростью, получили от правительства в подарок кольца и рабов (из числа ссыльных). Им же впоследствии было приказано переселиться в Нингуту, оттуда — в Мукден, а затем через два года — в Пекин. "Они-то, — говорит У Чень, — и называются ныне иче-маньчжу" (смотр[и] перевод статьи У Ченя у [В.П.] Васильева "Записки о Нингуте" //Записки Русского географического общества. Ч. 12. 1857. С. 93)[4].

Отсюда мы видим, что император Тайцзу при завоевании земель воцзи выселил иче-маньчжур не из Уссурийского края, а с реки Хурхи, то есть с р. Муданьцзяна. Да и вышеприведенная историческая справка точно указывает нам место, где были земли воцзи: "К югу от Нингуты", то есть в бассейне реки Муданьцзяна.

Как раз в то время, когда маньчжуры вели борьбу с китайцами на юге и когда, таким образом, *Уссурийский край оказался как бы изолированным,* с северной стороны и с запада со стороны Шилки и Аргуни впервые появляются русские.

Первоначально движение казацкой вольности было направлено на Якутск, оттуда — к берегам Охотского моря и далее на Камчатку, но "в конце XVII столетия русские казаки, купцы, промышленники и другие вольные люди начинают совершать походы на Амур и основывают там во многих местах временные зи-

[1] См. об этом статьи Г.В. Мелихова в сборнике "Маньчжурское владычество в Китае" (М., 1966). *(Прим. ред.)*

[2] К о м а р о в [В.Л. Флора Маньчжурии]. Т. 3 [1907]. С. 3, 6.

[3] Записки императорского Русского географического общества по общей географии. Т. 4. 1871. С. 432.

[4] Ш р е н к Л.И. Указ. соч. С. 57.

мовки и земляные укрепления"[1]. Остроги эти были: 1) Верхозейский при устье р. Амумыши (вероятно, Мынмыхи), перенесенный потом на озеро Бебяки; 2) Гилюйский; 3) Селимбинский — выше устья р. Селемджи; 4) Долонский — ниже ее по р. Долонцу; 5) Усть-Зейский — на месте нынешнего города Благовещенска; 6) Кумарский; 7) Албазинский и далее 8 и 9) при устье рек Олдоя и Урки.

Затем *русские имели много зимовий и селений для охоты, рыболовства и сбора ясака по рекам Томи, Амгуни, Тугуру, а в нижнем течении Амура есть следы их пребывания до самого моря*, по которому они плавали на Алеутские[2] и Шантарские острова. Смельчаки проникали в Маньчжурию по Кумаре, Сунгари и Уссури.

В Китае к этому времени война была закончена: маньчжурская династия была на престоле. Страна отдыхала. Население вернулось к полям и вновь занялось своими работами.

В "Древней Российской Вивлиофике" (с 1505 по 1669 г[од]) мы имеем весьма важные указания, что амурские остроги и укрепления в то время были санкционированы русским правительством и назначение туда воевод и других служилых людей происходило из Москвы. На с. 104 и 228 в "Записках, к сибирской истории служащих, или описании, сколько в Сибири, в Тобольске и во всех сибирских городах и острогах с начала взятия оной атаманом Ермаком Тимофеевым, в котором году, и

Участники экспедиции и гольдячка

[1] Боголюбский Н. Краткий очерк Амурского края. СПБ, 1890. С. 2.

[2] На Алеутских островах русские появились лишь в сороковых годах XVIII века. О русских поселениях на Амуре см.: Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII века). Хабаровск, 1984. *(Прим. ред.)*

кто имяны бояр, и окольничьих, и стольников, и дворян, и стряпчих, на воеводствах бывали; и дьяков, и письменных голов, и с приписью подьячих, и кто который город ставил, и в котором году, и от которого государя царя кто был, и в коя лета устроися в Сибири престол архиерейский, и кто были архиереи", мы находим: "35-й воевода в Енисейском, с 1677 года боярин князь Иван Петрович Барятинский, да дьяк Василий Иванович сын Телицын; головы письменные Дмитрий Стараго, да Косма Лазарев. *И с того времени велено им быть в Енисейском столу и розряду. А в розряд учинены в том столе Даурские, Нерчинские, Иркуцкие, Албазинские, Селенгинские, Амурские и Байкальские остроги; а списываться велено в Тобольск, о всяких делах, с бояры тобольскими...*"

"Инородцы Нижнего Амура в то время были еще мало известны маньчжурам. Подвластны они им собственно не были, но, приезжая в Нингуту, приносили маньчжуро-китайскому начальству определенную дань мехами, чтобы через то получить право торговли, как это делали ольчи и гиляки в Сансине. Гольды, живущие вниз от Дондона, даже не имели маньчжурской прически, введенной маньчжурами по всему Китаю, и это служит лучшим доказательством того, что, начиная оттуда, народы Нижнеамурского края, подобно тому, как ольчи, негидальцы, гиляки и северные орочи, *не признавали над собой непосредственной верховной власти маньчжуро-китайцев*"[1].

Подтверждение того, что влияние китайцев не распространялось на народы, обитавшие в низовьях Амура, мы находим и у Глазунова[2]. В этой книге, составляющей ныне большую редкость, в части третьей — "О народах самоедских, маньчжурских и восточносибирских, как и о шаманском законе", мы находим:

"Во время первого российского похода к Амуру около середины XVII столетия были дауры и дучеры, подданные китайского богдыхана, который тогда уже был маньчжурской породы, почему и вмешался как в побег их, так и в защищение. Гиляки ... жили тогда независимо ни от какой власти и покорились России без всякого сопротивления".

Затем в "Сибирской истории" [И.Э.] Фишера[3] мы имеем следующую весьма интересную запись:

"В некоторых известиях от Амура именно писано, что тогда китайцы не присвояли еще себе власти над гиляками, особливо сие примечание достойно, что тогда натки и гиляки еще ни под какою чужою властью не состояли. Гиляки владели еще лежащим пред устьем Амура великим островом Шантаром и питались рыб-

---

[1] Шренк Л. И. Указ. соч. С. 146.

[2] Глазунов. Описание всех обитающих в Российском государстве народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, вероисповеданий и прочих достопамятностей. Издание императорской Академии наук, 1799.

[3] Сибирская история с самого открытия Сибири до завоеваний сей земли российским оружием, сочиненная на немецком языке и в собрании академическом читанная членом С.-Петербургской Академии наук и профессором древностей и истории, также членом Исторического геттингенского собрания Иоганном Эбергардом Фишером в С.-Петербурге при императорской Академии наук 1774 года. С. 477, 623.

ною ловлею. Они-то самые те, коих китайцы "ию-бида-дзы" называют, то есть люди, которые носят платье из рыбьей кожи".

Появление русских на севере заставило китайское правительство обратить внимание на Амур <...>

Возникла дипломатическая переписка с Россией, вылившаяся в конце концов в форму Нерчинского трактата 1689 года <...> Это временно остановило нашествие русских, но ненадолго. В погоне за дорогой пушниной русские предприниматели за свой счет снаряжали экспедиции, продолжали плавать по Амуру и даже доходили вниз до гиляков.

Уссурийский же край все время оставался в стороне, неведомый и неизвестный. Колонизация Маньчжурии вызвала движение китайцев и в Уссурийский край. По этому поводу Плат[1] говорит следующее: "Как неблагосклонно императоры маньчжурской династии ни смотрели вообще на эмиграцию из Китая, переселение на север в Маньчжурию никогда не было запрещено ими. Скорее они даже благоприятствовали ему". В том же смысле высказывается и архимандрит Палладий ("Дорожные заметки", с. 373). По Гюку, напротив, до императора Дао Гуана китайцам запрещено было переселяться в Сунгарийский край и особенно возделывать там землю; только в начале царствования этого императора, вступившего на престол в 1820 году, это запрещение было снято и для поддержания государственной казны продажа земель была разрешена и в руки китайцев, которые с тех пор, как хищные птицы, набросились на Сунгарийский край. Но так как Маньчжурии стал угрожать переход всех ее земель в руки китайцев, то правительство впоследствии снова запретило дальнейшее переселение китайцев в Маньчжурию. Однако этот закон нарушался втайне и потому в 1844 году он был снова подтвержден[2].

Насколько недавно китайцы стали знакомиться с Сунгарийским краем и с Амурской областью, видно из записок [Я.] Барабаша, который "в 1872 году застал китайские колонии между городами Баяньсусу и Саньсином еще при самом начале их возникновения. Новые пришельцы, не успевши обустроиться, помещались еще в землянках и в шалашах"[3].

То же самое произошло и с Северо-Восточной Монголией, примыкающей к Маньчжурии (150 верст от Харбина). Заселение китайцами этих земель было своевольное. Китайские переселенцы, вопреки запрещению правительства, за свой страх и риск, арендовали здесь земли, непосредственно войдя в соглашение с коренными собственниками Монголии. В 1878 году китайское правительство, примирившись с фактом присутствия китайских колонистов на монгольских землях, дало им формальное разрешение на обработку этих земель. С этого приблизительно времени или немного позже дальнейшая колонизация в глубь Монголии происходит уже не путем арендования земель у монголов отдельными переселенцами, а путем покупки земли при посредстве китайского правительства, через цицикарского цзяньцзюня. Покупка земли производилась под видом вечной аренды, с уплатой неко-

[1] Plat. Die Volker der Mandschurey. Bd. 2. 1831. S. 942.
[2] Шренк Л. И. Указ. соч. С. 54.
[3] Там же. С. 61.

торой суммы денег в виде единовременного вознаграждения.

Первый случай захвата монгольских земель имел место в 1900 году. После занятия Сахаляна, Айгуня и прилегающих к ним окрестностей русскими войсками китайские переселенцы двинулись к юго-западу и расположились между Цицикаром и Бодунэ.

В 1902 году в Монголии созданы были два тина (переселенческие округа). Затем покупка земли была произведена еще два раза, именно в 1903 и 1904 годах, по 150 000 десятин. Наконец третий и последний раз, именно в 1907 году, китайским правительством приобретается еще столько же земли, но уже в южном горлосе. Все эти земли вошли в состав чингансена (уезда), размеры которого сделались почти равными площади двух сяней, а недавно он переименован в округ, во главе которого поставлен тингуань, вследствие чего эти монгольские земли вошли в состав земель Северной Маньчжурии[1].

Из всего изложенного выше мы видим, что движение переселенцев из Китая к северо-западу в Монголию, к северу на Амур и к северо-востоку в Приамурский край, начавшееся в сороковых годах XIX столетия, продолжается еще и теперь, *причем китайское правительство узнает об этом и начинает покровительствовать самовольным засельщикам только с 1870—1878 годов* <...>

О восточных границах империи, о местах пограничных знаков далее Амгуни и в трактате, и в китайской литературе, да и вообще нигде не упоминается. Таким образом, *и Амурский-то край китайцы почти совсем не знали, и только появление в этой стране русских заставило их обратить на нее свое внимание. Уссурийский же край находился в стороне, и о нем китайцы знали еще меньше, чем об Амурской области,* пока не появились [Г.И.]Невельской и [В.С.]Завойко со своими кораблями.

Позже, именно в шестидесятых [точнее — в пятидесятых. — *Ред.*] годах прошлого столетия, академик [Л.И.]Шренк видел два маньчжурских поста на р. Уссури. Он пишет: "Один посещенный мною находился в гольдской деревне Джоада, на нижнем течении реки; другой, Шаньен, на левом берегу, как раз против впадения реки Имы (Имана). В последнем из них постоянно живет несколько маньчжурских чиновников для сбора податей с туземцев Верхней Уссури (в направлении к озеру Ханка[2]). Впрочем, поездки свои к ним с означенной целью они совершают лишь изредка, да и то лишь до известного места, *потому что выше устья Сунгачи, и особенно между устьями рек Кубурхэ и Нинту (или Науту), тянется довольно пустынная местность, составляющая, кажется, фактическую границу маньчжурского господства на Уссури.* По крайней мере живущих далее вверх по р. Уссури китайцев они более не тревожат[3]. Наконец, последний постоянный пост маньчжурских чиновников на Нижнем Амуре находился в гольдской деревне Мылки, на рассто-

---

[1] Сведения эти мне сообщены А.А. Шильниковым.

[2] М а а к Р. Путешествие по долине р. Уссури. СПБ, 1861. С. 11, 36.

[3] В е н ю к о в М. И. Обозрение р. Уссури... //Вестник императорского Русского географического общества. Ч. 25. 1859. Отд. 2. С. 208.

янии нескольких дней пути вверх от устья Горина. *Дальше книзу среди ольчей и гиляков Нижнего Амура, равно как и у орочей по морскому берегу, в мое время не было ни маньчжурских постов, ни постоянно живущих тут чиновников. Мало того, туда не приезжали маньчжурские чиновники даже на время для сбора податей или обревизирования пограничных знаков, так что этот край, как мы, впрочем, увидим еще и ниже, пользовался, можно сказать, почти полною независимостью от маньчжуров"*[1].

Была надежда на иезуитов-миссионеров[2], посетивших в начале XVIII столетия Приамурский край по приказанию императора Канси, что у них найдутся сведения об Уссурийском крае более подробные. Оказалось, что на восток от Уссури и на побережье моря к югу от устья Амура сами они не были и сообщают только краткие сведения, полученные ими из рассказов амурских инородцев.

В 1778 году секретарь русского посольства в Пекине [А.Л.] Леонтьев[3] издал "Кратчайшее описание городам, доходам, протчему Китайского государства, а притом и всем государствам, королевствам и княжествам, кои китайцам сведомы. Выбранное из китайской государственной географии, коя напечатана в Пекине на китайском языке при нынешнем хане Кянь Луне".

В этом "Описании" (на с. 46) мы читаем:

"Против озера Болхори-омо поворотился Амур на восток, на 48-й ду сошелся с большою рекою Хунтун-гян, а на половине 48-й ду пала в Амур большая река Усули-гян; отсюда пошел Амур на северо-восток и на 53-й ду пал в море. По Амуру, начав от того места, где сошелся он с Хунтун-гяном, до самого моря часто стоят деревни и слободы".

Из этого описания мы видим, что из всего того, что было сведомо китайцам об Уссурийском крае и что значилось об этой стране в их государственной географии, это река Усули-гян — и только. *О землях, лежащих от нее к востоку, и о народах, там обитающих, у китайцев сведений тогда никаких не было.*

Первые китайцы, прибывшие в Уссурийский край, были искатели женьшеня. *Они появляются здесь незадолго, не более как за тридцать лет, до прибытия русских*[4]. Первое появление китайцев на памяти у старожилов орочей и гольдов, живущих в верхнем течении Уссури. Старики эти живы еще и теперь. Прибытие китайцев вызвало среди орочей много толков. Это было сенсационное событие. До них дошли слухи, что с запада, со стороны озера Ханка, появились какие-то новые люди — не то

---

[1] Шренк Л. И. Указ. соч. С. 59, 60.

[2] Regis, Jartoux, Fridelli, Gerbillion.

[3] Точнее — ученик Русской православной миссии в Пекине (1743—1756). После возвращения в С.-Петербург — переводчик в Коллегии иностранных дел. *(Прим. ред.)*

[4] Г-н Браиловский, полагая, что столкновение орочей-удэхе (у него удихэ) с китайцами относится к XVII столетию, впадает в ошибку. Он не различает владычества отдельных маньчжурских племен от тех китайцев, которые появились в Приамурском крае впоследствии, в XIX столетии. См. его "Тазы или удихэ". С. 53.

мужчины, не то женщины, что одеты они были в длинные одежды, не имели ни усов, ни бороды, говорили на языке, непонятном для них, и приехали на каких-то странных животных. Это были лошади, которых никогда не видели орочи. Люди эти были первые женьшеньщики.

Первые искатели женьшеня в крае не жили и осенью, с наступлением холодов, возвращались обратно. Совсем недавно (не более как за десять, за пятнадцать лет до русских) появились первые китайцы-земледельцы. Они построили маленькую фанзочку около реки Уссури, в том месте, где теперь железнодорожный мост, и отсюда на лодках с помощью инородцев подымались по рекам в горы, опять-таки в поисках за женьшенем. Никакого оружия у них тогда не было. Две другие такие же станции были —одна у устья р. Ното (фанза Цуа Ен) и другая — около урочища Анучина на р. Даубихэ. По слухам, значительно позже две фанзы появились и на берегу моря, в бухте Мэа (Владивосток)[1]. Фанзы эти были станциями, куда весной стекались манзы-искатели. С тех пор китайцы прибывают в край все больше и больше. За женьшеньщиками пришли соболевщики и звероловы, а вслед за ними появились и земледельцы. Они потеснили инородцев, и эти последние отошли в глубь страны и на север.

Как казаки в Запорожскую Сечь, так и в Уссурийский край шли китайцы. Это были или преступники, которые спасались от наказаний и бежали из своего государства, или такие, которые не хотели подчиняться законам империи и желали жить в полнейшей свободе, на воле. Отсюда и название "манцзы", что значит полный, или свободный сын[2].

Уссурийский край никогда не был местом ссылки преступников, как это часто приходится слышать. Заключение это выведено только из того, что русские застали в нем преступный элемент. Наоборот, в литературе мы находим указание на другое, действительное место ссылки: "Города Нингута и Гирин, лежащие в самом центре Сунгарийского края, а еще более находящийся уже за пределами собственно Маньчжурии, на Амуре, город Айгунь издавна упоминаются как места ссылки. Айгунь и окрестности его кверху и книзу по Амуру имеются и в тех случаях в виду, когда речь идет лишь просто о ссылке на Амур. Палладий называет в числе ссылочных мест Хулань на реке того же имени, Хулунь-Буир, и особенно Цицикар, куда высылается наибольшее число преступников, и притом самых тяжких"[3].

Уссурийский и Амурский край получал свое китайское население уже из вторых рук — с прибрежий Сунгари и ее притоков, из областей, непосредственно к ним примыкающих. Это были самовольные засельщики — "люди, не знавшие семейного очага и на родине ведшие бездомную жизнь бродяг, бедные работники и поденщики, особенно же всякого рода негодяи, подозрительные личности, преступники, беглые и тому подобный

---

[1] Китайцы Владивосток называют Хайшэньвэй, т.е. Трепанговый залив, — сокращенно Вэйцзы.

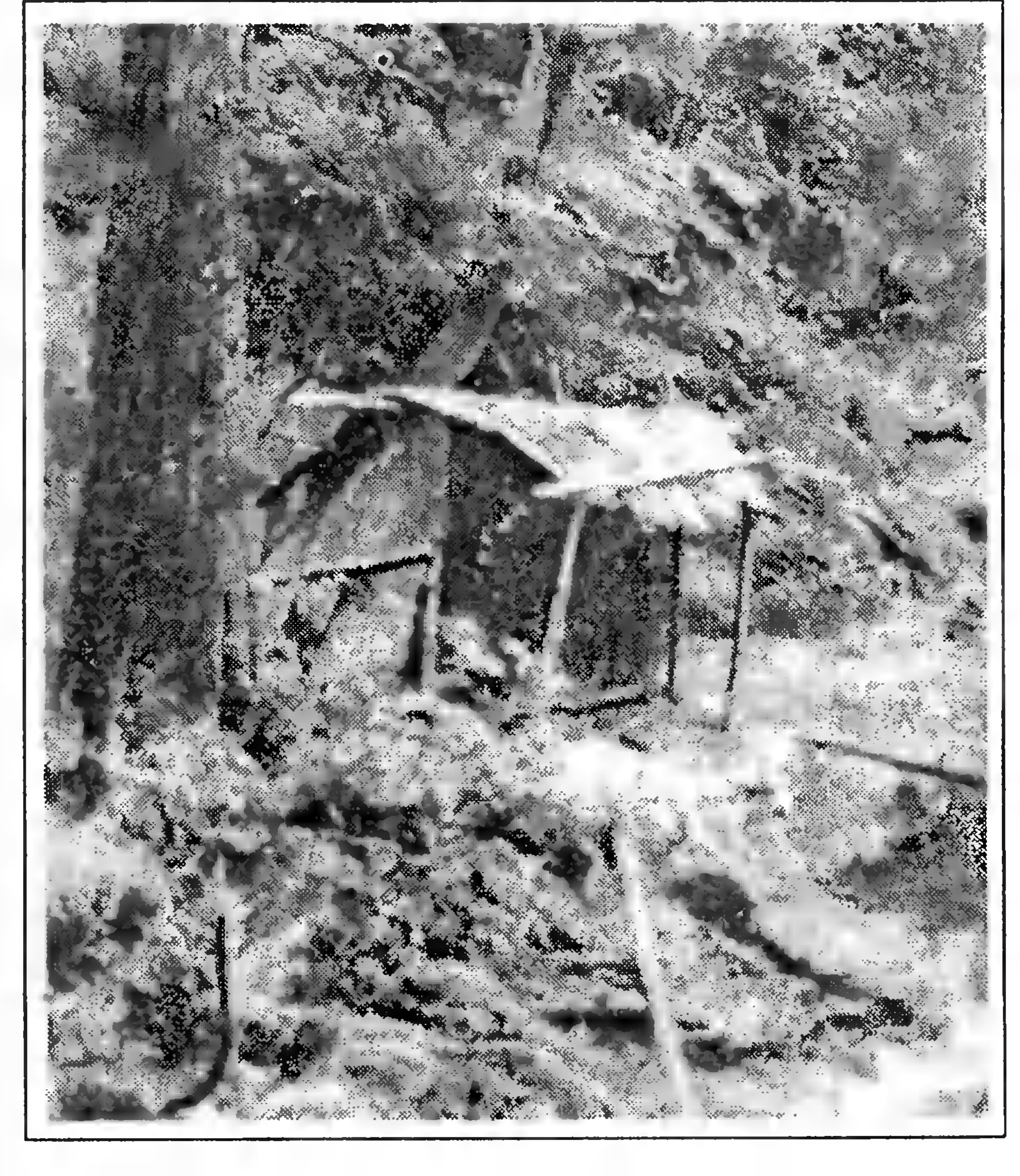
[2] Е.А.Федоров полагает, что слово "манцзы" означает "выходец из Маньчжурии".

[3] Шренк Л. И. Указ. соч. С. 64.

сброд. Они, понятным образом, в полной свободе и беззаконности, в отсутствии там всякого надзора и контроля находили особенную для себя выгоду"[1]. Эти беглые не могли возвратиться назад на родину, не могли вернуться и на Сунгари, потому что там их ждала кровавая расплата за побег. Китайцы уходили в глубь гор и лесов, стараясь всячески укрыться от русских. Этим объясняются случаи смертной казни тех безбилетных китайцев, которых русские власти при задержании отправляли в Маньчжурию в распоряжение китайского правительства.

Китайцы вообще плохо знали страну, и если и смотрели на нее как на принадлежащую к Китайской империи, то так же, как они смотрели и на все окружающие их страны и народы (в том числе и на русских), которых они считали своими вассалами и требовали от них дани.

Вот почему [Г.И.] Невельской так легко — без одного выстрела — захватил весь Уссурийский край от Амура до Владивостока. "Поднявшись по Амуру от его устья верст на 100, Невельской встретил маньчжур и от них самих узнал, что в нижнее течение Амура китайские купцы спускаются самовольно, далее они сообщили ему, *что на всем пространстве по Нижнему Амуру и к югу от него нет ни одного китайского поста и что все инородцы Нижнего Амура и по реке Уссури не подвластны Китаю и*



Балаган искателя женьшеня в тайге

[1] Усольцев А. Ф. Заханкайский край // Морской сборник. 1864. № 6. С. 190.

дани никому не платят. Последнее обстоятельство дало окончательный толчок решению [Г.И.]Невельского, и 1 августа 1850 года великий акт присоединения Приамурского края совершился. Новый пост в устье Амура назван Николаевским"[1].

Начавшиеся дипломатические переговоры о присоединении нового края к России *дали китайцам мысль*, что они имеют право на эту землю и потому могут воспрепятствовать русским. *Но отсутствие твердой уверенности*, что край принадлежит им, исключило какие бы то ни было осложнения со стороны Китая, и потому 2 ноября 1860 года, по Пекинскому договору, уссурийская окраина была окончательно присоединена к России. Но еще раньше, месяца за три, именно "20 июня 1860 года, на военном транспорте "Маньчжур" прибыла в бухту Мэа (Владивосток) команда в 40 человек нижних чинов под начальством прапорщика Комарова. С этого времени во Владивостоке постоянно уже находился военный пост"[2].

Мало-помалу китайское население Уссурийского края увеличивалось все более и более. Те, которые не были беглыми преступниками из сунгарийского района и могли вернуться в Китай, возвращались назад и рассказывали у себя на родине о неистощимых богатствах страны и о жизни на свободе. Эти рассказы разжигали любопытство, и новые толпы искателей приключений шли в неведомую страну за новым счастьем. Самое блестящее подтверждение того, что китайцы в Уссурийском крае появились недавно, мы находим в законах китайских организаций Гуань и Хуэй, о которых впоследствии я буду говорить подробнее[3]. Законы эти помечены годами 1893, 1896 и 1898-м. Эти цифры свидетельствуют о том, что *только в конце XIX века манзовское местное население увеличилось настолько, что явилась потребность в организации самоуправления, совершенно независимого от Китая.*

О том, что пекинское правительство не знало о самовольных китайских засельщиках в Уссурийском крае, видно из ст[атьи] 1-й Пекинского договора, где сказано: "Если бы в вышеозначенных местах оказались поселения китайских подданных, то русское правительство обязуется оставить их на тех местах и дозволить по-прежнему заниматься рыбными и звериными промыслами". Это "если бы оказались" и т.д. свидетельствует о том, что *правительство Поднебесной империи не было уверено, живут здесь китайцы или нет.* И это его неведение является в то время, когда в Уссурийском крае начинают уже создаваться правильные политические организации Гуань и Хуэй.

Самыми первыми переселенцами в Уссурийский край были крестьяне из Пермской губернии. В 1859 году их привезли морем в залив Св. Ольги и высадили на берег. Часть их поселилась тут же, около моря, образовав деревню Новинку, а часть перешла на р. Вайфудин, которую они назвали Аввакумовкой. Эта вторая

---

[1] Жданко М. Е. Памяти адмирала Геннадия Ивановича Невельского. Владивосток, 1913. С. 13—14.

[2] Надаров И. П. Материалы к изучению Уссурийского края. Владивосток, 1887. С. 91.

[3] Не публикуется. *(Прим. ред.)*

деревня названа была по имени реки Фудином, а впоследствии переименована в Веткино.

Частые и сильные наводнения заставили многих переселенцев в 1862 году бросить Новинку и перейти на р. Аввакумовку. То же самое произошло и с деревней Фудин. Жители ее недолго сидели на одном месте и в 1864 году переселились отчасти в село Шкотово на реку Майхэ, отчасти ближе к морю и образовали новую деревню Пермскую. Эти старожилы говорят, что когда они приехали сюда, то к югу от залива Св. Ольги на реках Ванчине и Пхусуне были уже небольшие китайские поселения, а на р. Аввакумовке они застали одних только орочей-тазов. Эти тазы хотя и жили в фанзах, но носили две косы и серьги в ушах и одевались в свою национальную пеструю одежду, сшитую из китайской синей дабы или из зверовых шкур и рыбьей кожи. У всех женщин в носу были кольца. Китайцев на р. Аввакумовке тогда не было вовсе, только у тазов в фанзах жило два старика маньчжура, Хороши и Ли Ентин. Китайские колонисты двигались с юга, со стороны Сучана и Судзухэ. *Лишь через десять лет после прибытия русских китайцы дошли до р. Аввакумовки*, и вскоре фанзы их появились на р. Тадушу. Далее на север по побережью моря китайцы проникли еще позже. Так, на реке Тютихэ они появились лет двадцать тому назад, на Такэме — лет десять и, наконец, около мыса Олимпиады совсем недавно — не более четырех-пяти лет.

Таким образом, мы можем по годам, шаг за шагом, проследить китайскую колонизацию в Уссурийском крае.

Одними из первых переселенцев в Уссурийский край были староверы. Они сначала жили на Амуре около озера Петропавловского, а потом перебрались на р. Даубихэ и на р. Улахэ, где и основали деревни Петропавловку и Каменку. Первый раз по прибытии в эти места *они застали здесь одни только зверовые фанзы* с небольшими около них огородами. Эти фанзы, смотря по времени года, навещались то соболевщиками, то искателями женьшеня. *Только в начале семидесятых годов китайцы как будто остаются здесь уже на постоянное жительство, начинают возделывать землю* и сеять пшеницу, кукурузу и чумизу. Настоящие же колонисты-земледельцы появляются в Уссурийском крае не более пятидесяти лет тому назад.

Колонизация Приамурья шла не только сухопутным путем со стороны Сунгари, но и морским путем со стороны Хуньчуня. В начале прошлого столетия хуньчуньские маньчжуры уже занимались морскими промыслами в водах залива Петра Великого. *Однако их парусные лодки на восток дальше залива Америка не заходили*. В 1831 году весной в залив Св. Ольги, не имеющий еще тогда русского названия, впервые прибыло шесть лодок под начальством маньчжура Сале Киа. Здесь, на берегу моря, пришельцы построили две фанзы. В пятидесятых годах мы находим тут уже целый поселок Шимынь, что по-китайски значит Каменные ворота. Действительно, в ста саженях от селения на северо-востоке есть такие ворота как результат размыва берега морским прибоем. *Преобладающий элемент населения Шимынь были мань-*

чжуры. Китайцы, главным образом выходцы из Шаньдуна, являлись только единичными личностями. Прибывшие впоследствии русские узкий проход в залив Св. Ольги, мель и находящуюся тут же поблизости песчаную косу назвали Кошкой, а так как маньчжурский поселок находился тут же, рядом, то впоследствии и за ним укрепилось это название.

В то время, когда Владивостока еще не существовало, а военный порт предполагалось перенести из города Николаевска в залив Св. Ольги, Шимынь был уже главным китайским торговым пунктом в Уссурийском крае. Здесь в массе добывалась морская капуста, ловились трепанги, крабы, морские гребешки и другие моллюски, о чем ниже я буду говорить подробнее. "Во главе дела тогда стояли крупные торговые фирмы из ближайших портов Китая Чифу и Циндао. Маньчжуры им были нужны как рабочая сила и как люди, с детства привыкшие к морю. Уходившие на морские промыслы из Хуньчуня выбирали от чжифу (начальник уезда, он же цзолин — начальник знамени) разрешительные отпускные свидетельства, уплачивая за каждое из них по две дяо.

Население Хуньчуньского округа все состоит из знаменных маньчжур, обязанных быть всегда в рядах войска без всяких льгот. Этим обстоятельством и объясняется строгий учет выбывающих на промыслы"[1].

Ежегодно с наступлением весны целые флотилии парусных лодок направлялись в залив Св. Ольги. По свидетельству старожилов, таких лодок приходило от 500 до 800. Все они были одного типа — это были парусные долбленые челноки, выкрашенные в черную краску. В пути и на местах промыслов всем руководили самые опытные мореходы, морские старшины (хэйбатоу), которые и являлись ответчиками перед хуньчуньским чжифу за взятых людей по количеству.

Кроме маньчжурских лодок, в Шимынь приходило много шаланд и больших кораблей. Все это нагружалось дарами моря в количестве многих сотен тысяч пудов и увозилось в Чифу и Циндао. С уходом судов жизнь на Кошке замирала. Но вот наступала новая весна — приближалось время возвращения лодок. Особо назначенные сторожевые с высокой горы наблюдали за морем, не покажется ли флотилия? Наконец желанный день наставал. Лодки приходили всегда в одно и то же время, под командой одних и тех же старшин, привозили новости и новых колонистов, привозили в плетеных тулузах масло, ханшин, холст, вату, табак, сахар, чай, соль и другие предметы.

В это время китайцы-охотники и звероловы, живущие в бассейне р. Уссури, вьючным порядком целыми караванами перебирались через Сихотэ-Алинь и привозили с собою собольи меха, панты и корни женьшеня. Здесь они продавали их купцам и здесь же в обмен получали от них товары и снова тою же дорогой возвращались на Уссури обратно.

Когда же порт из Николаевска был перенесен во Владивосток, пост Св. Ольги начал падать, а с проведением Уссурийской железной дороги он окончательно утратил свое значение. Манзы перестали совершать сюда свои путешествия, тропа стала за-

[1] Эти сведения мною получены от [А.А.]Шильникова в 1911 г.

растать, и в настоящее время только старики китайцы могут указать, где она проходила.

Итак, мы видим, *что как только русские появились в устье Амура, в заливе Св. Ольги и в бухте Мэа, китайцы тоже обращают свои взоры к берегам Великого океана и тогда только узнают об истинном протяжении Уссурийского края.* Не может быть, конечно, чтобы китайцы не знали вообще о существовании земель к востоку от Уссури, но сведения эти были у них еще слабее, еще неопределеннее, чем о местностях, лежащих к северу от Амура. *Только с 1872 года в Уссурийский край начинают приезжать китайские чиновники.* Цель их посещений — ознакомление со страной и главным образом с ее населением. Так продолжалось двенадцать лет. Еще в 1895 году китайский чиновник из города Нингуты поднимался вверх по р. Уссури и р. Улахэ до Ното. Здесь на столбе он в последний раз вывесил объявление о том, что все китайское и инородческое население Уссурийского края подвластно императору великой Поднебесной империи.

Все эти исторические факты с непостижимой[1] ясностью свидетельствуют нам, что, когда китайцы пришли на Амур, там были уже русские. Тогда казаки с инородцев для русской казны собирали ясак и имели здесь многие опорные пункты в виде разных постов, земляных укреплений и города Албазина. А потому начало российского владычества в Приамурском крае надо считать не с 1859 года[2] — года административного присоединения края, а с начала XVII столетия, то есть со времени фактического владычества русских на Амуре.

***

Рассматривая карту Уссурийского края, мы замечаем, что китайскими названиями пестрит только южная ее часть, долина р. Уссури и низовья ее правых притоков. Вся же центральная часть страны, и в особенности к северу от рек Хора и Самарги до Амура, имеет названия исключительно туземные — орочские и гольдские. Здесь нет даже и маньчжурских названий. *Из этого мы вправе заключить, что в северной части Уссурийского края никогда не было ни маньчжур, ни китайцев.*

Затем на побережье моря китайские названия имеются только в Посьетском районе, в заливе Петра Великого и распространяются на восток до реки Судзухэ, затем они становятся реже и у мыса Поворотного совсем исчезают. Отсюда к северу все мысы, все заливы и бухты — все окрещено русскими. Оно и понятно, — первые мореплаватели, появившиеся в проливе Невельского, были не китайцы, а русские.

Да и самый-то залив Петра Великого своими китайскими названиями обязан не китайскому правительству, а хуньчуньским маньчжурам, занимавшимся в этих местах морскими промыслами. Но так как в Зауссурийском крае (не на берегу моря, а на твердой земле) китайских названий все же очень много, то

---

[1] Так в тексте. По смыслу — очевидной. *(Прим. ред.)*

[2] Точнее — 1858 года, когда был подписан Айгунский договор. *(Прим. ред.)*

позволительно будет допустить, что китайские колонисты двигались сюда не морским путем, а сухопутным.

Нужно отдать китайцам справедливость, что названия свои они давали очень метко. Уже по самому названию можно приблизительно было сказать, чем замечательна та или иная местность или куда течет река, какой зверь держится в тайге и т.д. Русские, переселившиеся сюда, впоследствии большею частью удерживали китайские названия, повторяли их, сильно искажая и совершенно не понимая их значения. Получилась невозможная путаница, разобраться в которой теперь очень затруднительно, а во многих случаях даже и совсем невозможно. Это затруднение увеличивается еще и тем обстоятельством, что китайцы, по прибытии в край, сами застали много туземных названий, которые они тоже переделали по-своему (например, Амба, Бира, Адими, Себучар, Шамара, Каимбэ и т.д.). К некоторым из этих названий китайцы прибавили свою частицу хэ, например Ула-хэ. Ула по-маньчжурски означает нарицательное “река”, хэ — тоже означает реку по-китайски, и получилось в переводе что-то странное — “река-река”.

Уссурийский край китайцы называют Дун-Дзянь-Шань (буква “я” произносится с сильным оттенком буквы “е”, а буква “ш” — с слабым оттенком буквы “с”). Буквальный перевод китайских иероглифов будет “Восточные острые горы”. Иногда вместо “дзянь” китайцы говорят “да” (Дун-Да-Шань), что означает “Восточные большие горы”.

Эти оба названия связаны прежде всего с представлением о стране, в которой горный характер выражен весьма интенсивно. Резкий переход от равнинной Маньчжурии и от равнин, что у озера Ханка, к стране, которая как бы наполнена горами, впервые поразил китайцев. Слабый ум простонародья сейчас же объяснил это по-своему, сверхъестественно. На страницах китайской мифологии мы находим сказания о великане Ян Эрлане, который кнутом изгонял горы из Маньчжурии. Горы отодвигались к востоку, дошли до моря и здесь столпились на берегу Великого океана.

Местные китайцы страну также называют Усули-цзян, то есть Большая река Усули (звук “р” заменен звуком “л”). Земли, лежащие к востоку от главного водораздела, то есть прибрежный район Зауссурийского края, китайцы называют Хай-янь (читай Хай-ен, без твердого и без мягкого знака), что значит “Морское побережье”.

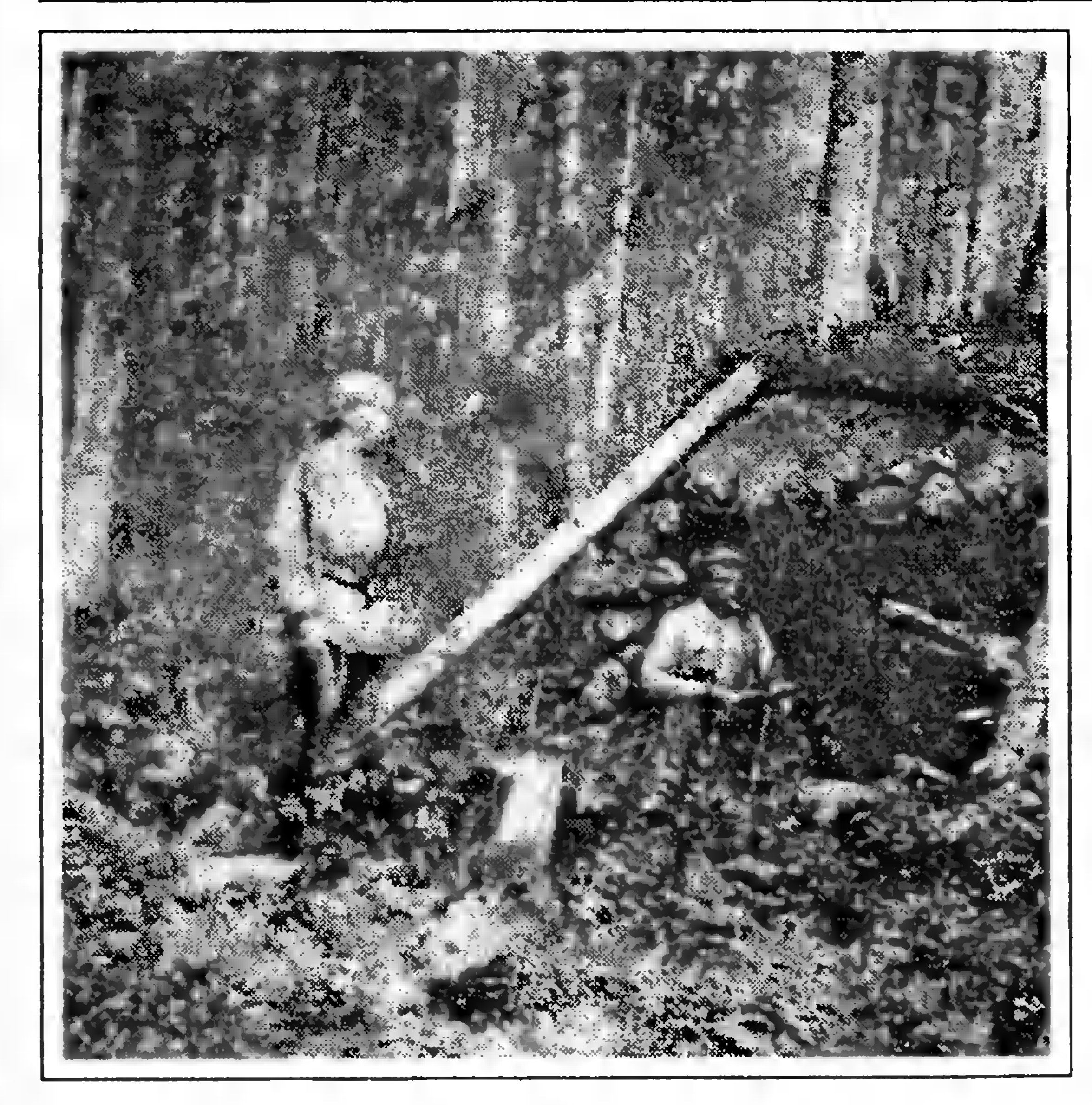
Водораздел, отделяющий Зауссурийский край от бассейна Уссури, на картах назван Сихотэ-Алинем. Название это маньчжурское и, вероятно, будет истинным. Местные китайские охотники называют его Си-хо-та-Линь и по-своему производят его от слов Си — запад, хо(хэ) — река, та (да) — большой, Линь — хребет. При таких иероглифах перевод будет: “Западных больших рек хребет”. И действительно, к западу текут такие реки, как Хор, Бикин, Иман, Ното и Улахэ. Реки прибрежного бассейна несравненно меньше. Иногда китайцы называют Сихотэ-Алинь другим именем, например Лао-Линь, что означает “Старый перевал”, в смысле седой, древний, Да-Линь, то есть “Большой перевал”. По-гольдски он будет Цзуб-Гын, а орочи его называют
 Сагды-Цзу. То и другое название значит то же самое, что и Да-

Линь. Первые русские, прибывшие в залив Св. Ольги в 1859 году, познакомившись впервые с Сихотэ-Алинем, назвали его Проходной Рубец. Это название, впрочем, не удержалось и исчезло вместе со смертью первых наших засельщиков. В настоящее время все русское население Приамурского края знает Сихотэ-Алинь под его истинным названием <...>

***

Вопрос о том, допускать ли китайцев в Приамурском крае заниматься промыслами и земледелием наравне с нашими крестьянами, вызвал в русском обществе живой обмен мнений и разделил эти мнения на два лагеря. Одни стояли за допуск китайцев в Приамурье, другие были против этого.

Предполагалось, что китайцы идут впереди русских и очищают от леса обширные площади и тем подготовляют землю для переселенцев. Это совершенно неверно. В глубине гор и лесов китайцы никогда земледелием не занимаются; земледельческие фанзы их находятся всегда в долинах, и притом в местах чистых и открытых, где достаточно есть пахотной земли и где не бывает больших наводнений. Предполагалось, что мест, удобных для заселения, с избытком хватит и для русских, и для арендаторов-китайцев. На самом же деле земли, годной для хлебопашества, вовсе не так много, как это кажется с первого взгляда. В настоящее время в Уссурийском крае весь земледельческий фонд уже исчерпан, и если остались еще кое-где в горах незанятые небольшие хуторные участки, то русскому правительству для будущих русских колонистов держать их еще некоторое время незаселенными, пожалуй, бу-



Дерсу перед хижиной охотника

дет выгоднее, чем пускать туда хищников китайцев и корейцев[1].

Было бы ошибочно думать, что так называемый "желтый вопрос" заключается только в конкуренции русского рабочего с китайским кули. В настоящее время на Востоке происходит экономическая борьба "желтых" (китайцев, корейцев и японцев) с русскими. Эмиграция китайцев в Уссурийский край, начавшаяся в половине XIX столетия, значительно обогнала русскую колонизацию. С появлением русских край этот как бы начал пробуждаться к культурной работе; понадобились рабочие руки, и такими рабочими, естественно, явились китайцы. После войны 1904—1905 г[одов] великая волна русского переселения хлынула в Приамурский край, и с этого времени число русских переселенцев начинает брать верх над численностью в стране китайских эмигрантов.

Недостаточно было только перевезти крестьян из Европейской России в Приамурье, надо было их еще устроить, надо было наделить их землей и дать им заработки. А чтобы дать им эти заработки, надо было отнять их от китайцев. О конкуренции нашего мужика с китайским рабочим не могло быть и речи, и потому правительственная власть должна была прийти на помощь переселенцу.

Рассчитывать на обрусение китайцев не приходится. Скажу более — это было бы наивно! Известно, что все "желтые" туго поддаются ассимилированию со стороны европейцев. В этом отношении они обладают какой-то особенной агрессивной силой. Я ни разу не видел обрусевшего китайца, я видел крещеных китайцев, но не обрусевших. О том, что китаец — христианин, я узнавал только тогда, когда он сам рассказывал мне об этом. Ни в строе жизни, ни в обычаях, ни в одежде, ни в привычках христианин-китаец не изменяется. И какие бы усилия ни применялись, китаец навсегда останется китайцем. И с какой стати хлопотать о китайцах, когда есть свои туземные инородцы, о которых надо позаботиться! Случаи избиения орочей палками до смерти и замораживание нагих людей на льду, имевшие место на р. Имане в поселках Вагунбе и Сяньшихеза в 1902 году, могут подтвердить вышеприведенное положение. Китаец Ли Танкуй (впоследствии арестованный) был палачом. На следствии выяснилось, что в 1900 году он был крещен и носил русское имя и фамилию Алексей Горшков. Таких примеров можно привести очень много.

Разрешение "желтого вопроса" в Приамурском крае много зависит от того, насколько вообще наша политика на Дальнем Востоке будет устойчивой. К сожалению, до сего времени она была очень неустойчива. *"Сегодня кажется так, завтра — иначе"*... Выражение это, взятое из законов китайских организаций в Уссурийском крае, более чем применимо к нашей дальневосточной политике.

В самом деле, то слышишь, что Приамурье — бесполезная для нас колония, что она даже вредна государству, что ее следует

---

[1] Вопросу о массовом переселении корейцев в Уссурийский край в ближайшем будущем посвящается особая работа.

уступить кому-нибудь из соседей и чем скорее, тем лучше. Общие толки, статьи в газетах — все направлено в эту сторону, то вдруг начинаем отстаивать интересы свои в Корее и Маньчжурии, и дело доходит до кровопролитной войны. То же самое повторилось и с таможней. То она учреждается, то вновь открывается порто-франко, то одни товары облагаются пошлиной, то другие. То же самое случилось и с вопросом относительно труда "желтых". То китайцы нужны нам, то вдруг оказывается, что их гнать следует. До 1906 года вредны были китайцы и полезны корейцы, потом, обратно, началось преследование корейцев и покровительство китайцам. Так продолжалось до 1910 года. Кто поручится, что года через два не начнется покровительство другим соседям — японцам? Такие эксперименты чрезвычайно тяжело отзываются на крае.

Даже в тех отдельных случаях, когда принимались меры против китайского и корейского засилья, они были бессистемны и непланомерны. Когда говорили, что китайцы и корейцы расхищают лесные богатства и потому их надо выселять, тогда гнали их не только из тайги, но и из городов и с заводов; когда же говорили, что на заводах рабочие нужны и выселять их не следует, тогда оставляли их не только в промышленных предприятиях и на заводах, но и в тайге, то есть если гнали китайцев, то гнали огулом и никакого различия между рабочими в городах, на заимках у крестьян, на заводах и хищниками в тайге не делалось. Только с 1911 года борьба с китайским засильем принимает более планомерный характер.

Я считаю, что "желтый вопрос" до тех пор не будет разрешен, пока все китайское население не будет разделено на четыре категории:

1) китайские охотники и звероловы;

2) китайцы-арендаторы земель у русских крестьян;

3) китайские рабочие (кули) на заводах и в различных промышленных предприятиях;

4) китайские купцы в городах, селах и деревнях.

Разберем их по порядку.

Первая категория — китайские охотники и звероловы. Этих поголовно надо выселять из тайги как хищников и браконьеров, независимо от их национальности.

Вторая — китайцы-арендаторы земель у русских крестьян (заимщики). Этот вопрос очень серьезный и очень сложный. Тут есть и положительная сторона, и отрицательная. Которая из этих сторон окажется преобладающей, зависит от того, кто интеллигентнее — китаец-заимщик или русский землевладелец. Если бы наш крестьянин был так же развит, как английский фермер, то китаец-арендатор находился бы у него в положении простого работника — и только! К сожалению, у русских крестьян мы видим совсем другое. Арендатор-китаец сплошь и рядом культурнее и образованнее своего хозяина. С этой стороны русскому переселенцу грозит опасность. Сплошь и рядом хозяином земли, фактическим хозяином положения является китаец, а русский около него, так сказать, паразитирует. Бессемейные одиночки (большею частью запасные нижние чины) живут в городах на отхожих промыслах и по нескольку лет не заглядывают на землю. /627

Очень часто бессемейные эти поселяются в одной фанзе с китайцами. Оказывается, что не работник в долгу у хозяина, а обратно — хозяин в долгу у своего работника. Это иногда доходит до того, что китаец обращается с просьбой выселить из его фанзы хозяина как тунеядца.

В настоящее время у крестьян вовсе не так много земли, чтобы они не могли ее обрабатывать сами. В деревнях все доли уже заняты. Прошло то время, когда крестьяне пахали где кто вздумает, когда пашни их терялись среди пустырей и зарослей. Ныне все номерные стодесятинники превратились в крестьян малоземельных, потому что семьи их увеличились чуть ли не втрое, а земля осталась все та же. Сдача земли в аренду китайцам особенно широко практикуется у уссурийских казаков. Я считаю, что это большое зло. Оно развращает крестьян и приучает их к ничегонеделанию. У русских переселенцев и уссурийских казаков китайцы должны быть только как рабочие, а не как арендаторы. Чтобы не было недоразумений, правило это следует распространить на всех частных землевладельцев без исключения.

Третья категория — китайские рабочие в разных промышленных предприятиях и на заводах. Не помню, кто-то очень удачно выразился, что погоня за дешевым трудом китайцев очень похожа на то, что было в Америке в XVII столетии, когда плантаторы так же гнались за дешевыми руками негров-невольников. Казалось бы, отчего не использовать китайскую рабочую силу и вместе с тем русской казне не дать возможности обогатиться несколькими сотнями тысяч рублей, взимаемых с китайцев за виды на жительство? С другой стороны, желательно дать заработки русским переселенцам. С точки зрения политической экономии, последнее предпочтительнее. Известно, что во всякую вновь завоеванную страну прежде всего идет элемент неблагонадежный. То же самое и в Приамурский край сперва пошли разные искатели приключений, беглые, ушедшие от рекрутского набора или польстившиеся на льготы здешнего края или такие (большинство), которые не могли ужиться в России, на родине ими тяготились, и односельчане всячески их от себя выживали[1].

Исключение составляли только сектанты-староверы, духоборы, молокане и другие. Это был народ трезвый, работоспособный и богатый. С 1908 года на Дальний Восток начинают прибывать настоящие переселенцы из Европейской России с твердым намерением остаться в Приамурском крае навсегда и сделать его своей второй родиной.

Попробуем сравнить русского рабочего с рабочим-китайцем. Если им задать работу на конкурс, то в течение одних или двух суток русский обгонит китайца. Первый работоспособнее и энергичнее второго. К сожалению, такой энергии у русского рабочего хватает ненадолго: вскоре начинаются прогулы. Китаец работает ровно от начала и до конца. Работа его подвигается вперед не скоро, но правильно, ритмически. Поэтому сперва китаец

[1] Описание русских поселений на Амуре и Уссури см.: Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Описание лесов Приморской области Будищева. 1898. С. 42; Алябьев. Уссурийский край. 1872. С. 92—110.

отстанет от русского, но потом он его обгонит. Прибавьте к этому скудные потребности китайцев и дешевую плату, которую они берут за свой труд, и сравните это с большими требованиями русских, с их претензиями и вечными между собою ссорами, и тогда станет ясным, почему все заводчики и промышленники предпочитают китайских рабочих.

Из всего, что изложено выше, видно, что русские рабочие конкурировать с китайцами никогда не смогут, а между тем прийти на помощь русскому мужику надо. Я полагал бы, что во всех промышленных предприятиях в крае следует ввести процентную норму как для русских рабочих, так и для китайцев. Эту процентную норму можно было бы давно ввести и начать ее хоть с единицы. Ее можно было бы с каждым годом или с каждым трех-, пятилетием медленно повышать для русских и понижать для китайцев. Эта процентная норма со временем совершенно вытеснила бы китайский труд и в то же время дала бы хозяевам возможность бороться с забастовками русских и из среды их брать только трезвых и наиболее работоспособных.

Последняя категория — китайские торговцы в городах, селах и деревнях. Посмотрите, во что одет китаец. Он весь с ног до головы одет в изделия китайских фабрик (черная ластиковая материя, синяя даба и белая дрель, черная обувь на белой подошве, китайская шапочка и т.д.). Посмотрите обстановку китайской фанзы — чайники, чашки, сундуки, трубки, котлы, веера, счеты, подсвечники, оконная бумага, конское снаряжение, кольца, бляхи, украшения, вся домашняя утварь, кузнечные, столярные инструменты и постельные принадлежности, веревки, нитки, краски и т.п. — все решительно китайское и ничего русского. Посмотрите, где китаец делает покупки? Исключительно в китайских лавках. Он готов заплатить дороже, внести пошлину, готов пройти лишних несколько верст, но непременно сделает покупки в китайской лавке. Эта удивительная солидарность и взаимная поддержка всюду красной нитью проходят у китайцев во всех их действиях, и в особенности у торговцев в отношении друг к другу. Среди русских крестьян наблюдается противное. Мелкий торговец, как только встанет на ноги, начинает немилосердно эксплуатировать своих собратьев. Вот почему русские мужики предпочитают у себя в деревнях открывать не русские лавки, а китайские. И тут мы наталкиваемся на ту же картину, как и в рабочем вопросе: китайские купцы в деревнях культурнее русских мелочных торговцев.

Выше было сказано, какую связь китайские лавки в деревнях имеют с китайскими купцами в городах, а эти последние — с главными торговыми фирмами в Чифу и Циндао. Это всегда надо иметь в виду при решении всякого китайского вопроса, а вопроса о торговле — в особенности.

Сейчас создалось такое положение вещей, что сразу удалить всех китайских торговцев нельзя, потому что и крестьяне, и инородцы останутся без кредита и без предметов первой необходимости. Мне кажется, что и здесь можно было бы ввести процентную норму, сообразуясь с числом русских лавок и с числом дворов в деревне. Следует постепенно сокращать китайские лав-

ки и за счет их выдвигать русские. Другая мера — это увеличение пошлины не только на предметы роскоши, но и на все предметы китайского обихода, не исключая плотничных и огородных инструментов. Это принудит китайцев подделываться под вкус русских и приобретать русские товары с русских фабрик. Мера эта в значительной степени сократит переливание русского золота из Приамурья за границу.

В заключение будет уместным указать еще на одну нашу слабую сторону по управлению Восточной Сибирью.

Для борьбы с "желтыми" мы слабы своей неорганизованностью. В самом деле, что может сделать один лесничий с четырьмя лесниками, имея в своем ведении от десяти до двадцати миллионов десятин леса? Что может сделать один начальник Удского уезда, район которого охватывает значительную часть побережья Охотского моря, все нижнее течение Амура и всю северо-восточную часть Уссурийского края до мыса Олимпиады? Что могут сделать два маленьких "крейсера надзора" по охране берегов Великого океана от Владивостока до пролива Дежнева? То же самое можно сказать и про врача, и про священника-миссионера, и про крестьянского начальника.

Теперь посмотрим, какое положение занимает Приамурский край на Дальнем Востоке по отношению к своим соседям. Взглянув на карту, мы видим, что Монголия, объявившая себя самостоятельной, отделена от Китая пустынею Гоби (Хангай). Южная Маньчжурия принадлежит китайцам номинально, фактически в ней хозяйничают японцы. Северная Маньчжурия, таким образом, становится тоже отрезанной от Китая. Пекинское правительство поняло это и стало ее быстро колонизировать. Если Россия на Северную Маньчжурию имеет какие-либо виды, то вопрос этот надо решать теперь же, пока она еще недостаточно заселена китайцами. Надо помнить, что, приобретая страну, приобретаешь и ее население. По сравнению с другими областями Восточной Сибири в особенно невыгодном положении находится Уссурийский край. Спускаясь к югу по побережью моря, он как бы вклиняется между тремя государствами, изобилующими своим населением. С запада — многолюдный Китай, с юга — земледельческая Корея, с востока — культурная Япония. Нет ничего удивительного, что корейцы эмигрируют в Россию и садятся на землю, японцы ловят рыбу у наших берегов, а китайцы хищничают в тайге.

Уссурийский край — своего рода буфер, выдерживающий натиски "желтой расы". Все другие области, как Якутская, Забайкальская и даже Амурская, пребывают в более благоприятных условиях; они удалены и потому не находятся под натиском "желтых".

Уссурийский край — будущий театр военных действий, и потому все мероприятия правительства должны быть прежде всего направлены на Амур вообще и на Уссурийский край — в особенности.

Старые и новые названия географических объектов, упоминаемых В.К. Арсеньевым

От комментатора

Научное и литературное наследие В.К. Арсеньева все еще не изучено с той тщательностью, какой оно заслуживает. Во всяком случае бесспорным является тот факт, что к его дневникам, отчетам о научных экспедициях, к опубликованным им книгам и статьям не так-то уж часто обращаются современные географы, геологи, археологи, этнографы, экологи, топонимисты, историки, а также административные работники и политические деятели. И дело тут не в том, что "Арсеньев устарел". Просто есть очень серьезные трудности при работе с его текстами. И едва ли не самая главная из них (по крайней мере в области физической географии, топографии, топонимики) — трудность идентифицирования упомянутых им орографических, гидрографических и иных объектов с их современными названиями. Ведь многие наименования рек, гор и т.п. были с тех пор изменены, причем некоторые — даже неоднократно!

На протяжении почти ста лет эти названия трансформировались и изменялись, и даже специалисты в области ономастики подчас но могут дать ответ на вопрос, о каком объекте упоминает В.К. Арсеньев в той или иной работе. Например, весьма интересна для геологов информация, которую они могут получить, прочитав в книге "Дерсу Узала" следующее: "Выше реки Буй километров на десять есть каменный уголь. Лет тридцать тому назад, во время пала, он загорелся и с той поры все время тлеет под землею. Другие выходы каменного угля на земную поверхность находятся по ключику Необе, с левой стороны Кусуна, в 25 километрах от моря..."

Не ищите названий этих рек и ключика на топографических картах, не ищите их также и в Списках физико-географических объектов, переименованных в соответствии с решением Приморского крайисполкома № 1167 от 11 ноября 1970 года и утвержденных начальником Главного управления геодезии и картографии 26 марта 1973 года, — их там нет.

К 1973 году река Буй носила название Улунга, Кусун называли Кхуцином, и при последнем переименовании они получили соответственно названия Лосевка и Максимовка. Ключик же Необе утратил свое название, так как перестал иметь значение определенного ориентира для туземного населения.

Мне довелось пройти по большинству троп, по которым пролегали маршруты В.К. Арсеньева. Пепел моих костров остался на берегах рек Уссури, Даубихе, Улахе, Суйфун, Судзухе, Сучан, Иодзыхе, Лефу, Билембе, Кема, Арму, Кусун, Кулумбе, Иман, Анюй, Хор, Санхобе, Тормасу, Кур, Сооли, на берегах

озер Ханка, Синдинское, Петропавловское, Благодати, Кизи и на множестве других рек и озер Приморья, Приамурья, Камчатки, Чукотки, Сахалина, Курильских островов, Забайкалья. Подчас костры горели на местах, где разбивал свои биваки Арсеньев. И в душе на всю жизнь осталась светлая память о хрустальной чистоте воды горных рек, задумчивой тишине кедровников, запахе вейниковых лугов, встают перед глазами сверкающие ледники на вершинах вулканов, и видится опаловая дымка летнего знойного дня между синеющими вершинами таежных сопок. Как и Арсеньеву, мне пришлось путешествовать не ради любопытства, а выполняя работу, нужную людям. И потому я взял на себя ответственность сделать примечания к тексту В.К. Арсеньева в настоящем издании и привести новые названия тех физико-географических объектов, которые упомянуты путешественником, — с тем, чтобы человек, идущий по маршруту Владимира Клавдиевича или просто оказавшийся в арсеньевских местах, мог четко представлять, где он находится, мог сравнивать увиденное своими глазами с описанием первопроходца. Конечно, для читателя всего удобнее было бы иметь перечень старых и новых названий с расположением в алфавитном порядке. Но такой список породил бы другое неудобство: ведь существовало довольно много объектов с одинаковыми названиями, их "сортировка" потребовала бы дополнительных разъяснений, читателю пришлось бы неоднократно обращаться к тексту книги и к списку, держать в памяти гидронимических "тезок" из разных бассейнов и т.п. Поэтому названия в списке идут в том порядке, в каком они упомянуты В.К. Арсеньевым, т.е. по ходу повествования, постранично.

1. "По Уссурийскому краю"

1.	с. 41	Горы Да-дянь-шань	— горы Пржевальского
2.		Река Даубихе	— Арсеньевка
3.		-«- Майхе	— Артемовка
4.		-«- Сучан	— Партизанская
5.		Бухта Майтун	— Муравьиная
6.	с. 42	Река Тангоуза	— участок р. Кневичанка от оз. Кролевецкое до р. Артемовка
7.		Озеро Сан-Поуза	— Орловское
8.		-«- Эль-Поуза	— Кролевецкое
9.		Река Кангоуз (Кангауз)	— Суходол
10.		-«- Лефу	— Илистая
11.		-«- Цимухе (Циму)	— Шкотовка
12.		-«- Суйфун	— Раздольная
13.		-«- Бейца (Бейча)	— Стеклянуха
14.	с. 46	Река Улахе	— участок р. Уссури от устья р. Матвеевка до устья р. Арсеньевка
15.	с. 57	Гора Тудинза	— назв. утрачено. Находится к юго-западу от горы Ивановская
16.	с. 60.	Река Хунгари	— Гур в Комсомольском и Амурском районах Хабаровского края

17.	с. 65	Река Малая Лефу	— Малая Илистая
18.	с 69	-«- Хунухеза	— назв. утрачено, река не идентифицирована
19.		-«- Сандуган	— Снегуровка
20.	с. 97	Гора Хандо-динза-сы	— Острая
21.		Село Нижне-Романовское	— пос. Кировский
22.		Гора Тырыдинза	— назв. утрачено
23.	с. 102	Река Ситухе (Шитухе)	— Крыловка
24.		Фанза Хаудиен	— место около современного села Подгорное
25.	с. 103	Река Тудагоу	— участок р. Арсеньевка от слияния рр. Долбыхе (верховье р. Арсеньевка) и Сучанская Речка (Прозрачная) до р. Эрльдагоу (Эльдагоу; Муравейка)
26.		-«- Эрлдагоу (Эльдагоу)	— Муравейка
27.		-«- Сандагоу	— участок р. Уссури от р. Поперечка до р. Матвеевка
28.		-«- Сыдагоу	— Извилинка, правый приток в верховьях р. Уссури
29.		-«- Ханихеза	— Варфоломеевка, правый приток р. Арсеньевка
30.		-«- Яньцзиньгоу (Янцзыгоу)	— Покровка, правый приток р. Арсеньевка
31.		-«- Чаутангоуза (Чао Шангоуза)	— Рославка, правый приток р. Арсеньевка
32.		-«- Хамахеза	— назв. утрачено, предполож. это р. Быстрая (Лючихеза)
33.		-«- Даубихеза	— Синегорка , левый приток р. Арсеньевка
34.		-«- Шитухе	— Каменка, левый приток р. Арсеньевка
35.		-«- Угыдынза	— Пятигорка, левый приток р. Арсеньевка
36.		Фанза Лин-да-пау (Индапал)	— место у впадения р. Арсеньевка в р. Уссури, около горы Утес
37.	с. 109	Речка Чжумтайза	— Марьяновка
38.		Река Тяпигоу	— Охотничья
39.		-«- Ното (Нотохе)	— Журавлевка
40.		-«- Вамбахеза (Лампахеза)	— Кокшаровка
41.		-«- Фудзин	— Павловка
42.		-«- Хуанихеза	— Загорная, левый приток р. Уссури
43.		-«- Вангоу (Ванга)	— Краснояровка, левый приток р. Уссури
44.	с. 126	Деревня Нотохоуза	— деревня Саратовка
45.		Река Себучар	— Откосная
46.		-«- Табахеза	— Матвеевка, левый приток р. Уссури
47.		-«- Синанца (Синанча)	— Медведка, левый приток р. Уссури
48.		-«- Янмутьхоуза	— верховье р. Уссури от истока до устья р. Поперечка
49.		-«- Тадагоу (Тудагоу)	— Чугуевка, правый приток р. Уссури

/633

50.	с 126	Река Эрлдагоу (Эльдагоу, Эрльдагоу)	— Соколовка, правый приток р. Уссури
51.		-«- Сандагоу (здесь имеется в виду Малая Сандагоу)	— Вязовка, правый приток р. Уссури
52.		Бухта Ванчин (Ванцин)	— Милоградовка
53.	с. 138	Местность Иолайза	— местность около левого берега р. Павловка, напротив населенного пункта Павловка
54.	с. 140	Река Ваку (Вака)	— Малиновка, левый приток р. Большая Уссурка
55.		Ли-Фудзин	— Павловка
56.	с.141	-«- Тадушу	— Зеркальная, впадает в бухту Зеркальная (бухта Лафуле)
57.		-«- Чау-сун (Синтуха)	— Изюбринка, левый приток р. Павловка
58.		-«- Синанца (Синанча, Селенча)	— Антоновка, левый приток р. Павловка, Чугуевский р-н
59.	с. 150	-«- Чжюдямогоу (Чуматагоу)	— Прав. Извилинка
60.	с. 152	-«- Вай-Фудзин	— Аввакумовка
61.	с. 157	-«- Синь-Квандагоу	— Казаковская
62.	с. 159	-«- Тудагоу	— Фурмановка, правый приток р. Аввакумовка
63.	с. 160	Речка Танюгоуза	— Рыловская Падь
64.		-«- Хэмутагоу	— Крестовая, левый приток р. Аввакумовка
65.		-«- Куандинза (Квангинза, Куань-динцзы)	— Выгонка
66.		-«- Харчинкина	— Харченковая Падь
67.		Река Кудяхе (Кудья)	— Гранатная, правый приток р. Амгу в Тернейском р-не
68.		Местность Сяень-Лаза	— около правого берега р. Павловка вблизи пос. Антоновка Чугуевского р-на
69.	с. 161	Река Эрлдагоу (Эрдагоу)	— Форельная, правый приток р. Аввакумовка
70.	с. 164	-«- Пхусун (Пфусунг)	— Маргаритовка, впадает в бухту Моряк-Рыболов
71.	с. 165	Касафунова падь (Чамигоуза)	— Кастафунова Падь
72.		Река Сандагоу	— Минеральная, впадает справа в р. Аввакумовка
73.		Гора Тазовская	— Половинкина, высота 1101 м
74.	с. 166	Река Арзамасовка	— Арзамазовка
75.	с. 187	-«- Малая Сандагоу	— Солонцовая, верхний правый приток р. Минеральная из басс. р. Аввакумовка
76.		-«- Большая Сандагоу (Сандагоу)	— Минеральная, правый приток р. Аввакумовка
77.	с. 189	-«- Хулуай (Холувай)	— Тумановка, впадает в залив Владимира
78.		Фанза Че Фана (падь Чуфанка)	— падь Лещинная
79.	с. 190	Река Угловая	— падь Бурхановская
80.	с. 192	-«- Сибегоу (Сибайгоу)	— Устиновка, правый приток р. Зеркальная

81	с 192	Фальи пади	— соотв. Вторая и Первая Фаль
82		Река Вымойная	— падь Вымойная
83.		Речка Клышная	— падь Тарадаилова
84.	с 199	Река Владимировка	— Тимофеевка, впадает в залив Владимира
85.	с 202	Полуостров Валюзека	— Балюзек
86.	с 207	Озеро Топауза	— Известняк
87.		Река Топауза	— Брусиловка, впадает в оз Известняк
88.	с. 208	-«- Чензагоу	— назв. утрачено
89.		-«- Сяо-поуза	— падь Овсянникова, ручей впадает в оз. Зеркальное, соединенное с р. Зеркальная около ее устья
90.	с 210	Речка Дунгоу	— назв. утрачено
91.		Река Канхеза	— падь Стороженкова
92.		-«- Цимухе (падь Тетюхинская)	— падь Кисина
93.		Речка Либагоуза	— падь Деревянкина
94.		-«- Дитагоуза	— назв. утрачено
95.		-«- Квандагоу	— падь Гороховая
96.		-«- Сяень-Лаза	— назв. утрачено, правый приток р. Зеркальная между насел. пунктами Зеркальный и Богополь (оба на левом берегу)
97.		-«- Сяо-лисягоу	— назв. утрачено, правый приток р. Зеркальная в 1 км ниже устья р. Курчумка (Кирчимка; Да-Лисягоу)
98.		-«- Да-лисягоу	— Курчумка, правый приток р. Зеркальная
99.		-«- Юшангоу (Юшаньгоу)	— Садовая
100.		-«- Юшангоу	— Пеструшка, в 10 км выше по течению от р. Садовая (Юшаньгоу, Юшангоу)
101.		Река Сибегоу	— Устиновка, правый приток р. Зеркальная
102.		Речка Хайсязагоу	— ручей Базовый
103.		-«- Цименсангоуза	— падь Грушевая
104.		Река Динзахе (Кенцухе)	— Высокогорская
105.		Гора Кита-шань (Дита-кямони)	— Голая
106.	с. 212	Речка Чингоуза	— назв. утрачено, речка не идентифицирована; вероятно, падь Теневая (Индолаза)
107.	с. 216	Река Вангоу (Лудевая, Лудье)	— Кавалеровка
108.		Скала Янтун-Лаза	— гора Горелая со скалами
109.	с. 217	Река Люденза	— Партизанская
110.		-«- Дунбей-цы	— Перевальная
111.		Ключ Салингоу	— назв. утрачено
112.		-«- Царлкоуза	— назв. утрачено
113.		-«- Сатенгоу	— назв. утрачено
114.		Река Дананца	— Дорожная, левый приток р. Журавлевка

115.	с 222	Река Квандагоу (Синанча)	— Еловая, левый приток р Павловка (в пределах Кавалеровского района)
116.	с. 232	-«- Фудзин	— участок р. Павловка от устья р. Антоновка (Синанца, Селенча) до впадения в р. Уссури (Улахе)
117.	с 233	-«- Поугоу (Пога)	— Шумная
118.	с. 235	-«- Дабэйца (участок р Ното)	— участок р. Журавлевка от слияния рр. Северянка (Куэнца) и Лесистая (Табайча) до устья р. Дорожная (Дананца)
119.		-«- Себучар	— Откосная
120.	с. 242	Гора Тудинза	— Темная (высота 1058 м)
121.	с. 243	Фанза Цоцогоуза	— около устья ручья Верхний при его впадении в р. Кавалеровка
122.		Река Тунца (исток р. Лудье; Вангоу)	— исток р. Кавалеровка
123.		Речка Сяоца	— ручей, впадающий слева в р. Кавалеровка в пределах пос. Фабричный
124.	с. 244	-«- Сиявангул	— ручей, впадающий в р. Кавалеровка слева в пределах поселка Кавалерово
125.		-«- Та-Сица	— ручей Ветвистый, впадающий справа в р. Кавалеровка в ее верхнем течении
126.		-«- Сяо-Сица	— назв. утрачено; впадает в р. Кавалеровка справа, напротив поселка Фабричный
127.	с. 245	Ключ Талаза-гоу	— назв. утрачено, находится около скалы Поворотная
128.	с. 247	Река Динзахе	— см. № 104
129.	с. 248	-«- Канхеза (Ердагоу)	— Мирная, правый приток р. Высокогорская
130.	с. 250	-«- Удагоу	— Пиритная, правый приток р. Высокогорская
131.		-«- Сица (исток р. Кенцухе)	— исток р. Высокогорская
132.		-«- Дунца (Тунца)	— ручей Ветвистый, левый верхний приток р. Высокогорская
133.	с. 251	-«- Инза-Лазагоу	— Кривая, правый приток р. Рудная
134.		-«- Сица	— исток р. Кривая
135.		-«- Тунца	— Медвежья, верхний правый приток р. Кривая
136.		-«- Тютихе (Тетюхе)	— Рудная, впадает в бухту Рудная
137.	с. 252	Ручей Тамчасегоу (Дамачацзыгоу)	— назв. утрачено
138.		-«- Панчасегоу (Пань-чан-гоу)	речка Прямая, правый приток р. Кривая
139.	с. 257	Река Вандагоу (Ваньдагоу)	— Монастырка
140.		Фанза Тадянза	— назв. утрачено
141.	с. 258	Речка Сысенкурл	— назв. утрачено

142	с 258	Речка Сибегоу	— назв. утрачено
143.	с 267	Река Лянчихеза (ручей Китайский)	— ручей Путеводный, правый приток р. Большая Уссурка в ее верховье
144.		-«- Иман (Ниман; Има)	— Большая Уссурка
145.	с 268	-«- Ханихеза	— Еловый Ключ
146.	с. 272	-«- Синанца (Большая Синанча)	— Черемуховая, правый приток р. Джигитовка
147.		-«- Папигоуза	— исток р. Черемуховая
148.	с. 276	-«- Аохобе (Эхе)	— Лидовка
149.		-«- Мутухе	— Опричнинка, впадает в залив Опричник
150.		-«- Дунца	— назв. утрачено, водоток не идентифицирован
151.	с. 278	Речка Турлдагоу (Первый Лангоу)	— Дубровка
152.		-«- Эрлдагоу (Второй Лангоу)	— Сосновка
153.		-«- Сыдагоу	— Прямая Падь
154.		-«- Сандагоу	— ручей Веселый
155.	с. 283	-«- Оленья	— Первый Ключ
156.		-«- Медвежья	— Второй Ключ
157.		-«- Зверовая	— Третий Ключ
158.	с. 288	Река Сеохобе (Лудевая)	— Кедровка в верхней части и Оленья в низовье
159.		Озеро Малое	— Круглое
160.		-«- Среднее	— Мраморное
161.		-«- Долгое (Великое)	— Духовское
162.	с. 290	Река Тхеибе (Корейка)	— Филаретовка
163	с. 292	-«- Иодзыхе	— Джигитовка
164.		-«- Санхобе (Сахамбе, Санкэ, Саченбея)	— Серебрянка (от устья до левого притока р. Заболоченная)
165.	с. 293	-«- Кусун (Кхуцин)	— Максимовка
166.		-«- Дунгоу	— Куналейка
167.	с. 296	Гора Хунтами	— Верблюд
168.	с. 297	Река Мулумбе (Мули)	— Озерный Ключ
169.		-«- Хунтами	— Голубичная
170.		-«- Каимбе (Кая)	— Сухой Ключ
171.	с. 299	-«- Сяненгоу (Сюсюгоу; Вилка)	— падь Устюговка
172.	с. 300	Бухта Терней	— Серебрянка
173.	с. 301	Река Сица	— Серебрянка от истоков до ее левого притока р. Заболоченная
174.		-«- Дунца (Туньша)	— Заболоченная
175.	с. 302	Речка Нанца	— назв. утрачено, идентифицировать не удалось; возможно, это Горелый Ключ
176.	с. 304	Река Дананца (Да-Нанца)	— Большая Южная, левый приток р. Колумбе
177.		-«- Да-Лазагоу	— Еловый Ключ, левый приток р. Серебрянка
178.	с. 309	-«- Дунца	— см. № 174
179.	с. 310	-«- Фату (Фата)	— Сигнальная
180.		Речка Сяоца (Майса)	— Ясная, правый приток р. Заболоченная

181.	с. 313	Река Дунца	— Сахалинский Ключ, впадающий в р. Заболоченная (Туньша) справа в ее верховьях
182.	с. 317	-«- Нанца (здесь Верхняя Нанца)	— Резвушка,впадающая слева в р. Колумбе. Верхнее течение р. Колумбе до притока Серокаменка (Бейца) Арсеньев считал рекой Санцаза
183.	с. 319	-«- Бейца	— Серокаменка, правый приток р. Колумбе
184.		-«- Кулумбе	— Колумбе (от места слияния рр. Серокаменка, Полуденная и верховьев р. Колумбе до устья)
185.	с. 325.	-«- Санцаза	— Колумбе (от истоков до устьев рр. Серокаменка и Полуденная)
186.		-«- Дабейца	— Большая Северная, правый приток р. Колумбе
187.		-«- Янху	— назв. утрачено, предполож. р. Грозная (в прошлом Сандо-Бяза)
188.		-«- Нэйкуле	— Микула, левый приток р. Арму
189.		-«- Сяо-Нанца (Сяонанца)	— Приточная, левый приток р. Колумбе
190.		-«- Сяобейца (Сяо-Бейча)	— Пионерка, правый приток р. Колумбе
191.	с. 327	Поселок Сидатун	— Мельничное
192.	с. 329	Гора Яммудинзца (Ямутинза)	— Приисковая
193.		Река Гадала	— назв. утрачено, не идентифицировано
194.	с. 331	Ключ Таухомиору	— назв. утрачено, ключ не идентифицирован
195.		Стойбище Лаолю (Лаулю)	— поселок Дерсу
196.	с. 332	Река Хутадо	— назв. утрачено
197.	с. 333	-«- Синанца (Синанча)	— Перевальная
198.	с. 335	Селение Сянь-ши-хеза (Санчихеза)	— поселок Островной
199.	с. 336	Река Вагунбе (Вахумбе)	— Беглянка
200.	с. 337	Местность Хозенгоу	— местность в районе пос. Дальний Кут
201.	с. 339	Река Ташидохе (Ситуха)	— Черемшанка
202.		-«- Тхетибе (Татибе, Тайцзибери)	— Дальняя, правый приток р. Большая Уссурка
203.		Гора Ломаза-цзун	— назв. утрачено
204.		Река Тайнгоу	— назв. утрачено
205.		-«- Цуцувайза (Чичивеза)	— Косогорка
206.		-«- Сяо-Шибахе (Шивилеза)	— Кетовая
207.	с. 340	-«- Чанцзуйзу (вероятно, Мал. Холмихеза)	— предполож. р. Спутница
208.		Река Цологоуза (вероятно, Холмихеза)	— предполож. р. Холминка
209.		-«- Сибича (Сибичи)	— Голубица

210	с 340	Река Сяо-Сибичи (Мал. Сибичи)	— Правая Голубица
211		-«- Санчаза (Бол. Сибичи)	— Левая Голубица, левый приток р. Голубица
212		-«- Бейцухе	— Маревка, правый приток р. Большая Уссурка
213		-«- Шитохе (Ситуха)	— Средняя, левый приток р. Бикин
214.		-«- Талингоуза (Долингоу)	— Продолинка, левый приток р. Дальняя
215.		-«- Цамцагоуза (Чамчигуза)	— Ягодная, левый приток р. Дальняя
216.		-«- Поумазыгоу (Мал. Талингуза)	— Придолинка, левый приток р. Дальняя
217.		Гора Чанцзуйзу	— Учебная
218.		Речка Шаньдапоуза (Сидапо, Сядопоуза)	— Верх. Послушанка, левый приток р. Большая Уссурка
219		Река Ханихеза	— Крутоярка, левый приток р. Большая Уссурка
220.		-«- Бэйлаза (Байлаза)	— Излучинка, левый приток р. Дальняя
221.		-«- Дунанца (Тунанца)	— Тигринка, левый приток р. Дальняя
222.		-«- Динзахе	— назв. утрачено, река не идентифицирована
223		-«- Картун	— не идентифицирована
224.		Поселок Картун	— Вострецово
225.	с. 341	Река Яумуга	— назв. утрачено, река не идентифицирована
226.		-«- Вамбалаза	— Долинка, правый приток р. Большая Уссурка
227.		-«- Тундагоу	— Вершинная, левый приток р. Большая Уссурка
228.		-«- Хоамихеза	— назв. утрачено, река не идентифицирована
229.	с. 343	Низина Лофанза	— назв. утрачено
230.	с. 344.	Сопки Коу-цзы-шань	— назв. утрачено
231.		Река Нэйцухе (Найцухе)	— Наумовка, левый приток р. Большая Уссурка
232.		-«- Хайнето	— назв. утрачено, река не идентифицирована
233.	с. 346	-«- Бэйцухе	— см. № 212
234.		-«- Ситухе (Шитохе)	— Средняя, приток р. Бикин
235.		-«- Дунанца (Бол. Туганча)	— Нижняя Лимониха, левый приток р. Маревка
236.		-«- Хайке	— назв. утрачено; предполож. р. Еловка, левый приток Маревки
237.		-«- Сатохе	— назв. утрачено; предполож. ручей Кабаний, левый приток Маревки
238.		-«- Сиксинда (Шексинда)	— Вороновка, левый приток р. Маревка
239.		-«- Сяухеза	— предполож. Измайлиха, правый приток р. Маревка
240.		Река Ханихеза (предполож. Ханихеза 2-я)	— предполож. Шпальная 2-я, правый приток р. Маревка
241.		-«- Ушанка (предполож. Ханихеза 1-я)	— предполож. Шпальная 1-я, правый приток р. Маревка

242	с 346	Река Малая Бэйцухе (предположительно р Холмихеза)	— предполож. Широкая, правый приток р Маревка
243	с 348	-«- Вака. В верховье Вака состояла из трех рек:	— Малиновка, левый приток р. Большая Уссурка
244		Тудо-Вака	— верхнее течение р. Малиновка
245.		Сандо-Вака	— Ореховка, правый приток р. Малиновка. От слияния рр. Сандо-Вака и Тудо-Вака начиналась р. Вака (Малиновка)
246		Эльдо-Вака	— Горная, левый приток р. Ореховка (Сандо-Вака)

2. "Дерсу Узала"

1.	с 359	Река Такема (Великая Кема)	— Кема
2.		-«- Амагу (Магу, Амули, Ама-гоу)	— Амгу
3.		-«- Кумуху (Куму, Кумму)	— река Кузнецова
4.		-«- Санда-Ваку (Сандо-Вака)	— Ореховка, правый приток р. Малиновка в Дальнереченском районе
5.	с. 361	Мыс Майдль	— мыс Майделя
6.	с 362	Залив Америка	— Находка
7.	с. 368	Река Кулема	— Курума, левый приток р. Джигитовка
8.		-«- Иодзыхе	— участок р. Джигитовка от устья до ее правого притока р. Черемуховая
9.	с. 373	-«- Литянгоу	— Бол. Иванга, левый приток р. Джигитовка
10.	с. 374	-«- Дунгоу	— Куналейка, левый приток р. Джигитовка
11.	с. 377	-«- Сяо-Иодзыхе (Ипуть)	— Ветродуй, правый приток р. Джигитовка
12.	с. 378	Сопка Да-Лаза	— гора Утесная (639 м), справа от устья р. Черемуховая
13.		Река Синанца (Синанча)	— участок р. Черемуховая от устья до ее правого притока р. Шептун
14.		-«- Ханьдахеза (Хантахеза)	— верхнее течение р. Джигитовка от истоков до устья ее правого притока р. Черемуховая
15.		-«- Сица	— верхняя часть р. Серебрянка от истоков до ее левого притока р. Заболоченная
16.	с. 380	-«- Да-Синанца (Бол. Синанча)	— верхняя часть р. Черемуховая от истоков до ее правого притока р. Шептун

17	с 380	Река Сяо-Синанца (Мал Синанча)	— Шептун, правый приток р Черемуховая
18	с 381	-«- Пярлгоу	— предполож. Ключ 2-й, впадающий справа в р. Черемуховая
19.		-«- Изимлу	— предполож. Ключ 1-й, впадающий справа в р. Черемуховая в ее верховье
20.		Речка Лазагоу	— продполож. Евлантиевский Ключ, левый приток р. Черемуховая
21.		-«- Хунголягоу	— предполож. Казенный Ключ, левый приток р. Черемуховая в ее верховье
22.	с. 382	Река Санхобе (Санкэ, Саченбея, Сахамбе)	— участок р. Серебрянка от устья до ее левого притока р. Заболоченная
23.	с. 390	Речка Бея (Иеля)	— Скрытая, левый приток р. Серебрянка
24.		Река Ното	— Журавлевка, правый приток р. Уссури
25	с. 391	-«- Кудяхе (Кудя, Кудия, Кудя-Бязани)	— назв. утрачено
26.		Гора Зун-Ган-шань	— -«-
27.		Река Тавайза (Омуски)	— Русская, впадает в бухту Русская, названную в 1787 г. Лаперузом бухтой Терней
28.		-«- Адимил (Акма, Агама, Стар. Тавайза)	— Леворучейная, впадает в бухту Русская
29.		Фанза Дун-Тавайза	— назв. утрачено, фанза находилась около устья р. Леворучейная
30.	с. 392	Река Фату (Фарту, Фата)	— Сигнальная, левый приток р. Заболоченная
31.		-«- Билимбее (Билембе, Белембе)	— Таежная, впадает в Японское море
32.	с. 394	Речка Секуму	— падь Сорок Девятая
33.		-«- Одега Первая	— Первый Ручей
34.		-«- Одега Вторая	— Второй Ручей
35.		Ручей Тания (Сивера)	— ручей Бессонова
36.		Речка Вязтыгни (Таверо)	— Опасная
37.		-«- Хотзе	— назв. утрачено
38.		-«- Иеля	— -«-
39.		-«- Шакира	— Лиственный
40.	с. 397	Река Кулумбе (Куле)	— Пещерная, впадает в Японское море
41.	с. 407	-«- Даубихе	— участок р. Асеньевка от устья до ее правого притока р. Муравейка
42.	с. 415	-«- Фудзин	— Павловка, правый приток р. Уссури
43.	с. 417	-«- Конор (Кондо)	— Заводская, впадает в Японское море в 7 км к югу от р. Малая Кема
44.		-«- Бейца	— здесь имеется в виду река Бея, ныне р. Скрытая
45.	с. 420	-«- Чюриги	— Селенга, правый приток р. Малая Кема в ее нижнем течении

46.	с. 420	Река Горелая	— ручей Петрованов, правый приток р. М. Кема
47.		-«- Сакхома (Сяо-Кема)	— участок р. М. Кема от устья до правого верхнего притока ручья Орел
48.	с. 423	-«- Угрюмая (ручей Китайский)	— ручей Орел, правый верхний приток р. Малая Кема
49	с. 424	-«- Сяо-Кунчи (Секунжа)	— Геологическая, правый приток р. Кема
50.	с. 433	-«- Кусун (Куи, Куги, Кусунгоу, Кхуцин)	— Максимовка, впадает в Японское море
51.		-«- Момокчи (Мамучи)	— ручей Лосиный
52.		-«- Вандагоу (Квандагоу)	— река Щербатовка, правый приток р. Максимовка
53.		-«- Илимо (Ильмо)	— Тальниковая, правый приток р. Кема
54.		-«- Чаку (Чека)	— Дракон, левый приток р Тальниковая
55.		-«- Такунчи (Такунжа)	— Западная Кема, правый приток р. Кема
56	с. 434	-«- Цимухе (Чима)	— Брусничная, левый приток р. Кема
57.	с. 437	-«- Охотке (Ыоготхо, Агато, Ахте)	— Долинная, левый приток р. Кема
58.		-«- Чандингоуза	— с достаточной точностью не идентифицирована, предполож. р. Тяньчингоуза (Тонекуза), ныне р. Смеховка, правый приток р. Кема
59.	с. 439	-«- Хумо	— не идентифицирована
60	с. 441	-«- Талда (Таратай)	— Холмогорка, левый приток р. Западная Кема
61.	с. 444	-«- Судзухе	— Киевка, впадает в бухту Киевка между мысами Островной и Сутковского
62		-«- Пхусун (Пфусунг)	— Маргаритовка, впадает в бухту Моряк-Рыболов
63.		-«- Улахе	— участок р. Уссури от устья р. Матвеевка до устья р. Арсеньевка
64.		-«- Вай-Фудзин	— Аввакумовка, впадает в залив Ольги
65	с. 451	Гора Тяньчин-Лаза (Такунжа)	— Преграда (1564 м)
66.		Река Тяньчингоуза (Тенекуза)	— Смеховка, правый приток р. Кема
67.		-«- Сица	— участок р. Порожистая от слияния рр. Прав. и Лев. Порожистая до устья, впадает справа в верхнем течении р. Кема
68.	с. 455	-«- Чен-Шенза	— Правая Кема
69.		-«- Сая-Дунца (Сяо-Дунца)	— Левая Кема
70.		-«- Сяо-Дунца (Седунца)	— Ущельная, левый приток р. Кема в ее верхнем течении
71		-«- Ыоготхо (Агато, Ахте)	— Долинная, левый приток р. Кема в ее верхнем течении

72	с. 458	Река Чэ-Бязани (Левый Кхуцин)	— Средняя Максимовка
73	с. 462	Речка Хуля	— назв. утрачено, предполож. ручей Глубокий, впадающий в море к северу от р. Кема
74		Река Шооми (Сеами, Соми, Шома)	— Лиственная, впадает в море около мыса Большева
75		-«- Аохобе	— Лидовка, впадает в море в 10 км к сев. от бухты Рудная
76		-«- Коами (Агана, Лоаенгоу)	— не идентифицирована
77.	с. 466	-«- Мутухе	— Опричнинка, впадает в бухту Опричник
78	с. 467	Ключ Дзалянкуни (Талянкуни)	— назв. утрачено
79		Ручей Асектани	-«-
80	с. 468	Речки Гаппакси, Була, Толомги	— не идентифицированы
81		Речка Яшу	— ручей Лосиха
82.	с. 470	Река Яхо-деи-Санка (Найна)	— Первая Утесная, впадает в море около мыса Александра
83	с. 472	-«- Нахтоху (Нахтахе; Лебедева)	— Кабанья
84	с. 473	-«- Магу (Амули, Амагоу)	— Амгу
85.		-«- Квандагоу (Вандагоу, Сундуга)	— Щербатовка, впадает в р. Амгу справа около ее устья
86		-«- Кудяхе (Кудья)	— Гранатная, правый приток р. Амгу около ее устья
87.	с. 478	-«- Дунанца (Шами)	— Леоновка, левый приток р. Амгу в ее среднем течении
88.	с. 480	-«- Эрлдагоу	— Муравейка, правый приток р. Арсеньевка
89.	с. 493	Скала Ян-Тун-Лаза	— скала Монах
90.	с. 496	Речка Мэяку (Михейзуйза)	— не идентифицирована, назв. утрачено
91.		Река Соен (Суа, Соага, Сайон)	— Живописная, впадает в море около мыса Брусничный
92.		-«- Найна (Ту-Найна)	— Рыбная
93.		-«- Калама (Бол. Карыма)	— Теплая
94.		Речки Гианкуни и Лоси	— не идентифицированы
95.		Речка Огоми	— ручей Севастьяновский, впадает справа в р. Живописная
96.		-«- Гага	— верхняя часть р. Живописная
97.	с. 497	Речка Канходя	—не идентифицирована, назв. утрачено
98.	с. 499	Река Витухе (Вилюхе)	— Моховая, правый приток р. Максимовка около ее устья
99.	с. 500	-«- Самарга (Самальга, Беглянка)	— утвердилось название Самарга

100.	с. 500	Река Тадушу	— Зеркальная, впадает в бухту Зеркальная между мысами Выступ и Зеркальный
101.		-«- Тетюхе	— Рудная, впадает в Японское море около мыса Бринера
102.	с. 502	-«- Уленгоу (Буй, Улунга)	— Лосевка, левый приток р. Максимовка
103.		-«- Един (Иде-бе)	— Единка, впадает в Яп. море около мыса Гладкий
104.	с. 503	-«- Тахобе	— Соболевка, впадает в Яп. море
105.		Ручей Диенсу (Тахобинский)	— Верблюжий
106.	с. 504	Река Кумуху (Куму, Кумму)	— река Кузнецова, впадает в море около мыса Олимпиады
107.		-«- Нор	— левый приток р. Уссури, на территории Китая
108.	с. 505	-«- Бали	— не идентифицирована
109.	с. 510	-«- Мыхе (Улунга)	— Светловодная, левый приток р. Бикин
110.	с. 511	-«- Цаони	— река Панькова, правый приток р. Кузнецова
111.	с. 513	-«- Сваин (Бабкова, Сюэн)	— Бурливая
112.	с. 516	-«- Холонку (Халланку)	— Светлая, впадает в море около мыса Сосунова
113.	с. 518	-«- Дя	— предполож. ручей Юрков
114.		-«- Хунды	— предполож. ручей Максимкин, правый приток р. Светлая
115.	с. 519	-«- Тальмакси	— Малая Светлая, левый приток р. Светлая
116.		-«- Пия (Башкирка)	— Пея
117.	с. 520	-«- Сololи	— не идентифицирована
118.		-«- Пуйму	— -«-
119.		-«- Дагды	— -«-
120.	с. 521	Реки Монинги 1-я, Монинги 2-я, Тигдаму, Олосо	— -«-
121.		Река Нахтоху (Пакту, Нактана, Нунгини, Лебедева, Нахтахе)	— Кабанья, впадает в бухту Крепостная
122.	с. 524	-«- Нунгини	— верхнее течение р. Кабанья, от истоков до правого притока р. Дагды
123.		Реки Малу-Сагды, Малу-Ниаса, Эйфу, Адани, Тыонгони	— не идентифицированы
124.	с. 525	Река Бия	— продполож. Черепановский
125.		-«- Локтоляги	— предполож. Бойкий
126.		-«- Эхе (Ахобе)	— Венюковка
127.	с. 526	-«- Ходэ	— не идентифицирована
128.	с. 527	Реки Хулеми, Гоббиляги	— -«-
129.	с. 539	Река Унтугу-Сагды	— -«-
130.	с. 541	Императорская гавань	— Советская гавань
131.	с. 545	Река Цзава	— не идентифицирована

132	с 545	Река Бягаму (Биамо)	— ручей Угольный, левый приток р Максимовка
133		-«- Че (Чиинка)	— Большая Луговая, левый приток р Максимовка
134		-«- Агдыня (Правая Агдунья)	— Севастьяновка, правый приток р. Максимовка
135		Речки Ионя 1-я, Ионя 2-я, Ионя 3-я	— соответственно: Старушечий, Батуевка, Фунтикова
136	с 546	Река Одо (Адо)	— Орлиная, правый приток р. Максимовка
137.		-«- Буй (Улунга)	— Лосевка, левый приток р. Максимовка
138.		-«- Фу (Фугу)	— Буяниха
139.		-«- Сололи (Шалали)	— Удачная, левый приток р. Максимовка
140.		-«- Сидэкси (Садакси, Сидэгней 1-я)	— Мал. Максимовка
141.		-«- Оддэге	— ручей Бабушкин, правый приток р. Максимовка
142.		-«- Сидэгней 2-я	— Междуречье, правый приток р. Максимовка
143.		-«- Холосу (Холосо)	— не идентифицирована, предполож. р. Некрасовка, левый приток р. Максимовка
144.		Ключи Необе и Цзава 3-я (руч. Болотный)	— ключ Необе находится между реками Ионя 3-я и Олосо
145.	с. 555	Река Мыге (Мыхе, Улунга)	— участок р. Светловодная от истоков до устья р. Бол. Светловодная
146.	с. 559	-«- Бейси-Лаза (Бачелаза)	— Ключевая, правый приток р. Бикин
147.		-«- Лаохозен (Лаухузен, Лаухе)	— Пантовая, правый приток р. Бикин
148.	с. 563	-«- Сагды-ула	— не идентифицирована
149.		-«- Канготу (Ганготу)	— Струистая, правый приток р. Бикин
150.		-«- Хабатоу (Хабагоу)	— Виденка, правый приток р. Бикин
151.		-«- Давасигчи	— Тавасикчи, левый приток р. Бикин
152.	с .569	-«- Катэтабауни (Катэ-Табань)	— речка Катан, правый приток р. Бикин
153.	с. 577	-«- Митахеза	— Леснуха, левый приток р. Бикин
154.		-«- Хайтун (Хойтун)	— Таймень, правый приток р. Бикин
155.	с. 579	-«- Амбахаза	— Амба
156.		-«- Тугулу	— предполож. р. Тахало, правый приток р. Бикин
157.		Местность Сыфонтай	— местность около устья р. Кленовка и протоки Ильмовая
158.		Местность Ванзиками	— местность между устьями рр. Амба и Тахало
159.		Горы Вамбабоза	— назв. утрачено
160.	с. 580	Село Сиян (Слин)	— Нижнее Село (нежилое), назв. на картах существует

161.	с 580	Гора Нюосыдыцзы (Нюсутинза)	— Вилюйка
162.		Местность Сигоу	— урочище Полянки
163.	с. 582	Река Гонгулаза (Гонголауза, Конгулаза)	— Васильевка, правый приток р. Бикин
164.		-«- Олон	— Олонка, приток р. Бикин
165.		Село Табандо	— Верхний Перевал
166.	с. 583	Река Култухе (Ольду, Култуха)	— Улитка, правый приток р Алчан
167.		-«- Малая Лултухе (предполож Мал. Култухе)	— предполож Мал. Улитка
168.		-«- Таудахе	— не идентифицирована

3. Авторские примечания к "Дерсу Узала"

К главе третьей

1. Река Сяо-Иодзыхе (Ипуть)	— Ветродуй, правый приток р. Джигитовка
2. -«- Дунгоу	— Куналейка, левый приток р. Джигитовка
3. -«- Литянгоу	— Бол. Иванга, левый приток р. Джигитовка
4. -«- Иман	— Большая Уссурка
5. Перевал Хунтами (имеется в виду хребет Хунтами)	— хр. Дальний

К главе четвертой

6. Река Секуму (Сектозу)	— падь Сорок Девятая
7. -«- Одега 1-я	— Первый (ручей)
8. -«- Одега 2-я	— Второй (ручей)
9. -«- Тания (Седонер, Дана, Сивера)	— река Бессонова
10. -«- Вязтыгни (Таверо)	— продполож. Опасная
11. Речка Хоомы	— назв. утрачено
12. -«- Хотэ	— -«-
13. -«- Онектого (Онектозо)	— -«-
14. Река Таэле (Таэ)	— -«-
15. -«- Билимбее	— Таежная
16. Ручей Иеля	— назв. утрачено
17. Речка Шакира	— Лиственный

К главе двенадцатой

18. Ручей Момокчи (Мамучи)	— Лосиный
19. Река Найна	— здесь имеется в виду р. Первая Утесная
20. Хребет Габаци	— назв. утрачено
21. Река Кулумбе	— Пещерная
22. Ручей Яшу (Ягасу)	— ручей Лосиха
23. -«- Уяхги-Бязани	— назв. утрачено
24. -«- Санкэ	— -«-
25. -«- Капуты	— -«-
26. -«- Янужа	— -«-
27. Гора Габади	— -«-

28. Гора Дюнахе — назв. утрачено
29. -«- Яндоюза — -«-
30. Речка Тыченга (Тэенга, предполож. Вторая Найна) — предполож. Вторая Утесная
31. Ключ Ватенга (Батунчи, предполож. Третья Найна) — предполож. Третья Утесная
32. Хребет Карту — назв. утрачено
33. Ключ Чани — -«-
34. -«- Кальма (Калама) — -«-
35. -«- Анчи — предполож. Чистякова
36. Речка Куа — назв. утрачено
37. -«- Сангасу — -«-
38. -«- Чангоми — -«-
39. -«- Ламукси — -«-
40. Река Квандагоу (Вандагоу, Сундуга) — Щербатовка
41. -«- Амагу (Магу) — Амгу
42. -«- Кудяхе (Кудья) — Гранатная
43. -«- Найна — см. № 19
44. Горный кряж Чанготыкалани — назв. утрачено

К главе шестнадцатой

45. Река Тахобе — Соболевка
46. -«- Коде (Кудия) — Куница
47. Ручей Хуаты — продполож. Еловый
48. -«- Боноксе — -«- Правая Куница
49. -«- Буланя — -«- Марьин
50. Речка Хулялиги — -«- Столбиков
51. -«- Бали — -«- Сергеев
52. -«- Онюхи — -«- Зайков
53. -«- Анмали — -«- Николаев
54. -«- Саха — -«- Сух. Соболевка
55. -«- Каньджу — Фартовый
56. -«- Агдыхе 2-я — Березовый
57. -«- Агдыхе 1-я — Горелый
58. Река Кумуху (Куму) — река Кузнецова
59. -«- Яаса 1-я — исток реки Кузнецова
60. -«- Яаса 2-я — Медвежий
61. -«- Усмага — Таловый
62. -«- Тапку — Березовый
63. -«- Ного — назв. утрачено
64. -«- Тагды — Купоросный
65. Ручей Хандями — назв. утрачено
66. -«- Дыонго — -«-
67. Река Цыгони (Цаони) — река Панькова
68. Ручей Лиго — назв. утрачено
69. -«- Цаолосо — -«-
70. -«- Будыге — -«-
71. -«- Амукта — -«-

К главе семнадцатой

72. Река Сваин (Сюэн) — Бурливая
73. Ручей Юкса — назв. утрачено
74. -«- Геу — назв. утрачено
75. -«- Суня (Сунерл) — предполож. Малый Супер
76. -«- Сигбали — назв. утрачено
77. -«- Бален — -«-

78. Речка Бизису	— Каменка
79. Река Бабкова	— на совр. Картах река Бобкова, находится в 10 км к северу от р. Сваин (Бурливая)
80. Речка Омосо	— не идентифицирована
81. -«- Илянту	— -«-
82. -«- Яктыга	— назв. утрачено
83. Река Кумуху	— см. № 58
84. Мыс Сосунова (Хорло-дуони)	— назван в честь военного топографа Александра Ильича Сосунова, в 1874 г. в экспедиции Л.А. Большева выполнявшего съемку побережья Татарского пролива

К главе восемнадцатой

85. Река Кюмо	— Кюма
86. -«- Найна	— здесь продполож. Малая Кюма
87. -«- Эгей-бе (Эхе, Ахобе)	— Венюковка
88. Речка Бяпу	— предполож. Черная Речка
89. Река Един (Иди-бе, Перетычиха, Перетычина)	— Единка
90. Хребет Матамай	— назв. утрачено
91. -«- Камуран	— -«-
92. Высоты Курхай и Уо	— -«-
93. Река Самарги (Самальга, Беглянка)	— Самарга
94. -«- Нахтоху (Лебедева, Нахтахе)	— Кабанья
95. -«- Дака	— верхнее течение р. Единка с ручьем Темный
96. -«- Тунга	— Топографическая
97. Речка Баня	— Болотный
98. -«- Пюгата	— Елисеев Ключ
99. Река Амдасу	— Андаса
100. -«- Слогойе	— Шолоха
101. -«- Очжура	— Адюга
102. Речка Хунимикчи	— не идентифицирована
103. Река Эхе	— здесь р. Ахобе (Венюковка)
104. -«- Улиха	— Антошкин Ключ
105. Речка Янго	— Прав. Антошкин Ключ
106. Река Тали	— Аврора
107. -«- Бя	— Бе
108. Речка Чокчи	— Белочка
109. Река Яа	— назв. Яа сохранилось, здесь имеется в виду Правая Яа
110. -«- Цзагдасу	— Конопелькин Ключ
111. Речка Хоймо	— не идентифицирована
112. Река Оло	— Водопадный
113. -«- Югихе (Юхе)	— Чернышевка
114. Речка Дюго-Югихе 1-я	— не идентифицирована
115. -«- Дюго-Югихе 2-я	— -«-
116. -«- Есынгу	— предполож. Нижн. Самаровский
117. -«- Ада	— -«- Караванов
118. Река Талма	— не идентифицирована
119. -«- Сесынгу	— -«-
120. -«- Дгихе	— не идентифицирована
121. -«- Пия	— Пея
122. Речка Нианса	— не идентифицирована

123. Речки Эхе, Унтугу, Сэсн, Кансу и Огоми	— идентификации не поддаются, их перечисление не соответствует географической ситуации
124. Горный кряж Гарасун	— назв. утрачено. На указанном участке между Нахтоху (Кабанья) и р. Пия (Пея) горного кряжа, параллельного морю нет, между этими реками в море впадает река Ахами
125. Река Кусун (Куи, Кусунгоу, Кхуцин)	— Максимовка
126. -«- Такема (Великая Кема)	— Кема
127. -«- Эхе	— предполож. ручей Нестеров
128. -«- Тыанга (Адо)	— Орлиная
129. Речки Куансу, Цзагдай 1-я, Цзагдай 2-я и Одо	— притоки р. Орлиная, назв. утрачены
130. Речка Одо	— по этому притоку р. Тыанга получила название Адо (переименована в Орлиную)
131. -«- Баланты	— назв. утрачено
132. Река Агдыня (Агдунья)	— Севастьяновка
133. Речка Такдыни 1-я (Лев. Агдунья)	— Мал. Севастьяновка
134. -«- Такдыни 2-я	— Березовый, левый приток р. Севастьяновка
135. -«- Чжоля 1-я (Сунсайкин)	— ручей Дедушкин
136. -«- Чжоля 2-я	— назв. утрачено, правый приток р. Максимовка между ручьем Дедушкин и реч. Мал. Максимовка
137. -«- Сидэкси 1-я (Сидакси, Сидегней 1-я)	— Мал. Максимовка
138. -«- Сидэкси 2-я (Сидегней 2-я)	— Междуречье
139. -«- Оддэге	— ручей Бабушкин, правый приток р. Максимовка
140. -«- Цзагда	— Безымянная, правый приток р. Максимовка
141. Ручей Хойма	— предполож. ручей Седло
142. -«- Няобязани	— не идентифицирован
143. Речка Ионя 1-я	— ручей Старушечий
144. -«- Ионя 2-я	— Батуевка
145. -«- Ионя 3-я	— Фунтикова
146. -«- Олосо	— Горбуновка
147. -«- Болуня (Баланье)	— Междугорка
148. -«- Буй (Уленгоу, Улунга)	— Лосевка
149. Река Фугу (Фу)	— Буяниха
150. -«- Бягаму (Биамо)	— Угольный
151. Речка Сололи (Шалали)	— Удачная
152. -«- Бяя (Южн. Мугдо)	— Верхотуровка
153. -«- Чигали	— назв. утрачено
154. Река Че (Чиинка)	— Бол. Луговая
155. Речка Холонку	— предполож. ручей Бол. Изюбриный, левый приток р. Бол. Луговая
156. -«- Цзава 1-я	— ручей Обманный
157. -«- Цзава 2-я	— ручей Козлиный
158. -«- Цзава 3-я	— ручей Болотный
159. -«- Цзава 4-я (Лев. Кхуцин)	— Лев. Максимовка

160. Речка Доони-Куи	— истоки р. Мал. Максимовка (Средн. Кхуцин). В результате невнимательности в 1973 г. при переименовании р. Кхуцин в р. Максимовка и ее притоков Сидакси (Мал. Максимовка) и Сред. Кхуцин (Мал. Максимовка) в басс Максимовки образовались две речки Мал. Максимовка
161. Река Цзагды	— не идентифицирована. Судя по описанию, В.К. Арсеньев имел в виду р. Че (Бол. Луговая), с истоков которой можно перевалить как в басс. Кемы, так и в басс. Бикина

К главе двадцатой

162. Река Бики-Нюньи	— истоки и верхняя часть р. Бикин
163. -«- Бики-Чжафа	— Зева, левый приток р. Бикин
164. -«- Бягаму (Биамо)	— Бол. Светловодная и участок р. Светловодная от устья Бол Светловодной до устья р. Светловодная при ее впадении в р. Бикин
165. -«- Един	— см. № 89
166. -«- Нахтоху	— см. № 94
167. -«- Холонку (Халленку)	— Светлая
168. -«- Кумуху	— Кузнецова
169. -«- Тахобе	— Соболевка
170. -«- Бикин (Бики, Дизинхе)	— Бикин
171. -«- Яунга	— не идентифицирована
172. -«- Имагасигчи	— не идентифицирована
173. -«- Хутунге (Хутунгоу)	— ручей Хвойный
174. -«- Ховангда (Хандагоу)	— Террасная
175. -«- Арму	— здесь имеется в виду р. Валинку (она же Арму)
176. -«- Лаохозен (Лаохузен, Лаухе)	— Пантовая
177. Гора Нянкулакчи	— Желтый Яр
178. -«- Танцанза (Ташанза)	— Башенная
179. Стойбище и река Хабагоу (Хабатоу)	— Виденка
180. Река Гану (предполож. руч. Хабагоу)	— предполож. Ниж. Виденка
181. -«- Сагды-ула (предполож. Дилянгу)	— предполож. Кремневка
182. Речка Санкэри	— предполож. Межевая
183. -«- Мудян	— Проточная
184. -«- Сумугэ (Шимухе)	— ручей Снеговой, левый приток р.Бикин
185. -«- Хаатанге (Хайлянку)	— Холодная
186. -«- Дунгоуза (Дунгуза)	— Оморочка
187. Гора Сигонку-Гуляни (Сигонку)	— Пятачковая

К главе двадцать второй

188. Речка Мангу (Мааягу)	— Отрожистая
189. -«- Дунди (Дундегоу)	— Гонгобяса
190. -«- Нуньето (предполож. Гунчугу)	— Пушная
191. -«- Катэтабауни	— Катан
192. -«- Гуньето	— судя по описанию, здесь опечатка, имелась в виду Нуньето (Пушная)
193. -«- Дунгоуза (Дунгуза). Здесь имеется в виду Мал. Дунгуза	— Мал. Оморочка
194. Ключ Кайлю	— Кайлу
195. -«- Суйдагоу (Сыдынгоу)	— Верблюжья
196. Река Чжаньжигоу	— не идентифицирована
197. -«- Улема	— -«-
198. Ключ Хакке	— предполож. Бяосани
199. Река Митаэза (Мутагоуза, Метахенза, Митахеза)	— Леснуха
200. -«- Буйдихеза (Байдихеза, Байдзаюза)	— Кленовка
201. -«- Тайцзибери (Тайдзибери, Текибира, Тхетибе, Татибе)	— Дальняя
202. Гора Хойтун	— Тигровая
203. -«- Тайчин	— не идентифицирована
204. -«- Джогдай	— Дегдеюони
205. -«- Чугунтай	— не идентифицирована
206. -«- Сюгдонтай (Сыфонтай, Саванте)	— Клин
207. -«- Бомыдинза (Боумаза)	— Бунтарь

К главе двадцать третьей

208. Тулугу	— на схеме маршрутной съемки В.К. Арсеньева и в тексте его книги река и местность названы Тугулу. На отчетной карте 1908 г. астронома полковника Селиверстова населенный пункт назван Тоголё
209. Река Тугулу (Тоголё)	— Тахало
210. -«- Дзахали	— назв. утрачено
211. -«- Дзамацигоуза (Чумчугуза)	— Столбовая
212. -«- Мадагоу	— Медвежья
213. -«- Саенга (Шаньяньгоу)	— назв. утрачено
214. -«- Дагоу (Бол. Даинговка)	— Тучная
215. -«- Рхауза	— назв. утрачено
216. -«- Цамодинза (Чомудинза, Сичу-мау-диуза, Удя Макчи)	— Поляниха
217. Речка Хубиаса (Чубгуцзай)	— не идентифицирована
218. -«- Дауден (Даянгоу, Даянгу)	— Отроговая
219. Протоки Маумаса, Агаму, Кагалатун)	— не идентифицированы
220. Протока Чинтафу	— Базисная
221. Река Сигоу	— Вилюйка
222. Местность Сигоу	— урочище Полянки
223. Речка Олон	— Олонка
224. -«- Чинтафу	— Сазанья

225. Речка Чинтаису (Бол. Синтун)	— Бол. Берестянка
226. -«- Ганау (Гонголадэи, Гонголауза, Конгулаза)	— Васильевка
227. -«- Саласу-мангу (предполож. Умхе)	— предполож. Веснянка
228. -«- Мамубясани	— Бол. Мом-Биосани
229. -«- Сиата-Биасани (Чембен)	— Островная
230. -«- Чамбана (Потамчи)	— Мал. Мом-Биосани
231. Река Ситухе (Ситуха)	— Средняя
232. Ключ Чжумтайза	— предполож. Отшельник
233. -«- Лянситоу	— назв. утрачено
234. -«- Сантун (предполож. Мал. Фундатагоу)	— продполож. Мал. Петлянка
235. -«- Фундасу (Фундагоу)	— речка Петлянка
236. -«- Лянь-синь-гоу ду шуй (Хундали)	— назв. утрачено
237. Речка Даянгу (Даелга)	— Северянка
238. -«- Люсу (Лисухе, Люцихе)	— Предгорная
239. Река Бенедзе (Бенихеза, Бонихеза, Панихеза)	— Заломная
240. Речки Алайчи, Ланжихеза 1-я, Ланжихеза 2-я, Мажичжуйзу, Наминял	— не идентифицированы
241. Гора Чомуынза	— -«-
242. Речка Гонсанзафар	— -«-
243. Река Ханихеза (Хамыхеза, Канихеза)	— Змеиная
244. -«- Нюдерга (Нюонихеза, Нюдихеза)	— предполож. Кедрач
245. Речка Шаньзягаму	— назв. утрачено
246. Село Табандо (Банадо)	— Верхний Перевал
247. Река Силан	— участок р. Бол. Сахалинка от устья до правого притока р. Ульяновка
248. -«- Силан-шань	— Ульяновка
249. -«- Большой Силан	— участок р. Бол. Сахалинка от истоков до ее правого притока р. Ульяновка
250. -«- Малый Силан	— Сахалинка
251. -«- Дзягомбо	— не идентифицирована
252. Хребет Самур (Самурский)	— Хребет Стрельникова, назван в честь Героя Советского Союза Ивана Ивановича Стрельникова, погибшего 2 марта 1969 г. в бою с нарушителями государственной границы
253. Река Хондервеза (Самбурова)	— не идентифицирована. Возможно, имелась в виду река Самур

Составил Григорий Левкин

СОДЕРЖАНИЕ

ДЕРСУ УЗАЛА

Арсеньев В.К.

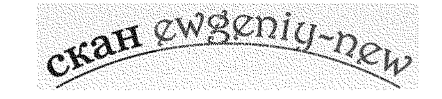
А 85 Избранные произведения: В 2 т. Т. 1. По Уссурийскому краю. Дерсу Узала /Вступ. статья И. Кузьмичева. — Хабаровск: Кн.изд., 1997. — 656 с., ил.

ISBN 5-7663-0374-2

В первый том включены научно-художественное произведение "По Уссурийскому краю", в основу которого легли события экспедиционной жизни в уссурийской тайге в 1906 г., и документально-художественная повесть "Дерсу Узала". В качестве приложения дан отрывок из книги "Китайцы в Уссурийском крае".

А $\frac{\textbf{4803010201-1}}{\textbf{М160(03)-97}}$ **Без объявл.**

ББК 84.3Р7
А 85



Владимир Клавдиевич Арсеньев

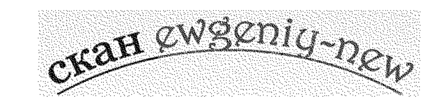
Избранные произведения

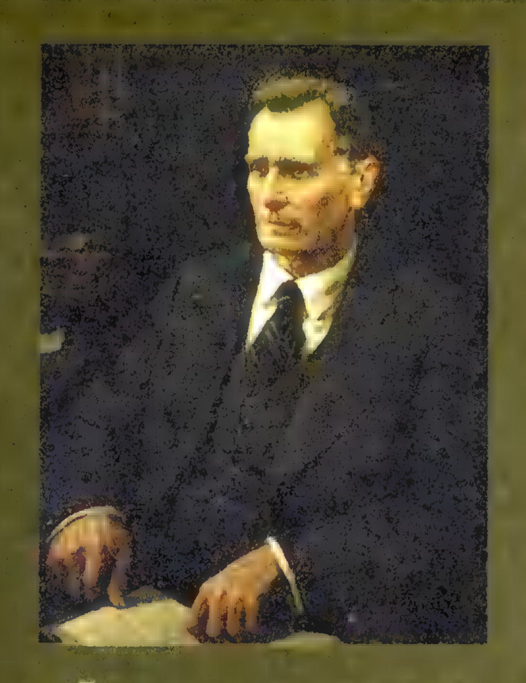
Том 1

По Уссурийскому краю. Дерсу Узала

Редактор В.Ф.Ковтун
Художественный редактор А.Н.Посохов
Технические редакторы Т.В.Короткова, Н.Б.Хохлова
Компьютерный набор и верстка А.Ф.Трухляев
Корректор И.Л.Руднянская

Лицензия ЛР № 010022 от 14.01.1997.
Сдано в набор 05.06.96. Подписано к печати 08.07.97.
Формат 84x108 1/32. Бумага тип.№ 2. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 34,44. Уч.-изд. л. 38,59.
Тираж 5000 экз. Заказ 4045.
Хабаровское книжное издательство
Комитета Российской Федерации по печати.
680620, г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.
Хабаровская краевая типография
Комитета по печати администрации
Хабаровского края.
680038, г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.





Всемирная слава выпала на долю Владимира Клавдиевича Арсеньева (1872—1930), выдающегося дальневосточного путешественника, писателя и мыслителя. Книги его и поныне переиздаются в США и ФРГ, Индии и Японии, в других странах, но особенно актуальны они для россиян.

В классических трудах друга Дерсу Узала, "вселенская душа" которого оказалась созвучна глобальным исканиям современности, ищут они ответы на драматические вызовы эпохи на рубеже XX и XXI веков. Идет ли речь об экологической катастрофе, симптомы которой все чаще сотрясают континенты, или о проблемах межцивилизационных контактов, ныне вышедших на первое место в мировой геополитике, или о будущем нашего Дальнего Востока,— везде В. К. Арсеньевым сказано свое веское слово, не считаться с которым сегодня не вправе никто. Слишком дорого обошлись человечеству ошибки как далекого, так и сравнительно недавнего прошлого. Новое время их и для людей, и для природы может оказаться роковым...

Надеемся, труды В. К. Арсеньева, составившие наш двухтомник, окажут духовную поддержку всем, кто противостоит силам хаоса и распада. В них — свет надежды, мощь и красота жизни!

Среди тех, кто готовил это издание, не было ни одного равнодушного к творческому наследию В. К. Арсеньева.

Составитель и ответственный редактор В. С. Шевченко много лет занимается скрупулезным изучением трудов писателя-путешественника. Вступительную статью написал знаток творчества Владимира Клавдиевича Н. С. Кузьмичев. Автор фотоиллюстраций Ю. М. Дунский, истрепавший не одну книгу певца Уссурийского края в походном рюкзаке, сделал свои фотографии в тех местах, где проходил Арсеньев.

Воздухом арсеньевских дебрей дышал и военный топограф Г. Г. Левкин, посвятивший свою жизнь движению к манящей кромке горизонта, чтобы там, за голубоватой дымкой, убрать последние "белые пятна" с карт нашей Родины. Его тропы и тропы путешественника-первопроходца не раз совпадали или пересекались. Он взял на себя труд идентифицировать уже исчезнувшие ныне названия рек, гор и т. п., которые во множестве встречаются у Арсеньева, сделал ценные примечания к тексту.

Редактор В. Ф. Ковтун, не единожды проштудировавший публикуемые в этом томе труды, тоже сделал уточняющие и поясняющие примечания, в основном по биологической части.

Любовно работал над книгой художник А. Н. Посохов. Предложенная им форма документально-образного оформления двухтомника позволяет зримее ощутить атмосферу арсеньевского времени.

Компьютерный набор и верстку осуществил А. Ф. Трухляев. Работать ему, страстному охотнику-любителю, помогал свет утренних зорь — таких же, какие отражались когда-то на лице сурового путешественника.

Материальные затраты по изданию взяла на себя Хабаровская краевая администрация. Ею двигала отнюдь не одна лишь необходимость отметить арсеньевский юбилей. Все вместе мы сегодня не просто "отдаем дань" Владимиру Клавдиевичу — мы убеждены, что его мысли, идеи, предложения не являются достоянием прошлого, а сохраняют злободневность и сегодня...

Словом, все работавшие над двухтомником В. К. Арсеньева старались, чтобы книги эти достойно представляли выдающегося автора, так много сделавшего для познания, развития и просто-напросто известности нашего родного дальневосточного края в этом мире.

Маршруты экспедиций В.К. Арсеньева

Условные обозначения:

1900—1903 гг.
Южное Приморье.
Рекогносцировки и охотничьи экспедиции.
Начало научно-исследовательской работы.

1906 г.
Зауссурийский край.
Военные рекогносцировки. 190 суток в пути,
9 раз пересечен Сихотэ-Алинь.
Экспедиция описана в книге
"По Уссурийскому краю".

1907 г.
Средняя часть Сихотэ-Алиня.
Маршрутные съемки, сбор зоологических,
ботанических, этнографических
и археологических коллекций и предметов.
210 суток в пути, 4 раза пересечен Сихотэ-Алинь.
Экспедиция описана в книге "Дерсу Узала".

1911 г.
Административная экспедиция
от м. Золотой до р. Рудная.
Исследования территории в колонизационном
отношении. 109 дней в пути. 3 раза пересечен Сихотэ-Алинь.
Продолжено историко-естественное изучение района.
Повторно пройдены некоторые
маршруты 1906—1907 гг.

1912—1913 гг.
Административная экспедиция
в Южном и Среднем
Приморье.
Задержано около 1300 браконьеров,
уничтожено более
15000 орудий браконьерского лова
зверей. Продолжено изучение
горной страны Сихотэ-Алинь.

Условная линия хребта Сихотэ-Алинь

Условные обозначения:

1908 - 1910 гг.
Исследование Северного
Сихотэ-Алиня.
Сбор этнографических, геологических,
зоологических и ботанических материалов.
Маршрутные съемки и астрономические
определения пунктов.
Экспедиция описана в книге
"В горах Сихотэ-Алиня".

1917 - 1918 гг.
Исследование Кур-Урмийского
района, хр. Куканский и Джаки-
Унахта-Якбыяна.

1926 г.
Анюйская экспедиция.
В колонизационном отношении исследованы
рр. Немта, Мухен, Пихца, Манома, Тормасу.

1927 г.
Экспедиция от Советской Гавани
до Хабаровска.
Исследование района
для экономического освоения.

Примечания:

1. На схеме не показаны экспедиции в 1918 и 1923 гг. на Камчатку, в 1922 г. - на Охотское побережье (в Гижигинский р-н) и поездка на Командорские острова в 1923 г.

2. Маршруты экспедиций В.К. Арсеньева отличаются от описаний некоторых из них в художественных произведениях писателя и путешественника.

Схему составил Г. Левкин

Хабаровское книжное
издательство

Созданием файла в формате DjVu

занимался ewgeniy-new

(март 2014)